

ЗАТЕРЯННАЯ ЗЕМЛЯ

На заре

время

ЗАТЕРЯННАЯ ЗЕМЛЯ

НПП "Параллель"
Н. Новгород
1995

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

КАРЛ ГЛОУХ

ИОГАННЕС ИЕНСЕН

ЗАТЕРЯННАЯ ЗЕМЛЯ

Оформление, иллюстрации
В. Ан

Затерянная земля: Сборник. — Н. Новгород: НПП “Параллель”, 1995. — 525 с., ил.

ISBN 5-86067-029-X

Сборник “Затерянная земля” продолжает серию “На заре времен”.

В десятый том вошли не издававшиеся с довоенных лет повести чеха Карла Глоуха “Заколдованная земля”, норвежца Иоганнеса Иенсена “Ледник” и рассказы англичан Чарльза Робертса “Первобытный страх” и Кристофера Брисбена “Заветные перья”, а также широко известный роман Артура Конан Дойля “Затерянный мир”.

Если произведения Иенсена, Робертса и Брисбена написаны в жанре доисторической прозы, то Конан Дойль и Глоух используют прием научной фантастики — их герои уже в наше время совершают путешествие в нетронутые цивилизацией местности, где сохранилась фауна и флора давно минувших геологических эпох.

З $\frac{4703010100-029}{5Г2(03)-95}$ без объявления

ББК 84.0

ISBN 5-86067-029-X

© НПП “Параллель”, 1995
© НПП “Параллель”,
Владимир Ан, оформление,
иллюстрации, 1995

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ

Затерянный мир

Scan AAW

Вот бесхитростный рассказ,
И пусть он позабавит вас —
Вас, юношей и ветеранов,
Кому стареть пока что рано.

Глава 1

Человек — сам творец своей славы

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда, весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убежден, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуется немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он сла-

беньким, но преисполненным ужаса голосом. — Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим ответом, вскочил с кресла, отчитал меня за мое всегдашнее легкомыслие, лишающее его возможности обсуждать со мной серьезные вопросы, и выбежал из комнаты переодеться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и ее гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров «Дейли-газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность, настороженность — наследие тех суровых времен, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый; не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Несмотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далеких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали ее холодной и черствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — все это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать ее любовь. Но будь что будет — довольно неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от нее ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного брата!

Вот какие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд темных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть все будет по-старому, так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе.

— Почему вы догадались? — Удивление мое было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Не-

ужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринужденно говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чем дело... столь же непринужденно я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции. — Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник, но факт остается фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих. — Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы все испортили! — сказала она. — Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит это! Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый это придумал! — взмолился я. — Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, все бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить.

— Тогда надо ждать, когда любовь придет сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте все обсудим. Ну, не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне ее сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит все это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черед вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своем идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на мое изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек еще не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на все, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила ее.

— Прежде всего вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твердая, суровая и не захочет с такой готовностью приспособливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное — он человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что ответ ее падет и на меня. Вспомните Ричарда Бертона. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из ее книги о муже? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенного тона нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бертонами и Стенли, — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилось, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идет навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я еще не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек — сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъем был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверно, она возбуждает зависть у других! Пусть же мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало в вас требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задохлись от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала. — Она с интересом посмотрела на меня. — Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на нет всю романтику. Но все равно, я очень рада, что вы спустились в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутой мне руки — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я. — Кому же и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий случай, и тогда посмотрим, сумею ли я воспользоваться им. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придет ему в руки. Да вот хотя бы Клайв! Скромный клерк, а покорила Индию! Нет, клянусь вам, я еще покажу миру, на что я способен!

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого все — молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я...

Ее рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию. У меня просто не хватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим наш сегодняшний разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твердо решив не упустить ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему!

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без нее не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевленный мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пуститься наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!

Представьте же себе, как я, пятая спица в колеснице «Дейли-газетт», провел этот вечер в редакции, когда в голове моей созрело непоколебимое решение: если удастся, сегодня же найти возможность совершить подвиг, который будет достоин моей Глэдис. Что руководило этой девушкой, заставившей меня рисковать жизнью ради ее прославления, — бессердечие, эгоизм? Такие мысли могут смущать в зрелом возрасте, но никак не в двадцать три года, когда человек познает пыл первой любви.

Глава 2

Попытайте счастья у профессора Челленджера

Я всегда любил нашего редактора отдела «Последние новости», рыжего ворчуна Мак-Ардла, и полагаю, что он тоже неплохо ко мне относился. Нашим настоящим властелином был, разумеется, Бомонт, но он обычно обитал в разреженной атмосфере олимпийских высот, откуда взору его открывались только такие события, как международные кризисы или крах кабинета министров. Иногда мы видели, как он величественно шествует в свое святилище, устремив взгляд в пространство и витая мысленно где-нибудь на Балканах или в Персидском заливе. Для нас Бомонт оставался недосыгаемым, и мы обычно имели дело с Мак-Ардлом, который был его правой рукой.

Когда я вошел в редакцию, старик кивнул мне и сдвинул очки на лысину.

— Ну-с, мистер Мелоун, судя по всему, что мне приходится слышать, вы делаете успехи, — приветливо сказал он.

Я поблагодарил его.

— Ваш очерк о взрыве на шахте превосходен. То же самое могу сказать и про корреспонденцию о пожаре в Саутуорке. У вас все данные хорошего журналиста. Вы пришли по какому-нибудь делу?

— Хочу попросить вас об одном одолжении.

Глаза у Мак-Ардла испуганно забегали по сторонам.

— Гм! Гм! А в чем дело?

— Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю все, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

— А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мелоун?

— Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу газету, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

— Вы, кажется, не прочь распротиться с жизнью.

— Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

— Дорогой мой мистер Мелоун, вы уж слишком... слишком воспарили. Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов

тов перестали оправдывать себя. И, во всяком случае, такие поручения даются человеку с именем, который уже завоевал доверие публики. Белые пятна на карте давно заполнены, а вы ни с того ни с сего размышляли о романтических приключениях! Впрочем, стойте, — добавил он и вдруг улыбнулся. — Кстати, о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхаузена, и поднимем его на смех? Отчего бы вам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?

— Что угодно, куда угодно — я готов на все!

Мак-Арлл погружился в размышления.

— Есть один человек, — сказал он наконец, — только не знаю, удастся ли вам завязать с ним знакомство или хотя бы добиться интервью. Впрочем, у вас, кажется, есть дар располагать к себе людей. Не пойму, в чем тут дело — то ли вы такой уж симпатичный юноша, то ли это животный магнетизм, то ли ваша жизнерадостность, — но я сам на себе это испытал.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Так вот, почему бы вам не попытаться счастья у профессора Челленджера? Он живет в Энмор-Парке.

Должен признаться, что я был несколько озадачен таким предложением.

— Челленджер? Знаменитый зоолог профессор Челленджер? Это не тот, который проломил череп Бланделлу из «Телеграфа»?

Редактор отдела «Последние новости» мрачно усмехнулся:

— Что, не нравится? Вы же были готовы на любое приключение!

— Нет, почему же? В нашем деле бывает всякое, сэр, — ответил я.

— Совершенно верно. Впрочем, не думаю, чтобы он всегда бывал в таком свирепом настроении. Бланделл, очевидно, не вовремя к нему попал или не так с ним обошелся. Надеюсь, что вы будете удачливее. Полагаюсь также на присущий вам такт. Это как раз по вашей части, а газета охотно поместит такой материал.

— Я ровным счетом ничего не знаю об этом Челленджере. Помню только его имя в связи с судебным процессом об избиении Бланделла, — сказал я.

— Кое-какие сведения у меня найдутся, мистер Мелоун. В свое время я интересовался этим субъектом. — Он вынул из ящика лист бумаги. — Вот вкратце, что о нем известно: «*Челленджер Джордж Эдуард*. Родился в Ларгсе в 1863 году. Образование: школа в Ларгсе, Эдинбургский университет. В 1892 году — ассистент Британского музея. В 1893 году — помощник хранителя отдела в Музее сравнительной антропологии. В том же году покинул это место, обменявшись ядовитыми письмами с директором музея. Удостоен медали за научные исследования в области зоологии. Член иностранных обществ...» Ну, тут следует длиннейшее пере-

числение, строк на десять пѣтита: Бельгийское общество, Американская академия, Ла-Плата и так далее, экс-президент Палеонтологического общества, Британская ассоциация и тому подобное. *Печатные труды:* «К вопросу о строении черепа калмыков», «Очерки эволюции позвоночных» и множество статей, в том числе «Ложная теория Вейсмана», вызвавшая горячие споры на Венском зоологическом конгрессе. *Любимые развлечения:* пешеходные прогулки, альпинизм. *Адрес:* Энмор-Парк, Кенсингтон. Вот, возьмите это с собой. Сегодня я вам больше ничем не могу помочь.

Я спрятал листок в карман и, увидев, что вместо краснощекой физиономии Мак-Ардла на меня смотрит его розовая лысина, сказал:

— Одну минутку, сэр. Мне не совсем ясно, по какому вопросу нужно взять интервью у этого джентльмена. Что он такое совершил?

Глазам моим снова предсталась краснощекая физиономия.

— Что он совершил? Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал, несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал было весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать, более чем вероятно. Ссылается на испорченные фотографии, как утверждают, фальсифицированные. До того его довели, что он стал

буквально кидаться на всех, кто обращается к нему с вопросами, и уже не одного репортера спустил с лестницы. На мой взгляд, это просто-напросто профан, балующийся наукой и к тому же одержимый манией человекоубийства. Вот с кем вам придется иметь дело, мистер Мелоун. А теперь марш отсюда и постарайтесь выжать из него все, что можно. Вы человек взрослый и сумеете постоять за себя. В конце концов риск не так уж велик, принимая во внимание закон об ответственности работодателей.

Ухмыляющаяся красная физиономия снова скрылась у меня из глаз, и я увидел розовый овал, окаймленный рыжеватым пушком. Наша беседа была закончена.

Я отправился в свой клуб «Дикарь», но по дороге остановился у парапета Адельфи-Террас и в раздумье долго смотрел вниз на темную, подернутую радужными масляными разводами реку. На свежем воздухе мне всегда приходят в голову здравые, ясные мысли. Я вынул лист бумаги с перечнем всех подвигов профессора Челленджера и пробежал его при свете уличного фонаря. И тут на меня нашло вдохновение, иначе это никак не назовешь. Судя по всему, что я уже узнал об этом сварливом профессоре, было ясно: репортеру к нему не пробраться. Но скандалы, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, говорили о том, что он фанатик науки. Так вот, нельзя ли сыграть на этой его слабости? Попробуем!

Я вошел в клуб. Было начало двенадцатого, и в гостиной уже толпился народ, хотя до полного сбора было еще далеко. В кресле у камина сидел какой-то высокий, худой человек. Он повернулся ко мне лицом в ту минуту, когда я пододвинул свое кресло ближе к огню. О такой встрече я мог только мечтать! Это был сотрудник журнала «Природа» — тощий, весь высохший Тари Генри, добрейшее существо в мире. Я немедленно приступил к делу.

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— О Челленджере? — Тарп недовольно нахмурился. — Челленджер — это тот самый человек, который рассказывал всякие небылицы о своей поездке в Южную Америку.

— Какие небылицы?

— Да он будто бы открыл там каких-то диковинных животных. В общем, невероятная чушь. В дальнейшем его, кажется, заставили отречься от своих слов. Во всяком случае, он замолчал. Последняя его попытка — интервью, данное Рейтеру. Но оно вызвало такую бурю, что он сразу понял: дело плохо. Вся эта история носит скандальный характер. Кое-кто принял его рассказы всерьез, но вскоре он и этих немногочисленных защитников оттолкнул от себя.

— Каким образом?

— Своей невероятной грубостью и возмутительным поведением. Бедняга Уэдди из Зоологического института тоже нарвался на неприятность. Послал ему письмо такого содержания: «Президент

Зоологического института выражает свое уважение профессору Челленджеру и сочтет за любезность с его стороны, если он окажется институту честь присутствовать на его очередном заседании». Ответ был совершенно нецензурный.

— Да не может быть!

— В сильно смягченном виде он звучит так: «Профессор Челленджер выражает свое уважение президенту Зоологического института и сочтет за любезность с его стороны, если он провалится ко всем чертям».

— Господи боже!

— Да, то же самое, должно быть, сказал и старик Уэдди. Я помню его вопль на заседании: «За пятьдесят лет общения с деятелями науки...» Старик совершенно потерял почву под ногами.

— Ну, а что еще вы мне расскажете об этом Челленджере?

— Да ведь я, как вам известно, бактериолог. Живу в мире, который виден в микроскоп, дающий увеличение в девятьсот раз, а то, что открывается невооруженному глазу, меня мало интересует. Я стою на страже у самых пределов Познаваемого, и, когда мне приходится покидать свой кабинет и сталкиваться с людьми, существами неуклюжими и грубыми, это всегда выводит меня из равновесия. Я человек сторонний, мне не до сплетен, но тем не менее кое-что из пересудов о Челленджере дошло и до меня, ибо он не из тех людей, от которых можно просто-напросто отмахнуться. Челленджер — умница. Это сгусток человеческой силы и жизнеспособности, но в то же время он оголтелый фанатик и к тому же не стесняется в средствах для достижения своих целей. Этот человек дошел до того, что ссылается на какие-то фотографии, явно фальсифицированные, утверждая, будто они привезены из Южной Америки.

— Вы называли его фанатиком. В чем же его фанатизм проявляется?

— Да в чем угодно! Последняя его выходка — нападки на теорию эволюции Вейсмана. Говорят, что в Вене он устроил грандиозный скандал по этому поводу.

— Вы не можете рассказать подробнее, в чем тут дело?

— Нет, сейчас не могу, но у нас в редакции есть переводы протоколов Венского конгресса. Если хотите ознакомиться, пойдете, я покажу их вам.

— Это было бы очень кстати. Мне поручено взять интервью у этого субъекта, так вот надо подобрать к нему какой-то ключ. Большое вам спасибо за помощь. Если еще не поздно, то пойдете.

Полчас спустя я сидел в редакции журнала, а передо мной лежал объемистый том, открытый на статье «Вейсман против Дарвина» с подзаголовком «Бурные протесты в Вене. Оживленные прения». Мои научные познания не отличаются фундаментальностью, поэтому я не мог вникнуть в самую суть спора, тем не менее мне сразу стало ясно, что английский профессор вел его в

крайне резкой форме, чем сильно разгневал своих континентальных коллег. Я обратил внимание на первые же три пометки в скобках: «Протестующие возгласы с мест», «Шум в зале», «Общее возмущение». Остальная часть отчета была для меня настоящей китайской грамотой. Я до такой степени мало разбирался в вопросах зоологии, что ничего не понял.

— Вы хоть бы перевели мне это на человеческий язык! — жалобно взмолился я, обращаясь к своему коллеге.

— Да это и есть перевод!

— Тогда я лучше обращусь к оригиналу.

— Действительно, непосвященному трудно понять, в чем тут дело.

— Мне бы только извлечь из всей этой абракадабры одну-единственную осмысленную фразу, которая заключала бы в себе какое-то определенное содержание! Ага, вот эта, кажется, подойдет. Я даже почти понимаю ее. Сейчас перепишем. Пусть она послужит связующим звеном между мной и вашим грозным профессором.

— Больше от меня ничего не потребуется?

— Нет-нет, подождите! Я хочу обратиться к нему с письмом. Если вы разрешите написать его здесь и воспользоваться вашим адресом, это придаст более внушительный тон моему посланию.

— Тогда этот субъект немедленно нагрянет сюда со скандалом и переломает нам всю мебель.

— Нет, что вы! Письмо я вам покажу. Уверю вас, там не будет ничего оскорбительного.

— Ну что ж, садитесь за мой стол. Бумагу найдете вот здесь. И, прежде чем отсылать письмо, дайте его мне на цензуру.

Мне пришлось порядочно потрудиться, но в конце концов результаты получились неплохие. Гордый своим произведением, я прочел его вслух скептически настроенному бактериологу:

— «Глубокоуважаемый профессор Челленджер! Будучи скромным естествоиспытателем, я с глубочайшим интересом следил за теми предположениями, которые Вы высказывали по поводу противоречий между теориями Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представилась возможность освежить в памяти Ваше...»

— Бессовестный лгун! — пробормотал Тарп Генри.

— «...Ваше блестящее выступление на Венском конгрессе. Этот предельно четкий по изложенным в нем мыслям доклад следует считать последним словом науки в области естествознания. Однако там есть одно место, а именно: «Я категорически возражаю против неприемлемого и сверхдогматического утверждения, будто каждый обособленный индивид есть микрокосм, обладающий исторически сложившимся строением организма, выработавшимся постепенно в течение многих поколений». Не считаете ли Вы нужным в связи с последними изысканиями в этой области внести некоторые поправки в свою точку зрения? Нет ли в ней некоторой

натяжки? Не откажите в любезности принять меня, так как мне крайне важно разрешить этот вопрос, а некоторые возникшие у меня мысли можно развить только в личной беседе. С Вашего позволения, я буду иметь честь посетить Вас послезавтра (в среду) в одиннадцать часов утра. Остаюсь, сэръ, Вашим покорным слугой, уважающий Вас *Эдуард Д. Мелон*».

— Ну, как? — торжествующе спросил я.

— Что ж, если ваша совесть не протестует...

— Она меня никогда не подводила.

— Но что вы собираетесь делать дальше?

— Пойду к нему. Мне бы только пробраться в его кабинет, а там я соображу, как надо действовать. Может быть, даже придется чистосердечно во всем покаяться. Если в нем есть спортивная жилка, я ему только ужогу этим.

— Угодите? Берегитесь, как бы он в вас сам не угодил чем-нибудь тяжелым. Советую вам облачиться в колючугу или в американский футбольный костюм. Ну, всего хорошего. Ответ будет ждать вас здесь в среду утром, если только он соблаговолит ответить. Это свирепый, опасный субъект, предмет всеобщей неприязни и посмешище для студентов, поскольку они не боятся дразнить его. Для вас, пожалуй, было бы лучше, если б вы никогда и не слыхали о нем.

Глава 3

Это совершенно невозможный человек!

Опасениям или надеждам моего друга не суждено было оправдаться. Когда я зашел к нему в среду, меня ждало письмо с кенсингтонским штемпелем. Адрес был нацарапан почерком, похожим на колючую проволоку. Содержание письма было следующее:

«Энмор-Парк, Кенсингтон.

Сэр! Я получил Ваше письмо, в котором Вы заверяете меня, что поддерживаете мою точку зрения, каковая, впрочем, не нуждается ни в чьей поддержке. Говоря о моей теории по поводу дарвинизма, Вы взяли на себя смелость употребить слово «предположения». Считаю необходимым отметить, что в данном контексте оно является до некоторой степени оскорбительным. Впрочем, содержание Вашего письма убеждает меня, что Вас можно обвинить скорее в невежестве и бестактности, чем в каких-либо дурных намерениях, а посему это пройдет Вам безнаказанным. Вы цитируете выхваченную из моего доклада фразу и, видимо, не совсем понимаете ее. Мне казалось, что смысл этой фразы может остаться

неясным только для существа, стоящего на самой низшей ступени развития, но если она действительно требует дополнительного толкования, то я согласен принять Вас в указанное Вами время, хотя всякие посещения и всякие посетители мне крайне неприятны. Что же касается «некоторых поправок» к моей теории, то да будет Вам известно, что, высказав по зрелом рассуждении свои взгляды, я не имею привычки менять их. Когда Вы придете, будьте любезны показать конверт от этого письма моему лакею Остину, ибо ему вменяется в обязанность ограждать меня от навязчивых негодяев, именующих себя репортерами.

Уважающий Вас *Джордж Эдуард Челленджер*».

Таков был полученный мною ответ, и я прочитал его вслух Тарпу Генри, который нарочно пришел пораньше в редакцию, чтобы узнать результаты моей смелой попытки. Тарп ограничился лишь следующим замечанием:

— Говорят, есть какое-то кровоостанавливающее средство — кутикура или что-то в этом роде, действует лучше арники.

Станным и непонятным чувством юмора наделены некоторые люди!

Я получил письмо в половине одиннадцатого, но кэб без опозданий доставил меня к месту моего назначения. Дом, у которого мы остановились, был весьма внушительного вида, с большим порталом и тяжелыми шторами на окнах, что свидетельствовало о благосостоянии этого грозного профессора. Дверь мне открыл смуглый, сухонький человек неопределенного возраста, в черной матросской куртке и коричневых кожаных гетрах. Впоследствии я узнал, что это был шофер, которому приходилось выполнять самые разнообразные обязанности, так как лакеи в этом доме не уживались. Его светло-голубые глаза испытующе оглядели меня с головы до ног.

— Вас ожидают? — спросил он.

— Да, мне назначено.

— Письмо при вас?

Я показал конверт.

— Правильно.

Этот человек явно не любил тратить слов попусту. Я последовал за ним по коридору, как вдруг навстречу мне из дверей, ведущих, должно быть, в столовую, быстро вышла женщина. Живая, черноглазая, она походила скорее на французженку, чем на англичанку.

— Одну минутку, — сказала эта леди. — Подождите, Остин. Пройдите сюда, сэр. Разрешите вас спросить, вы встречались раньше с моим мужем?

— Нет, сударыня, не имел чести.

— Тогда я заранее приношу вам свои извинения. Должна вас предупредить, что это совершенно невозможный человек, в пол-

ном смысле слова невозможный! Зная это, вы будете снисходительнее к нему.

— Я ценю такое внимание, сударыня.

— Как только вы заметите, что он начинает выходить из себя, сейчас же бегите вон из комнаты. Не перечьте ему. За такую неосторожность уже многие заплатились. А потом дело получает огласку, и это очень плохо отражается и на мне, и на всех нас. О чем вы собираетесь говорить с ним — не о Южной Америке?

Я не могу лгать женщинам.

— Боже мой! Это самая опасная тема. Вы не поверите ни единому его слову, и, по правде сказать, это вполне естественно. Только не выражайте своего недоверия вслух, а то он начнет буйствовать. Притворитесь, что верите ему, тогда, может быть, все сойдет благополучно. Не забывайте, он убежден в собственной правоте. В этом вы можете не сомневаться. Он сама честность. Теперь идите — как бы ему не показалась подозрительной такая задержка, — а когда увидите, что он становится опасен, по-настоящему опасен, позвоните в колокольчик и постарайтесь сдержать его до моего прихода. Я обычно справляюсь с ним даже в самые тяжелые минуты.

С этим ободряющим напутствием леди передала меня на попечение молчаливого Остина, который во время нашей краткой беседы стоял, словно вылитая из бронзы статуя, олицетворяющая величайшую скромность. Он повел меня дальше. Стук в дверь, ответный рев разъяренного быка изнутри, и я оказался лицом к лицу с профессором.

Он сидел на вращающемся стуле за широким столом, заваленным книгами, картами, чертежами. Как только я переступил порог, вращающийся стул круто повернулся. У меня перехватило дыхание при виде этого человека. Я был готов встретить не совсем обычную личность, но такое мне даже не мерещилось. Больше всего поражали его размеры. Размеры и величественная осанка. Такой огромной головы мне в жизни же приходилось видеть. Если б я осмелился примерить его цилиндр, то, наверно, ушел бы в него по самые плечи. Лицо и борода профессора невольно вызвали в уме представление об ассирийских быках. Лицо большое, мясистое, борода квадратная, иссиня-черная, волной спадающая на грудь. Необычное впечатление производили и волосы — длинная прядь, словно приклеенная, лежала на его высоком, крутом лбу. У него были ясные серо-голубые глаза под мохнатыми черными бровями, и он взглянул на меня критически и весьма властно. Я увидел широчайшие плечи, могучую грудь колесом и две огромные руки, густо заросшие длинными черными волосами. Если прибавить ко всему этому раскатисто-рыкающий, громоподобный голос, то вы поймете, каково было мое первое впечатление от встречи со знаменитым профессором Челленджером.

— Ну? — сказал он, с вызывающим видом уставившись на меня. — Что вам угодно?

Мне стало ясно, что если я сразу во всем признаюсь, то это интервью не состоится.

— Вы были настолько добры, сэр, что согласились принять меня, — смиренно начал я, протягивая ему конверт.

Он вынул из ящика стола мое письмо и положил его перед собой.

— Ах, вы тот самый молодой человек, который не понимает азбучных истин? Однако, насколько я могу судить, мои общие выводы удостоились вашей похвалы?

— Безусловно, сэр, безусловно! — Я постарался вложить в эти слова всю силу убеждения.

— Скажите, пожалуйста! Как это подкрепляет мои позиции! Ваш возраст и ваша внешность делают такую поддержку вдвойне ценной. Ну что ж, лучше уж иметь дело с вами, чем со стадом свиней, которые набросились на меня в Вене, хотя их визг не более оскорбителен, чем хрюканье английского борова. — И он яростно сверкнул на меня глазами, сразу сделавшись похожим на представителя вышеупомянутого племени.

— Они, кажется, вели себя возмутительно, — сказал я.

— Ваше сочувствие неуместно! Смеею вас уверить, что я сам могу справиться со своими врагами. Приприте Джорджа Эдуарда Челленджера спиной к стене, сэр, и большей радости вы ему не доставите. Так вот, сэр, давайте сделаем все возможное, чтобы сократить ваш визит. Вас он вряд ли осчастливит, а меня и подавно. Насколько я понимаю, вы хотели высказать какие-то свои соображения по поводу тех тезисов, которые я выдвинул в докладѣ.

В его манере разговаривать была такая бесцеремонная прямолинейность, что хитрить с ним оказалось нелегко. Все-таки я решил затянуть эту игру в расчете на то, что мне представится возможность сделать лучший ход. На расстоянии все складывалось так просто! О, моя ирландская находчивость, неужели ты не можешь мне сейчас, когда я больше всего в тебе нуждаюсь? Пронзительный взгляд стальных глаз лишил меня сил.

— Ну-с, не заставляйте себя ждать! — прогремел профессор.

— Я, разумеется, только начинаю приобщаться к науке, — сказал я с глупейшей улыбкой, — и не претендую на большее, чем звание скромного исследователя. Тем не менее мне кажется, что в этом вопросе вы проявили излишнюю строгость к Вейсману. Разве полученные с тех пор доказательства не... не укрепляют его позиции?

— Какие доказательства? — Он проговорил это с угрожающим спокойствием.

— Мне, разумеется, известно, что *прямых* доказательств пока еще нет. Я ссылаюсь, если можно так выразиться, на общий ход современной научной мысли.

Профессор наклонился над столом, устремив на меня сосредоточенный взгляд.

— Вам должно быть известно, — сказал он, загибая по очереди пальцы на левой руке, — что, во-первых, черепной указатель есть фактор постоянный.

— Безусловно! — ответил я.

— И что телегония пока еще *sub judice**?

— Несомненно!

— И что зародышевая плазма отличается от партеногенетического яйца?

— Ну еще бы! — воскликнул я, восхищаясь собственной наглостью.

— А что это доказывает? — спросил он мягким, вкрадчивым голосом.

— И в самом деле, — проямлил я, — что же это доказывает?

— Сказать вам? — все так же вкрадчиво проговорил профессор.

— Будьте так любезны.

— Это доказывает, — с неожиданной яростью взревел он, — что второго такого шарлатана не найдется во всем Лондоне! Вы гнусный, наглый репортериска, который имеет столь же отдаленное понятие о науке, сколь и о минимальной человеческой порядочности!

Он вскочил со стула. Глаза его горели сумасшедшей злобой. И все же даже в эту напряженную минуту я не мог не изумиться, увидев, что профессор Челленджер маленького роста. Он был мне по плечо — эдакий приплюснутый Геркулес, вся огромная жизненная мощь которого словно ушла вширь, вглубь да еще в черепную коробку.

— Я молот чепуху, сэр! — возопил он, опершись руками о стол и вытянув вперед шею. — Я нес несусветный вздор! И вы вздумали тягаться со мной — вы, у которого весь мозг с лесной орешек! Эти проклятые писаки возомнили себя всесильными! Они думают, будто одного их слова достаточно, чтобы возвеличить человека или смешать его с грязью. Мы все должны кланяться им в ножки, вымаливая похвалу. Вот этому надо оказать протекцию, а этого изничтожить... Я знаю вашу подлую натуру! Уж очень высоко вы стали забирать! Было время, ходили смирененькие, а теперь зарвались, удержу вам нет. Пустомели несчастные! Я поставлю вас на место! Да, сэр, Джордж Эдуард Челленджер вам не пара. Этот человек не позволит собой командовать. Он предупреждал вас, но если вы все-таки лезете к нему, пеняйте потом на себя. Фант, любезнейший мистер Мелун! С вас причитается фант! Вы затеяли опасную игру и, на мой взгляд, остались в проигрыше.

— Послушайте, сэр, — сказал я, пятясь к двери и открывая ее, — вы можете браниться, сколько вашей душе угодно, но всему есть предел. Я не позволю налетать на меня с кулаками!

— Ах, не позволите? — он начал медленно, с угрожающим

* Под сомнением (*лат.*).

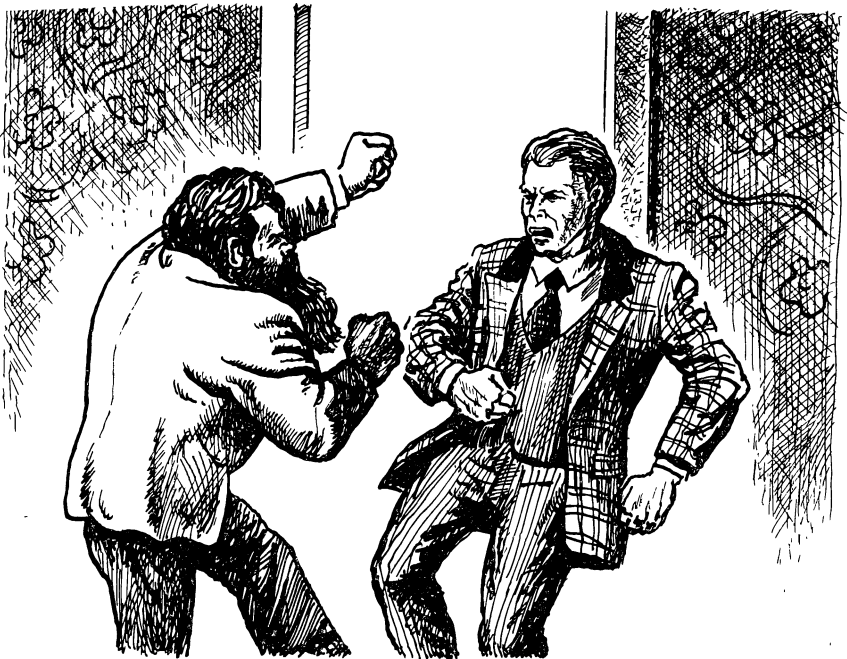
видом наступать на меня, потом вдруг остановился и сунул свои огромные ручищи в карманы коротенькой куртки, приличествующей больше мальчику, чем взрослому мужчине. — Мне не впервой выкидывать из дома таких субъектов. Вы будете четвертым или пятым по счету. За каждого уплачен штраф в среднем по три фунта пятнадцать шиллингов. Дороговато, но ничего не поделаешь: необходимость! А теперь, сэр, почему бы вам не пойти по стопам ваших коллег? Я лично думаю, что это неизбежно. — Он снова начал свое крайне неприятное для меня наступление, выставлял носки в стороны, точно заправский учитель танцев.

Я мог бы стремглав броситься в холл, но счит такое бегство позорным. Кроме того, справедливый гнев уже начинал разгораться у меня в душе. До сих пор мое поведение было в высшей степени предосудительно, но угрозы этого человека сразу вернули мне чувство собственной правоты.

— Руки прочь, сэр! Я не потерплю этого!

— Скажите, пожалуйста! — Его черные усы вздернулись вверх, между раздвинувшимися в злобной усмешке губами сверкнули ослепительно белые клыки. — Так вы этого не потерпите?

— Не стройте из себя дурака, профессор! — крикнул я. — На что вы рассчитываете? Во мне больше двухсот фунтов весу. Я крепок, как железо, и каждую субботу играю в регби в ирландской сборной. Вам со мной не...

Но в эту минуту он ринулся на меня. К счастью, я уже успел открыть дверь, иначе от нее остались бы одни щепки. Мы колесом прокатились по всему коридору, каким-то образом прихватив по дороге стул. Профессорская борода забила мне весь рот, мы стискивали друг друга в объятиях, тела наши тесно переплелись, а ножки этого проклятого стула так и крутились над нами. Бдительный Остин распахнул настежь входную дверь. Мы кувырком скатились вниз по ступенькам. Я видел, как братья Мэк исполняли нечто подобное в мюзик-холле, но, должно быть, этот аттракцион требует некоторой практики, иначе без членовредительства не обойтись. Ударившись о последнюю ступеньку, стул рассыпался на мелкие кусочки, а мы, уже порознь, очутились в водосточной канаве. Профессор вскочил на ноги, размахивая кулаками и хрипя, как астматик.

— Довольно с вас? — крикнул он, еле переводя дух.

— Хулиган! — ответил я и с трудом поднялся с земли.

Мы чуть было не схватились снова, так как боевой дух еще не угас в профессоре, но судьба вывела меня из этого дурацкого положения. Рядом с нами вырос полисмен с записной книжкой в руках.

— Что это значит? Как вам не совестно! — сказал он. Это были самые здравые слова, которые мне пришлось услышать в Энмор-Парке. — Ну, — допытывался полисмен, обращаясь ко мне, — объясните, что это значит.

— Он сам на меня напал, — сказал я.

— Это верно, что вы первый напали? — спросил полисмен.

Профессор только засопел в ответ.

— И это не первый случай, — сказал полисмен, строго покачивая головой. — У вас и в прошлом месяце были неприятности по точно такому же поводу. У молодого человека подбит глаз. Вы предъявляете ему обвинение, сэр?

Я вдруг сменил гнев на милость:

— Нет, не предъявляю.

— Это почему же? — спросил полисмен.

— Тут есть и моя доля вины. Я сам к нему напросился. Он честно предостерегал меня.

Полисмен захлопнул книжку.

— Чтобы эти безобразия больше не повторялись, — сказал он. — Ну, нечего! Расходитесь! Расходитесь!

Это относилось к мальчику из мясной лавки, к горничной и двум-трем зевакам, которые уже успели собраться вокруг нас. Полисмен тяжело зашагал по тротуару, гоня перед собой это маленькое стадо. Профессор взглянул на меня, и в глазах у него мелькнула смешливая искорка.

— Входите! — сказал он. — Наша беседа еще не кончилась.

Хотя эти слова прозвучали зловеще, но я последовал за ним в дом. Лакей Остин, похожий на деревянную статую, закрыл за нами дверь.

Это величайшее в мире открытие!

Не успела дверь за нами захлопнуться, как из столовой выбежала миссис Челленджер. Эта крошечная женщина была вне себя от гнева. Она стала перед своим супругом, точно растревоженная клушка, грудью встречающая бульдога. Очевидно, миссис Челленджер была свидетельницей моего изгнания, но не заметила, что я уже успел вернуться.

— Джордж! Какое зверство! — возопила она. — Ты искалечил этого милого юношу!

— Вот он сам, жив и невредим!

Миссис Челленджер смутилась, но быстро овладела собой.

— Простите, я вас не видела.

— Не беспокойтесь, сударыня, ничего страшного не случилось.

— Но он поставил вам синяк под глазом! Какое безобразие! У нас недели не проходит без скандала! Тебя все ненавидят, Джордж, над тобой все издеваются! Нет, моему терпению пришел конец! Это переполнило чашу!

— Перетряхиваешь грязное белье на людях! — загремел профессор.

— Это ни для кого не тайна! — крикнула она. — Неужели ты думаешь, что всей нашей улице, да если уж на то пошло — всему Лондону не известно... Остин, вы нам не нужны, можете идти. Тебе перемывают косточки все кому не лень. Ты забываешь о чувстве собственного достоинства. Ты, которому следует быть профессором в большом университете, пользоваться уважением студентов! Где твое достоинство, Джордж?

— А где твое, моя дорогая?

— Ты довел меня бог знает до чего! Хулиган, отъявленный хулиган! Вот во что ты превратился!

— Джесси, возьми себя в руки.

— Беспардонный скандалист!

— Довольно! К позорному столбу за такие слова! — сказал профессор.

И, к моему величайшему изумлению, он нагнулся, поднял жену и поставил ее на высокий постамент из черного мрамора, стоявший в углу холла. Постамент этот, вышиной по меньшей мере в семь футов, был такой узкий, что миссис Челленджер еле могла удержаться на нем. Трудно было представить себе более нелепое зрелище — боясь свалиться оттуда, она словно окаменела с искаженным от ярости лицом и только чуть переступала с ноги на ногу.

— Сними меня! — наконец взмолилась миссис Челленджер.

— Скажи «пожалуйста».

— Это безобразие, Джордж! Сними меня сию же минуту!

— Мистер Мелоун, пойдите ко мне в кабинет.

— Но помилуйте, сэр!.. — сказал я, глядя на его жену.

— Слышишь, Джесси? Мистер Мелоун ходатайствует за тебя. Скажи «пожалуйста», тогда сниму.

— Безобразия! Ну, пожалуйста, пожалуйста!

Он снял ее с такой легкостью, словно она весила не больше канарейки.

— Веди себя прилично, дорогая. Мистер Мелоун — представитель прессы. Завтра же он тиснет все это в своей ничтожной газетке и большую часть тиража распродаст среди наших соседей. «Странные причуды одной высокопоставленной особы». Высокопоставленная особа — это ты, Джесси, вспомни, куда я тебя посадил несколько минут назад. Потом подзаголовок: «Из быта одной оригинальной супружеской четы». Этот мистер Мелоун ничем не побрезгает, он питается падалью, подобно всем своим собратьям, — *rogus ex grege diaboli* — свинья из стада дьяволова. Правильно я говорю, мистер Мелоун?

— Вы и в самом деле невыносимы, — с горячностью сказал я. Профессор захохотал.

— Вы двое, пожалуй, заключите против меня союз, — прогудел он, выпятив свою могучую грудь и поглядывая то в мою сторону, то на жену. Потом уже совсем другим тоном: — простите нам эти невинные семейные развлечения, мистер Мелоун. Я предложил вам вернуться совсем не для того, чтобы делать вас участником наших безобидных перепалок. Ну-с, сударыня, марш отсюда и не извольте гневаться. — Он положил свои огромные ручищи ей на плечи. — Ты права, как всегда. Если б Джордж Эдуард Челленджер слушался твоих советов, он был бы гораздо более почтенным человеком, но только не самим собой. Почтенных людей много, моя дорогая, а Джордж Эдуард Челленджер один на свете. Так что постарайся как-нибудь поладить с ним. — Он вlepил жене звучный поцелуй, что смутило меня куда больше, чем все его дикие выходки. — А теперь, мистер Мелоун, — продолжал профессор, снова принимая величественный вид, — будьте добры пожаловать сюда.

Мы вошли в ту же самую комнату, откуда десять минут назад вылетели с таким грохотом: Профессор тщательно прикрыл за собой дверь, усадил меня в кресло и сунул мне под нос ящик с сигарами.

— Настоящие «Сан-Хуан Колорадо», — сказал он. — На таких легковозбудимых людей, как вы, наркотики хорошо действуют. Боже мой! Ну кто же откусывает кончик! Отрежьте — надо иметь уважение к сигаре! А теперь откиньтесь на спинку кресла и слушайте внимательно все, что я соблаговолю сказать вам. Если будут какие-нибудь вопросы, потрудитесь отложить их до более подходящего времени. Прежде всего о вашем возвращении в мой дом после вполне справедливого изгнания. — Он выпятил вперед бороду и уставился на меня с таким видом, словно только и ждал,

что я опять ввяжусь в спор. — Итак, повторяю: после вполне заслуженного вами изгнания. Почему я пригласил вас вернуться? Потому, что мне понравился ваш ответ этому наглому полисмену. Я усмотрел в нем некоторые проблески добропорядочности, не свойственной представителям вашей профессии. Признав, что вина лежит на вас, вы проявили известную непредвзятость и широту взглядов, кои заслужили мое благосклонное внимание. Низшие представители человеческой расы, к которым, к несчастью, принадлежите и вы, всегда были вне моего умственного кругозора. Ваши слова сразу включили вас в поле моего зрения. Мне захотелось познакомиться с вами поближе, и я предложил вам вернуться. Будьте любезны стряхивать пепел в маленькую японскую пепельницу вон на том бамбуковом столике, который стоит возле вас.

Все это профессор выпалил без единой задержки, точно читал лекцию студентам. Он сидел лицом ко мне, напыжившись, как огромная жаба, голова у него была откинута назад, глаза презрительно прищурены. Потом он вдруг повернулся боком, так что мне стал виден только клочок его волос над оттопыренным красным ухом, переворошил кучу бумаг на столе и вытащил оттуда какую-то весьма потрепанную книжку.

— Я хочу рассказать вам кое-что о Южной Америке, — начал он. — Свои замечания можете оставить при себе. Прежде всего будьте любезны запомнить: то, о чем вы сейчас услышите, я запрещаю предавать огласке в какой бы то ни было форме до тех пор, пока вы не получите на это соответствующего разрешения от меня. Разрешение это, по всей вероятности, никогда не будет дано. Понятно?

— К чему же такая чрезмерная строгость? — сказал я. — Помоему, беспристрастное изложение...

Он положил книжку на стол.

— Больше нам говорить не о чем. Желало вам всего хорошего.

— Нет, нет! Я согласен на любые условия! — вскричал я. — Ведь выбирать мне не приходится.

— О выборе не может быть и речи, — подтвердил он.

— Тогда обещаю вам молчать.

— Честное слово?

— Честное слово.

Он смерил меня наглым и недоверчивым взглядом.

— А почему я знаю, каковы ваши понятия о чести?

— Ну, знаете ли, сэр, — сердито крикнул я, — вы слишком много себе позволяете! Мне еще не приходилось выслушивать такие оскорбления!

Моя вспышка не только не вывела его из себя, но даже заинтересовала.

— Короткоголовый тип, — пробормотал он. — Брахицефал, серые глаза, темные волосы, некоторые черты негроида... Вы, вероятно, кельт?

— Я ирландец, сэр.

— Чистокровный?

— Да, сэр.

— Тогда все понятно. Так вот, вы дали мне слово держать в тайне те сведения, которые я вам сообщу. Сведения эти будут, конечно, весьма скудные. Но кое-какими интересными данными я с вами поделюсь. Вы, вероятно, знаете, что два года назад я совершил путешествие по Южной Америке — путешествие, которое войдет в золотой фонд мировой науки. Целью его было проверить некоторые выводы Уоллеса и Бейтса, а это можно было сделать только на месте, в тех же условиях, в каких они проводили свои наблюдения. Если б результаты моего путешествия лишь этим и ограничились, все равно они были бы достойны всяческого внимания, но тут произошло одно непредвиденное обстоятельство, которое заставило меня направить свои исследования по совершенно иному пути.

Вам, вероятно, известно — впрочем, кто знает: в наш век невежества ничему не удивляешься, — что некоторые места, по которым протекает река Амазонка, исследованы не полностью и что в нее впадает множество притоков, до сих пор не занесенных на карту. Вот я и поставил перед собой задачу посетить эти малоизвестные места и обследовать их фауну, и это дало мне в руки столько материала, что его хватит на несколько глав того огромного, монументального труда по зоологии, который послужит оправданием всей моей жизни. Закончив экспедицию, я возвращался домой, и на обратном пути мне пришлось заночевать в маленьком индейском поселке, недалеко от того места, где в Амазонку впадает один из ее притоков — о названии и географическом положении этого притока я умолчу. В поселке жили индейцы племени кукама — мирный, но уже вырождающийся народ, умственный уровень которого вряд ли поднимается над уровнем среднего лондонца... Я вылечил нескольких тамошних жителей еще в первый свой приезд, когда поднимался вверх по реке, и вообще произвел на индейцев сильное впечатление, поэтому не удивительно, что меня ждали там. Они сразу же стали объяснять мне знаками, что в поселке есть человек, который нуждается в моей помощи, и я последовал за их вождем в одну из хижин. Войдя туда, я убедился, что страждущий, которому требовалась помощь, только что испустил дух. К моему удивлению, он оказался не индейцем, а белым, белейшим из белых, если можно так выразиться, ибо у него были совсем светлые волосы и все характерные признаки альбиноса. От его одежды остались одни лохмотья, страшно исхудавшее тело свидетельствовало о долгих лишениях. Насколько я мог понять индейцев, они никогда раньше не видели этого человека; он пришел в поселок из лесной чащи, один, без спутников, и еле держался на ногах от слабости. Вещевой мешок незнакомца лежал рядом с ним, и я обследовал его содержимое. Внутри был

вшит ярлычок с именем и адресом владельца: «Мепл-Уайт, Лейк-Авеню, Детройт, штат Мичиган». Перед этим именем я всегда готов обнажить голову. Не будет преувеличением сказать, что, когда важность сделанного мною открытия получит общее признание, его имя будет стоять рядом с моим.

Содержимое мешка ясно говорило о том, что Мепл-Уайт был художником и поэтом, отправившимся на поиски новых ярких впечатлений.

Там были черновики стихов. Я не считаю себя знатоком в этой области, но мне кажется, что они оставляют желать лучшего. Кроме того, я нашел в мешке довольно посредственные речные пейзажи, ящик с красками, коробку пастельных карандашей, кисти, вот эту изогнутую кость, что лежит на чернильнице, том Бекстера «Мотыльки и бабочки», дешёвенький револьвер и несколько патронов к нему. Предметы личного обихода он, по-видимому, растерял за время своих странствований, а может, их у него совсем не было. Никакого другого имущества у этого странного представителя американской богемы в наличии не оказалось.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил, что из кармана его рваной куртки что-то торчит. Это был альбом для этюдов — вот он, перед вами, и такой же потрепанный, как тогда. Можете быть уверены, что с тех пор, как эта реликвия попала мне в руки, я отношусь к ней с не меньшим благоговением, чем относился бы к первоизданию Шекспира. Теперь я вручаю этот альбом вам и прошу вас просмотреть его страницы за страницей и вникнуть в содержание рисунков.

Он раскурил сигару, откинулся на спинку стула и, не сводя с моего лица свирепого и вместе с тем испытующего взгляда, стал следить, какое впечатление произведут на меня эти рисунки.

Я открыл альбом, ожидая найти там какие-то откровения — какие, мне и самому было не ясно. Однако первая страница разочаровала меня, ибо на ней был нарисован здоровенный детина в

морской куртке, а под рисунком стояла подпись: «Джимми Колвер на борту почтового парохода». Далее последовало несколько мелких жанровых набросков из жизни индейцев. Потом рисунок, на котором изображался благодушный толстяк духовного звания, в широкополой шляпе, сидевший за столом в обществе очень худого европейца.

Подпись поясняла: «Завтрак у фра Кристофери в Розариу». Следующие страницы были заполнены женскими и детскими головками, а за ними шла подряд целая серия зарисовок животных с такими пояснениями: «Ламантий на песчаной отмели», «Черепахи и черепашины яйца», «Черный агути под пальмой» — агути оказался весьма похожим на свинью, — и, наконец, следующие две страницы занимали наброски каких-то весьма противных ящеров с длинными носами. Я не знал, что подумать обо всем этом, и обратился за разъяснениями к профессору:

— Это, вероятно, крокодилы?

— Аллигаторы! Аллигаторы! Настоящие крокодилы не водятся в Южной Америке. Различие между тем и другим видом заключается...

— Я только хочу сказать, что не вижу тут ничего особенного — ничего, что могло бы подтвердить ваши слова.

Он ответил мне с безмятежной улыбкой:

— Переверните еще одну страницу.

Но и следующая страница ни в чем не убедила меня. Это был пейзаж, чуть намеченный акварелью, один из тех незаконченных

этудов, которые служат художнику лишь наметкой к будущей, более тщательной разработке сюжета. Передний план этюда занимали бледно-зеленые перистые растения, поднимавшиеся вверх по откосу, который переходил в линию темно-красных ребристых скал, напоминавших мне чем-то базальтовые формации. На заднем плане эти скалы стояли сплошной стеной. Правее поднимался пирамидальный утес, по-видимому, отделенный от основного края глубокой расщелиной; вершина его была увенчана огромным деревом. Надо всем этим сияло синее тропическое небо. Узкая кромка зелени окаймляла вершины красных скал. На следующей странице я увидел еще один акварельный набросок того же пейзажа, сделанный с более близкого расстояния, так что детали его выступали яснее.

— Ну-с? — сказал профессор.

— Формация, действительно, очень любопытная, — ответил я, — но мне трудно судить, насколько она исключительна, ведь я не геолог.

— Исключительна? — повторил он. — Да это единственный в своем роде ландшафт! Он кажется невероятным! Такое даже присниться не может! Переверните страницу.

Я перевернул и не мог сдержать возгласа удивления. Со следующей страницы альбома на меня глянуло нечто необычайное. Такое чудовище могло возникнуть только в видениях курильщика опиума или в бреде горячечного больного. Голова у него была птичья, тело как у непомерно раздувшейся ящерицы, волочащийся по земле хвост щетинился острыми иглами, а изогнутая спина была усажена высокими шипами, похожими на петушьи гребешки. Перед этим существом стоял маленький человечек, почти карлик.

— Ну-с, что вы на это скажете? — воскликнул профессор, с торжествующим видом потирая руки.

— Это что-то чудовищное, гротеск какой-то.

— А что заставило художника изобразить подобного зверя?

— Не иначе, как солидная порция джина.

— Лучшего объяснения вы не можете придумать?

— Хорошо, сэр, а как вы сами это объясняете?

— Очень просто: такое животное существует. Совершенно очевидно, что этот рисунок сделан с натуры.

Я не расхохотался только потому, что вовремя вспомнил, как мы колесом прокатились по всему коридору.

— Без сомнения, без сомнения, — сказал я с той угодливостью, на какую обычно не скупятся в разговоре со слабоумными. — Правда, меня несколько смущает эта крошечная человеческая фигурка. Если б здесь был нарисован индеец, можно было бы подумать, что в Америке существует какое-то племя пигмеев, но это европеец, на нем пробковый шлем.

Профессор фыркнул, словно разъяренный буйвол.

— Вы обогащаете меня опытом! — крикнул он. — Границы человеческой тупости гораздо шире, чем я думал! У вас умственный застой! Поразительно!

Эта вспышка была так нелепа, что она меня даже не рассердила. Да и стоило ли впустую тратить нервы? Если уж сердиться на этого человека, так каждую минуту, на каждое его слово. Я ограничился усталой улыбкой.

— Меня поразили размеры этого пигмея, — сказал я.

— Да вы посмотрите! — крикнул профессор, наклоняясь ко мне и тыча волосатым, толстым, как сосиска, пальцем в альбом. — Видите вот растение позади животного? Вы, вероятно, приняли его за одуванчик или брюссельскую капусту, ведь так? Нет, сударь, это южноамериканская пальма, именуемая «слоновой костью», а она достигает пятидесяти — шестидесяти футов в высоту. Неужели вы не соображаете, что человеческая фигура нарисована здесь не зря? Художник не смог бы остаться в живых, встретившись лицом к лицу с таким зверем, уж тут не до рисования. Он изобразил самого себя только для того, чтобы дать понятие о масштабах. Ростом он был... ну, скажем, пяти футов с небольшим. Дерево, как и следует ожидать, в десять раз выше.

— Господи боже! — воскликнул я. — Значит, вы думаете, что это существо было... Да ведь если подыскивать ему конуру, тогда и вокзал Чаринг-Кросс окажется маловат!

— Это, конечно, преувеличение, но экземпляр действительно крупный, — горделиво сказал профессор.

— Но нельзя же, — воскликнул я, — нельзя же отметить в сторону весь опыт человеческой расы на основании одного рисунка! — Я перелистал оставшиеся страницы и убедился, что в альбоме больше ничего нет. — Один-единственный рисунок какого-то бродяги-художника, который мог сделать его, накурившись гашиша, или в горячечном бреду, или просто в угоду своему больному воображению. Вы, как человек науки, не можете отстаивать такую точку зрения.

Вместо ответа профессор снял какую-то книгу с полки.

— Вот блестящая монография моего талантливого друга Рэя Ланкестера, — сказал он. — Здесь есть одна иллюстрация, которая покажется вам небезытересной. Ага, вот она. Подпись внизу: «Предполагаемый внешний вид динозавра — стегозавра юрского периода. Задние конечности высотой в два человеческих роста». Ну, что вы теперь скажете?

Он протянул мне открытую книгу. Я взглянул на иллюстрацию и вздрогнул. Между наброском неизвестного художника и этим представителем давно умершего мира, воссозданным воображением ученого, было, несомненно, большое сходство.

— В самом деле поразительно! — сказал я.

— И все-таки вы продолжаете упорствовать?

— Но, может быть, это — простое совпадение или же ваш американец видел когда-нибудь такую картинку и в бреду вспомнил ее.

— Прекрасно, — терпеливо сказал профессор, — пусть будет так. Теперь не откажите в любезности взглянуть на это.

Он протянул мне кость, найденную, по его словам, среди вещей умершего. Она была дюймов шести в длину, толще моего большого пальца, и на конце ее сохранились остатки совершенно высохшего хряща.

— Какому из известных нам животных может принадлежать такая кость? — спросил профессор.

Я тщательно осмотрел ее, призывая на помощь все знания, какие еще не выветрились у меня из головы.

— Это может быть ключица очень рослого человека, — сказал я. Мой собеседник презрительно замахал руками:

— Ключица человека имеет изогнутую форму, а эта кость совершенно прямая. На ее поверхности есть ложбинка, свидетельствующая о том, что здесь проходило крупное сухожилие. На ключице ничего подобного нет.

— Тогда затрудняюсь вам ответить.

— Не бойтесь выставлять напоказ свое невежество. Я думаю, что среди зоологов Южного Кенсингтона не найдется ни одного, кто смог бы определить эту кость. — Он взял коробочку из-под пилюль и вынул оттуда маленькую косточку величиной с фасоль. — Насколько я могу судить, вот эта косточка соответствует в строении человеческого скелета той, которую вы держите в руке. Теперь вы имеете некоторое представление о размерах животного? Не забудьте и про остатки хряща — они свидетельствуют о том, что это был свежий экземпляр, а не ископаемый. Ну, что вы теперь скажете?

— Может быть, у слона...

Его так и передернуло, словно от боли.

— Довольно! Довольно! Слоны — в Южной Америке! Не

смейте и заикаться об этом! Даже в нашей современной начальной школе...

— Ну, хорошо, — перебил я его. — Не слон, так какое-нибудь другое южноамериканское животное, например, тапир.

— Уж поверьте мне, молодой человек, что элементарными познаниями в этой отрасли науки я обладаю. Нельзя даже допустить мысль, что такая кость принадлежит тапиру или какому-нибудь другому животному, известному зоологам. Это кость очень сильного зверя, который существует где-то на земном шаре, но до сих пор неведом науке. Вы все еще сомневаетесь?

— Во всяком случае, меня это очень заинтересовало.

— Значит, вы еще не безнадежны. Я чувствую, что у вас что-то брезжит в мозгу, так давайте же терпеливо раздуть эту искорку. Оставим теперь покойного американца и перейдем снова к моему рассказу. Вы, конечно, догадываетесь, что я не мог расстаться с Амазонкой, не доискавшись, в чем тут дело. Кое-какие сведения о том, откуда пришел этот художник, у меня были. Впрочем, я мог бы руководствоваться одними легендами индейцев, ибо мотив неизведанной страны проскальзывает во всех преданиях приречных племен. Вы, конечно, слышали о Курупуре?

— Нет, не слышал.

— Курупуре — это лесной дух, нечто злобное, грозное; встреча с ним ведет к гибели. Никто не может толком описать Курупуре, но имя это вселяет ужас в индейцев. Однако все племена, живущие на берегах Амазонки, сходятся в одном: они точно указывают, где обитает Курупуре. Из тех же самых мест пришел и американец. Там таится нечто непостижимо страшное. И я решил выяснить, в чем тут дело.

— Как же вы поступили?

От моего легкомыслия не осталось и следа. Этот гигант умел завоевать внимание и уважение к себе.

— Мне удалось преодолеть сопротивление индейцев — то внутреннее сопротивление, которое они оказывают, когда заводись с ними разговор об этом. Пустив в ход всяческие увещания, подарки и, должен сознаться, угрозы, я нашел двоих проводников. После многих приключений — описывать их нет нужды, — после многих дней пути — о маршруте и его протяженности позволю себе умолчать — мы пришли, наконец, в те места, которые до сих пор никем не были описаны, и где никто еще не бывал, если не считать моего злополучного предшественника. Теперь будьте любезны посмотреть вот это.

Он протянул мне небольшую фотографию.

— Ее плачевное состояние объясняется тем, что, когда мы спускались вниз по реке, нашу лодку перевернуло и футляр, в котором хранились непроявленные негативы, сломался. Результаты этого бедствия налицо. Почти все негативы погибли — потеря

совершенно невознаграждаемая. Вот этот снимок — один из немногих более или менее уцелевших. Вам придется удовольствоваться таким объяснением его несовершенства. Ходят слухи о какой-то фальсификации, но я не расположен спорить сейчас на эту тему.

Снимок был действительно совсем бледный. Недоброжелательный критик мог бы легко придаться к этому. Вглядываясь в тускло-серый ландшафт и постепенно разбираясь в его деталях, я увидел длинную, огромной высоты линию скал, напоминающую гигантский водопад, а на переднем плане — пологую равнину с разбросанными по ней деревьями.

— Если не ошибаюсь, этот пейзаж был и в альбоме, — сказал я.

— Совершенно верно, — ответил профессор. — Я нашел там следы стоянки. А теперь посмотрите еще одну фотографию.

Это был тот же самый ландшафт, только взятый более крупным планом. Снимок был совсем испорчен. Все же я разглядел одинокий, увенчанный деревом утес, который отделяла от края расщелина.

— Теперь у меня не осталось никаких сомнений, — признался я.

— Значит, мы не зря стараемся, — сказал профессор. — Смотрите, какие успехи! Теперь будьте добры взглянуть на вершину этого утеса. Вы что-нибудь видите там?

— Громадное дерево.

— А на дереве?

— Большую птицу.

Он подал мне лупу.

— Да, — сказал я, глядя сквозь нее, — на дереве сидит большая птица. У нее довольно солидный клюв. Это, наверное, пеликан?

— Зрение у вас незавидное, — сказал профессор. — Это не пеликан и вообще не птица. Да будет вам известно, что мне удалось подстрелить вот это самое существо. И оно послужило единственным неоспоримым доказательством, которое я вывез отсюда.

— Оно здесь, у вас? Наконец-то я увижу вещественное подтверждение всех этих рассказов!

— Оно было у меня. К несчастью, катастрофа на реке погубила не только негативы, но и эту мою добычу. Ее подхватило водоворотом, и, как я ни старался спасти свое сокровище, в руке у меня осталась лишь половина крыла. Я потерял сознание и очнулся только, когда меня вынесло на берег, но этот жалкий остаток великолепного экземпляра был цел и невредим. Вот он, перед вами.

Профессор вынул из ящика стола нечто, напоминающее, на мой взгляд, верхнюю часть крыла огромной летучей мыши. Эта изогнутая кость с перепончатой пленкой была по меньшей мере двух или более футов длиной.

— Летучая мышь чудовищных размеров? — высказал я свое предположение.

— Ничего подобного! — сурово осадил меня профессор. —

Живя в атмосфере высокого просвещения и науки, я и не подозревал, что основные принципы зоологии так мало известны в широких кругах общества. Неужели вы не знакомы с элементарнейшим положением сравнительной анатомии, которое гласит, что крыло птицы представляет собой, в сущности, предплечье, тогда как крыло летучей мыши состоит из трех удлинненных пальцев с перепонкой между ними? В данном случае кость не имеет ничего общего с костью предплечья, и вы можете убедиться собственными глазами в наличии всего лишь одной перепонки. Следовательно, о летучей мыши нечего и вспоминать. Но если это не птица и не летучая мышь, тогда с чем же мы имеем дело? Что же это может быть?

Мой скромный запас знаний был исчерпан до дна.

— Право, затрудняюсь вам ответить, — сказал я.

Профессор открыл монографию, на которую уже ссылался раньше.

— Вот, — продолжал он, показывая мне какое-то чудовище с крыльями, — вот великолепное изображение диморфодона, или птеродактиля, — крылатого ящера юрского периода, а на следующей странице схема механизма его крыла. Сравните ее с тем, что у вас в руках.

При первом же взгляде на схему я вздрогнул от изумления. Она окончательно убедила меня. Спорить было нечего. Совокупность всех данных сделала свое дело. набросок, фотографии, рассказ профессора, а теперь и вещественное доказательство! Что же тут еще требовать? Так я и сказал профессору — сказал со всей горячностью, на какую был способен, ибо теперь мне стало ясно, что к этому человеку относились несправедливо. Он откинулся на спинку стула, прищурил глаза и снисходительно улыбнулся, купаясь в лучах неожиданно блеснувшего на него солнца признания.

— Это величайшее в мире открытие! — воскликнул я, хотя во мне заговорил темперамент не столько естествоиспытателя, сколько журналиста. — Это грандиозно! Вы Колумб науки! Вы открыли затерянный мир! Я искренне сожалею, что сомневался в истине ваших слов. Все это казалось мне невероятным. Но я не могу не признать очевидных фактов, и они должны быть столь же убедительны для всех.

Профессор замурлыкал от удовольствия.

— Что же вы предприняли дальше, сэр?

— Наступил сезон дождей, мистер Мелоун, а мои запасы удовольствия пришли к концу. Я обследовал часть этого огромного горного кряжа, но взобраться на него так и не смог. Пирамидальный утес, с которого я снял выстрелом птеродактиля, оказался более доступным. Вспомнив свои альпинистские навыки, я поднялся на него примерно до середины. Оттуда уже можно было

разглядеть плато, венчающее горный кряж. Оно было просто необъятно! Куда ни посмотреть — на запад, на восток, — конца не видно этим покрытым зеленью скалам. У подножия кряжа расстилаются болота и непроходимые заросли, кишашие змеями и прочими гадами. Настоящий рассадник лихорадки. Вполне понятно, что такие препятствия служат естественной защитой для этой необыкновенной страны.

— А вы видели там еще какие-нибудь признаки жизни?

— Нет, сэр, не видел, но за ту неделю, что мы провели у подножия этих скал, нам не раз приходилось слышать какие-то странные звуки, доносившиеся откуда-то сверху.

— Но что же это за существо, которое нарисовал американец? Как он с ним встретился?

— Я могу только предположить, что он каким-то образом проник на самую вершину кряжа и увидел его там. Следовательно, туда есть какой-то путь. Путь, несомненно, тяжелый, иначе все эти чудовища спустились бы вниз и заполнили бы все вокруг. Уж в чем другом, а в этом не может быть сомнений!

— Но как они очутились там?

— На мой взгляд, ничего загадочного тут нет, — сказал профессор. — Объяснение напрашивается само собой. Как вам, вероятно, известно, Южная Америка представляет собой гранитный материк. В отдаленные века в этом месте, очевидно, произошло внезапное смещение пластов в результате извержения вулкана. Не забудьте, что скалы эти базальтовые, следовательно, они вулканического происхождения. Площадь величиной примерно с наше графство Суссекс выперло вверх со всеми ее обитателями и отрезало от остального материка отвесными скалами такой твердой породы, которой не страшно никакое выветривание. Что же получилось? Законы природы потеряли свою силу в этом месте. Всевозможные препятствия, обуславливавшие борьбу за существование во всем остальном мире, либо исчезли, либо в корне изменились. Животные, которые в обычных условиях вымерли бы, продолжали размножаться. Как вы знаете, и птеродактиль и стегозавр относятся к юрскому периоду, следовательно, оба они древнейшие животные в истории Земли, уцелевшие только благодаря совершенно необычным, случайно создавшимся условиям.

— Но добытые вами сведения не оставляют места для сомнений! Вам нужно только представить их соответствующим лицам.

— Я сам так думал в простоте душевной, — с горечью ответил профессор. — Могу сказать вам только одно: на деле все вышло по-другому — мне приходилось на каждом шагу сталкиваться с недоверием, в основе которого лежала людская тупость или зависть. Не в моем характере, сэр, пресмыкаться перед кем-нибудь

и доказывать свою правоту, когда мои слова берут под сомнение. Я сразу же решил, что мне не подобает предъявлять вещественные доказательства, которые были в моем распоряжении. Самая тема стала мне ненавистой, я не хотел касаться ее ни единым словом. Когда мой покой нарушали люди, подобные вам, люди, угождающие праздному любопытству толпы, я был не в состоянии дать им отпор, не теряя при этом чувства собственного достоинства. По характеру я, надо признаться, человек довольно горячий и, если меня выведут из терпения, могу наделать всяких бед. Боюсь, что вам пришлось испытать это на себе.

Я потрогал свой заплывший глаз, но смолчал.

— Миссис Челленджер постоянно ссорится со мной из-за этого, но, по-моему, каждый порядочный человек поступал бы точно так же на моем месте. Впрочем, сегодня я намерен явить пример выдержки и показать, как воля может победить темперамент. Приглашаю вас полюбоваться этим зрелищем.

Он взял со стола карточку и протянул ее мне.

— Как видите, сегодня в восемь часов тридцать минут вечера в Зоологическом институте состоится лекция довольно популярного естествоиспытателя мистера Персиваля Уолдрона на тему «Скрижали веков». Меня приглашают занять место в президиуме специально для того, чтобы я от имени всех присутствующих выразил благодарность лектору. Так я и сделаю. Но это не помешает мне — конечно, с величайшим тактом и осторожностью! — обронить несколько замечаний, которые заинтересуют аудиторию и вызовут кое у кого желание более обстоятельно ознакомиться с поднятыми мною вопросами. Спорные моменты, разумеется, не будут затронуты, но все поймут, какие глубокие проблемы таятся за моими словами. Я обещаю держать себя в руках. Кто знает, может быть, моя сдержанность приведет к лучшим результатам.

— А мне можно прийти туда? — поспешил я спросить.

— Разумеется... разумеется, можно, — радушно ответил профессор.

Его любезность была почти так же ошеломительна, как и грубость. Чего стоила одна его благодушная улыбка! Глаз почти не стало видно, а щеки вспухли, превратившись в два румяных яблочка, подпертые снизу черной бородой.

— Обязательно приходите. Мне будет приятно знать, что у меня есть, по крайней мере, один союзник в зале, хоть и весьма беспомощный и несведущий в вопросах науки. Народу соберется, вероятно, много, так как Уолдрон пользуется большой популярностью, несмотря на то, что он шарлатан чистой воды. Так вот, мистер Мелоун, я уделил вам гораздо больше времени, чем предполагал. Отдельная личность не может монополизировать то, что принадлежит всему человечеству. Буду рад увидеть

вас сегодня вечером на лекции. А пока разрешите вам напомнить, что материал, с которым я вас ознакомил, ни в коей мере не подлежит огласке.

— Но мистер Мак-Арлд... это наш редактор... потребует от меня отчета о беседе с вами.

— Скажите ему первое, что придет в голову. Между прочим, можете намекнуть, что, если он пришлет ко мне кого-нибудь еще, я явлюсь к нему сам, вооружившись хорошей плеткой. Во всем остальном полагаюсь на вас: ни слова в печати! Так, прекрасно. Значит, в восемь тридцать — в Зоологическом институте.

Он помахал мне на прощание рукой. Я увидел в последний раз его румяные щеки, волнистую иссиня-черную бороду, дерзкие глаза и вышел из комнаты.

Глава 5

Это еще не факт!

То ли на мне сказался физический шок, полученный в первый мой визит к профессору Челленджеру, то ли тут сыграло роль моральное потрясение — результат второго визита, но, очутившись снова на улице, я почувствовал, что как репортер я совершенно деморализован. Голова у меня разламывалась от боли, и все же в мозгу, не утихая ни на минуту, стучала мысль, что этот человек говорит правду, значение которой трудно переоценить, и что когда мне будет позволено использовать его рассказ для статьи, наша газета получит сенсационный материал. Увидев на углу кэб, я вскочил в него и поехал в редакцию. Мак-Арлд, как всегда, был на своем посту.

— Ну? — нетерпеливо крикнул он. — Говорите, сколько вам надо строк? У вас такой вид, молодой человек, точно вы явились сюда прямо с поля битвы. Неужели без драки не обошлось?

— Да, сначала мы немножко не поладили.

— Вот человек! Ну, а потом?

— Потом он образумился, и беседа прошла мирно. Но мне ничего не удалось у него выудить, даже для маленькой заметки.

— Это как сказать! А подбитый глаз разве не материал для заметки? Довольно ему нас терроризировать, мистер Мелоун! Поставим его на место. Завтра же помешу статейку, от которой ему жарко станет. Дайте мне только материал, и я раз и навсегда заклею этого субъекта. «Профессор Мюнхаузен» — что вы скажете о такой шапке? «Воскресший Калиостро»! Вспомним всех мистификаторов и шарлатанов, которых знала история. Он у меня получит сполна за все свои мошенничества!

— Я бы не советовал, сэр.

— Почему?

— Потому что этот человек совсем не мошенник.

— Как! — взревел Мак-Ардл. — Вы что же, поверили его рассказам про мамонтов, мастодонтов и морского змея?

— По-моему, у него этого и в мыслях нет. Во всяком случае, я ничего такого не слышал. Но мне теперь совершенно ясно, что Челленджер может внести нечто новое в науку.

— Тогда о чем же вы думаете? Садитесь и пишите статью.

— Я бы рад написать, да он обязал меня хранить все в тайне и только при этом условии согласился говорить со мной. — Я изложил в двух-трех словах рассказ профессора. — Видите, как обстоит дело?

Физиономия Мак-Ардла выразила глубочайшее недоверие.

— Тогда займемся этим заседанием, мистер Мелоун, — сказал он, наконец. — Уж в нем-то, наверное, нет ничего секретного. Другие газеты вряд ли им заинтересуются, потому что о лекциях Уолдрона писалось уже сотни раз, а о том, что там собирается выступить Челленджер, никто и не подозревает. Если нам повезет, мы получим сенсационный материал. Во всяком случае, поезжайте туда и представьте мне подробный отчет. До двенадцати часов придержу для вас свободную колонку.

Мне предстоял хлопотливый день, поэтому я решил пообедать в клубе пораньше и, пригласив за столик Тарпа Генри, рассказал ему вкратце о своих приключениях. С его худого смуглого лица не сходила скептическая улыбка, а когда я признался, что профессор убедил меня в своей правоте, Тарп не выдержал и громко захохотал.

— Дорогой мой друг, таких чудес в жизни не бывает! Где это видано, чтобы люди случайно натыкались на величайшие открытия... а потом теряли все вещественные доказательства? Предоставьте сочинять небылицы романистам. По части ловких проделок ваш профессор заткнет за пояс всех обезьян в зоологическом саду. Ведь это же невероятная чушь!

— А художник-американец?

— Вымышленная фигура.

— Я же сам видел его альбом!

— Это альбом Челленджера.

— Значит, вы думаете, что рисунок тоже его собственный?

— Ну, конечно! А чей же еще?

— А фотографические снимки?

— На них ведь ничего не видно. Вы же сами говорите, что разглядели только какую-то птичку.

— Птеродактиля.

— Да, если верить его словам. Вы поддались внушению и поверили.

— Ну, а кости?

— Первую он извлек из рагу, вторую смастерил собственными руками. Нужны только известная смекалка да знание дела, а тогда все что угодно сфальсифицируешь — и кость и фотографический снимок.

Мне стало как-то не по себе. Может быть, действительно я слишком увлекся? И вдруг меня осенила счастливая мысль.

— Вы пойдете на эту лекцию? — спросил я.

Тарп Генри на минуту задумался.

— Ваш гениальный Челленджер не пользуется особой популярностью, — сказал он. — С ним многие не прочь свести счеты. Пожалуй, во всем Лондоне не найдется другого человека, который вызывал бы к себе такое неприязненное чувство. Если на лекцию прибегут студенты-медики, скандалов там не оберешься. Нет, что-то мне не хочется идти в этот сумасшедший дом.

— По крайней мере отдайте ему должное — послушайте его.

— Да, пожалуй, справедливость этого требует. Хорошо, буду вашим компаньоном на сегодняшний вечер.

Когда мы подъехали к Зоологическому институту, я увидел, что сверх моих ожиданий народу на лекцию собирается много. Электрические кареты одна за другой подвозили к подъезду седовласых профессоров, а более скромная публика потоком вливалась в сводчатые двери, свидетельствуя о том, что в зале будут присутствовать не только ученые, но и представители широких масс. И в самом деле, стоило нам занять места, как мы сразу убедились, что галерея и задние ряды ведут себя более чем непринужденно. Там сидели, судя по всему, студенты-медики. Вероятно, все крупные больницы отрядили сюда своих практикантов. Публика была настроена добродушно, но за этим добродушием крылось озорство. То и дело раздавались обрывки популярных песенок, распеваемых хором и с большим подъемом, — весьма странная прелюдия к научной лекции! Склонность аудитории к

бесцеремонным шуткам ясно давала себя чувствовать. Это сулило в дальнейшем массу развлечений для всех, кроме тех лиц, к кому эти сомнительные шутки должны были непосредственно относиться.

Например, как только на эстраде появился доктор Мелдрам в своем знаменитом цилиндре с изогнутыми полями, со всех сторон раздались дружные крики: «Вот так ведро! Где вы его раздобыли?» Старик сейчас же стащил цилиндр с головы и украдкой сунул его под кресло. Когда страдающий подагрой профессор Уэдли заковылял к своему месту, шутники, к его величайшему смущению, хором осведомились о том, не болит ли у профессора пальчик на ноге. Но самый горячий прием был оказан моему новому знакомцу, профессору Челленджеру. Чтобы добраться до своего места — крайнего в первом ряду, — ему пришлось пройти через всю эстраду. Как только его черная борода показалась в дверях, аудитория разразилась такими бурными приветственными криками, что я подумал: опасения Тарпа Генри подтвердились — публику привлекла сюда не столько сама лекция, сколько возможность посмотреть на знаменитого профессора, слухи о выступлении которого, по-видимому, успели разнестись повсюду.

При его появлении в передних рядах, занятых хорошо одетой публикой, раздались смешки — на сей раз партер относился сочувственно к бесчинству студентов. Публика приветствовала Челленджера оглушительным ревом, точно хищники в клетке зоологического сада, слышавшие вдали шаги служителя в час кормежки. В этом реве ясно звучали неуважительные нотки, но, в общем, шумный прием, оказанный профессору, выражал скорее интерес к нему, чем неприязнь или презрение. Челленджер улыбнулся устало и снисходительно, как улыбается добродушный человек, когда на него налетает свора твякающих щенков, потом медленно опустился в кресло, расправил плечи, любовно погладил бороду и, прищурившись, надменно глянул в переполненный зал. Рев еще не успел стихнуть, как на эстраде появились председатель, профессор Рональд Меррей, и лектор, мистер Уолдрон. Заседание началось. Надеюсь, профессор Меррей извинит меня, если я упрекну его в том, что он страдает недостатком, свойственным большинству англичан, а именно — невнятность речи. По-моему, это одна из загадок нашего века. Почему люди, которым есть что сказать, не желают научиться говорить членораздельно? Это так же бессмысленно, как переливать драгоценную влагу через трубу с закрытым краном, отвернуть который до конца можно без всякого труда.

Профессор Меррей обратился с несколькими глубокомысленными замечаниями к своему белому галстуку и графину с водой, затем шутливо подмигнул серебряному канделябру, стоявшему по правую его руку, и опустился в кресло, уступив место известному

популярному лектору мистеру Уолдрону, которого публика встретила аплодисментами. Физиономия у мистера Уолдрона была мрачная, голос резкий, манеры заносчивые, но он обладал даром усваивать чужие мысли и преподносить их непосвященным в доступной и даже увлекательной форме, расцветивая свои доклады множеством шуток на самые, казалось бы, неподходящие темы, так что в его изложении даже перемещение равноденствий или эволюция позвоночных приобретали юмористический характер.

В простой, а подчас и живописной форме, которой не мешала наличность терминологии, лектор развернул перед нами картину возникновения мира, взятую как бы с высоты птичьего полета. Он говорил о земном шаре — огромной массе светящегося газа, пылавшей в небесной сфере. Потом рассказал, как эта масса начала охлаждаться и застывать, как образовались складки земной коры, как пар превратился в воду. Все это было постепенной подготовкой сцены к той непостижимой драме жизни, которой предстояло разыгаться на нашей планете. Перейдя к возникновению всего живого на Земле, мистер Уолдрон ограничился несколькими туманными, ни к чему не обязывающими фразами. Можно почти с уверенностью сказать, что зародыши жизни не выдержали бы первоначальной высокой температуры земного шара. Следовательно, они возникли несколько позже. Откуда? Из остывающих неорганических элементов? Весьма вероятно. А может статься, они были занесены извне каким-нибудь метеором? Вряд ли. Короче говоря, даже мудрейшие из мудрых не могут сказать ничего определенного по этому вопросу. Пока что нам не удастся создать в лабораторных условиях органическое вещество из неорганического. Наша химия не в силах перебросить мост через ту пропасть, которая отделяет живую материю от мертвой. Но природа, оперирующая огромными силами на протяжении многих веков, сама является величайшим химиком, и ей может удалиться то, что непосильно для нас. И больше тут сказать нечего.

Вслед за этим лектор перешел к великой шкале животной жизни и ступенька за ступенькой — от моллюсков и беспозвоночных морских тварей к пресмыкающимся и рыбам — добрался наконец до производящей на свет живых детенышей кенгуру, прямого предка всех млекопитающих, а следовательно, и тех, что находятся в этом зале («Ну, положим!» — *голос какого-то скептика из задних рядов*). Если юный джентльмен в красном галстуке, крикнувший «Ну, положим!» и, по-видимому, имеющий основание думать, что он вылутился из яйца, соблаговолит задержаться после заседания, лектор будет очень рад ознакомиться с такой достопримечательностью. (*Смех.*) Подумать только, что процессы, веками происходившие в природе, завершились созданием юного джентльмена в красном галстуке! Но разве эти процессы действительно завершились? Следует ли считать этого джентльмена ко-

нечным продуктом эволюции, так сказать, венцом творения? Лектор не хочет оскорблять джентльмена в красном галстуке в его лучших чувствах, но ему кажется, что, какими бы добродетелями ни обладал сей джентльмен, все же грандиозные процессы, происходящие во вселенной, не оправдали бы себя, если б конечным результатом их было создание вот такого экземпляра. Силы, обуславливающие эволюцию, не иссякли, они продолжают действовать и готовят нам еще большие сюрпризы.

Расправившись под общие смешки со своим противником, мистер Уолдрон вернулся к картинам прошлого и рассказал, как высыхали моря, обнажая песчаные отмели, как на этих отмелях появлялись живые существа, студенистые, вялые, рассказал о лагунах, кишачих всякой морской тварью, которую привлекало сюда тинистое дно и особенно изобилие пищи, что способствовало ее стремительному развитию.

— Вот, леди и джентльмены, откуда пошли те чудовищные ящеры, которые до сих пор вселяют в нас ужас, когда мы находим их скелеты в вельдских или золенгофенских сланцах. К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще далеко не факт! — прогудел кто-то на эстраде.

Мистер Уолдрон был человек выдержанный, к тому же острый на язык, что особенно почувствовал на себе джентльмен в красном галстуке, и перебивать его было небезопасно. Но последняя реплика, очевидно, показалась ему настолько нелепой, что он даже несколько растерялся. Такой же растерянный вид бывает у шекспироведа, задетого яростным бэконинцем, или у астронома, столкнувшегося с фанатиком, который утверждает, что Земля плоская. Мистер Уолдрон умолк на секунду, а затем, повысив голос, с расстановкой повторил свои последние слова:

— К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще не факт! — снова прогудел тот же голос.

Уолдрон бросил удивленный взгляд на сидевших за столом профессоров и наконец остановился на Челленджере, который улыбался с закрытыми глазами, словно во сне, откинувшись на спинку стула.

— А, понимаю! — Уолдрон пожал плечами. — Это мой друг профессор Челленджер! — И под хохот всего зала он вернулся к прерванной лекции, как будто дальнейшие пояснения были совершенно излишни.

Но этим дело не кончилось. Какой бы путь ни избирал докладчик, блуждая в дебрях прошлого, все они неизменно приводили его к упоминанию об исчезнувших доисторических животных, что немедленно исторгало из груди профессора тот же зычный рев. В зале уже предвосхищали заранее каждую его реплику

и встречали ее восторженным гулом. Студенты, сидевшие тесно, сомкнутыми рядами, не оставались в долгу, и, как только черная борода Челленджера приходила в движение, сотни голосов, не давая ему открыть рот, дружно вопили: «Это еще не факт!» — а из передних рядов неслись возмущенные крики: «Тише! Безобразие!» Уолдрон, лектор опытный, закаленный в боях, окончательно растерялся. Он замолчал, потом начал что-то бормотать, запинаясь на каждом слове и повторяя уже сказанное, увяз в длиннейшей фразе и под конец набросился на виновника всего беспорядка.

— Это переходит всякие границы! — разразился он, яростно сверкая глазами. — Профессор Челленджер, я прошу вас прекратить эти возмутительные и неприличные выкрики!

Зал притих. Студенты замерли от восторга: высокие олимпийцы затеяли ссору у них на глазах! Челленджер не спеша высвободил свое грузное тело из объятий кресла.

— А я, в свою очередь, прошу вас, мистер Уолдрон, перестаньте утверждать то, что противоречит научным данным, — сказал он.

Эти слова вызвали настоящую бурю. В общем шуме и хохоте слышались только отдельные негодующие выкрики: «Безобразие!», «Пусть говорит!», «Выгнать его отсюда!», «Долой с эстрады!», «Это нечестно — дайте ему высказаться!»... Председатель вскочил с места и, слабо взмахивая руками, взволнованно забормотал что-то.

Из тумана этой невнятицы выбивались только отдельные отрывочные слова: «Профессор Челленджер... будьте добры... ваши соображения... после...» Нарушитель порядка отвесил ему поклон, улыбнулся, погладил бороду и снова ушел в кресло. Разгоряченный этой перепалкой и настроенный весьма воинственно, Уолдрон продолжал лекцию. Выказывая время от времени какое-нибудь положение, он бросал злобные взгляды на своего противника, который, казалось, дремал, развалившись в кресле, все с той же блаженной широкой улыбкой на устах.

И вот лекция кончилась. Подозреваю, что несколько преждевременно, ибо заключительная ее часть была скомкана и как-то не вязалась с предыдущей. Грубая помеха нарушила ход мыслей лектора. Аудитория осталась неудовлетворенной и ждала дальнейшего развертывания событий.

Уолдрон сел на место, председатель чирикнул что-то, и вслед за этим профессор Челленджер подошел к краю эстрады. Памятуя об интересах своей газеты, я записал его речь почти дословно.

— Леди и джентльмены, — начал он под сдержанный гул в задних рядах. — Прошу извинения, леди, джентльмены и дети... Сам того не желая, я упустил из виду значительную часть слушателей. *(Шум в зале. Переживая его, профессор благостно кивает своей огромной головой и высоко поднимает руку, словно осеняя толпу благословением.)* Мне было предложено выразить благодарность мистеру Уолдрону за его весьма картинную и занимательную лекцию, которую мы с вами только что прослушали. С некоторыми тезисами этой лекции я не согласен, о чем счел своим долгом заявить без всяких отлагательств. Тем не менее факт остается фактом: мистер Уолдрон справился со своей задачей, которая заключалась в том, чтобы изложить в общедоступной и занимательной форме историю нашей планеты, вернее, то, что он понимает под историей нашей планеты. Популярные лекции очень легко воспринимаются, но... *(тут Челленджер блаженно улыбнулся и бросил взгляд на лектора)* мистер Уолдрон, конечно, извинит меня, если я скажу, что такие лекции в силу особенностей изложения всегда бывают поверхностны и недоброкачественны с точки зрения науки, ибо лектор так или иначе, а должен приспособливаться к невежественной аудитории. *(Иронические возгласы с мест.)* Лекторы-популяризаторы по сути своей паразиты. *(Протестующий жест со стороны возмущенного Уолдрона.)* Они используют в целях наживы или саморекламы работу своих безвестных, придавленных нуждой собратьев. Самый значительный успех, достигнутый в лаборатории, — один из тех кирпичиков, что идут на сооружение храма науки, — перевешивает все полученное из вторых рук, перевешивает всякую популяризацию, которая может поразвлечь часок, но не принесет никаких ощутимых результатов. Я напоминаю об этой общеизвестной ис-

тине отнюдь не из желания умалить заслуги мистера Уолдрона, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорции, принимая прислужника за высшего жреца науки. (Тут мистер Уолдрон шепнул что-то председателю, который привстал с места и обратил несколько суровых слов к стоявшему перед ним графину с водой.) Но довольно об этом. (Громкие одобрительные крики.). Позвольте мне перейти к вопросу, представляющему более широкий интерес. В каком месте я, самостоятельный исследователь, был вынужден поставить под вопрос осведомленность нашего лектора? В том, где речь шла об исчезновении с поверхности Земли некоторых видов животной жизни. Я не дилетант и выступаю здесь не как популяризатор, а как человек, научная добросовестность которого заставляет его строго придерживаться фактов. И поэтому я настаиваю на том, что мистер Уолдрон глубоко ошибается, утверждая, будто так называемые доисторические животные исчезли с лица Земли. Ему не приходилось видеть их, но это еще ничего не доказывает. Они действительно являются, как он выразился, нашими предками, но не только предками, добавлю я, а и современниками, которых можно наблюдать во всем их своеобразии — отталкивающим, страшном своеобразии. Для того, чтобы пробраться в те места, где они обитают, нужны только выносливость и смелость. Животные, которых мы относили к юрскому периоду, чудовища, которым ничего не стоит растерзать на

части и поглотить самых крупных и самых свирепых из наших млекопитающих, существуют до сих пор... (Крики: «Чушь! Докажите! Откуда вы это знаете? Это еще не факт!») Вы меня спрашиваете, откуда я это знаю. Я знаю это, потому что побывал в тех местах, где они живут. Знаю, потому что видел таких животных... (Аплодисменты, оглушительный шум и чей-то голос: «Лжец!») Я лжец? (Единодушное: «Да, да!») Кажется, меня называли лжецом? Пусть этот человек встанет с места, чтобы я мог увидеть его. (Голос: «Вот он, сэр!» — и над головами студентов взлетает яростно отбивающийся маленький человек в очках, совершенно безобидный на вид.) Это вы осмелились назвать меня лжецом? («Нет, сэр!» — кричит тот и, словно петрушка, ныряет вниз.) Если кто-либо из присутствующих сомневается в моей правдивости, я охотно побеседую с ним после заседания. («Лжец!») Кто это сказал? (Опять безобидная жертва взмывает высоко в воздух, отчаянно отбиваясь от своих мучителей.) Вот я сейчас сойду с эстрады, и тогда... (Дружные крики: «Просим, дружок, просим!») Заседание на несколько минут прерывают. Председатель вскакивает с места и размахивает руками, словно дирижер. Профессор окончательно разъярен. Он стоит, выпятив вперед бороду, багровый, с раздувающимися ноздрями.) Все великие новаторы встречали недоверие толпы, а недоверие — это клеймо дураков! Когда к вашим ногам кладут великие открытия, у вас не хватает интуиции, не хватает воображения, чтобы осмыслить их. Вы способны только поливать грязью людей, которые рисковали жизнью, завоеывая новые просторы науки. Вы поносите пророков! Галилей, Дарвин и я... (Продолжительные крики и полный беспорядок в зале.)

Все это я извлек из своих торопливых записей, которые хоть и были сделаны на месте, но не могут дать должного представления о хаосе, воцарившемся к этому времени в аудитории. Началось такое столпотворение, что некоторые дамы уже спасались бегством. Общему настроению поддались не только студенты, но и более солидная публика. Я сам видел, как седобородые старцы вскакивали с мест и потрясали кулаками, гневаясь на закусившего удила профессора. Многолюдное собрание бурлило и кипело, точно вода в котле. Профессор шагнул вперед и воздел руки вверх. В этом человеке чувствовалась такая сила и мужественность, что крикуны постепенно смолкли, усмиренные его повелительным жестом и властным взглядом. И зал притих, приготовившись слушать.

— Я не стану вас задерживать, — продолжал Челленджер. — Стоит ли попусту тратить время? Истина остается истиной, и ее не поколебать никакими бесчинствами глупых юнцов и, с сожалением должен добавить, не менее глупых пожилых джентльменов. Я утверждаю, что мною открыто новое поле для научных

исследований. Вы это оспариваете. (Общие крики.) Так давайте же проведем испытание. Согласны ли вы избрать из вашей среды одного или нескольких представителей, которые проверят справедливость моих слов?

Профессор сравнительной анатомии мистер Саммерли, высокий желчный старик, в суховатом облике которого было что-то придававшее ему сходство с богословом, поднялся с места. Он пожелал узнать, не являются ли заявления профессора Челленджера результатом его поездки в верховья реки Амазонки, предпринятой два года тому назад.

Профессор Челленджер ответил утвердительно.

Далее мистер Саммерли осведомился, каким это образом профессору Челленджеру удалось сделать новое открытие в местах, обследованных Уоллесом, Бейтсом и другими учеными, пользующимися вполне заслуженной известностью.

Профессор Челленджер ответил на это, что мистер Саммерли, по-видимому, спутал Амазонку с Темзой. Амазонка гораздо больше Темзы, и если мистеру Саммерли угодно знать, река Амазонка и соединяющаяся с ней притоком река Ориноко покрывают в общей сложности площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль. Поэтому нет ничего удивительного, если на таком огромном пространстве один исследователь обнаружит то, чего не могли заметить его предшественники.

Мистер Саммерли возразил с кислой улыбкой, что ему хорошо известна разница между Темзой и Амазонкой, заключающаяся в том, что любое утверждение касательно первой легко можно проверить, чего нельзя сказать о второй. Он был бы премного обязан профессору Челленджеру, если б тот указал, под какими градусами широты и долготы лежит та местность, где обретаются доисторические животные.

Профессор Челленджер ответил, что до сих пор он воздерживался от сообщения подобных сведений, имея на это веские основания, но сейчас — конечно, с некоторыми оговорками — он готов представить их комиссии, избранной аудиторией. Может быть, мистер Саммерли согласен войти в эту комиссию и лично проверить правильность утверждения профессора Челленджера?

Мистер Саммерли. Да, согласен. (*Бурные аплодисменты.*)

Профессор Челленджер. Тогда я обязуюсь представить все необходимые сведения, которые помогут вам добраться до места. Но, поскольку мистер Саммерли намерен проверять меня, я считаю справедливым, чтобы его тоже кто-нибудь проверял. Не скрою от вас, что путешествие будет сопряжено со многими трудностями и опасностями. Мистеру Саммерли необходим спутник помоложе. Может быть, желающие найдутся здесь в зале?

Вот так нежданно-негаданно наступает перелом в жизни человека! Мог ли я подумать, входя в этот зал, что я стою на пороге

самых невероятных приключений, таких, которые мне даже не мерещились! Но Глэдис! Разве не об этом она говорила? Глэдис благословила бы меня на такой подвиг. Я вскочил с места. Слова сами собой сорвались у меня с языка. Мой сосед Тарп Генри тянул меня за пиджак и шептал:

— Сядьте, Мелоун! Не стройте из себя дурака при всем честном народе!

В ту же минуту я увидел, как в одном из первых рядов поднялся какой-то высокий рыжеватый человек. Он

сердито сверкнул на меня глазами, но я не сдался.

— Господин председатель, я хочу ехать! — повторил я.

— Имя, имя! — требовала публика.

— Меня зовут Эдуард Дан Мелоун. Я репортер «Дейли-газетт». Даю слово, что буду совершенно беспристрастным свидетелем.

— А ваше имя, сэр? — обратился председатель к моему сопернику.

— Лорд Джон Рокстон. Я бывал на Амазонке, хорошо знаю эти места и поэтому имею все основания предлагать свою кандидатуру.

— Лорд Джон Рокстон пользуется мировой известностью как путешественник и охотник, — сказал председатель. — Но участие в этой экспедиции представителя прессы было бы не менее желательно.

— В таком случае, — сказал профессор Челленджер, — я предлагаю, чтобы настоящее собрание уполномочило обоих этих джентльменов сопровождать профессора Саммерли в его путешествии, целью которого будет расследование правильности моих слов.

Под крики и аплодисменты всего зала наша судьба была решена, и я, ошеломленный огромными перспективами, которые вдруг открылись перед моим взором, смешался с людским потоком, хлынувшим к дверям. Выйдя на улицу, я смутно, как сквозь

сон, увидел толпу, с хохотом несущуюся по тротуару, и в самом центре ее чью-то руку, вооруженную зонтом, который так и ходил по головам студентов. Потом электрическая карета профессора Челленджера тронулась с места под веселые крики озорников и стоны пострадавших, и я зашагал дальше по Риджент-стрит, поглощенный мыслями о Глэдис и о том, что ждало меня впереди.

Вдруг кто-то дотронулся до моего локтя. Я оглянулся и увидел, что на меня насмешливо и властно смотрят глаза того высокого, худого человека, который вызвался вместе со мной отправиться в эту необычайную экспедицию.

— Мистер Мелоун, если не ошибаюсь? — сказал он. — Отныне мы с вами будем товарищами, не так ли? Я живу в двух шагах отсюда, в Олбени. Может быть, вы уделите мне полчаса? Я очень хочу потолковать с вами кое о чем.

Глава 6

Меня называли бичом божиим

Лорд Джон Рокстон свернул на Виго-стрит, и, миновав один за другим несколько мрачных проходов, мы углубились в Олбени, в этот знаменитый аристократический муравейник. В конце длинного темного коридора мой новый знакомый толкнул дверь и повернул выключатель. Лампы с яркими абажурами залили огромную комнату рубиновым светом. Оглядевшись с порога, я сразу почувствовал здесь атмосферу утонченного комфорта, изящества и вместе с тем мужественности. Комната говорила о том, что в ней идет непрестанная борьба между изысканностью вкуса ее богатого хозяина и его же холостяцкой беспорядочностью. Пол был устлан пушистыми шкурами и причудливыми коврами всех цветов радуги, вывезенными, вероятно, с какого-нибудь восточного базара. На стенах висели картины и гравюры, ценность которых была видна даже мне, несмотря на мою неискушенность. Фотографии боксеров, балерин и скаковых лошадей мирно уживались с полотнами чувственного Фрагонара, батальными сценами Жирарде и мечтательным Тернером. Но среди этой роскоши были и другие вещи, живо напоминавшие мне о том, что лорд Джон Рокстон — один из знаменитейших охотников и спортсменов наших дней. Два скрещенных весла над камином — темно-синее и красное — говорили о былых увлечениях гребным спортом в Оксфорде, а рапиры и боксерские перчатки, висевшие тут же, свидетельствовали, что их хозяин пожинал лавры и в этих областях. Всю комнату, подобно архитектурному фризу, опоясывали головы крупных зверей, свезенные сюда со всех концов света, а жемчу-

жиной этой великолепной коллекции была голова редкостного белого носорога с надменно выпяченной губой.

Посреди комнаты на пушистом красном ковре стоял черный с золотыми инкрустациями стол эпохи Людовика XV — чудесная антикварная вещь, кошунственно испещренная следами от стаканов и ожогами от сигарных окурков. На столе я увидел серебряный поднос с курительными принадлежностями и полированный поставец с бутылками. Молчаливый хозяин сейчас же налил два высоких бокала и добавил в них содовой из сифона. Поведя рукой в сторону кресла, он поставил мой бокал на столик и протянул мне длинную глянцевитую сигару. Потом сел напротив и устремил на меня пристальный взгляд своих странных светло-голубых глаз, мерцающих, как ледяное горное озеро.

Сквозь тонкую пелену сигарного дыма я присматривался к его лицу, знакомому мне по многим фотографиям: нос с горбинкой, худые, запавшие щеки, темно-рыжие волосы, уже редющие на макушке, закрученные шнурочком усы, маленькая, но задорная эспаньолка. В нем было нечто и от Наполеона III, и от Дон Кихота, и от типично английского джентльмена — любителя спорта, собак и лошадей, характерными чертами которого являются подтянутость и живость. Солнце и ветер закалили докрасна его кожу. Мохнатые, низко нависшие брови придавали и без того холодным глазам почти свирепое выражение, а изборожденный морщинами лоб только усугублял эту свирепость взгляда. Телом он был худощав, но крепок, а что касается неутомимости и физической выдержки, то не раз было доказано, что в Англии соперников по этой части у него мало. Несмотря на свои шесть с лишним футов, он казался человеком среднего роста. Виной этому была легкая сутулость.

Таков был знаменитый лорд Джон Рокстон, и сейчас, сидя напротив, он внимательно разглядывал меня, покусывая сигару, и ни единым словом не нарушал затянувшегося неловкого молчания.

— Ну-с, — сказал он наконец, — отступить нам теперь нельзя, милый юноша. Да, мы с вами прыгнули куда-то очертя голову. А ведь когда вы входили в зал, у вас, наверно, и в мыслях ничего подобного не было?

— Мне такое и не мерещилось.

— Вот именно. Мне тоже не мерещилось. А теперь мы с вами увязли в эту историю по уши. Господи боже, да ведь я всего три недели, как вернулся из Уганды, успел снять коттедж в Шотландии, подписал контракт и все такое прочее. Ну и дела! Ваши планы, наверно, тоже пошли прахом?

— Да нет, такое уж у меня ремесло: ведь я журналист, работаю в «Дейли-газетт».

— Да, конечно. Вы же сказали об этом. Кстати, тут есть одно дело... Вы не откажетесь помочь?

— С удовольствием.

— Но дело рискованное... Как вы на это смотрите?

— А в чем риск?

— Я поведу вас к Биллингеру, вот в чем риск. Вы о нем слышали?

— Нет.

— Помилуйте, юноша, на каком вы свете обретаетесь? Сэр Джон Биллингер — наш лучший жокей. На ровной дорожке я еще могу с ним потягаться, но в скачке с препятствиями он меня сразу заткнет за пояс. Ну так вот, ни для кого не секрет, что как только у Биллингера кончается тренировка, он начинает пить горькую. Это у него называется «выводить среднее число». Во вторник он допил до белой горячки и с тех пор буйствует. Его комната как раз над моей. Врачи говорят, что если беднягу не покормить хотя бы насильно, то пиши пропало. Слуги сего джентльмена объявили забастовку, так как он лежит в кровати с заряженным револьвером и грозит всадить все шесть в первого, кто к нему сунется. Надо сказать, что Джон вообще человек непокладистый и к тому же стреляет без промаха, но ведь нельзя допустить, чтобы жокей, взявший Большой национальный приз, погибал такой бесславной смертью! Как вы на это смотрите?

— А что вы думаете предпринять? — спросил я.

— Лучше всего насесть на него вдвоем. Может быть, он сейчас спит. В худшем случае один из нас будет ранен, зато другой успеет с ним справиться. Если бы нам удалось связать ему руки чехлом с дивана, а потом быстро вызвать по телефону врача с желудочным зондом, он, голубчик, роскошно бы у нас поужинал.

Когда на человека вдруг ни с того ни с сего сваливается такая задача, радоваться тут не приходится. Я не считаю себя очень уж большим храбрецом. Все новое, неизведанное рисуется мне заранее гораздо более страшным, чем оно оказывается на деле. Таково уж свойство чисто ирландского пылкого воображения. С другой стороны, меня всегда пугала мысль, как бы не навлечь на себя

позорного обвинения в трусости, ибо мне с малых лет внушали ужас перед ней. Смею думать, что если б кто-нибудь усомнился в моей храбрости, я мог бы броситься в пропасть, но побудила бы меня к этому не храбрость, а гордость и боязнь прослыть трусом. Поэтому, хоть я и содрогался, мысленно представляя себе обезумевшее с перепоя существо в комнате наверху, все же у меня хватило самообладания, чтобы выразить свое согласие самым небрежным тоном, на какой я только был способен. Лорд Рокстон начал было расписывать опасность предстоящей нам задачи, но это только вывело меня из терпения.

— Словами делу не поможешь, — сказал я. — Пойдемте.

Я встал. Он поднялся следом за мной. Потом, коротко рассмеявшись, ткнул меня раза два кулаком в грудь и усадил обратно в кресло.

— Ладно, юноша... признать годным.

Я с удивлением воззрился на него.

— Сегодня утром я сам был у Джона Биллингера. Он прострелил мне всего лишь кимоно: слава богу, руки тряслись! Но мы все-таки надели на него смирительную рубашку, и через несколько дней старик будет в полном порядке. Вы на меня не сердитесь, голубчик? Строго между нами: эта экспедиция в Южную Америку — дело очень серьезное, и мне хочется иметь такого спутника, на которого можно положиться, как на каменную гору. Поэтому я устроил вам легкий экзамен и должен сказать, что вы с честью вышли из положения. Вы же понимаете, нам придется рассчитывать только на самих себя, потому что этому старикану Саммерли с первых же шагов потребуется нянька. Кстати, вы не тот Мелоун, который будет играть в ирландской команде на первенство по регби?

— Да, но, вероятно, запасным.

— То-то мне показалось, будто я вас где-то видел. Ваша встреча с ричмондцами — лучшая игра за весь сезон! Я стараюсь не пропускать ни одного состязания по регби: ведь это самый мужественный вид спорта. Однако я пригласил вас вовсе не для того, чтобы беседовать о регби. Займемся делами. Вот здесь, на первой странице «Таймса», расписание паровых рейсов. Пароход до Пары отходит в следующую среду, и, если вы с профессором успеете собраться, мы этим пароходом и поедем. Ну, что вы на это скажете? Прекрасно, я с ним обо всем договорюсь. А как у вас обстоит со снаряжением?

— Об этом позаботится моя газета.

— Стрелять вы умеете?

— Примерно как средний стрелок территориальных войск.

— Только-то? Боже мой! У вас, молодежи, это считается последним делом. Все вы пчелы без жала. Таким своего улья не отстоять! Вот попомните мое слово: нагрянет кто-нибудь к вам за

медом, хороши вы тогда будете! Нет, в Южной Америке с оружием надо обращаться умело, потому что, если наш друг профессор не обманщик и не сумасшедший, нас ждет там нечто весьма любопытное. Какое у вас ружье?

Лорд Рокстон подошел к дубовому шкафу, открыл дверцу, и я увидел за ней поблескивающие металлом ружейные стволы, выставленные в ряд, словно органные трубки.

— Сейчас посмотрим, что я могу пожертвовать вам из своего арсенала, — сказал лорд Рокстон.

Он стал вынимать одно за другим великолепные ружья, открывал их, щелкал затворами и, ласково поглаживая, как нежная мать своих младенцев, ставил на место.

— Вот «бленд». Из него я уложил вон того великана. — Он взглянул на голову белого носорога. — Будь я на десять шагов ближе, этот зверь пополнил бы мной свою коллекцию. Надеюсь, вы хорошо знаете Гордона?

Судьба моя зависит от пули,
А пуля — защита в неравном бою.

Это поэт, воспевающий коня, винтовку и тех, кто умеет обращаться и с тем и с другим. Вот еще одна полезная вещь — телескопический прицел, двойной эжектор, прекрасная наводка. Три года назад мне пришлось выступить с этой винтовкой против перуанских рабовладельцев. В тех местах меня называли бичом Божиим, хотя вы не найдете моего имени ни в одной Синей книге. Бывают времена, голубчик, когда каждый из нас обязан стать на защиту человеческих прав и справедливости, чтобы не потерять уважения к самому себе. Вот почему я вел там нечто вроде войны на свой страх и риск. Сам ее объявил, сам воевал, сам довел ее до конца. Каждая зарубка — это убитый мною мерзавец. Смотрите, целая лестница! Самая большая отметина сделана после того, как я пристрелил в одной из заводей реки Путумайо Педро Лопеса — крупнейшего из рабовладельцев... А, вот это вам подойдет! — Он вынул из шкафа прекрасную винтовку, отделанную серебром. — Прицел абсолютно точный, магазин на пять патронов. Можете смело вверить ей свою жизнь. — Лорд Рокстон протянул винтовку мне и закрыл шкаф. — Кстати, — продолжал он, снова садясь в кресло, — что вы знаете об этом профессоре Челленджере?

— Я его увидел сегодня впервые в жизни.

— Я тоже. Правда, странно, что мы с вами отправляемся в путешествие, полагаясь на слова совершенно неизвестного нам человека? Он, кажется, довольно наглый субъект и не пользуется любовью у своих собратьев по науке. Почему вы им заинтересовались?

Я рассказал вкратце о событиях сегодняшнего утра. Лорд Рок-

стон внимательно меня выслушал, потом принес карту Южной Америки и разложил ее на столе.

— Челленджер говорит правду, чистейшую правду, — серьезно сказал он. — И я, заметьте, утверждаю это не наобум. Южная Америка — моя любимая страна, и если, скажем, проехать ее насквозь, от Дарьенского залива до Огненной Земли, то ничего более величественного и более пышного не найдешь на всем земном шаре. Эту страну мало знают, а какое ее ждет будущее, об этом никто и не догадывается. Я изъездил Южную Америку вдоль и поперек, в периоды засухи побывал в тех местах, где у меня завязалась война с работоторговцами, о которой я вам уже рассказывал. Да, действительно, мне приходилось слышать там много разных легенд. Это всего лишь индейские предания, но за ними, безусловно, что-то кроется. Чем ближе узнаешь Южную Америку, друг мой, тем больше начинаешь верить, что в этой стране все возможно, решительно все! Люди передвигаются там по узким речным долинам, а за этими долинами начинается полная неизвестность. Вот здесь, на плоскогорье Мату-Гросу, — он показал сигарой место на карте, — или в этом углу, где сходятся границы трех государств, меня ничто не удивит. Как сказал сегодня Челленджер, Амазонка орошает площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль, поросших тропическим лесом, площадь, почти равную всей Европе. Не покидая бразильских джунглей, мы с вами могли бы находиться друг от друга на расстоянии, отделяющем Шотландию от Константинополя. Человек только кое-где смог продраться сквозь эту чашу и протоптать в ней тропинки. А что бывает в периоды дождей? Уровень воды в Амазонке поднимается по меньшей мере на сорок футов и превращает все кругом в непролазную топь. В такой стране только и следует ждать всяких чудес и тайн. И почему бы нам не разгадать их? А помимо всего прочего, — странное лицо лорда Рокстона озарилось довольной улыбкой, — там на каждом шагу придется рисковать жизнью, а мне, как спортсмену, ничего другого и не нужно. Я точно старый мяч для гольфа — белая краска с меня давно стерлась, так что теперь жизнь может распоряжаться мной как угодно: царапин не останется. А риск, милый юноша, придает нашему существованию особенную остроту. Только тогда и стоит жить. Мы слишком уж изнежились, потускнели, привыкли к благоустроенности. Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пушусь на поиски того, что стоит искать. Чего только я не испробовал в своей жизни: и воевал, и участвовал в скачках, и летал на аэроплане, — но охота на чудовищ, которые могут присниться только после тяжелого ужина, — это для меня совсем новое ощущение! — Он весело рассмеялся, предвкушая то, что его ждало впереди.

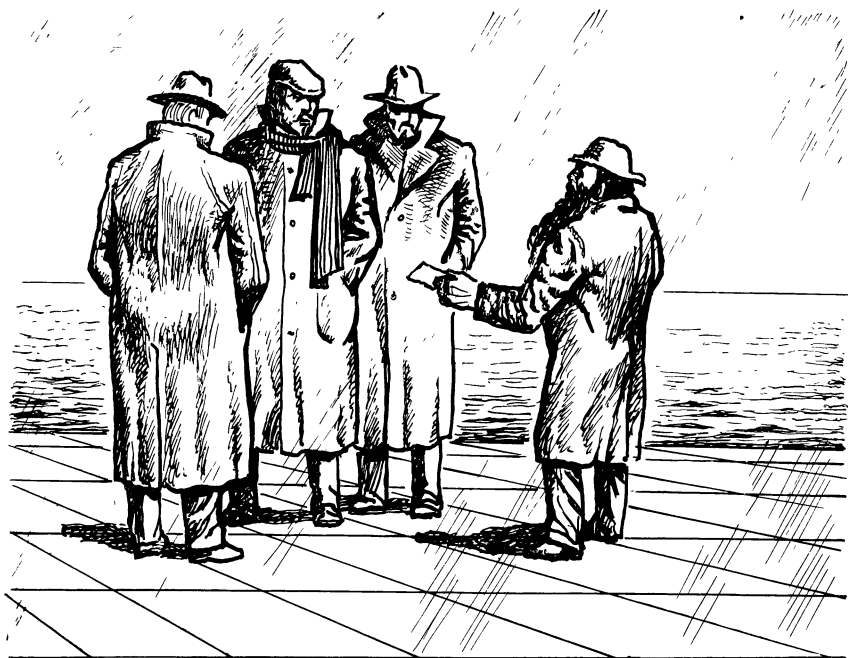
Может быть, я слишком увлекся описанием своего нового зна-

когого, но нам предстоит провести много дней вместе, и поэтому мне хочется передать свое первое впечатление об этом человеке со всеми особенностями его характера, речи и мышления. Только необходимость вести в редакцию отчет о заседаниях и заставила меня покинуть лорда Рокстона. Когда я уходил от него, он сидел в кресле, залитый красноватым светом лампы, смазывал затвор своей любимой винтовки и негромко посмеивался, раздумывая о тех приключениях, которые нам готовила судьба. И я проникся твердой уверенностью, что если нас ждут опасности, то более хладнокровного и более отважного спутника, чем лорд Рокстон, мне не найти во всей Англии.

Как ни утомили меня необычайные происшествия этого дня, все же я долго сидел с редактором отдела «Последние новости» Мак-Ардлом, разъясняя ему все обстоятельства дела, которые он считал необходимым завтра же довести до сведения нашего патрона, сэра Джорджа Бомонта. Мы условились, что я буду присылать подробные отчеты обо всех своих приключениях в форме писем к Мак-Ардлу и что они будут печататься в газете либо сразу же по мере их получения, либо потом — в зависимости от санкции профессора Челленджера, ибо мы еще не знали, каковы будут условия, на которых он согласится дать нам сведения, необходимые для путешествия в Неведомую страну. В ответ на запрос по телефону мы не услышали от профессора ничего другого, кроме яростных нападок на прессу, но потом он все же сказал, что, если его известят о дне и часе нашего отъезда, он доставит на пароход те инструкции, которые сочтет нужными. Наш второй запрос остался совсем без ответа, если не считать жалобного лепета миссис Челленджер, умолявшей нас не приставать более к ее супругу, так как он и без того разгневан сверх всякой меры. Третья попытка, сделанная в тот же день, была пресечена оглушительным треском, и вскоре вслед за этим центральная станция уведомила нас, что у профессора Челленджера разбита телефонная трубка. После этого мы уже не пытались говорить с ним.

А теперь, мои терпеливые читатели, я прекращаю свою беседу с вами. Отныне (если только продолжение этого рассказа когда-нибудь дойдет до вас) вы будете узнавать о моих дальнейших приключениях только через газету. Я вручаю редактору отчет о событиях, послуживших толчком к одной из самых замечательных экспедиций, какие знает мир, и если мне не суждено будет вернуться в Англию, вы узнаете по крайней мере, что ей предшествовало.

Я дописываю свой отчет в салоне парохода «Франциск». Лоцман заберет его с собой и передаст на хранение мистеру Мак-Ардлу. В заключение, пока я не захлопнул записную книжку, позвольте мне набросать еще одну картину — картину, которая останется со мной как последнее воспоминание о родине.

Поздняя весна, промозглое, туманное утро, моросит холодный, мелкий дождь. По набережной шагают три фигуры в гляцевитых макинтошах. Они направляются к сходням большого парохода, на котором уже поднят синий флаг. Впереди них носильщик везет тележку, нагруженную чемоданами, портплекдами и винтовками в чехлах.

Долговязый, унылый профессор Саммерли идет, волоча ноги и понуриив голову, как человек, горько раскаивающийся в содеянном. Лорд Джон Рокстон в охотничьем кепи и кашне шагает бодро, и его живое, тонкое лицо сияет от счастья. Что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что всем своим видом выражаю радость: ведь предотъездная суета и горечь прощания остались позади.

Мы уже совсем близко от парохода — и вдруг сзади раздается чей-то голос. Это профессор Челленджер, который обещал проводить нас. Он бежит за нами, тяжело отдуваясь, весь красный и страшно сердитый.

— Нет, благодарю вас, — говорит профессор. — Не имею ни малейшего желания лезть на пароход. Мне надо сказать вам несколько слов, а это можно сделать и здесь. Не воображайте, пожалуйста, что вы так уж меня разодолжили своей поездкой. Мне это глубоко безразлично, и я ни в коей мере не считаю себя обязанным вам. Истина остается истиной, и все те расследования,

которые вы собираетесь производить, никак на нее не повлияют и смогут лишь разжечь страсти разных невежд. Необходимые вам сведения и мои инструкции находятся вот в этом запечатанном конверте. Вы вскрыете его лишь тогда, когда приедете в город Манаус на Амазонке, но не раньше того дня и часа, которые указаны на конверте. Вы меня поняли? Полагаюсь на вашу порядочность и надеюсь, что все мои условия будут соблюдены в точности. Мистер Мелоун, я не намерен налагать запрет на ваши корреспонденции, поскольку целью вашего путешествия является освещение фактической стороны дела. Требую от вас только одного: не указывайте точно, куда вы едете, и не разрешайте опубликовывать отчет об экспедиции до вашего возвращения. Прощайте, сэр! Вам удалось несколько смягчить мое отношение к той презренной профессии, представителем которой, к несчастью, являетесь и вы сами. Прощайте, лорд Джон! Насколько мне известно, наука для вас — книга за семью печатями. Но охотой в тех местах вы останетесь довольны. Не сомневаюсь, что со временем в «Охотнике» появится ваша заметка о том, как вы подстрелили диморфодона. Прощайте и вы, профессор Саммерли. Если в вас еще не иссякли способности к самоусовершенствованию, в чем, откровенно говоря, я сомневаюсь, то вы вернетесь в Лондон значительно поумневшим.

Он круто повернулся, и минуту спустя я увидел с палубы его приземистую фигуру, пробирающуюся сквозь толпу к поезду.

Мы уже вышли в Ла-Манш. Раздается последний звонок, оповещающий о том, что пора сдавать письма. Сейчас мы распрощаемся с лощманом.

А теперь «вперед, корабль, плыви вперед!». Да хранит бог всех нас — и тех, кто остался на берегу, и тех, кто надеется на благополучное возвращение домой.

Глава 7

Завтра мы уходим в неведомое

Я не стану утруждать тех, до кого дойдет этот рассказ, описанием нашего переезда на комфортабельном океанском пароходе, не буду говорить о неделе, проведенной в Паре (ограничусь только благодарностью компании «Перейра-да-Пинта», оказавшей нам помощь при закупке снаряжения), и лишь коротко упомяну о нашем путешествии вверх по широкой, мутной, ленивой Амазонке — путешествии, проделанном на судне, почти не уступавшем размерами тому, на котором мы пересекли Атлантический океан.

После многих дней пути наша группа высадилась в городе Манаус, за Обидосским проходом.

Там нам удалось избежать весьма сомнительных прелестей местной гостиницы благодаря любезности агента Британско-Бразильской торговой компании мистера Шортмена. Мы прожили в его гостеприимной асьенде до срока, указанного на конверте, который дал нам профессор Челленджер. Прежде чем приступить к описанию неожиданных событий этого дня, мне хотелось бы несколько подробнее обрисовать моих товарищей и тех людей, которых мы завербовали в Южной Америке для обслуживания нашей экспедиции. Я пишу с полной откровенностью и полагаюсь на присутствующий вам такт, мистер Мак-Ардл, ибо до опубликования этот материал пройдет через ваши руки.

Научные заслуги профессора Саммерли слишком хорошо известны — о них нет нужды распространяться. Он оказался гораздо более приспособленным к такой тяжелой экспедиции, чем можно было предположить с первого взгляда. Его худое, жилистое тело не знает усталости, а сухая, насмешливая и подчас просто недружелюбная манера остается неизменной при любых обстоятельствах. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, он ни разу не пожаловался на трудности, с которыми нам часто приходилось сталкиваться. Вначале я боялся, что профессор Саммерли окажется тяжелой обузой для нас, но, как выяснилось из дальнейшего, его выносливость ничуть не уступает моей. Саммерли — человек желчный и большой скептик. Он не считает нужным скрывать свою твердую уверенность, что Челленджер — шарлатан чистой воды и что наша безумная, опасная затея не принесет нам ничего, кроме разочарований в Южной Америке и насмешек в Англии. Профессор Саммерли не переставал твердить нам это всю дорогу от Саутгемптона до Манауса, корча презрительные гримасы и тряся своей жиденькой козлиной бородкой.

Когда мы высадились, его несколько утешило величие и богатство мира пернатых и насекомых Южной Америки, ибо он предан науке всей душой. Теперь профессор Саммерли с раннего утра носится по лесу с охотничьим ружьем и сачком для бабочек, а вечерами препарирует добытые экземпляры. Из присущих ему странностей отмечу всегдашнюю небрежность туалета, полное невнимание к своей внешности, крайнюю рассеянность и пристрастие к короткой пенковой трубке, которую он почти не вынимает изо рта. В молодости профессор участвовал в нескольких научных экспедициях (был, например, с Робертсоном в Папуа), и поэтому кочевая жизнь ему не в новинку.

У лорда Джона Рокстона есть кое-что общее с профессором Саммерли, но, по существу, они прямо противоположны друг другу. Хотя лорд Джон лет на двадцать моложе, тело у него такое же поджарое и костлявое. Я, помнится, подробно описал его внешность в той части моего повествования, которая осталась в Лондоне. Он очень опрятен, следит за собой, одет обычно в белое,

носит высокие коричневые башмаки на шнуровке и бреется по меньшей мере раз в день. Как почти всякий человек действия, лорд Джон немногословен и часто задумывается, но на обращенные к нему вопросы отвечает тотчас же и охотно принимает участие в общей беседе, сдабривая ее отрывистыми, наполовину серьезными, наполовину шутливими репликами. Его знание разных стран и в особенности Южной Америки просто поражает своей широтой, а что касается нашей экспедиции, то он всем сердцем верит в ее целесообразность, не смущаясь насмешками профессора Саммерли. Голос у лорда Рокстона мягкий, манеры спокойные, но в глубине его мерцающих голубых глаз таится нечто свидетельствующее о том, что обладатель этих глаз способен приходить в бешенство и принимать беспощадные решения, а его обычная сдержанность только подчеркивает, насколько опасен может быть этот человек в минуты гнева. Он не любит распространяться о своих поездках в Бразилию и Перу, и поэтому мне и в голову не приходило, что его появление так взволнует туземцев, населяющих берега Амазонки. Эти люди видят в нем поборника своих прав и надежного защитника. Вокруг подвигов Рыжеволосого Вождя, как его здесь называют, уже сложились легенды, но с меня было достаточно и фактов, которые я мало-помалу узнавал, — они были поразительны сами по себе.

Так, например, выяснилось, что несколько лет назад лорд Джон очутился на «ничьей земле», существование которой объясняется неточностью границ между Перу, Бразилией и Колумбией. На этом огромном пространстве в изобилии произрастает каучуковое дерево, принесшее туземцам, как и на Конго, не меньше зла, чем подневольный труд на дарьенских серебряных рудниках во времена владычества испанцев. Кучка негодяев метисов завладела всей этой областью, вооружила тех индейцев, которые оказывали им поддержку, а остальных обратила в рабство и, подвергая их нечеловеческим пыткам, вынуждала рубить каучуковые деревья и сплавливать их вниз по реке к Паре.

Лорд Джон Рокстон попробовал было вступить за несчастных, но, кроме угроз и оскорблений, ничего не добился. Тогда он по всем правилам объявил войну главарю рабовладельцев, некоему Педро Лопесу, собрал беглых рабов, вооружил их и начал военные действия, закончившиеся тем, что изверг метис погиб от его пули, а возглавляемая им система рабства была уничтожена. Не удивительно, что этот рыжеволосый человек с бархатным голосом и непринужденными манерами приковал к себе всеобщее внимание на берегах великой южноамериканской реки. Впрочем, чувства, которые он возбуждал, были, как и следовало ожидать, разные, ибо туземцы испытывали к нему благодарность, а их бывшие поработители — ненависть. Несколько месяцев, проведенных в Бразилии, не прошли для лорда Рокстона без пользы: он сво-

бодно овладел местным наречием, состоящим на одну треть из португальских слов и на две трети из индейских.

Я уже упоминал, что лорд Джон Рокстон буквально бредил Южной Америкой. Он увлекался, говоря о ней, и его увлечение было заразительно, ибо даже у такого невежды, как я, пробудился интерес к этой стране. Как бы мне хотелось передать прелесть его рассказов, в которых точное знание так тесно переплеталось с игрой пылкой фантазии, что даже профессор Саммерли внимательно слушал их и скептическая улыбка постепенно сбегала с его худой, длинной физиономии! Лорд Джон рассказывал нам историю этой величественной реки. Она была исследована еще первыми завоевателями, проплывшими по ней от одного конца материка до другого, и все же до сих пор скрывала много тайн за своей узкой и вечно меняющейся береговой линией.

— Что там, в той стороне? — восклицал он, показывая на север. — Топи и непроходимые джунгли. Кто знает, что в них таится? А там, южнее? Болотистые заросли, где еще не ступала нога белого человека. Неведомое окружает нас со всех сторон. Кто может знать наверное, чего следует ждать за этой узкой прибрежной линией? Можно ли поручиться, что старик Челленджер был неправ?

Профессор Саммерли расценивал такие слова как прямой вызов, — упрямая усмешка снова появлялась на его лице, он иронически покачивал головой, пускал клубы дыма из трубки и ни единым словом не нарушал враждебного молчания. Но довольно говорить о моих двух белых спутниках: их характер и недостатки, так же как и мои собственные, выявятся из дальнейшего. Расскажу лучше о людях, которые, возможно, будут играть немаловажную роль в грядущих событиях.

Начнем с великана-негра по имени Самбо. Это черный Геркулес, работающий, как лошадь, и наделенный примерно таким же интеллектом. Мы наняли его в Паре по рекомендации парходной компании, на судах которой он научился кое-как объясняться по-английски.

Там же, в Паре, мы завербовали двух метисов, которые сплавли в город красное дерево с верховьев Амазонки. Их звали Гомес и Мануэль. Оба они были смуглые, бородатые и свирепые на вид, а их ловкости и силе могла бы позавидовать и пантера. Гомес и Мануэль провели всю свою жизнь в верхней части бассейна Амазонки, которую мы должны были исследовать, и это обстоятельство и побудило лорда Джона взять их. У одного из метисов, Гомеса, было еще то достоинство, что он прекрасно говорил по-английски. Эти люди согласились прислуживать нам — стряпать, грести и вообще делать все, что от них потребуется, за жалованье в пятнадцать долларов в месяц. Кроме них, мы наняли троих боливийских индейцев племени можо, представители которого

славятся среди других приречных племен как искусные рыболовы и гребцы. Старшего из них мы так и назвали — Можо, а двое других получили имена Жозе и Фернандо. Итак, трое белых, двое метисов, один негр и трое индейцев — вот состав нашей маленькой экспедиции, которая ждала в Манаусе дальнейших инструкций, чтобы двинуться в путь и выполнить возложенную на нее столь необычную задачу.

Наконец прошла томительная неделя и настал долгожданный день и час. Пред-

ставьте же себе полутемную гостиную асьенды Сант-Игнасио, расположенной в двух милях от города Манаус. За спущенными шторами ослепительно сияло отливающее медью солнце, тени от пальм чернели на свету так же четко, как и сами пальмы. Не было ни малейшего ветерка, в воздухе стояло несмолкаемое жужжание насекомых, и в этот тропический многооктавный хор входил и густой бас пчел и пронзительный фальцет москитов. Позади веранды начинался небольшой, обнесенный кактусовой изгородью сад с цветущими кустами, над которыми, искрясь на солнце, порхали большие голубые бабочки и крохотные колибри.

Мы сидели за камышовым столом, а на нем лежал запечатанный конверт. На конверте неровным почерком профессора Челленджера было нацарапано следующее:

*«Инструкция лорду Джону Рокстону и его спутникам.
Вскрыть в городе Манаус 15 июля ровно в 12 часов дня.»*

Лорд Джон положил часы на стол рядом с собой.

— Еще семь минут, — сказал он. — Старикашка весьма пунктуален.

Профессор Саммерли криво усмехнулся и протянул к конверту свою худую руку.

— По-моему, безразлично, когда вскрыть, сейчас или через

семь минут, — сказал он. — Это все то же шарлатанство и кривляние, которыми, к сожалению, славится автор письма.

— Нет, уж если играть, так по всем правилам, — возразил лорд Джон. — Парадом командует старик Челленджер, и нас занесло сюда по его милости. С нашей стороны будет просто неприлично, если мы не выполним его распоряжений в точности.

— Бог знает что! — рассердился профессор. — Меня и в Лондоне это возмущало, а чем дальше, тем становится все хуже и хуже! Я не знаю, что заключается в этом конверте, но если в нем нет совершенно точного маршрута, я сяду на первый же пароход и постараюсь захватить «Боливию» в Паре. В конце концов у меня найдется работа поважнее, чем разоблачать бредни какого-то маньяка. Ну, Рокстон, тепер уже пора.

— Да, время истекло, — сказал лорд Джон. — Можете давать сигнал.

Он вскрыл конверт перочинным ножом, вынул оттуда сложенный пополам лист бумаги, осторожно расправил его и положил на стол. Бумага была совершенно чистая. Лорд Джон перевернул лист другой стороной. Там тоже ничего не было. Мы растерянно переглядывались и молчали, но наступившую тишину вдруг прервал презрительный смех профессора Саммерли.

— Это же чистосердечное признание! — воскликнул он. — Что вам еще нужно? Человек сам подтвердил собственное мошенничество. Нам остается только вернуться домой и назвать его во всеуслышание наглым обманщиком, кем он и является на самом деле.

— Симпатические чернила! — вырвалось у меня.

— Вряд ли, — ответил лорд Рокстон, поднимая бумагу на свет. — Нет, дорогой юноша, незачем себя обманывать. Ручаюсь чем угодно, что на этом листке ничего не было написано.

— Разрешите войти? — прогудел чей-то голос с веранды.

Приземистая фигура появилась в освещенном квадрате двери. Этот голос! Эта непомерная ширина плеч! Мы дружно вскрикнули и повскакали с мест, когда перед нами в нелепой детской соломенной шляпе с цветной ленточкой, в парусиновых башмаках, носки которых он при каждом шаге выворачивал в стороны, вырос сам Челленджер. Он остановился на ярком свете, засунул руки в карманы куртки, выпятил вперед свою роскошную ассирийскую бороду и устремил на нас дерзкий взгляд из-под полуопущенных век.

— Все-таки опоздал на несколько минут, — сказал он, вынимая из кармана часы. — Вручая вам этот конверт, я, признаться, не рассчитывал, что вы вскрыете его, так как мною с самого начала было решено присоединиться к вам раньше указанного часа. Виновники этой досадной задержки — болван лоцман и в равной степени некстати подвернувшаяся мель. Боюсь, что я волей-неволей предоставил моему коллеге профессору Саммерли прекрасный повод поиздеваться надо мной.

— Должен вам заметить, сэр, — довольно строгим тоном сказал лорд Джон, — что ваш приезд несколько облегчает создавшееся неприятное положение, так как мы уже решили, что наша экспедиция подошла к преждевременному концу. Тем не менее я отказываюсь понимать, что вас заставило пуститься на такие странные шутки.

Вместо ответа профессор Челленджер подошел к столу, поздоровался за руку со мной и с лордом Джоном, отвесил оскорбительно вежливый поклон профессору Саммерли и сел в плетеное кресло, которое скрипнуло и так и заходило ходуном под его тяжестью.

— У вас все готово, чтобы двинуться в путь? — спросил он.

— Можно выехать хоть завтра.

— Так и сделаем. Теперь вам не понадобится никаких карт, никаких указаний — я сам буду вашим проводником, цените это! Я с самого начала решил возглавить экспедицию, и вы убедитесь, что ни одна, даже самая подробная карта не заменит вам моего опыта, моего руководства. Что же касается этой невинной хитрости с конвертом, так если б я посвятил вас заранее в свои планы, мне пришлось бы отбиваться от ваших настоятельных просьб ехать сюда всем вместе.

— От меня вы бы этого не дождались, сэр! — с жаром воскликнул профессор Саммерли. — Разве лишь если б на всем Атлантическом океане не нашлось другого парохода!

Челленджер только махнул в его сторону волосатой ручищей.

— Здравый смысл подскажет вам, что я руководствовался правильными соображениями. Мне нужно было сохранить за собой свободу действий, с тем чтобы появиться здесь в тот момент, когда мое присутствие окажется необходимым. Этот момент насту-

пил. Теперь ваша судьба в надежных руках. Вы доберетесь до места. Отныне руководить экспедицией буду я. Прошу вас закончить за сегодняшний день все приготовления, чтобы завтра ранним утром мы могли сняться с места. Мое время драгоценно, ваше тоже, хоть и в меньшей степени. Поэтому предлагаю как можно скорее проделать весь путь, а в конце его я покажу вам то, ради чего вы сюда приехали.

Лорд Джон Рокстон уже несколько дней назад зафрахтовал большой паровой катер «Эсмеральда», на котором мы должны были отправиться вверх по Амазонке. Время года не играло никакой роли при отправке нашей экспедиции, так как температура здесь держится в пределах двадцати пяти — тридцати градусов и зимой и летом. Другое дело — период дождей: он длится с декабря по май, и вода в реке постепенно поднимается больше, чем на двенадцать метров сверх обычного уровня. Амазонка выходит из берегов, заливая огромные пространства, превращая обширный район — местное название его Гапо — в сплошные топи, по которым если пойти пешком, то увязнешь, а на лодке не проедешь из-за мелководья. К июню вода начинает спадать, а в октябре или ноябре уровень ее достигает низшей точки. Отправка нашей экспедиции совпала именно с тем периодом, когда величественная река со всеми ее притоками держится более или менее в берегах.

Течение в Амазонке довольно медленное, так как уклон ее русла не превышает восьми дюймов на милю. Вряд ли есть на свете река, более удобная для навигации. Преобладающие ветры здесь юго-восточные, и до границы Перу парусные суда добираются быстро, а обратно идут вниз по течению. Что касается нашей «Эсмеральды», то ход ее благодаря прекрасной машинной части не зависел от ленивой реки, и мы двигались с такой быстротой, точно это была не Амазонка, а стоячий пруд.

Первые три дня наш катер держал курс на север-запад, вверх по течению. Хотя устье Амазонки находится от этих мест на расстоянии нескольких тысяч миль, она настолько широка здесь, что с середины реки оба берега кажутся еле заметной линией где-то у самого горизонта. На четвертый день после нашего отплытия из Манауса мы свернули в один из притоков, который в устье почти не уступал по ширине самой Амазонке, но вскоре начал быстро суживаться. Прошло еще два дня, и мы подошли к какому-то индейскому поселку, где профессор предложил нам высадиться, а «Эсмеральду» отправил обратно в Манаус. Скоро начнутся пороги, пояснил он, и катеру тут делать нечего. По секрету же добавил, что мы приблизились к преддверию Неведомой страны и, следовательно, чем меньше народу будет посвящено в нашу тайну, тем лучше. С этой же целью он взял с каждого из нас честное слово, что мы не опубликуем и не разгласим устно точных сведений о географическом положении того места, куда направляется экспе-

диция, а всех слуг заставил торжественно поклясться в соблюдении тайны. Все это вынуждает меня к известной сдержанности в изложении событий, и я предупреждаю читателей, что на тех картах или чертежах, которые, возможно, придется приложить к моему повествованию, будет правильно только взаимное расположение отдельных мест, но не координаты их, и, следовательно, пользоваться этими данными, для того чтобы проникнуть в Неведомую страну, не рекомендуется. Чем бы ни руководствовался профессор Челленджер, столь ревностно сохраняя свою тайну, мы не могли не повиноваться ему, ибо он действительно был способен скорее сорвать экспедицию, чем хоть на йоту отступить от поставленных нам условий.

Второго августа мы простились с «Эсмеральдой», тем самым порвав последнее звено, связующее нас с миром. За четыре дня, которые прошли с тех пор, профессор нанял у индейцев два больших челна, настолько легких (они были сделаны из звериных шкур, натянутых на бамбуковый каркас), что в случае необходимости мы могли бы перетаскивать их на руках. В эти челны было погружено все наше снаряжение, а в качестве добавочных гребцов мы наняли еще двух индейцев по имени Ипету и Атака, кажется, тех самых, которые сопровождали профессора Челленджера в его первом путешествии. Оба они, по-видимому, были вне себя от ужаса, когда им предложили снова отправиться в те края, но в быту индейцев вождь до сих пор пользуется патриархальной властью, и, если какая-либо сделка кажется ему выгодной, его соплеменникам рассуждать не приходится.

Итак, завтра мы уходим в Неведомое. Первую свою корреспонденцию я отправлю с попутной лодкой, и, быть может, для тех, кто интересуется нашей судьбой, эта весточка о нас будет последней. Я посылаю ее на ваше имя, дорогой мистер Мак-Арлл, как мы и условились. Сокращайте, правьте мои письма, словом, делайте с ними все, что найдете нужным, — полагаюсь на присущий вам такт.

Судя по весьма уверенному виду нашего предводителя, он собирается доказать свою правоту на деле, и я вопреки упорному скептицизму профессора Саммерли не сомневаюсь, что мы действительно накануне величайших и поразительных событий.

Глава 8

На подступах к новому миру

Пусть наши друзья на родине порадуются вместе с нами — мы добрались до цели своего путешествия и теперь можем сказать, что утверждения профессора будут проверены. Правда, на

плато наша экспедиция еще не поднималась, но оно тут, перед нами, и при виде его даже профессор Саммерли несколько смирился духом. Он, конечно, не допускает и мысли, что его соперник прав, но спорить стал меньше и большей частью хранит настороженное молчание.

Однако вернусь назад и продолжу свой рассказ с того места, на котором он был прерван. Мы отсылаем обратно одного из индейцев, сильно поранившего руку, и я отправлю письмо с ним, но дойдет ли оно когда-нибудь по назначению, в этом я очень сомневаюсь.

Последняя моя запись была сделана в тот день, когда мы собирались покинуть индейский поселок, к которому нас доставила «Эсмеральда». На сей раз приходится начинать с неприятного, так как в тот вечер между двумя членами нашей группы произошла первая серьезная ссора, чуть было не закончившаяся трагически. Постоянные стычки между профессорами, конечно, в счет не идут. Я уже писал о нашем метисе Гомесе, который говорит по-английски. Он прекрасный работник, очень услужливый, но страдает болезненным любопытством — пороком, свойственным большинству людей. В последний вечер перед отъездом из поселка Гомес, по-видимому, спрятался где-то около хижины, в которой мы обсуждали наши планы, и стал подслушивать. Великан Самбо, преданный нам, как собака, и к тому же ненавидящий метисов, подобно всем представителям своей расы, схватил его и притащил в хижину. Гомес взмахнул ножом и заколол бы негра, если б тот, обладая поистине невероятной силой, не ухитрился обезоружить его одной рукой. Мы отчитали их обоих, заставили обменяться рукопожатием и надеемся, что тем дело и кончится. Что же касается вражды между нашими двумя учеными мужьями, то она не только не утихает, но разгорается все пуще и пуще. Челленджер, надо сознаться, ведет себя крайне вызывающе, а злой язык Саммерли ни в коей мере не способствует их примирению. Вчера, например, Челленджер заявил, что он не любит гулять по набережной Темзы — ему, видите ли, грустно смотреть на то последнее пристанище, которое его ожидает. У профессора нет ни малейших сомнений, что его прах будет покоиться в Вестминстерском аббатстве. Саммерли кисло улыбнулся и сказал:

— Насколько мне известно, Милбенкскую тюрьму давно снесли.

Огромное самомнение Челленджера не позволяет ему обижаться на такие шпильки, и поэтому он только усмехнулся в бороду и проговорил снисходительным тоном, словно обращаясь к ребенку:

— Ишь ты, какой!

По уму и знаниям эти два человека могут занять место в первом ряду светил науки, но приглядеться к ним — они настоящие дети: один сухонький, брюзливый, другой тучный, властный. Ум,

воля, душа — чем больше узнаешь жизнь, тем яснее видишь, как часто одно не соответствует другому!

На следующий день после описанного происшествия мы двинулись в путь, и эту дату можно считать началом нашей замечательной экспедиции. Все снаряжение прекрасно поместилось в двух челнах, а мы сами разбили на две группы, по шести человек в каждой, причем в интересах общего спокойствия профессоров рассадили по разным челнам. Я сел с Челленджером, который пребывал в состоянии безмолвного экстаза и всем своим видом излучал благость. Но мне уже приходилось наблюдать его в другом настроении, и я готов был каждую минуту услышать гром среди ясного неба. С этим человеком никогда нельзя чувствовать себя спокойным, но зато в его обществе и не соскучишься, ибо он все время заставляет тебя трепетать в ожидании внезапной вспышки его бурного темперамента.

Два дня мы поднимались вверх по широкой реке, вода в которой была темная, но такая прозрачная, что сквозь нее виднелось дно. Такова половина всех притоков Амазонки, в других же вода мутно-белого цвета — все зависит от местности, по которой они протекают: там, где есть растительный перегной, вода в реках прозрачная, а в глинистой почве она замутнена. Пороги нам встретились дважды, и оба раза мы делали обход на полмили, перетаскивая все свое имущество на руках. Лес по обоим берегам был вековой давности, а через такой легче пробираться, чем сквозь густую поросль кустарника, поэтому наша поклада не причиняла нам особых неудобств. Мне никогда не забыть ощущения торжественной тайны, которое я испытал в этих лесах. Коренной горожанин не может даже представить себе таких могучих деревьев, почти на недосыгаемой для взора высоте сплетающих готические стрелы ветвей в сплошной зеленый шатер, сквозь который лишь кое-где, пронизывая на миг золотом эту торжественную тьму, пробивается солнечный луч. Густой мягкий ковер прошлогодней листвы приглушал наши шаги. Мы шли, охваченные таким благоговением, которое испытываешь разве только под сумрачными сводами Вестминстерского аббатства, и даже профессор Челленджер понизил свой зычный бас до шепота. Будь я здесь один, мне так бы никогда и не узнать названий этих гигантских деревьев, но наши ученые то и дело показывали нам кедры, огромные капоки, секвойи и множество других пород, благодаря обилию которых этот континент стал для человека главным поставщиком тех даров природы, что относятся к растительному миру, тогда как его животный мир крайне беден.

На темных стволах пламенили яркие орхидеи и поражающие своей окраской лишайники, а когда случайный луч солнца падал на золотую алламанду, пунцовые звезды жаксонии или густосиние гроздьи ипомеи, казалось, что так бывает только в сказке.

Все живое в этих дремучих лесах тянется вверх, к свету, ибо без него — смерть. Каждый побег, даже самый слабенький, пробивается все выше и выше, заплетаясь вокруг своих более сильных и более рослых собратьев. Ползучие растения достигают здесь чудовищных размеров, а те, которым будто и не положено виться, волею неволей постигают это искусство, лишь бы вырваться из густого мрака. Я видел, например, как обыкновенная крапива, жасмин и даже пальма

яситара оплетали стволы кедров, пробираясь к самым их вершинам.

Внизу, под величественными сводами зелени, не было слышно ни шороха, ни писка, но где-то высоко у нас над головой шло непрерывное движение. Там в лучах солнца ютился целый мир змей, обезьян, птиц и ленивцев, которые, вероятно, с изумлением взирали на крохотные человеческие фигурки, пробирающиеся внизу, на самом дне этой наполненной таинственным сумраком бездны.

На рассвете и при заходе солнца лесная чаща оглашалась дружным воем обезьян-ревунов и пронзительным щебетом длиннохвостых попугаев, но в знойные часы мы слышали лишь жужжание насекомых, напоминающее отдаленный шум прибоя, и больше ничего... Ничто не нарушало торжественного величия этой колоннады стволов, уходящих вершинами во тьму, которая нависала над нами. Только раз в густой тени под деревьями неуклюже проковылял какой-то косолапый зверь — не то муравьед, не то медведь. Это был единственный признак того, что в лесах Амазонки живое передвигается и по земле.

А между тем некоторые другие признаки свидетельствовали и о присутствии человека в этих таинственных дебрях — человека, который держался не так далеко от нас. На третий день мы услышали какой-то странный ритмический гул, то затихавший, то сно-

ва сотрясавший воздух своими торжественными раскатами, и так все утро. Когда этот гул впервые донесся до нас, челны шли на расстоянии нескольких ярдов один от другого. Индейцы замерли, точно превратившись в бронзовые статуи, на их лицах был написан ужас.

— Что это? — спросил я.

— Барабаны, — небрежным тоном ответил лорд Джон. — Боевые барабаны. Мне уже приходилось слышать их.

— Да, сэр, это боевые барабаны, — подтвердил метис Гомес. — Индейцы — злой народ. Они следят за нами. Индейцы убьют нас, если смогут.

— Каким это образом они ухитрились нас выследить? — спросил я, вглядываясь в темную, неподвижную чашу.

Метис пожал плечами.

— Индейцы, они все умеют. У них всегда так. Они следят. Барабаны переговариваются между собой. Индейцы убьют нас, если смогут.

К полудню — в моей записной книжке отмечено, что это было во вторник восемнадцатого августа, — гул по меньшей мере шести-семи барабанов окружал нас со всех сторон. Они то учащали ритм, то замедляли. Вот где-то на востоке послышалась четкая, отрывистая дробь... Пауза... Густой гул откуда-то с севера. Этот непрерывный рокот звучал почти как вопрос и ответ. В нем было что-то грозное, невероятно действующее на нервы. Он сливался в слова — те самые, которые не переставал твердить наш метис: «Если сможем, убьем. Если сможем, убьем». В безмолвном лесу не было ни малейшего движения. Темная завеса зелени дышала покоем и миром, присутствием только природе, но из-за нее безостановочно неслась одна и та же весть, которую слал нам собрат-человек. «Если сможем, убьем», — говорили те, кто был на востоке. «Если сможем, убьем», — отвечали им с севера.

Барабаны рокотали и перешептывались весь день, и угроза, звучавшая в их голосах, отражалась ужасом на лицах наших цветных спутников. Даже смелый, хвастливый метис, видимо, трусил. Зато в тот же день у меня был случай убедиться, что Саммерли и Челленджер обладают высшим мужеством — мужеством просвещенного ума. С такой же отвагой держался Дарвин среди гаучосов Аргентины и Уоллес — среди малайских охотников за черепами. Так уж положено милостивой природой: человек не может думать о двух вещах сразу, и там, где говорит научная логичность, соображениям личного порядка места не остается.

Оба профессора не пропускали ни одной пролетающей птицы, ни одного кустика на берегу и то и дело принимались яростно спорить, не обращая внимания на таинственный грозный гул. Саммерли по-прежнему отгрызался на Челленджера, который по

своему обыкновению гудел басом, и ни тот, ни другой не считали нужным хотя бы одним словом обмолвиться об индейских барабанах, будто все это происходило в курительной комнате клуба Королевского общества на Сент-Джеймс-стрит. Они только раз удостоили индейцев своим вниманием.

— Каннибалы племени миранью, а может быть, амажуака, — сказал Челленджер, ткнув большим пальцем в сторону леса, откуда неслись барабанные раскаты.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Саммерли, — и, как все здешние племена, они принадлежат к монгольской расе, а язык у них полисинтетический.

— Разумеется, полисинтетический, — снисходительно согласился Челленджер. — Насколько мне известно, других языков на этом континенте не существует. У меня записано более сотни разных наречий. Но что касается монгольской расы, то в этом я сомневаюсь.

— А казалось бы, достаточно самого поверхностного знакомства со сравнительной анатомией, чтобы признать эту теорию правильной, — ядовито заметил Саммерли.

Челленджер с воинственным видом выпятил вперед подбородок. Поля соломенной шляпы и борода — вот все, что предстало нашим взорам.

— Вы правы, сэр, поверхностное знакомство ничего другого дать не может. Но исчерпывающие знания заставляют приходить к иным выводам.

Они злобно ели друг друга глазами, а в это время из лесу еле слышным шепотом проносилось эхо: «Убьем, убьем... Если сможем, убьем».

Вечером мы вывели челны на середину реки, приспособив вместо якорей тяжелые камни, и подготовились к возможному нападению. Однако ночь прошла спокойно, и с рассветом мы двинулись дальше под затихавшую вдали барабанную дробь. Около трех часов дня нам преградили путь высокие пороги, тянувшиеся мили на полторы, те самые, на которых профессор Челленджер потерпел крушение в свою первую экспедицию.

Сознаюсь, что вид этих порогов подбодрил меня: это было первое, хоть и слабое подтверждение достоверности рассказов Челленджера.

Индейцы перенесли сквозь густой кустарник сначала челны, потом снаряжение, а мы, четверо белых, с винтовками в руках шли цепочкой, прикрывая их от той опасности, которая могла нагрянуть из лесу. К вечеру наша партия благополучно миновала пороги, поднялась миль на десять вверх по реке и остановилась на ночлег. По моим примерным расчетам, к этому времени Амазонка была уже по меньшей мере на сотни миль позади нас.

Рано утром на следующий день произошли важные события.

Профессор Челленджер с самого рассвета вглядывался в оба берега, явно чем-то обеспокоенный. Но вот он радостно вскрикнул и показал на дерево, низко нависшее над водой.

— Как, по-вашему, что это? — спросил он.

— Пальма ассаи, конечно, — сказал Саммерли.

— Правильно. И эта самая пальма служила мне главной приметой. Еще с полмили вверх по тому берегу, и мы подойдем к скрытому в чаще протоку. Удивительнее всего, что деревья стоят там сплошной стеной. Вон видите: темный кустарник сменяется светло-зеленым тростником. Там среди высоких тополей и есть потайная дверь в Неведомую страну. Сейчас вы сами во всем убедитесь. Ну, вперед!

И действительно, нам оставалось только поражаться. Подплыв к тому месту, где начинались заросли светло-зеленого тростника, мы врзались в них, потом ярдов сто вели оба челна, отталкиваясь от берега шестью, и наконец вышли в тихую, неглубокую речку с песчаным дном, видневшимся сквозь прозрачную воду. Ее узкие берега были одеты пышной зеленью.

Тот, кто не заметил бы, что вместо густого кустарника здесь растет тростник, никогда бы не догадался о существовании этой речки и открывающегося за ней волшебного царства.

Да, это было поистине волшебное царство! Такое великолепие может нарисовать только самая пылкая фантазия. Густые ветви сплетались у нас над головой, образуя естественный зеленый свод, а сквозь этот живой туннель струилась прозрачно-зеленая река. Прекрасная сама по себе, она казалась еще чудеснее от тех причудливых бликов, которые роняли на нее смягченные зеленью яркие лучи солнца. Чистая, как хрусталь, недвижимая, как зеркало, зеленеющая у берегов, как айсберг, водная гладь сверкала сквозь резную арку листвы, подергиваясь рябью под ударами наших весел. Это был путь, достойный страны чудес, в которую он вел.

Теперь индейцы никак не давали о себе знать, зато животные стали попадаться чаще, и их доверчивость свидетельствовала о том, что они еще не встречались с охотником. Пушистые бархатисто-черные обезьянки с ослепительно-белыми зубами и лукавыми глазками провожали нас пронзительной трескотней. Иногда с тяжелым всплеском срывался с берега в воду кайман. Раз как-то грузный тапир выглянул из кустов и, постояв минуту, побрел в чашу. Потом среди деревьев мелькнуло гибкое тело крупной пумы; она обернулась на ходу, и из-за рыжего плеча на нас сверкнули полные ненависти зеленые глаза. Птиц здесь было множество, особенно болотных. На каждом стволе, нависшем над водой, стайками сидели ибисы, цапли, аисты — голубые, ярко-красные, белые, а кристально чистая вода так и кишела рыбами всех цветов радуги.

Мы плыли по этому золотисто-зеленому туннелю три дня.

Глядя вдаль, трудно было отличить, где кончается зеленая вода и где начинается зеленый свод над ней. Ничто не нарушало глубокого покоя этой реки, следов человека здесь не было.

— Индейцев нет. Они боятся Курупури, — сказал как-то Гомес.

— Курупури — это лесной дух, — пояснил лорд Джон. — Здесь этим именем называют все, что несет в себе злое начало. Бедняги туземцы боятся даже заглянуть сюда: им кажется, будто в этих местах кроется нечто страшное.

На третий день нам стало ясно, что с челнами надо расстаться: так как река начинала быстро мелеть, они то и дело скребли днищем о песок. Под конец мы вытащили их из воды и расположились на ночь в прибрежном кустарнике. Утром лорд Джон и я прошли мили две лесом параллельно реке и, убедившись, что она мелеет все больше и больше, вернулись с этой вестью к профессору Челленджеру, тем самым подтвердив его предположение, что мы достигли крайней точки, дальше которой на челнах идти нельзя. Тогда мы вытащили их еще выше на берег, спрятали в кустах и сделали на соседнем дереве зарубку, чтобы разыскать свой тайник на обратном пути. Потом, распределив между собой поклажу: винтовки, патроны, провизию, одеяла, палатку и прочий скарб, — взвалили тюки на плечи и снова двинулись в путь, последний этап которого сулил нам гораздо большие трудности, чем начало.

Это выступление, к несчастью, было ознаменовано стычкой между нашими двумя петухами. Присоединившись к нам, Челленджер сразу же взял экспедицию под свое начало, к явному неудовольствию Саммерли. И в этот день, как только Челленджер отдал распоряжение своему коллеге (нести anerоидный барометр всего-навсего!), последовал взрыв.

— Разрешите спросить, сэр, — с грозным спокойствием проговорил Саммерли, — по какому праву вы командуете нами?

Челленджер вдруг вспыхнул и весь так и ошетинился:

— По праву начальника экспедиции, профессор Саммерли!

— Вынужден заявить, сэр, что я вас таковым не признаю.

— Ах, вот как! — Челленджер с поистине слоновьей грацией отвесил ему насмешливый поклон. — Тогда, может быть, вы сообразите указать мне мое место среди вас?

— Пожалуйста, сэр. Вы — человек, слова которого взяты под сомнение, а мы — члены комиссии, созданной для того, чтобы проверить вас. Вы идете со своими судьями, сэр!

— Боже милостивый, — воскликнул Челленджер, садясь на перевернутый челн. — В таком случае будьте добры следовать своей дорогой, а я не торопясь пойду за вами. Поскольку я не возглавляю эту экспедицию, мне незачем идти во главе ее.

Благодарение богу, в нашей партии нашлись два здравомыслящих человека — лорд Джон и я, — иначе сумасбродство и го-

рячность наших ученых мужей привели бы к тому, что мы вернулись бы в Лондон с пустыми руками. Сколько понадобилось пререканий, уговоров, объяснений, прежде чем мы утихомирили их! Наконец Саммерли двинулся вперед, попыхивая трубкой и презрительно усмехаясь, а Челленджер с ворчанием последовал за ним. К счастью, мы еще за несколько дней до того успели обнаружить, что оба наших мудреца ни во что не ставят доктора Иллингборта из Эдинбурга, и это спасло нас. В дальнейшем стоило нам только упомянуть имя шотландского зоолога, как назревающие ссоры моментально стихали, оба профессора заключали временный союз и дружно накидывались на своего общего соперника.

Двигаясь гуськом вдоль берега, мы скоро обнаружили, что река постепенно превратилась в узкий ручей, а он, в свою очередь, затерялся в трясине, заросшей зеленым губчатым мхом, в который наши ноги уходили по колено. В этом месте вились густые тучи комаров и всякой другой мошкеры, так что мы с чувством облегчения ступили наконец на твердую землю и, сделав большой крюк лесом, обошли эту злчную трясину, которая еще долго напоминала нам о себе органическим гулом насекомых.

На второй день после того, как мы бросили челны, характер местности резко изменился. Нам приходилось все время идти в гору, лесная чаща заметно редела и утрачивала свою тропическую пышность. Огромные деревья, вскормленные илистой почвой долины Амазонки, уступили место кокосовым и финиковым пальмам, которые стояли группами среди густого кустарника. В сырых низинах росли пальмы с изящными ниспадающими листьями. Мы шли почти только по компасу, и раза два между Челленджером и двумя индейцами разгорался спор о выборе пути, причем оба раза вся наша партия предпочла, как выразился возмущенный профессор, «довериться обманчивому инстинкту первобытных дикарей, а не совершеннейшему продукту современной европейской культуры». На третий день выяснилось, что мы были правы, отдав предпочтение индейцам. Челленджер сам опознал кое-какие приметы, запомнившиеся ему с первого путешествия, а в одном месте мы даже наткнулись на четыре обожженных камня — след его лагерной стоянки.

Подъем все еще продолжался; два дня ушло на то, чтобы преодолеть усеянный валунами холм. Растительность снова изменилась, и от прежней тропической роскоши здесь оставались только пальмы «слоновая кость» да множество чудесных орхидей, среди которых я научился распознавать редкостную *Nuttoma Vexillaria*, розовые и пунцовые цветы великолепной катлеи и одонтоглоссум. В расщелинах холма журчали по мелким камням ручейки, затененные зарослями папоротника. На ночь мы обычно располагались среди валунов на берегу какой-нибудь заводи, где стаями

носились рыбки с синевато-черными спинками вроде нашей английской форели, служившие нам прекрасным блюдом на ужин.

На девятый день нашего пути, когда мы проделали, по моим расчетам, около ста двадцати миль от того места, где были спрятаны челны, лес совсем измельчал и мало-помалу перешел в кустарник. Кусты, в свою очередь, сменились бескрайними бамбуковыми зарослями, настолько густыми, что нам приходилось прорубать в них дорогу ножами и индейскими томагавками. На это у нас ушел целый день, от семи утра до восьми вечера, всего с двумя короткими перерывами на отдых. Трудно представить себе занятие более однообразное и утомительное!

Даже в просеках мой горизонт ограничивался какими-нибудь десятью — двенадцатью ярдами; все остальное время я видел перед собой только спину лорда Джона в белой парусиновой рубашке да по сторонам почти вплотную желтую стену бамбука. Узкие, как лезвие, лучи солнца кое-где пронизывали ее; футах в пятнадцать у нас над головой на фоне ярко-синего неба покачивались бамбуковые метелки. Я не знаю, какие животные населяли эту чащу, но мы не раз слышали совсем близко от себя чью-то грузную поступь. Лорд Джон думал, что это были какие-то крупные копытные. Только к ночи выбрались мы из зарослей бамбука и, измученные за этот показавшийся нам бесконечным день, сейчас же разбили лагерь.

Следующее утро застало нас уже в пути. Характер местности опять начал меняться. Желтая стена бамбука четко, словно речное русло, виднелась позади. Перед нами же расстилалась открытая равнина, поросшая кое-где древовидными папоротниками и постепенно поднимавшаяся к длинному гребню, который напоминал очертаниями спину кита. Мы перевалили через него около полудня и увидели за ним долину, а дальше снова пологий откос, мягко круглившийся на горизонте. Здесь, у первой гряды холмов, и произошло некое событие, полное, быть может, серьезного значения, но так ли это — покажет дальнейшее.

Профессор Челленджер, шагавший впереди вместе с двумя индейцами, вдруг остановился и взволнованно замахал рукой, показывая куда-то вправо. Посмотрев в ту сторону, мы увидели примерно в миле от нас нечто похожее на огромную серую птицу, которая неторопливо взмахнула крыльями, низко и плавно пронеслась над самой землей и скрылась среди деревьев.

— Вы видели? — ликующим голосом крикнул Челленджер. — Саммерли, вы видели?

Его коллега, не отрываясь, смотрел туда, где скрылась эта странная птица.

— Что же это такое, по-вашему? — спросил он.

— Как что? Птеродактиль!

Саммерли презрительно расхохотался.

— Птерочушь! — сказал он. — Это аист, самый обыкновенный аист.

Челленджер лишился дара речи от бешенства. Вместо ответа он взвалил на плечи свой тюк и зашагал дальше. Но у лорда Джона, который вскоре поравнялся со мной, вид был куда серьезнее обычного. Он держал в руках цейссовский бинокль.

— Я все-таки успел ее разглядеть, — сказал он. — Не берусь судить, что это за штука, но таких птиц я еще в жизни не видел, могу поручиться в этом всем своим опытом охотника.

Вот так и обстоят наши дела. Подошли ли мы действительно к Неведомой стране, стоим ли на подступах к Затерянному миру, о котором не перестает твердить наш руководитель? Все записано так, как было, и вы знаете столько же, сколько и я. Такие случаи больше не повторялись, никаких других важных событий с нами не произошло.

Итак, мои дорогие читатели — если только когда-нибудь у меня будут таковые, — вы поднялись вместе со мной по широкой реке, проникли сквозь тростник в зеленый туннель, прошли по откосу среди пальм, преодолели заросли бамбука, спустились на равнину, поросшую древовидными папоротниками. И теперь цель нашего путешествия лежит прямо перед нами.

Перевалив через вторую гряду холмов, мы увидели узкую долину, густо заросшую пальмами, а за ней длинную линию крас-

ных скал, которая запомнилась мне по рисунку в альбоме. Сейчас я пишу, но стоит мне оторваться от письма, и вот она у меня перед глазами: ее тождество с рисунком несомненно. Кратчайшее расстояние между ней и нашей стоянкой не превышает семи миль, а потом она изгибается и уходит в необозримую даль.

Челленджер, как петух, с боевым видом расхаживает по лагерю; Саммерли хранит молчание, но настроен по-прежнему скептически. Еще один день — и многие из наших сомнений разрешатся. Пока же я отправлю это письмо с Жозе, который поранил себе руку в бамбуковых зарослях и требует, чтобы его отпустили. Надеюсь, что письмо все-таки попадет по назначению. При первой же возможности напишу еще. К письму прилагаю приблизительный план нашего путешествия в расчете на то, что он поможет вам уяснить все здесь изложенное.

Глава 9

Кто мог предугадать это?

Нас постигло страшное несчастье. Кто мог предугадать это? Теперь я не вижу конца нашим бедам. Может быть, нам суждено остаться на всю жизнь в этом загадочном, неприступном месте. Я так потрясен случившимся, что до сих пор не могу хорошенько разобраться в настоящем, не могу и заглянуть вперед, в будущее. Первое кажется моему смятенному мозгу ужасным, второе — беспроектным, как ночь.

Вряд ли кто-нибудь еще попадал в такое положение. Оно столь безвыходно, что я даже не считаю нужным открывать вам точные координаты этой горной цепи и взывать к друзьям о высылке спасательной партии. Если такая партия и будет выслана, наша судьба, по всей вероятности, решится задолго до ее прибытия в Южную Америку.

Да, мы отрезаны от всякой помощи, все равно как если бы нас занесло на Луну. Если же мы выйдем с честью из этой беды, то будем обязаны спасением только самим себе. Мои три спутника — люди незаурядные, люди замечательного ума и непоколебимого мужества. В этом, и только в этом, вся наша надежда. Стоит мне взглянуть на спокойные лица товарищей, и мрак вокруг меня рассеивается. Смеею думать, что внешне я держусь с таким же спокойствием. На самом же деле меня мучают тяжкие сомнения.

А теперь позвольте мне изложить со всеми подробностями ход событий, который привел нас к катастрофе.

В последнем своем отчете я писал, что мы находимся в семи милях от цепи красных скал, опоясывающих кольцом то самое плато, о котором говорил профессор Челленджер. Когда наша пар-

тия подошла к ним поближе, мне показалось, что профессор даже преуменьшил их высоту, так как в некоторых местах они достигают по крайней мере тысячи футов. Бросается в глаза также слоистость этих скал, по-видимому, характерная для базальтовых образований. Нечто подобное можно наблюдать в Селисберийских утесах близ Эдинбурга. Вершина горной цепи покрыта пышной растительностью — по краям поднимаются кусты, а за ними высокие деревья. Живых существ здесь, очевидно, нет.

Той ночью мы разбили лагерь у самого подножия горной цепи, в пустынном и мрачном месте. Красные скалы, поднимающиеся над нами, не только совершенно отвесны, но и загибаются по краям наружу, так что о подъеме с этой стороны нечего и думать. Невдалеке от нашего лагеря стоит высокий, суживающийся кверху утес. Я, кажется, уже говорил о нем в свое время. Он напоминает утолщенный церковный шпиль. Вершина его, на которой растет высокое дерево, приходится вровень с плато, но их разделяет расщелина. Этот утес и ближайшие к нему отроги горной цепи не очень высоки — на мой взгляд, футов пятьсот — шестьсот, не больше.

— Вот на этом самом дереве, — сказал профессор, — сидел птеродактиль, которого я подстрелил. Мне пришлось вскарабкаться до половины утеса. Думаю, что хороший альпинист, вроде меня, сможет подняться и на вершину, хотя оттуда на плато все равно не переберешься.

Пока Челленджер говорил о своем птеродактиле, я приглядывался к профессору Саммерли и впервые уловил в нем нечто новое: он явно начинал верить своему сопернику и даже проявлял некоторые признаки раскаяния. Язвительная усмешка исчезла с его губ, он стоял бледный и не старался скрыть своего изумления. Челленджер тоже не преминул заметить это и уже упивался победой.

— Профессор Саммерли, разумеется, думает, что, говоря о птеродактиле, я имею в виду обыкновенного аиста, — сказал он, неуклюже пытаясь сострить, — но этот аист лишен оперения, у него необычайно твердый кожный покров, перепончатые крылья и усаженный зубами клюв.

Челленджер отвесил низкий поклон, ухмыльнулся, подмигнул своему коллеге, а тот не выдержал и отошел прочь.

Утром после скромного завтрака, состоявшего из кофе и маииока — провизию приходилось экономить, — мы создали военный совет и стали обсуждать, каким образом подняться на плато.

Профессор Челленджер председательствовал с необычайной торжественностью — ни дать ни взять верховный судья.

Представьте себе такую картину: этот бородач в сдвинутой на затылок нелепой соломенной шляпе восседает на камнях, надменно поглядывая на нас из-под полуопущенных век, и медленно, с

расстановкой говорит о нашем теперешнем положении и дальнейших планах действия. Перед ним разместились мы трое: ваш почкорный слуга — загорелый, сильно окрепший на свежем воздухе; Саммерли, с важным и по-прежнему скептическим видом попыхвающийся трубкой, и художавый, острый, как лезвие бритвы, лорд Джон, который опирается на винтовку, устремив на Челленджера орлиный взор. Позади нас двое смуглых метисов и сбившиеся в кучку индейцы, а впереди красноватые ребристые скалы, закрывающие нам доступ к желанной цели.

— Вряд ли стоит говорить, — так начал наш руководитель, — что в свой первый приезд сюда я испробовал все способы подняться на плато, и если уж это не удалось мне, опытному альпинисту, то другому и подавно не удастся. Правда, у меня не было никаких альпинистских приспособлений, но теперь я об этом позаботился и с их помощью во что бы то ни стало доберусь до вершины утеса. Впрочем, о подъеме на главный кряж с этой стороны пока что нечего и думать. В прошлый раз мне пришлось торопиться: приближался период дождей, кроме того, мои запасы подходили к концу. Все это крайне стеснило меня во времени, и я успел обогнуть хребет в восточном направлении миль на шесть и не нашел сколько-нибудь подходящего места для подъема. Что же мы предпримем теперь?

— По-моему, здравый смысл подсказывает нам только один выход, — заговорил профессор Саммерли. — Если вы обследовали хребет в восточном направлении, то теперь надо идти на запад и посмотреть, нельзя ли подняться с той стороны.

— Правильно, — поддержал его лорд Джон. — Есть основания предполагать, что этот кряж не так уж велик. Мы обойдем его вокруг и либо отыщем то, что нам нужно, либо вернемся к исходной точке.

— Я уже разъяснил нашему юному другу, — сказал Челленджер (он всегда говорил обо мне, как о десятилетнем школьнике), — что на легкий подъем рассчитывать не приходится, и по весьма простой причине: если бы таковой существовал, плато не было бы отрезано от остального мира и на нем не создались бы условия, которые нарушают все известные нам законы выживания видов. Тем не менее я вполне допускаю, что на склонах есть места, доступные опытному альпинисту, но непреодолимые для тяжелых, неповоротливых животных. В существовании по крайней мере одного такого места я просто уверен.

— Что же вам дало эту уверенность, сэр? — резко спросил его Саммерли.

— А то, что моему предшественнику, американцу Мелл-Уайту, каким-то образом удалось подняться на плато. Иначе как бы он увидел то чудовище, которое зарисовано у него в альбоме?

— Следовательно, вы забегаете вперед, не дожидаясь, когда

все это будет проверено, — упрямо возразил Саммерли. — Я признаю существование плато, потому что оно у меня перед глазами, но есть ли на нем жизнь, этого мне еще никто не доказал.

— Признаете ли вы что-нибудь или не признаете, — это, сэр, совершенно неважно. Впрочем, я рад, что наличие самого плато все же дошло до вашего сознания. — Челленджер поднял голову и вдруг, вскочив с места, схватил Саммерли за шиворот и задрал ему подбородок кверху. — Ну, сэр, — крикнул он хриплым от волнения голосом, — теперь вы убедились, что на плато есть животный мир?

Я уже говорил о густой бахроме зелени, окаймлявшей края каменной гряды. Так вот, из этих зарослей вдруг показалось какое-то черное блестящее существо. Оно медленно подползло к обрыву, свесилось над ним, и тут мы разглядели, что это огромная змея с плоской, похожей на лопату головой. С минуту она качалась над обрывом, играя на солнце своими гладкими, словно отполированными кольцами, потом медленно подалась назад и исчезла в кустах.

Это зрелище так увлекло Саммерли, что сначала он даже не пытался вырваться из лап Челленджера. Но потом опомнился и, оттолкнув от себя своего коллегу, снова принял достойный вид.

— Профессор Челленджер, — сказал он, — я был бы очень рад, если бы вы нашли какой-нибудь другой способ привлекать внимание к своим словам, вместо того чтобы задирать мне подбородок кверху. Такую вольность не оправдывает даже появление весьма обыкновенного питона.

— А все-таки на плато есть жизнь! — торжествующе воскликнул его коллега. — И теперь, когда этот мой тезис получил столь наглядное подтверждение, что оспаривать его не станут даже самые предубежденные и тупые умы, я предлагаю немедленно покинуть стоянку и двинуться в западном направлении на поиски того места, откуда можно будет совершить подъем.

Подножие хребта было каменистое, неровное, так что мы двигались вперед медленно и с большим трудом. Но неожиданная находка подбодрила нас: мы наткнулись на следы чьей-то давней стоянки. Среди камней валялись несколько жестянок из-под чикагских мясных консервов, сломанный нож к ним, бутылка с этикеткой «Коньяк» и много другой обычной в таких случаях мелочи. Скомканная рваная газета оказалась «Чикагским демократом», но от какого она была числа, обнаружить нам не удалось.

— Не мое, — сказал Челленджер. — Это, должно быть, Мелл-Уайт оставил.

Лорд Джон внимательно разглядывал ствол высокого древовидного папоротника, в тени которого была разбита стоянка.

— Посмотрите-ка, — сказал он. — По-моему, это нечто вроде указательного столба.

К дереву острым концом на запад была прибита щепка.

— Совершенно верно! — воскликнул Челленджер. — Ничего другого и быть не может. Наш предшественник понимал, что предстоящий ему путь сопряжен с опасностями, и оставил эту вежу на тот случай, если его будут разыскивать. Подождите, может быть, мы еще встретим какие-нибудь другие следы.

Он оказался прав, но как неожиданно и страшно было то, что мы увидели. У самого подножия хребта тянулись высокие заросли бамбука, такие же, как те, сквозь которые нам приходилось продирается в начале нашего путешествия. Стебли его достигали порой двадцати футов, а острые, крепкие верхушки торчали кверху, словно настоящие колья. Мы шли вдоль этих зарослей и вдруг заметили, что там блеснуло что-то белое. Я просунул голову между стеблями и увидел череп. В нескольких шагах от него, ближе к краю, лежал и весь скелет.

Индейцы быстро расчистили ножами это место, и разыгравшаяся здесь трагедия предстала перед нами во всех подробностях. От одежды погибшего остались одни лохмотья, но башмаки на голых костях сохранились в целости, и по ним можно была судить, что бывший их обладатель — европеец. Среди костей лежали золотые часы нью-йоркской фирмы «Гудзон» и стилографическое перо на цепочке. Тут же валялся серебряный портсигар с выгравированной на крышке надпись: «Дж. К. от А. Э. С.». Портсигар не успел потемнеть, следовательно, несчастный случай произошел не так давно.

— Кто же это? — спросил лорд Джон. — Вот бедняга! Ни одной целой косточки не осталось!

— И бамбук торчит сквозь ребра, — сказал Саммерли. — Правда, он растет необычайно быстро, но все же трудно предположить, что стебли могли вытянуться до двадцати футов за то время, пока скелет лежит здесь.

— Что касается личности погибшего, — сказал Челленджер, — то на этот счет у меня нет никаких сомнений. До того как присоединиться к вам в асьенде, я навел точные справки о Мепл-Уайте. В Паре о нем ничего не знали. К счастью, меня навел на след один рисунок из его альбома. Помните, завтрак в Розариу у какого-то священника. Так вот, этого священника мне удалось разыскать, и хотя он оказался большим спорщиком и страшно разобиделся, когда я стал ему доказывать, что религиозные верования не устоят перед разлагающим действием современной науки, все же наша беседа не прошла даром. Мепл-Уайт приезжал в Розариу четыре года назад, то есть за два года до смерти. Он был не один, с ним путешествовал его друг, американец по имени Джеймс Колвер, который на берег не сходил и со священником не виделся. Поэтому мы можем не сомневаться, что перед нами останки этого самого Джеймса Колвера.

— Еще меньше сомнений вызывают у меня обстоятельства его гибели, — сказал лорд Джон. — Он упал со скалы или же был сброшен оттуда и напорлся на бамбук. Иначе никак не объяснить переломанные кости. Да и бамбук не мог бы так быстро прорасти сквозь его тело.

Мы молча смотрели на лежавшие перед нами останки, вдумываясь в значение того, что сказал лорд Джон Рокстон. Выступ скалы тяжким молотом нависал над бамбуковой чашей. Американец свалился оттуда. Но сам ли он свалился? Действительно ли это был несчастный случай? А может быть... И чем-то зловещим и страшным повеяло на нас при мысли об этой неведомой стране.

Не прерывая молчания, мы двинулись дальше вдоль каменной стены, такой же отвесной и гладкой, как те бескрайние ледяные поля Антарктики, которые, если верить описаниям, простираются от горизонта до горизонта, высоко вздымаясь над мачтами затерявшихся среди них судов. На протяжении первых пяти миль мы не увидели ни единой расщелины, даже ни единой трещины в этой гряде скал. Но вдруг перед нами блеснул луч надежды. В небольшом углублении, куда не могли попасть струи дождя, была нарисована мелом стрела, указывающая по-прежнему на запад.

— Опять Мепл-Уайт, — сказал профессор Челленджер. — Он, очевидно, предчувствовал, что по его стопам пойдут люди, достойные всяческой заботы.

— Значит, у него был при себе мел?

— Ну как же! В его дорожном мешке был целый ящик с пастельными карандашами. Помню, я обратил внимание, что от белого карандаша остался один огрызок.

— Весьма убедительное доказательство, — сказал Саммерли. — Что ж, последуем его указаниям и пойдём дальше, на запад.

Мы прошли еще пять миль и снова увидели белую стрелу на скале. В этом месте в каменной стене появилась первая узкая рас-

щелина. В расщелине снова была нарисована стрела, но на этот раз она указывала куда-то вверх.

Какой торжественностью дышало это место! Гигантские скалы, клочок голубого неба над ними и густая тьма, потому что свет почти не проникал сюда сквозь двойную бахрому зелени. Мы уже несколько часов ничего не ели, утомительный путь по камням изнурил нас, но разве можно было задерживаться здесь! Приказав индейцам разбить лагерь, мы четверо в сопровождении двух метисов двинулись дальше, в глубь тесного ущелья.

У входа оно было не больше сорока футов шириной, но потом быстро начало суживаться и наконец уперлось в откос, такой крутой и скользкий, что о подъеме здесь не приходилось и думать. Наш предшественник явно имел в виду нечто другое. Мы вернулись назад — ущелье было всего лишь в четверть мили глубиной, — и вдруг острый глаз лорда Джона нашел то, что нам требовалось. Высоко, над самой головой у нас, из общего мрака выступало еще более темное пятно. Это был, несомненно, вход в какую-то пещеру.

На дне ущелья лежали груды камней, и мы без труда взобрались по ним вверх. Все наши сомнения рассеялись. Вот он, вход в пещеру, а рядом с ним опять нарисованная мелом стрела! Значит, отсюда, с этого самого места, Мепл-Уайт и его злополучный спутник начали подъем на плато.

Мы были так взволнованы, что не могли и помышлять о возвращении в лагерь. Нам хотелось немедленно обследовать пещеру. Лорд Джон вынул из заплечного мешка электрический фонарик, который должен был служить нам единственным источником света, и двинулся вперед, поводя им по сторонам. Мы шли за ним, не отставая.

Судя по гладким стенам и грудам круглых камней, это углубление в скалах было вымыто водой. Проникнуть в него нам удалось лишь поодиночке, да и то низко пригибаясь. На протяжении первых пятидесяти ярдов пещера углублялась прямо в толщу скал, а потом начала подниматься под углом в сорок пять градусов. Вскоре подъем стал еще круче, и нам пришлось карабкаться вверх на четвереньках по мелкой осыпающейся гальке. Прошло еще несколько минут, и вдруг лорд Джон крикнул:

— Дальше хода нет!

Столпившись позади него, мы увидели в желтом свете фонаря нагромождение базальтовых обломков, доходивших до самого потолка пещеры.

— Обвал!

Мы вытащили несколько камней, но это ничему не помогло и лишь распатало более крупные глыбы, которые, того и гляди, могли рухнуть вниз и придавить нас. Преодолеть такое препятствие нам было явно не под силу. Путь, которым шел Мепл-Уайт, больше не существовал.

Мы были так подавлены этим, что, не обменявшись ни словом, повернули назад и побрели по темному ущелью. Но тут произошло одно событие, которое в ряду других оказалось весьма знаменательным.

Мы кучкой стояли на дне ущелья, футах в сорока ниже пещеры, как вдруг мимо нас пролетел огромный камень. Нам чудом удалось избежать смерти. С нашего места не было видно, откуда сорвалась эта глыба, но, по словам обоих метисов, задержавшихся у входа в пещеру, она пролетела и мимо них, следовательно, ей неоткуда было упасть, кроме как с самой вершины. Мы посмотрели туда, но в зеленых зарослях, окаймлявших края скал, не было заметно ни малейшего движения. И все же никто из нас не сомневался, что камень был предназначен нам. Значит, на плато есть люди — люди, от которых следует ждать всего самого худшего!

Мы поспешно вышли из ущелья, размышляя о том, как это неожиданное событие может повлиять на наши планы. Положение было и без того трудное, но если к препятствиям, которые чинит на нашем пути природа, прибавятся еще и злоумышления человека, тогда нам придется совсем плохо. И все же кто из нас отважился бы вернуться в Лондон, не узнав, что скрывается за этой пышной каймой зелени, раскинувшейся в какой-нибудь сотне фу-

тов над нами? Обсудив все это, мы решили продолжать обход плато и отыскивать другое место, откуда можно будет подняться на его вершину. Гряда скал, значительно снизившаяся, шла теперь уже не в западном, а в северном направлении, и если принять пройденную нами часть за сектор окружности, то вся окружность, видимо, была не особенно велика. В худшем случае мы могли через несколько дней вернуться к той точке, откуда начали обход.

Двадцать две мили, проделанные нами за этот день, не принесли ничего нового. Кстати сказать, anerоидный барометр показывает, что, считая с того места, где у нас были оставлены челны, мы постепенно поднялись по меньшей мере на три тысячи футов над уровнем моря. Этим объясняются и заметные изменения температуры и растительности. Мы почти отделались от насекомых, от этого проклятья, которое в тропиках отравляет жизнь путешественнику. Некоторые виды пальм еще попадают, древовидного папоротника по-прежнему много, а вот высокие деревья, которыми так богат бассейн Амазонки, исчезли без следа. Зато как приятно было встретить среди этих негостеприимных скал наявунок, страстоцвет и бегонию — цветы, напоминающие о родных краях! Вот такая же точно красная бегония цветет в окне одной виллы в Стритеме... Впрочем, я, кажется, незаметно уклонился в сторону, в область личных воспоминаний!

В тот вечер — я все еще рассказываю о первом дне похода вокруг горного края — с нами случилось то, после чего уже никто не сомневался, что в самом недалеком будущем нас ждут чудеса.

Дорогой мистер Мак-Арлл! Читая эти строки, вы, может быть, впервые почувствуете, что редакция послала меня сюда не зря и что этот материал, который можно будет напечатать с разрешения профессора, необычайно интересен. Да я сам осмелюсь опубликовать его лишь в том случае, если вернусь в Англию с вещественными доказательствами, подтверждающими правоту моих слов, иначе меня ославят как нового Мюнхаузена.

Вы, наверно, тоже так думаете и не захотите рисковать репутацией «Дейли-газетт» до тех пор, пока мы не сможем достойным образом защититься против той волны критики и скептицизма, которую неизбежно вызовут мои статьи. Посему пусть отчет об этом поразительном случае — какую сенсационную шапку можно было бы дать в нашей старушке «Дейли!» — лежит у вас в столе и ждет своего часа.

А ведь все произошло в одно мгновение, и след от этого события остался только у нас в мозгу.

Вот как было дело. Лорд Джон подстрелил агути — небольшое животное вроде свиньи. Половину туши мы отдали индейцам, другую жарили для себя на костре. С наступлением темноты здесь становится прохладно, и каждый из нас жался поближе к огню. Ночь была безлунная, но звезды немного разрежали темноту, на-

висшую над равниной. И вдруг из этой темноты, из этого ночного мрака со свистом, напоминающим свист самолета, к костру ринулось сверху какое-то существо. Перепончатые крылья на миг прикрыли нас, словно пологом, и я успел разглядеть длинную, как у змеи, шею, свирепые, блеснувшие красным огоньком глаза и огромный разверстый клюв, усаженный, к моему величайшему изумлению, мелкими, ослепительно белыми зубами. Секунда — и это существо унеслось прочь... вместе с нашим ужином. Огромная черная тень футов двадцати в поперечнике взмыла к небу, чудовищные крылья на миг погасили звезды и скрылись за скалами, возвышавшимися над нами. Пораженные, мы молча сидели у костра, словно те герои Вергилия, на которых напали гарпии. Саммерли первый нарушил молчание.

— Профессор Челленджер, — торжественным, дрожащим от волнения голосом проговорил он, — я должен извиниться перед вами. Я был не прав, сэр, но надеюсь, что вы предадите прошлое забвению.

Это было хорошо сказано, и оба наших ученых впервые обменялись рукопожатием. Вот что дало нам непосредственное знакомство с птеродактилем. Не жаль было поступиться ужином ради примирения двух таких людей.

Но если плато и населяют доисторические животные, то их, по-видимому, не так уж много, потому что в ближайшие три дня нам ничего такого не попало. Все это время мы шли вдоль северной и восточной стен плато по голой, угнетающе суровой местности. Сначала это была каменистая пустыня, потом унылые болота, изобилующие дикой птицей. Эти места совершенно неприступны, и если б не твердый выступ у самого подножия скал, то нам пришлось бы поворачивать обратно.

Сколько раз мы уходили по пояс в жидкий кисель полутропических болот! Но что было хуже всего — это яракаки, самые ядовитые и злые змеи Южной Америки, которыми полны эти болота. Они полчищами выползали из зловонной топи и кидались нам вслед. Нас спасали только винтовки, которые мы всегда держали наготове. Я, вероятно, во веки вечные не отделаюсь от кошмарного воспоминания об одной воронкообразной впадине в трясине, поросшей серо-зеленым лишайником. Там было настоящее гнездо этих гадов, откосы впадины кишели ими, и они тотчас же устремлялись в нашу сторону, ибо яракака тем и знаменита, что стоит ей только завидеть человека, как она немедленно кидается на него. Всех змей нельзя было перестрелять, и мы бросились наутек и бежали до тех пор, пока не выбились из сил. Остановившись, я оглянулся назад и увидел, как наши страшные преследователи извивались среди камышей, не желая прекращать погоню, и этого зрелища мне никогда не забыть. На карте, которую мы чертим, это место так и будет названо: Змеиное болото.

С восточной стороны плато скалы были уже не красного, а темно-шоколадного цвета, растительность, окаймлявшая их вершины, заметно поредела, но, несмотря на то, что общий уровень горного кряжа снизился до трехсот — четырехсот футов, нам и здесь не удалось найти места для подъема. Скалы, пожалуй, стали даже еще отвеснее, чем там, где мы начали свой обход. О совершенной неприступности их можно судить по прилагаемому снимку, который сделан со стороны каменистой пустыни.

— Но ведь дождевая вода должна как-то сбегать вниз, — сказал я, когда мы обсуждали, что нам предпринять дальше. — Значит, на склонах не может не быть промоин.

— У нашего юного друга бывают иногда проблески здравого смысла, — ответил профессор Челленджер, похлопав меня по плечу.

— Дождевая вода должна куда-то деваться, — повторил я.

— Нет, какая у него хватка! Какой трезвый ум! Беда лишь в том, что мы воочию убедились в отсутствии таких промоин.

— Тогда куда же она девается? — настаивал я.

— Очевидно, задерживается где-то внутри, поскольку стоков нет.

— Значит, в центре плато есть озеро?

— Полагаю, что так.

— И, по всей вероятности, оно образовалось на месте старого кратера, — сказал Саммерли. — Формация этого кряжа явно вулканического происхождения. Во всяком случае, я склонен думать, что поверхность плато имеет уклон к центру, а там есть значительный резервуар, вода из которого стекает каким-нибудь подземным путем в Змеинное болото.

— Либо испаряется, что тоже способствует сохранению должного уровня, — заметил Челленджер, после чего оба ученых по своему обыкновению затеяли научный спор, который для нас, непосвященных, был поистине китайской грамотой.

На шестой день мы закончили обход горного кряжа и вернулись к своей прежней стоянке у пирамидального утеса. Вернулись удрученные, так как обход окончательно убедил нас, что даже самые ловкие и самые сильные не смогут подняться на это плато. Ущелье, к которому вели указательные стрелки Мепл-Уайта и которым он, по-видимому, сам воспользовался, было теперь непроходимо.

Что же нам оставалось делать? Провизии и того, что мы добывали охотой, у нас было вполне достаточно, но ведь наступит день, когда запасы надо будет пополнить. Месяца через два начнутся дожди, и тогда в лагере не усидишь. Эти скалы тверже мрамора, у нас не хватит ни времени, ни сил, чтобы высечь тропинку на такую высоту. Поэтому нет ничего удивительного, что весь тот вечер мы мрачно поглядывали друг на друга и, наконец,

не тратя лишних слов, забрались под одеяла. Перед тем как уснуть, я полюбовался на следующую картину: Челленджер, словно огромная жаба, сидел на корточках у костра, подперев руками свою массивную голову, и, по-видимому, был так погружен в размышления, что даже не отозвался на мое «спокойной ночи».

Но утром перед нами предстал совсем другой Челленджер. Этот Челленджер, видимо, был в восторге от собственной персоны и всем своим существом излучал самодовольство. За завтраком он то и дело посматривал на нас с притворной скромностью, словно говоря: «Все ваши похвалы мною заслужены, я это знаю, но умоляю вас, не заставляйте меня краснеть от смущения!» Борода у него так и топорщилась, грудь была выпячена вперед, рука заложена за борт куртки. Таким он, вероятно, видел себя на одном из пьедесталов Трафальгар-сквера, еще не занятом очередным лондонским пугалом.

— Эврика! — крикнул наконец Челленджер, сверкнув зубами сквозь бороду. — Джентльмены, вы можете поздравить меня, а я могу поздравить всех вас. Задача решена!

— Вы нашли, откуда можно подняться на плато?

— Осмеливаюсь так думать.

— Откуда же?

Вместо ответа Челленджер показал на пирамидальный утес, возвышавшийся направо от нашей стоянки. Физиономии у нас вытянулись — по крайней мере за свою ручаюсь. Со слов Челленджера мы знали, что на этот утес можно подняться. Но ведь между ним и плато лежит страшная пропасть!

— Нам не перебраться через нее, — еле выговорил я.

— На вершину мы так или иначе поднимемся, — ответил он. — А там посмотрим, может быть, я сумею вам доказать, что моя изобретательность еще не исчерпана до конца.

После завтрака мы развязали тюк, в котором наш руководитель держал все свои альпинистские приспособления. Оттуда были извлечены железные кошки, скобы и необычайно крепкий и легкий канат длиной в полтора фута. Лорд Джон был опытный альпинист, Саммерли тоже приходилось совершать трудные восхождения, следовательно, из всех нас новичком в этом деле был один я. Но сила и ретивость должны были возместить мне отсутствие опыта.

Задача оказалась не такой уж трудной, хотя бывали минуты, когда у меня волосы шевелились на голове. Первая половина подъема прошла совсем просто, но дальше утес становился все круче, и последние пятьдесят футов мы подвигались, цепляясь руками и ногами за каждый выступ, за каждую трещину в камнях. Ни я, ни профессор Саммерли не одолели бы всего подъема, если б не Челленджер. Он первый добрался до вершины (странно было видеть такую ловкость в этом грузном человеке) и привязал канат

к стволу большого дерева, которое росло там. С его помощью мы скоро вскарабкались вверх по неровной каменной стене и очутились на небольшой, заросшей травой площадке футов в двадцать пять в поперечнике. Это и была вершина утеса.

Отдышавшись немного, я глянул назад и был поражен открывшимся передо мной видом. Казалось, вся бразильская равнина лежала перед нами, уходя вдаль, к голубоватой дымке, застилавшей горизонт. У самых наших ног поднимался пологий каменистый склон, поросший кое-где древовидным папоротником, а дальше, за седловиной холмов, отчетливо выступали желто-зеленые заросли бамбука, через которые мы не так давно пробирались. Потом кусты и деревья стали гуще и, наконец, слились в сплошную стену джунглей, тянувшуюся покуда хватал глаз и, наверно, еще на добрых две тысячи миль в глубь страны. Я все еще, как зачарованный, упивался этой волшебной панорамой, как вдруг тяжелая рука профессора опустилась на мое плечо.

— Смотрите сюда, мой юный друг, — сказал он. — *Vestigia nulla retrorsum!** Стремитесь вперед, к нашей славной цели!

Я перевел взгляд на плато. Оно лежало на одном уровне с нами, и зеленая кайма кустарника с редкими деревьями была так близко от утеса, что я невольно усомнился: неужели она действительно

* Ни шагу назад! (лат.)

недосягаема? На глаз эта пропасть была не больше сорока футов шириной, но не все ли равно — сорок футов или четыреста? Я ухватился за ствол дерева и заглянул вниз, в бездну. Там, на самом ее дне, чернели крохотные фигурки индейцев, смотревших на нас. Обе стены — и утеса и горного кряжа — были совершенно отвесные.

— Любопытная вещь! — послышался сзади меня скрипучий голос профессора Саммерли.

Я оглянулся и увидел, что он с величайшим интересом разглядывает дерево, которое удерживало меня над бездной. В этой гладкой коре и маленьких ребристых листьях было что-то страшно знакомое.

— Да ведь это бук! — воскликнул я.

— Совершенно верно, — подтвердил Саммерли. — Наш земляк тоже попал на чужбину.

— Не только земляк, уважаемый сэр, но и верный союзник, если уж на то пошло, — сказал Челленджер. — Этот бук окажется нашим спасителем.

— Мост! — крикнул лорд Джон. — Боже милостивый, мост!

— Правильно, друзья мои, мост! Недаром я вчера целый час ломал себе голову, все старался найти какой-нибудь выход. Если наш юный друг помнит, ему уже было сказано однажды, что Джордж Эдуард Челленджер чувствует себя лучше всего, когда его припирают к стене. А вчера — вы, конечно, не станете этого отрицать — мы все были приперты к стене. Но там, где интеллект и воля действуют заодно, выход всегда найдется. Через эту пропасть надо перекинуть мост. Вот он, перед вами!

Действительно, блестящая мысль! Дерево было не меньше шестидесяти футов вышиной, и если оно ляжет так, как надо, пропасть будет перекрыта. Готовясь к подъему, Челленджер захватил с собой топор. Теперь он протянул его мне.

— У нашего юного друга завидная мускулатура. Он лучше всех справится с этой задачей. Тем не менее прошу вас, делайте только то, что вам будет сказано, и не старайтесь утруждать свои мозги.

Следуя его указаниям, я сделал несколько зарубок на дереве с таким расчетом, чтобы оно упало в нужном направлении. Задача оказалась нетрудной, так как ствол его сам по себе кренился к плато. Затем я принялся за работу всерьез, чередуясь с лордом Джоном. Примерно через час раздался громкий треск, дерево закачалось и рухнуло, утонув вершиной в кустах на противоположной стороне пропасти. Ствол откатился к самому краю площадки, и на одно страшное мгновение нам показалось, что дерево свалится вниз. Но оно дрогнуло в нескольких дюймах от края и остановилось. Мост в Неведомую страну был переброшен!

Все мы, не говоря ни слова, пожали руку профессору Челлен-

джеру, а он снял свою соломенную шляпу и отвесил каждому из нас глубокий поклон.

— Мне принадлежит честь первым ступить на землю Неведомой страны, — сказал он. — Не сомневаюсь, что художники будущего запечатлеют этот исторический момент на своих полотнах.

Он уже подошел к краю пропасти, когда лорд Джон вдруг ухватил его за куртку.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я ни в коем случае не допущу этого.

— То есть как, сэр! — Голова Челленджера откинулась назад, борода вздернулась кверху.

— Во всем, что касается науки, я признаю ваше первенство, потому что вы ученый. Но это по моей части, так что будьте добры слушаться меня.

— Как это «по вашей части», сэр?

— У каждого из нас есть свое ремесло, и мое ремесло солдатское. Насколько я понимаю, мы собираемся вторгнуться в неизведанную страну; быть может, битком набитую врагами. Немного здравого смысла и выдержки. Я не привык действовать очертя голову.

Доводы лорда Джона были настолько убедительны, что спорить с ним не приходилось. Челленджер вскинул голову и пожал плечами.

— Хорошо, сэр, что же вы предлагаете?

— Кто знает, может быть, в этих кустах притаилось целое племя каннибалов, которым сейчас самое время позавтракать? — сказал лорд Джон, глядя через мост на скалы. — Вот попадем в кипящий котел, тогда поздно будет раздумывать. Поэтому давайте надеяться, что ничего дурного нас не ожидает, но действовать будем на всякий случай с осмотрительностью. Мы с Мелоуном спустимся вниз, возьмем все четыре винтовки и вернемся обратно с обоими метисами. Потом один из нас под прикрытием винтовок перейдет на ту сторону, и если все обойдется благополучно, тогда за ним последуют и остальные.

Челленджер сел на пенек срубленного дерева и застонал от нетерпения, но мы с Саммерли единодушно поддержали лорда Джона, считая, что в таких делах право руководства должно принадлежать ему. Взбираться по утесу теперь было гораздо легче, потому что в самом трудном месте нам помогал канат. Через час мы явились обратно с винтовками и дробовиком. Метисы по распоряжению лорда Джона перенесли навверх мешок со съестными припасами на тот случай, если наша первая вылазка в Неведомую страну затянется. Патроны были у каждого при себе.

— Ну-с, Челленджер, если вы непременно хотите быть первым... — сказал лорд Джон, когда все приготовления были закончены.

— Премного вам обязан за столь милостивое разрешение! — злобно ответил профессор, не признающий никаких авторитетов, кроме своего собственного. — Если вы ничего не имеете против, я воспользуюсь вашей любезностью и выступлю на сей раз в роли пионера.

Он перебрался топорик за спину, сел на дерево верхом и, отталкиваясь обеими руками, быстро перебрался по стволу на ту сторону. А там стал на землю и вскинул вверх руки.

— Наконец-то! — крикнул он. — Наконец-то!

Я со страхом следил за ним, ожидая, какую же судьбу готовит ему эта зеленая завеса. Но кругом было тихо, только какая-то странная пестрая птица вспорхнула у профессора из-под ног и скрылась среди деревьев.

Вторым через пропасть перебрался Саммерли. Просто поразительно, сколько силы в этом тщедушном теле! Он пожелал непременно захватить с собой две винтовки, так что теперь оба профессора были вооружены. Потом наступил мой черед. Я старался не смотреть в развешенную подо мной страшную бездну. Саммерли протянул мне приклад винтовки, а секундой позже я уже ухватил его за руку. Что касается лорда Джона, то он просто перешел по мосту — перешел без всякой поддержки! Железные нервы у этого человека!

И вот мы четверо в волшебной стране, в Затерянном мире,

куда до сих пор проник один Мепл-Уайт! Настала минута величайшего торжества. Но кто мог подумать, что эта минута будет для нас началом величайших бедствий? Позвольте же мне рассказать в нескольких словах, как грянул над нами этот страшный удар.

Мы отошли от края пропасти и успели футов на пятьдесят пробраться сквозь густой кустарник, как вдруг позади раздался оглушительный грохот. Мы инстинктивно бросились назад. Нашего моста больше не существовало! Заглянув вниз, я увидел на самом дне пропасти путаницу ветвей и щепок — все, что осталось от бука. Неужели край площадки не выдержал такой тяжести и осыпался под ней? Это была первая мысль, которая пришла нам в голову. А потом из-за выступа пирамидального утеса медленно показалась чья-то коричневая физиономия. Это был наш метис Гомес. Но куда девалась его сдержанная улыбка и непроницаемость сфинкса? Лицо, смотревшее на нас, искажала ненависть, утоленная месть загла сумасшедшим восторгом его глаза.

— Лорд Рокстон! — крикнул он. — Лорд Джон Рокстон!

— Что нужно? — отозвался наш спутник. — Я здесь!

До нас донесся взрыв хохота.

— Да, ты там, английская собака, и тебе оттуда не выбраться! Я ждал, долго ждал, когда настанет мой час. Вам трудно было взбираться наверх, а спускаться вниз будет еще труднее. Эх, дурачье! Попались в ловушку? Все до одного попались!

Пораженные, мы не находили слов и молча смотрели на метиса. Большой сломанный сук, лежавший на траве, объяснил нам, что послужило ему рычагом, когда он сбрасывал наш мост. Его лицо исчезло в кустах, но через секунду появилось снова, еще больше искаженное ненавистью.

— Мы чуть не убили вас камнем у пещеры, — крикнул он, — но так будет лучше! Медленная смерть страшнее. Побелеют ваши косточки, и никто не узнает, где они покоятся, никто не придет прикрыть их землей. Когда будешь издыхать, вспомни Лопеса, которого ты убил пять лет тому назад у реки Путумайо! Я его брат, и какая бы смерть ни настигла меня, я умру спокойно, потому что он отомщен!

Метис яростно погрозил нам кулаком и скрылся. Наступила тишина.

Если б Гомес утолил свою месть и тем ограничился, все сошло бы ему с рук. Его погубила безрассудная страсть к драматическим эффектам, свойственная всем людям латинской расы, а Рокстон, прослышавший «бичом Божиим» в трех странах Южной Америки, не позволял с собой шутить. Метис уже спускался по противоположному склону утеса, но ему так и не удалось ступить на землю. Лорд Джон побежал по краю плато, чтобы не терять его из виду. Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через се-

кунду — глухой стук упавшего тела. Рокстон вернулся к нам; лицо у него было окаменевшее.

— Я слепец, простофиля! — с горечью сказал он. — Моя глупость погубила вас всех. Вольно же мне было забывать, что эти люди не прощают кровных обид, что с ними всегда надо быть начеку!

— Зачем же вы пощадили другого метиса? Ведь без его помощи Гомес не справился бы с деревом.

— Я бы мог покончить и с ним, да пожалел. Может, он тут ни при чем. Но пожалуй, вы правы. Лучше было бы пристрелить и его: он, наверно, помогал Гомесу.

Теперь, когда истинная подоплека этого предательства разъяснилась, мы начали вспоминать, что поведение метиса во многом было подозрительно. Все стало понятно: и его упорное стремление проникнуть в планы экспедиции, и ссора у хижины, когда Самбо помешал ему подслушать наш разговор, и полные ненависти взгляды, которые нам частенько приходилось перехватывать. Мы продолжали толковать обо всем этом, в то же время стараясь освоиться с новым поворотом событий, как вдруг внимание наше привлекла любопытная сцена, разыгравшаяся внизу, у подножия каменной гряды. Человек, одетый в белое — очевидно, оставшийся в живых метис, — во все лопатки бежал по равнине, будто удирая от настигающей его смерти. За ним огромными прыжками неся черный, как смоль, великан — наш преданный негр Самбо. У нас на глазах он нагнал беглеца, вскочил ему на спину и обхватил его руками за шею. Они покатались по земле. Минуту спустя Самбо поднялся на ноги, взглянул на расprostертое перед ним тело и, радостно помахав нам руками, побежал к утесу. Неподвижная белая фигура так и осталась лежать посреди равнины.

Возмездие настигло обоих предателей, но содеянное ими было непоправимо. Мы не могли вернуться на утес. Когда-то нашим обиталищем был весь мир, теперь он сузился до размеров этого

плато. То и другое существовало раздельно. Вот равнина, которая ведет к тому месту, где у нас спрятаны челны. А там, за лиловой дымкой горизонта, река, обратный путь к цивилизации. Исчезло лишь одно-единственное связующее звено. Никакой изобретательности не хватит на то, чтобы перекинуть мост через пропасть, зияющую между нашим настоящим и прошлым. Достаточно было одного мига — и как все изменилось!

И тут я понял, из какого теста слеплены мои три товарища. Правда, вид у них был очень серьезный и сосредоточенный, но ничто не могло нарушить невозмутимое спокойствие этих людей. Нам не оставалось ничего другого, как сидеть в кустах и терпеливо поджидать Самбо. И вскоре его добродушная черная физиономия выглянула из-за камней, и он стал на вершине утеса во весь свой могучий рост.

— Что я теперь сделать? — крикнул Самбо. — Вы мне говорить, и я все буду делать.

Задать такой вопрос ничего не стоило, а ответить на него было трудно. Мы знали лишь одно: Самбо — наша единственная надежная связь с внешним миром. Только бы он не оставил нас!

— Нет, нет! — крикнул Самбо. — Я вас не оставит. Я всегда здесь. Индейцы хотел уходить. Самбо не может удержать индейцы. Они говорят, здесь живет Курупури, пойдем домой. Вас нет, а Самбо один не может уговорить.

Действительно, за последнее время индейцы не скрывали, что им хочется бросить нас и вернуться восвояси. Самбо говорил правду: удержать их теперь не было никакой возможности.

— Самбо! Скажи им пусть подождут до завтра! Тогда я пошлю с ними письмо! — крикнул я.

— Хорошо, сэ! Индейцы будут ждать завтра. Самбо дал слово.

Дел для нашего верного негра нашлось много, и он справился со всем как нельзя лучше. Прежде всего мы велели ему отвязать канат, обмотанный вокруг пня, и перебросить один его конец к нам. Канат был не толще бельевой веревки, но очень крепкий; хотя в качестве моста он не годился, все же в нашем положении такая вещь была необходима. Потом Самбо привязал к своему концу мешок со съестными припасами, уже поднятый на утес, и мы перетасили его к себе. Этого нам должно было хватить по крайней мере на неделю, даже если не пополнять запасов охотой. Наконец, Самбо принес наверх еще два мешка, в которых были патроны и много других вещей. Все это мы перетасили на канате к себе. Был уже вечер, когда наш негр в последний раз спустился вниз, твердо заверив нас, что индейцы останутся до утра.

Вот почему почти всю эту ночь — нашу первую ночь на плато — я просидел с фонарем, записывая то, что произошло с нами.

Мы расположились на ночлег у самого края обрыва и тут же поужинали, запивая еду аполлинарисом, две бутылки которого

нашлись в одном из мешков с провизией. Отыскать воду — для нас вопрос жизни и смерти, но я думаю, что на сегодня приключений достаточно даже для лорда Джона, а другие и подавно не испытывают никакого желания отправиться на разведку в Неведомую страну. Костра мы решили не разжигать и вообще стараемся производить как можно меньше шума.

Завтра, вернее сегодня, потому что я досидел до рассвета, мы совершим первую вылазку в этот загадочный мир. Когда мне удастся продолжить свои записи и удастся ли, — я не знаю. Пока что индейцы все еще здесь — мне видно их отсюда, и я уверен, что наш Самбо скоро явится за письмом. Очень надеюсь, что оно попадет по адресу.

P. S. Чем больше я раздумываю над нашим положением, тем безотраднее оно мне кажется. Надежды на возвращение у меня нет. Если бы у края плато росло высокое дерево, мы могли бы перебросить через пропасть новый мост, но ближе пятидесяти футов деревьев нет, а подтащить к обрыву такую тяжесть нам не удастся даже вчетвером. Канат же слишком короток, на нем не спустишься. Нет, наше положение безнадежно, безнадежно!

Глава 10

Вот они, чудеса!

С нами произошли и все еще происходят самые настоящие чудеса. Мои бумажные запасы состоят из пяти потрепанных блокнотов да кучи разрозненных листков, а стилографический карандаш у меня всего-навсего один. Но пока рука моя сохранит способность двигаться, я не перестану вести подробную запись всех наших приключений и, памятуя, что мы одни из всего рода человеческого свидетели этих чудес, поспешу описать их, пока они еще свежи у меня в памяти и пока нас не постигла злая участь, которой нам, по-видимому, не избежать. Сможет ли Самбо доставить мои письма к берегам Амазонки, привезу ли я их с собой в Лондон, чудесным образом вырвавшись отсюда, попадут ли они в руки какого-нибудь смельчака, который, быть может, доберется до плато на усовершенствованном моноплане, — ничего этого я не знаю, но, как бы там ни было, меня не покидает твердая уверенность, что эти записи станут классической повестью об истинных приключениях и что им суждено бессмертие.

На другой же день, после того как негодяй Гомес устроил нам ловушку на плато, мы во многом пополнили свой жизненный опыт. Впрочем, первое испытание, выпавшее в то утро на мою долю, не внушило мне особых симпатий к месту, куда нас занесла

судьба. Я заснул только с рассветом и, проснувшись, увидел у себя на икре что-то странное. Во время сна правая штанина у меня немного вздернулась, и теперь между ней и носком на ноге сидела большая багрово-красная виноградина. Удивленный этим, я только дотронулся до нее, и вдруг, к моему величайшему ужасу и отвращению, виноградина лопнула у меня между пальцами, брызнув во все стороны кровью. На мой крик прибежали оба профессора.

— Чрезвычайно любопытно! — сказал Саммерли, нагнувшись надо мной. — Громадный клещ и, насколько мне известно, не занесенный ни в один определитель.

— Мы пожинаем первые плоды наших трудов, — назидательным тоном прогудел Челленджер. — Придется назвать его *Toxodes Maloni*. Но, мой юный друг, что значит такой пустяк, как укус клеща, по сравнению с тем, что ваше имя будет напечатано в славных анналах зоологии! К несчастью, вы раздавили этот великолепный экземпляр в момент его насыщения.

— Какая мерзость! — воскликнул я.

В знак протеста профессор Челленджер поднял свои мохнатые брови и успокоительно потрепал меня по плечу.

— Учитесь смотреть на вещи с научной точки зрения, развивайте в себе беспристрастность ученого, — сказал он. — Для человека с философическим складом мышления, вроде меня, например, этот клещ с его ланцетовидным хоботком и растягивающимся желудком является таким же прекрасным творением природы, как, скажем, павлин или северное сияние. Мне больно слышать, что вы отзываетесь о нем столь неодобрительно. При известном старании мы сможем раздобыть второй такой же экземпляр, в этом я не сомневаюсь.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — мрачно проговорил Саммерли, — ибо этот второй экземпляр только что залез вам за шиворот.

Челленджер так и подскочил на месте и, взревев, как бык, начал рвать на себе куртку и рубашку. Мы с Саммерли так развеселились, что даже не могли помочь ему. Наконец нам кое-как удалось обнажить могучий торс Челленджера (обхват груди пятьдесят четыре дюйма по мерке портного) и поймать клеща, который запутался в дебрях черных волос, покрывавших его грудь, и не успел причинить ему никакого вреда. Оказалось, что кругом все кусты кишат этой гадостью, и мы решили перенести стоянку на другое место.

Но сначала надо было еще договориться с нашим верным негром, который вскоре же появился на вершине утеса с банками какао и пачками сухарей. Все это было переправлено к нам, а из оставшейся внизу провизии мы велели ему отложить себе запас месяца на два, остальное же раздать индейцам в награду за служ-

бу и в виде залога за доставку наших писем на Амазонку. Спустя несколько часов мы увидели, как они гуськом, каждый с узлом на голове, потянулись по равнине той самой дорогой, которой мы пришли сюда. Самбо устроился в нашей маленькой палатке у подножия пирамидального утеса и остался единственным звеном, связующим нас с внешним миром.

Теперь нам предстояло выработать план действий на ближайшее время. Мы перенесли стоянку из полного клещей кустарника на небольшую поляну, окруженную со всех сторон деревьями. Посредине поляны лежало несколько гладких больших камней, тут же поблизости был прекрасный источник, и мы, довольные чистотой и комфортом, принялись разрабатывать планы вторжения в неизведанную страну. В густой листве перекликались птицы — громче всех раздавался протяжный свист какой-то совсем незнакомой нам певуньи. Никаких других признаков жизни мы здесь заметили.

Первое, что нам надо было сделать, это составить подробный инвентарь нашего имущества, чтобы твердо знать, на сколько времени можно считать себя обеспеченными. Оказалось, что запасов у нас вполне достаточно. Мы учли все: и принесенное с собой и переправленное по канату негром. Но что было важнее всего — принимая во внимание те опасности, которых нам, вероятно, не миновать, у нас имелись все четыре винтовки, тысяча триста патронов к ним, дробовик и около полутораста пуль среднего калибра. Провизии нам должно было хватить на несколько недель, табака хоть отбавляй. Был и кое-какой научный инструмент, включая сильный телескоп и хороший полевой бинокль. Все это мы сложили на поляне, а в качестве первой меры предосторожности нарезали ножами колючих веток и соорудили из них изгородь ярдов пятнадцати в диаметре. На первое время эта площадка должна была служить нам штаб-квартирой, убежищем в случае какого-нибудь неожиданного нападения и складом всего имущества. Этот лагерь получил название Форт Челленджера.

Мы покончили с устройством на новом месте только к полудню, но жара не очень нас мучила. Вообще температура и характер растительности на плато ближе к умеренному поясу. Среди деревьев, кольцом окружавших поляну, были бук, дуб и даже береза. Огромный гинкго, возвышавшийся над всеми своими соседями, затенял наш форт могучими ветвями с веерообразной листвой. Под его сенью мы и продолжали беседу, предоставив слово лорду Джону, который принял на себя командование экспедицией в эти решительные для нас часы.

— Пока нас не услышат и не увидят какие-нибудь живые существа — зверь или человек, безразлично, — мы в безопасности, — сказал он. — Но стоит только им проведать о нашем появлении на плато, и спокойной жизни конец. Пока что мы, ка-

жется, не вызываем никаких подозрений. Поэтому на первое время надо затаиться и вести разведку очень осторожно. Не мешает исподволь присмотреться к соседям, прежде чем начинать обмен визитами.

— Но ведь нам надо продвигаться дальше, — неуверенно сказал я.

— Милый юноша, вы совершенно правы. Мы будем продвигаться в пределах, дозволенных здравым смыслом. Заходить слишком далеко я не советую, надо делать такие концы, чтобы в любую минуту можно было вернуться сюда, в наш форт. И, что самое важное, ни одного выстрела, разве лишь в том случае, если от него будет зависеть ваша жизнь.

— Однако вы вчера выстрелили, — сказал Саммерли.

— Ну, знаете ли, выбирать мне не приходилось. Да и вряд ли звук отнесло далеко вглубь: вчера был сильный ветер со стороны плато. Кстати, как мы его назовем? Ведь это наше дело — решать.

Было внесено несколько предложений, более или менее удачных, но последнее слово осталось за Челленджером.

— Тут долго думать нечего, — сказал он. — Плато будет названо в честь пионера, который его открыл: это Страна Мепл-Уайта.

Так мы и назвали плато, под этим именем оно занесено на карту, составление которой поручено мне; под этим именем, надеюсь, войдет и в будущие атласы.

Перед нами лежала неотложная задача — проникнуть мирным путем в Страну Мепл-Уайта. Мы успели убедиться собственными глазами, что в ней обитают какие-то странные существа, а зарисовки Мепл-Уайта сулили нам появление других, еще более страшных чудовищ. Наконец, у нас были все основания думать, что на плато есть и люди, о свирепости которых говорил скелет, пропоротый бамбуком.

Не питая никаких надежд на спасение, мы знали, что опасности подстерегают нас на каждом шагу, и решили принять все меры предосторожности, которые подсказывал лорду Джону его опыт. Но разве мы могли долго задерживаться на пороге этого таинственного мира, если нас томило желание как можно скорее проникнуть в самое его сердце!

Итак, мы завалили кустами вход в лагерь и, оставив все наши запасы под защитой колючей изгороди, медленно и с величайшей осторожностью двинулись в Неведомое вдоль русла небольшого ручейка, который брал начало в источнике на поляне и должен был служить нам путеводной нитью по возвращении.

Не успев как следует отойти от лагеря, мы уже сразу наткнулись на первые признаки ожидающих нас чудес. В густом лесу было много деревьев, совершенно незнакомых мне, но наш бота-

ник Саммерли опознал тут цикадеи и несколько видов хвойных, давно исчезнувших с лица земли. Пройдя лесом несколько сот ярдов, мы вышли к месту, где ручей разливался довольно широкой заводью. По краям ее рос густой высокий тростник, который профессор Саммерли отнес к разряду хвощей; тут же на ветру раскачивали верхушками и древовидные папоротники. Лорд Джон, шедший впереди, вдруг остановился и поднял руку.

— Смотрите! — сказал он. — Вот так след! Тут, наверно, ходил прародитель всех птиц!

На вязкой тине были четко видны огромные трехпалые следы. Они вели через болото к лесу. Мы остановились у этих чудовищных отпечатков. Если тут прошла действительно птица — а какое животное могло оставить такие следы? — то лапа у нее настолько больше, чем у страуса, что размеры этого гиганта даже трудно себе представить. Лорд Джон внимательно огляделся по сторонам и вложил два патрона в свою крупнокалиберную винтовку.

— Ручаюсь честью охотника, — сказал он, — что следы совсем свежие. Это существо прошло здесь каких-нибудь десять минут назад. Видите: вода еще не успела заполнить вон ту ямку, где лапа глубже погрузилась в тину. Господи боже! А вот и след детеныша.

И действительно, параллельно большим следам шли такие же, но маленькие.

— А что вы скажете об этом? — торжественно воскликнул профессор Саммерли, показывая след, похожий на отпечаток пятипалой человеческой руки.

— Вельд! — крикнул Челленджер, не помня себя от восторга. — Я видел такие отпечатки в вельдских слоях. Это существо передвигается на задних, трехпалых, конечностях, выпрямившись во весь рост, а передними, пятипалыми, помогает себе при ходьбе. Нет, дорогой мой Рокстон, это отнюдь не птица!

— Зверь?

— Нет, пресмыкающееся — динозавр. Это он, и никто другой! Девяносто лет назад такие следы сбили с толку одного весьма почтенного ученого из Суссекса. Но кто мог мечтать... кто мог мечтать... что нам придется увидеть...

Последние слова Челленджер договорил шепотом, а мы так и замерли от изумления. Следы увели нас от болота к густым зарослям кустарника. За ним, среди деревьев, была большая прогалина, и по этой прогалине разгуливало пять странных существ — таких мне еще никогда не приходилось видеть. Мы притаились за кустами и долго-долго разглядывали их.

Как я уже сказал, они гуляли впятером — двое взрослых и три детеныша. Размеры их поразили нас. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых уж и говорить не приходится. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблескивала на солнце аспидно-черными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пятипалыми, притягивали к себе зеленые ветки и обгладывали с них листья. Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах, скажу, что они напоминали гигантских, футов в двадцать высотой, кенгуру, покрытых темной крокодиловой кожей.

Я не знаю, сколько времени мы простояли там как зачарованные, глядя на это необычайное зрелище. Сильный ветер дул в нашу сторону, кусты служили хорошим укрытием, следовательно, можно было не опасаться, что чудовища обнаружат нас. Время от времени детеныши принимались неуклюже резвиться, подпрыгивая и с глухим стуком шлепаясь на землю. Их родители, по-видимому, обладали неслыханной силой, ибо один из них, не дотянувшись до листьев на верхушке довольно высокого дерева, обхватил его передними лапами и переломил ствол пополам, как тоненькую ветку. Поступок этот свидетельствовал одновременно о двух вещах: о сильно развитой мускулатуре и недоразвитом мозге, так как дерево рухнуло чудовищу прямо на голову, и оно разразилось громкими воплями. Огромные размеры явно не соответствовали степени выносливости, дарованной ему от природы. Происшествие с деревом, очевидно, заставило его насторожиться, потому что оно медленно побрело в лес в сопровождении своей пары и трех гигантских детенышей. Некоторое время мы

видели, как их аспидно-черные спины поблескивали в чаще, а головы ныряли вверх и вниз над кустарником. Потом они исчезли среди деревьев.

Я посмотрел на своих товарищей. Лорд Джон стоял, держа палец на спусковом крючке, а глаза его так и горели охотничьим азартом. Чего бы он только не дал за то, чтобы повесить одну такую голову над камином у себя в комнате рядом с двумя скрещенными веслами! И все-таки благоразумие взяло в нем верх, ибо он знал, что мы только в том случае сможем проникнуть в тайны этой неведомой страны, если ее обитатели не будут и подозревать о нашем существовании.

Оба профессора словно онемели от радости. Забыв обо всем на свете, они бессознательно схватились за руки и так и замерли на месте, точно двое маленьких ребятишек, безмолвно глазающих на какое-нибудь чудо из чудес. На губах Челленджера играла ангельская улыбка, отчего щеки его вздулись яблочками; желчная гримаса исчезла с лица Саммерли, уступив место выражению благоговейного восторга.

— *Nunc dimittis** — воскликнул он наконец. — Что же скажут об этом в Англии?

— Дорогой мой Саммерли, по секрету могу вам сообщить, что именно будет сказано в Англии, — ответил Челленджер. — Там скажут, что вы отъявленный лжец и шарлатан, не имеющий никакого отношения к науке. То же самое, что вы и вам подобные говорили обо мне.

— А если мы предьявим фотографические снимки?

— Подделка, Саммерли! Грубая подделка!

— А если мы предьявим вещественные доказательства?

— А! Вот тогда они от нас не отвернутся! Мелоун и его банда с Флит-стрит еще будут петь нам хвалу. Запомните! Двадцать восьмого августа мы видели в Стране Мепл-Уайта пять живых игуанодонов. Сделайте соответствующую запись в своей книжечке, мой юный друг, и сообщите об этом в ваш жалкий газетный листок.

— И приготовьтесь к тому, что редактор вас вышвырнет, — добавил лорд Джон. — На тех широтах, где стоит Лондон, все выглядит несколько по-иному, дорогой мой юноша. Мало ли есть людей, которые никогда не рассказывают о своих приключениях из боязни, что им не поверят! Кто их осудит за это! Пройдет месяц-другой, и нам самим все будет казаться сном. Как вы их назвали, этих чудовищ?

— Игуанодоны, — сказал Саммерли. — Отпечатки их ног найдены в гастингских песчаниках, в Кенте, в Суссексе. Они водились во множестве в Южной Англии, пока там не было недостатка в зелени, которой они питаются. А потом условия изменились, и звери

* Ныне отпускаеши! (лат.)

мало-помалу вымерли. Здесь, по-видимому, все осталось как было, потому что игуанодоны продолжают существовать до сих пор.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми, я без такой головы домой не вернусь, — сказал лорд Джон. — Подождите, африканские охотнички, вы еще у меня позеленеете от зависти! Однако, друзья, не знаю, как вам, а мне все время кажется, что мы того и гляди наткнемся на какую-нибудь серьезную неприятность.

То же самое ощущение грозной тайны было и у меня. В лесном сумраке таились ужасы, и сердце невольно сжималось от страха, когда мы вглядывались в эту густую зеленую чащу. Правда, исполинские игуанодоны были совершенно безобидные увальни, и они не могли причинить нам особого вреда, но почему знать, не сохранились ли в этом мире чудес другие исполины, которые таятся сейчас в своих логовищах среди скал и кустарника и только выжидают минуты, чтобы броситься на нас. Я имею весьма смутное представление о доисторической жизни, но, помнится, мне как-то попала в руки одна книга, где говорилось о зверях, для которых наши львы и тигры были такой же легкой добычей, как мышь для кошки. Что, если такие чудовища живут в лесных дебрях Страны Мепл-Уайта?

В то утро — наше первое утро в неизведанной стране — мы убедились, что опасности подстерегают нас здесь на каждом шагу. Приключение это было просто отвратительное, и мне даже неприятно говорить о нем. Если лорд Джон прав, и прогалину, где паслись игуанодоны, мы будем вспоминать, как сон, то болото с птеродактилями останется у нас в памяти страшным кошмаром. Сейчас расскажу, как все это было.

Мы шли по лесу очень медленно, отчасти потому, что лорд Джон в качестве разведчика не позволял нам догонять себя, отчасти из-за обоих профессоров, которые то и дело приходили в восторг от какого-нибудь неизвестного им вида цветка или насекомого. Мили через три-четыре деревья вдоль правого берега ручья поредели, и перед нами открылась еще одна прогалина. За густой каймой кустарника громоздились каменные глыбы — они встречаются на плато повсюду. Мы медленно двинулись туда через кусты, доходившие нам до пояса, и вдруг услышали где-то совсем близко звуки — не то курлыканье, не то шипение, — сливавшиеся в невнятный гул, от которого дрожал воздух. Лорд Джон подал нам знак остановиться и, пригибаясь на бегу, бросился к камням. Он посмотрел поверх них, вздрогнул и, видимо, забыв о нашем существовании, долго стоял, поглощенный открывшимся перед ним зрелищем. Наконец, он поманил нас к себе, показывая знаками, что необходимо соблюдать осторожность. Я понял по его виду, что за каменными глыбами скрывается какое-то чудо, а может быть, и серьезная опасность.

Подкравшись к лорду Джону, мы заглянули вниз. Перед нами зияла глубокая котловина, вероятно, один из тех небольших кратеров, каких много на плато. На дне этой котловины, ярдах в ста от того места, где мы лежали, за кромкой камыша, поблескивали подернутые зеленой стоячие лужи. Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнились сцены из седьмого круга дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили — сотни и сотни птеродактилей! Котловина так и кишела ими — детеныши ползали у воды, а их отвратительные мамыши высиживали на отмели яйца в твердой желтоватой пленке. Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое страшное зловоние, что у нас тошнота подступила к горлу. А повыше, каждый на своем камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела, восседали совершенно неподвижно, как мертвые, и только поводили налившимися кровью глазами да изредка щелкали клювами вслед пролетающим стрекозам. Их гигантские перепончатые крылья, согнутые в предплечьях, были прижаты к бокам, и от этого в облике их мне мерещилось что-то человеческое: они напоминали старух, кутающихся в мерзкие, цвета паутины шали, из которых выглядывали только хищные птичьи головы. Считая и больших и маленьких, в котловине было не меньше тысячи этих гнусных тварей.

Оба наших профессора так обрадовались возможности изучать вблизи жизнь доисторического мира, что охотно просидели бы здесь весь день. Они показывали нам дохлую рыбу и птиц, валявшихся среди камней и, очевидно, служивших пищей птеродактилям, и поздравляли друг друга с тем, что внесут наконец ясность в вопрос, почему кости этих летающих ящеров в таком количестве встречаются в ряде мест, например, в кембриджских песчаниках. Теперь уже не подлежит сомнению, говорили они, что птеродактили, подобно пингвинам, жили стаями.

В конце концов, желая доказать коллеге какой-то свой тезис, Челленджер высунул голову из-за камней и чуть не навлек гибель на всех нас. Ближайший к нам самец вдруг пронзительно зашипел, взмахнул перепончатыми двадцатифутовыми крыльями и поднялся в воздух. Самки с детенышами сбились в кучу поближе к воде, а часовые один за другим взмыли в небо. Удивительное зрелище представляли собой эти отвратительные твари, которые сотнями парили над нами, быстро, словно ласточки, разрезая воздух крыльями. Впрочем, мы вскоре поняли, что любование этим зрелищем к добру не приведет. Сначала птеродактили кружили высоко в небе, видимо, проверяя, насколько велика опасность. Потом, постепенно сжимая круг, стали опускаться все ниже и ниже, наконец, сухой шелест их аспидно-черных крыльев достиг такой силы, что мне невольно вспомнился Хендонский аэродром в дни состязаний.

— Берегитесь! — крикнул лорд Джон, хватая винтовку за дуло. — Бегите прямо к лесу, держитесь все вместе!

Но круг над нами уже сомкнулся. Птеродактили почти задевали нас крыльями по лицу. Мы били их прикладами, но удары приходились во что-то мягкое и не причиняли им никакого вреда. И вдруг из этого аспидно-черного блестящего круга высунулась длинная шея: свирепый клюв целился прямо в нас. За ним еще и еще один. Саммерли вскрикнул и закрыл руками окровавленное лицо. Я почувствовал сильный толчок в затылок и чуть не потерял сознание от боли. Челленджер упал, я нагнулся помочь ему и повалился на него, сраженный еще одним ударом сзади. В ту же минуту лорд Джон выстрелил. Я поднял голову и увидел, что один из птеродактилей бьется на земле с перебитым крылом, брызжет слюной из разверстого клюва и яростно вращает выпученными, налитыми кровью глазами — ни дать ни взять дьявол с картины какого-нибудь средневекового художника. Его собратья, испуганные звуком выстрела, взмыли кверху и стали кружить у нас над головой.

— Теперь спасайтесь! — крикнул лорд Джон.

Мы побежали напролом сквозь кустарник, но у самой опушки гарпии снова настигли нас. Саммерли был сбит с ног, мы подняли его и бросились под деревья. В лесу опасность миновала, потому что птеродактилям с их огромными крыльями негде было развернуться между ветвей.

Мы возвращались в лагерь в довольно жалком состоянии, а они еще долго провожали нас, паря кругами в голубом небе на такой высоте, что снизу их можно было принять за самых обыкновенных голубей. И лишь тогда, когда нас скрыла лесная чаща, птеродактили прекратили погоню.

— Необычайно интересное и поучительное происшествие, — сказал Челленджер, обмывая в ручье распухшее колено. — Теперь, Саммерли, мы с вами прекрасно знаем, как ведут себя разъяренные птеродактили.

Саммерли в это время вытирал кровь, лившуюся из ссадины на лбу, а я перевязывал довольно глубокую рану на шее. Лорд Джон отделался легче нас — чудовище только оцарапало ему плечо и разорвало рубашку.

— Следует отметить, — продолжал Челленджер, — что наш юный друг получил колотую рану, а вырвать такой клоч из рубашки лорда Джона можно была только зубами. Меня же били крыльями по голове. Таким образом, мы познакомились с разнообразнейшими способами нападения птеродактилей.

— Еще немного, и нам пришел бы конец, — серьезным тоном проговорил лорд Джон. — Более гнусную смерть трудно себе представить — пасть жертвой этих мерзких тварей! Мне очень не хотелось стрелять, но выбора не было.

— Мы бы не сидели сейчас у ручейка, если б не ваш выстрел, — убежденно проговорил я.

— Будем надеяться, что моя пальба делу не повредит, — сказал лорд Джон. — В здешних лесах, наверно, часто раздаются звуки не менее громкие: то отломится ветка, то рухнет целое дерево. Однако на сегодня сильных ощущений хватит. Пойдемте-ка лучше к лагерю, поищем в нашей аптечке карболки. Кто этих гадин знает — может быть, их укусы ядовиты.

Но с тех пор, как стоит мир, вряд ли на долю человека выпадало столько приключений за один день. Нас подстерегала новая неожиданность. Мы вышли по берегу ручья на поляну и, увидев колючую изгородь, окружавшую наш форт, решили, что на сей раз испытания наши кончились. Однако отдохнуть нам не пришлось. Вход в Форт Челленджера был завален по-прежнему, изгородь была цела, а все же мы сразу поняли, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал. Непрошенный гость не оставил на земле никаких следов, и только нависшая над лагерем огромная ветка дерева гингко выдавала его с головой. Что же касается его силы и дерзости, то об этом ясно говорило состояние нашего склада. Все вещи были раскиданы по поляне, одна жестянка с мясом раздавлена — очевидно, таким способом он пытался извлечь ее содержимое. От ящика с патронами остались одни щепки, а подле него валялась смятая в лепешку гильза. Смутный страх снова сжал нам сердце, и мы стали испуганно вглядываться в густые тени под

деревьями, ожидая, что оттуда вот-вот появится нечто чудовищное.

Какое же облегчение мы испытали, когда услышали в эту минуту голос Самбо и, подойдя к краю плато, увидели на вершине утеса его ухмыляющуюся физиономию!

— Все хорошо, мистер Челленджер! Все хорошо! — крикнул он. — Самбо здесь. Не бойся! Когда позовешь Самбо, он всегда будет здесь.

Глядя на честного негра и на необъятную равнину, простиравшуюся чуть ли не до притоков Амазонки, мы вспомнили, что это все же двадцатый век, что мы живем на Земле, а не на какой-нибудь полной первобытного хаоса планете, куда нас перенесло волшебной силой. Но как трудно было представить себе, что от фиолетовой линии горизонта рукой подать до великой реки, по которой ходят большие пароходы, что люди там толкуют о своих маленьких житейских делишках, в то время как мы, заброшенные в первобытный мир, к первобытным существам, можем только смотреть в ту сторону и тосковать о мире, полном для нас стольких радостей.

У меня осталось еще одно воспоминание, связанное с этим необыкновенным днем, и на нем я закончу свое письмо. Полученные ранения явно подействовали на нервы обоих профессоров, и они затеяли горячий спор о том, к какому роду доисторических ящеров принадлежат наши враги — к птеродактилям или к диморфодонам. Дело дошло до обмена колкостями. Чтобы не слышать их перепалки, я отошел в сторону и, сев на ствол упавшего дерева, машинально закурил трубку. Через несколько минут передо мной выросла фигура лорда Джона.

— Слушайте, Мелоун, — сказал он, — вы хорошо запомнили то место, где гнездятся эти твари?

— Конечно, запомнил.

— Нечто вроде вулканического кратера, правда?

— Совершенно верно, — сказал я.

— А какая там почва, вы обратили внимание?

— Одни скалы, камни.

— Нет, возле самой воды, где растет тростник?

— Что-то синеватое, вроде глины.

— Вот именно... Вулканический кратер и синяя глина.

— А почему это вас интересует? — спросил я.

— Да нет, это я так, — ответил лорд Джон и неторопливо зашагал туда, где все еще раздавались голоса наших ученых спорщиков — напряженный, резкий тенор Саммерли и зычный бас Челленджера.

Я, вероятно, позабыл бы слова лорда Джона, но в ту ночь мне пришлось услышать их от него еще раз: «Синяя глина... синяя глина в вулканическом кратере...» Это было последнее, что донеслось до меня сквозь дремоту, после чего, измучившись за день, я погрузился в крепкий сон.

Я становлюсь героем дня

Опасения лорда Джона Рокстона оправдались: укусы напавших на нас чудовищ были ядовитыми. На следующее утро после нашего первого приключения на плато у меня и у Саммерли начались сильные боли и озноб, а у Челленджера так распухло колено, что он едва мог ступить на больную ногу. Поэтому мы провели весь день в лагере, стараясь по мере сил помогать лорду Джону, который занимался укреплением колючей изгороди — нашей единственной защиты от врагов. Помню как сейчас, меня с самого утра преследовало тогда странное ощущение: мне все казалось, что за нами внимательно следят, но кто и откуда, этого я не мог сказать.

Я не утерпел и поделился своими опасениями с Челленджером, который не замедлил приписать их умственному расстройству, будто бы вызванному моим лихорадочным состоянием. Как бы там ни было, но я то и дело продолжал озираться по сторонам, готовясь увидеть что-то и ничего не видя, кроме темной груды веток, из которых была сложена наша колючая изгородь, да сумрачных сводов зелени, венчавших стволы огромных деревьев. И все же уверенность, что какой-то недоброжелательный наблюдатель прячется в двух шагах от нас, не только не покидала меня, но становилась все сильнее и сильнее. Я вспомнил суеверный страх индейцев перед грозным Курупуре, таящимся в лесной глуши, и уже был готов поверить, что этот злобный дух лишает покоя тех смельчаков, которые вторгаются в тайная тайных его священной обители.

В эту ночь — нашу третью ночь в Стране Мепл-Уайта — одно событие произвело на нас очень тяжелое впечатление и заставило лишний раз поблагодарить лорда Джона, не пожалевшего трудов, чтобы укрепить Форт Челленджера. Мы спали возле потухающего костра, как вдруг нас разбудил, вернее, буквально поднял на ноги, неистовый рев и визг. Я не знаю, с чем можно сравнить эти крики, раздававшиеся где-то совсем рядом с нашим лагерем, — мне не приходилось слышать ничего более страшного. Они раздирали воздух, словно паровозный свисток, не обладая ни чистотой, ни четкостью этого звука. Мы зажали уши, стараясь не слышать густых вибрирующих раскатов, полных беспредельного ужаса и муки. Нервы не выдерживали такого напряжения. Я весь покрылся холодным потом, сердце замерло у меня в груди. Казалось, все горести жизни, все ее неисчислимые страдания — все, в чем она может обвинить небеса, слилось воедино в этом страшном, мучительном крике. И, как бы аккомпанируя звенящим воплям, как бы оттеняя их, там же рокотал чей-то прерывистый, низкий смех,

чье-то ликующее гортанное рычание. Этот кошмарный дуэт длился минуты три-четыре; он переполошил всех птиц, спавших на деревьях, и так же внезапно стих. Мы долго молчали, потрясенные слышанным. Потом лорд Джон подбросил хвороста в костер. Красноватые отблески огня осветили напряженные лица моих товарищей и заиграли в листве у нас над головой.

— Что это было? — шепотом спросил я.

— Утром узнаем, — сказал лорд Джон. — Это где-то совсем близко, не дальше той прогалины.

— Мы удостоились чести подслушать издали доисторическую трагедию, разыгравшуюся в тростниках у лагуны юрского периода, когда крупный ящер приканчивал в тине своего более слабого собрата! — провозгласил Челленджер с необычной даже для него торжественностью. — Да, человек много выиграл, появившись на Земле несколько позднее. На заре мироздания ему пришлось бы встретиться с такими чудовищами, которые не уstraшили бы ни его мужества, ни его изобретательности. Разве помогли бы ему стрелы, праща и копье при столкновении с теми силами, которые разгулялись сегодня ночью? Даже современная винтовка не даст вам перевеса при встрече с таким сильным чудовищем.

— Тем не менее я ставлю на моего милого друга, — сказал лорд Джон, поглаживая дуло своего «Экспресса». — Но не спорю, у этого страшилища были бы немалые шансы на победу.

Саммерли поднял руку.

— Тсс! — прошептал он. — Мне что-то послышалось.

Мертвую тишину нарушил глухой, мерный топот. Какое-то животное пробиралось в чаще, осторожно ступая тяжелыми лапами. Оно медленно обошло наш Форт и остановилось у входа. Мы услышали его свистящее дыхание. Только легкая изгородь отделяла нас от этого ночного чудовища. Мы схватились за винтовки, а лорд Джон, вытащив куст из колючей изгороди, проделал в ней нечто вроде амбразуры.

— Бог мой! — шепнул он. — Я, кажется, вижу его!

Я заглянул в амбразуру поверх плеча лорда Джона. Да! Верно! В густой тени под деревом виднелась тень, еще более густая. Дикая мощь и свирепость чувствовались в этом припавшем к земле первобытном звере. Ростом он был не выше лошади, но его грузные контуры говорили о необычайной силе. Только у сверхмощного организма могло быть такое дыхание — наполненное, ровное, как у парового котла. Чудовище шевельнулось, и я увидел его страшные, блеснувшие зелеными огнем глаза. И тут же слышался шорох — оно медленно двинулось вперед.

— Сейчас прыгнет! — сказал я и взвел курок.

— Не стреляйте! — шепнул лорд Джон. — Разве можно стрелять в такую тихую ночь? Звук отнесет на несколько миль. Приберегите это напоследок.

— Если оно перемахнет через изгородь, мы пропали, — сказал Саммерли с нервным смешком.

— Перемахнуть мы ему не дадим! — крикнул лорд Джон. — Но стреляйте только в самом крайнем случае. Может быть, я и так с ним справлюсь. Надо попробовать.

Трудно представить себе более смелый поступок, чем тот, который совершил лорд Джон. Он нагнулся над костром, выхватил из огня горящую ветку и в одно мгновение проскользнул сквозь узкое отверстие, проделанное в изгороди. Чудовище с грозным рычанием двинулось вперед. Не колеблясь ни минуты, лорд Джон быстро и легко подбежал к нему и ткнул горячей веткой в самую его морду. Передо мной всего лишь на секунду мелькнула отвратительная маска гигантской жабы — бородавчатая, словно изъеденная проказой кожа и огромная пасть, вся в свежей крови. И тут же следом в кустах послышался треск, и наш страшный гость исчез в лесной чаще.

— Я так и думал, что он испугается огня, — со смехом сказал лорд Джон, вернувшись за ограду и швырнув ветку в костер.

— Вы рисковали жизнью! — хором воскликнули мы.

— А что мне оставалось делать? Если б это чудовище очутилось среди нас, мы бы уложили друг друга в перестрелке. Стрелять через ограду тоже не имело смысла: тогда оно наверняка перемахнуло бы сюда, а такая пальба выдала бы нас с головой,

и больше ничего. В общем, по-моему, мы легко отделались. Но что это за зверь?

Наши ученые мужи нерешительно переглянулись.

— Я не берусь сколько-нибудь точно определить это существо, — сказал Саммерли, раскуривая трубку у костра.

— Такая осторожность свойственна людям с истинно научным складом мышления. — Челленджер снизошел даже до комплиментов. — Я тоже ограничусь лишь общим утверждением, что сегодня ночью мы столкнулись с одним из видов плотоядного динозавра. О возможности их существования на плато вы уже от меня слышали.

— Ведь о многих доисторических видах до нас не дошло никаких сведений, — сказал Саммерли. — С нашей стороны было бы опрометчиво думать, что мы сможем назвать каждое живое существо, которое нам встретится здесь.

— Вы совершенно правы. Наши возможности ограничиваются самой приблизительной классификацией. Подождем до завтра, там будет виднее, а пока что давайте-ка лучше вернемся к прерванному сну.

— Но при условии, что один из нас останется дежурить, — решительно сказал лорд Джон. — В такой стране шутки плохи, друзья. Впредь предлагаю установить ночные дежурства, по два часа в смену.

— Тогда первым часовым буду я, мне как раз хочется докурить трубку, — сказал профессор Саммерли.

И с тех пор мы никогда не ложились спать без охраны.

Утром причина неистовых криков, разбудивших нас, разъяснилась. Прогалина, где мы видели игуаноносов, стала ареной настоящего побоища. Глядя на эти лужи крови и огромные куски мяса, разбросанные по зеленой траве, можно было предположить, что здесь полегло немало зверей, но при ближайшем рассмотрении все эти останки оказались частью туши одного игуаноноса, буквально растерзанного на клочки другим зверем, если не более крупным, то более свирепым, безусловно.

Оба профессора погрузились в научный спор, тщательно осматривая каждый кусок, носивший на себе отметины безжалостных клыков и огромных когтей.

— Делать сейчас какие-либо выводы преждевременно, — сказал профессор Челленджер, глядя на лежавший у него на коленях кусок беловатого мяса. — Судя по некоторым данным, нападающим был тигр с саблевидными клыками. Скелеты таких тигров находят среди конгломератов в пещерах, но зверь, которого мы видели собственными глазами, гораздо крупнее и похож скорее на пресмыкающееся. Я лично склонен думать, что это был аллозавр.

— Или мегалозавр, — сказал Саммерли.

— Может быть. Словом, любой из крупных плотоядных динозавров. Среди них попадаются самые страшные чудовища, которые

когда-либо оскверняли наш земной шар или служили украшением музеев. — Челленджер захохотал над собственной остротой. Обладая весьма примитивным чувством юмора, он радовался каждой своей шутке, даже самой грубой.

— Чем меньше мы будем шуметь, тем лучше! — резко осадил его лорд Джон. — Почему знать, кто здесь бродит поблизости? Если этот молодчик вздумает вернуться сюда завтракать и наткнется на нас, тогда будет не до смеха. Кстати, что это за пятно?

На чешуйчатой тускло-черной коже игуанодонона чуть повыше плеча ясно выступала темная нашлепка, похожая по цвету на асфальтовую. Никто из нас не мог определить это пятно, хотя Саммерли вспомнил, что два дня назад он видел точно такое же на одном из молодых игуанодонов. Челленджер сидел надутый и хранил многозначительное молчание, выражая всем своим видом: вот, знаю, да не скажу! Лорду Джону не оставалось ничего другого, как обратиться с тем же вопросом непосредственно к нему.

— Если ваша милость разрешит мне открыть рот, я буду счастлив высказать свое мнение, — ироническим тоном начал Челленджер. — Мне впервые в жизни приходится выслушивать такие нотации. Я не подозревал, что без вашего разрешения нельзя даже посмеяться невиннейшей шутке.

И только после того, как лорд Джон принес свои извинения нашему обидчивому другу, тот соблаговолил сменить гнев на милость. Когда же возмущение его окончательно улеглось, он влез на ствол упавшего дерева и обратился к нам с длинной и, как всегда, чрезвычайно торжественной речью, точно перед ним была не наша маленькая группа из трех человек, а тысячная аудитория, ожидающая от профессора драгоценных сведений.

— Что касается вышеупомянутого пятна, — начал Челленджер, — то я склонен присоединиться к мнению моего друга и коллеги профессора Саммерли, который утверждает, что это асфальт. Страна Мепл-Уайта явно вулканического происхождения, асфальт же, как известно, принадлежит к глубинным образованиям и, несомненно, имеется здесь в жидком состоянии, следовательно, он мог оказаться на коже игуанодонов. Впрочем, сейчас перед нами стоит другой вопрос, гораздо более важный: каким образом здесь могут существовать плотоядные хищники, один из которых посетил эту прогалину и оставил на ней такие страшные следы? Мы знаем, что по своим размерам плато не больше среднего графства у нас в Англии. На этом замкнутом со всех сторон пространстве в течение многих веков живут некоторые виды, давно исчезнувшие с лица земли. Казалось бы — для меня это не подлежит сомнению, — что плотоядные животные, беспрепятственно размножаясь, должны были бы давно уничтожить предоставленные им природой запасы пищи и в силу этого либо умереть с голоду, либо перейти с мяса на какой-нибудь другой корм. Как видим,

ни того, ни другого не случилось. Следовательно, остается предположить, что ограничение числа этих свирепых хищников, без чего немисливо равновесие в природе, достигается здесь какими-то иными способами. Каковы эти способы и как они применяются — вот одна из многих интереснейших проблем, которые ждут своего разрешения. Я позволю себе выразить надежду, что нам еще представится случай наблюдать плотоядных динозавров с более короткой дистанции.

— А я позволю себе выразить надежду, что такого случая нам не представится, — сказал я.

В ответ на это профессор поднял брови, словно школьный учитель, услышавший неуместное замечание озорного ученика.

— Может быть, профессору Саммерли угодно высказать свои соображения по этому вопросу? — предложил он.

И оба они воспарили к горным высям науки, в разреженной атмосфере которых только и можно было обсуждать такие проблемы, как связь между борьбой за существование и понижением рождаемости при неуклонном уменьшении кормов.

В то утро мы отправились к востоку от ручья, чтобы не выходить опять к болоту с птеродактилями, и нанесли небольшую часть плато на карту. В этой стороне подлесок в чаще был такой густой, что нам приходилось буквально продираться сквозь него.

До сих пор я рассказывал только об ужасах Страны Мепл-Уайта, но это несправедливо по отношению к ней, ибо все то утро мы бродили среди чудесных цветов, главным образом двух оттенков — белого и желтого. По словам Челленджера и Саммерли, первобытная гамма этими двумя красками и ограничивается. Во многих местах земля была сплошь покрыта цветами, и наши ноги по щиколотку уходили в этот великолепный мягкий ковер, распротранявший вокруг такое сильное и сладостное благоухание, что от него кружилась голова. Повсюду жужжали пчелы, совсем такие же, как у нас в Англии. Ветви деревьев низко стгибались под тяжестью плодов, отчасти известных нам, отчасти совсем незнакомых. Мы выбирали надклеванные птицами и, не боясь отравиться, вносили приятное разнообразие в свое меню. В этой части джунглей всюду бежали тропы, проложенные дикими зверями, а болотистые низины были испещрены множеством следов; среди них попадались и следы игуанодонов. На одной из лесных прогалин паслось небольшое стадо этих исполинов, и лорд Джон рассмотрел в бинокль, что у них тоже есть асфальтовые пятна на теле, хотя не в тех местах, что у растерзанного игуанодона. Как объяснить это странное явление, никто из нас не знал.

По пути нам то и дело попадались мелкие животные — дикобразы, чешуйчатый муравьед, пегий кабан с длинными, закрученными кверху клыками. Как-то раз в просвете между деревьями мы увидели вдали зеленый склон холма, по которому быстро взбегал

какой-то крупный зверь серовато-коричневой масти. Он промелькнул так стремительно, что мы не успели разглядеть его. Но если это был олень, как утверждал лорд Джон, то размерами он не уступал тем гигантским лосям, скелеты которых до сих пор еще находят в болотах моей родной Ирландии.

После загадочного посещения мы стали с опаской возвращаться к себе в лагерь. Однако больше ничего такого не случилось. В тот вечер у нас завязался горячий спор о

планах на будущее. Изложу его подробно, ибо он повлиял на наш дальнейший образ действий и помог нам в несколько дней ознакомиться со Страной Мепл-Уайта гораздо лучше, чем это можно было сделать за долгие недели.

Прения открыл Саммерли. Он еще с утра был чем-то недоволен, и когда лорд Джон заговорил о планах на завтрашний день, профессор не выдержал и вскипел.

— И сегодня, и завтра, и послезавтра нам надо искать выход из этой мышеловки, — сказал он. — Вы все ломаете себе голову, как бы пробраться внутрь страны, а, по-моему, думать надо только о том, как бы выбраться отсюда.

— Я просто поражаюсь, сэр, что человек науки может пасть столь низко! — загудел Челленджер, поглаживая свою пышную бороду. — Вы попали в страну, полную таких соблазнов для любознательного натуралиста, равных которым нет и не было с тех пор, как стоит мир! И вы предлагаете покинуть этот заповедник, предлагаете нам ограничиться лишь самым поверхностным знакомством с ним и с его обитателями! Я не ожидал от вас этого, профессор Саммерли!

— Не забывайте, пожалуйста, — сердито заговорил тот, — что в Лондоне меня ждет большая группа студентов, которые оставлены на попечение моего весьма бестолкового заместителя. У меня несколько иное положение, чем у вас, профессор Челленджер,

ибо, насколько мне известно, вам никто и никогда не поручал такой ответственной работы, как обучение молодежи.

— Совершенно верно, — согласился Челленджер. — Зачем загружать пустяками ум, способный на творческие искания высшего порядка? По-моему, это кощунство! Вот почему я всегда самым решительным образом отказываюсь от подобных предложений.

— От каких же это? — с язвительной усмешкой осведомился Саммерли.

Но тут лорд Джон поспешил перевести разговор на другую тему.

— Должен вам сказать, — начал он, — что я считаю просто позором возвращаться в Лондон, не ознакомившись как следует с этой страной.

— А у меня не хватит духа перешагнуть порог редакции и показаться на глаза нашему старику Мак-Ардлу, — вставил я. — Вы не будете сердиться, сэръ? Он мне не простит, если я пренебрегу таким материалом. Но, по-моему, эти споры излишни: ведь мы при всем желании не можем спуститься вниз.

— Примитивный здравый смысл в какой-то степени возмещает нашему юному другу недостаток умственного развития, — сказал Челленджер. — Нам, разумеется, нет никакого дела до его презренных профессиональных интересов, но что правда, то правда: мы не можем спуститься вниз, следовательно, нечего зря тратить силы на бессмысленные споры.

— А по-моему, все, что вы задумали, будет тоже бессмысленной тратой сил, — пробурчал Саммерли, не вынимая трубки из рта. — Разрешите вам напомнить, что мы приехали сюда с совершенно определенной целью, поставленной перед нами научным сообщением Лондонского зоологического института. Цель эта — проверить утверждения профессора Челленджера. Должен сказать, что мы уже вполне можем подтвердить их правильность. Следовательно, миссия наша выполнена. Что же касается детального изучения плато и его обитателей, то эта огромная задача будет под силу только большой, специально снаряженной экспедиции. Если мы возьмемся за это сами, тогда кто же доставит в Англию добытые нами сведения, которые послужат ценным вкладом в науку? Профессор Челленджер изобрел способ подняться на это неприступное с виду плато. Давайте же попросим его еще раз пустить в ход присущую ему изобретательность и вернуть нас в тот мир, откуда мы пришли.

Доводы Саммерли показали мне в высшей степени разумными. Челленджер, и тот призадумался, сообразив, что ему не удастся посрамить своих врагов, если подтверждение его правоты не дойдет до тех, кто сомневался в ней.

— Проблема спуска с плато на первый взгляд кажется неразрешимой, — сказал он, — но я не сомневаюсь, что человеческий

интеллект найдет выход и из этого положения. Уважаемый коллега, по-видимому, прав: нам не следует затягивать свое пребывание в Стране Мепл-Уайта, пора подумать о том, как вернуться домой. Однако я наотрез отказываюсь покинуть плато до тех пор, пока мы не обследуем его и не составим хоть какой-нибудь карты.

Профессор Саммерли нетерпеливо фыркнул.

— У нас ушло уже целых два дня на разведку, — сказал он, — и это почти ничего не дало. Мы по-прежнему не имеем никакого представления о топографии плато. Выяснилось только одно: Страна Мепл-Уайта покрыта густыми лесами. Но ведь на более подробное обследование потребуются месяцы! Другое дело, если б здесь была какая-нибудь возвышенность. Однако плато имеет уклон к центру, значит, сколько бы мы ни забирались вглубь, его общий вид все равно перед нами не откроется.

И тут на меня нашло вдохновение. Я случайно остановился взглядом на огромном узловатом дереве гинкго, простиравшем над нами свои могучие ветви. Судя по его мощному стволу, оно должно быть выше других деревьев. Если плато действительно поднимается по краям, то почему бы этому гиганту не послужить нам наблюдательной вышкой для обозрения всей Страны Мепл-Уайта? Я еще в мальчишеские годы славился своим искусством лазить по деревьям. Мои спутники лучше меня карабкаются по скалам, но тут им за мной не угнаться. Только бы поставить ногу на нижнюю ветку, а все остальное пустяки — доберусь и до вершины!

Моя идея была принята восторженно.

— Наш юный друг способен проделывать акробатические трюки, немыслимые для людей с более массивной и в то же время более представительной фигурой, — сказал Челленджер, и его щеки надулись двумя румяными яблочками. — Я приветствую такое решение.

— Юноша, да вы просто гениальны! — воскликнул лорд Джон, хлопнув меня по спине. — Не понимаю, как это нам раньше не пришло в голову! До захода солнца остался какой-нибудь час, но вы еще успеете набросать план местности, хотя бы самый приблизительный. Лезьте туда прямо с блокнотом. Сейчас мы подставим под дерево три ящика, один на другой, и уж я как-нибудь подсажу вас.

Лорд Джон взобрался на ящики и стал осторожно помогать мне, но тут в дело вмешался Челленджер. Он подбежал к нам и буквально подбросил меня вверх одним движением своей мощной длани. Я ухватился за толстый сук и, перебирая ногами по стволу, сначала подтянулся до половины туловища, а потом стал на сук коленями. Три нижние ветки послужили мне настоящими ступеньками, другие, потоньше, тоже облегчили подъем, и я так быстро взобрался по ним вверх, что вскоре земля совсем скрылась у меня из глаз.

Время от времени случались задержки, один раз пришлось даже подниматься по лиане футов в десять длиной, но, в общем, все шло хорошо, и мне уже казалось, что густой бас Челленджера скоро совсем перестанет доноситься сюда. Но дерево было гигантской высоты; я вглядывался в зеленую листву у себя над головой и не замечал, чтобы она начинала хоть сколько-нибудь редеть.

Вскоре на моем пути встретилась ветка, на которой сидел плотный зеленый клубок — вероятно, какое-нибудь паразитическое растение. Я вытянул шею, стараясь заглянуть за него, и, потрясенный тем, что неожиданно предстало моим глазам, чуть не свалился с дерева.

На меня смотрело чье-то лицо — какие-нибудь два фута отделяли нас друг от друга. Существо, которому оно принадлежало, пряталось за зеленым клубком и высунуло из-за него голову одновременно со мной. Лицо было человеческое, во всяком случае, более человеческое, чем у любой обезьяны. Длинное; белесое, все в прыщах, приплюснутый нос, массивная нижняя челюсть, на подбородке и скулах жесткая щетина, совсем как бакенбарды. Чудовище ощерило пасть и зарычало, будто изрыгая проклятия по моему адресу, и я увидел острые, загнутые книзу собачьи клыки. Свиристые глаза под нависшими бровями метнули на меня взгляд, полный ненависти и угрозы, и мгновенно помертвели от беспредельного страха. Чудовище камнем ринулось вниз. Раздался громкий треск ломающихся ветвей, рыжее, волосатое, как у свиньи, тело на секунду мелькнуло у меня перед глазами и исчезло в вихре взметенной листвы.

— В чем дело? — слышался снизу голос лорда Рокстона. — Что-нибудь случилось?

— Вы видели? — крикнул я, весь дрожа от волнения и крепко держась обеими руками за сук.

— Слышали какой-то шум, подумали, что вы оступились. А в чем все-таки дело?

Внезапное появление этой странной человекообезьяны так взволновало меня, что я уже хотел спуститься с дерева и рассказать о случившемся моим спутникам. Но до вершины оставалось совсем немного, и мне было стыдно возвращаться вниз, не выполнив взятой на себя задачи.

Поэтому я сделал долгую остановку, отдышался и полез дальше. Раз как-то нога моя ступила на подгнивший сук, и я удержался только на руках, но, в общем, подъем был нетрудный. Мало-помалу листва стала редеть, в лицо мне пахнуло ветром, а это значило, что гингко уже поднялось над окружающими деревьями.

Но я лез все выше и выше, твердо решив не смотреть по сторонам до тех пор, пока не доберусь до самой вершины. Наконец ветки стали гнуться под моей тяжестью. Тогда я выбрал надеж-

ный развилок, уселся в нем поудобнее и глянул вниз на изумительную панораму этой таинственной страны, в которую нас занесла судьба.

Солнце уже спустилось к самой линии горизонта, но вечер был такой ясный и тихий, что плато, раскинувшееся подо мной, виднелось от края до края. Оно представляло собой овал длиной миль в тридцать, шириной в двадцать и имело форму неглубокой воронки, так как поверхность его шла под уклон к центру, где было довольно большое озеро, миль десяти в окружности. По берегам этого прекрасного озера рос густой тростник, сквозь зеленую воду кое-где проступали желтые песчаные отмели, отливавшие золотом в мягких лучах солнца. На отмелях виднелось множество каких-то черных предметов. Для аллигаторов они были слишком велики, для челнов — слишком длинны. Я разглядел в бинокль, что это живые существа, но какие, так и не догадался.

С той стороны плато, где был наш лагерь, лесистые склоны, изрезанные кое-где прогалинами, тянулись миль на шесть по направлению к центральному озеру. Почти у самых своих ног я различил прогалину игуаноносов, а дальше, среди редящих деревьев, виднелся проход к болоту птеродактилей. Зато по другую сторону озера облик плато резко менялся. Там поднимались точно такие же красноватые базальтовые скалы, какие мы видели снизу, с равнины. Эта гряда была футов двести вышиной, и у подножия ее рос лес. В нижней части красноватых скал, немного выше земли, я разглядел в бинокль ряд темных отверстий, служивших, по-видимому, входами в пещеры. У входа в одну из них что-то белело, но что именно, мне так и не удалось разобрать.

Я бросил свою работу только после захода солнца, когда уже ничего не было видно, и спустился к товарищам, с нетерпением ожидавшим меня под деревом. Вот когда я стал героем дня! Этот замысел принадлежал мне, и я сам привел его в исполнение. Вот она, карта, которая сбережет нам месяц времени и избавит от необходимости блуждать вслепую по Неведомой стране. Последовал обмен торжественными рукопожатиями. Но прежде чем показать карту товарищам, надо было рассказать им и о моей встрече с человекообразной.

— Она была там все время, — сказал я.

— Откуда вы это знаете? — спросил лорд Джон.

— Меня не оставяло ощущение, что за нами следят чьи-то злобные глаза. Помните, профессор Челленджер? Я говорил вам об этом.

— Действительно, нечто подобное я слышал. Наш юный друг обладает той впечатлительностью, которая характерна для представителей кельтской расы.

— Теория телепатии... — начал было Саммерли, набивая трубку.

— Это чересчур сложная проблема, не будем ее обсуждать сейчас, — решительно прервал его Челленджер. — Скажите лучше вот что, — обратился он ко мне с величественным видом, словно епископ, экзаменующий ученика воскресной школы, — вы не заметили, может это существо прижать большой палец к ладони?

— Вот уж чего не заметил, того не заметил.

— Хвост у него есть?

— Нет.

— Задние конечности хватательные?

— По всей вероятности, иначе он не смог бы так быстро скакать с ветки на ветку.

— Если память мне не изменяет, в Южной Америке насчитывается до тридцати шести видов обезьян... профессор Саммерли, прошу вас воздержаться от замечаний... Но человекообразных среди них нет. Теперь не подлежит сомнению, что здесь они водятся, но это какая-то другая разновидность, а не те волосатые гориллоподобные обезьяны, которые встречаются только в Африке и на Востоке. (У меня чуть было не сорвалось с языка, что двоюродного братца этих гориллоподобных я видел и в Кенсингтоне.) Для здешней разновидности характерны наличие растительности на лице и белый цвет кожи, последнее же объясняется тем, что эти обезьяны живут на деревьях, среди густой листвы. Перед нами стоит вопрос: к кому же больше приближается здешняя разновидность — к обезьяне или к человеку? В последнем случае она, видимо, представляет собой то, что зовется в просторечии «недостающим звеном». Наш долг — немедленно приступить к разрешению этой проблемы...

— Возражаю! — резко оборвал его Саммерли. — Теперь, когда у нас есть карта, а этим мы обязаны сообразительности и энергичному образу действий мистера Мелоуна (я вынужден привести его слова), наш единственный долг — принять все меры, чтобы немедленно же выбраться здоровыми и невредимыми из этого ужасного места.

— Блага цивилизации не дают вам спать! — простонал Челленджер.

— Да, сэр! И самым большим благом цивилизации я считаю чернила, сэр! Мы должны отчитаться во всем, что видели здесь, а дальнейшим исследованием пусть занимаются другие. Вы же сами с этим согласились до того, как мистер Мелоун показал нам свою карту.

— Хорошо, — сказал Челленджер. — Мне тоже сразу полегчает, когда я буду окончательно уверен, что результаты экспедиции дойдут до сведения наших друзей. Но пока что я понятия не

имею, как нам отсюда выбраться. Впрочем, Джорджу Эдуарду Челленджеру еще не приходилось сталкиваться с задачами, которые были бы не под силу его изобретательному уму, и он обещает вам завтра же заняться этим вопросом вплотную.

На этом спор был закончен. А в тот же вечер при свете костра и единственной свечи мы вычертили по моему наброску первую карту Затерянного мира. Детали, только намеченные мною с вершины дерева, были занесены на соответствующие места. Карандаш Челленджера задержался над большим белым пятном, изображавшим озеро.

— Как же мы его назовем? — спросил он.

— Почему бы вам не воспользоваться случаем увековечить свое имя? — с обычной язвительностью сказал Саммерли.

— Я уверен, сэр, что у потомства найдутся более веские основания, чтобы запомнить Челленджера. И эти основания будут покоиться на его личных заслугах, — сурово ответил профессор. — Каждый невежда может навязать свое имя какой-нибудь реке или горной вершине. Мне таких монументов не нужно.

Саммерли криво улыбнулся, готовясь к новому выпаду, но лорд Джон поспешил прервать спорщиков.

— Милый юноша, окрестить озеро должны вы, — сказал он. — Вы первый его увидели, и, если вам захочется проставить на карте «озеро Мелоун», перечить вам никто не будет.

— Конечно, конечно! Пусть наш юный друг даст название озеру, — поддержал его Челленджер.

— В таком случае, — сказал я и сам почувствовал, что краснею, — пусть оно зовется озером Глэдис.

— А вам не кажется, что «Центральное» даст более ясное понятие о его местоположении? — спросил Саммерли.

— Нет, пусть будет озеро Глэдис.

Челленджер бросил на меня сочувственный взгляд и с шуточной укоризной покачал головой.

— Ах, молодость, молодость! — сказал он. — Ну что же, Глэдис так Глэдис!

Глава 12

Как страшно было в лесу!

В предыдущем письме уже упоминалось... а может, и нет? — последнее время память играет со мной злые шутки, — что я был сам не свой от гордости, когда трое таких незаурядных людей, как мои спутники, с благодарностью пожали мне руку. По их словам, я спас или по крайней мере значительно облегчил наше положение. Будучи самым младшим членом экспедиции и уступая

моим товарищам во всем, что касалось опыта и твердости характера, я с первых же дней нашего путешествия оставался в тени. Но теперь настал и мой час. Увы! Гордыня к добру не приводит. Чувство самодовольства и новая для меня уверенность в своих силах привели к тому, что в ту же ночь мне пришлось выдержать такое испытание, о котором я до сих пор не могу вспомнить без ужаса.

Вот как это случилось. Взбужденный сверх всякой меры своим удачным подъемом на вершину дерева гингко, я никак не мог уснуть. В ту ночь первым дежурил Саммерли. В неярком свете костра виднелась его нелепая, угловатая фигура. Он сидел, сгорбившись, положив винтовку на колени, и так клевал носом, что его козлиная бородка то и дело вздрагивала. Лорд Джон лежал, завернувшись в свое южноамериканское одеяло — пончо, и его совсем не было слышно. Зато густой и громкий храп Челленджера разносился по всему лесу.

Полная луна светила ярко; ночной воздух так и пробирал холодком. Какая ночь для прогулки! И вдруг меня осенило: а почему бы и в самом деле не прогуляться? Что, если я тихонько выйду из лагеря, найду дорогу к центральному озеру и утром вернусь с целым ворохом новостей? Ведь тогда акции мои поднимутся еще выше! И если Саммерли заставит нас найти какой-нибудь способ выбраться отсюда, мы вернемся в Лондон с самыми точ-

ными сведениями о центральной части Страны Мепл-Уайта, где, кроме меня, не побывал никто. Я вспомнил Глэдис... «Человек — сам творец своей славы», — прозвучало у меня в ушах. Вспомнил и Мак-Арлда. Какой материал для газеты — на целую полосу! Какая карьера ждет меня впереди! Начнется война, и, может быть, меня пошлют корреспондентом на театр военных действий. Я схватил первую попавшуюся винтовку — патроны были у меня в карманах — и, разобрав завал у входа в форт, проскользнул за его ограду. Оглянувшись напоследок, я увидел нашего горе-часового Саммерли, который по-прежнему дремал у затухающего костра, мерно, словно китайский болванчик, покачивая головой.

После первых же ста ярдов мне стало ясно, сколько безрассудства в моем поступке. Я, кажется, уже упоминал на страницах этой хроники, что пылкость воображения мешает мне стать понастоящему смелым человеком, упоминал и о том, что больше всего на свете боюсь прослыть трусом. Вот эта боязнь и толкала меня вперед. Я просто не мог бы вернуться в лагерь с пустыми руками. Если б товарищи и не хватились меня и не узнали бы о моем малодушии, все равно я не нашел бы себе места от жгучего стыда. А в то же время меня то и дело кидало в дрожь, и я готов был отдать все, лишь бы найти достойный выход из этого нелепого положения.

Как страшно было в лесу! Деревья стояли такой плотной стеной, листва у них была такая густая, что лунный свет почти не проникал сюда, и лишь самые верхние ветки филигранным узором сквозили на фоне звездного неба. Привыкнув мало-помалу к темноте, глаза мои начали кое-что различать в ней. Некоторые деревья все же виднелись в этом мраке, другие совсем тонули в угольно-черных провалах, от которых я в ужасе шаркался, так как порой они казались мне входами в какие-то пещеры. Я вспомнил отчаянный вопль обреченного на гибель игуанодона, разнесшийся по всему лесу. Вспомнил и бородавчатую, окровавленную морду, мелькнувшую передо мной при свете факела лорда Джона. Безымянное страшное чудовище охотится в этих самых местах. Оно может в любую минуту броситься на меня из лесной тьмы. Я остановился, вынул из кармана патрон и открыл затвор винтовки. И вдруг сердце замерло у меня в груди. Это была не винтовка, а дробовик.

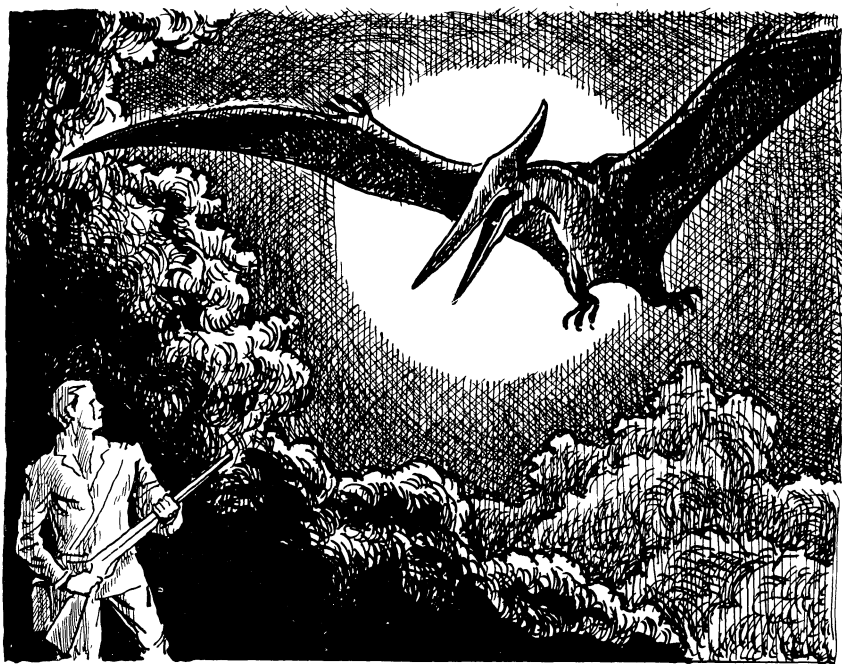
И я снова подумал: «Уж не вернуться ли?» Повод вполне достаточный, никто не посмеет сомневаться в причинах моей неудачи. Но глупая гордость восставала даже против одного этого слова. Нет, я не хотел, я не мог допустить, чтобы меня постигла неудача. Если уж на то пошло, так перед лицом тех опасностей, которые мне здесь, по всей вероятности, угрожают, винтовка окажется столь же бесполезным оружием, сколь и охотничье ружье. Возвращаться в лагерь и исправлять ошибку не имеет смысла —

второй раз мне не удастся уйти оттуда незамеченным. Придется объяснить свои намерения, и тогда инициатива уйдет у меня из рук. После недолгих колебаний я все же собрался с духом и двинулся дальше, держа бесполезное ружье под мышкой.

Лесная тьма пугала меня, но на прогалине игуаноносов, залитой ровным лунным светом, мне стало еще страшнее. Я внимательно оглядел ее, спрятавшись в кустах. Чудовищ не было видно. Трагедия, злополучным героем которой стал один из игуаноносов, вероятно, заставила остальных уйти с этого пастбища. Туманная, серебристая ночь была безмолвна — ни шороха, ни звука. Набравшись храбрости, я быстро перебежал прогалину и по ту сторону опять вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью. Этот веселый спутник бежал, болтая и журча, как тот дорогой моему сердцу ручей в родной стороне, где я еще мальчиком ловил по ночам форель. Если идти вниз по течению, он выведет меня к озеру; если подниматься вверх, — вернешься обратно в лагерь. Ручей то и дело терялся среди кустов, но его неумолчное журчание все время стояло у меня в ушах.

Чем ниже под уклон, тем больше и больше редел лес, постепенно уступая место зарослям кустарника, среди которых лишь кое-где поднимались высокие деревья. Идти становилось легче, и теперь я мог смотреть по сторонам, оставаясь незамеченным. Мой путь проходил мимо болота птеродактилей, и оттуда навстречу мне с сухим шелестом и свистом взмыл в воздух один из этих гигантов, размах крыльев которого был футов двадцать по меньшей мере. Вот его перепончатые крылья пронизало ослепительно-белым тропическим сиянием лунного диска, и словно скелет пролетел у меня над головой. Я кинулся в кусты, думая по опыту, что достаточно этому чудовищу подать голос, и на меня тучей налетят его омерзительные собратья. И только после того, как птеродактиль опустил в чашу кустов, я осторожно двинулся дальше.

Ночь была на редкость тихая, но вот тишину нарушил глухой, ровный рокот, с каждым моим шагом становившийся все громче и громче. Наконец я остановился совсем рядом с источником, из которого исходил этот звук, напоминавший клокотание кипятка в котле, и понял, в чем тут дело. Посередине небольшой лужайки виднелось озеро, вернее, большая лужа, ибо в диаметре она была не больше водоема в Трафальгар-сквере. Ее черная, как деготь, поверхность непрестанно вздувалась пузырями, которые лопались, выделяя газ. Воздух над лужей дрожал от жара, а земля вокруг была до того горячая, что, коснувшись ее ладонью, я тут же отдернул руку. По-видимому, мощный вулканический процесс, много веков назад вздыбивший плато над земной поверхностью, еще не закончился. Нам уже приходилось видеть здесь, среди пышной зелени, черные обломки скал и застывшую лаву, но этот резер-

вуар с жидким асфальтом был первым неоспоримым доказательством того, что древний вулкан продолжает действовать и по сию пору. К сожалению, мне надо было спешить, чтобы вернуться в лагерь до рассвета, и я не стал задерживаться здесь.

До конца дней своих я не забуду этого страшного пути. Освещенные луной прогалины я обходил по самым краям, стараясь держаться в густой тени; в джунглях то и дело замирал от страха, слыша треск веток, сквозь которые пробирался какой-нибудь зверь. Огромные тени возникали передо мной и снова исчезали, бесшумно скользя на мягких лапах. Я часто останавливался с твердым намерением повернуть обратно, и всякий раз гордость побеждала страх и гнала меня вперед, к намеченной цели.

Наконец (на моих часах было начало второго) в просвете между деревьями блеснула вода, и минут через десять я уже стоял в камышах, на берегу центрального озера. Меня давно мучила жажда, и я лег ничком и припал к воде; она оказалась холодной и очень свежей на вкус. В этом месте к берегу вела широкая, испещренная множеством следов тропинка — очевидно, звери приходили сюда на водопой. У самой воды огромной глыбой поднималась застывшая лава. Я взобрался на нее, лег и осмотрелся по сторонам.

Первое, что предстало моему взору, поразило меня своей неожиданностью. Описывая вид, открывавшийся с вершины дерева

гингко, я упоминал о темных пятнах на скалистой гряде, которые можно было принять за входы в пещеры. Взглянув теперь в ту сторону, я увидел множество круглых отверстий, светящихся ярким, красноватым огнем, словно иллюминаторы океанского парохода в ночной темноте. Сначала я подумал, что это отблеск лавы, бурлящей в непотухшем вулкане, но тут же отказался от такого предположения. Лава бурлила бы где-нибудь внизу, а не высоко среди скал. Тогда что же это значит? Невероятно, но, по-видимому, другого объяснения не подыщешь: эти красноватые пятна не что иное, как отблески костров, горящих в пещерах, костров, разжечь которые могла только человеческая рука. Следовательно, на плато есть люди. Какие блестящие результаты дала моя ночная прогулка! Уж с такими известиями нам не стыдно будет вернуться в Лондон.

Я долго смотрел на эти красные мерцающие отблески. Меня отделило от них не меньше десяти миль, но даже на таком расстоянии можно было разглядеть, как они то затухали, то вспыхивали ярче, то совсем исчезали у меня из глаз, когда их заслоняли чьи-то тени. Чего бы я только не дал, чтобы подобраться к этим пещерам, заглянуть в них и потом поведать моим спутникам о внешнем облике и образе жизни человеческой расы, населяющей этот таинственный уголок земного шара! Сейчас об этом нечего было и думать, но вряд ли кто-нибудь из нас захочет покинуть плато, не узнав толком, что скрывается в этих пещерах.

Озеро Глэдис — мое озеро! — сверкало передо мной, словно ртуть, а в самом центре его отражался светлый диск луны. Оно было неглубокое: из воды в нескольких местах проглядывали песчаные отмели. Гладкая поверхность озера жила своей жизнью — на ней появлялись то круги, то легкая рябь; вот рыба блеснула серебряной чешуей, вот показалась горбатая аспидно-черная спина какого-то чудовища. Странное существо, похожее на огромного лебедя с длинной гибкой шеей, прошло по краю отмели, потом грузно плюхнулось в озеро и поплыло. Его изогнутая шея и юркая голова долго виднелись над водой. Потом оно нырнуло и больше уже не показывалось.

Вскоре я устремил все свое внимание на то, что происходило почти у самых моих ног. На берегу появились два зверя, похожих на крупных армадиллов. Они припали к воде и быстро заработали длинными красными лентами языков. Вслед за ними на водопой явился огромный ветвисторогий олень с самкой и двумя оленятами. Такого царственного существа, наверно, больше нигде не найдешь, кроме как в Стране Мепл-Уайта; и лось и американский олень были бы ему по плечо. Все семейство мирно пило воду, но вдруг самец предостерегающе фыркнул, и они мигом исчезли в камышах. Армадиллы тоже заковыляли прочь. На тропинке появилось какое-то новое существо — настоящее чудовище.

У меня пронеслось в голове: где же я видел этого урода с круглой спиной, усаженной треугольными зубцами, с маленькой птичьей головкой, опущенной почти до самой земли? И вдруг вспомнил. Это же стегозавр, которого Мепл-Уайт запечатлел на страницах своего альбома, то чудовище, которым прежде всего заинтересовался Челленджер. Вот он передо мной — может быть, тот самый зверь, что повстречался американскому художнику. Земля содрогалась под его страшной тяжестью, воду он лакал так громко, что эти звуки, казалось, будили ночь. Минут пять стегозавр стоял совсем рядом со мной. Стоило мне протянуть руку, и я бы коснулся этих отвратительных зубцов, вздрагивавших при каждом его движении. Напившись, чудовище побрело прочь и скрылось среди камней.

Я вынул часы — было половина третьего, самое время возвращаться в лагерь. Обратный путь не вызывал у меня никаких сомнений, так как я шел сюда, держась левого берега ручья, а ручей вливался в центральное озеро в нескольких шагах от моего наблюдательного пункта. Итак, я в самом лучшем расположении духа зашагал к лагерю, гордясь результатами своей ночной прогулки и теми новостями, которые преподнесу товарищам. Конечно, самая важная новость — это освещенные изнутри пещеры, где, по всей вероятности, живет какое-то племя троплодитов. Но мои наблюдения над центральным озером тоже кое-чего стоят. Я

могу удостоверить, что оно полно живых существ, и, кроме того, опишу несколько новых видов доисторических сухопутных животных, не встречавшихся нам до сих пор. Не много найдется людей на свете, думал я, которые за одну ночь — и какую необычайную ночь! — смогли бы внести столь ценный вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Поглощенный своими мыслями, я медленно поднимался вверх по склону и уже был примерно на полпути к лагерю, когда слышавшиеся сзади странные звуки вернули меня к действительности. Это было нечто среднее между храпением и ревом — глухим, низким и грозным. По-видимому, вблизи появился какой-то зверь, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Я прибавил шагу и, пройдя еще с полмили, снова услышал те же звуки. На сей раз они были гораздо громче и страшнее. Сердце замерло у меня в груди при мысли, что за мной кто-то гонится. Я весь похолодел и почувствовал, как волосы встали дыбом у меня на голове. Пусть эти чудовища рвут друг друга на куски, такова борьба за существование, но чтобы они нападали на современного человека, охотились за владыкой мира — с этой страшной мыслью я не мог примириться. Передо мной снова возникло это страшное видение из дантова «Ада» — залитая кровью морда, освещенная на миг горячей веткой лорда Джона. Я стоял, глядя во все глаза назад, на залитую луной тропинку, и колени у меня подгибались от страха. Такое может только присниться: тишина, серебристые лунные блики на прогалинах, черные пятна кустов. И вдруг эту грозную тишину снова прорезало то же низкое, гортанное рычание. Оно звучало еще громче, еще ближе. Сомнений быть не могло: меня кто-то выслеживал, и расстояние между мной и моим преследователем сокращалось с каждой минутой.

Я стоял, будто пригвожденный к месту, и не мог отвести глаз от тропинки. И вдруг оно показалось. В дальнем конце прогалины, которую я только что прошел, дрогнули кусты. Что-то большое, темное отделилось от них и одним прыжком вымахнуло на залитую луной прогалину. Я умышленно говорю о прыжке, ибо чудовище передвигалось, как кенгуру, вытянувшись во весь рост и отталкиваясь от земли сильно развитыми задними ногами; передние были прижаты у него к брюху. Размеры и мощь этого зверя поразили меня — настоящий слон, вставший на дыбы. И при всем том какая подвижность! В первую минуту у меня еще мелькнула надежда: может быть, это лишь безобидный игуанодон? Но, несмотря на все свое невежество, я понял, что ошибаюсь. У трехпалого травоядного игуанодона голова была маленькая, как у лани, а у этого страшилища широкая, плоская — словом, точная копия той жабьей морды, обладатель которой так напугал нас минувшей ночью. Свирепый рев и настойчивость, с какой он преследовал меня, свидетельствовали о том, что это плотоядный

динозавр, один из самых страшных зверей, которые когда-либо водились на земле. Чудовище то и дело припадало на передние лапы и тыкалось носом в землю, вынюхивая мои следы. Иногда они терялись, но динозавр находил их и снова огромными прыжками пускался по тропинке следом за мной.

Даже теперь, при одном лишь воспоминании об этом кошмаре, холодный пот проступает у меня на лбу. Что мне было делать? У меня в руках был дробовик, но какой от него толк сейчас? Я с отчаянием огляделся по сторонам, ища глазами какое-нибудь укрытие — скалу или дерево, но здесь, в чаще кустарника, были только молодые деревца, а моему преследователю ничего не стоило бы переломить, как тростинку, и большое дерево. Меня могло спасти только бегство. Но как бежать по неровному каменистому откосу? К счастью, я заметил хорошо утоптанную тропинку, пересекавшую мой путь. Во время своих разведок мы видели немало таких троп, проложенных дикими зверями. Если броситься по ней, может быть, мне и удастся уйти от преследования, тем более что бегаю я хорошо и сейчас нахожусь в форме. И, отшвырнув в сторону бесполезное ружье, я показал такой класс спринта, какой не показывал ни до, ни после этой ночи. Ноги мои подкашивались, грудь разрывалась, дыхание спирало в горле, но я все бежал и бежал вперед, подгоняемый ужасом. Наконец, когда сил уже больше не стало, я остановился. На секунду мне показалось, что преследование кончилось — на тропинке никого не было. И вдруг снова треск сучьев, топот исполинских лап, свистящее дыхание могучих легких... Зверь настигал меня. Он уже совсем близко! Спасения нет!

Безумец! Зачем я так долго раздумывал, прежде чем обратиться в бегство? Сначала динозавр полагался только на свой нюх, а это замедляло погоню. Но как только я побежал, он заметил меня и с той минуты уже не терял из виду. Еще несколько прыжков — и чудовище показалось из-за поворота тропинки. В ярком свете луны блеснули огромные выпученные глаза, пасть с двумя рядами страшных зубов и острые когти на коротких передних лапах. Я дико вскрикнул и опрометью бросился вперед. Прерывистое, хриплое дыхание слышалось все ближе и ближе. Тяжелый топот настигал меня. Еще секунда — и динозавр вцепится мне в спину. И вдруг — оглушительный треск, я лечу в бездну, а дальше тьма и пустота забвения...

Когда я очнулся от обморока — думаю, что на это потребовалось всего несколько минут, — мне ударило в нос ужасающее, совершенно невыносимое зловоние. Я пошарил в темноте и одной рукой нащупал что-то вроде огромного куска мяса, другой — тяжелую кость. Высоко сверху в правильном овале светили звезды. Следовательно, я лежал на дне какой-то глубокой ямы. Все тело у меня ныло, но кости были целы, никаких повреждений не обнаружилось. Когда

в моем затуманенном мозгу всплыли обстоятельства, предшествовавшие этому падению в яму, я с ужасом взглянул вверх в полной уверенности, что темная голова динозавра вот-вот появится на фоне бледнеющего неба. Но все было тихо, спокойно. Тогда я медленно, ощупью обошел дно ямы, стараясь понять, куда же меня вверг счастливый случай. Яма была глубокая, с отвесными краями и ровным дном, футов двадцати в поперечнике. На дне валялись совершенно разложившиеся куски мяса, от которых шел удушающий смрад. Ступая по этой падали и то и дело спотыкаясь о нее, я вдруг наткнулся на что-то твердое — это был деревянный кол, вбитый в самой середине ямы. Я ощупал его, моя рука скользнула по чему-то лишнему, но до верхушки кола так и не дотянулась.

Вдруг я вспомнил, что у меня в кармане есть восковые спички, и, чиркнув одну, сразу понял назначение этой ямы. Сомневаться не приходилось: это была западня, вырытая руками человека. Вбитый посредине заостренный кол высотой футов в девять весь почернел от крови животных, которые напарывались на него. Валявшиеся на дне куски гнилого мяса были, по-видимому, срезаны с кола, чтобы очистить место для следующих жертв.

Я вспомнил Челленджера, утверждавшего, что человек с его слабыми средствами защиты не может существовать на плато, населенном такими чудовищами. Но теперь способы его борьбы с ними стали ясны мне. Пещеры с узкими входами служили надежным убежищем для их обитателей, кто бы они ни были. Умственное превосходство этих человеческих существ над огромными ящерами было, по-видимому, настолько велико, что позволяло им устраивать на звериных тропах прикрытые ветками ловушки, в которых их враги гибли, несмотря на всю свою мощь и ловкость. Человек и здесь властвовал над миром.

Чтобы выбраться по откосам ямы наверх, особенной ловкости не требовалось, но я долго не решался на это, боясь попасть в лапы врага, который едва не растерзал меня. Почему знать, может быть, динозавр подкарауливает свою жертву, притаившись в кустах? Но я вспомнил один разговор Челленджера с Саммерли о повадках этих исполинских пресмыкающихся и немного осмелел. Оба профессора сходились на том, что в крохотной черепной коробке динозавра нет места разуму и что, по сути дела, это совершенно безмозглые животные, исчезнувшие с лица земли именно из-за полного неумения приспособливаться к меняющимся условиям существования.

Прежде чем подкарауливать меня, динозавр должен был понять, что со мной произошло, но для этого требовалось умение устанавливать связь между причиной и следствием. Гораздо более вероятно, что глупое животное, действующее лишь по велениям хищнического инстинкта, сначала опешило в недоумении, а потом отправилось на поиски новой добычи.

Я долез до края ямы и огляделся по сторонам. Звезды гасли, небо начинало бледнеть, и предутренний ветерок приятной прохладой пахнул мне в лицо. Мой враг никак не давал о себе знать. Я медленно выбрался из ямы и сел на землю, готовясь при малейшей тревоге спрыгнуть в свое убежище. Потом, несколько успокоенный полной тишиной, которая была вокруг, и наступлением утра, собрался с духом и, крадучись, пошел назад по той же тропинке. Через несколько минут я увидел свое ружье, подобрал его, вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью, и быстро зашагал к лагерю, то и дело оборачиваясь и бросая по сторонам испуганные взгляды.

И вдруг ветер принес мне напоминание о моих товарищах. Тишину спокойного утра нарушил далекий звук ружейного выстрела. Я остановился и прислушался — все было тихо. «Не случилось ли чего с ними?» — пронеслось у меня в голове. Но я тут же успокоился, найдя более простое и более естественное объяснение этому выстрелу. Уже совсем рассвело. Мое отсутствие, конечно, успели заметить. Товарищи, вероятно, решились, что я заблудился в лесу, и дали выстрел, чтобы помочь мне добраться до лагеря. Правда, стрельба была у нас запрещена, но если они думали, что мне грозит опасность, вряд ли это остановило бы их. Надо как можно скорее вернуться в лагерь и унять тревогу.

Я устал, измучился за ночь и при всем желании не мог идти быстро. Но вот наконец-то начались знакомые места. Слева болото птеродактилей, а скоро будет прогалина игуанодонов. Теперь только узкая полоса леса отделяла меня от Форта Челленджера. Я весело крикнул, торопясь успокоить товарищей. Ответа не было. Кругом стояла зловещая тишина. Сердце у меня сжалось. Я ускорил шаги, потом побежал. Вот и ограда — она цела, но завала у входа нет. Я бросился внутрь. Страшное зрелище представало моим глазам в холодном свете раннего утра. Наши вещи в беспорядке валялись по всей поляне; моих спутников нигде не было, а возле потухшего костра краснела на траве большая лужа крови.

Я был так потрясен этой неожиданностью, что первое время вообще потерял способность соображать. Припоминаю только, как тяжелый кошмар, свои метания по лесу вокруг опустевшего лагеря, отчаянные призывы, обращенные к товарищам. Но лесная чаща безмолвствовала. Меня сводили с ума страшные мысли. Что, если я больше не увижу их? Что, если я останусь один в этом ужасном месте и никогда не смогу вернуться в мир? Что, если судьба обречет меня жить и умереть здесь? Мне хотелось рвать на себе волосы и биться головой о землю в припадке отчаяния. Только теперь я понял, какой опорой были для меня товарищи — и Челленджер с его безмятежной самоуверенностью и властный, хладнокровный лорд Рокстон, никогда не теряющий чувства юмо-

ра. Без них я был, как слабый, беспомощный ребенок, оставшийся один в темноте. Куда мне податься, что делать, с чего начать?

Некоторое время я сидел совершенно подавленный, потом мало-помалу пришел в себя и стал раздумывать, какая же злая участь постигла моих спутников. Разгром, учиненный в лагере, свидетельствовал о том, что они подверглись нападению, очевидно, в ту самую минуту, когда я услышал выстрел. Но выстрел был только один, значит, все кончилось мгновенно. Винтовки лежали тут же на земле, а в затворе одной из них, принадлежавшей лорду Джону, был стреляный патрон. Судя по брошенным у костра одеялам Челленджера и Саммерли, беда настигла их во время сна. Ящики с патронами и провизией валялись по всей поляне; тут же я увидел наши фотографические аппараты и коробки с пластинками. Все это было цело, зато съестные припасы, вынутые из ящиков, исчезли, а их, помнится, было изрядное количество. Следовательно, нападение на лагерь произвели не люди, а звери, ибо в противном случае тут, вероятно, ничего бы не осталось.

Но если это действительно звери или какое-нибудь одно чудовище, то что же случилось с моими спутниками? Хищники, конечно, растерзали бы их, но где же останки. Правда, лужа крови достаточно красноречиво говорила о случившемся, а динозавр, который преследовал меня ночью, мог бы унести свою жертву с такой же легкостью, с какой кошка уносит мышь. В таком случае оставшиеся двое, вероятно, бросились за ним вдогонку. Но почему же они не взяли с собой винтовок? Мой усталый, измученный мозг отказывался разгадать эту загадку. Поиски в лесу тоже ничего не дали. Я заплутался и только благодаря счастливой случайности снова вышел к лагерю, потратив на это не меньше часа.

И тут в голову мне пришла одна мысль, в которой было кое-какое утешение. Все-таки я не совсем один здесь. У подножия скал остался верный Самбо. Он услышит мой голос. Я подошел к обрыву и заглянул вниз. Ну, конечно, вон он сидит на одеяле у костра! Но там есть кто-то еще. Кто же это? Сердце екнуло у меня от радости. Может быть, один из моих товарищей как-то ухитрился спуститься вниз? Но стоило мне присмотреться повнимательнее, и надежда угасла. Кожа человека, сидевшего напротив Самбо, отливала красным в лучах восходящего солнца. Это был индеец. Я громко крикнул и замахал носовым платком. Самбо вскинул голову, махнул рукой мне в ответ и побежал к утесу. Прошло несколько минут, и он уже стоял на его вершине, совсем близко от меня, и в горестном молчании слушал мой рассказ.

— Их унес дьявол, мистер Мелоун, — сказал Самбо. — Вы пришли в страну дьявола, и он всех вас возьмет к себе. Слушайте, что говорит Самбо, сэр: поскорей спускайтесь вниз, а то и вам будет беда.

— Как же я спущусь, Самбо?

— Рубите лианы с деревьев, мистер Меллуэн. Бросайте их сюда. Я привяжу лианы к пеньку, и будет мост.

— Мы сами об этом думали. Но лианы нас не выдержат.

— Пошлите за веревками, мистер Меллуэн.

— Кого же я пошлю и куда?

— Пошлите в индейский поселок, сэр. В индейском поселке много веревек из кожи. Внизу есть индеец, пошлите его.

— Откуда он взялся?

— Это наш индеец. У него все отняли, а самого побили. Он вернулся. Теперь возьмет письмо, принесет веревки — все сделает.

Возьмет письмо... Что ж, это мысль! Может быть, кто-нибудь придет нам на помощь? А если нет, открытия, которыми мы обогатили науку, дойдут до наших друзей, и мир узнает, что мы погибли не зря. Два письма были у меня уже готовы. За сегодняшний день напишу третье, в котором ход событий будет доведен до последней минуты. Индеец доставит мои письма туда, в мир.

Я приказал Самбо подняться на утес еще раз, ближе к вечеру, и весь этот унылый день посвятил описанию того, что произошло со мной минувшей ночью. К письмам я присовокупил также коротенькую записку, которую индеец должен был вручить первому попавшемуся белому — торговцу или капитану какого-нибудь судна. В записке было сказано, что наша жизнь зависит от того, пришлют нам канаты или нет. Вечером я переправил Самбо все письма и свой кошелек с тремя фунтами стерлингов. Деньги предназначались индейцу, а за канаты ему была обещана вдвое большая сумма.

Теперь, дорогой мистер Мак-Арл, вы поймете, каким образом мои письма дошли до вас, и узнаете всю правду о своем неудачливом корреспонденте, в случае если он больше не напишет вам ни строчки. Сейчас я слишком измучен и слишком подавлен, что-

бы строить какие-нибудь планы. Завтра подумаю о дальнейшем и, не теряя связи с лагерем, начну поиски моих несчастных товарищей.

Глава 13

Этого зрелища мне никогда не забыть

В тот грустный день на закате солнца я увидел внизу уходящего индейца — нашу последнюю надежду на спасение — и до тех пор провожал глазами его одинокую крохотную фигурку, пока она не скрылась в розовом вечернем тумане, медленно встававшем между мной и далекой Амазонкой.

Было уже совсем темно, когда я побрел к нашему разгромленному лагерю, бросив напоследок еще один взгляд на костер Самбо — на этот единственный луч света, доходивший до меня из огромного мира и так же ласкавший мой взгляд, как присутствие верного негра ласкало мою омраченную душу. Но теперь, впервые после постигшей меня беды, я немного приободрился, утешая себя мыслью, что мир узнает о наших делах и сохранит в памяти наши имена, связав их навеки с теми открытиями, которые, быть может, достанутся нам ценой жизни.

Мне было страшно устраиваться на ночь в этом злополучном лагере, а джунгли пугали меня еще больше. Однако приходилось выбирать между тем и другим. Благоразумие требовало, чтобы я был настороже, но истомленному телу трудно было бороться с дремотой. Забравшись на дерево гингко, я тщетно искал такого местечка на его нижних ветвях, где можно было бы уснуть, не рискуя сломать себе шею при неминуемом падении.

Пришлось слезть и решать, как быть дальше. После долгих раздумий я завалил кустами вход в лагерь, разжег три костра, расположив их треугольником, сытно поужинал и уснул крепким сном, который был прерван на рассвете самым неожиданным и самым приятным образом.

Ранним утром чья-то рука легла мне на плечо. Я вскочил, весь дрожа, схватился за винтовку и вдруг радостно вскрикнул, узнав лорда Джона, склонившегося ко мне в сером рассветном сумраке.

Да, это был он, но какая перемена произошла в нем! Последний раз я видел лорда Джона спокойным, сдержанным, в чистом белом костюме. Сейчас он стоял передо мной бледный, глаза его дико блуждали по сторонам, грудь тяжело вздымалась, как после долгого и стремительного бега, голова была не покрыта, худое лицо исцарапано и все в крови, костюм порван в клочья. Я смотрел на него, пораженный этим зрелищем, но он не дал мне даже от-

крыть рта и принялся подбирать раскиданные по поляне вещи, бросая мне короткие, отрывистые фразы:

— Скорее, юноша, скорей! Дорога каждая минута. Возьмите винтовки — обе. Остальные у меня. Как можно больше патронов. Набейте ими карманы. Теперь — провизия. Шести банок хватит. Вот так. Ни о чем не спрашивайте, не рассуждайте. Ну, бежим, не то будет поздно.

Еще не проснувшись как следует, не соображая, что все это значит, я помчался по лесу за лордом Джоном с двумя винтовками под мышкой и с шестью консервными банками в руках. Он выбирал самые густые, с трудом проходимые заросли и, наконец, вывел меня к высоким кустам. Мы кинулись туда, не обращая внимания на колючки. Лорд Джон упал ничком на землю и потянул меня за собой.

— Ну вот! — еле выговорил он. — Теперь, кажется, мы в безопасности. Они нагрянут на лагерь, это как пить дать, и прощаются.

— Что случилось? — спросил я, отдышавшись. — Где оба профессора? И кто на них охотится?

— Человекообезьяны! — громким шепотом сказал лорд Джон. — Господи боже, что это за чудовища! Говорите тише. У них тонкий слух, зрение тоже, зато обоняние никуда не годится, насколько я мог заметить. По следам они до нас не доберутся. Где вы пропа-

дали, юноша? Вам повезло, благодарите свою судьбу, что не попали в эту переделку.

Я шепотом поведал ему о своих приключениях.

— Да, плохи наши дела! — сказал лорд Джон, услышав о динозавре и западне. — Здесь вам не курорт. Но все же полное представление о прелестях здешних мест я получил в ту минуту, когда на нас напали эти дьяволы. Мне однажды пришлось побывать в лапах у людоедов-папуасов, но они конфетки по сравнению с этими монстрами.

— Расскажите, как все было, — попросил я.

— Это случилось на рассвете. Наши ученые друзья только продрали глаза и даже не успели сцепиться. И вдруг откуда ни возьмись — обезьяны. Просто посыпались на нас, как яблоки с яблони. Они, наверно, еще затемно облепили высокое дерево, на которое вы лазали. Одной я тут же всадил пулю в брюхо, однако тем дело и кончилось — нас мигом уложили на обе лопатки. Я называю этих дьяволов обезьянами, но они размахивали палками, швыряли в нас камнями, тараторили между собой на своем языке и в довершение всего связали нам руки лианами. Это человеко-обезьяны, и по развитию они стоят выше всех зверей, которых мне приходилось встречать во время своих странствований, а я, слава богу, много шатался по белу свету. Как говорится, «недостающее звено». Ну, недостает, и черт с ним, обошлись бы и без него! А дальше дело было так. Они подхватили своего раненого сородича, из которого кровь хлестала, как из прирезанной свиньи, и унесли его куда-то, а потом уселись около нас кружком. Морды свирепые, того и гляди растерзают. Ростом они, пожалуй, с человека, но немного шире, коренастее. Сидят и смотрят, смотрят на нас... Брови рыжие, нависшие, глаза какие-то странные, будто из мутного стекла. Уж на что Челленджер не трус, а ему тоже стало не по себе. Как вскочит да как закричит: «Приканчивайте нас, нечего тянуть!» У него, верно, от всего этого в голове помутилось — уж очень он буйствовал. Пожалуй, будь на месте обезьян его заклятые враги репортеры, им и то меньше бы досталось.

— Ну, а обезьяны что?

Я с жадностью вслушивался в шепот лорда Джона, который рассказывал мне об этих поразительных происшествиях, а сам внимательно поглядывал по сторонам, не отнимая руки от винтовки со взведенным курком.

— Я уже думал: ну, конец нам! Но ничуть не бывало. Обезьяны затараторили, закричали. Потом одна подошла к Челленджеру и стала рядом с ним. Вы сейчас рассмеетесь, юноша, но до чего же они были похожи — как близкие родственники! Я бы сам не поверил, да глаза не лгут. Эта старая человекообезьяна, по видимому, вожак племени, оказалась точной копией Челленджера, только что масть другая — рыжая. А все прочие очаровательные

приметы нашего друга были налицо, правда, несколько утрированные. Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи, длинная рыжая борода, мохнатые брови и такой же заносчивый вид — пойдите, мол, вы все к черту! Словом, полное сходство. Когда эта обезьяна стала рядом с Челленджером и положила ему лапу на плечо, эффект получился потрясающий. Саммерли, настроенный несколько истерически, хохотал до слез, глядя на них. Обезьяны сна-

чала тоже смеялись, если такое кудахтанье можно назвать смехом, а потом схватили нас и поволокли в лес. Винтовки и другие вещи они не тронули, видно, побоялись, а вот провизию, вынутую из ящиков, всю забрали с собой. Дорогой нам с Саммерли здорово досталось — полюбуйте на мою физиономию и на эти лохмотья. Они тащили нас сквозь заросли, не разбирая пути, а им самим хоть бы что — у них шкура дубленая. Зато Челленджер несколько не пострадал. Четыре обезьяны подняли его на плечи и понесли, как римского триумфатора. Тсс! Что это?

Откуда-то издали до нас донеслось странное потрескивание, напоминающее мелкую дробь кастаньет.

— Это они! — шепнул мой товарищ, закладывая патроны во вторую двустволку «экспресс». — Заряжайте обе винтовки, юноша, живьем мы не сдадимся, об этом не мечтайте. Слышите, как верещат?... Значит, чем-то взбудоражены. А доберутся до нас — и еще не так взволнуются. Помните «Последнюю атаку»? «Сжимаемая винтовки в ослабших руках, средь мертвых на поле боя...» Это детские игрушки по сравнению с тем, что предстоит нам.

— Они где-то очень далеко.

— Эта банда до нас не доберется, но у них, наверно, по всему лесу рыщут разведчики. Ну, ладно, вернемся к моему скорбному повествованию. Так вот, эти дьяволы притащили нас в большую рощу у самого обрыва. У них там настоящий город на деревьях — до

тысячи хижин из ветвей и листьев. Это в трех-четырех милях отсюда. Мерзкие твари! Мне кажется, я после них никогда не отмоюсь. Они меня всего перещупали своими грязными лапами. В городе нас связали уже по рукам и ногам, и я попался такому ловкачу, которому только бы морские узлы вязать, — что твой боцман. Так вот, связали нас и положили под деревом, а на страже поставили здоровенную обезьяницу с дубинкой. Я все говорю «нас» да

«нас», но это относится только ко мне и к Саммерли. Что же касается Челленджера, то он сидел на дереве, ел какие-то фрукты и наслаждался жизнью. Впрочем, нам от него тоже кое-что перепало, а главное — он ухитрился расслабить наши путы. Вы, наверно, не удержались бы от смеха, глядя, как профессор восседает на дереве чуть не в обнимку со своим близнецом и распевает густым басом: «О звонкий колокол!». Музыка, видите ли, настраивала обезьян на миролюбивый лад. Да, вы бы рассмеялись, а нам было не до смеху. Челленджеру разрешалось делать все что угодно, разумеется, в известных пределах, но для нас режим был установлен куда строже. Единственное, чем мы все утешались, — это мыслью, что вы на свободе и сохраните все наши записи и материалы.

А теперь, милый юноша, слушайте и удивляйтесь. Вы утверждаете, что, судя по некоторым признакам — костры, ловушки и тому подобное, — на плато существуют люди. А мы этих людей видели. И надо сказать, что бедняги являют собой весьма печальное зрелище. Жалкий, запуганный народце! Да это и не удивительно. По-видимому, людское племя занимает ту часть плато, где пещеры, а обезьяны — другую, и между обоими племенами идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вот так здесь обстоят дела, если мне удалось правильно в них разобраться.

Вчера человекообезьяны захватили в плен двенадцать тузем-

цев и приволокли их к себе в город. Это сопровождалось такими криками и верещанием, что я просто ушам своим не верил. Туземцы — краснокожие, совсем низкорослые. Дорогой это зверье так их отделало когтями и зубами, что они еле передвигали ноги. Двоих тут же прикончили, причем у одного чуть не оторвали руку. В общем, зрелище было омерзительное. Эти несчастные держались молодцами, даже не пикнули, а мы просто не могли смотреть на них. Саммерли упал в обморок. Челленджер и тот еле выдержал... Ну, кажется, ушли.

Мы долго прислушивались к глубокой тишине леса, но ее ничто не нарушало, кроме щебетания птиц. Лорд Джон снова вернулся к своему рассказу:

— Вам здорово повезло, юноша! Обезьяны так увлеклись индейцами, что о нас перестали и думать. Но не будь этого, второе нападение на лагерь было бы неминуемо. Вы оказались совершенно правы: они все время наблюдали за нами с дерева и прекрасно поняли, что одного человека не хватает. Но потом им стало уже не до нас. Вот почему своим пробуждением вы обязаны мне, а не стае обезьян. Бог мой, что нам пришлось испытать потом! Это какой-то кошмар! Вы помните бамбуковые заросли, где мы нашли скелет американца? Так вот, они приходятся как раз под обезьяньим городом, и обезьяны сбрасывают туда своих пленников. Я уверен, что там горы этих скелетов, надо только поискать как следует. Над обрывом у них расчищен настоящий плац для подобных церемоний. Несчастных пленников заставляют прыгать в пропасть поодиночке, и весь интерес заключается в том, разобьются ли они в лепешку или напярются на острый бамбук. Все обезьянье племя выстроилось над обрывом, и нас тоже потащили полюбоваться на это зрелище. Первые четверо индейцев прыгнули вниз, и бамбук прошел сквозь их тела, как вязальные спицы сквозь масло. Я теперь не удивляюсь, вспоминая скелет бедного янки. Да, зрелище страшное... Но вместе с тем захватывающее. Мы, как зачарованные, смотрели на эти прыжки, хотя каждый из нас думал: «Сейчас настанет моя очередь».

Однако до этого не дошло. Шестерых индейцев приберегли на сегодня, но бенефициантами в этом спектакле, вероятно, были бы мы — Саммерли и я. Челленджер, по-видимому, вывернется. Понять обезьян не так уж трудно, потому что они изъясняются главным образом знаками. И вот, следя за их переговорами, я решил: пора действовать. Кое-какие планы у меня были. Но приходилось полагаться только на свои силы — от Саммерли толку никакого. Челленджер немногим лучше. Им удалось сойтись вместе на каких-нибудь несколько минут, и они тут же затеяли яростный спор по поводу научной классификации этих рыжих дьяволов, которые держали нас в своей власти. Один утверждал, что это яванские дриопитеки, другой называл их питекантропами. Просто рехну-

лись оба! Но у меня было совсем иное на уме. Прежде всего я обратил внимание, что по ровной местности эти твари бегают хуже человека, так как ноги у них короткие, кривые, а туловище грузное. Челленджер, и тот дал бы фору самому лучшему их бегуну, а мы с вами настоящие чемпионы против них. Затем еще одно немаловажное наблюдение: они понятия не имеют об огнестрельном оружии. По-моему, им было даже невдомек, что случилось с той обезьяной, которую я ранил. Словом, только бы нам добраться до своих винтовок, а там мы им покажем.

И вот сегодня на рассвете я дал своему часовому здоровенного пинка в брюхо, примчался в лагерь, захватил вас, винтовки... А дальнейшее вам известно.

— Но как же будет с нашими профессорами? — в ужасе воскликнул я.

— Надо выручать их. Бежать со мной они не могли: Челленджер сидел на дереве, а у Саммерли не хватило бы сил, — поэтому я решил, что прежде всего надо достать винтовки, а уж потом спасать остальных. Правда, обезьяны могут укокошить их в отместку. Челленджера они вряд ли тронут, но за Саммерли не ручаюсь. Впрочем, ему так или иначе грозила бы смерть. В этом я совершенно уверен. Так что мое бегство не могло ухудшить положение. Но теперь честь обязывает нас или спасти товарищей, или разделить с ними их участь. А посему, дорогой мой, кайтесь в грехах, очищайте душу, ибо к вечеру ваша судьба будет решена.

Не знаю, удалось ли мне передать здесь характерную для лорда Рокстона манеру выражаться — отрывистость, энергичность его фраз, насмешливую бесшабашность тона. Этот человек был прирожденным вожаком. Чем ближе надвигалась на нас опасность, тем красочнее становилась его речь, тем ярче разгорались его холодные глаза, тем больше и больше топорзились длинные, как у Дон Кихота, усы. Он любил рисковать, наслаждался драматичностью, присущей истинным приключениям, особенно когда это касалось его самого, считал, что во всякой опасности есть своего рода спортивный интерес — интерес жестокой игры человека с судьбой, где ставкой служит жизнь. Все это делало лорда Джона незаменимым помощником в трудные минуты жизни. Если б не страх за товарищей, я бы не испытывал ничего, кроме радости, идя за таким человеком на опасное дело.

Мы уже хотели выбраться из своего убежища, как вдруг лорд Джон схватил меня за руку.

— Смотрите! — шепнул он. — Идут!

С нашего места открывался вид на узкую прогалину между деревьями, ветви которых сплетались вверху, образуя сплошной зеленый свод. На этой прогалине показался отряд человекообезьян. Сутулые, кривоногие, они бежали гуськом, озираясь по сторонам, и то и дело касались земли своими длинными руками.

Сутулость уменьшала их рост, но, прикинув на взгляд, я определил его футов в пять, не меньше. Многие из них были вооружены дубинками, и на расстоянии эти широкогрудые существа сильно смахивали на обросших волосами, уродливых людей. С минуту я видел их совершенно отчетливо. Потом они скрылись за кустами.

— Нет, сейчас еще рано, — сказал лорд Джон, опуская винтовку. — Лучше затаиться, пока они не перестанут рыскать по лесу. А потом посмотрим, может быть, проберемся к ним в город и застанем их врасплох. Дадим им еще час на поиски и тогда пойдем.

Воспользовавшись этой отсрочкой, мы вскрыли одну из захваченных с собой банок и принялись завтракать. Лорд Рокстон ничего не ел с утра, если не считать нескольких плодов, и сейчас с жадностью накинулся на еду. Когда же завтрак был окончен, мы взяли в обе руки по винтовке и с полными карманами патронов двинулись на выручку товарищей. Прежде чем выйти из зарослей, лорд Джон сделал несколько зарубок на кустах, чтобы запомнить, в какой стороне находится форт Челленджера, и в случае нужды сразу отыскать это место. Мы молча пробрались сквозь чащу и вышли на край обрыва, неподалеку от нашей первой стоянки. Здесь лорд Джон остановился и посвятил меня в свои планы.

— В густом лесу это зверье может сделать с нами все что угодно, — сказал он. — Они нас будут видеть, а мы их нет. Но на открытом месте дело другое, потому что бегаем мы гораздо быстрее. Следовательно, будем держаться открытых пространств, покуда это возможно. Вдоль края плато лес реже, оттуда мы и начнем наступление. Идите не спеша, смотрите в оба и держите винтовку наготове. И главное, помните: живьем в руки не даваться, отстреливайтесь до последнего патрона. Вот вам мой последний совет, юноша.

Когда мы вышли к обрыву, я заглянул вниз и увидел нашего доброго негра, который покуривал трубку, сидя на камнях. Как мне хотелось окликнуть его и рассказать ему, что с нами случилось! Но это было рискованно: нас могли услышать. Лесная чаща, казалось, так и кишела человекообезьянами; их своеобразное пронзительное верещание то и дело долетало до нашего слуха. Мы бросались в кусты и отлеживались там до тех пор, пока эти звуки не затихали вдали. Это очень задерживало наше продвижение вперед, и нам понадобилось по меньшей мере два часа, чтобы добраться до обезьяньего города. Теперь он был близко — я понял это по той осторожности, с какой шел лорд Джон. Вот он махнул мне рукой, приказывая лечь, а сам пополз дальше, но вскоре повернул обратно. Лицо его подергивалось от волнения.

— Скорей! — шепнул он. — Скорей! Только бы не опоздать! Дрожа всем телом, я подполз к нему и выглянул из-за кустов на открывающуюся впереди поляну.

Этого зрелища мне никогда не забыть. Оно было так фантастично, так невероятно, что я не знаю, как описать его, чтобы вы поверили мне. Может быть, нам все же удастся выбраться отсюда живыми; пройдет несколько лет... я буду по-прежнему сидеть в гостиной клуба «Дикарь» и смотреть в окно на скучную, не вызывающую сомнений в своей реальности набережную Темзы... Так вот, поверю ли тогда я сам, что все это происходило у меня на глазах? Не покажется ли мне, что это был дикий кошмар, что я принимал горячечные видения за действительность? Вот почему я хочу записать все как можно скорее, пока события свежи у меня в памяти, пока хотя бы один человек — тот, что лежит рядом со мной в сырой траве, сможет подтвердить каждое написанное здесь слово.

Перед нами расстилалась поляна шириной ярдов в сто, покрытая вплоть до самого обрыва густой зеленой травой и невысоким папоротником. Эту поляну полукругом обступали деревья, усаженные в несколько ярусов странного вида домиками, свитыми из веток и листьев. Представьте себе грачевник, где вместо гнезд домики, и вы поймете, о чем я говорю. У входов в них и на ближайших ветках сидели обезьяны — судя по их небольшим размерам, самки и детеныши обезьяньего племени. Все они с любопытством следили за тем, что происходило внизу и от чего мы сами не могли отвести глаз. На открытом месте, недалеко от края плато, столпилось несколько сотен этих лохматых рыжих существ. Среди них возвышались настоящие гиганты, и все они без исключения были омерзительны. Обезьяны держались все вместе, очевидно, соблюдая какой-то порядок. Перед ними стояло несколько низкорослых, но очень пропорционально сложенных индейцев, кожа которых отливала бронзой в ярких лучах солнца. В этой маленькой кучке выделялась высокая, худая фигура белого человека. Понурая голова, сложенные на груди руки — все выражало ужас и полное отчаяние. Мы сейчас же узнали в нем профессора Саммерли.

Вокруг несчастных пленников было расставлено несколько человекообезьян, которые зорко следили за ними, готовясь пресечь всякую попытку к бегству. Правее, у самого края плато, стояли особняком еще две фигуры, такие нелепые — при других обстоятельствах их можно было бы назвать даже комическими, — что, увидев эту пару, я уже не мог оторвать от нее глаз. Один из них был наш товарищ, профессор Челленджер. Жалкие лохмотья, оставшиеся от его куртки, все еще держались на нем, но рубашка исчезла, будто ее и не было, и борода его сливалась с густой порослью на могучей груди; волосы, сильно отросшие за время наших странствований, черной гривой развевались по ветру. Достаточно было одного дня, чтобы превратить этот высший продукт современной цивилизации в последнего дикаря Южной Америки.

Рядом с Челленджером стоял его владыка — царек человеко-обезьяньего племени. Лорд Джон не преувеличивал: это была точная копия нашего профессора с поправкой лишь на рыжую масть. Та же приземистая фигура, те же массивные плечи и длинные руки, та же кудлатая борода, спускающаяся на волосатую грудь. Разница сказывалась лишь в следующем: низкий, приплюснутый лоб человекообезьяны представлял собой полный контраст великолепному черепу европейца. Что же касается всего остального, то обезьяний царек был настоящей карикатурой на профессора.

На бумаге это описание занимает очень много места, но тогда я охватил всю картину в один миг и тут же отвлекся от нее, поглощенный драмой, которая разыгрывалась у нас на глазах. Две человекообезьяны схватили одного индейца и поволокли его к обрыву. Царек взмахнул рукой — это был сигнал. Чудовища подняли человека за руки и за ноги и, раскачав, швырнули его в пропасть. Сила взмаха была так велика, что несчастный описал дугу в воздухе, прежде чем камнем полететь вниз. Вся обезьянья толпа, за исключением часовых, бросилась к обрыву, замерла там в напряженном молчании и вдруг разразилась ликующими криками. Обезьяны скакали, как одержимые, размахивали длинными волосатыми руками и выли от восторга. Потом они отхлынули от обрыва и построились прежним порядком в ожидании следующей жертвы.

На этот раз настала очередь Саммерли. Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперед. Он трепыхался и бился, как цыпленок, которого тащат из курятника. Челленджер отчаянно зажестичулировал, обращаясь к обезьяньему царьку. Он просил, умолял, заклинал пощадить его товарища. Но обезьяна бесцеремонно оттолкнула своего двойника и замотала головой. Это было ее последнее сознательное движение: щелкнул выстрел, и рыжий царек мешком повалился на землю.

— Стреляй в толпу! Не жалея пуль, сынок! — крикнул мне лорд Джон.

В душе каждого, даже самого заурядного человека таятся неведомые ему бездны. Я всегда славился своим мягкосердечием; стоны раненого зайца не раз исторгали у меня горькие слезы. Но теперь меня обуяла жажда крови. Я вскочил на ноги, я выпускал пулю за пулей сначала из одной винтовки, потом из другой. Щелкал затворами, перезаряжая их, и все время кричал, не помня себя от какого-то яростного восторга. Вдвоем, стреляя из четырех винтовок, мы призвели страшное опустошение в рядах обезьян. Оба часовых, представленных к Саммерли, валялись мертвые, а он шел, пошатываясь, как пьяный, и, видимо, не сознавал, что его освободили. Наши враги растерянно метались по поляне, ничего не понимая, не зная, куда деваться от неожиданно налетевшего на них вихря смерти. Они размахивали руками, визжали, падали,

спотыкаясь о группы. Потом, повинуясь инстинкту, толпой ринулись под защиту деревьев, и поляна, усеянная трупами убитых обезьян, опустела. Посередине ее стояла только маленькая кучка пленников.

Быстрый ум Челленджера мигом оценил положение. Он схватил ошеломленного Саммерли за руку и, таща его за собой, побежал к нам. Двое часовых метнулись было за ними, но лорд Джон мигом уложил сначала одного, потом другого, не потратив лишней пули. Мы выбежали из кустов навстречу нашим друзьям и сунули каждому в руки по заряженной винтовке. Но тут Саммерли совершенно обессилел. Он едва передвигал ноги. Между тем человекообезьяны уже успели оправиться от страха. Они рассыпались среди кустов, видимо, собираясь отрезать нам путь. Мы с Челленджером подхватили Саммерли под руки, а лорд Джон прикрывал наше отступление, посылая пулю за пулей в страшные, оскаленные морды, то и дело выглядывавшие из кустарника. Примерно с милую, а то и больше эти твари с оглушительным визгом преследовали нас по пятам. Потом стали отставать, убедившись в нашем превосходстве и не желая больше попадать под меткие пули лорда Джона. Добравшись, наконец, до лагеря, мы оглянулись назад и убедились, что теперь нас оставили в покое. По крайней мере так нам казалось, но это была ошибка. Мы успели только завалить вход в лагерь, позвать друг другу руки и

в изнеможении растянуться у источника посреди поляны, как вдруг за оградой послышались чьи-то быстрые шаги и сейчас же вслед за этим тихие, жалобные всхлипывания. Лорд Джон подбежал с винтовкой к завалу и выглянул наружу. За оградой, уткнувшись лицом в землю, лежали четыре медно-красные фигурки оставшихся в живых индейцев. Они дрожали от страха, но это не мешало им молить нас о защите. Один из них встал, выразительно повел руками, очевидно, желая сказать, что лес вокруг нашего лагеря полон опасностей, потом упал лорду Джону в ноги и прижался лицом к его коленям.

— Это еще что такое? — воскликнул наш предводитель, в замешательстве теребя усы. — Нет, в самом деле, как же нам быть с этой публикой? Вставай, дружок, вставай, оставь мой сапог в покое.

— О них тоже надо позаботиться, — сказал Саммерли, набиная трубку. — Вы всех нас вырвали из когтей смерти. Как это было сделано! Я просто восхищаюсь вами.

— Изумительно! — воскликнул Челленджер. — Изумительно! Не только мы лично, но и весь ученый мир Европы останется у вас в неоплатном долгу. Скажу, не колеблясь, что гибель профессора Саммерли и профессора Челленджера пробила бы весьма заметную брешь в современной науке. Вы и наш юный друг заслуживаете всяческой похвалы.

Отеческая улыбка заиграла на губах Челленджера, но как бы удивился ученый мир Европы, если б он узрел в эту минуту свое любимое детище, свою надежду! Всклокоченные волосы, голая грудь, лохмотья. Оплот науки сидел, зажав между коленями открытую консервную банку, и пальцами отправлял в рот большой кусок австралийской баранины. Индеец взглянул на него, вскрикнул и снова припал к ногам лорда Джона.

— Не бойся, малыш, — сказал наш предводитель, поглаживая черную голову, жавшуюся к его коленям. — Челленджер, ваш вид привел индейца в ужас. И я не нахожу в этом ничего удивительного. Успокойся, дружок, это человек, такой же, как мы.

— Однако, сэр! — вскричал Челленджер.

— Ничего, профессор, вы должны благодарить судьбу, что она наградила вас не совсем обычной внешностью. Если б не ваше большое сходство с обезьяньим царьком...

— Довольно, лорд Джон Рокстон! Вы слишком много себе позволяете!

— Факт остается фактом.

— Прошу вас, сэр, переменить тему разговора! Ваши замечания совершенно неуместны и к делу не относятся. Нам надо решить, что делать с этими индейцами. По-видимому, придется доставить их домой. Но где они живут? Вот вопрос.

— На этот счет можете не сомневаться, — сказал я. — Индейцы живут в пещерах, по ту сторону центрального озера.

— Ах, вот как! Нашему юному другу известно, где находится их жилище. Это, вероятно, не так близко отсюда?

— Миль двадцать, не меньше, — ответил я.

Саммерли застонал:

— Я-то, во всяком случае, туда не доберусь. Вы слышите? Эти твари все еще рыщут по нашим следам.

И действительно, из темной лесной чащи до нас донеслось далекое верещание человекообразных обезьян. Индейцы снова начали подвывать от страха.

— Надо уходить отсюда, и как можно скорее, — сказал лорд Джон. — Юноша, вы поможете Саммерли. Индейцы понесут вещи. Ну, пошли, пока они нас не заметили.

Меньше чем за полчаса мы добежали до нашего убежища в кустах и спрятались там. Взволнованные крики человекообразных обезьян весь день доносились до нас со стороны нашего форта, но сюда никто из них не добрался, и усталые беглецы — и белые и краснокожие — наконец погрузились в долгий, крепкий сон.

Вечером я почувствовал сквозь дремоту, что кто-то тянет меня за рукав, и, открыв глаза, увидел перед собой Челленджера.

— Мистер Мелоун, насколько мне известно, вы ведете дневник и рассчитываете со временем опубликовать его, — начал он весьма торжественным тоном.

— Меня послали сюда в качестве репортера, — ответил я.

— Вот именно. Вы, вероятно, слышали глупые намеки лорда Джона Рокстона, что... что будто бы... есть некоторое сходство между...

— Да, слышал.

— Мне незачем вам говорить, что опубликование подобного вздора... и вообще малейшая вольность в изложении событий будут для меня чрезвычайно оскорбительны.

— Я обещаю строго придерживаться фактов.

— Лорд Джон склонен предаваться всяким фантазиям, и ему ничего не стоит как-нибудь по-своему объяснить то уважение, которое даже самые некультурные расы питают к человеческому достоинству. Вам ясна моя мысль?

— Вполне.

— Так я полагаюсь на ваш такт, — сказал Челленджер и после долгой паузы добавил: — А этот обезьяний царек был весьма незаурядным существом... необычайно внушительная внешность и такой разумный! Не правда ли?

— Весьма достойная личность, — ответил я.

И профессор, видимо, успокоившись, снова улегся спать.

Это была настоящая победа

Мы воображали, что наши преследователи, человекообезьяны, не подозревают о существовании этого убежища в кустах, однако вскоре нам пришлось убедиться в своей ошибке. В лесу стояло полное безмолвие — ни звука, ни шелеста листьев... И все-таки прежний опыт должен был подсказать нам, с какой хитростью и с каким терпением эти твари выслеживают свою добычу и выжидают удобного случая для нападения. Не знаю, что мне сулит судьба в дальнейшем, но вряд ли я буду когда-нибудь так близок к смерти, как в то утро. Сейчас расскажу все по порядку.

Сон не помог нам восстановить силы после страшных волнений и голодовки предыдущего дня. Саммерли был так слаб, что еле держался на ногах, но с присущим ему упорством и мужеством не хотел признаваться в этом. Мы созвали военный совет и решили посидеть здесь еще часа два, подкрепиться завтраком, что было крайне необходимо, а потом отправиться в путь через все плато и выйти к пещерам на тот берег центрального озера, где, по моим наблюдениям, жили люди. Мы надеялись, что спасенные нами индейцы замолвят за нас доброе слово, и рассчитывали на хороший прием со стороны их соплеменников.

После такого путешествия Страна Мепл-Уайта еще больше приоткроет перед нами свои тайны, и, выполнив возложенную на нас миссию, мы сосредоточим все свои помыслы на том, как нам выбраться отсюда и снова вернуться в мир. Даже сам Челленджер признавал, что цель нашей экспедиции будет достигнута и что после этого долг обяжет нас как можно скорее поведать всему цивилизованному миру о сделанных нами удивительных открытиях.

Теперь мы могли повнимательнее приглядеться к спасенным индейцам. Они были небольшого роста, мускулистые, ловкие, незлобивые на вид, с правильным овалом лица, лишенного всякой растительности, и с гладкими черными волосами, схваченными на затылке кожаным ремешком. Одежда их состояла лишь из повязки на бедрах, тоже кожаной. Разорванные кровоточащие мочки свидетельствовали о том, что в ушах у них были какие-то украшения, которые остались в лапах их врагов — обезьян. Индейцы живо переговаривались между собой на незнакомом нам языке, но мы все же поняли, что их племя называется «аккала». Они произнесли это слово несколько раз подряд, показывая друг на друга, потом замахали стиснутыми кулаками в сторону леса и, дрожа от страха и ненависти, крикнули: «Дода! Дода!» (так, очевидно, именовались у них человекообезьяны).

— Что вы о них скажете, Челленджер? — спросил лорд Джон. —

Для меня ясно только одно: вон тот юноша с выбритым лбом — их вождь.

И действительно, этот индеец держался особняком, а остальные обращались к нему со знаками глубочайшего уважения, несмотря на то, что все они были старше его. Гордость и независимость сквозили в каждом движении юноши, и, когда Челленджер положил свою огромную лапищу ему на голову, он отпрянул от него, как пришпоренный конь, и, гневно сверкнув черными глазами, отошел назад. Потом приложил ладонь к груди и, весь преисполненный достоинства, несколько раз повторил слово «маретас».

Профессор, нимало не смутившись, схватил за плечо другого индейца и, поворачивая его из стороны в сторону, как наглядное пособие, начал читать нам лекцию.

— Развитый череп, лицевой угол и некоторые другие признаки говорят о том, что это племя не может быть отнесено к низшей расе, — загудел он своим звучным басом. — В расовой шкале мы должны отвести ему место впереди многих других племен Южной Америки. Я твердо уверен, что здесь, на плато, возникновение и развитие этого племени были бы невозможны. Но ведь и человекообразьян отделяет огромная пропасть от сохранившихся здесь доисторических животных. Следовательно, они тоже не могли появиться и эволюционировать в Стране Мепл-Уайта.

— Откуда же они взялись? С неба, что ли, свалились? — спросил лорд Джон.

— Этот вопрос, несомненно, вызовет горячие споры среди ученых Европы и Америки, — ответил профессор. — Мое собственное толкование его — правильное или неправильное, — при этих словах он выпятил грудь и с высокомерным видом повел вокруг глазами, — заключается в следующем: в здешних, весьма своеобразных условиях эволюция достигла стадии позвоночных, причем старые формы продолжали жить и развиваться бок о бок с новыми. Вот почему наряду с формами юрского периода здесь уживаются и современный тапир — животное с весьма почтенной родословной, — и крупный олень, и муравьед. Пока все ясно. Но вы спросите: а человекообразьяны, а индейцы? Как научная мысль должна отнестись к их пребыванию на плато? На мой взгляд, объяснение может быть только одно: они проникли сюда извне. Очень возможно, что какие-то человекообразные обезьяны, существовавшие в Южной Америке, перебрались в эти места еще в незапамятные времена и в результате своей эволюции дали тот вид человекообразьян, отдельные представители которого, — тут Челленджер посмотрел на меня в упор, — обладают столь внушительной и благообразной внешностью, что при наличии разума они могли бы украсить собой даже человеческую расу. Что же касается индейцев, то это племя иммигрировало сюда с равнины в более позд-

ние времена под влиянием либо голода, либо преследований врага. Столкнувшись здесь с невиданными доселе врагами, они укрылись в пещерах, о которых рассказывал наш юный друг. Однако им, несомненно, приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с диким зверьем, в частности с обезьянами, кои не желали примириться с вторжением человека и вели с ним беспощадную войну, пуская в ход всю свою хитрость, а в этом они могут поспорить с любыми, более крупными существами. Вот чем объясняется, на мой взгляд, немногочисленность индейского племени. Итак, джентльмены, что вы теперь скажете? Правильно я разгадал эту загадку, или у нас имеются какие-нибудь возражения по существу?

Но профессору Саммерли было не до споров, и он только отчаянно замотал головой в знак протеста. Лорд Джон поскреб свою лысеющую макушку и отказался принять вызов Челленджера, мотивируя это тем, что он борец другого веса и другой категории. Я же остался верен себе и перевел беседу в более прозаический и деловой план, объявив, что один из индейцев куда-то запропастился.

— Он ушел, — сказал лорд Рокстон. — Мы дали ему банку из-под консервов и отправили за водой.

— В старый лагерь? — спросил я.

— Нет, к ручью. Это недалеко, вон за теми деревьями. Каких-нибудь сто ярдов. Но этот малый, видимо, не торопится.

— Пойду посмотрю, что он там делает, — сказал я и, захватив винтовку, пошел в лес, предоставив друзьям заниматься приготовлениями к скудному завтраку.

Вам покажется опрометчивым с моей стороны, что я даже на такой короткий срок решил покинуть наше надежное убежище в кустах, но ведь обезьяний город был далеко, ведь враги потеряли наши следы, а, кроме того, у меня была при себе винтовка. Но, как оказалось в дальнейшем, я недооценивал коварство и силы человекообезьян.

Ручей журчал где-то совсем близко, хотя густые заросли деревьев и кустарника скрывали его от меня. Я уже довольно далеко отошел от товарищей, как вдруг в глаза мне бросилось что-то красное.

К моему ужасу, это оказался труп посланного за водой индейца. Несчастный лежал скорчившись, и шея у него была так естественно вывернута, будто он смотрел вверх, через плечо. Я крикнул, предупреждая друзей об опасности, подбежал к индейцу и нагнулся над ним... Вероятно, мой ангел-хранитель был где-то совсем близко в эту минуту, ибо инстинкт, а может статься, и шорох листьев заставили меня взглянуть вверх. Из густой зеленой листвы, нависшей над моей головой, ко мне медленно тянулись две длинные мускулистые руки, покрытые рыжими волосами. Еще секунда — и жадные пальцы сомкнулись бы и вокруг моей шеи.

Я отскочил назад, но эти руки оказались еще проворнее. Правда, прыжок спас меня от мертвой хватки, но одна лапа вцепилась мне в затылок, другая — в лицо, а потом, когда я закрыл горло ладонями, — в пальцы.

Я почувствовал, что отделяюсь от земли, что голову мне отгибают назад с непреодолимой силой... Казалось, еще секунда, и шейные позвонки не выдержат. Мозг начинал затуманиваться, но я не отпускал этой страшной руки и наконец оторвал ее от подбородка. Надо мной склонилась страшная морда с холодными светло-голубыми глазами, беспощадный взгляд которых сковывал меня, как гипноз. Бороться не было сил. Как только чудовище почувствовало, что я слабею, в его огромной пасти сверкнули два белых клыка, и оно еще сильнее стиснуло лапу, все больше запрокидывая мне голову. Перед глазами у меня поплыли мутные круги, в ушах зазвенели серебряные колокольчики. Где-то вдали послышался выстрел, я ударился о землю, почти не ощутив при этом боли, и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что лежу на траве в нашем убежище среди кустов. Кто-то уже успел сбежать к ручью, и лорд Джон смачивал мне голову водой, а Челленджер и Саммерли заботливо поддерживали меня с двух сторон. Увидев перед собой их встревоженные лица, я впервые понял, что наши профессора не только мужи науки, но и люди, способные на простые человеческие чувства. Никаких телесных повреждений на мне не было. По-видимому, мой обморок был вызван только сильным потрясением, ибо через полчаса я уже окончательно пришел в себя, если не считать боли в затылке и в шее.

— Ну, дорогой мой, на сей раз вы были на волосок от смерти, — сказал лорд Джон. — Когда я бросился на ваш крик и увидел, что этот зверь откручивает вам голову и вы уже подняли все четыре лапки кверху, у меня прежде всего мелькнула мысль: ну, нашего полку убыло! Я даже промахнулся впопыхах, но все-таки обезьяна бросила вас и сразу же удрала. Эх, черт! Дали бы мне сюда пятьдесят человек с ружьями, мы бы живо навели здесь порядок — и следа бы не оставили от этой нечисти.

Теперь было совершенно ясно, что человекообезьяны каким-то образом прознали о нашем убежище и не спускают с него глаз. Днем их можно было не бояться, но что будет ночью? Они наверняка нагрянут сюда. Значит, надо уходить, и чем скорее, тем лучше. С трех сторон нас окружала лесная чаща, где на каждом шагу можно было нарваться на засаду, но с четвертой начинался пологий склон, спускавшийся к центральному озеру, и там рос низкий кустарник с редкими деревьями, перемежающийся кое-где открытыми прогалинами. По этому склону я и шел один в ту ночь, и он вел прямо к пещерам индейцев. Следовательно, сюда нам и надо было держать путь.

Единственное, о чем мы жалели, — это о нашем лагере, и не столько из-за брошенных там запасов, сколько из-за негра Самбо, последнего звена между внешним миром и нами. Впрочем, винтовки, были при нас, недостатка в патронах тоже не ощущалось, так что некоторое время мы могли обойтись и этим, а дальше, надо думать, представится возможность вернуться на старое место и снова установить связь с нашим негром. Самбо твердо обещал не бросать нас, и мы не сомневались, что он сдержит свое слово.

После полудня наша партия двинулась в путь. Впереди в качестве проводника шел молодой вождь, с негодованием отказавшийся нести какую-нибудь поклажу. За ним, взвалив на спину все скудное имущество экспедиции, шагали два уцелевших индейца. Наша четверка с ружьями наперевес замыкала шествие. Как только мы вышли из кустарника; безмолвная доселе лесная чаща вдруг наполнилась диким воем человекообразных обезьян, которые не то ликовали, не то злорадствовали по поводу нашего ухода. Оглядываясь назад, мы ничего не видели, но этот протяжный вой ясно говорил, сколько врагов скрывалось за сплошной стеной зелени, обступившей нас со всех сторон. Однако гнаться за нами обезьяны, по-видимому, не собирались, и, выйдя на более открытое место, мы совсем перестали бояться их.

Я шел самым последним и невольно улыбался, глядя на своих товарищей. Неужели это блистательный лорд Джон Рокстон, который не так давно принимал меня в розовом великолепии своих апартаментов в Олбени, устланных персидскими коврами и увешанных по стенам картинами? Неужели это тот самый профессор, который так величественно восседал за огромным письменным столом в Энмор-Парке? И, наконец, куда девался тот суровый, чопорный ученый, что выступал на заседании Зоологического института? Да разве у бродяг, встречающихся на проселочных дорогах Англии, бывает такой жалкий, унылый вид! Мы провели на плато всего лишь неделю, но смена одежды осталась у нас внизу, а неделя эта была не из легких, хотя мне как раз не приходилось особенно жаловаться, так как я не попал в лапы к обезьянам в ту ночь. Оставшись без шляп, все мои товарищи повязали головы платками; одежда висела на них ключьями, а слой грязи и небритая щетина меняли их почти до неузнаваемости. Саммерли и Челленджер сильно хромали, я тоже еле волочил ноги, еще не оправившись как следует от утреннего потрясения, и с трудом ворочал шеей, одеревеневшей после мертвой хватки обезьяны. Да, мы представляли собой весьма печальное зрелище, и меня несколько не удивляло, что наши спутники-индейцы то и дело оглядывались назад, взирая на нас с недоумением и даже с ужасом.

Было далеко за полдень, когда мы вышли из зарослей к берегам озера. Индейцы увидели его широкую гладь и с радостными возгласами замахали руками, показывая нам на воду. Картина

была в самом деле изумительная. Прямо к тому месту, где мы стояли, неслась целая флотилия легких челнов. Они были далеко, за несколько миль, но это расстояние так быстро сокращалось, что вскоре гребцы разглядели, кто стоит на берегу. Оглушительные вопли громовым раскатом пронеслись над озером. Вскочив с мест, индейцы замахали веслами и копьями. Потом снова принялись грести и в мгновение ока пролетели оставшееся расстояние, вытащили челны на отлогий песчаный берег и с приветственными кликами распростерлись ниц перед молодым вождем. Вслед за тем из толпы выступил пожилой индеец с ожерельем и браслетом из крупных блестящих стекляшек и в наброшенной на плечи великолепной пятнистой шкуре, отливающей янтарем. Он подбежал к юноше, нежно обнял его, потом посмотрел в нашу сторону, спросил что-то и, подойдя к нам, без всякого подобострастия, с большим достоинством обнял всех нас по очереди. По одному его слову остальные индейцы в знак уважения склонились перед нами до земли. Мне лично было не по себе от такого раболепия, лорда Джона и Саммерли оно, по-видимому, тоже смутило, зато Челленджер расцвел, как цветок, согретый солнцем.

— Может быть, эти туземцы недалеко ушли вперед в своем развитии, — сказал он, поглаживая бороду и оглядывая распростертые перед нами тела, — но кое-кому из просвещенных европейцев следовало бы поучиться у них, как вести себя в присутствии

высших существ. Подумать только, до чего безошибочен инстинкт первобытного человека!

Судя по всему, индейцы выступили в боевой поход, потому что, кроме копий из длинного бамбука с костяными наконечниками, каждый из них имел при себе лук и стрелы, дубинку или каменный топор у пояса. Мрачные, злобные взгляды, которые они кидали в сторону леса, откуда мы вышли, и частое повторение слова «дода» свидетельствовали о том, что целью этого похода было либо выручить сына старого вождя (мы догадались об их родстве), либо отомстить за его смерть. Теперь все они расселись на корточках в кружок и держали военный совет, а мы поместились поодаль на базальтовой глыбе и стали наблюдать за происходящим. Первыми говорили воины, а потом к своему племени с горячими словами обратился и наш юный друг. Речь его сопровождалась столь красноречивой мимикой и жестикуляцией, что мы поняли ее всю, точно этот язык был знаком нам.

— Стоит ли возвращаться сейчас домой? — говорил он. — Ранно или поздно мы должны будем пойти на это. Наши братья убиты. Что из того, что я остался жив и невредим, когда другие погибли? Кто из вас может быть спокоен за свою жизнь? Сейчас мы все в сборе. — Он показал на нас. — Эти пришельцы — наши друзья. Они великие воины и так же, как и мы, ненавидят обезьян. Им повинуются громы и молнии. — Тут он воздел руку к небу. — Представится ли когда-нибудь другой такой случай? Пойдемте же вперед и либо умрем, либо завоюем себе спокойную жизнь, и тогда нам не стыдно будет вернуться к нашим женщинам.

Маленькие краснокожие воины жадно слушали своего вождя, а когда он кончил, разразились восторженными криками, и все как один взметнули копья в воздух. Его отец спросил нас о чем-то, показывая в сторону леса. Лорд Джон знаком предложил ему подождать и обратился к нам.

— Ну, решайте каждый сам за себя, — сказал он. — Я лично не прочь свести счеты с этими обезьянами, и если дело кончится тем, что они будут стерты с лица земли, то эта самая земля только похорошеет после такой операции. Я пойду с нашими новыми друзьями и не оставлю их до победного конца. А вы что скажете, юноша?

— Конечно, я с вами!

— А вы, Челленджер?

— Можете рассчитывать на мою помощь.

— А вы, Саммерли?

— Мы все дальше и дальше отклоняемся от цели нашей экспедиции, лорд Джон. Уверяю вас, я вовсе не для того покинул профессорскую кафедру в Лондоне, чтобы возглавлять набег краснокожих на колонию человекообразных обезьян.

— Да, в самом деле, как мы низко пали! — с улыбкой сказал лорд Джон. — Но ничего не поделаешь, так уж вышло. Ну, мы ждем вашего ответа.

— Это — весьма сомнительное предприятие, — не сдавался Саммерли, — но если вы все уйдете, мне не остается ничего другого, как следовать за вами.

— Значит, решено, — сказал лорд Джон и, повернувшись к старому вождю, утвердительно кивнул и похлопал ладонью по винтовке.

Старик пожал всем нам руки, а его соплеменники разразились еще более восторженными криками.

Выступить в поход было уже поздно, и индейцы наскоро разбили лагерь. Повсюду загорелись, задымили костры. Небольшая группа ушла в джунгли и вернулась, гоня перед собой молодого игуанодона, у которого тоже сидела асфальтовая нашлапка на плече. Один индеец подошел к нему и распорядился, чтобы его прирезали, и мы только тогда поняли, что огромные игуанодоны являются собственностью туземцев, все равно как у нас рогатый скот. Следовательно, загадочные асфальтовые пятна были всегo-навсего чем-то вроде клейма или тавра. Эти тупые травоядные существа, наделенные крохотным мозгом, отличаются такой беспомощностью, несмотря на свои огромные размеры, что с ними может справиться и ребенок. Не прошло и нескольких минут, как игуанодона освежевали, и куски мяса уже поджаривались на кострах вместе с какой-то крупночешуйчатой рыбой, которую индейцы наловили в озере, пустив в ход копыя вместо острог.

Саммерли лег на отмели и заснул, а мы втроем отправились бродить по берегу озера, горя желанием узнать как можно больше об этой диковинной стране. Раза два на нашем пути попадались ямы с такой же синей глиной, как на болоте птеродактилей. Эти недействующие вулканические кратеры почему-то очень интересовали лорда Джона. Челленджер тоже нашел нечто достойное его внимания — это был сильно бывший грязевой гейзер, струи которого так и кипели пузырьками, выделявшими какой-то неведомый нам газ. Челленджер опустил в гейзер полую тростинку, поднес к ней спичку и, точно школьник, закричал от радости, когда подожженный газ взорвался и запылал синим огнем. Потом он приладил к тростинке кожаный кисет, наполнил и его газом и запустил в воздух. Этот эксперимент привел профессора в еще больший восторг.

— Горючий газ! Да какой — легче воздуха! Теперь я уверен, что в нем содержится значительное количество свободного водорода. Подождите, друзья мои! Джордж Эдуард Челленджер еще не исчерпал всех своих возможностей! Великий ум всегда заставляет природу служить себе. Вы еще убедитесь в этом собственными глазами! — Он горделиво выпятил грудь, но так и не поделился с нами своими тайными замыслами.

Что касается меня, то берег казался мне малоинтересным по сравнению с самим озером. Появление индейцев и шум стоянки распугали все живое в его окрестностях, и ничто не нарушало тишины, стоявшей вокруг нашего лагеря, если не считать нескольких птеродактилей, которые парили высоко в небе, высматривая падаль. Но розоватые воды центрального озера жили своей жизнью. Чьи-то огромные аспидно-черные спины и зубчатые плавники то и дело взметали серебряные брызги над водой и снова исчезали в глубине. Песчаные отмели кишели какими-то уродливыми существами — не то огромными черепахами, не то ящерицами, и среди них нам особенно бросилось в глаза одно чудовище. Плоское, словно лоскут кожи, оно подергивалось всей своей поверхностью, отливавшей жирными бликами, и медленно ползло по песку. Время от времени из воды вдруг вырастали головы каких-то змееподобных существ, которые, грациозно извиваясь, плыли будто в воротничке из пены и с таким же пенящимся шлейфом позади. Но, как оказалось, это были совсем не змеи. Одно такое существо вылезло на песчаную отмель недалеко от нас, и мы увидели, что длинная шея переходит у него в цилиндрическое туловище с огромными перепончатыми плавниками. Челленджер и Саммерли, уже присоединившиеся к нам, себя не помнили от восторга и удивления.

— Плезиозавр! Пресноводный плезиозавр! — воскликнул Саммерли. — И я вижу его собственными глазами! Мой дорогой Челленджер, кто из зоологов может похвалиться таким счастьем?

Наступила ночь, костры наших краснокожих союзников уже зардели в темноте, когда нам наконец удалось увести обоих профессоров от околдовавшего их первобытного озера. Но, даже лежа на берегу далеко от воды, мы продолжали слышать всплески и фырканье исполинов, обитавших в его глубине.

С первыми рассветными лучами весь лагерь был уже на ногах, и час спустя мы выступили в наш беспримерный поход. Я часто мечтал дожить до той минуты, когда меня пошлют военным корреспондентом на фронт. Но какой мечтатель мог бы представить себе кампанию, подобную той, которую судьба послала на мою долю! Итак, приступаю к своему «первому донесению с театра военных действий».

За ночь наши силы пополнились новыми отрядами туземцев, так что к утру у нас насчитывалось уже до четырехсот-пятисот воинов. Вперед были высланы разведчики, а за ними сомкнутой колонной двигались главные силы. Мы поднялись по отлогому склону, поросшему кустарником, и вышли к джунглям. Копьеносцы и лучники рассыпались неровной цепью вдоль опушки. Рокстон и Челленджер заняли места на правом фланге, я и Саммерли — на левом. Итак, мы, вооруженные по последнему слову оружейной техники, вели в бой дикую орду каменного века.

Противник недолго заставил себя ждать. Лесная чаща огласилась пронзительным воем, и свора человекообезьян, вооруженных камнями и дубинками, ринулась в самый центр наступающих индейцев. Это был смелый, но довольно бессмысленный маневр, ибо неуклюжие, кривоногие твари не могли тягаться с ловкими, как кошки, туземцами. Страшное зрелище предстало нашим глазам: разъяренные обезьяны с пеной у рта, бешено сверкая белками, бросались на своих изворотливых врагов, стрелявших в них из луков. Мимо меня с ревом пронеслось огромное чудовище, грудь и бока которого были утыканы стрелами. Я сжалился над ним и выстрелил — оно рухнуло замертво среди кустов алоэ. Но больше мне не пришлось стрелять, так как атака была направлена в самый центр цепи и индейцы отбили ее без нашей помощи. Из тех обезьян, которые участвовали в этой вылазке, вряд ли хоть одна убралась живой под защиту деревьев.

Но когда мы вступили в лес, дело приняло более серьезный оборот. Отчаянный бой продолжался час с лишним, и временами мне казалось, что наша песенка спета. Обезьяны выскакивали из чащи и укладывали своими дубинками сразу по три, по четыре индейца, не дав им даже времени пустить в ход копыя. Удары их тяжелейших дубинок были сокрушительны. Один из них пришелся по винтовке Саммерли, и от нее остались одни щепы. Еще миг — и такая же участь постигла бы и его голову, но вовремя

подоспевший индеец пронзил копьем замахнувшегося на Саммерли врага. Обезьяны, забравшиеся на деревья, швыряли в нас камнями и огромными сучьями, некоторые прыгали вниз, в самую гущу свалки, и дрались с ожесточением, до последней капли крови. Индейцы дрогнули, и если б не огонь наших винтовок, наносивший огромный урон противнику, ничто не удержало бы их от бегства. Однако вождь снова собрал своих воинов и с такой стремительностью повел их в атаку, что теперь уже приходилось отступать обезьянам. Саммерли был обезоружен, но я выпускал пулю за пулей, а с правого фланга тоже доносились непрерывная стрельба.

Наконец, обезьян обуяла паника. Визжа и воя, они бросились врассыпную, а наши союзники с дикими воплями погнались за ними.

Этот день должен был вознаградить человека за все распри, не затихающие из века в век, за жестокости и преследования, которыми только и была богата его убогая история. Отныне он становился господином плато, а человекозверь должен был раз и навсегда занять положенное ему подчиненное место.

Как ни мчались побежденные, ничто не могло спасти их от дикарей, и лесная чаща то и дело оглашалась победными кликами, звоном тетивы и глухим стуком падающих с деревьев тел.

Я бежал вслед за всеми и вдруг наткнулся на лорда Джона и Челленджера, которые отыскивали нас.

— Ну, конечно! — сказал лорд Джон. — Заключительную часть можно предоставить индейцам. Зрелище будет не из приятных. Чем меньше мы увидим, тем спокойнее будем спать.

Глаза Челленджера горели воинственным огнем.

— Друзья мои! На нашу долю выпало счастье присутствовать при одной из тех битв, которые определяют дальнейший ход истории, решают судьбы мира! — провозгласил он, с горделивым видом прохаживаясь перед нами. — Что значит победа одного народа над другим? Ровно ничего. Она не меняет дела. Но жестокие битвы на заре времен, когда пещерные жители одолевали тигров или когда слон впервые узнавал, что у него есть властелин, — вот это были подлинные завоевания, подлинные победы, которые оставляли след в истории.

Какую же надо было иметь веру в конечную целесообразность подобных побоищ, чтобы оправдывать их жестокость!

Идя по лесу, мы на каждом шагу встречали трупы обезьян, пронзенных копьями и стрелами индейцев. Изуродованные человеческие тела отмечали места особенно жарких схваток, когда враг дорого продавал свою жизнь. Впереди все время слышались крики и рев, и по ним мы следили за направлением погони. Обезьян оттеснили к их городу, там они собрали последние силы, но и это им не помогло, и теперь мы подоспели как раз вовремя,

чтобы присутствовать при страшной заключительной сцене. На ту самую поляну у края обрыва, которая два дня назад была свидетельницей наших подвигов, индейцы выгнали около сотни уцелевших в битве обезьян. Мы подошли в ту минуту, когда победители с копьями наперевес взяли эту кучку в полукольцо. Все было кончено в несколько секунд. Тридцать — сорок обезьян полегли тут же на месте. Остальные визжали, отбивались, но это ничему не помогло. Их сбросили в пропасть, и они разделили участь своих прежних жертв, напорвшись на острый бамбук, который рос внизу, на глубине шестисот футов.

Челленджер был прав: отныне человек навсегда утвердил свое господство в Стране Мепл-Уайта. Самцы обезьяньего племени были истреблены все до одного, обезьяний город разрушен, самки и детеныши угнаны в неволю. Последний кровавый бой положил конец вековой междоусобице человека и обезьяны.

Эта победа была нам сильно на руку. Мы вернулись в свой лагерь к брошенным там запасам и установили связь с нашим негром, который был до смерти напуган страшным зрелищем, когда обезьяны градом посыпались в пропасть.

— Уходите отсюда, уходите! — кричал он, и глаза лезли у него на лоб от страха. — Там дьявол, он вас погубит!

— Устами негра глаголет истина, — убежденно проговорил Саммерли. — Довольно с нас приключений, тем более что они по своему характеру совершенно не подходят людям нашего положения. Челленджер, напоминаю вам ваши слова. Отныне вы должны думать только о том, как вызволить нас из этой ужасной страны и вернуть в цивилизованный мир.

Глава 15

Глаза наши не переставали дивиться

Я веду свой дневник изо дня в день и все жду той минуты, когда можно будет написать, что тучи, нависшие над нами, рассеялись и сквозь них глянуло солнце. Мы до сих пор не знаем, как выбраться отсюда, и горько сетуем на судьбу. И все же я совершенно ясно представляю себе, что когда-нибудь мы с благодарностью будем вспоминать об этой вынужденной задержке на плато, которая дала нам возможность наблюдать все новые и новые чудеса Страны Мепл-Уайта и жизнь ее обитателей.

Победа индейцев над племенем человекообезьян круто изменила наше положение. С тех пор мы стали подлинными хозяевами плато, ибо туземцы взирали на нас со страхом и благодарностью, помня, что наша чудодейственная сила помогла им расправиться с их исконными врагами. Они, вероятно, ничего

не имели бы против, если б такие могущественные и загадочные существа совсем покинули плато, но спуск к равнине был неизвестен им. Насколько нам удалось понять по их знакам, плато соединялось раньше с равниной туннелем, нижний конец которого мы видели при обходе каменной гряды. В незапамятные времена этим путем поднимались на плато человекообразные обезьяны и индейцы, а не так давно им же воспользовался Мепл-Уайт со своим товарищем. Но год назад здесь произошло сильное землетрясение, и верхнюю часть туннеля наглухо завалило обломками скал. Когда мы выражали желание спуститься вниз, на равнину, индейцы только пожимали плечами и отрицательно качали головой. То ли они действительно не могли помочь нам, то ли не хотели, сказать трудно.

После победоносного похода индейцы перегнали уцелевших обезьян в другую часть плато (боже, как они выли дорогой!) и поселили их неподалеку от своих пещер. И с этого дня обезьянье племя перешло в полное рабство к человеку.

Среди ночной тишины часто раздавались протяжные вопли какого-нибудь первобытного Иезекииля, оплакивающего свою былую славу и былое величие обезьяньего города. Отныне покоренные обезьяны должны были довольствоваться скромной ролью дровосеков и водоносов при своем властелине — человеке.

Через два дня после битвы мы снова пересекли плато и расположились лагерем у подножия красных скал. Индейцы предлагали нам устроиться в пещерах, но лорд Джон не согласился на это, считая, что если они замыслили что-нибудь против нас, то мы будем всецело в их власти.

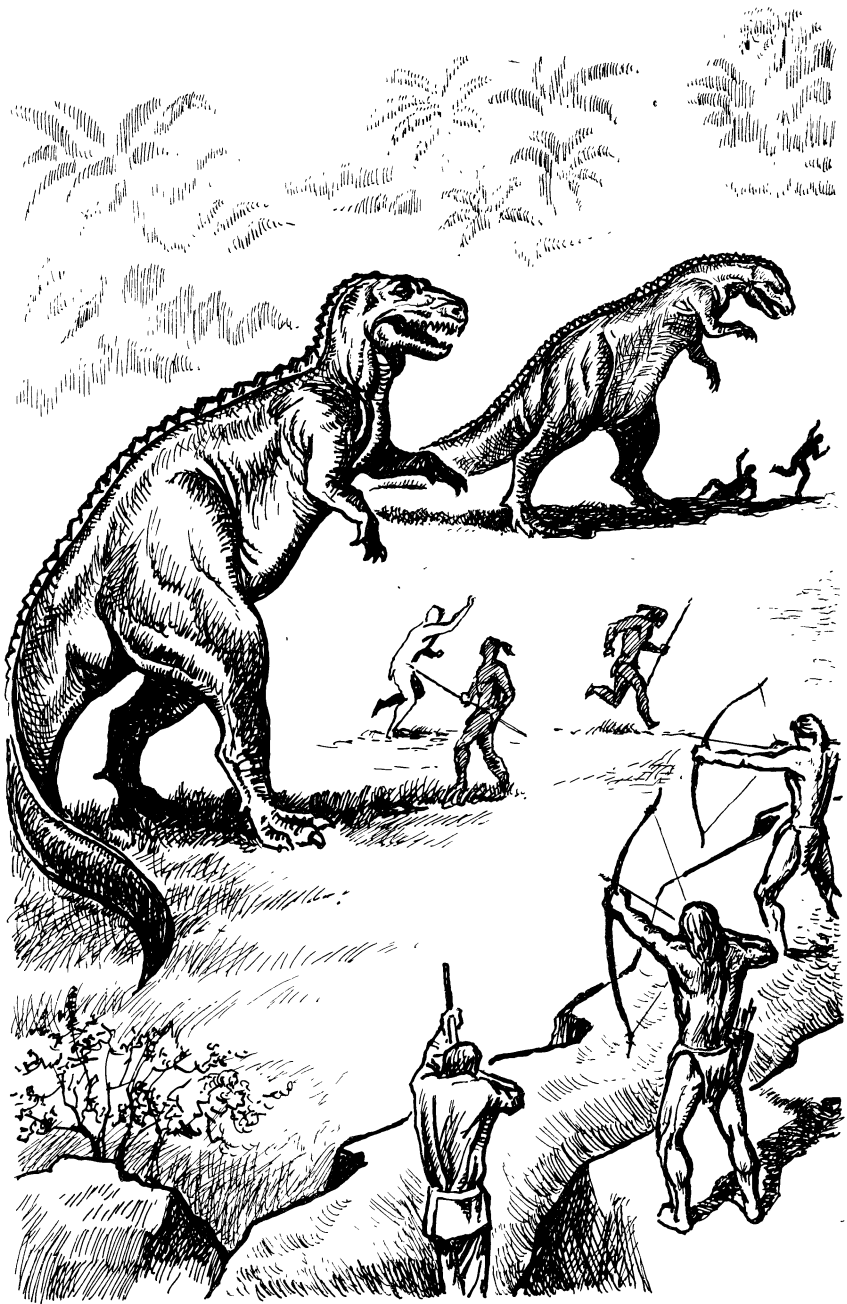
Поэтому мы предпочли сохранить свою независимость и, подерживая с нашими союзниками самые лучшие отношения, все же держали оружие наготове. Нам часто приходилось бывать в их пещерах, но мы так и не выяснили, кому индейцы обязаны этим замечательным жильем — самим себе или природе. Пещеры были вырыты на одном уровне в какой-то рыхлой породе, залегавшей между красноватым базальтом вулканического происхождения и твердым гранитом, который служил основанием скал.

Ко входам в них, находившимся примерно на высоте восьмидесяти футов от земли, вели каменные ступени, такие узкие и крутые, что по ним не могло бы подняться ни одно крупное животное. Внутри было тепло и сухо. Пещеры уходили в толщу кряжа на различную глубину; по их гладким серым стенам тянулись нарисованные обугленными палочками великолепные изображения животных, населяющих плато. Если б в Стране Мепл-Уайта не осталось ни одного живого существа, будущий исследователь нашел бы на стенах этих пещер исчерпывающие сведения о ее диковинной фауне, ибо здесь было все — и динозавры, и игуанодоны, и ихтиозавры.

Узнав, что огромные игуанодоны считаются у индейцев ручным скотом или, вернее, чем-то вроде ходячей мясной кладовой, мы вообразили, будто человек даже при наличии столь несовершенного оружия, как луки и копья, полностью установил свое господство на плато. Однако нам вскоре пришлось убедиться, что это неверно и что пока его здесь только терпят.

Драма разыгралась на третий день после того, как мы поселились возле пещер. Челленджер и Саммерли с утра отправились к озеру, где туземцы вылавливали для них гарпунами ящериц. Мы с лордом Джоном остались в лагере; неподалеку от нас, на травянистом склоне перед пещерами, расхаживали индейцы, занятые своими делами. И вдруг сотни голосов пронзительно закричали: «Стоа! Стоа!» Взрослые и дети бросились со всех сторон к пещерам и, тесня друг друга, стали карабкаться вверх по каменным ступенькам.

Добравшись до своих убежищ, они замахали руками, приглашая нас поскорее присоединиться к ним. Мы схватили винтовки и побежали выяснить, что случилось, а навстречу нам из небольшой рощи уже неслись что была сил десять — пятнадцать индейцев, преследуемых по пятам двумя чудовищами — точно такими, как непрощеный гость, явившийся в наш лагерь, и как мой ночной преследователь. Они передвигались прыжками и были похожи на омерзительных жаб невероятных размеров. До сих пор нам приходилось видеть этих исполинов только в темноте, так как они охотятся ночью, а днем выходят из своих берлог лишь в том случае, если их потревожат, как было на сей раз. Мы стояли, пораженные зрелищем, открывшимся нашим глазам. Пятнистая, бородавчатая кожа этих исполинских жаб отливала на солнце всеми цветами радуги и поблескивала, как рыба чешуя. Впрочем, наблюдать нам пришлось недолго, ибо эти твари в несколько прыжков нагнали несчастных индейцев... И тут началось нечто страшное. Прием у них был такой: обрушившись всей своей тяжестью на ближайшую жертву, они оставляли ее, раздавленную, изуродованную, и кидались за следующей. Дико крича, индейцы неслись к пещерам, но не могли уйти от своих преследователей. Они гибли один за другим, и к тому времени, когда мы с лордом Джоном подоспели на помощь, от всей их группы осталось не больше пяти-шести человек. Впрочем, мы не только не помогли им, но и сами чуть не погибли. Пуля за пулей впивалась в шкуры этих тварей, производя такой же эффект, как если б наши винтовки были заряжены бумажными шариками. А ведь стрельба велась с каких-нибудь двухсот ярдов! Организм громадных пресмыкающихся не боялся ранений, а отсутствие центрального мозгового аппарата делало даже самое современное оружие бесполезным в борьбе с ними. Единственное, что нам удалось сделать, — это отвлечь их внимание треском выстрелов и вспышками огня и таким

образом дать возможность и себе и индейцам добежать до спасительных ступеней.

Но там, где конические разрывные пули двадцатого века оказывались бессильными, приходилось полагаться на отравленные стрелы дикарей, вымоченные в настое строфанта и смазанные трупным ядом. Такие стрелы бесполезны на охоте, ибо кровообращение у доисторических чудовищ настолько вяло, что они обычно успевают настичь и растерзать свою жертву до того, как почувствуют действие яда. Но теперь положение было иное: как только наши преследователи очутились у каменных ступеней, ведущих в пещеры, из каждой расщелины в горном кряже со свистом полетели стрелы. Жабы обросли ими, как перьями, но, по-видимому, в первые минуты боль не ощущалась, так как они продолжали в бессильной ярости карабкаться вверх по ступенькам, не желая упускать добычу. Они с трудом одолевали несколько ярдов и тотчас срывались вниз. Но вот яд начал действовать. Один зверь глухо заревел и уткнулся плоской головой в землю. Второй пронзительно взвыл, сделал несколько нелепых прыжков, потом в корчах повалился рядом с первым и вскоре тоже затих. Тогда индейцы толпой высыпали из пещер и с ликующими криками закружились вокруг трупов, торжествуя победу над двумя опаснейшими врагами.

Есть это мясо было нельзя, так как яд продолжал действовать,

и индейцы в ту же ночь разрезали обе туши на куски и отнесли их в лес, чтобы не заражать здесь воздух. Около пещер остались только два огромных сердца, каждое величиной с подушку; они жили самостоятельной жизнью, медленно и ритмично сокращаясь и расширяясь, и эта омерзительная пульсация продолжалась день, другой и затихла только на третьи сутки.

Когда-нибудь, когда у меня будет настоящий стол, а не заменяющая его кон-

серванная банка, и лучшие письменные принадлежности, чем огрызок карандаша и один-единственный истрепанный блокнот, я подробно опишу индейцев племени аккала, опишу нашу жизнь среди них и волшебную Страну Мепл-Уайта, мало-помалу открывавшую перед нами свои чудеса. Память не изменит мне; наряду с первыми впечатлениями детства в ней до конца дней моих сохранится каждая минута, каждый час, проведенные нами на плато, и ничто другое не вытеснит этих воспоминаний. Придет время, и я опишу ту чудесную лунную ночь на центральном озере, когда индейцы выловили сетью чуть не перевернувшего наш челн молодого ихтиозавра — существо, похожее не то на тюленя, не то на рыбу с тремя глазами, причем третий глаз сидел у него на темени, а другие два были защищены костяными пластинками. В ту же ночь зеленая водяная змея стрелой метнулась к нам из тростниковых зарослей, оплела своими кольцами рулевого в лодке Челленджера и скрылась с ним под водой.

Я не забуду рассказать и о том диковинном белом существе — мы и по сей день не знаем, что это было: пресмыкающееся или зверь, — которое обитало в гнилом болоте восточнее центрального озера и по ночам сновало среди кустов, излучая слабый фосфорический блеск. Индейцы так боялись его, что даже близко не подходили к тому болоту, а мы дважды были там, видели этого зверя издали, но не могли пробраться к нему через топи. Скажу только, что величиной он больше коровы и распространяет вокруг себя неприятный мускусный запах.

В моих будущих записях вы встретите также упоминание о гигантской быстроногой птице, от которой Челленджеру пришлось удирать однажды под защиту скал. Она много выше страуса, и безобразная голова сидит у нее на длинной голой шее. Когда Челленджер карабкался вверх по камням, она одним ударом своего свирепого изогнутого клюва, как долотом, сорвала ему каблук. Но на этот раз современное оружие не посрамило себя: огромный флоракос двенадцати футов ростом (ликующий профессор, не успев отдышаться как следует, уже сообщил нам его название) повалился на землю, сраженный пулей лорда Джона, и судорожно забил ногами, взметая тучу перьев и не сводя с нас сверкающих яростным огнем желтых глаз. Как бы мне хотелось дожить до того дня, когда эта свирепая приплюснутая голова найдет свое место среди других трофеев, украшающих кабинет в Олбени!

Под конец надо будет обязательно упомянуть и о токсодоне — исполинской морской свинке ростом в десять футов с выступающими вперед острыми зубами, которую мы подстрелили как-то на рассвете у водопада.

Со временем я расскажу обо всем этом более подробно и наряду с нашими приключениями любовно опишу чудесные летние вечера, когда мы четверо мирно лежали где-нибудь на лесной

опушке среди неведомых нам ярких цветов и, глядя вверх сквозь отягченные сочными плодами ветки деревьев, дивились причудливым птицам, пролетавшим в высокой синеве неба, потом переводили взгляд в густую траву и наблюдали за странными существами, которые выползали из своих норок поглазеть на нас; опишу долгие лунные ночи, когда мы выплывали в челнах на середину озера и с невольным страхом смотрели на его сверкающую гладь. Вот нечто фантастическое взметнулось над водой, пустив по ней широкие круги... Вот темная глубина озарилась зеленоватым светом, отмечающим путь нового, неведомого нам существа... Я запомню эти картины во всех подробностях, и когда-нибудь моя память и мое перо отдадут им должное.

Но вы, наверно, спросите, как можно было заниматься такими наблюдениями, когда нам следовало и день и ночь искать способа вернуться в цивилизованный мир. Отвечу вам, что мы все ломали над этим голову, но тщетно. Выяснилось только одно: на помощь индейцев рассчитывать не приходится. Они были нашими друзьями и относились к нам чуть ли не с рабской преданностью, но как только мы заикались о помощи, о том, чтобы перетащить к обрыву какую-нибудь длинную доску или сплести канат из кожаных ремней и лиан, нас сразу же осаживали мягким, но решительным отказом. Индейцы улыбались, подмигивали нам, качали головой, и дальше этого дело не шло. Старый вождь и тот не сдавался, и лишь его сын Маретас грустно поглядывал на белых людей и знаками выражал им свое искреннее сочувствие.

После битвы с обезьянами индейцы смотрели на нас, как на сверхчеловеков, несущих залог победы в своих таинственных, изрыгающих смерть трубках, и думали, что, пока мы с ними, счастье им не изменит. Нам предлагали обзавестись краснокожими женами и собственными пещерами, лишь бы мы согласились забыть свой народ и навсегда остались на плато. Пока все обходилось тихо и мирно, но мы знали, что наши планы следует хранить в тайне, так как, прознав о них, индейцы могли задержать нас у себя силой.

Несмотря на возможность встречи с динозаврами (впрочем, опасность эта была не столь уж велика, ибо, как уже говорилось выше, они охотятся главным образом по ночам), за последние три недели я дважды ходил в наш старый лагерь проведать Самбо, который по-прежнему оставался на своем посту у подножия горного кряжа. Мои глаза жадно скользили по необъятной равнине в надежде, что оттуда к нам придет долгожданная помощь. Но поросшие кактусами просторы были безлюдны, и вплоть до виднеющейся вдали стены бамбуковых зарослей ничто не нарушало их однообразия.

— Они скоро придут, мистер Мелоун. Подождите еще неделю. Индейцы придут с канатами и снимут вас оттуда! — так подбадривал меня наш чудесный Самбо.

Во второй раз я заночевал в старом лагере, а утром на обратном пути меня ждал сюрприз. Я возвращался хорошо знакомой дорогой и был уже недалеко от болота птеродактилей, когда впереди из-за кустов вдруг появился какой-то странный предмет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это человек, который шел, надев на себя нечто вроде футляра или камышовой клетки, защищавшей его со всех сторон. Каково же было мое изумление, когда я узнал в этом человеке лорда Джона Рокстона! Увидев меня, он вылез из этого нелепого сооружения и засмеялся, но вид у него был несколько смущенный.

— Это вы, юноша? — сказал лорд Джон. — Вот уж не ожидал такой встречи!

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Навешал своих друзей, птеродактилей, — спокойно ответил он.

— Это еще зачем?

— Любопытные зверушки! Только ужасно негостеприимные. Да вы сами знаете, как они встречают непрошенных посетителей. Вот я и соорудил такую корзиночку, чтобы защитить себя от их любезностей.

— Да что вам понадобилось на этом болоте?

Лорд Джон испытующе посмотрел на меня, и я понял, что его одолевают какие-то сомнения.

— По-вашему, любознательность свойственна только людям, имеющим звание профессора? — сказал он наконец. — Я изучаю этих милешек, вот и все. Хватит с вас такого объяснения?

— Простите, — сказал я.

Но добродушие не изменило лорду Джону и на этот раз, и он рассмеялся:

— Не обижайтесь, юноша. Я хочу раздобыть для Челленджера маленького цыпленочка. Вот это моя главная задача. Нет, спасибо, ваша помощь мне не нужна. Я в этой клетке никого не боюсь, а вы беззащитны. Ну, всего хорошего, ждите меня к вечеру.

Он напялил на себя свою нелепую корзинку, повернулся и зашагал к лесу.

Если уж поведение лорда Джона было несколько странно в эти дни, то что же сказать о Челленджере? Следует отметить, что наш профессор обладал какой-то притягательной силой для индианок, и поэтому ему приходилось всегда носить при себе большую пальмовую ветку, которой он отгонял своих поклонниц, точно мух, когда они уж слишком одолевали его своим вниманием. Представьте же себе, какое это было зрелище! Пожалуй, самое комическое из всех, какие мне довелось видеть в Стране Мепл-Уайта. Выбрасывая носки в стороны, Челленджер шествует с символом власти в руке, а за ним, точно за чернобородым опереточным султаном, тянется свита индейских девушек в одеяниях из тонкого растительного волокна.

Что касается Саммерли, то он был всецело поглощен изучением мира насекомых и пернатых Страны Мепл-Уайта и проводил все свое время за препарированием добытых экземпляров (если не считать тех часов, которые уходили у него на перебранку с Челленджером, якобы не желавшим выручить нас из трудного положения).

Челленджер повадился исчезать каждое утро и возвращался только среди дня с таким торжественным видом, точно на его плечах лежало тягчайшее бремя ответственности за какое-то чрезвычайно серьезное дело.

В один прекрасный день, не расставаясь с пальмовой веткой, он повел нас за собой и открыл нам свои тайные планы.

Мы вышли на небольшую полянку посреди пальмовой рощи и увидели один из тех грязевых гейзеров, о которых я уже говорил. Кругом было разбросано множество ремней, нарезанных из шкур игуанодонов; тут же лежал большой кусок перепончатой пленки — впоследствии выяснилось, что это не что иное, как высохший и высушенный желудок рыбащера. В этой прошитой по краям пленке было оставлено маленькое отверстие для нескольких отрезков бамбука; противоположные концы их соединялись с глиняными воронками, в которых собирался газ, выделявшийся пузырьками в горячих струях гейзера. Вскоре опавшая пленка стала медленно вздуваться и проявлять столь явное намерение устремиться ввысь, что Челленджеру пришлось привязать опоясывающие ее ремни к деревьям. Через полчаса она превратилась в настоящий воздушный шар, и, судя по тому, как этот шар натягивал ремни и рвался вверх, подъемная сила его была велика. Челленджер молча смотрел на творение своего гения и самодовольно поглаживал бороду — ни дать, ни взять счастливый отец, любующийся своим первенцем.

Затянувшееся молчание прервал Саммерли.

— Неужели вы собираетесь предложить нам подняться на этой штуке? — ледяным тоном спросил он.

— Пока что я собираюсь продемонстрировать перед вами ее мощь, дорогой Саммерли, чтобы у вас не было никаких сомнений.

— Тогда советую вам немедленно выбросить из головы этот вздор, — решительно заявил Саммерли. — Вы никакими силами не заставите меня согласиться на такое безумие. Лорд Джон, надеюсь, вы не станете поддерживать эту авантюру?

— Остроумная штука! — сказал наш предводитель. — Любопытно бы посмотреть ее в действии.

— Сейчас посмотрите, — сказал Челленджер. — Последние дни я напрягал все силы своего ума, чтобы разрешить задачу, как нам выбраться отсюда. Мы уже убедились, что спуск по отвесным скалам невозможен, а туннеля больше не существует. Перебро-

свить мост на утес нам, безусловно, не удастся. Но что же тогда делать? Я как-то говорил нашему юному другу, что эти гейзеры выделяют водород в свободном состоянии. Отсюда логически вытекала мысль о воздушном шаре. Сознаюсь, что меня несколько смущал вопрос, где достать для него оболочку, но когда мне попались на глаза колоссальные внутренности здешних пресмыкающихся, я уже ни в чем больше не сомневался. И вот результаты моих трудов.

Он заложил одну руку за борт своей рваной куртки, а другую горделиво протянул вперед.

Тем временем шар окончательно округлился, и ремни уже еле сдерживали его.

— Бред! Чистейший бред! — фыркнул Саммерли.

Но лорд Джон был в восторге от этой идеи Челленджера.

— Ну и голова у нашего старикана! — шепнул он мне. Потом сказал громко: — А где вы возьмете корзину?

— Теперь буду думать и о корзине. У меня уже есть кое-какие соображения по этому поводу. А пока я покажу вам, что мой аппарат способен поднять каждого из нас.

— Вы хотите сказать — всех вместе?

— Нет, мы будем спускаться по очереди. Приспособление для подъема сделать нетрудно. Если мой аппарат выдержит тяжесть одного человека и осторожно опустит его на землю, значит, все в порядке. Сейчас мы его испробуем.

Он притащил обломок базальта довольно солидных размеров и обвязал его веревкой — той самой, с помощью которой мы взбились на пирамидальный утес. Она была футов в сто длиной и хоть не толстая, но очень крепкая. Потом нам было продемонстрировано нечто вроде кожаного ошейника с длинными стропами. Челленджер водрузил этот ошейник на воздушный шар, собрал в пучок свисающие вниз стропы так, чтобы тяжесть груза распределялась равномерно по всей поверхности, привязал к ним обломок базальта, а конец веревки намотал себе на руку.

— Сейчас я покажу вам грузоподъемность моего аппарата, — объявил он, заранее предвкушая свое торжество, и с этими словами перерезал туго натянутые ремни. Никогда еще наша экспедиция не была так близка к гибели, причем в полном своем составе. Наполненная газом оболочка стремительно рванулась вверх, увлекая за собой Челленджера. Я едва успел обхватить его за талию и взмыл в воздух следом за ним. Лорд Джон словно зашелкнул капкан у меня на щиколотках, и его ноги тоже оторвались от земли. На секунду я представил себе мысленно, как четверо отважных путешественников, подобно гирлянде сосисок, повиснут над страной, тайны которой они тшились разгадать. Но, к счастью, прочность веревки имела какой-то предел, чего, по-видимому, нельзя было сказать о подъемной силе этого дьявольского аппарата. Раздался треск, и наша троица камнем рухнула на землю. Пугаясь в оборвавшейся веревке, мы с трудом поднялись на ноги и увидели, как обломок базальта стремительно уходит ввысь, сле заметной точкой чернея в ярко-голубом небе.

— Блестяще! — воскликнул неунывающий Челленджер, потирая ушибленную руку. — Опыт удался как нельзя лучше. Я сам не рассчитывал на такой успех. Обещаю вам, джентльмены, что новый шар будет готов через неделю, и мы совершенно спокойно проделаем на нем первый этап нашего обратного путешествия на родину.

До сих пор записи в моем дневнике велись от события к событию, а теперь, когда нам ничто не угрожает, когда все наши невзгоды миновали, как сон, я заканчиваю свое повествование в том самом лагере у подножия красных скал, где Самбо так ждал нас.

Спуск вниз прошел без всяких осложнений, но кто мог предполагать, что все это получится именно так? Через полтора-два месяца мы будем в Лондоне, и, может быть, мое письмо ненадолго опередит меня. Всеми своими чувствами и помыслами мы уже дома, в родном городе, где осталось столько дорогого, любимого для каждого из нас.

Перелом в нашей судьбе наступил в тот день, когда Челленджер проделал свой рискованный опыт с самодельным воздушным шаром. Я уже говорил, что единственным человеком, который со-

чувствовал нашим попыткам выбраться с плато, был спасенный нами юноша, сын старого вождя. Мы поняли по его выразительной жестикуляции, что он не хочет задерживать нас против воли в чужой нам стране.

В тот вечер, уже затемно, Маретас незаметно прокрался в лагерь, протянул мне небольшой свиток древесной коры (он почему-то всегда предпочитал иметь дело со мной, может быть, потому, что я был примерно одного с ним возраста), потом величественно повел рукой, показывая на пещеры, торжественно приложил палец к губам в знак молчания и так же незаметно ушел к своим.

Я сел поближе к костру, и мы внимательно рассмотрели врученный мне свиток. На внутренней белой стороне этого квадратного куска древесной коры размером фут на фут были нарисованы углем палочки, напоминающие безлинейное нотное письмо.

— Вы обратили внимание, какой у него был многозначительный вид? — спросил я товарищей. — Это что-то очень важное для нас.

— А может быть, дикарь решил разыграть с нами милую шуточку? — сказал Саммерли. — С таких элементарных развлечений, вероятно, начинается развитие человека.

— Это какой-то шифр, — сказал Челленджер.

— Или ребус, — подхватил лорд Джон, заглядывая мне через плечо, и вдруг вырвал кусок коры у меня из рук. — Честное слово, я, кажется, разгадал его! Юноша прав. Смотрите. Сколько здесь этих палочек? Восемнадцать. А сколько пещер по ту сторону склона? Тоже восемнадцать?

— И в самом деле! Ведь он на них и показывал! — сказал я.

— Значит, правильно. Это план пещер. Смотрите, всего восемнадцать палочек — есть короткие, есть длинные, а некоторые раздваиваются. Под одной крестик. Зачем? Вероятно, затем, чтобы выделить одну пещеру, которая глубже остальных.

— Сквозную! — крикнул я.

— Наш юный друг, по-видимому, прав, — поддержал меня Челленджер. — В противном случае зачем этому индейцу понадобилось бы отмечать ее крестиком? Ведь у него есть все основания относиться к нам благожелательно. Но если пещера действительно сквозная и выходит с той стороны на таком же уровне, то до земли там не больше ста футов.

— Тридцать метров — сущие пустяки! — проворчал Саммерли.

— Но ведь наша веревка длиннее! — воскликнул я. — Мы спустимся без всякого труда.

— А про индейцев вы забыли? — не сдавался Саммерли.

— Эти пещеры нежилые, — сказал я. — Они служат складами и амбарами. Давайте поднимемся туда сейчас же и произведем разведку.

На плато растет крепкое смолистое дерево — вид араукарии, по словам нашего ботаника, — ветки которого идут у индейцев на факелы. Мы взяли каждый по охапке таких веток и поднялись по замшелым ступенькам в пещеру, отмеченную на плане крестиком. Как я и предполагал, она оказалась необитаемой, если не считать множества огромных летучих мышей, которые с громким хлопанием крыльев все время кружили у нас над головой. Не желая привлекать внимания индейцев, мы долго брели в темноте, нащупывая какие-то повороты, углы, и, только отойдя довольно далеко от входа, зажгли факелы. Нашим взорам открылся сухой, усыпанный белым гравием туннель со сводчатым потолком и гладкими серыми стенами, покрытыми изображениями животных. Мы устремились вперед, и вдруг все разочарованно вскрикнули: перед нами встала сплошная каменная стена — ни щели, ни трещинки, мышонки, и тот не проберется. Выхода здесь не было.

Мы с тоской смотрели на неожиданное препятствие, преградившее нам путь. Эта стена ничем не отличалась от боковых стен туннеля, следовательно, обвала здесь не было, как в том уже знакомом нам подземном ходе. Это был самый настоящий тупик и ничего больше.

— Не огорчайтесь, друзья, — сказал неунывающий Челленджер. — Ведь я обещал вам второй воздушный шар.

Саммерли застонал.

— Может быть, мы ошиблись пещерой? — сказал я.

— Бросьте, юноша! — Лорд Джон провел пальцем по плану. — Семнадцатая пещера справа, она же вторая слева. Нет, ошибки быть не могло.

Я взглянул на крестик и вдруг вскрикнул, сам не свой от радости.

— Знаю! Знаю! Идите за мной, скорее! — И, подняв факел над головой, бросился назад. — Вот здесь! — Я показат~~на~~на обгорелые спички, валявшиеся на песке. — Вот здесь мы зажгли факелы.

— Совершенно верно.

— Но ведь на рисунке ясно показано, что пещера разветвляется! Значит, мы просто-напросто прозевали в темноте это место. Будем держаться правой стороны, и я уверен, что мы найдем его.

Как я говорил, так и вышло. Ярдов через тридцать в стене зачернело большое отверстие. Мы свернули в него и очутились в гораздо более широком туннеле. Нетерпение гнало нас вперед. Сотня ярдов, другая, третья... и вдруг впереди забрезжил красноватый свет. Что бы это могло быть? Ровное, немигающее пламя загоразивало нам путь. Мы ускорили шаги. Жара от этого огня не чувствовалось. Все было тихо, ни шороха, ни звука... А между тем огненная завеса не исчезала, и ее сияние серебром заливало туннель, превращая белый песок в блистающие алмазы. Мы подошли еще ближе, и край завесы четко закруглился у нас на глазах.

— Это луна, клянусь вам! — крикнул лорд Джон. — Мы свободны, друзья! Свободны!

И действительно, в пролом, выходявший на ту сторону горного кряжа, светила полная луна. Пролом оказался небольшой, величиной с окно, но нам и этого было достаточно. Выглянув из него, мы увидели, что спуск будет не особенно трудный и что до земли недалеко. Разглядеть этот лаз при обходе плато нам, конечно, никогда бы не удалось. Кому бы пришло в голову искать место для подъема именно здесь, среди низко нависших скал? Мы убедились, что отсюда можно будет спуститься по веревке, и, счастливые, вернулись в лагерь готовиться к завтрашнему вечеру.

Действовать надо было тайно и без всякого промедления, так как индейцы могли задержать нас даже в последнюю минуту. Мы решили бросить все свое снаряжение, кроме оружия и патронов. Правда, у Челленджера было несколько громоздких вещей, которые он во что бы то ни стало хотел взять с собой, и одна из них доставила нам особенно много хлопот. Но об этом я пока что не могу распространяться.

День тянулся бесконечно долго, но вот наконец стемнело. У нас все было готово. Соблюдая всяческую осторожность, мы втащили свои пожитки вверх по ступенькам, остановились у входа в

пещеру и бросили последний взгляд на эту загадочную, окутанную для нас романтической дымкой страну, которую, боюсь, скоро наводнят охотники и всяческие исследователи, страну, где мы много дерзали, где нам много пришлось перенести и многому научиться, — нашу страну, как мы всегда будем любовно называть ее.

Слева от нас соседние пещеры бросали в темноту веселые красноватые отблески костров. Снизу доносились голоса, смех и пение индейцев. Вдали стеной вставала лесная чаща, а между ней и скалистой грядой искрилось большое озеро — обитель диковинных чудовищ. Вот в темноте прозвенел пронзительный зов какого-то зверя. Это был голос Страны Мепл-Уайта, славшей нам свое последнее «прости». Мы повернулись и вошли в пещеру, через которую пролегал наш путь домой.

Через два часа мы сами и все наши пожитки были уже у подножия горного кряжа. Спуск прошел благополучно, если не считать возни с вещами Челленджера. Оставив всю поклажу на месте, мы отправились налегке к стоянке Самбо. Каково же было наше изумление, когда при свете раннего утра перед нами открылась равнина, на которой пылал не один костер, а по меньшей мере десять! Спасательная партия все-таки пришла. Она состояла из двадцати индейцев с Амазонки, доставивших сюда шесты, канаты и все, что требовалось для переброски моста через пропасть. Уж теперь-то у нас не будет никаких затруднений с доставкой багажа к берегам Амазонки, куда мы двинемся завтра утром!

На этом, благодарный судьбе, я заканчиваю свой рассказ. Глаза наши не переставали дивиться чудесам, души очистились, закаленные тяжелыми испытаниями. Все мы, каждый на свой лад, стали лучше, серьезнее.

Возможно, что в Паре нам придется сделать остановку, так как надо обзавестись всем необходимым для дальнейшего путешествия. В таком случае это письмо опередит меня на один трансатлантический рейс. Если же мы сразу отправимся в путь, то оно будет в Лондоне одновременно с нами. Так или иначе, дорогой мой мистер Мак-Арди, я надеюсь скоро пожать вашу руку.

Глава 16

На улицу! На улицу!

Я считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем нашим друзьям с Амазонки, которые так радушно нас приняли и проявили к нам столько внимания. Особую благодарность заслуживает сеньор Пеналоса и другие должностные лица бразильского правительства, чья помощь обеспечила нам возвраще-

ние домой, а также сеньор Перейра из города Пары, предусмотрительно заготовивший для нас все необходимое по части одежды, так что теперь нам не стыдно будет появиться в цивилизованном мире.

К сожалению, мы плохо отплатили нашим благодетелям за их гостеприимство. Но что же делать! Пользуюсь случаем заверить тех, кто вздумает отправиться по нашим следам в Страну Мепл-Уайта, что это будет только потеря времени и денег. В своих рассказах мы изменили все названия, и, как бы вы ни изучали отчеты экспедиции, все равно вам не удастся даже близко подойти к тем местам.

Мы думали, что повышенный интерес к нам в Южной Америке носит чисто местный характер, но кто мог предположить, какую сенсацию произведут в Европе первые неясные слухи о наших приключениях! Оказывается, нами интересовался не только ученый мир, но и широкая публика, хотя мы узнали об этом сравнительно поздно.

Когда «Иберния» была уже в пятидесяти милях от Саутгемптона, беспроволочный телеграф начал передавать нам депешу за депешей от разных газет и агентств, которые предлагали колоссальные гонорары хотя бы за самое краткое сообщение о результатах экспедиции. Однако долг обязывал нас прежде всего отчитаться перед Зоологическим институтом, поручившим нам произвести расследование, и, посоветовавшись между собой, мы отказались давать какие-либо сведения в печать. Саутгемптон кишел репортерами, но они ничего не добились от нас, и поэтому легко себе представить, с каким интересом публика ждала заседания, назначенного на вечер 7 ноября.

Зал Зоологического института — тот самый, где создали комиссию расследования, — был признан недостаточно вместительным, и заседание пришлось перенести в Куинс-Холл на Риджент-стрит. Теперь уже никто не сомневается, что если бы даже устроители сняли Альберт-Холл, то он тоже не вместил бы всех желающих.

Знаменательное заседание было назначено на второй вечер после нашего приезда в Лондон. Предполагалось, что первый день уйдет у нас на личные дела. О своих я пока умалчиваю. Пройдет время, и, может быть, мне будет легче думать и даже говорить обо всем этом. В начале своего повествования я раскрыл читателю, какие силы побудили меня к действию. Теперь, пожалуй, следует показать, чем все это кончилось. Но ведь наступит же время, когда я скажу себе, что жалеть не о чем. Те силы толкнули меня на этот путь, и по их воле я узнал цену настоящим приключениям.

А теперь перейду к последнему событию, завершившему нашу эпопею. Когда я ломал себе голову, как бы получше описать его,

взгляд мой упал на номер «Дейли-газетт» от 8 ноября, в котором был помещен подробнейший отчет о заседании в Зоологическом институте, написанный моим другом и коллегой — Макдона. Приведу его здесь полностью, начиная с заголовка, — ведь все равно лучше ничего не придумашь. Наша «Дейли», гордая тем, что в экспедиции принимал участие ее собственный корреспондент, удела особенно много места событиям в Зоологическом институте, но другие крупные газеты тоже не оставили их без внимания.

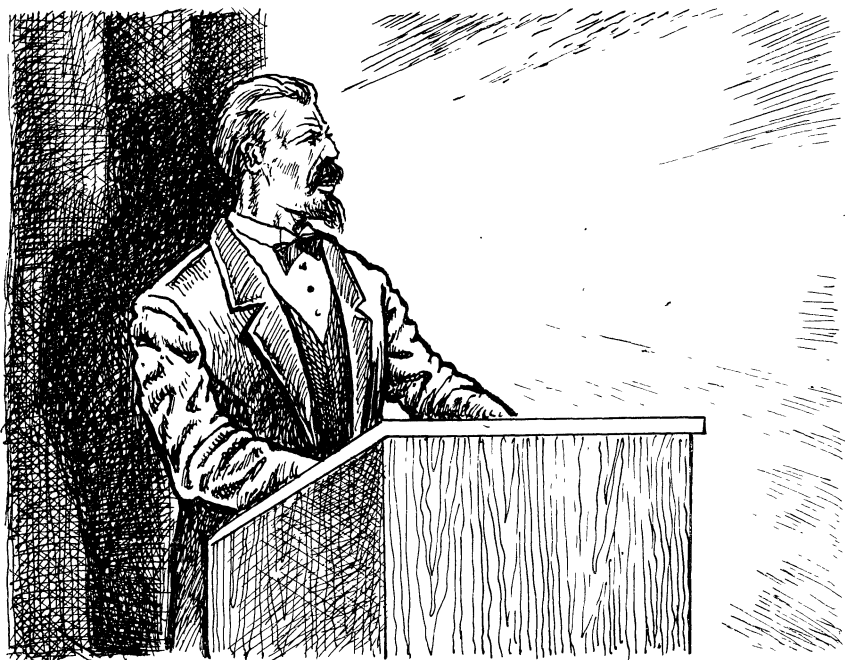
Итак, предоставляю слово моему другу Макдона:

НОВЫЙ МИР
МНОГОЛЮДНОЕ СОБРАНИЕ В КУИНС-ХОЛЛЕ
БУРНЫЕ СЦЕНЫ В ЗАЛЕ
НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
ЧТО ЭТО БЫЛО?
НОЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НА РИДЖЕНТ-СТРИТ

(От нашего специального корреспондента)

«Долгожданное заседание Зоологического института, на котором был заслушан отчет комиссии, посланной год назад в Южную Америку проверить сведения, сообщенные профессором Челленджером, о наличии форм доисторической жизни на этом материке, состоялось вчера в Куинс-Холле, и мы смело можем сказать: этот день войдет в историю науки, ибо события его носили столь необычайный и сенсационный характер, что вряд ли они когда-либо изгладятся из памяти присутствующих. (О мой собрат по перу, Макдона! Какая чудовищно длинная вступительная фраза!)

Официально пригласительные билеты распространялись только среди членов института и близких к ним лиц, но, как известно, последнее понятие весьма растяжимо, и поэтому большой зал Куинс-Холл был набит битком задолго до начала заседания, назначенного на восемь часов. Однако широкая публика, без всяких на то оснований считающая себя обиженной, штурмом взяла двери зала после продолжительной схватки с полицией, во время которой пострадало несколько человек, в том числе инспектор Скэбл, получивший перелом ноги. Включая этих бунтовщиков, заполнивших не только все проходы, но и места, отведенные для представителей печати, прибытия путешественников ожидало, по приблизительному подсчету, не менее пяти тысяч человек. Когда они наконец появились, их провели на эстраду, где к тому времени собрались крупнейшие ученые не только Англии, но и Франции и Германии. Швеция также была представлена в лице знаменитого зоолога, профессора Упсальского университета господина Сергиуса. Появление четырех героев дня было встречено овацией: весь зал поднялся, как один человек, и приветствовал их криками и аплодисментами. Впрочем, внимательный наблюда-

тель мог уловить некую диссонирующую нотку в этой буре восторга и сделать отсюда вывод, что собрание будет протекать не совсем мирно. Но того, что произошло в действительности, никто из присутствующих предугадать не мог.

Описывать здесь внешность наших четырех путешественников нет никакой нужды, поскольку их фотографии помещены во всех газетах. Тяжелые испытания, которые, как говорят, им пришлось перенести, мало отразились на них, хотя они покидали наши берега совсем не такими загорелыми. Борода профессора Челленджера стала, пожалуй, еще пышнее, черты лица профессора Саммерли немного суше, лорд Джон Рокстон чуть похудел, но, в общем, состояние их здоровья не оставляет желать ничего лучшего. Что же касается представителя нашей газеты, известного спортсмена и игрока в регби международного класса Э. Д. Мелоуна, то он в полной форме, и его честная, но не блестящая красотой физиономия так и сияет благодушной улыбкой. (Ладно, Мак, только попадись мне!)

Когда тишина была восстановлена и все расселись по местам, председательствующий, герцог Дархемский, обратился к собранию с речью. Герцог сразу же заявил, что, поскольку аудитории предстоит встреча с самими путешественниками, он не намерен задерживать ее внимание и предвосхищать доклад профессора Саммерли, председателя комиссии расследования, труды которой,

судя по имеющимся сведениям, увенчались блестящим успехом. (*Аплодисменты.*) По-видимому, век романтики не миновал, и пылкая фантазия поэта все еще может опираться на твердую основу науки. «В заключение, — сказал герцог, — мне остается лишь выразить свою радость — и в этом меня, несомненно, поддержат все присутствующие, — что джентльмены вернулись здоровы и невредимы из своего трудного и опасного путешествия, ибо с гибелью этой экспедиции наука понесла бы почти невознагражденные потери». (*Шумные аплодисменты, к которым присоединяется и профессор Челленджер.*)

Появление на кафедре профессора Саммерли снова вызвало бурю восторга, и речь его то и дело прерывалась рукоплесканиями. Мы не будем приводить ее дословно, так как подробный отчет о работах экспедиции, принадлежащий перу нашего корреспондента, будет выпущен «Дейли-газетт» специальной брошюрой. Поэтому ограничимся лишь кратким изложением доклада профессора Саммерли.

Напомнив собранию, каким образом возникла мысль о посылке экспедиции, оратор воздал должное профессору Челленджеру и принес ему свои извинения за былое недоверие к его словам, теперь полностью подтвержденным. Затем он набросал в общих чертах маршрут путешествия, тщательно избегая каких-либо указаний, которые могли бы послужить справкой о географическом положении этого необычайного плато; описал в немногих словах переход от берегов Амазонки к горному кряжу и буквально потряс слушателей рассказом о многократных попытках экспедиции подняться на плато, обошедшихся им в конце концов ценой жизни двух преданных проводников-метисов. (Этим неожиданным толкованием событий мы были обязаны Саммерли, который хотел избежать некоторых щекотливых вопросов.)

Поднявшись со своими слушателями на вершину горного кряжа и заставив их почувствовать, что значил для четырех путешественников обвал моста — единственной их связи с внешним миром, профессор приступил к описанию ужасов и прелестей этой необычайной страны. О своих приключениях он говорил мало, но старался всячески подчеркнуть, какой богатейший вклад в науку сделала экспедиция, ведя наблюдения над представителями животного и растительного царства плато. Мир насекомых там особенно богат жесткокрылыми и чешуйчатокрылыми, и в течение нескольких недель экспедиции удалось определить сорок шесть видов первого семейства и девяносто четыре — второго. Но, как и следовало ожидать, публика интересовалась главным образом крупными животными, в особенности теми, которые считаются давно вымершими. Профессор дал длинный перечень таких доисторических чудовищ, уверив своих слушателей, что этот список может быть значительно дополнен после тщательного изучения

плато. Ему и его спутникам удалось видеть собственными глазами, правда, большей частью издали, по крайней мере с десятков животных, до сих пор неизвестных науке. Со временем они, безусловно, будут должным образом изучены и классифицированы. В виде примера профессор привел темно-пурпурную змею длиной в пятьдесят один фут, некое белое существо, по всей вероятности, млекопитающее, которое излучает в темноте фосфорический свет, и огромную черную бабочку, укусы этой бабочки, по словам индейцев, ядовиты.

Помимо совершенно новых видов живых существ, плато изобилует известными науке доисторическими животными; некоторых из них следует отнести к раннему юрскому периоду. Тут был назван исполинский стегозавр, попавшийся однажды мистеру Мелону у водопада на озере. Такой же точно зверь был зарисован в альбоме американского художника, проникшего в этот неведомый мир еще до экспедиции. Профессор Саммерли описал также игуанодона и птеродактиля — первых двух чудовищ, встретившихся им на плато, и привел слушателей в содрогание, рассказав о самых страшных хищниках, населявших этот мир, — о динозаврах, которые не раз преследовали то одного, то другого члена экспедиции. Далее профессор подробно говорил об огромной свирепой птице фороракосе и об исполинских лосях, все еще встречающихся на плоскогорьях той страны.

Но восторг аудитории достиг высшего предела, когда профессор поведал ей тайны центрального озера. Слушая спокойную речь этого трезвого ученого, хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон, что ты наяву слышишь о трехглазых рыбообразных ящерах и гигантских водяных змеях, обитающих в этих загадочных глубинах.

Далее он перешел к описанию туземцев и племени человекообразных обезьян, которые, по-видимому, представляют собой результат эволюции яванского питекантропа, а следовательно, более, чем любой другой вид животного мира, приближаются к гипотетическому существу, известному как «недостающее звено между обезьяной и человеком».

Наконец, профессор развеселил аудиторию, описав остроумный, но чрезвычайно опасный воздухоплавательный аппарат — изобретение профессора Челленджера, и в заключение своего необычайно интересного доклада рассказал, каким образом экспедиции удалось вернуться в цивилизованный мир.

Предполагалось, что на этом заседание и закончится и что предложенная профессором Сергиусом резолюция с выражением благодарности членам комиссии расследования будет должным образом проголосована и принята. Однако дальнейшие события развивались отнюдь не гладко. С самого начала заседания враждебно настроенная часть публики то и дело напоминала о себе, а как

только профессор Саммерли кончил доклад, доктор Джеймс Иллингворт из Эдинбурга поднялся с места и обратился к председателю с вопросом: не следует ли до голосования резолюции обсудить поправку к ней?

Председатель. Да, сэр, если таковая имеется.

Доктор Иллингворт. Поправка у меня есть, ваша светлость.

Председатель. В таком случае огласите ее.

Профессор Саммерли (*вскакивая с места*). Ваша светлость, разрешите довести до всеобщего сведения, что этот человек — мой личный враг еще с тех пор, как мы с ним вели полемику на страницах журнала «Научное обозрение».

Председатель. Вопросы личного порядка нас не касаются. Продолжайте, доктор Иллингворт.

Друзья наших путешественников подняли такой шум, что доктора Иллингворта временами почти не было слышно. Кое-кто даже пытался стащить его с кафедры. Но, обладая недюжинной силой и мощным голосом, доктор Иллингворт преодолел все препятствия и довел свою речь до конца. С той минуты, как он поднялся с места, всем стало ясно, что у него много сторонников в зале, правда, составляющих меньшинство аудитории. Значительная же часть публики была настроена выжидательно и пока что сохраняла нейтралитет.

Для начала профессор Иллингворт заверил профессора Челленджера и профессора Саммерли в своем глубочайшем уважении к их научной деятельности, но далее с прискорбием отметил, что его поправку к резолюции почему-то объясняют какими-то личными мотивами, тогда как на самом деле им руководит исключительно стремление к истине. В сущности, он занимает сейчас ту же позицию, какую занимал на прошлом заседании профессор Саммерли. Профессор Челленджер выдвинул тогда ряд тезисов, которые были взяты под сомнение его коллегой. Теперь этот самый коллега выступает с точно такими же утверждениями и рассчитывает, что их никто не будет оспаривать. Логично ли это? (*Крики: «Да!», «Нет!».* В ложе, отведенной представителям печати, слышно, как профессор Челленджер просит у председателя разрешения выставить доктора Иллингворта за дверь.) Год назад один человек утверждал весьма странные вещи. Теперь то же самое, и, пожалуй, в еще большей степени, делают четыре человека. Но разве это может служить решающим фактором там, где речь идет чуть ли не о перевороте в науке?

У всех на памяти случай, когда путешественники возвращались из далеких, никому не ведомых краев и распространяли всякие небылицы, которым слишком охотно верили. Неужели лондонский Зоологический институт хочет оказаться в положении легковера? Члены комиссии расследования — весьма достойные

люди, этого никто не станет отрицать. Но человеческая натура чрезвычайно сложна. Желание выдвинуться может совратить с пути истинного любого профессора. Все мы, словно бабочки, летим на огонек славы. Охотники за крупной дичью не прочь погрешить против истины в пику своим соперникам, а журналисты так падки на всяческие сенсации, что сплосне и рядом призывают на помощь фактам свое богатое воображение. У каждого из членов комиссии могли оказаться свои мотивы, руководствуясь которыми они раздули результаты экспедиции. («Позор! Стыдитесь!») Он никого не желает оскорблять («Однако оскорбляет!» *Шум в зале.*) ...но доказательства, представленные в подтверждение всех этих чудес, носят чрезвычайно легковесный характер. К чему они сводятся? К нескольким фотографическим снимкам. Но в наше время искусство фальсификации достигло такого высокого уровня, что на одни фотографии полагаться нельзя. Чем же еще стараются нас убедить? Рассказом о поспешном бегстве и о спуске по канату, что якобы помешало членам экспедиции захватить с собой более крупные образцы фауны этой чудесной страны? Остроумно, но не очень убедительно. Было сказано, что у лорда Джона Рокстона имеется череп фороракоса. Но где он? Любопытно было бы взглянуть на него.

Лорд Джон Рокстон. Этот человек, кажется, обвиняет меня во лжи? (*Шум в зале.*)

Председатель. Тише! Тише! Доктор Иллингворт, будьте добры сформулировать свою поправку.

Доктор Иллингворт. Я подчиняюсь, хотя мне хотелось бы сказать еще кое-что. Итак, мое предложение сводится к следующему: поблагодарить профессора Саммерли за его интересный доклад, но сообщенные им факты считать недоказанными и поручить проверку их другой, более авторитетной комиссии.

Трудно описать, какое смятение вызвали в зале эти слова. Большинство присутствующих, возмущенное таким поклепом на наших путешественников, требовало: «Долой поправку!», «Не голосуйте ее!», «Вон его отсюда!» В то же время недовольные, а их было немало, поддерживали доктора Иллингворта и оглушительно кричали: «Это нечестно!» «Председатель! Призовите к порядку!» На задних скамьях, где сидели студенты-медики, началась потасовка, были пущены в ход кулаки. Всеобщую свалку предотвратило только присутствие дам среди публики. И вдруг крики смолкли, в зале наступила полная тишина. На эстраде стоял профессор Челленджер. Внешность и манеры этого человека производят настолько внушительное впечатление, что стоило только ему поднять руку, как все уселись по местам и приготовились слушать его.

— Многие из присутствующих, вероятно, помнят, — начал профессор Челленджер, — что подобные непристойные сцены разыг-

рались и на первом нашем заседании. В тот раз главным моим обидчиком был профессор Саммерли, и, хотя теперь он исправился и покаялся в грехах, все же этот инцидент не может быть предан забвению. Сегодня мне пришлось услышать еще более оскорбительные выпады со стороны лица, только что покинувшего эстраду. Я с величайшим трудом заставлял себя снизить до интеллектуального уровня данного лица, но это нужно сделать, дабы устранить сомнения, которые, может быть, еще сохранились у некоторых из здесь присутствующих. *(Смех, шум, крики из задних рядов.)*

Профессор Саммерли выступал здесь как глава комиссии расследования, но вряд ли нужно напоминать вам, что подлинным вдохновителем всего дела являюсь я и что наша поездка увенчалась успехом главным образом благодаря мне. Я довел этих троих джентльменов до нужного места и, как вы уже слышали, убедил их в правильности моих утверждений. Мы не рассчитывали, что наши совместные выводы будут оспариваться с тем же невежеством и упорством. Но, наученный горьким опытом, я вооружился на сей раз кое-какими доказательствами, которые смогут убедить всякого здравомыслящего человека. Профессор Саммерли уже говорил здесь, что наши фотокамеры побывали в лапах человекообезьян, разгромивших весь наш лагерь, и что большинство негативов погибло. *(Шум, смехи, с задних скамей кто-то кричит: «Расскажите это вашей бабушке!»)* Кстати, о человекообезьянах. Не могу не отметить, что звуки, которые доходят сейчас до моего слуха, весьма живо напоминают мне наши встречи с этими любопытными существами. *(Смех.)*

Несмотря на то, что многие ценные негативы были уничтожены, все же некоторое количество фотографий у нас осталось и по ним вполне можно судить об условиях жизни на плато. Есть ли у кого-нибудь из присутствующих сомнения в их подлинности? *(Чей-то голос: «Да!»)* *Общее волнение, заканчивающееся тем, что нескольких человек выводят из зала.)*

Негативы предложены вниманию экспертов. Какие же еще доказательства может представить комиссия? Ей пришлось бежать с плато, и поэтому она не могла обременять себя каким бы то ни было грузом, но профессору Саммерли удалось спасти свою коллекцию бабочек и жуков, а в ней имеется много новых разновидностей. Разве этого недостаточно? *(Несколько голосов: «Нет! Нет!»)* Кто сказал «нет»?

Доктор Иллингворт *(поднимаясь с места)*. Мы считаем, что коллекцию можно было собрать где угодно, а не обязательно на вашем доисторическом плато. *(Аплодисменты.)*

Профессор Челленджер. Без сомнения, сэр, слово такого крупного ученого, как вы, для нас закон. Однако оставим фотографии и энтомологическую коллекцию и перейдем к вопросам,

которые никогда и никем не освещались. У нас, например, имеются совершенно точные сведения о птеродактилях. Образ жизни этих животных... (Крики: «Вздор!» Шум в зале.) Я говорю, образ жизни этих животных станет вам теперь совершенно ясен. В моем портфеле лежит рисунок, сделанный с натуры, на основании которого...

Доктор Иллингворт. Рисунки нас ни в чем не убедят!

Профессор Челленджер. Вы хотели бы видеть самую натуру?

Доктор Иллингворт. Несомненно!

Профессор Челленджер. И тогда вы поверите мне?

Доктор Иллингворт (со смехом). Тогда? Ну еще бы!

И тут мы подошли к самому волнующему и драматическому эпизоду вечера — эпизоду, эффект которого навсегда останется непревзойденным. Профессор Челленджер поднял руку, наш коллега мистер Э. Д. Мелоун тотчас же встал с места и направился в глубь эстрады. Минуту спустя он снова появился в сопровождении негра гигантского роста; они несли вдвоем большой квадратный ящик, по-видимому, очень тяжелый. Ящик был поставлен у ног профессора. Публика замерла, с напряжением следя за происходящим. Профессор Челленджер снял выдвижную крышку с ящика, заглянул внутрь и, прищелкнув несколько раз пальцами, сказал умильным голосом (в журналистской ложе были прекрасно слышны его слова): «Ну, выходи, малыш, выходи!» Послышалась какая-то возня, царапанье, и тут же вслед за этим невообразимо страшное, омерзительное существо вылезло из ящика и уселось на его краю. Даже неожиданное падение герцога Дархемского в оркестровую яму не отвлекло внимания пораженной ужасом публики. Хищная голова этого чудовища с маленькими, пылающими, словно угли, глазами невольно заставила вспомнить страшных хищников, которые могли зародиться только в воображении средневековых художников. Его полуоткрытый длинный клюв был усажен двумя рядами острых зубов. Вздернутые плечи прятались в складках какой-то грязно-серой шали. Словом, это был тот самый дьявол, которым нас пугали в детстве.

Публика пришла в смятение — кто-то вскрикнул, в переднем ряду две дамы упали в обморок, ученые на эстраде проявили явное стремление последовать за председателем в оркестр. Казалось, еще секунда, и общая паника охватит зал.

Профессор Челленджер поднял руку над головой, стараясь успокоить публику, но это движение испугало сидевшее рядом с ним чудовище. Оно расправило серую шаль, которая оказалась не чем иным, как парой перепончатых крыльев. Профессор ухватил его за ноги, но удержать не смог. Чудовище взвилось с ящика и медленно закружило по залу, с сухим шорохом взмахивая десятифутовыми крыльями и распространяя вокруг себя ужасающее

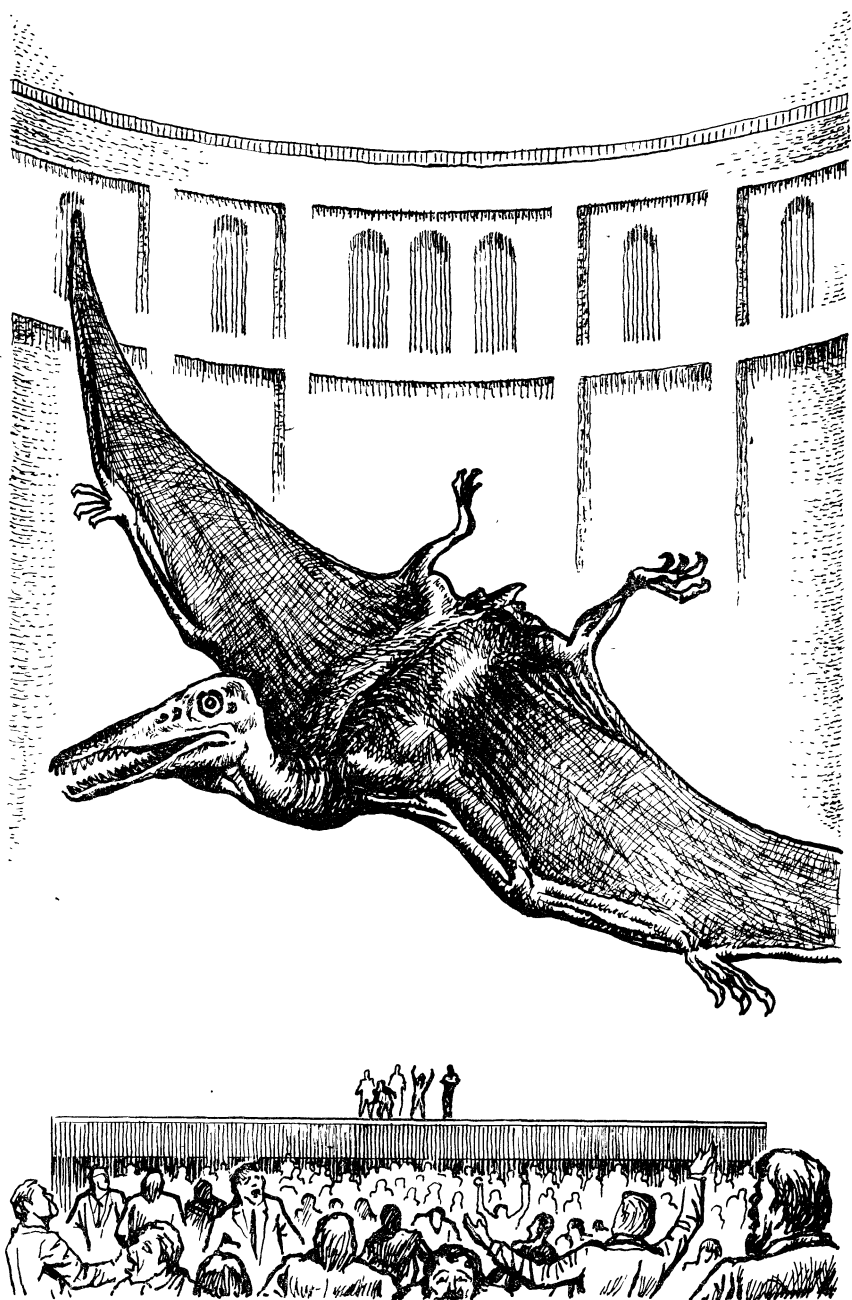
зловоние. Вопли публики на галерее, до смерти перепуганной близостью этих горящих глаз и огромного клюва, привели его в полное смятение. Оно все быстрее и быстрее металось по залу, натыкаясь на стены и люстры, и, видимо, совсем обезумело от страха. «Окно! Ради всего святого, закройте окно!» — кричал профессор, приплясывая от ужаса и ломая руки. Увы, он спохватился слишком поздно. Чудовище, бившееся о стены, словно огромная бабочка о колпак лампы, поравнялось с окном, протиснуло в него свое уродливое тело... и только мы его и видели. Профессор закрыл лицо руками и упал в кресло, а зал облегченно охнул, как один человек, убедившись, что опасность миновала.

И тут... Но разве можно описать, что происходило в зале, когда восторг сторонников и смятение недавних противников Челленджера слились воедино и мощная волна ликования прокатилась от задних рядов к оркестровой яме, захлестнула эстраду и подняла наших героев на своем гребне! (Молодец, Мак!) Если до сих пор аудитория была несправедлива к четверем отважным путешественникам, то теперь она постаралась искупить свою вину. Все вскочили с мест. Все двинулись к эстраде, крича, размахивая руками. Героев окружили плотным кольцом. «Качать их! Качать!» — раздались сотни голосов. И вот четверо путешественников взлетели над толпой. Все их попытки высвободиться были тщетны! Да они при всем желании не могли бы опуститься наземь, так как люди стояли на эстраде сплошной стеной.

«На улицу! На улицу!» — кричали кругом.

Толпа пришла в движение, и людской поток медленно двинулся к дверям, унося с собой четырех героев. На улице началось нечто невообразимое. Там собралось не менее ста тысяч человек. Люди стояли плечом к плечу от Ленгем-отеля до Оксфордской площади. Как только яркий свет фонарей у подъезда озарил четырех героев, плывущих над головами толпы, воздух дрогнул от приветственных криков. «Процессией по Риджент-стрит!» — дружно требовали все. Запрудив улицу, шеренги двинулись вперед, по Риджент-стрит, на Пэл-Мэл, Сейнт-Джеймс-стрит и Пикадилли. Движение в центре Лондона приостановилось. Между демонстрантами, с одной стороны, полицией и шоферами — с другой, произошел ряд столкновений. Наконец, уже после полуночи толпа отпустила четырех путешественников, доставив их в Олбени, к дверям квартиры лорда Джона Рокстона, спела им на прощание «Наши славные ребята» и завершила программу гимном. Так закончился этот вечер — один из самых замечательных вечеров, которые знал Лондон за многие годы».

Так писал мой друг Макдона, и, несмотря на цветистость его слога, ход событий изложен в этом отчете довольно точно. Что же касается самой большой сенсации, то она поразила своей неожиданностью только публику, но не нас, участников экспедиции.

Читатель, разумеется, не забыл моей встречи с лордом Джоном Рокстоном, когда он, напялив на себя нечто вроде кринолина, отправился добывать «цыпленочка» для профессора Челленджера. Вспомните также намеки на те хлопоты, которые причинял нам багаж Челленджера при спуске с плато. Если бы я вздумал продолжить свой рассказ, то в нем было бы отведено немало места описанию возни с нашим не совсем аппетитным спутником, которого приходилось ублажать тухлой рыбой. Я умолчал о нем, ибо профессор Челленджер опасался, как бы слухи об этом неопровержимом аргументе не просочились в публику раньше той минуты, когда он воспользуется им, чтобы повергнуть в прах своих врагов.

Несколько слов о судьбе лондонского птеродактиля. Ничего определенного тут установить не удалось. Две перепуганные женщины утверждают, будто бы видели его на крыше Куинс-Холла, где он восседал несколько часов подряд, подобно какой-то чудовищной статуе. На следующий день в вечерних газетах появилась короткая заметка следующего содержания: гвардеец Майлз, стоявший на часах у Мальборо-Хауса, покинул свой пост и был за это предан военному суду. На суде Майлз показал, что во время ночного дежурства он случайно посмотрел вверх и увидел черта, заслонившего от него луну, после чего сбросил винтовку и пустился наутек по Нэл-Мэл. Показания подсудимого не были приняты во внимание, а между тем они могут находиться в прямой связи с интересующим нас вопросом.

Добавлю еще одно свидетельство, почерпнутое мной из судового журнала парохода американо-голландской линии «Фрисланд». Там записано, что в девять часов утра следующего дня, когда Старт-Пойнт был в десяти милях со штирборта, над судном, держа путь на юго-запад, со страшной быстротой пронеслось нечто среднее между крылатым козлом и огромной летучей мышью. Если инстинкт правильно указал дорогу нашему птеродактилю, то не может быть сомнений, что он встретил свой конец где-нибудь в пучинах Атлантического океана.

А моя Глэдис? Глэдис, чье имя было дано таинственному озеру, которое отныне будет называться Центральным, ибо теперь я уже не хочу даровать ей бессмертие. Не замечал ли я и раньше признаков черствости в натуре этой женщины? Не чувствовал ли, с гордостью повинуюсь ее велению, что немногого стоит та любовь, которая шлет человека на верную смерть или заставляет его рисковать жизнью? Не боролся ли с вечно возвращавшейся ко мне мыслью, что в этой женщине прекрасен лишь облик, что душу ее омрачает тень себялюбия и непостоянства? Почему она так пленялась всем героическим? Не потому ли, что свершение благородного поступка могло отразиться и на ней без всяких усилий, без всяких жертв с ее стороны? Или все это пустые домыслы? Я был сам не свой все эти дни. Полученный удар отравил мою душу.

Но с тех пор прошла неделя, и за это время у нас был один очень важный разговор с лордом Джоном Рокстоном... Мне малопомалу начинает казаться, что дела обстоят не так уж плохо.

Расскажу в нескольких словах, как все произошло. В Саутгемптоне на мое имя не было ни письма, ни телеграммы, и, встревоженный этим, я в десять часов вечера того же дня уже стоял у дверей маленькой виллы в Стритеме. Может быть, ее нет в живых? Давно ли мне грезилось во сне раскрытые объятия, улыбающееся личико, горячие похвалы, без счета расточаемые герою, рисковавшему жизнью по прихоти своей возлюбленной! Действительность швырнула меня с заоблачных высот на землю. Но мне будет достаточно одного ее слова в объяснение, чтобы опять воспарить к облакам. И я опрометью бросился по садовой дорожке, постучал в дверь, услышал голос моей Глэдис, оттолкнул в сторону оторопевшую служанку и влетел в гостиную. Она сидела на диванчике между роялем и высокой стоячей лампой. Я в три шага перебежал комнату и схватил обе ее руки в свои.

— Глэдис! — крикнул я. — Глэдис!

Она удивленно посмотрела на меня. Со времени нашей последней встречи в ней произошла какая-то неуловимая перемена. Холодный взгляд, твердо сжатые губы — все это показалось мне новым. Глэдис высвободила свои руки.

— Что это значит? — спросила она.

— Глэдис! — крикнул я. — Что с вами? Вы же моя Глэдис, моя любимая крошка Глэдис Хангертон!

— Нет, — сказала она, — я Глэдис Потс. Разрешите представить вам моего мужа.

Какая нелепая штука жизнь! Я поймал себя на том, что машинально раскланиваюсь и пожимаю руку маленькому рыжевато-му субъекту, удобно устроившемуся в глубоком кресле, которое некогда служило только мне. Мы кивали головой и с глупейшей улыбкой смотрели друг на друга.

— Папа разрешил нам пожить пока здесь. Наш дом еще не готов, — пояснила Глэдис.

— Вот как! — сказал я.

— Разве вы не получили моего письма в Паре?

— Нет, никакого письма я не получал.

— Какая жалость! Тогда вам все было бы ясно.

— Мне и так все ясно, — пробормотал я.

— Я рассказывала о вас Вильяму, — продолжала Глэдис. — У нас нет тайн друг от друга. Мне очень жаль, что так вышло, но ваше чувство было, вероятно, не очень глубоко, если вы могли бросить меня здесь одну и уехать куда-то на край света. Вы на меня не дуетесь?

— Нет, что вы, что вы!.. Так я, пожалуй, пойду.

— А не выпить ли нам чаю? — предложил рыжеватый субъект и потом добавил доверительным тоном: — Вот так всегда бывает... А на что другое можно рассчитывать? Из двух соперников побеждает всегда один.

Он залился идиотским смехом, и я счел за благо уйти.

Дверь гостиной уже закрылась за мной, как вдруг меня словно что-то подтолкнуло, и, повинувшись этому порыву, я вернулся к своему счастливому сопернику; который тотчас же бросил тревожный взгляд на электрический звонок.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, — сказал я.

— Что же, если он в границах дозволенного...

— Как вы этого добились? Отыскали какой-нибудь клад? Открыли полюс? Были корсаром? Перелетели через Ла-Манш? Что вы сделали? Где она, романтика? Как вам это удалось?

Он уставился на меня во все глаза. Его глуповато-добродушная, ничтожная физиономия выражала полное недоумение.

— Не кажется ли вам, что все это носит чересчур личный характер? — проговорил он наконец.

— Хорошо. Еще один вопрос, последний! — крикнул я. — Кто вы? Какая у вас профессия?

— Я работаю письмоводителем в нотариальной конторе Джонсона и Мервилля. Адрес: Ченсери-лейн, дом сорок один.

— Всего хорошего! — крикнул я и, как подобает безутешному

герою, исчез во мраке ночи, обуреваемый яростью, горем и... смехом.

Еще одна короткая сцена — и повествование мое будет закончено.

Вчера вечером мы все собрались у лорда Джона Рокстона и после ужина за сигарой долго вспоминали в дружеской беседе наши недавние приключения. Странно было видеть эти хорошо знакомые мне лица в такой непривычной обстановке. Вот сидит Челленджер — снисходительная улыбка по-прежнему играет на его губах, веки все так же презрительно сощурены, борода топорщится, он выпячивает грудь, пыжится, поучая Саммерли. А тот попыхивает своей коротенькой трубочкой и трясет козлиной бородкой, яростно оспаривая каждое слово Челленджера. И, наконец, вот наш хозяин — худое лицо, холодный взгляд голубых, как лед, орлиных глаз, в глубине которых всегда тлеет веселый, лукавый огонек. Такими все трое долго сохраняются у меня в памяти.

После ужина мы перешли в святая святых лорда Джона — в его кабинет, залитый розовым сиянием и увешанный бесчисленными трофеями, — и наш дальнейший разговор происходил там. Хозяин достал из шкафчика старую коробку из-под сигар и поставил ее перед собой на стол.

— Пожалуй, мне давно следовало посвятить вас в это дело, — начал он, — но я хотел сначала выяснить все до конца. Стоит ли пробуждать надежды и потом убеждаться в их неосуществимости? Но сейчас перед нами факты. Вы, наверно, помните тот день, когда мы нашли логово птеродактилей в болоте? Так вот: я смотрел, смотрел на это болото и в конце концов призадумался. Я скажу вам, в чем дело, если вы сами ничего не заметили. Это была вулканическая воронка с синей глиной.

Оба профессора кивнули головой, подтверждая его слава.

— Такую же вулканическую воронку с синей глиной мне пришлось видеть только раз в жизни — на больших алмазных россыпях в Кимберли. Вы понимаете? Алмазы не выходили у меня из головы. Я соорудил нечто вроде корзинки для защиты от этих зловонных гадов и, вооружившись лопаткой, недурно провел время в их логове. Вот что я извлек оттуда.

Он открыл сигарную коробку, перевернул ее кверху дном и высыпал на стол около тридцати или более неотшлифованных алмазов величиной от боба до каштана.

— Вы, пожалуй, скажете, что мне следовало сразу же поделиться с вами моим открытием. Не спорю. Но неопытный человек может здорово нарваться на этих камешках. Ведь их ценность зависит не столько от размера, сколько от консистенции и чистоты воды. Словом, я привез их сюда, в первый же день отправился к Спинку и попросил его отшлифовать и оценить мне один камень.

Лорд Джон вынул из кармана небольшую коробочку из-под пилюль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.

— Вот результаты моих трудов, — сказал он. — Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделимся поровну. Ни на что другое и не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?

— Если вы действительно настаиваете на столь великодушном решении, — сказал профессор, — то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

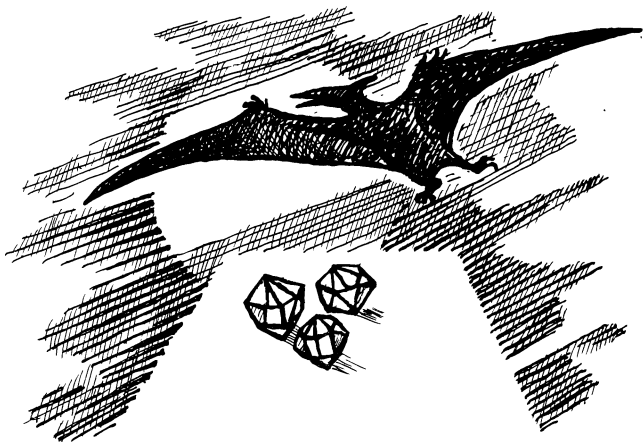
— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны. Ведь вы женитесь?

— Да нет, пока не собираюсь, — ответил я со скорбной улыбкой. — Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединяюсь к вам.

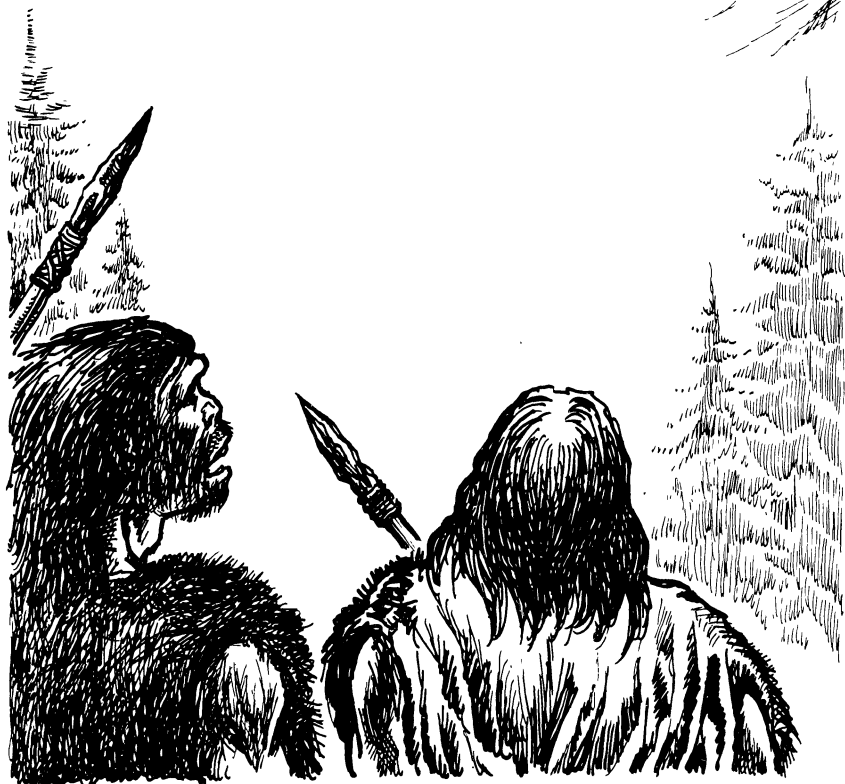
Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул мне свою крепкую, загорелую руку.

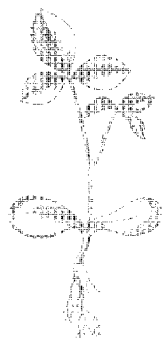

КАРЛ ГЛОУХ

Заколдованная земля

Scan AAW

Долг путь, далеко ведут дороги, и далеко простираются желания людские.

Эдда

I

Директор датской колонии в Гренландии и его милая супруга весьма любезно пригласили меня и Фелисьена Боанэ отпраздновать Щедрый Вечер — канун Рождества вместе с ними в их гостеприимном доме.

Метели и холодный ветер бичевали убогий Годгааб, а когда буря прекращалась, термометр показывал тридцать градусов ниже нуля*. В такие моменты нельзя себе представить большей отрезанности от мира, чем та, в какой оказывалось главное поселение Южного Инспектората. Эта датская колония так же заброшена, как какой-нибудь неизвестный остров, затерявшийся в Тихом океане.

В добавление к этому, не воображайте себе, пожалуйста, Годгааба с электрическим освещением, оживленными улицами и блестящими выставками на окнах.

Около уютной бухточки расположены несколько благообразных

* Температура здесь и далее дана по шкале Цельсия.

построек. Поодаль от них, на возвышении, стоит небольшой костел с острой колокольной — самое монументальное здание поселка. Остальное составляют несколько дюжин эскимосских хижин — землянок с единственным стеклянным оконцем и узкой трубой из жести.

На берегу лежит ряд вытасненных из воды челноков: каяков и умяяков. На запад отсюда тянется поверхность мрачного океана, которому редко-редко улыбается безоблачное небо, а на востоке видны волны покрытых снегом холмов, переходящих в альпийский пейзаж, и резкий ветер со свистом несется сюда из бесконечных, покрытых льдом пустынь центральной области края.

Но кто сегодня стал бы обращать внимание на неприятную погоду?! Кто стал бы заботиться о чем-нибудь там, на Западе, и тем более на Востоке, когда сегодня торжественный, так долго жданный день! С каждым мгновением приближается праздник Щедрого Вечера — канун Рождества. И тут, на забытом конце света, разливаает этот сказочный вечер благодатное тепло поэтического настроения.

В прошлом году я провел Щедрый Вечер в Праге; не удивительно поэтому, что сегодняшние мои воспоминания возвращаются к старому, сумрачному, но столь любимому городу, который раскинулся со своими остроконечными башнями, под мощным силуэтом рисующегося на тяжелом зимнем небе Града*.

Получив очень лестное поручение от университета и минералогического отделения музея, я уехал вскоре после праздников через Копенгаген, Фареры и Исландию в Юлиенгааб. Криолитовые рудники Ивигута были первой остановкой, где я провел несколько недель, изучая этот интересный, исключительно гренландский минерал.

Блестящие результаты семилетнего научно-изыскательского путешествия минералога Людвиг Гизека не давали мне покоя, и я постепенно поднимался на север через Фридрихсгааб до Годгаба, где и остался на зиму.

Как зимняя станция на Гренландском побережье, Годгааб, действительно, превосходен. А обходительность и гостеприимство директора колонии и остального служебного персонала сделали очень приятным мое пребывание здесь. В своей чистой и теплой каморке я мог работать над статьей, предназначенной для сборника Пражской Академии.

И как раз в Годгабе я встретился с Фелисьеном Боанэ. Вскоре мы стали друзьями.

Это был сухощавый, хрупкого сложения брюнет с голубыми глазами, всегда безукоризненно одетый.

* Пражский кремль.

Фелисьен представлял из себя интересное явление в художественном мире. То была новая разновидность художника — художник-репортер.

Он изъездил почти весь свет. Его гениальные комические и экзотические рисунки заполняли известнейшие галереи, ежесыачники и иллюстрированные журналы. Большие издательские фирмы спорили из-за него друг с другом, и заработки его были весьма недурны. Тем не менее, Фелисьен одним рисованием не удовлетворялся.

Заполняя свой альбом эскизами, он не забывал и своей записной книжки, полной любопытнейшего «фольклора». Старые мифы, сказки и примитивные песни диких племен он заносил туда с одинаковым энтузиазмом. Свободные же минуты он посвящал своей большой страсти — охоте, и с ироничной серьезностью умел рассказывать о своих невероятнейших охотничьих приключениях во всех частях света. Короче говоря, живой темперамент Фелисьена делал из него прелестного компаньона. Он искрился остроумием. В самой увлекательной форме он мог рассказывать о казалось бы обычных скучных вещах.

Целый день в поселке царило необычайное движение. Праздничные приготовления были в полном разгаре. Во втором часу пополудни все население собралось в костел, где состоялся экзамен школьникам. Затем всех зашитых в кожи эскимосских карапузов супруга директора одарила большими свертками со смоквой.

А когда колония восторженно пропела рождественские гимны, в домах чиновников и хижинах туземцев начались приготовления к празднику. Отовсюду несся приятный запах, и железные печи дымилась вовсю. Годгаабские эскимосы не могут себе представить рождества без огромнейшего количества горячего кофе. Это их любимый напиток, за который они готовы пожертвовать всем. Невероятное количество этого напитка потребляется здесь в течение рождественских дней. Хороший тон требует, чтобы в каждой хижине было запасено достаточно кофе, которым можно было бы угостить всех визитеров.

Вечером мы все сидели в доме директора колонии, в теплой, уютно освещенной комнате.

Сам директор, доктор Бинцер, пастор Балле, судостроитель Фредериксен, Фелисьен Боанэ и я вместе с тремя европейскими дамами колонии собрались за столом. Разговор быстро принял веселое и сердечное направление.

Появилась хозяйка и села с нами, а нам не оставалось ничего иного, как воздать должное ее выдающемуся кулинарному искусству.

Телятина, оленьи окорока, жареные куропатки, овощные консервы и закуски исчезли почти с магической быстротой. А когда, наконец, появилась рождественская елка, — рождественская грен-

ландская елка, с большим трудом и искусством собранная из ветвей можжевельника, прикрученных к выкрашенному зеленой краской шесту, елка, искрящаяся огнями и блестящей капителью, — торжество достигло своего апогея.

Каждый из нас получил какую-нибудь мелочь на память об этом празднике. При пунше и черном кофе настроение поднялось окончательно. Фелисьен прямо-таки блистал остроумием, вызывая взрывы смеха. Наконец, Фелисьен, подняв стакан горячего пунша, встал, чтобы увенчать произведенное впечатление торжественным шуточным спичем. Его остановил шум в передней. Явился какой-то запоздалый визитер, который не позволял себя спровадить. Он хотел лично говорить с директором колонии. Наконец, его впустили.

Эта сцена помнится мне до мелочей — так она врезалась в память. Ведь с этого момента и началась та невероятная и мрачная история, которую решаюсь я рассказать, не застрахованный от того, что ее примут за мистификацию.

Появился маленький коренастый эскимос. Башлык его куртки был откинут, и из-под копны смоляных волос ярко светились добродушные черные глаза.

Он был одет, как и все остальные охотники поселка, в штаны из тюленьей кожи и «камикеры» — обувь из того же материала. Куртка около шеи и края рукавов были обшиты черным собачьим мехом. Ну, конечно, это был всем нам хорошо известный Даниил, лучший охотник на моржей и тюленей в Новом Герренгуте.

И когда, моргая при свете рождественской елки, стал он тут, с круглым, блестящим от жира лицом, с неестественной и растерянной улыбкой на толстых губах, я вдруг заметил, что он что-то держит в руке. Это был мертвый замерзший ворон. И теперь еще я ясно представляю его затянутые голубоватой пленкой глаза, его перебитое крыло и растрепанные, мокрые от тающего снега перья. Добряк Даниил осторожно держал мертвую птицу за лапу и, казалось, был в страшном недоумении, что с ней делать.

Все общество собралось около эскимоса. Тем не менее, Даниил ни с кем, кроме самого директора, не хотел говорить. Когда, наконец, все затихло, и директор спокойным голосом стал задавать вопросы, мы вскоре узнали, что случилось.

Три дня тому назад Даниил отправился в Амераник-фиорд на охоту за дикими оленями. Он шел снегами, спускался по склонам и долго напрасно тратил силы в поисках добычи, пока, наконец, по счастливой случайности, ловким выстрелом из своей дуплетной «бухалки» не застрелил большого жирного «тутгута». В награду он тотчас же на месте полакомился содержимым оленьего желудка — эскимосским деликатесом.

Взвалив добычу на плечи, эскимос отправился назад, как

вдруг увидел на пригорке ворона. Этот ворон как-то неестественно дергался и прыгал по снегу.

Даниил остановился, скинул с плеч оленя, выстрелил и увидел, что и на этот раз не промахнулся. Осторожно подойдя, он поднял добычу.

Его удивление перешло в ужас, когда он увидел, что ворон зацепился когтем одной лапы за что-то привязанное среди перьев на его шее. Все эти обстоятельства показались милому Даниилу очень подозрительными. Кто знает, что за чертовщину содержит в себе маленький мешочек, привязанный кожаным шнурком к птичьей шее?.. Даниил не хотел иметь с ним ничего общего. В конце концов, может быть, тут замешан домовый или другая нечистая сила, какой-нибудь «тупилик», с которым шутить вовсе не полагается.

В первый момент Даниил решил было уйти, предоставив ворона самому себе, но потом, после короткой и тяжелой внутренней борьбы, пережив натиск суеверия, поднял ворона, не забыв, понятно, и оленя.

Это случилось три дня тому назад. Даниил сумел бы добраться домой к сочельнику, но пришлось завернуть к нам, и Анна, его жена, дрожит теперь от страха за него в Новом Герренгуте и ломает голову, почему не возвращается Даниил.

Такова вот была история.

Директор колонии взял мертвого ворона из рук Даниила, похвалил его за добросовестность и сообразительность, и эскимос получил большой сверток конфет и винных ягод для своей Анны, чтобы сладостями вознаградить ее за горькие минуты ожидания. Потом эскимос погрелся на кухне и ушел, сияя от удовольствия, как полная луна, довольный самим собою и всем остальным светом. А мы стояли вокруг мертвого ворона, лежавшего на столе у рождественской елки.

— Н-да, маленький рождественский сюрприз, — сказал Фелисьен, — если только это не шутка. Но подобная шутка в сочельник была бы неуместной.

Затем Фредериксен перерезал затянутый шнурок, который мешал бедному ворону глотать крупные куски.

Мешочек был из желтой кожи, — в таких продают карманные часы. Директор осторожно перерезал шелковые нитки.

— Бумага! — воскликнул доктор Бинцер.

— И исписанная! — добавил доктор Балле.

Показался белый исписанный листок, завернутый в прозрачную промасленную бумагу.

Нас охватило понятное возбуждение. Развернутый листок ментально очутился под непосредственным светом лампы. Лицо директора сначала выразило удивление, потом разочарование. Но одновременно раздалось два восклицания:

— По-русски!

— По-французски!
Это крикнули я и Фелисьен. Несколько строчек было написано, как мне подумалось, нервной, старческой рукой.

Надежде Головиной.

74° 30' с. ш.

Уперनावик.

*Каманак!
Каманак!*

И ни слова больше. Ни числа, ни месяца. И никакой подписи. Дважды, словно крик, повторенное слово, о значении которого мы не имели ни малейшего понятия.

Весело горели свечи на рождественской елке. Пунш источал манящий запах, но мы долго глядели друг на друга, не говоря ни слова, охваченные каким-то меланхолическим удивлением в разгар рождественского веселья.

II

Фелисьен больше всех был озадачен загадочной запиской. Бывшее в ней незнакомое слово возбуждало его воображение. Он утверждал, что это слово может происходить из известных наре-

чий чукчей, эскимосов или индейцев Северной Америки. Что же означает оно? Откуда пришло это удивительное сообщение? Если судить по географической широте, оно могло придти из Северной Азии, равно как и из Америки. Но для точного определения места не хватало географической долготы. То были вопросы, на которые не могло быть ответа.

Оставалось неясным также, откуда мог прилететь ворон, так трагично закончивший свою жизнь от пули Даниила. Вороны — крепкие, выносливые птицы. Возможно, что буря занесла его из очень отдаленного края.

Доктор Бинцер склонялся к мысли, что необходимо искать загадочное место там, где указанная параллель пересекает западные берега Гренландии. Он нашел достаточно приверженцев.

Потратив даром массу остроумия для разрешения этих загадок, Фелисьен Боанэ обратил свою живую фантазию в другую сторону.

Письмо было адресовано женщине. Кто такая эта Надежда Головина? Молода она и красива или стара и дурна? Фелисьен пытался набросать в своем альбоме ее портрет, как он рисовался ему в воображении. Действительно ли адресат находился в Гренландии, на самой северной станции западного берега и что там делает?

Что касается меня, то я постарался взглянуть на все дело самым трезвым образом. Я был убежден, что тут надо усматривать отдаленные признаки душевной болезни писавшего незнакомца. Однако, нельзя было отрицать и того, что во всей этой истории есть оттенок правдоподобия.

Директор припомнил, что по осени приплыли из местностей северного инспектората несколько каяков, и эскимосы рассказывали о каких-то чужеземцах, прибывших на рыболовном судне.

Сообщения их звучали, впрочем, неопределенно, а наступившая зима и непогода сделали невозможным сообщение с северным береговым пунктом.

Говоря правду, со всем этим пока нам нечего было делать. Фелисьен видел, к своему сожалению, что не может лично отдать письмо адресатке, и на все лады изливал свою злость на то, что до сих пор не было связи со всеми станциями Гренландии при помощи беспроволочного телеграфа.

В последующее время я был сильно занят своей работой. Мною было предпринято несколько минералогических экскурсий, которые принесли хорошие результаты.

Мы были полностью отрезаны от мира. Чтобы развлечься, мы предпринимали временами прогулки на лыжах в глубь фиорда и с наслаждением стреляли белых куропаток и песцов. В стрельбе и ходьбе на лыжах Фелисьен был неоценимым учителем, и я быстро приобрел большую ловкость в обоих видах спорта.

Альбом Фелисьена также пополнялся интересными зарисовками. Короче, мы не теряли времени.

В конце марта погода начала становиться все хуже и хуже. Сильные снежные бури чередовались с резким ветром, делавшим невозможным пребывание на открытом воздухе. Ни одно судно не появлялось вблизи берегов. Казалось, весь свет забыл о нас. Мне очень хотелось оставить Годгааб, чтобы познакомиться с севером. Я не решался покинуть Гренландию, не исследовав еще вполне необыкновенно интересного побережья на север от семидесятой параллели. Фелисьен не хотел отставать от меня.

Мы намеревались воспользоваться первой же береговой шхуной Торгового Общества, как только она появится у берега. Это желание постепенно превратилось в манию.

Нашей ежедневной прогулкой стало восхождение на холм, где на высоком шесте развевался красный датский флаг с белым крестом. Оттуда мы видели борющиеся с волнами каяки эскимосов, возвращавшихся с охоты на тюленей или стремящихся в открытое море.

Скверное настроение мы лечили у милейшего доктора за черным кофе и сигарами, лечили картами или очень любимой в поселении шахматной игрой.

Двенадцатого апреля, когда мы — не скажу, чтобы в наилучшем настроении — отправились на обычный наблюдательный пункт, с берега послышался восторженный крик.

«Умиарсуит!..»

Вся колония пришла в страшное возбуждение. Люди выбегали из домов и хижин и в суматохе бегали по берегу. С полдюжины каяков с быстротой стрелы отделилось от берега и нырнуло в туман. И снова тот же крик:

«Умиарсуит!.. Умиарсуит!..»

Это эскимосское слово чарующе подействовало на Фелисьена. — Судно! Слышишь? Радуйся, наконец-то судно!

Он чуть не задушил меня от восторга. Мы бегом спустились с холма и поспешили на берег.

Сквозь тонкий, еще не поднявшийся от воды туман мы увидели элегантный абрис приближающегося судна, прекрасной паровой трехмачтовой шхуны, черная с белой полосой труба которой оставляла за собою сливающийся с туманом шлейф дыма. Вскоре послышался грохот приветственных выстрелов.

С равнины им ответил гордый выстрел из мортиры. Судно стало на якорь. Оно имело датский флаг, но, к великому удивлению всех, то не было судно торговой компании криолитовых копей и даже не китобойное судно.

Из последних осенних сообщений нам было известно, что на север не собиралось ни одной экспедиции ни из Европы, ни из Америки. И мы почувствовали себя обманутыми, когда поняли,

что это судно частного лица. Наша надежда двинуться дальше на север основательно поблекла.

Но случилось иначе. Когда через час мы собрались у директора, нас представили Христиану Снеedorфу, владельцу шхуны «Звезда Севера». Я увидел перед собой старика атлетического сложения, голубоглазого, смуглого, с сильно посеребрёнными русыми волосами, великолепный тип ютландца с патриархальной бородой.

Пока я только знал со слов доктора Бинцера, — говоря о деле, доктор между прочим умел непостижимым образом давать точные сведения обо всем на свете, — что Христиан Снеedorф был большим богачом.

В Копенгагене Снеedorфу принадлежали два пивоваренных завода, земельные участки на острове Фальстере и залежи фарфоровой глины в Рённе. Он был так же акционером большого Северного Телеграфного Общества и криолитовых копей в Ивигуте. Вечно неутомимо-предприимчивый, хладнокровно-деятельный. Его глаза под густыми белыми бровями светились энергией. В них не было и следа старческой покорности или дряхлости, они выражали ум и хладнокровие. Приватно Снеedorф занимался на философском факультете. Его страстью были естественные науки и география. Бездетный вдовец, пресытившись удачными спекуляциями, он отдался путешествиям для удовольствия.

С хозяином судна прибыл Нильс Киркегор — капитан шхуны, основательно знакомый с северными водами моряк, — невысокий, сухощавый, рыжий, улыбающийся человек с веселыми серыми глазами.

Все население собралось приветствовать прибывших. Ведь они привезли с родины большую почту и массу новостей из далекого шумного света!

Уже при представлении Снеedorфу я с удовольствием почувствовал, что мы понравились друг другу. К тому же Снеedorф много путешествовал и хорошо знал мою родину. А вскоре я заметил, что он знаком с геологией, и это сблизило нас еще больше.

Обед, устроенный директором в честь прибывших, вполне заслуживал похвалы. Во время горячих тостов мы узнали поразительную вещь. Оказывается, перед нами были участники научно-исследовательской экспедиции, которая поставила себе целью глубоко проникнуть в область материкового льда и провести целый ряд наблюдений. Это было смелое предприятие, и я был им прямо очарован.

Еще с детства чувствовал я стремление к странствиям. С чувством глубокого наслаждения читал я описания путешествий и воображал далекие страны.

С тех пор как себя помню, я жалел, что наша земля так мала. С жалостью я смотрел, как исчезают, тая, словно снег на солнце, белые пятна, означающие на картах неисследованные края. И вот на земле уже нет ничего, что могло бы поразить новизной; все

уже исследовано, кроме двух противоположных полюсов, которые, в сущности, являются лишь точками, без особых характерных черт, только геометрическими точками.

Вспоминается мне, как во время долгих гренландских вечеров говорил я об этом с Фелисьеном, и как веселый француз махнул рукою и с иронией произнес:

— О, ты прав! Все описано, все открыто! Бедные писатели-фантасты: не останется им, если они еще хотят сочинять, ничего больше, как открыть какую-нибудь новую «Лапуту» добряка Свифта, повешенную где-нибудь в воздухе!

Но не смею дальше отклоняться от рассказа.

— Самые смелые экспедиции, — сказал Снеedorф, поставив бокал и указывая на карту Гренландии, — самые смелые экспедиции для исследования внутренних частей этих датских владений произвели иностранцы. Неудачные, примитивные экспедиции Делягера и Иенсена едва ли заслуживают упоминания. В 1883 году был здесь швед Норденшельд; в 1886 году — англичанин Пири; в 1888 году — знаменитый норвежец Нансен; в 1893 году — опять Пири. Но где же тут датчане? Нужно этот недостаток заполнить; я хочу вписать сюда свое имя. Я остановился в Годгаабе, чтобы пополнить запасы угля и провизии.

Присутствующие датчане были тронуты. Мы поднялись с пожеланиями успеха. Фелисьен поднял бокал и немногословно предложил выпить здравицу. И мы выпили с глубоким чувством.

Вскоре беседа сделалась сердечной и веселой, но вдруг Снеedorф, задумавшись во время разговора с директором, неожиданно спросил: — Вы, господа, конечно, слышали о русской в Упернавики?

Мы все сразу замолкли от изумления. Фелисьен вылетел в полном смысле этого слова из своего кресла.

— О Надежде Головиной? — воскликнул он.

Снеedorф молча созерцал неожиданный эффект своего вопроса. Его обычно спокойные глаза загорелись, и он кивнул капитану. Нильс Киркегор, все так же молча улыбаясь, вынул из объемистого кармана своего сюртука старую банку из-под консервов. Он медленно открыл ее и, к нашему величайшему удивлению, вынул из нее листок, точь-в-точь похожий на полученный нами в сочельник.

Он предложил нам ознакомиться с содержанием записки. Содержала она опять два столбца мелкого письма на русском и французском языках:

Надежде Головиной.

43° 6' 5" з. д.

Упернавик.

P-тору.

P-тору.

И опять ни подписи, ни даты, ни слова пояснения.

Фелисьен Боанэ подбежал к шкафу и вскоре выложил на стол объемистый атлас.

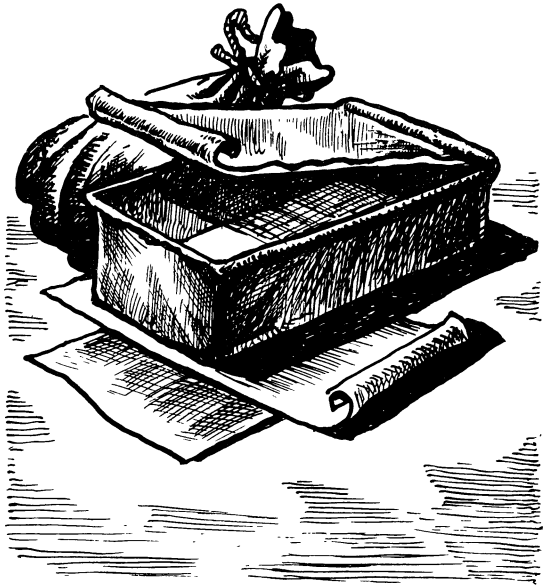
Директор нашел нашу записку и в нескольких словах объяснил дело нашему гостю. Теперь у нас была и широта, и долгота. Оставалось только найти на карте пункт, где пересекаются на карте обе линии.

— Но это невероятно, это ужасно! — кричал Фелисьен, когда мы нашли это место. — Отвратительная мистификация. Видели кто-нибудь банку, брошенную в море среди покрытой льдом равнины? Гнусная мистификация!

Но все мы были взволнованы, в этом надо сознаться. Все, кроме Снеedorфа. А Нильс Киркегор загадочно улыбался.

— В Упернавики, — сказал старик, — узнаем больше. А потом, — продолжал он повышая голос, — если окажется, что это не чья-то злая шутка, потом мы увидим...

Какое-то намерение созрело в эту минуту в его голове.

III

«Звезда Севера» — великолепное судно, прочно построенное, с применением всего опыта последних полярных путешествий. Шхуна невелика, так как многочисленные экспедиции уже давно доказали, что судно малого размера в северных морях предпочтительнее.

Шхуна построена по шотландской модели: ширина и длина в соотношении 1 : 5,26. На постройку шли лишь белый дуб, орегонская и желтая сосна. Стальные плиты должны защищать бока от ударов льдин. Паровая машина — «Компаунд» в тысячу лошадиных сил — вращала массивный тяжелый вал с гребным винтом в одиннадцать футов в диаметре. Грузоподъемность судна — тысяча пятьсот тонн.

Судовая команда превосходна: веселый, отважный народ, уже много раз побывавший в тяжелых полярных экспедициях. Ее подбор — полностью заслуга Нильса Киркегора. А цель данной экспедиции — добраться на судне до эскимосской станции Тессусак. Само собою понятно, что раньше мы сделаем остановку в Упернавике. Там мы расстанемся с нашим ласковым хозяином.

И вот мы плывем на всех парах к северу, и храбрая «Звезда Севера» час за часом сокращает и время до разрешения загадки. Собственно, путешествие немного рановато, так как весна только началась, и путь труден, но для успеха экспедиции прямо-таки необходимо достигнуть цели в апреле или первой половине мая, так как позже, в полный разгар полярного лета, путешественники по материковому льду встретили бы, пожалуй, непреодолимые препятствия.

Снеedorф, узнав о нашем намерении посетить Упернавик, пригласил нас воспользоваться его судном. Искушение было велико, и мы не отказались и, простившись со старыми друзьями, оставили Годгааб. Судно наше устроено с величайшими удобствами. Нельзя, на самом деле, даже желать более приятного путешествия. Такой исключительный комфорт, и такое милое общество! На судне мы познакомимся с морским инженером Петером Гальбергом, уроженцем Рёнке на Борнгольме, молодым человеком с энергичным смуглым лицом.

Он также примет участие в экспедиции в центральные области Гренландии. Я часто разговариваю с ним на палубе. Временами он сентиментален и как-то рассказал мне, что в одном старом доме в Гаммерсгузе оставил он белокурую девушку, которая, по его возвращении, станет его женой. В Рёнке оставлена им и старушка мать. И теперь обе эти женщины мысленно провожают молодого человека горячими воспоминаниями и добрыми пожеланиями. В своей каюте он показал мне две карточки в простых рамках, карточки, на которые он глядел с глубокой нежностью. Это славный человек.

Итак, в нашей компании — пять человек, и мы не можем пожаловаться на скуку. Короче говоря, только один человек на «Звезде Севера» возбуждает во мне инстинктивное отвращение. Это слуга Снеedorфа. Зовут его Сив. Человек с кудрявыми волосами и бородой, с темной кожей и с дикими глазами. Ходит он тихо и эластично, как кошка, с головой, постоянно втянутой в плечи, словно он все время кого-то подстерегает. И когда он коварно усмехается, то показывает ряд острых и белых зубов.

Сив принадлежит к тому загадочному племени, которое кочует по ютландским вересковым пустошам. По всей вероятности, это цыгане, смешавшиеся с местными бродягами. Датчане зовут их «Nadmaendstock» — «ночные люди».

Эти кьельтринги, как их еще называют, элемент весьма подо-

зрительный. Они часто нищенствуют, но еще больше воруют. Прошлое нашего Сива было в таком же духе. Говорит он на странной смеси датского и немецкого языков со странными окончаниями слов.

Сив как будто отлично смыслит в котельном деле. Снеedorf нашел его в одной из поездок в степи полумертвого от голода, избитого, в плачевном виде, и из милосердия взял его с собой.

К своему господину Сив относится с преданностью бульдога, и я убежден, что, помимо своей верности, Сив, подобно этой собачьей породе, является сосредоточием всевозможных дурных качеств, — человеком, с которым нужен глаз да глаз.

Погода, сверх ожидания, благоприятна. В полдень большей частью светит солнце. Море блестит тысячами искр, а кругом величественно плывут полчища фантастических ледяных гор и льдин, несомых течением к югу вдоль западного побережья.

Это целый ледяной флот очень красивых, удивительно причудливых льдин. Громаднейшие горы с голубыми и зелеными пещерами, куда с шумом вливается и с пеной выливается море; льдины всевозможного вида и оттенков серого, голубого, зеленого; все те чудеса, столько раз подробно и вдохновенно описанные известными полярными путешественниками.

И все это является новым и новым в сумерки и при рассеянном свете, при вечерних облаках и при сером затянутом небе или под небом, меняющим свою окраску от оттенков яшмы до легкого налета нефрита.

Нильс Киркегор проделал артистическую работу, когда без всяких столкновений провел судно через этот ледяной лабиринт. А это было делом не безопасным, так как избегнув прямого столкновения, судно могло пострадать и иначе.

Так, однажды в полдень случилось, что одна из ледяных гор внезапно перевернулась безо всякой видимой причины, и могучая

волна захлестнула заколебавшуюся корму шхуны. Но мы отделались только испугом. Могло пострадать судно и от обломков проплывающих мимо ледяных гор весом в тысячи тонн, когда эти горы «телились», как выражаются моряки.

Иные из этих обломков вскоре разлетались, как от взрыва, на тысячи кусков. Величественные белые горы застревали в фиордах на мелях. Иногда прилив освобождал их, и они, слегка колыхаясь, выплывали в море, — мощные великаны, спокойно плывущие затем, чтобы раздавить маленькое судно, которое, дымя шло около родных им берегов.

Там и сям на невысоких льдинах грелись тюлени. Стадо касаток стройной шеренгой пронеслось мимо, и их большие блестящие тела виднелись сквозь брызги разбитых ими волн. Чайки и другие морские птицы, белого или же голубовато-серого цвета, как и лед под ними, наполняли воздух оглушительным криком.

Мы сидели на палубе, делая долгие паузы в нашем разговоре. Снеedorф молча курил свою короткую датскую трубку. Далеко на востоке виднелась береговая полоса, за которой был вечный лед. Подолгу мы смотрели в том направлении, и я думаю, что то было неясное предчувствие будущего, которое наполняло нас каким-то мрачным беспокойством.

Через три дня по отъезде из Годгааба миновали мы поселение Эгедесмунде. Льды стали чаще. Мы должны были усиленно бороться за каждую четверть мили и поэтому намного задержались. Наконец, мы бросили якорь в превосходно защищенной гавани Годгавена.

Годгавен — главный поселок северного инспектората, поселок того же рода, как и Годгааб. Находится он на острове Диско, знаменитом своими базальтовыми скалами. Гренландское Общество приготовило здесь с прошлого года заказанные запасы угля для шхуны.

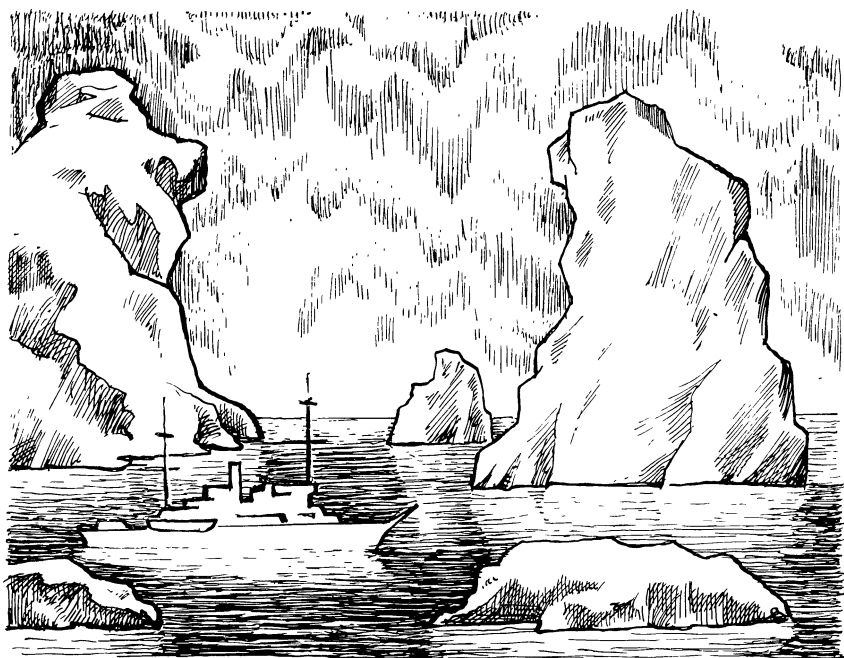
Пока судно запасалось провизией, я воспользовался остановкой для поиска окаменелостей и возвратился с богатой добычей и в превосходнейшем настроении.

Нет сомнений, что давным-давно буйные тропические леса покрывали эти берега. Какая перемена!

На другой день «Звезда Севера» оставила гавань и направилась к последней станции побережья, прямо на север.

Все мы, понятно, а особенно Снеedorф и Фелисьен стали наводить справки об иностранцах в Уперनावике, едва только выскочили из лодки на берег Годгавена. И, к удивлению, вся та история, которую мы были готовы считать чистойшей нелепицей, начала приобретать неясные очертания.

Прошлый год, говорили нам, в конце лета сошли в Уперनावике два путешественника с американского рыболовного судна. Эскимосы, посещавшие Уперनावик, рассказывали, что это был старик в сопровождении молодой девушки. Старик проводил це-

лые дни в большом деревянном сарае, который он велел себе построить по приезде, и в котором он занимался каким-то тайным чародейством.

Наше любопытство было возбуждено этими сведениями еще в большей степени. Мы очень хорошо знали вошедшую в поговорку суеверность гренландских эскимосов, однако, и сам директор Годгавена подтвердил их сообщение. Больших подробностей, впрочем, кроме того, что оба они — русские, как он узнал от туземцев, он нам сообщить не мог.

Слава богу, нам осталось уже всего три дня пути. Подул попутный ветер, и «Звезда Севера» могла воспользоваться всеми парусами. Постоянно меняющаяся погода служила признаком, что мы уже далеко на севере. Частые вьюги внезапно закрывали горизонт, а изморозь была страшно неприятна.

Очень успешно мы стреляли тюленей и морских птиц, но это не удовлетворяло нашего честолюбия, и мы порешили, с общего согласия, что нам основательно не везет.

Все это время Снеedorф сохранял большую сдержанность, когда у нас заходила речь о путешествии на материковые льды. Между тем, наша общая дружба крепла час от часу, и наши откровенные разговоры с хозяином судна продолжались.

На другой день после того, как мы оставили Годгавен, мы сидели вчетвером в уютно освещенном салоне.

В первый раз после нашего знакомства Снеedorф разговорился о программе своей экспедиции. Он тщательно выбил пепел из выкуренной трубки, а Сив поторопился набить новую трубку хорошим крепким табаком.

— Главная роль в успехе экспедиции, — сказал Снеedorф, — будет принадлежать Гальбергу.

Петер Гальберг смущенно улыбнулся. Это был действительно скромный молодой человек, и такая похвала привела его в замешательство.

На столе лежала карта Гренландии. Линии, проведенные на ней разными красками, означали маршруты прежних экспедиций. Первоначально экспедиции на материковый лед все время начинались с западного берега. Таков был путь обеих экспедиций Норденшельда, а так же и путь Пири.

Эта мысль казалась здравой, раз цель этих экспедиций была в том, чтобы пересечь Гренландию с запада на восток, так как ее восточный берег со стороны моря, благодаря непрерывному прибою ледяного «сала», неприступен и совершенно пустынен. Но при этом экспедиция должна была бы возвращаться той же дорогой по ледникам, что было сопряжено с большими трудностями.

Поэтому Нансен в 1888 году, задумав пройти поперек Гренландии, направился в воды восточного берега; здесь он оставил судно, пробился на лодке через пояс «сала» и вместе со спутниками пересек ледяную страну. После ряда нечеловеческих страданий путешественники вышли, наконец, к Годгабу. Там, в поселке, они нашли цивилизацию и убежище. Только таким путем Нансену первому удалось выполнить поставленную задачу.

Экспедиция Снеedorфа не задавалась целью пройти поперек Гренландии. На широте Упернавика она должна была вступить на лед, по параллели достигнуть сорокового меридиана, а потом повернуть на запад в Христианенгааб. Его гордостью было то, что эта экспедиция будет первой в своем роде, и что он сам, при помощи Петера Гальберга, произведет точные научные наблюдения.

Прежде всего речь шла о том, чтобы определить толщину льда и климатические параметры центральных областей материка, где Гренландия имеет наибольшую ширину, и наконец-то поднять датский флаг рядом со шведским, норвежским и звездным флагом Соединенных Штатов.

Нансен успешно использовал лыжи и сани, которые тащили люди, а Пири и Аструп запрягали в сани эскимосских собак. Теперь, когда качество двигателей достигло значительного совершенства, не удивительно, что Снеedorф решил использовать автомобильные сани, или, если хотите, настоящий санный автомобиль, изобретателем которого был Петер Гальберг. Таким образом время путешествия значительно сокращалось, отпадали

сложные заботы о провианте, и могло быть увеличено время остановок для научных наблюдений.

Петер Гальберг сдувал пепел с сигары, и я убежден, что его мысли блуждали недалеко от Борнгольма...

У меня возникло сильное желание стать участником этой экспедиции. Путешествовать с такими людьми было бы наслаждением. Но эта мысль вскоре исчезла. В Упернавике мы разойдемся, и я вернусь к своим образцам минералов и окаменелостям.

Фелисьену будет также тяжело разлучаться с нашими друзьями. Он сказал мне, что им овладевает та же мысль сделаться участником борьбы с ледяной пустыней.

Наконец мы в Упернавике!

Маленький поселок на островке, с очень убогой гаванью. Всевозможные вихри и непогоды царствуют здесь. Дюжина по-европейски выглядящих зданий; над ними на шесте полощется датское знамя.

Кругом — дикая полярная природа. Серый горизонт и черные скалы с белой снеговой шапкой сжимают убогий маленький поселок. Идет холодный дождь. Каяки с эскимосами кружатся вокруг судна, между плавающими обломками льда.

Угощать туземцев водкой, как и продавать им ее, в Гренландии строго запрещено государством. Иное дело табак; и мы наделили эскимосов табаком, чем доставили им большое удовольствие.

Лодка была спущена без промедления, и через минуту мы плыли в сопровождении каяков к скалистому побережью, где собралась, между тем, небольшая толпа людей.

Начальник поселка приветствовал нас радостно, даже можно сказать, с пафосом. Он знал Снеedorфа как самого влиятельного члена Северной Торговой Компании.

Нильсу Киркегору было велено подготовиться к предстоящей разгрузке. Мы же отправились к начальнику поселка.

Добрjak прямо-таки расплывался от желания угодить, обещая нам помогать чем только может во всех наших предприятиях. Снеedorф, не дослушав его бесконечную болтовню, обратился к начальнику поселка с неожиданным вопросом:

— А Головина? Где здесь живет Надежда Головина?

— Она вышла ровно час тому назад на прогулку в горы, — ответил он.

— В такую погоду?

— Она делает так ежедневно, за исключением сильных метелей.

— Что же, она здесь одна?

— Одна. Алексей Платонович, которого она сопровождала, исчез отсюда в конце осени. — Начальник добавил с сарказмом: — Изобретатель... авиатор... путешественник к полюсу! — Говоря эти слова, он постучал указательным пальцем по лбу и провел в

воздухе запутанную кривую, значение которой было понятно, и покачал головой.

— Что же, он сломал себе шею? — нескромно полюбопытствовал Фелисьен.

— Вероятнее всего. Да, пожалуй, вне сомнения, — ответил начальник. — Можно предполагать с определенностью. Но... — тут он пожал плечами и взглянул через окно на смутное небо, — кто знает, кто это знает?..

IV

Через два часа после этого разговора я увидел в первый раз Надежду Головину. Она подходила к поселку. Белая эльзасская собака с веселым лаем сопровождала ее. Вот портрет Надежды Головиной: высокая, элегантная девушка, лет двадцати двух, с серыми глазами. Овальное, славянское лицо, нежное и серьезное, в рамке темных кудрей, лицо, которому прелестные глаза придают мечтательное или задумчивое выражение.

Она говорит приятным альтом, — немного, пожалуй, глубоким, но очень звучным. Она очень образованна, воспитанна, и я был сильно смущен, слыша в первый раз ее разговор, так как в этом эскимосском гнезде я никогда не мог предполагать присутствия подобной женщины. С какой энергией и бесконечным героизмом переносила она бесконечное время скуки, тоски и печали арктической ночи!

Ее прелестные глаза выразили удивление и радость, когда она увидела наше неожиданное вторжение в поселок.

Мы вежливо и по-дружески приветствовали ее. Она покорила нас с первого же взгляда. Тишина наполняла комнату, лишь шипел и пыхтел большой самовар. Таинственная корреспонденция, найденная нами при почти фантастической обстановке, дошла, наконец, до своего адресата. Девушка деликатно взяла оба письма, благодаря нас удивленным и любопытным взглядом.

— Вести из Европы? — спросила она, а потом, когда взглянула на письма, крик и вздох вырвался из ее уст: — Дядюшка Алексей! Дядюшка Алексей! Так он жив! Несчастный дядюшка Алексей!

Я видел, как погасли ее блестящие глаза и как появились на них слезы. Девушка отвернулась и зарыдала. Но когда через минуту она обернулась, энергия вновь светилась в ее глазах. Она положила руку на стол.

— Господа, — сказала она, — вы хорошие люди. И я считаю вас своими друзьями. Я должна вам прояснить некоторые вещи, о чем здесь до сих пор еще не говорила. А потом... потом я буду просить у вас помощи.

Свою беседу в доме начальника поселка этим мы кончили.

В салоне судна уселись мы кругом на диванах, а серебристо-белый пес Гуски свернулся у ног девушки, вопросительно поглядывая на нее своими голубыми глазами. И вот что рассказала нам девушка тихим, спокойным голосом.

— Я осталась круглой сиротой четырех лет от роду. За мое воспитание взялся дядя со стороны матери, старый холостяк — Алексей Платонович Сомов. Дядю уже смолоду считали за чудака и в своем семействе и у родных. Он носил очки из зеленого стекла, а в его рабочем кабинете была привязана на цепочке громадная летучая мышь, которая наполняла отвращением и страхом добрые сердца достопочтенных граждан. Но дядюшка Алексей продолжал глядеть на все сквозь свои зеленые очки, а мышь спокойно висела себе на шесте, головой вниз, закрывшись своими летательными перепонками или с наслаждением поедала свой корм.

Дядюшка Алексей сначала был преподавателем физики и химии в одном учебном заведении и со страстью старого алхимика отдавался своим наукам. Его чудачества, а еще больше его либеральные взгляды, принесли ему много неприятностей со стороны начальства. Их споры стали принимать уже острый характер. Но в этот критический момент умерла какая-то дальняя его родственница и оставила значительное состояние, которое всецело перешло к дяде Алексею.

Тотчас он бросил свою должность, чтобы полностью отдаться осуществлению своей мечты. От теоретического изучения он перешел к практике. Неудачные опыты поглотили большую часть состояния.

Засевшей у него в голове мыслью было устроить динамическую машину. С этой целью познакомился с неким Реньшаковым, механиком, худым, чахоточным человеком, — гением в области взрывных моторов. Работали они вместе.

Я долго не догадывалась о намерениях дяди Алексея. Я училась в Москве и получала от него лишь редкие и невнятные письма. Прошло два года. В одном из писем дядя уведомил, что Реньшаков умер. Я окончила курс и с дипломом вернулась домой. Тут все изменилось. Дядя приобрел в деревне дачу и приспособил ее для своих опытов. Он вырубил в саду деревья и на этом месте построил сарай, в котором стали работать под наблюдением дяди два человека.

Дядюшка Алексей встретил меня сердечно; он действительно, любил меня, как отец. Но его идеи чересчур занимали его, и часто случалось, что он забывал о моем существовании.

Сначала я бродила по окрестностям, сидела за чтением под старыми яблонями, но, наконец, меня одолела скука. Во мне стал пробуждаться интерес к загадочной работе в таинственном сарае. Дядя со мной о ней никогда не говорил ни слова. На прямой мой

вопрос о ней он ответил ученой лекцией о механических воздушных машинах и о новых успехах в области конструирования моторов и снова погрузился в свои чертежи и математические выкладки.

А вскоре политические перевороты и бури зашумели над нашей страной; гроза дошла и до нас. С заслуживающей доверия стороны дядя получил предупреждение о возможном аресте. Дело шло, как я догадываюсь, о каком-то политическом заговоре с участием Реньшакова. Последние годы дядя жил с ним в дружбе, не зная, тем не менее, о всех его замыслах. Реньшаков, правда, умер, но дядя был здесь, а достаточно было и того, что он когда-то поддерживал отношения с революционером.

Время было страшное, и дядя очнулся от своей мрачной замкнутости. Той же ночью два его помощника упаковали отдельные части машин и аппаратов в ящики, которые дядя и отправил куда-то железной дорогой. А на другой день, в дождливое утро, оставили мы дачу и счастливо переправились через границу.

Я уже привыкла к дядюшкиным странностям, но на этот раз я испугалась. Ведь он вез меня в новый край, далеко-далеко, а я до сих пор еще не знала — куда. Кёнигсберг, Гамбург, затем Бремен. Здесь, в старом унылом отеле, мы чего-то ждали четырнадцать дней.

Но вот дядя получил письмо. Читал его вечером, при свете лампы. Ярко вспыхивало пламя в камине. Когда дядя отложил письмо, то весело потер руки.

— Все идет превосходно, Наденька! — сказал он. — Выедем отсюда на этой неделе.

— Куда? — утомленно спросила я.

— В Сент-Джонс.

— В Америку?

Дядя тут же сжег письмо в камине. В конце недели мы уже были в открытом море. Вы знаете Сент-Джонс на Нью-Фаундленде? Ужасное место! До сих пор я еще чувствую отвратительный запах трески и сельди.

Дядя Алексей нанял там старый заброшенный дом за городом. Вскоре он снова погрузился в свои работы. Обо мне он забыл совершенно. Представьте себе, господа, какое это было для меня убийственное положение. Но я понемногу привыкла. Я становилась чудачкой и отшельницей, вроде дядюшки. Целыми днями я сидела за книгами, и это спасало меня от меланхолии. Дядюшку несколько раз навещал незнакомый человек мрачного вида с пронизывающими глазами. Я видела его только мельком. Визит его затягивался часто на целую ночь. И утром, когда горизонт уже начинал светлеть, огонь еще светился в дядюшкиной комнате.

В это же время со страхом я заметила у дяди первые признаки душевной болезни. Он часто уходил из дома и бродил, не знаю

где, иногда дня по три, возвращаясь домой голодным, усталым. А потом снова шли дни, полные ясного ума, энергии, бодрости.

Помнятся мне два события, которые его страшно встревожили. Первое — еще во время моего детства — день отлета воздушного шара Андрэ со Шпицбергена, и здесь, в Сент-Джонсе — пришедшая весть о готовящейся экспедиции Вельмана.

Дядю охватило болезненное возбуждение. Тогда-то именно и посетил нас таинственный визитер, и из дядиной комнаты слышались рассерженные голоса. Кто-то там кричал и что-то доказывал повышенным голосом. Дядя отвечал с раздражением, и его гнев все более возрастал. Потом хлопнули двери, и дядя выбежал вон. Вернулся он на этот раз лишь на четвертые сутки. Но в каком виде! Он притащился измученный и мрачный, похожий на тень. Когда же отдохнул, то стал спокоен, как никогда прежде. Он долго и нежно говорил со мною. С горечью он упрекал себя за то, что так безрассудно таскает меня по свету. Что следовало бы для меня устроить спокойное пребывание в каком-нибудь французском пансионе.

Наконец, он сказал, что его работы окончены и что он уезжает. Он безусловно не может снова брать меня с собой. Я обняла его со слезами, так как его состояние возбуждало во мне большие опасения. Моею обязанностью и моим твердым решением было ни в коем случае не отпускать его одного.

Он долго противился этому. Но я не уступала. Кто бы стал смотреть за ним? Кто стал бы охранять его от разных сумасбродств?

И вот судно, отходившее на охоту за тюленями в залив Мелльвиль, доставило нас обоих в Упернавик. Это было осенью прошлого года. Начальник поселка был очень любезен. Вдобавок, дядюшка имел какую-то бумагу от датских властей.

Жила я у пастора Снеджа. Пасторша — самая замечательная женщина в этих местах. Я ей очень благодарна.

Не откладывая дела в долгий ящик, дядюшка взялся за работу. Он велел выстроить за церковью деревянный ангар из тех материалов, которые привезло судно с Сент-Джонса вместе с несколькими объемистыми ящиками. Я начинала кое о чем догадываться.

У меня снова появилась тревога за дядю. Я осторожно допытывалась, но все попытки были напрасны. Я решила заботиться о нем с удвоенным вниманием.

Помешать ему силой или передать его в руки врачей я не решалась. Я понимаю, что это отчасти было слабостью, но я хорошо знала, что подобное вмешательство вызвало бы у него моментальную психическую катастрофу.

Минувшая осень здесь была очень сырая, а здоровье дяди уже сильно расстроено. Целыми днями работал он в сарае, и свет огня через маленькое окошко проникал во мрак ночи.

К обывателям он не имел вообще никаких отношений. Все испытывали перед ним суеверный страх. В сарай он не пускал никого, кроме одного немого, бывшего искусным механиком.

Так прошло четыре недели. Наконец, дядя стал обращать на меня внимание. Он стал страшно заботлив, спрашивал о моих нуждах, был очень любезен. Однажды дядя запер ангар и отправился в горы. Вернулся он поздно вечером. Вечер был прекрасен и тих, каких было мало в прошлую осень.

Когда дядя предстал передо мною, глаза его возбужденно сверкали.

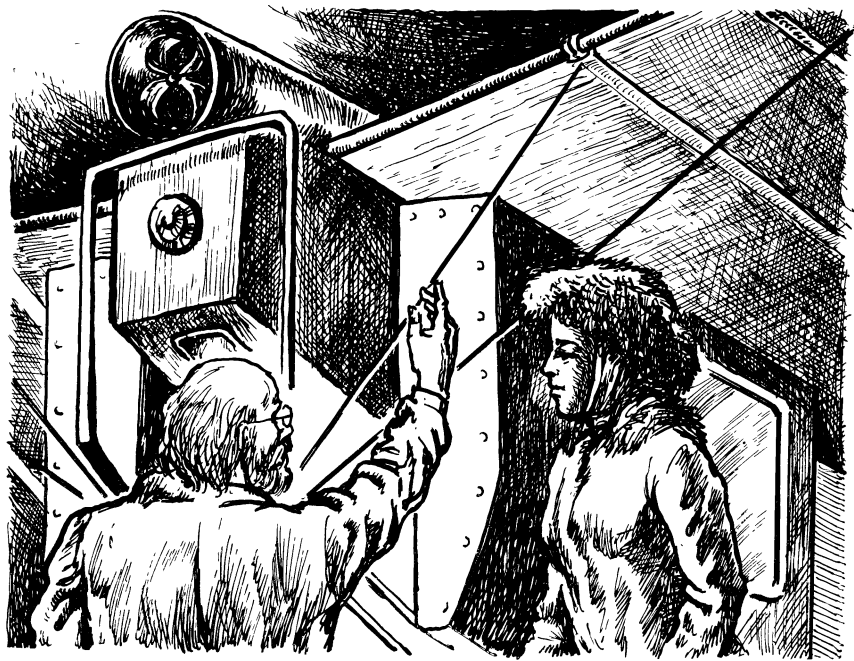
— Поди-ка сюда, Наденька! — сказал он, и повел меня к ангару.

Была ночь. Слабый свет фонаря падал на каменистую дорогу. Собака тихо следовала за мною.

Дядя Алексей долго возился со сложным замком. Я ему светила, дрожа в своей шубке от холода и волнения. Наконец, дверь отворилась и мы вошли. Сначала я ничего не могла разглядеть. Но вдруг вспыхнул ослепительный белый свет, исходящий из небольшого аппарата, снабженного сильным рефлектором, и на некоторое время ослепил меня.

Когда я огляделась, то увидела перед собой что-то вроде чудовищной птицы с широко распростертыми крыльями.

Я видела перекладки, изготовленные из прочного дерева,

блестящие части металлических рычагов; взглянула на тонкое строение мотора — медь, сталь, латунь; панели корпуса и крыльев из какой-то неизвестной прочной материи.

В центре конструкции блестела большая дутая ось, на которой были подвешены два небольших трех-четыrehместных купе, закрытых окнами из целлулоида.

Дядя Алексей не считал меня достойной детальных объяснений; он стоял выпрямившись и, подняв руку, с гордостью глядел на свое дело. Мы долго молчали.

— Душечка! — сказал тихо дядя; его голос смягчился, стал нежным, каким я прежде его не слыхала. — Душечка, вот дело моей жизни!

Я помню, как в душе у меня возникло живое и сильное чувство глубокого сострадания к этому бедному старому ребенку, голос которого дрожал от волнения и веры в свою мечту. Я видела в душе тщетность его безумных начинаний.

А дядя Алексей продолжал:

— Наденька! Наденька! Ты мужественна душой. Ты любишь своего бедного, сумасбродного дядю? Ведь ты позволишь ему на некоторое время оставить тебя? Лишь ненадолго, дорогая моя?!

От испуга у меня перехватило дыхание. Я вскрикнула.

— Как дядюшка! Что ты говоришь? Ты хочешь один?..

— Один, — глухо сказал дядя тихим, но решительным голосом, — машина, правда, поднимает четверых, но я возьму груз.

— Ох, дядюшка! Прими во внимание свой возраст! Тебе нужен покой, уход. А тут такие опасные опыты. Пусть даже она и полетит, но малейшая ошибка, неосторожность, неосмотрительность, и ты заплатишь за это жизнью! — с горечью заметила я.

— Никакой неосмотрительности, никаких ошибок, — холодно сказал дядя. Он был рассержен и оскорблен. — Я не боюсь даже смерча, если он пойдет в том же направлении, что и машина. Э, да что ты знаешь, что понимаешь? Посмотри!

Он отворил настежь противоположные ворота и погасил свет. Мы стояли в глубокой темноте. Я видела только высь небесного свода, усеянного большими блестящими звездами. Вдруг север горизонта ожил, запылал, море зеленых огней поднялось из-за гор. Высоко, высоко протянулись они до самого зенита, погасли и снова родились из неизвестного источника, пропадая в глубинах небесного пространства.

Такого восхитительного северного сияния я еще не видала. И в этом странном зеленоватом свете резко вырисовывались контуры фантастической машины.

Дядя поднял свою худую правую руку.

— Лететь к таинственному северному сиянию! Подниматься в магическом огне, в огне, который не жжет! Достигнуть того не-

доступного места, которое смеется над человеческими усилиями! Ни Андрэ, ни Вельман! А я, Алексей Платонович Сомов!

У него вырвался неприятный смех, который заставил меня похолодеть. Я боялась припадка.

Но тут небесные огни погасли. Небесный свод был черен, как бархат. Лишь звезды горели во мраке. Я обняла дядю и успокоила его. Он затих. Нежно поцеловал меня в лоб.

— Покойной ночи, Наденька! Обещай мне, что если я не вернусь, то ты пробудешь еще полгода в этом провонявшем смолой гнезде. Только полгода — не больше. Потом можешь свободно уехать. Не ломай над этим голову. Да! Документы в железной коробке. Вот тебе ключ. Денег осталось мало, но на скромную жизнь тебе хватит. Ну, ну, успокойся, душенька! Ведь твой дядя ничего не делает сгоряча, ничего, иначе давно уже мог без нужды сломать себе голову! Хе-хе... Ну, покойной ночи, дорогая моя!..

Он поцеловал меня в лоб. Я почувствовала слезу, капнувшую на мое лицо, первую в моей жизни слезу дяди Алексея.

Я провела страшную ночь. На дворе было тихо — ни ветерка, но в душе моей бушевала буря. Несколько раз хотелось мне броситься к дяде. Был момент, когда я ощутила такое жуткое чувство страха и угнетенного состояния, что вскрикнула. Зачем я тогда не послушалась голоса своего сердца?

Утром я поспешила к деревянной пристройке. И те, и другие ворота были открыты. Кучка туземцев, в суеверном страхе, толпилась в отдалении. Никто не решался заглянуть в ангар. В отчаянии я вбежала внутрь. Пусто! Машина исчезла, а с ней и Алексей Платонович. И вы знаете, что он не вернулся.

Итак, господа, я исполнила то, что хотел от меня дядя. Я ждала его. Каждый день надежда то покидала, то возвращалась ко мне, надежда, что дядя Алексей все-таки появится на моем пороге.

В первое время я думала, что он разбился со своей машиной где-нибудь в окрестностях поселка. В сопровождении Качуа — немого механика, осмотрела я каждую пядь островка.

Потом явилась у меня мысль, что он пропал в море. Мы осмотрели прибрежные воды. Эскимосы на каяках и умияках внимательно прошли залив. Ничего!

Я не нашла никаких следов. Дядя исчез, словно пылающий горн северного сияния втянул в себя воздушную машину вместе с соорудившим ее человеком, и поглотил его, как притягивает и уничтожает огонь ослепленного им мотылька.

Я представляла его — одинокого, старого, больного — в этой арктической пустыне! Мысли эти приводили меня в отчаяние! Ночью меня мучили страшные сны. Но потом это прошло! Явилась тихая покорность судьбе.

Несчастный старик исчез навсегда в пустынях полюса, и я уже

оплакала его. Стала думать о возвращении в цивилизованный мир, так как послезавтра будет восемь месяцев с той ночи, как исчез дядя. А теперь, когда я уже перестала надеяться, вы приносите эти его странные и непонятные письма. Когда он их писал? Я не знаю. Но он был жив, коль скоро их писал!

V

История была, без сомнения, чрезвычайно фантастическая. Тем не менее, ничего не оставалось другого, как поверить, что мы не игрушки тяжелого сновидения очаровательной девушки.

Мы осмотрели сарай. Посетили светличку профессора в доме эскимосского миссионера, где до сих пор валялись груды специальной литературы, смятые наброски и планы, а также инструменты и орудия, как в мастерской механика.

Фелисьен предпринял со мной и Надеждой прогулку на западный берег острова Упернавик.

Мы хотели осмотреть знаменитую птичью гору, величайшую в северной Гренландии. Тысячи, нет, миллионы морских птиц гнездятся здесь в отверстиях крутых скал. Целые тучи их летают с моря к скале и обратно, и волны покрываются тысячами птичьих тел. Каждый вид образует отдельную колонию, заселяющую определенный этаж скалы и с жаром отстаивающую свое становище. Стаи красивых гаг, чаек-буревестников издают отвратительный своеобразный крик, усиливающий суматоху этого птичьего Вавилона.

Туземцы в пору гнездования гаг собирают в огромном количестве яйца и увозят в поселок то, что не могут съесть на месте.

Шум этой громадной птичьей колонии похож издали на глухое несмолкаемое ворчанье.

Дул сильный, северо-восточный ветер, и временами шел мелкий снег. Вчера ночью было 18 градусов мороза.

Надежда была еще бледнее, чем обычно, и молчалива. Когда мы возвращались, она не смогла уже подавить своего волнения и обратилась ко мне с просьбой.

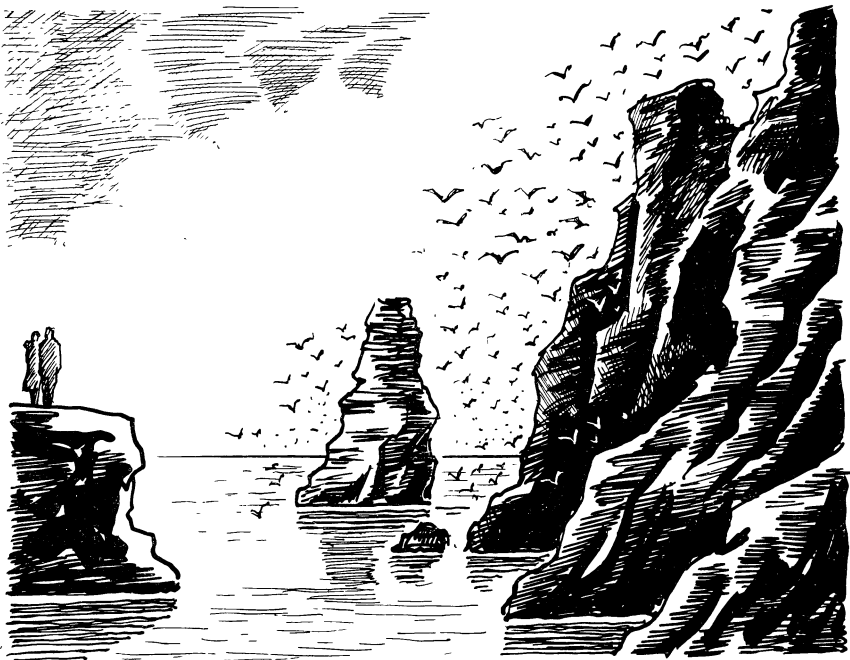
— Я должна сегодня поговорить со Снеedorфом. Не могли бы вы оказать мне небольшую любезность?

— Все, что будет в моих силах.

— Я хочу кое о чем попросить Снеedorфа. Он очень любезен и, вероятно, не откажет... Но все же обещайте мне, что поддержите мою просьбу.

— Обещаю.

Она поблагодарила кивком головы. Я уже догадался, чего хочет эта удивительная девушка. Но вечером, прежде, чем она заговорила, Снеedorф сам обратился к ней.

— Надежда, маршрут нашего пути вам известен. Небольшое отклонение для меня ничего не стоит, и я решил достигнуть того места, где пересекаются географические линии, указанные в письме вашего дяди. Это очень простая вещь. Обыкновенное любопытство.

Я с удовольствием обнял бы Снеедорфа. Фелисьен Боанэ ликовал вовсю. Девушка молча поклонилась и, прежде чем старик смог помешать этому, схватила его руку и поцеловала. Тронутый до слез естествоиспытатель поцеловал ее в лоб, как дочь. Он хотел отклонить от себя, как незаслуженную, всякую благодарность. Надежда подняла свою красивую голову с определенным решением. Ее глаза блестели отвагой и энергией, когда она сказала:

— И я... я поеду с вами.

VI

«Звезда Севера» стояла на якоре в небольшом заливчике на северо-восток от Упернавика.

Материковый лед доходит здесь до самой воды. С правой стороны спускается к морю громадный зеленоватый глетчер — выступ бесконечного ледяного пространства.

На востоке поднимается материковый лед. Если смотреть на

него издалека, с моря, он кажется голубой отвесной стеной. Вблизи, однако, видно, что он спускается к морю уступами, в виде мощных террас.

Долгое время Гренландия являлась загадкой. Лишь со времени экспедиции Нансена мнение о Гренландии установилось. Эта страна представляет сплошной ледник. Давно установившиеся климатические условия привели к тому, что обильные снеговые осадки заполнили все долины до самого верха гор.

Под ужасным давлением снег превратился в лед. Пласты льда росли, пока вершины гор не исчезли под ними. И весь край с его холмами и долинами, горами и равнинами лежит теперь глубоко под ледяной, всеящей миллиарды тонн, корой. Лишь узкая полоска западного побережья осталась свободной от этого ледяного панциря. И там прозябают остатки эскимосских племен.

Чем дальше к северу, тем больше подходит к берегу материковый лед. Под давлением бесконечной тяжести, часто с довольно значительной скоростью скользит он по склонам и, достигнув моря, вдруг утрачивает почву. С громким треском отламываются от него ледяные горы и плывут в виде фантастических ледяных громад, постепенно разьедаемых теплым воздухом и морем.

Экспедиция Снеedorфа поставила себе целью пройти по этому безутешному краю света, по ледяной Сахаре, страшной в своем пустынном оцепенении.

Но честь датского флага, научный интерес и возрастающее желание узнать, что за сюрпризы таит в себе место, откуда пришли загадочные письма, — все это не позволяло отступить назад.

Загадочный пункт, указанный профессором Сомовым, служил неисчерпаемым предметом наших разговоров.

Вероятнее всего, Алексей Платонович не достиг полюса, а был занесен бурей куда-нибудь к востоку, сброшен на гренландский ледник и оттуда уже посылал свои отчаянные записки. Или же — и это лишь одно предположение — застрял в каком-то свободном ото льда оазисе.

— Ну, а банка, брошенная в море, — в *море*, понимаете ли, объясните мне это! — прервал с отчаянием Фелисьен Боанэ.

Да, море!.. Это мы никак не могли объяснить. И эта загадка гнала нас всех немедленно отправиться в дорогу. Решено! Вместо того, чтобы лазать с геологическими молотками по прибрежным скалам, я участвую в экспедиции вместе с Фелисьеном Боанэ.

Мы пройдем, во что бы то ни стало, через снега и льды. Будем бороться с арктической пустыней, самой страшной из всех пустынь. Впрочем, я не знаю, как мы добились того, что Снеedorф согласился на наше смелое желание. Двое из команды «Звезды Севера», Педерсон и Эвальд, храбрые моряки, которые были выбраны сопровождать экспедицию, должны были уступить нам свои места. Я забыл упомянуть, что место геолога было в экспедиции

свободным. Эрик Иогансен из Копенгагена, входивший в экспедицию с начала пути, заболел и был высажен на Фаррерских островах. Я занял его место, Снеedorф признался, что он уже давно желал этого, но не решался мне предложить.

Итак, список участников определился: Снеedorф — глава экспедиции, Петер Гальберг — шофер автомобиля, Стеффенс — механик и помощник Гальберга, я — геолог, Надежда и Фелисьен — путешественники, Сив — слуга Снеedorфа и повар экспедиции. Эскимос Эква, нанятый в Упернавике, — проводник.

Я не мог отделаться от мысли, что присутствие Сива не обещает мне ничего хорошего.

Зато Эква — прелестный человек. Это живой как ртуть, молодой, веселый, проворный, изобретательный малый. Китобойное судно привезло его, оставшегося сиротой, беспомощного подростка, в Упернавик, и тамошний пастор взялся за его воспитание. Он выучил его также искусству бегать на норвежских лыжах — искусству, которым Эква бесконечно гордился и которое возбуждало удивление со стороны его туземных товарищей. Он — единственный из эскимосов — имел достаточно отваги, чтобы пуститься с нами в дорогу. Сам он, преследуя оленей, несколько раз вступал на окраины ледников и был мастером в охоте на белых медведей.

Между тем, разгрузка быстро продвигалась. На берегу возник целый поселок. Было поставлено несколько палаток из оленьих шкур, а из Упернавика прибыло сюда с полдюжины каяков и умяков.

Туземцы толпой следят за нашими сборами. Когда они узнали про наше намерение вступить на «Сормоксуак» — большой ледник, то были сильно перепуганы. У эскимосов существует суеверный страх перед опасным «Внутриземьем». Они всячески отговаривали нас, а когда увидели, что мы не обращаем на это внимания, стали пророчить гибель экспедиции.

В добавок ко всему, туземные охотники, снабжавшие наше судно свежим мясом, застрелили в горах белого оленя, а это, по поверью туземцев, означает большую опасность, ожидающую нас в тех туманных далях, куда мы хотим так дерзко проникнуть.

Подготовительные работы идут между тем превосходно. Части машин, сани, оружие и утварь складываются на скалах. В свободное время некоторые из нас навещают, в сопровождении Эквы, тот пункт, откуда мы начнем свой путь. Проворному туземцу удалось найти очень удобное место для этого.

Сначала придется идти по краю длинной морены, которую образует выступ глетчера; оттуда на твердый ледяной склон, который полого поднимается к западу.

Самым тяжелым будет переправить по частям весь наш багаж вверх по склону, по осыпям, по ступеням скал, через снеговые сугробы, на первую ледяную террасу. Отсюда мы начнем двигаться вперед на машине к северо-востоку. Состояние льда здесь пре-

восходно. Трещины, делающие летом край материкового льда почти непроходимым, сейчас заполнены плотным снегом.

Неделя тяжелой работы, наконец, подошла к концу. Все мужчины участвовали в ней. Эскимосы ревностно помогали нам. Благодаря энтузиазму носильщиков нам удалось преодолеть самые трудные препятствия.

Место для лагеря было выбрано на высоте пятисот метров над уровнем моря и в четырех километрах от берега. Отсюда видно залив и весь изборозженный морщинами ледник, по которому мы шли, — ледник, обтекающий подобно реке черные выступы скал и окаменевший по одному знаку могучего духа, поселившегося в земле страха и ужаса, который, по верованиям эскимосов, находится за этими ледяными стенами.

Глубоко внизу, в темном заливе, стоит на якоре «Звезда Севера», за заливом виднеется море, покрытое салом и громадными ледяными горами, которые блестят и искрятся на солнце.

Насчет погоды мы спокойны. До сих пор только однажды была сильная метель, завалившая место стоянки сугробами снега.

Петер Гальберг и Стеффенс, конечно, без промедления стали собирать машины. Им помогают механики и машинисты шхуны. Приятно видеть, с каким искусством и охотой работают эти люди. Ночи мы проводим в палатках. Мы приучаем себя к будущим невзгодам и не боимся их. Но отходить от нашего лагеря небезопасно. Лучше всего при каждом шаге внимательно палкой опробовать снег. На одной такой прогулке на лыжах мне пришлось убедиться, что прочность ледяного покрова довольно относительна. В некоторых местах пласты снега образуют свод над трещинами льда. У самых ног сопровождавшей меня Надежды вдруг открылась трещина. Девушка осталась на краю зияющей бездны только потому, что, не теряя присутствия духа, оперлась лыжной палкой о край открывшегося провала. Палка постепенно проваливалась, и девушка медленно скользила в пропасть.

Я моментально оказался около нее и помог выбраться. У девушки не вырвалось даже крика. С минуту стояла она, нахмутив брови.

— Вы не ушиблись? — спросил я в испуге.

— Нет, — сказала она просто. — А знаете ли вы, что спасли мне жизнь?..

Я опустил глаза под ее серьезным и глубоким взглядом.

VII

Машина наконец-то собрана. Она стоит, готовая от одного движения рычага двинуться в дорогу. Она, конечно, мало похожа на автомобиль. Выглядит она как крытый снеговой плуг с несколькими окнами и со стеклянной передней стенкой.

Петер Гальберг усовершенствовал идею инженера Чарльза Берга из Миннеаполиса. Это машина с четырьмя винтами, на горизонтальной оси вместо колес. Винты приводятся во вращение независимо друг от друга сильным мотором в шестьдесят лошадиных сил, использующим энергию паров спирта. Спирт, как известно, замерзает только при сорока градусах ниже нуля, но тот, который мы везем с собою, приготовлен особым способом, составляющим тайну Снеedorфа, и точка замерзания этого спирта гораздо ниже.

Использованные спиртовые пары сгущаются и могут быть снова употреблены для наполнения мотора. Части машины поставлены фирмой «Мерседес». Винты изготовлены из прочнейшей стали, их крылья имеют тонкие и острые края, как у коньков. Диаметр винтов значительно больше, чем предлагал Берг; благодаря этому, Гальберг достиг не только большей быстроты, но и большей сохранности мотора.

Направление движения машины зависит от направления вращения винтов, укрепленных на особых коленах, и от двух стальных упоров в форме полумесяца, выполняющих функцию рулей, врезающихся в лед и снег и приводимых в движение сжатым воздухом. Машиной, построенной из удивительно легкого материала, можно управлять с необыкновенной легкостью из кабины шофера.

Имея ввиду страшные морозы «Внутриземья», инженер снабдил свою машину остроумными нагревательными аппаратами и использовал новые теплоизоляционные материалы.

Нижняя часть машины походила на днища березовых челноков канадских краснокожих или на днища лапландских саней. По мягкому снегу автомобиль может скользить, по воде — плыть.

Испытание машины, проведенное прошлой зимой в Дании, дало изумительные результаты. Она удачно берет крутые подъемы и при благоприятных условиях может двигаться со скоростью тридцать пять километров в час.

Внутреннее помещение автомобиля представляет из себя два купе со спальными местами, как в спальнях вагонов. Эти купе будут предоставлены Снеedorфу и Надежде. Остальным участникам экспедиции придется ночевать в спальных мешках в палатках, изготовленных из непромокаемой парусины и крепкой шерстяной материи. Но будущие неприятности нас не пугают. Пока поверхность ледников под нашими ногами будет достаточно ровной, мы будем двигаться вперед с удобством, так как все найдем место в автомобиле и в санях, которые автомобиль потащит за собой.

Сани наполнены всевозможными запасами. Тут пеммикан*, сгущенное молоко, шоколад в таблетках, консервы, морские суха-

* Сушеное мясо

ри, масло, запасы гороховой муки, чая, кофе, табака, сушеной зелени и так далее. Для каждого участника отведено определенное количество запасов, и подбор их сделан так, чтобы не было нарушено оптимальное соотношение питательных элементов: белков, жиров и углеводов.

Что касается оружия, то имелось несколько добрых винчестеров с разрывными пулями, на случай встреч с белыми медведями или оленями в прибрежных горах. Было еще два ружья крупного калибра, которые стреляли, в сущности миниатюрными гранатами. Для меня сначала было непонятно, для чего собственно взял Снеedorф эти чудовища. Потом я узнал, что они были предназначены для моржей — громадных и крепких животных.

Хронометры, компасы, секстанты, анероиды, гипсометры, барометры, спиртовые термометры, подзорные трубы, фотоаппараты с запасом пленок — также не были забыты.

Имелись: набор наиболее важных инструментов для ремонта машины и саней, топоры, ножи, лопаты; запасы спирта в жестяной посуде уложены были так искусно, что, составляя большую часть багажа, мешали менее всего. Снаряжение дополнялось походной аптечкой и каучуковой надувной лодкой. Шестнадцать пар норвежских дубовых лыж и три пары канадских с соответствующим числом бамбуковых палок давали нам возможность легко двигаться по снежной равнине.

Наконец, последние приготовления были закончены.

Трещины, как и повсюду на краях ледников, тянулись в разных направлениях; иногда они пересекались, но Эква отыскал удобную дорогу по твердым террасам ледяного поля. Снег был твердый, мерзлый, а в некоторых местах сильный ветер обнажил лед.

Весь экипаж «Звезды Севера» явился проститься с нами, и мы устроили под открытым небом маленький банкет. Фелисьен превзошел самого себя в блестящих оригинальных тостах. А потом мы пристегнули лыжи и стали ждать сигнала к отъезду. В начале пути каждому было стыдно воспользоваться санями.

По знаку Снеedorфа на небольшом шесте был поднят датский флаг, который мы приветствовали троекратным «ура». Между тем, мотор автомобиля уже подал свой голос. Вслед за тем взвился штандарт с гербом Гренландии — поднявшимся на дыбы белым медведем на голубом поле. В этот момент внизу, в фиорде, слышались гулкие выстрелы, с громовым треском отразившиеся от скал. То был салют со «Звезды Севера». Нильс Киркегор начал быстро моргать, хотя при этом и старался улыбаться. Но видно было, как его серые глаза начинают покрываться предательской влагой.

— Да будет удача на вашем пути! — спокойно сказал Снеedorф.

— Будьте счастливы! — стискивая поданную руку, ответил капитан.

С искренней трогательностью мы расстались.

«Звезда Севера» должна была простоять в фиорде еще неделю, на случай, если нам придется вернуться из-за непредвиденных затруднений в самом начале пути.

Автомобиль «переводил дух». Его мотор ровно и правильно работал. Петер Гальберг уверенно сидел в закрытой стеклом кабине, держа руки на рулевом колесе. По данному знаку винты начали свое вращение, и машина не спеша двинулась вперед. Веревка от саней натянулась, и они заскользили следом. Гуски залаял, весело прыгая около машины.

Люди, стоявшие на месте бывшего лагеря, кричали и махали на прощание. Их крики затихали, фигуры уменьшались. Машина шла вперед, взбираясь на ледяной вал, и люди, собравшиеся на вершине ледника, исчезли из наших глаз.

VIII

Выглядели мы все поистине необычно. Если в таком виде Фелисьен появился бы на бульваре, я думаю, что парижские обыватели приняли бы его за фантастического шофера, который не сумел как следует одеться. Башлык из прорезиненной материи, фуражка с наушниками и куртка из волчьего меха, шерстью наружу, громаднейшие перчатки, обшитые кожей, штаны из оленьей шкуры и, в добавление к этому, защитные очки!

Он, Стеффенс и Эква в своем эскимосском наряде составляли мохнатую троицу, которая неожиданно появившись, могла бы наполнить страхом самые отважные сердца.

Но Сив выглядел еще более дико. Запрятав свою черную голову и все тело в белый косматый медвежий мех и скрыв свои коварно-неспокойные глаза за стеклами очков, он был похож на страшного зловещего зверя, с изумительной быстротой и проворством нырявшего среди сугробов снега.

Я предпочел шерстяную одежду, и мне не пришлось раскаиваться в этом. Плотная нижняя исландская куртка превосходно служила во всякую погоду. Но я запасся еще и другой переменной из непромокаемой, легкой, превосходно прорезиненной материи, удобной на случай вьюги. Шутить было нечего. Надо было готовиться к холоду, необычайно суровому, страшному холоду высокого материка.

Наша обувь, изготовленная в Копенгагене, представляла собой своеобразную комбинацию снеговых гамашей с эскимосскими «ка-

миккерами». Она тепла, удобна, и к ней легко пристегиваются лыжи. Снеговые очки, которыми пользуемся мы все без исключения, предохраняют нас от потери зрения от яркого, отраженного снегом света. В солнечные дни они будут нам безусловно необходимы. Сделаны они из темно-серого стекла и снабжены тонкой проволочной сеткой — дополнительным средством против сильного света.

Эква носит туземные очки, изготовленные из черного дерева и снабженные узкой горизонтальной щелью. Так как во время бега на лыжах это приспособление мешало ему смотреть вниз, мы усовершенствовали его очки, прорезав их двумя дополнительными щелями, пересекающими первую под прямым углом.

У каждого из нас был мешок за спиной.

Мы двигались вперед медленно и осмотрительно, так как глетчеры и при благоприятных условиях небезопасны. Мы поднимались с террасы на террасу вверх по склонам, ложбинам, через холмы, бугры и отвердевшие сугробы.

С некоторых пунктов можно было видеть пояс черных береговых скал, далекое море, фиорд, а в подзорную трубу мы различали и небольшие движущиеся точки на поверхности крайнего глетчера — друзей, недавно оставленных нами.

Тусклый, слабый свет освещает ледяную пустыню. Приближается время долгого дня, и солнце, ненадолго скрывшись за горизонт, снова поднимается на востоке, пробегая полный круговой путь.

Мы миновали несколько громадных трещин и заглянули в одну из них. Блестящие ледяные стены трещины терялись в черносиней глубине. Трещина была шириной почти в двадцать метров. Мы находимся на высоте в три тысячи пятьсот футов. Автомобиль работает безукоризненно. Винты крутятся и блестят в тусклом свете, как свивающиеся змеи. Бесконечная борозда в снегу и льду за нами отмечает наш путь.

Через пять часов непрерывного движения машина остановилась. Последние голубоватые отблески на западе исчезли.

Снеedorф и Надежда вышли. Надежда была так мила в своей кожаной с башлыком шапочке, в облегающей шубке, в теплых спортивных шароварах и короткой шотландской юбке. Мы начинаем разговор, снова поздравляем Петера Гальберга. Потом ставим палатки. Спальные мешки уже готовы. Снег тает в кипятильных приборах. Лагерь разбит. Воткнуты в снег лыжи и шесты. Фелисьен прибыл в довольно скверном настроении. В громаднейших перчатках, которые могли бы возбудить страх и ужас в горде, он гневно стискивает ружье.

— Что за земля здесь? Отвратительный край! Ни одного белого медведя! Ни одного песца, ни одного оленя! Нет даже несчастной белой куропатки!..

Действительно, широкая равнина, лежащая вокруг, пуста и мертва в морозном воздухе. Тихо, абсолютно тихо. Нигде ни живой твари, ни былинки. Это поистине ледяная пустыня.

IX

Странное чувство охватывает нас, когда мы, незначительная группа смельчаков, проникаем в эту глухую, мрачную пустыню. Пустыня смыкается за нами и охватывает нас с каждым часом все больше и больше.

Лед теперь перед нами, как бесконечная, неизмеримая белая равнина, чуть заметно повышающаяся к востоку, — равнина под куполом светло-голубого неба. Куда приведет нас она, если мы будем постоянно подниматься?

Утром, когда этот ледяной край затянут мглой, приходится руководствоваться компасом на каждом шагу. Машина идет вперед медленно, хотя область трещин и неровностей осталась далеко-далеко за нами.

Каждый полдень Петер Гальберг производит измерение широты и долготы. Сегодня высотомер показывает шесть тысяч пятьсот футов, а счетчик расстояния, — что машина прошла шестьдесят километров. Научные исследования делаются, конечно, регулярно и тщательно.

Однажды произошел эпизод, ясно иллюстрирующий, как нео-

жиданна и коварна ледяная пустыня, и как малейший недосмотр может привести к катастрофе.

Юго-восточный горизонт был затянут мглой. Я стоял на лыжах на широкой равнине. Я забежал далеко вперед и видел машину, как неопределенное темное пятно на фоне белой поверхности льда.

Я один среди бесконечной тишины. Эта тишина говорит, сказал бы я. Слышен шум собственной крови, пробегающей по жилам. Охватывает бешеное желание лететь на лыжах вперед, все вперед, дальше и дальше, без конца, без границы, только бы избежать чувства какой-то особенной угнетенности.

Вдруг я заметил, что на меня несется снежный смерч. Мысль о грозящей гибели мелькнула в моем мозгу. Не теряя ни секунды, я понесся к автомобилю. Но было уже поздно. Сильный юго-западный ветер налетел, как бес. Я едва успел накинуть на голову башлык. В одно мгновение весь край исчез. Вихрь выл и гудел. Потемнело. Я остановился. Снежная буря необузданно гналась по склону к морскому берегу. Она гнала перед собой волны сухого и мелкого, как пыль, снега и кружила его. Пыль эта проникала повсюду, щипала, резала, замораживала тело. Она пробиралась и сквозь закрытые ресницы.

Буря стихла, умолкла и вдруг завывала еще сильнее. Я сделал

два-три неуверенных шага, сопротивляясь свирепому ветру всем весом своего тела. Куда двинуться?

Я слишком хорошо знал, что такие бури порой длятся по нескольку дней. Но в таком случае ясно — я погиб. Дороги к машине я не найду. Ориентироваться в этой ужасной метели невозможно. Надежда, что меня отыщут, была невелика.

Я почувствовал, как виски словно чем-то сдавило. У меня перехватило дыхание, а сердце начало сильно стучать.

Словно насмехаясь над моей беспомощностью, буря завывала, и облака мелких ледяных кристаллов со свистом полетели мне в лицо. Я двигался, как пьяный, и лишь усилием воли победил первое замешательство. Пытаясь определить место, где находится автомобиль, я некоторое время растерянно крутился. Потом начал двигаться вперед в том направлении, которое казалось мне самым верным.

Как мало я имел надежды!.. Через сотню шагов я понял, что моя попытка безрассудна. Я был оглушен и утомлен. Голова у меня кружилась. А буря не переставала.

Я начал кричать. Вихрь вырывал каждый звук еще у рта и уносил в бушующую тьму. Под постоянными ударами ледяного ветра я почувствовал, что начинаю замерзать.

С большим усилием я утолил снегом жажду и поплелся наугад в обратном направлении. Я боялся сесть. Не значило ли это замерзнуть?

У меня не было с собой огнестрельного оружия, чтобы дать знать о себе. Впрочем, кто мог поручиться, что выстрел услышат.

Удивительное спокойствие и покорность судьбе охватили меня. Я перестал размышлять и уже не думал о самосохранении. Вдруг я заметил, что нахожусь с подветренной стороны сугроба, и стал механически снимать лыжи.

«Э... э...» — говорю вслух, без всякого повода. Думаю, что тогда я тихонько улыбался. Чувство смертельного утомления взяло верх над другими. Не отдавая себе отчета, я воткнул лыжи в снег, выгреб яму и свернулся в ней клубком. Метель нанесла снег кругом меня и на меня. И через минуту я был покрыт им, словно скорлупой.

В этом убежище было тепло, а главное — спокойно и тихо. С наслаждением я слушал, как буря шумит надо мной. Я то засыпал, то снова просыпался.

Я не могу точно передать того особенного состояния, в котором я находился. Меня поражали галлюцинации и полубредовые картины. Мне казалось, что буря прошла. Влажный и благовоный воздух над большим городом полон белесоватых испарений, сливающихся с синевой небосвода; жаркое утреннее солнце нагрело после прошедшей бури крыши города. Черепичные крыши блестят от влаги, и трубы отбрасывают резкие тени. Далеко за рекой,

среди золотистых испарений, вздымаются бесчисленные башни, — так это, действительно, мой милый, милый город! Мне так свободно. Но картина постепенно исчезает, расплывается в тумане, а я впадаю в оцепенение.

Что-то шероховатое, теплое касается моего лица. Я с трудом возвращаюсь к жизни. Где я? Что со мной?

Слышу сверху протяжные вздохи ветра. Долго не могу разобраться в положении. Какое-то хвостатое чудовище стоит надо мною и наклоняет свою морду к моему лицу. Я гляжу на него в оцепенении.

Я хочу защититься, но прежде, чем успеваю пошевелить своими оцепенелыми членами, зверь с радостным лаем бросается ко мне на грудь.

О, радость, да ведь это Гуски! Я хочу встать, — и не могу. Хочу обнять пса, — но он исчезает, издавая отрывистый лай. Так это была галлюцинация, призрак! Обман чувств, горячка... Я снова засыпаю. Метель прикрывает меня новым пластом. Я слышу, на самом деле, голоса людей? Ошибки быть не может. Лай, радостный лай. Гуски лежит у меня на груди, а чей-то взволнованный голос кричит:

— Здесь он, здесь! Скорей, скорей!

Мне кажется, что этот голос дрожит, и я вижу лохматую фигуру Фелисьена, с головы до ног покрытого снегом, на краю снежной ямы, в которой свернулся я. Он старается поднять мне голову. Маленький Эква бродит, утопая в сугробе, возле него. Они куда-то несут меня, бессильного и спокойного. Тут я различаю, во время перерывов бури, сильное гудение автомобиля.

Через некоторое время я лежу в палатке. Меня оттирают снегом и разминают. Кто-то вливает мне в рот что-то теплое, подкрепляющее силы. Я жадно глотаю и чувствую, как жизнь возвращается ко мне. Смутно различаю лицо Надежды, очень бледное, встревоженное. Я пытаюсь улыбнуться, но засыпаю.

Проснулся я в теплом купе. Мы стоим. Через оконце ничего не видно. Его покрывает иней и слой снега. Я чувствую новые удары вихря, сотрясающие автомобиль. Так буря еще не прошла? Надежда сидит у моего ложа, как сестра милосердия. Ее тонкий профиль — это первое, что я замечаю. Увидев, что я проснулся, она очень обрадовалась. Я чувствую себя крепким и здоровым.

— Благодарю вас, Надежда, вы лучшая девушка в мире.

Она задумчиво и серьезно улыбается, словно терпеливо слушает речь ребенка.

— Я был страшно неосторожен. Страшно глуп! Не будь вашей собаки...

— О, Гуски молодец, — ответила она. — Мы уже были убеждены, что больше вас не увидим. А как убивался Фелисьен!

— Фелисьен... он хороший малый!..

Надежда поправила подушки у меня под головой. Э, да тут Гуски! Он сидит у постели с поднятыми ушами; глаза у него так и играют от удовольствия. Я глажу славное животное, которое лижет меня от радости.

— Делго ли я был там? — робко спрашиваю я, повернувшись к замерзшему оконцу.

— Двое суток...

— Двое суток? И это возможно? Как же можно такое выдержать и не замерзнуть?

— Вы лежали, словно в снеговой берлоге, где держалось немного вашего тепла. Настоящая, естественная снеговая хата! Когда буря спала, собака отыскала вас, разрыла снег и привела помощь. А знаете, где вас нашли?

— Ну?

— Меньше шестидесяти шагов к западу от машины.

— Так! Это называется погнубуть на пороге дома.

Мы замолчали.

Х

Только на третий день к вечеру буря совсем утихла. Ветер вылизал поверхность снега, и она стала гладкая, как эмаль. Вокруг автомобиля образовался громадный сугроб. Потребовалось несколько часов упорной работы, чтобы освободить засыпанную машину. А потом мы немедленно отправились в путь.

Равнина все время повышается. Мы еще не достигли вершины

плато. Ледяной панцирь, покрывающий Гренландию, представляется ученым в виде половины лежащего конуса, верхушкой обращенного на юг. Наибольшая высота этого панциря еще неизвестна. Достигнутая Нансенем высшая точка лежит в двух тысячах семистах восемнадцати метрах над уровнем моря. Очевидно, на севере ледяной слой поднимается гораздо выше. Некоторые говорят и о четырех тысячах метров. Предположительно толщина ледяной коры достигает местами двух тысяч метров и давит на поверхность почвы с ужасной силой. И если эта масса льда под действием своего веса, двигается по склону, — какая получается при этом сила давления! Вот почему своей тысячелетней постоянной работой льды вырывают глубокие долины.

Мы находимся уже на высоте облаков. Барометр показывает семь тысяч пятьсот футов. Никогда я не забуду этой части пути.

Из далеких таинственных областей Гренландии, с северо-востока, вдруг появляются седые угрюмые облака.словно чудовища, несутся они низко над самой ледяной равниной и моментально окутывают нас густой холодной мглой.

На минуту немного проясняется, но уже новые массы облаков движутся по белой равнине, чтобы снова окружить нас. И когда эти тучи уходят, вся машина, сани, люди и собаки — все покрыто слоем тонких нежных кристаллов. Есть в этом что-то такое, что наводит уныние.

Мы двигаемся в недра неведомой пустыни, от которой веет ужасом. Когда тучи уходят, и печальное солнце начинает тускло освещать этот оцепенелый край смерти, нас охватывает какая-то тоска. Никто уже не говорит громким голосом. Через голубое или серое стекло наших очков этот край кажется краем другой планеты.

Слышно, как ритмично дышит машина. Мерзлый снег скрипит и хрустит. Даже Фелисьен не решается произносить свои ядовитые замечания. Он сидит в санях, высоко на багаже, молчит, и во время остановок можно слышать, как он попеременно то зевает, то вздыхает. Снеedorф задумчив. О чем он думает? А Сив беспокойно ворчит.

По временам, когда небо ясно и печально, поднимается сильный ветер. В одно мгновение сыпучая, сухая снежная пыль начинает двигаться по всей шире равнины. Высоко белым пламенем взвивается она к небесам и мчится вперед, ложится и снова срывается с места. Бывает здесь и полярный самум. Его воздушные вихри образуют снежные столбы, которые, кружась, медленно двигаются по снеговой равнине.

Какой-то путешественник назвал центральную часть Гренландии ледяной Сахарой. Нельзя придумать более точного определения.

Снежная пыль становится все более ужасной. Она проникает

всюду, в малейшие отверстия и причиняет настоящую пытку. Безветрие приносит нам некоторое облегчение.

Сегодня мотор вдруг отказал. Оказалось, что у «барышни», как выражаются наши профессионалы-автомобилисты, в первый раз случилась поломка в карбюраторе.

Вскоре мы снова пускаемся в путь. Медленно, но неуклонно наши разговоры приобретают безнадежную мистическую окраску. В этой бесконечной, однообразной, мертвой и грозной, безжизненной пустыне мы должны найти живым Алексея Платоновича.

Где же следы какого бы то ни было свободного ото льда оазиса? Их нет. Напрасно Снеedorф смотрит в подозрную трубу. Он откладывает ее каждый раз усталым движением, полным разочарования.

Солнце начинает выбираться из тумана. Мы останавливаемся. Солнечный свет становится сильнее, и отражение его от снеговой равнины невыносимо.

Утро. Вода бурлит в кипятыльниках. Все мы чувствуем усталость и утешаемся лишь мыслью о горячем напитке.

Фелисьен насвистывает какую-то задумчивую мелодию и вдруг, осторожно опуская в чайник небольшой кубик прессованного чая и потрясая своей хвостатой шапкой, необыкновенно меланхолическим голосом восклицает:

— Нет, друзья, нет никакого оазиса. Чего ждать? Ну, пусть профессор Сомов измерял географические широты и долготы в этой пустыне. А потом он просто-напросто улетел на своей машине куда-нибудь на западный берег и уже оттуда, видимо, тяжело больной, прислал свои записки.

Об это мы и не подумали! Вся наша так красиво построенная теория о свободном ото льда оазисе является только миражом. А между тем все данные пока доказывают справедливость утверждения Фелисьена.

Я поглядел на Надежду. Как она побледнела. Ее маленькая ручка сжалась. Глаза заискрились. Но как раз в этот момент Снеedorф осторожно вынимает изо рта трубку и, спокойно глядя на француза, говорит:

— А все же мы поедем дальше.

Все та же пустыня. Мы останавливаемся опять на полдня для небольшой починки машины, часто попадаем в наносы зернистого снега, через который автомобилю приходится пробираться с трудом, как сквозь сыпучий песок. Временами особые белесоватые туманы закрывают горизонт, и в такие минуты случается, что мы вдруг видим высоко в воздухе громадный чудовищный автомобиль, грозно двигающийся в облаках посреди окружающего его блестящего белого круга, — громадную движущуюся тень, закрывающую половину неба, в сопровождении наших во много раз

увеличенных фигур. Потом это явление бледнеет, расплывается, и только его светящийся ореол остается еще несколько мгновений на небе.

Необъяснимое повышение температуры очень сильно меня беспокоит. Несмотря на то, что мы неуклонно продвигаемся к северу, ртутный столбик в термометре поднимается вверх. В силу каких загадочных влияний происходит это? И сегодня температура повысилась. Свежевыпавший снег стал влажным, налипает на лыжи и сани и приводит нас в отчаяние.

Фелисьен показывает мне барометр. Его стрелка как безумная скачет по циферблату. Мы смотрим на небо. На востоке, над самым ледяным полем, оно потемнело. Мы останавливаемся, зная, что это обычный признак бури.

Машина замолчала, и давящая тишина наполнила край. Уже издали видно, как поднимается снежная пыль. Тяжелые облака грозно двинулись на плато. Наступил мрак. Нас поглотила страшная метель, смешанная на этот раз с дождем.

Но что же это такое? Раздается треск громовых ударов! Воздух наполнен электричеством. Из мельчайших частей машины выскакивают беловатые огоньки. На металлическом острие наших лыжных палок светятся зеленоватые шарики.

Каждая снежинка — светлый атом, искра холодного огня. При соприкосновении они издают треск, как маленькие молнии, и причиняют колющую боль. В общем хаосе они крутятся сверху вниз и перелетают, как искры пожара. Потом пошел град — крупный и тяжелый, светящийся град. Каждая градина — миниатюрный конденсатор электрической энергии.

В крошечной тьме это поразительно красивое зрелище. Длинные бесшумные молнии освещают тьму фиолетовым светом, а бешеная светящаяся метель с двойной силой сечет равнину. Я соскочил с саней и побежал к машине.

Двери заднего купе были открыты, и я увидел окруженную синеватым светом фигуру Надежды, которая сложив руки, спокойно созерцала это волшебное явление природы.

Но едва я отошел, какая-то тень вынырнула из мрака. Я услышал гневный крик. Мне показалось, что на Надежду напали. Кто же это такой?

— Надежда! Надежда! — в тревоге крикнул я и бросился назад. Одна из борющихся фигур по-кошачьи прыгнула в сторону и исчезла. — Надежда, это был Сив?

Девушка схватилась за меня трясущейся рукой. Она тяжело дышала.

— Негодяй... Он осмелился... осмелился обнять меня...

В эту минуту вдруг прояснилось. Электрическая буря пролетела дальше, исчезая на юго-западе, и тусклый свет бесконечного полярного дня снова озарил край.

Теперь только я припомнил различные детали, которым до сих пор не придавал значения: как Сив кружил поблизости от Надежды, его преувеличенную услужливость, которую девушка принимала лишь за старательность хорошего слуги; бросаемые украдкой пламенные взгляды, которыми провожал молодую девушку этот человек.

Я ничего не сказал Снеedorфу о поведении его слуги. Надежда сама потребовала от меня, чтобы я замял этот случай. Но она просила у меня защиты, и я решил, что если Сив решится приблизиться к ней, ему будет худо...

Прежде чем мы снова двинулись в поход, я отыскал Сива и сухо сказал ему:

— Я считаю все происшедшее за припадок невменяемости. Иначе я тотчас сделал бы то, что сделаю при повторении подобного. — Сказав это, я поднес браунинг к его носу. — Я застрелю тебя, как бешеную собаку.

Сив втянул еще более голову, съежился и без ответа отвел свои бегающие глаза. Но когда я уходил от него и внезапно оглянулся, то испугался его взгляда, полного смертельной ненависти ко мне. Итак, Сив — мой враг, враг насмерть. Необходимо быть настороже. Я не боюсь его, но хорошо знаю, что придется считаться с таким коварным противником. Впрочем, у меня есть союзник. Этот союзник — Гуски.

Я уже давно заметил, что собака инстинктивно ненавидит Сива. Это можно использовать. Несколько раз Гуски отчаянно напал на Сива и оставлял его лишь по приказанию своей госпожи.

Сив хорошо знал, что собака перегрызла бы ему горло, если бы он позволил себе в ее присутствии коснуться Надежды. Но как раз в то время собака была заперта — случайно ли? — в другом купе.

Я чувствую себя взволнованным, и мне хочется увидеть Надежду. Она уже вполне успокоилась и приветливо улыбается мне.

Весь день пасмурно. Петер Гальберг в полдень не смог выполнить обычных измерений. Я заметил, что милый Петер в последнее время задумчив. Он совершенно сторонится общества и только возится со своей машиной. Если его спрашивают, что с ним, отвечает уклончиво. Но все же он не может желать большего успеха, чем тот, какого уже достиг со своим снегоходом.

В разговоре он высказался как-то:

— Сегодня ночью мне снился мой родной город Рённе... Я видел свою мать всю в слезах. — Его глаза с тоскливой задумчивостью глядели вдаль. Может быть, это было предчувствие несчастья...

Однажды я изучал в купе карты, когда услышал выстрел. На

этих морозных высотах он разнесся с необыкновенною силой. Я поспешно выскочил вон.

Бесконечная снежная равнина утонула в кровавом свете огненных туч, из которых выглядывал оранжевый лик солнца. В этом магическом свете я увидел косматую фигуру, исполняющую, несмотря на сильный мороз, в сугробе настоящий медвежий танец. Фигура махала ружьем. А потом послышался голос, знакомый голос Фелисьена, в бесконечных вариациях повторяющий памятные слова: «Ура! Замечательный выстрел! Да здравствует Алексей Платонович! Ура!»

— Что с тобою, несчастный? — бросился я к нему с вопросом.

Фелисьен перестал прыгать, принял комическую позу и поглядел на меня с гордым видом.

— Что? А вот что! — выдохнувши столб пара, крикнул он. — Я только что сделал первый выстрел в этой отвратительной пустыне. Что ты на это скажешь? Вон лежит! Ворон, ворона, грач — как хочешь! Это все равно. Но я думаю, что птица принесла нам визитную карточку Алексея Платоновича!

На снегу действительно лежал подстреленный ворон.

Фелисьен стал героем дня.

Случайно он увидел низко летящую черную птицу, которая напрасно старалась мощными ударами крыльев бороться с сильным ветром. Фелисьен бросился к саням за ружьем и выстрелом

сшиб ворона на снег. Очевидно, птицу занесло ветром с северо-востока.

Вряд ли она прилетела с самого восточного берега. Я сомневаюсь в этом. Как бы то ни было, внезапное появление этого живого существа среди мертвой пустыни, придало нам новые силы. Так может быть, гипотеза о свободной ото льда центральной части Гренландии окажется правдой! Надежда, упавшая духом за последние печальные дни, казалось, ожила.

Через несколько минут палатки были собраны. Мы вскочили в машину и, размахивая флагами, с криками «ура» оставили памятное становище. Теперь мы верили в успех экспедиции.

Я долго размышлял об электрической буре, которая пролетела вчера над ледяной стрелой. Где она возникла? Я не верю, что на ледниках. Буйная фантазия рисует у меня перед глазами странные картины. Насколько превзошла их, однако, действительность!

XII

Мы в тумане. Уже вчера вечером стоял он грозной стеной, словно поджидая нас, на восточном горизонте. Теперь он пал на нас. Плотная, ледяная, серая пелена кругом. Может быть, это облако? Этот туман прямо-таки обволакивает нас. Ничего, кроме серой, влажной, тяжелой пелены, и невозможность видеть дальше нескольких шагов. Жуткое чувство овладевает всеми нами. Что находится впереди?

Что касается меня, то невероятная тревога душит меня, как кошмар. В голове засело какое-то навязчивое видение, как я лечу в неожиданно появившуюся пропасть.

Но это обман. Ледяное поле представляет собой цельную платформу, и кажется, что это пространство бесконечно. Снеedorf отдал строгий приказ не удаляться ни на шаг от машины. Мы беспрекословно повинемся ему, так как даже сама мысль заблудиться в этом хаотическом пустынном мраке, объятom суровым молчанием, — ужасна.

Двигаемся мы невероятно медленно, с крайней осторожностью. Я предложил сделать остановку... но остался в меньшинстве.

Ледяная равнина в этих местах снижается к востоку. Возможно, что это только незначительная волнистость ледяной поверхности.

Мы так утомлены и измучены мглой, что не в состоянии придавать большого значения этому явлению. Но есть еще кое-что другое, — термометр, который заставляет недоумение перейти в ужас.

— Настоящая весна!.. — провозглашает Фелисьен.

Снег в некоторых местах влажен. Является ли это тепло след-

ствием или причиной тумана? Мы молчим. Находимся в состоянии напряженного, почти болезненного ожидания. А кругом непрерывная глухая стена серых паров.

В тумане как-то странно звучит взволнованный голос Гальберга. Стеффенс что-то торопливо отвечает ему. Шум мотора становится надсадным и захлебывающимся, а затем вдруг смолкает совсем. Я подхожу ближе и вижу, что автомобиль встал. Впрочем, «подхожу» — выражение не совсем подходящее. Я бреду, в полном смысле этого слова, к машине по размякшему снежному болоту и сразу вижу, что машина глубоко завязла в нем.

Двигаться вперед в этом болоте мы не сможем. Необходимо вернуться назад. Вышли все, кто был в машине. Мы наскоро устроили совет. Попытка выбраться при помощи мотора самой машины не удалась. Винты вращались в обратном направлении, но, к сожалению, безрезультатно, чмокая в размякшей снеговой каше.

Я гляжу на термометр со страхом. Если вдруг похолодает, то мы замерзнем.

В течение нескольких часов мы лопатами отбрасывали мокрый снег, устраивали целую систему рычагов, а потом сделали попытку вытянуть машину из снежного болота.

Пот лил с нас ручьями, между тем как туман душил нас, как кошмар. Петер Гальберг специальным механизмом поднял кверху четыре толкающих винта машины. Она лежала теперь на своем челнообразном дне. Мы принесли веревки. Наступила решительная минута. Мы запряглись все без исключения: от удачи этой попытки зависело наше спасение.

Восемь человек и собака по колено в снежном болоте выбивались из сил, таща автомобиль. Веревки напрягались до того, что готовы были лопнуть. Мы налегали на лямки, скользили, падали и опять вставали; переводили дух, тяжело дыша, почти касаясь головой ледяной каши. Сив ворчал, у него на лбу от напряжения наливались жилы. Гуски с лаем бросался в постромках вперед и тянул так, что бока его ходили ходуном.

Представьте себе эту картину: покрытая льдом машина на бесконечной пустынной равнине, возле машины клубок свежившихся, покрытых сосульками, мертвых тел, которые ближайшая метель заметет снегом — и вы поймете, почему мы с таким отчаянным упорством напрягали последние остатки сил.

Автомобиль закачался, рычаги затрещали. Вот, кажется, он сдвинулся с места; в самом деле, он медленно двигается вперед, страшно медленно, но непрерывно.

— Ура! — слышатся кругом голоса из тумана.

— Ура! — отвечаю я и налегаю что есть сил на лямку.

— Идет! Идет! — кричит Петер Гальберг.

— Ну, дальше! Еще немного! — выдыхает Фелисьен.

Наконец, после трехчасовой, по меньшей мере, работы, машина на свободе. Неясно видимые в тумане люди в изнеможении лежат рядами, приходя в себя.

— Проклятье! — ругается едва видимый в двух шагах в тумане Стеффенс. Он дымит из своей обкуренной трубки так, что острый запах табачного дыма раздражает меня. — Что касается меня, — ворчит он, — я думаю, что мы еще недостаточно изучили этот проклятый лед, но все приходит с опытом.

Туман стал еще гуще. Измученные, мы решили разбить лагерь. Надо переждать туман, и лучше это делать во сне. Мы крайне утомлены, и немного погодя, забравшись в палатке в свои спальные мешки, засыпаем...

Когда мы проснулись, — картина была все та же. Я увидел окутывающие автомобиль серые клубы тумана. Было шесть часов вечера. Я разбудил Фелисьена, с которым у нас общий спальный мешок.

Мы спешим к машине. Чувствуется, что мороз усиливается. Вчера морозило чуть-чуть. Снежное болото замерзло, и мы можем двигаться дальше; нам необходимо использовать подходящий момент, чтобы выбраться из этих коварных мест.

Эква осмотрел поверхность ледяного поля. Отважный эскимос пустился на лыжах в глубь тумана, и руководствуясь нашими сигналами, возвратился назад с благоприятными вестями.

Почти все эскимосы обладают удивительным инстинктом, позволяющим им ориентироваться, и быстрота, с какой они ориентируются на широких однообразных снеговых полях или на морских льдах, поразительна. С трудом удалось мне выяснить и понять, что руководствуются они при этом едва заметными признаками: окраской снега и льда, видом трещин, расположением незначительных наносов, контурами однообразного горизонта, или разницей в зернистости снега, — признаками, которых я, не имея опыта, никогда не замечал.

Мы теперь ползем вперед; «ползти» — это самое точное определение. Двигаемся ощупью в тумане, между тем мы должны пройти как можно скорее область «мокрых мест», в которой мы при ближайшей оттепели можем безнадежно завязнуть.

А все-таки лучше было бы выждать, пока не исчезнут туманы. Каждые десять шагов нам приходится прибегать к помощи компаса, иначе грозит опасность двигаться по кругу. Пневматический рожок автомобиля без усталости издает жалобные звуки. Мы идем группой за санями. Эква идет впереди. Проходит полчаса; еще полчаса.

Тут из неясных побуждений я разбегаюсь на лыжах, догоняю Экву и молча иду рядом с ним. Мы вдвоем образуем авангард, руководящийся звуками гудка, да ритмичным шумом мотора.

Я начинаю разговор. Эскимос отвечает мне односложно. Его

что-то беспокоит, глаза насторожены. Я вижу, как Эква начинает палкой ошупывать снег. На его обращенном ко мне маслянистом блестящем лице выражение бесконечного ужаса. Он обертывается назад и кричит:

— Стой там! Остановить! Оста-а-новить!

Выхватывает свисток и дает условный сигнал. Но непосредственно за этим хватает меня за рукав и тащит вперед. С внезапным страхом, против воли, я повинуюсь ему. Мы пробегаем десять, двадцать шагов, пока эскимос не останавливается с глубоким вздохом.

Тут случилось нечто ужасное. Голос гудка оборвался, как обрезанный. Я услышал глухой треск и шум больших предметов, падающих куда-то в пучину, все глубже и глубже, как будто бы под нами, и вдруг... стало страшно тихо. Нигде ни движения. И покров тумана одинаково спокойно лежит на ледяном поле.

Эква стоит около меня, как окаменелый. Я ясно вижу, как он побледнел. Кровь отлила от его бронзового лица. Предчувствие страшного несчастья коснулось меня своим холодным крылом.

— Что слу-чи-лось? — прошептал я.

Эква при этом вопросе пробуждается от окаменения. Не говоря ни слова, он хватает меня за руку и осторожно возвращается по своим следам назад. Два, три, четыре шага.

Вдруг я инстинктивно останавливаюсь. У меня появляется

ощущение пустоты впереди. Эква ложится на живот и погружает палку в туман перед собой. Я делаю то же самое. Дыхание у меня перехватывает: перед нами — пропасть, заполненная туманом...

XIII

Огромная трещина, кто может сказать, как она глубока?..

Когда я прислушиваюсь, мне кажется, что я слышу глубоко внизу едва заметный отдаленный шум. Вода?.. Звук такой, какой слышится из больших морских раковин.

Скорее всего это обман слуха. Если бы знать, насколько широка пропасть, которая так неожиданно отделила нас от друзей. Или, может быть... Не хочется допускать мысль... На материковом льду снежные бури создают через такие трещины снежные мосты. Эти снежные арки достаточно тверды, чтобы вынести тяжесть человека или легких саней. Благодаря переменам температуры, снег спаивается, крепнет и позволяет по хрупкой своей поверхности переходить пропасть... Так это и случилось?!

В тумане мы подошли по равнине к огромной трещине, которую мы в таких условиях не могли увидеть.

Мы вступили на коварный снежный мост и перешли по нему, не предполагая, что справа и слева — бездонная глубь. Автомобиль въехал за нами на этот мост, проломил его и рухнул в бездну.

Волосы у меня стали подниматься дыбом. Что же случилось? Почему так тихо? Погибли все друзья? И Надежда!..

Я упал в снег на колени и, как сумасшедший, стал кричать в злоеший туман это дорогое мне имя.

Никакого ответа не последовало.

Я почувствовал неодолимое желание броситься в пустоту. Я оглянулся на Экву, и то, что увидел, вернуло мне разум: эскимос удобно устроился на снегу, отстегнув лыжи, и хладнокровно поглощал кусок пеммикана. Его безмятежность подействовала на меня, как успокаивающее лекарство.

Прежде всего мы должны были определить, что собственно случилось, взвесить размеры несчастья.

Перед нами стоял выбор: чтобы перебраться на другую сторону, мы должны или обойти трещину или воспользоваться другим снежным мостом.

Обойти трещину? Но кто знает, как она длинна. А если мы отойдем далеко, то можем заблудиться в тумане и упасть в другую трещину. Ничего не оставалось больше, как решиться на второе.

Когда теперь я размышляю о нашем ужасном положении, я прихожу к твердому убеждению, что без Эквы я бы погиб. Не-

счастье, которое так внезапно и так ужасно произошло в хаосе туманов, лишило меня энергии. А маленький эскимос, подкрепившись немного пищей, готов был приступить к делу.

Руководствуясь своим природным инстинктом, он шел по краю пропасти, — шел медленно и осторожно, часто останавливаясь. Мимо двух-трех выступов, углубляющихся в туман, он прошел стороной, исследовав предварительно их палкой. Мы не сказали друг другу ни слова. Я следо-

вал за ним, как в гипнозе. Наконец он остановился, а вслед за тем лег на живот, показав мне, чтобы и я сделал то же. Он начал осторожно двигаться вперед.

Отстегнув лыжи, я с отчаянной решимостью последовал его примеру. Я знал, что мы ползем по рыхлому снеговому мосту, который раскинулся над бездной. Сердце болезненно сжималось. Каждую минуту я ждал, что полечу вниз, и, сжав зубы, сдерживал крик ужаса. Пот выступал у меня на лбу. К счастью, туман, наполнявший трещину, позволял только чувствовать, а не видеть пустоту.

Целую вечность продолжался этот путь. Секунда следовала за секундой с жестокой насмешливой медлительностью. Я осторожно полз с лыжами за плечами. Время от времени я осмотрительно приподнимался на руках, чтобы поглядеть на Экву, тусклые расплывчатые очертания которого виднелись впереди.

По истечении бесконечно долгого времени я увидел, что он встал. Задерживая дыхание, я дополз до него и встал на колени, обессиленный, покрытый потом, но проникнутый радостным покоем: у меня был твердый лед под ногами.

Что же теперь? Мы должны предполагать, что ближайшие окрестности полны другими трещинами, целой сетью их, которые вследствие тумана мы не можем разглядеть. Эква обратился ко мне с выразительным жестом. Я понял, что он хочет, и, вынув

револьвер, два раза выстрелил в воздух. Мы ждали, задерживая дыхание. Я слышал, как билось у меня сердце. Будет ли ответ?..

Но тут откуда-то послышался звук сигнального свистка, пронзивший туман, как стрела.

Я не мог ориентироваться. Словно оглушенный внезапной волной радости, такую же сильной, каким был и мой ужас, я дал себя вести, как маленького ребенка, эскимосу, который продолжал идти с крайней осторожностью.

Мы с Эквой подавали сигналы нашим друзьям звуками свистков. Мы кружили, возвращались несколько раз назад, введенные в заблуждение туманом и обманчивыми отражениями звуков, прежде чем я увидел неясный силуэт.

Из тумана, захлебываясь лаем, выскочила собака и прыгнула мне прямо на грудь. С радостью я обнял ее. Потом вынырнул из мглы передок наших саней, и я увидел Фелисьена и Надежду. Глубокий вздох облегчения вырвался у меня из груди. Никогда я не слышал, чтобы Фелисьен говорил таким задумчивым тоном. Он так горячо пожал мне руку, что я никогда этого не забуду. А потом необыкновенно сухим голосом, словно это его совсем не касалось, сказал:

— Ну, милый, мы все тут. Машина где-то внизу, думаю, что довольно глубоко, и... — тут его голос осекся. — Петер, а также Стеффенс остались в ней.

Только теперь я увидел Снеedorфа, опершегося на сани и погруженного в размышления, и Сива, съжившегося у его ног. Больше никого не было.

Старик очнулся от своих мыслей только тогда, когда я коснулся его плеча. Взгляд, с которым он обернулся ко мне, не был взглядом сокрушенного судьбой человека. Нет, в этом взгляде скорее была упорная отвага, стремление бороться до последнего вздоха с жестоким роком, который препятствовал достижению намеченной цели.

Несчастье произошло именно так, как я предполагал. В автомобиле был только молодой инженер с механиком, остальные шли пешком по сторонам саней. Неожиданно собака забеспокоилась. Она села и стала выть, удерживая Надежду за край одежды.

И тут же все увидели как исчезает машина, поглощаемая бездной. Тяговые веревки оборвались, и двое саней остались на краю пропасти. Оставшиеся были убеждены, что мост обрушился прежде, чем мы успели перейти на другую сторону.

В испуге они быстро отбежали на несколько шагов назад. Потом вернулись и сообща оттащили сани на безопасное расстояние. Снеedorф при этом замешательстве с энергией водворил порядок и запретил удаляться с места.

На скорую руку был разбит лагерь. Потом, оставив Надежду под охраной Фелисьена, Снеedorф отправился с Сивом к пропа-

сти. Они долго кричали, но никто не отзывался, так как мы в это время уже пошли отыскивать переход. Ничего не увидев, они вернулись. Судьба наша казалась им поконченной. Только через два часа услышали они наши выстрелы. И теперь мы были здесь, в тумане, среди ледяной пустыни, предоставленные на волю судьбы.

Мы были уже так далеко от берега, что о возвращении нечего было и думать. Почти все наши запасы исчезли с машиной, и если бы мы перешли даже на самые скудные порции и захотели вернуться назад, то должны были бы тащить на себе сани через бесконечную пустыню. И когда я все оценил, то решил, что мы погибли. И все хорошо понимали это, но молчали до тех пор, пока Надежда не высказала свое мнение.

И мы решили идти на риск.

Но чтобы мы смогли двинуться отсюда, должен рассеяться этот страшный туман. Он держит нас, в полном смысле слова, на одном месте. Я убежден, что если бы погода прояснилась, поднялось бы и наше упавшее настроение.

Но сейчас мы все улеглись — оцепенелые, почти без мысли, с безразличием отупевших, приговоренных к смерти людей.

Меня охватил тяжелый сон, во время которого я два раза просыпался с криком.

Я встал утомленный, расстроенный. Высунув голову из спального мешка, я увидел, что туман немного рассеялся и открылось углубление равнины, вокруг которой нависли угрюмые покровы тумана.

Равнина немного опускалась, и была усеяна темными трещинами различной ширины. Эти трещины во многих местах перекрещивались, и то здесь, то там над ними висели коварные снеговые мосты. Большая, до двенадцати метров шириною, трещина разверзлась перед нами, словно раскрытая пасть какого-то прожорливого чудовища, которое поглотило двух наших друзей.

Мы подошли к ее краю. Гладкий синеватый и зеленоватый лед исчезал в черной тьме. Куски льда, брошенные в глубину, пропадали в пустоте без звука. Но мы не хотели уходить отсюда, не убедившись прежде в том, что все надежды напрасны.

Мы бросили жребий. Он пал на Фелисьена. Француз молча предоставил привязать себя к длинной горной веревке. Он зажег ацетиленовую лампу и, не говоря ни слова, подал нам руку. Потом он легко скользнул через край. Мы начали осторожно опускать его в пропасть.

Он спускался вдоль гладкой стены и, медленно вращаясь, исчез во мраке, и только виден был еще слабый свет его фонаря. Когда же веревка кончилась, мы молча держали ее еще несколько минут со стиснутыми зубами.

По истечении условленных десяти минут, мы стали вытаски-

вать Фелисьена наверх. Наконец, француз появился. Он был очень бледен. Мы вопросительно глядели на него.

— Пустота, — сказал он. — Стены и на фут не сближаются между собою. Опустившись на сорок метров, я слышал среди мертвой тишины какой-то постоянный, едва различаемый шум. Вероятно, внизу течет вода. — Фелисьен отвязал веревку. — Я полагаю, что пропасть может быть глубиною до семи тысяч футов!..

Последняя слабая искра надежды погасла. Там, глубоко под нами, нашел покой славный Петер Гальберг. Он будет лежать там, зачарованный, в кристальном дворце, спокойный и неприкосновенный, пока здесь наверху время будет идти равнодушным непрерывным ходом.

Никогда уже старая мать не увидит родного лица, а его милая невеста в Рённе поседет от ужасных мыслей. Есть у него, у Петера Гальберга, там и товарищ, товарищ молчаливый, дивной верности, постоянный навеки: Стеффенс не оставит его в холодном мраке! Так пусть же легко вам спится, славные, добрые друзья! А вскоре и мы будем лежать тихо на замерзшей равнине, в облаках, которые приходят из таинственных далей и уходят неизвестно куда. Тяжело разлучаться с вами, товарищи! Не хочется поворачивать назад, на запад! Мозг отупел; пламень энергии чуть тлеет, готовый каждую минуту погаснуть!

Мы долго сидели на санях с опущенными головами. Я не знаю, сколько прошло времени, когда я почувствовал дуновение на своем лице. С беспокойством я огляделся.

Холодный ветер рвал туман и клубами гнал его мимо нас к западу. Край прояснялся. Открылось небо, тихое, бледно-голубое. Снег стал блестеть сильнее. Я ощутил заметное физическое облегчение при мысли, что, наконец-то, мы будем избавлены от душившего нас туманного покрова.

И вдруг я услышал голос старого Снеedorфа. Голос спокойный, полный победной уверенности.

— Эге! Земля на востоке! Эге!

Я увидел, как он, выпрямившись, с седыми, дико развевающимися по ветру волосами и бородой, вытянутой рукой показывает на восток.

Ветер очистил пространство от последних следов тумана. Страна лежала перед нами при такой ясной атмосфере, какая только может быть в этих широтах. Бесконечная белая поверхность, пределом которой был лишь горизонт, какой мы ее видели ежедневно, — исчезла.

Перед нами были горы. Впереди вздымались разбросанные, покрытые снегом зубцы их, укрепившиеся в поверхности ледяной равнины. Темные тучи висели в расселинах, а ветер рвал эти тучи и нес их обрывки над нашими головами.

Мы смотрели, затаив дыхание и словно в страхе, на это мрачное, великолепное зрелище. Это был слишком внезапный выход из состояния полной безнадежности. Нас охватил детский восторг; мы кричали бессвязные слова, махали руками. Когда же я обернулся к Надежде, то увидел, что она закрыла лицо руками, а плечи ее сотрясаются от рыданий.

XIV

Что же там, за этими горами?

Возможно, что это только «нунатаки», вершушки гор, погребенных во льдах и образующих печальные оазисы в беспредельной ледяной Сахаре. Пояс их, насколько можно было видеть, тянулся к северу, а на юге загибался к востоку. Никогда прежде не находили «нунатаки» в такой отдаленности от берега.

Сердце билось у нас от сумасшедшей надежды. Мы должны во что бы то ни стало взойти на эти таинственные горы и увидеть, что скрывается за ними.

И, несмотря на препятствия, мы двинемся к горам!

Чтобы дойти до них, мы должны пройти ледяным склоном, изборожденным трещинами, прорезанным тысячами морщин и гребнями, острыми, как нож.

Наши сани были усовершенствованы: они имели широкие, похожие на лыжи, полозья, неутопающие в снегу. Это были основательные норвежские сани из ясеневоего дерева, прочные и легкие. На постройку их не пошло ни одного гвоздика — весь остов был перетянут крепкими кожаными ремнями, так как металл, особенно сталь, становится при низкой температуре этих равнин хрупким, как стекло.

В саних, к великому нашему несчастью, было мало провизии. Дюжина коробок с консервами, несколько коробок с гороховой мукой, коробка сухарей, ящик шоколада и банка варенья. Но был также ящик пеммикана; который, в худшем случае, можно растянуть на несколько недель.

Остальной багаж состоял из двух палаток, трех спальных мешков, запасной одежды, складной лодки, футляра с флагами, трех лопат, ящика с шестью ружьями, патронов, веревок, сигнальных ракет, лыж, одного топора и одного примуса с жестяной канистрой спирта. Все остальные наши вещи — продукты, инструменты, оборудование — исчезли с автомобилем в пропасти.

Ликованию Фелисьена не было конца, когда он нашел свой альбом и карандаши. Этого было достаточно, чтобы Фелисьен глядел в будущее с настроением, полным розовых надежд.

Мы провели потом основательный учет всего, что было в наших сумках и карманах. Выяснилось, что мы имеем: два карман-

ных компаса, две кирки для колки льда, три револьвера с небольшим запасом зарядов, четверо часов, два полевых бинокля, пять охотничьих флажков; сверх того, у нас было шесть пар лыж и мелочь вроде перочинных ножей, зеркал и спичек. Это было теперь все наше богатство.

Но мы не имели времени на печальные размышления. Мы должны добраться до гор и с их высоты оглядеть край на востоке.

Мы приладили постромки, запряглись в сани и с отвагой пустились через ближайшую трещину.

Так как ледяных трещин, через которые нам пришлось переходить, было около трех десятков, я опишу, как мы это делали.

Прежде всего, эскимос старательно осматривал мост и быстро пробегал по нему на лыжах на другую сторону. За собой он тащил длинную и крепкую веревку, к которой был привязан. Потом осторожно отправлялся по мосту один из нас, держась за эту веревку.

Когда же половина нашей компании переправлялась на другую сторону, доходила очередь до саней. Тут требовалась величайшая осмотрительность.

Придерживаемые и спереди и сзади на веревках, одни за другими переправлялись они через опасные места.

Однажды был случай, что в момент, когда сани должны были вот-вот коснуться противоположного края пропасти, мост рухнул, и, только благодаря веревкам и хорошей укладке багажа, удалось нам вытащить упавшие сани из трещины. Оставшиеся потом перешли по другому мосту.

Утомителен был обход трещин. Часто они тянулись на несколько верст, и мы выбивались из сил, прежде чем нам удавалось найти снежную перемычку.

Двигались мы вперед ужасно медленно, отклоняясь то вправо, то влево; когда же наступил вечер, и мы сделали остановку, мрачные горы, озаренные синева-красным блеском, торчали перед нами все так же далеко, поднимая к красному небу свои окровавленные зубцы.

Мы поставили палатки и, пока варилась гороховая похлебка, обсуждали завтрашний день с таким жаром, как будто не бодрствовали двух дней подряд.

Надежда взяла на себя обязанности хозяйки. Не думая о себе, она заботилась только о нашем питании и отдыхе.

Теперь наша спутница вынуждена была довольствоваться для ночлега выделенным ей спальным мешком вместо теплого купе автомобиля. Но девушка не роптала. Не говоря лишних слов, она отправилась на покой.

Утром мы увидели, что погода изменилась. Дул непрерывный ветер, похожий на те, что дуют зимой в южной Гренландии. Он был немного влажен. Снег сделался мокрым и еще более затруд-

нил нам путь. Мы должны были напрягать все силы, чтобы тащить сани.

Удивительная прозрачность воздуха создала жестокий оптический обман. Мы видели все подробности гор: их наполненные снегом овраги, борозды и зубцы и каждую грань их темно-серых и черных склонов. Они казались нам так же близки, как и вчера, и, вместе с тем, так же недостижимы. Это был тяжелый экзамен нашему терпению.

Наконец, я уже не смог больше бороться со своим нетерпением. И, немного отдохнув, устремился на лыжах вперед.

Ледяная равнина здесь поднималась к подножию гор. Под лучами солнца верхний слой снега таял, и небольшие ручейки стекали в трещины. Местами был виден очень пористый лед, покрытый теми криолитовыми отверстиями, про которые так много говорил путешественник Норденшельд.

Высоко надо мною поднимались к облакам темные скалы. Их вершины были на семьсот-восемьсот футов выше ледяной равнины. На севере, казалось, эта цепь достигает еще большей высоты.

Я заметил там пик, острый как зуб, темный, поразительно похожий на Матергорн. Угрюмо торчал он в холодной вышине, окруженный в середине, как дымом, быстро бегущими облаками.

Я отстегнул лыжи и, перескакивая через неровности льда, подбежал к скале и коснулся рукой холодного черного гранита.

Сильное чувство восторга охватило меня при прикосновении к камню, и мой взгляд с удовольствием и облегчением любовался его темным цветом после стольких дней ослепительного снежного блеска.

Надо мною нависли каменные, растрескавшиеся от суровых морозов стены, и камни в тысячи тонн весом лежали внизу на льду, наполовину вмёрзшие в него.

Мы оставили Сива с собакой для охраны багажа у подножья скал, а сами начали взбираться обрывистым ущельем кверху.

Это был тяжелый подъем. В ущелье лежал сыпучий снег, и мы проваливались в него по пояс. Для большей безопасности мы были соединены друг с другом веревкой. С успехом воспользовались мы и крепкими, окованными на концах, лыжными палками.

Вскоре нам пришлось лезть по очень крутому горному склону на высоте почти двести метров над лагерем.

Много раз мы приходили в отчаяние, думая, что не найдем дальнейшей дороги, и, тем не менее, нам удавалось продвигаться вперед. Ледяные языки нависали над нашими головами, сваливались снежные комья. Камни срывались из-под ног и падали с грохотом вниз.

Через три часа тяжелого восхождения мы наткнулись на небольшой ледник, но выскли во льду ступеньки и осторожно миновали и это препятствие.

Тотчас после этого мы очутились в настоящем лабиринте каменных стен, камней и утесов. Это была верхушка платформы, увенчанная скалистыми, абсолютно недоступными пиками. Мы с трудом перебрались через груды камней, нагроможденных здесь от первобытных времен.

Когда же утомившись мы остановились, чтобы собраться с духом, небольшая птичка вылетела из какой-то расселины и, чирикая, уселась недалеко от нас на камне.

Это был снежный подорожник, неутомимый маленький певец дикого севера. Вид его подействовал на нас, как нежный привет кого-то, особенно любимого нами. Милая пташка с любопытством поглядывала на нас черными глазками и улетела, когда я стал приближаться к ней.

Уже два раза замечал я в расселинах лишайники и с трепетом думал об этом чуде...

Выше и выше! Еще несколько метров. Сделав последнее усилие, я вскочил на каменистую площадку и втащил за собою Надежду.

Мы нагнулись над краем огромной пропасти и увидели море седых туч, свивающихся клубами, и шлейфы тумана, которые поднимались кверху и через ущелья хребта уносились, захваченные ветром, в ледяную пустыню.

То там, то здесь зеленоватые ледники спускались в глубину, и снежные поля светились сквозь туманы.

Мы стояли на краю какого-то гигантского скалистого стола, нависшего над бездной. Холодный ветер свистел вокруг, выл и гудел в каменных ущельях за нами. Тучи кружились, волновались, опускались и грудились одна на другую. И вдруг, как бы по велению жезла чародея, облака под нами разошлись. Тогда кто-то из нас сказал тихим голосом, полным сомнения и робости:

— Лес?!

— Лес!!

Глубоко-глубоко под нами ежился по склонам гор угрюмый хвойный лес. От него поднимался туман и полз вверх по альпийским лугам, по ледникам, которые почти достигали крайних деревьев.

Лишь на мгновение мы увидели эту чудную картину. Потом тучи сомкнулись, и под нами опять был только белесый хаос, какой-то огромный котел, наполненный кипящей мглой...

XV

Словно во сне вспоминаются мне последовавшие вслед за этим события: наш обратный путь — головоломная переправа саней и багажа через стену скал к краю котловины. Предположение Норденшельда о существовании свободных от льда оазисов среди материковых ледников Гренландии оказалось верным, хотя этот знаменитый исследователь и не доказал своих предположений.

Очевидно, что два его лапландца — Андерс и Ларс, высланные на разведку далеко вперед, не достигли этого места. Даже Нансен не видел ничего, кроме страшной ледяной пустыни. Ведь эта огромная котловина, окруженная гренландскими Альпами, лежала далеко на север от маршрутов этих путешественников.

Достаточно было отклониться на несколько километров в сторону, чтобы пройти мимо и ничего не заметить, если в это время здесь хозяйничали туманы и метели.

Несомненно, что ученые откроют тайну происхождения этой земли: создали ли ее теплые атмосферные аномалии или, скорее, высокие горные щиты севера, которые защищают ее от полярных ветров, или причина в меньшем количестве осадков или же в низменном положении центральной равнины этой чудесной земли...

Бесспорно, что эта земля была здесь, под нами, закутанная облаками, как великая полярная тайна. Она скрывала от нас свою загадку и загадку судьбы Алексея Платоновича. Отсюда посылал он свои таинственные вести. Жив ли он еще? Какое значение имеют его загадочные слова? И каким путем банка с запиской могла попасть отсюда в море?

Эти вопросы оставались пока без ответа.

Теперь мы пленники этого оазиса, запертые в нем, как в са-

мой крепкой тюрьме, отделенные от остального мира бесконечной ледяной пустыней, которая окружает нас со всех сторон.

Тем не менее, Снеedorф со свойственной ему энергией обдумывает, как бы овладеть положением. У нас состоялось долгое и, к удивлению, спокойное совещание. Кажется, наше дело не безнадежно.

По крайней мере, мы не замерзнем жалким образом во льду и снегах. Снеedorф подробно изложил все плюсы и минусы нашего положения и предложил прежде всего исследовать незнакомую землю. Добраться до указанной Алексеем Платоновичем точки стало неосуществимой задачей из-за утраты секстантов и прочих измерительных приборов.

И вот мы спускаемся. После десятка неудачных попыток мы, похоже, нашли место для спуска. Для этого мы пользуемся прочной веревочной лестницей из манильской конопли.

По скользкому склону влажной скалы, около которой круто спадает вниз морщинистый глетчер, медленно, пядь за пядью движемся мы к цели.

Багаж мы вынуждены спускать по частям, что требует бесконечного терпения и усилий. Во многих местах мы спускаемся поодиночке по веревочной лестнице вдоль отвесной стены.

Но наше горное снаряжение крайне недостаточно. Не хватает у нас «железа» на обуви, кирок для льда и многого другого. Все эти превосходные вещи поглотила трещина.

Временами из-под ног срывается выветрившийся камень и скачками исчезает в глубине с треском и шумом. За ним катится поток мелкого щебня.

Когда мы спускались по отвесной расщелине скалы, из ее узкого отверстия вылетели большие белые птицы и тихо, бесшумно исчезли. Если не ошибаюсь, это были полярные совы.

Мы уже глубоко «под уровнем» внешнего ледникового поля. Неужели долина под нами представляет из себя измененность одной высоты с уровнем гренландского побережья?

Пока мы, обливаясь потом, спускаемся, ползем и проделываем сотни головоломных движений, тучи редкуют, и вокруг видны скалистые пики гор высоко над нами. Мы отдыхаем на каменном выступе, измученные невольной акробатикой.

Я наблюдаю, как с острого утеса осторожно спускаются одни из наших саней. Они качаются на тонкой веревке, как чудовищный паук, лениво скользящий по своей паутине.

Я так занят этим наблюдением, что невольно вздрагиваю, когда женская рука ложится на мое плечо и голос Надежды шепчет:

— Взгляните, мой дорогой друг, какая печальная красота! Ведь это — земля норвежских сказок!

Я быстро оглянулся, но тотчас подался назад, так как почувствовал головокружение. Я оперся о скалу. Тучи исчезли, и везде,

куда доставал взор, я видел перед собою обширную страну, словно рельефную карту.

Глубоко под нами темные леса покрывали подножия гранитных гор. Дальше к горизонту страна была покрыта холмами, долинами, оврагами, вся одета косматым плащом лесов, пока не пропадала в дымке седого тумана, скрывавшим эту мистерию севера.

С левой стороны, к северо-западу, горная область была пересечена глубоким ущельем. И внешнее ледяное поле, заполнив его до краев гигантским ледником, проникло сюда, спускаясь до самой подошвы гор.

Могучие темные морены окаймляли бока ледника, раскинувшегося белым, с синеватым оттенком веером. Из его отвесного переднего края вытекала река.

Она несла свои грязные воды по каменному руслу к низине, кипела, шумела и пенилась так, что глухой ее шум, доносился и до нас.

У подножья всего венца пограничных гор, окаймленных снеговыми полями, блестели небольшие озера зеленой ледниковой воды. Всюду, как серебряные нити, струились водопады.

Итак, перед нами лежала таинственная Арктогея — мистическая страна, существование которой столько ученых старались доказать и еще больше — отрицали.

Перед нами лежала заколдованная земля в оцепенелой ледяной пустыне Гренландии, там, где ее допускали лишь самые смелые научные гипотезы.

Печальное солнце, низко висевшее над южным горизонтом, окруженное двойным ореолом, словно мутное утомленное око, глядело на страну, раскинувшуюся под нами. Мы почувствовали печаль и неопределенную тоску.

Через восемь часов после этого, когда мы проделали опасный путь по грудам обломков, по каменным лабиринтам, мы ощутили влажный ветер, насыщенный особым пряным запахом можжевельника.

Через старые выветрившиеся морены, по каменистым осыпям несмело проникала сюда растительность.

Уже на краю снеговых полей заметил я маленькие храбрые цветочки, которые высовывали свои головки прямо из-под снега. Уже появились единичные небольшие оазисы мхов, травянистых кустарников. Камни одевались покровом лишайников.

Вскоре оазисы эти стали приобретать большие размеры, переходя в поляны. И, наконец, перед нами лежала местность, вся покрытая моховым ковром. Представьте себе наш восторг и чувства, пробудившиеся в нас, когда после стольких дней окружавшей нас удручающей снеговой пустыни мы почувствовали под ногами мягкий мох.

Наконец-то могли мы совсем спрятать наши снеговые очки. Жадно вдыхали мы запах земли.

Гренландский можжевельник, издающий опьяняющий острый запах хвойных деревьев, доставляет нам настоящее наслаждение.

Сотни альпийских цветов вокруг поднимают свои пестрые чашечки, лапландские рододендроны, великолепный капфрский чай, пурпурная вшивица, ложечная трава, камнеломка, красные анемоны, золотые лютики!..

Больше того! То там, то здесь сначала островками, потом сплошными полянками стали попадаться брусника и осыпанная крупными черно-синими с нежным белым налетом ягодами, черника. Мы с жадностью набросились на нее.

Хотя температура не превышала двенадцати градусов, однако нам было необыкновенно жарко. Тяжелое меховое платье переселилось в багаж, на сани.

Как теперь свободно дышалось! А кругом нас жизнь была ключом! В воздухе жужжали мухи и комары. Эти маленькие бестии обрушились на нас с жестокой кровожадностью. Но будем ли мы теперь обращать внимание на какие-то укусы!

Два громадных ворона тяжело взлетели из чащи карликовых верб и полетели вниз к лесу. Берег ручья испещрен бесчисленными следами зайцев. В брусничнике и карликовом кустарнике вокруг нас скрывалось множество снежных куропаток. Было слышно, как они, кудахтая, перебежали с места на место. Со всех сторон молодая полярная весна возвещала о себе буйной жизнью.

Гуски то бросался со всего разбега в кусты, и испуганный гвалт в зарослях давал знать о разбегающейся живности, то делал стойку.

Это была возможность добыть к ужину свежего мяса. Свежее мясо!.. При этих словах рот наполнялся слюной, так как вечные консервы и сухари нам основательно надоели. Наконец, Фелисьен, дождавшись подходящего момента, выстрелил. Три птицы упали на землю.

Тотчас же справа от нас поднялся шум. Моментально Фелисьен бросился на лишайник и положил ружье на левую руку.

Стадо рогатых животных молнией вылетело из долины, где оно паслось. И когда они неслись, слышался особый треск вроде тех, что издают электрические разряды. Этот загадочный звук в суставах производится при ходьбе только одним видом животных.

— Да ведь это олени! — крикнул я.

— Туггут! Туггут! — кричал наш эскимос и прыгал от восторга, так как олень — лучшая добыча для всякого истинного эскимоса.

Послышался выстрел. Громадный вожак стада с густою белою

гривой на шее и раскидистыми рогами сильно прыгнул и упал на колени, но потом поднялся и исчез, вместе с другими, за бугром.

Фелисьен вскочил, в сердцах плюнул, а когда повернулся к нам, то скорчил довольно кислую мину.

— Какие прелестные карibu! Наикрасивейшие карibu, каких я когда-либо видел. Восхитительные карibu!.. — С минуту он тер себя за ухом и добавил потом с ужасным презрением: — И какой жалкий выстрел!

Ничего не поделаешь! На этот раз пришлось отказаться от желания полакомиться свежим окороком и довольствоваться куропатками.

— Хорошая земля, прекрасная земля! — в восторге твердил эскимос. — Олени, куропатки, олений мох. Прекрасная земля!

Мы развели огонь, который весело трещал и дымил, ошипали птиц и насадили их на можжевельные вертела. Не были они хорошо испечены, не были достаточно посолены, но, даю слово, я никогда не ел такого великолепного жаркого, как в тот день. Подумайте только, как была вкусна при этом брусника и свежая холодная вода из ближайшего горного потока!

Было очевидно, что от голода мы здесь не погибнем. Успокоенные и сытые, мы улеглись спать на мху. И пока эскимос был на страже, охраняя наш лагерь, мы погрузились в глубочайший сон.

XVI

Долго ли я спал? Судя по всему, я полагаю, что сон мой длился около семи часов.

Я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо, и, протирая глаза, я увидел над собою лицо добряка Эквы, искаженное страхом. Остальные еще спали.

Гуски стоял на склоне лощины с горящими глазами и взъерошенной шерстью, издавал глухое рычание и смотрел вниз по направлению к лесу.

Весь край был погружен в печальный полумрак. Тяжелые, потемневшие облака низко ползли над землею. Сзади нас, над горизонтом леса, шел дождь. Угрюмая мрачная горная цепь, откуда мы пришли, исчезала, закутанная парами. Нигде ни звука. Ни одна ветка не шевелится. Куропатки и вороны исчезли. Насекомые скрылись перед дождем.

— Что такое? — спросил я и потянулся за ружьем.

Эскимос, сиюсь что-то сказать, вместо этого только показывал рукою.

— Что там? Что происходит? — настойчиво спрашивал я.

Лес имел свой обычный вид, но, прежде чем я добился ответа, послышались звуки.

С края леса неслось какое-то демоническое рычание. Сначала это напоминало какой-то храп, клочкотание, которое вдруг перешло в прерывистое рычанье хриплой трубы, и оборвалось, как будто его обрезали. А потом снова, как зевок разоспавшегося великана, храп, закончившийся ревом.

Должен признаться, что в последовавшей затем полной тишине я остолбенело стоял добрых две минуты, совершенно подавленный странным жутким чувством.

Я смотрел с тем же ужасом, что и эскимос, на косматый хвойный лес. Мне казалось, что между деревьями происходит какое-то движение.

Верхушка одного из них на мгновение судорожно затряслась, хотя было полное затишье и остальной лес стоял не шелохнувшись. Что-то живое, неизвестное двигалось под ветвями.

Я стоял, наклонившись над обрывом, ожидая, что из-под крайних деревьев выйдет какое-нибудь невиданное чудовище, которое поразит меня ужасом. Но никакого движения, никакого рычания не слышалось больше, и лес был так же угрюм, как и прежде. И хотя я старательно рассматривал лес в бинокль, — я больше ничего не видел. Гуски успокоился. Он начал скакать кругом меня, глядя на меня своими голубыми глазами и махая мохнатым хвостом.

Эскимос уселся на мох и тревожно смотрел вниз. Ему еще не

верилось, что все обойдется благополучно. И мне, признаться, также.

Я уже больше не засыпал.

Все новые и новые мысли приходили мне в голову. Я думал о тайнах этой неведомой земли, так ревностно охраняемой вековыми льдами. О человеческих существах, которые, может быть, в ней обитают. Об опасностях, которые нас ждут.

Через полчаса настало утро. Мои друзья встали, набравшись сил и в добром расположении духа. Аппетита у них решительно не убыло. Были вновь испечены курапатки и снова нарвана черника.

Я отошел со Снеedorфом в сторону, чтобы рассказать ему о ночных событиях. Старик молча выслушал меня. Он попросил меня еще раз со всеми подробностями описать лесные звуки.

Выслушав меня со вниманием, он спросил:

— Тяжелые ружья на моржей у нас в порядке?

К счастью, они были в безупречном состоянии, ни капли не пострадав при головоломной переправе.

Снеedorф с виду был спокоен.

— Зарядите их, пожалуйста, и держите наготове!

Я обещал сделать это и сам вскоре почувствовал благотворное влияние этой предосторожности, так как ко мне вернулась прежняя вера в свои силы.

Через час после этого мы отправились к лесу.

Багаж, без которого мы могли обойтись, и сани мы спрятали в подходящей выбоине.

Мы закрыли их непромокаемым полотнищем и заложили плоскими камнями. Сделали мы это, чтобы уберечь остатки наших драгоценных запасов от неприятных визитов лисиц или других четвероногих грабителей.

Мы сложили из камней целую пирамиду, а на верху ее воткнули шест с пестрым обрывком ткани. Благодаря этому, место было видно издалека.

Дорожные запасы и оружие было равномерно распределено между всеми членами нашей группы. Заплечные мешки, вмещавшие массу мелочей, пришлись очень кстати.

После короткого совещания мы решили, что двинемся к центру неизвестной земли. Если найдем более подходящее место, то перенесем туда и нашу оперативную базу.

В качестве ближайшей цели мы наметили излучину реки, вытекающей по левую сторону от нас из-под глетчера. Идя наискось, вдоль выступа леса, мы надеялись дойти до нее через пять часов.

Река текла прямо к северу. Возможно, что по ее берегу мы скорее пройдем через лесные дебри к центру страны или же спустимся на плоту.

Тем временем в верхних слоях атмосферы началось движение.

Неподвижные ранее облака двинулись в путь. Далеко на западе в их разрывах виднелось чистое небо. Фелисьен уже успел сделать несколько удачных набросков великолепной окружающей панорамы. Он был тронут красотой открывавшихся перед нами пейзажей и против обыкновения молчал.

Надежда безбоязненно двигалась впереди, погруженная в свои мысли, с ружьем в руке и с мешком за спиной. Смелость этой девушки, казалось, вливала в нас новую энергию.

Стали встречаться одинокие кусты вербы и можжевельника, а вскоре, когда мы спустились ниже и миновали несколько небольших озер, то увидели первое дерево. К удивлению, я узнал сибирский кедр.

Немного дальше начался сплошной лес. Здесь были великолепные деревья с прямыми стволами и густой и длинной хвоей, целый полк могучих косматых великанов мрачного вида, в чаще которых был почти полный мрак.

— Тайга, — сказала полупшепотом Надежда. Это слово вызвало в моей голове представление о громадных первобытных кедровых лесах по берегам Оби и Енисея.

Сибиряк называет тайгой нетронутый лес, будь то угрюмый лес кедров или же вымороженный лес редких сосен и лиственниц на краю тундры.

В Сибири именно кедр образует великолепные леса в примор-

ских областях. Это закаленное дерево выдерживает самые жестокие морозы. Кажется, что оно прямо-таки ищет сурового неба и близости ледников.

Здесь же, как мы вскоре увидели, кедр заполняет всю южную часть заколдованной земли и образует у подножия южных ледников вечно зеленый венок. И если в Сибири кедр доходит до шестидесяти восьмой параллели, а лиственные леса по Енисею даже до семидесятой, то эта тайга, выросшая при особо благоприятных условиях, меня не особенно удивляет.

Влияние долгой полярной ночи компенсируется здесь непрерывным светом долгого дня. Сила солнечного освещения здесь более значительна, чем где бы то ни было. Для растений это очень важно. Свет заменяет им тепло.

Я убедился в том, что на этой земле растения весной развиваются еще под снегом, спеша, как только сойдет снег, использовать короткое время тепла и света, предоставленное им.

С трепетным чувством вошли мы в лес. Здесь царили тишина и густой сумрак, усиленный облачным небом. Не шевелясь, стояли гигантские вековые лохматые кедры. Не было слышно и крика птиц.

Заплесневевшая хвоя ломалась под ногами. На сырых местах почва была покрыта густым мхом. Упавшие великаны исчезали под его покровом. Многие стволы уже совсем истлели. Пни, поросшие черникой и папоротником, образовывали настоящие цветочные корзины.

То здесь, то там старые седые деревья были обвешены лишайниками. Местами густо росшие черника и брусника образовали труднопроходимые заросли. Мы брели в них почти по поясу.

И так медленно и молча продирались мы вперед. Только треск сухих ветвей, которые ломались под ногами, резко раздавался в тиши. Удивительно много было паутины. Ее белая, необыкновенно крепкая сеть тянулась от ствола к стволу. Я заметил, что соткана она была большими, серебристо-серыми пауками, лохматыми, как медведки, прячущимися в складках коры. Природа снабдила этих тварей настоящей шубой для защиты от сурового климата.

Станным было полное отсутствие в этом лесу муравьев. Позже я узнал, что в этой земле их нет вовсе.

Перебирая свои бедные ботанические познания, я припомнил, что сибирские кедры производят громадное количество шишек со съедобными семенами. Надежда, которой я об этом рассказал, назвала такие семена «кедровыми орешками»; они ароматны и похожи по вкусу на миндаль. Что ж, если мы дождемся того, что эти шишки созреют, то полакомимся ими.

Чем дальше, тем путь наш становился труднее. Представьте только, что на каждом третьем шаге у вас проваливается почва

под ногами. Тут и прикрытый мхом истлевший пень, который при прикосновении обращается в труху; тут и коварные сучья, скрытые так, что при малейшей оплошности подбивают вам ноги; тут и холодные ручейки, текущие по узким ложбинам и исчезающие под корнями; тенистые водоемы — остатки высохших болот; острые камни под мхом; паутина, то и дело облепляющая лицо.

Суровая важность старых, рослых столетних кедров в этом очаровательном уголке поражает. Мы оглядываемся с чувством невольного стеснения в сердце, так как эта чаща таит в себе что-то враждебное, грозящее. Мы чувствуем, что совершаем кощунство, проникая сюда и нарушая вечную тайну.

Каждые пять минут мы делаем остановки, производя контроль по компасу.

Как я помню, прошло часа три. Путь этот, в общем, очень непродолжительный, истощил наши силы, так как дорога, чем дальше, тем была хуже.

С нетерпением прислушивались мы, не услышим ли шума воды, — но ничего не было слышно. К одиннадцатому часу перед нашими глазами открылся странный вид.

Лес в этом месте на большом пространстве был значительно опустошен. Кустарники и брусничник были поломаны и истоптаны, а небольшие деревца вырваны с корнем. Ветки ближайших кедров были повреждены. Очевидно было, что какое-то значительного роста существо ломало с них молодые сочные побеги. На мху и влажной почве заметны были следы гигантских ног.

Поведение нашей собаки тоже обращало на себя внимание. Она возбужденно бегала вокруг, обнюхивала землю, а потом, поднявши морду кверху, начала выть, пробуждая кругом тоскливое эхо.

Я внимательно осмотрел местность. Остальные тоже разбрелись, осматривая окрестность. Но самым счастливым был Феликсен. Немного погодя он прибежал с добычей, которую нашел на высохшей ветке кедра, на высоте двух метров над землей.

Я долго и задумчиво осматривал эту добычу. То был клочок шерсти, состоявшей из длинных чуть-чуть волнистых волос, похожих на конские. Цвет их был рыжевато-бурый.

Вдруг в моей голове мелькнула догадка. Но моя мысль показала мне столь чудовищной и смелой, что я не осмелился произнести ее вслух. Это рычание в лесной чаще, эти следы огромных ног, и, наконец, эта шерсть! Неужели это возможно?!

Я поднял голову и поглядел на Снеедорфа. Взгляды наши встретились. И тут я понял, что та же мысль возникла и у старого исследователя, мысль дикая, которой не решился высказать даже он.

XVII

Мы сделали короткую остановку, поели и отдохнули, потом пошли по более удобной тропинке, которая была выбита неизвестными громадными существами, населявшими эту тайгу.

Мы шли с ружьями наготове, но нигде не было и признака опасности. Через час мы услышали шум воды. Деревья расступились, и мы увидели русло реки, загроможденное валунами, между которыми с шумом и гневом неслась грязная ледниковая вода. В этом месте, через нее, видимо, переходили громадные животные. Следы их исчезали в воде.

Идя по берегу против течения, мы увидели край того гигантского ледника, порождающего эту реку.

Поражающе удивителен был этот вид. Гладкая голубоватая стена льда поднималась здесь отвесно на высоту, по крайней мере, в тридцать метров. Над землей виднелась ледниковая пещера, откуда с шумом вырывалась вода.

Ледник вздымался и рос по направлению к горной цепи, пока не переходил наверху, над тучами во внешний гренландский ледяной покров. Морены, которые он образовал, принося в долину миллионы тонн камней, разворотили лес у подножья скал. И нам ясно было видно наверху, на его хребте, несколько огромных черных камней, которые были оторваны необузданной силой замерзшей воды от склонов соседних гор...

В честь главы экспедиции мы назвали этот ледник именем Снеedorфа. А река, которая вытекала из ледника, была единогласно названа «рекой Надежды».

Куда нас поведет она? Хорошо, если укажет нам дорогу, следуя которой мы сможем изучить тайны оазиса и объяснить загадочную судьбу Алексея Платоновича, — тогда она вполне заслужит свое имя.

В то время, как мы отдыхали на скалах, Сив и эскимос бродили по окрестностям.

По привычке я не спускал глаз с Сива, который теперь, будучи под строгим надзором, не решался даже глядеть на Надежду. Из-за неясного предчувствия опасности, исходящей от этого человека, я не уменьшал своей осторожности. Из-под опущенных ресниц я вдруг увидел, как на смуглом обросшем лице Сива вдруг появилось недоумение, потом радостное изумление. Он сделал движение, как будто хотел что-то поднять. Но вдруг, по-видимому, почувствовав мой взгляд, он овладел собой и продолжил свое безразличное шатание по берегу.

Не медля, я поднялся и поспешил к тому месту, где прежде стоял Сив. Долго и напрасно я всматривался в дикий хаос камней, пока у меня не вырвался крик изумления: передо мной, наполо-

вину выглядывая из воды, лежал обломок рулевого колеса от нашего автомобиля...

Я тут же позвал своих спутников. Какая удивительная находка! Иначе и не могло быть. Вода, тая у основания материкового льда, прорыла себе дорогу, — ледяной тоннель, заполненный потоком, стремящимся в том же направлении, в каком склонялся и ледник Снеedorфа. Наша машина упала в трещину и, разбитая, была подхвачена на ее дне рекой Надежды, утащена и выброшена на берег этой неизвестной земли.

Где же остальные обломки? И где трупы Петера Гальберга и Стеффенса? С тяжелым чувством мы разошлись по берегам грязного потока.

Мы искали между камнями на берегу, взбираясь на скользкие, окруженные зеленой несущейся водой, обломки скал, в водоворотах, где кружилась пена, в наносах сыпучего, проваливающегося под ногами песка.

Увидя место, где наваленные камни образовали порог поперек реки, я решил переправиться на другой берег.

Нигде больше ни обломка, ни винта. Только тот единственный кусок стали, который ничего не мог рассказать нам о ходе мрачной катастрофы, совершившейся в глубинах ледника.

Наше разочарование было полным. Напоминание о недавнем несчастье взволновало и расстроило нас. Я же так и не смог догадаться, почему Сиву хотелось утаить свою находку.

В моей голове рисовались картины катастрофы: как машина летит в бездонную глубь, ударяясь о лед и скалы, как она падает в подземный поток, который несет по гладкому ледяному тоннелю, увлекая все дальше и дальше. Затем становится светло, и вот она уже мчится через выход пещеры прямо в девственный кедровый лес. И стало ясным, что мы не можем надеяться увидеть кого-нибудь из своих друзей живым.

Возможно, конечно, что, направляясь вниз по течению реки, мы найдем где-нибудь вдали запутавшиеся в корнях остатки до неузнаваемости обезображенных трупов.

После трехчасового отдыха мы отправились в обратный путь по правому берегу реки Надежды, путь, который оказался полон невероятными приключениями.

Вода часто образовывала здесь стремнины, пороги, водопады, широкими потоками, низвергающимися со скал. Вдоль русла во многих местах валялись вырванные стволы кедров, некоторые из них были покрыты еще свежим мхом, другие были выбелены водой и солнцем, как старые кости.

Тайга здесь по берегам пострадала от осенних бурь. Груды бу-релома, разлагаясь, лежали в диком хаосе, а животворное весеннее солнце, словно чародей, порождало новую поросль — тысячи

молодых кедров, поднимавших свои зеленые головки между телами своих павших предков.

В других местах лес был не тронут: мощные ветви зеленых великанов простирались далеко над водою, а подлесок тянулся до самого края подмытого берега.

Часто мы вынуждены были из-за завалов углубляться в лес, но даже там, в печальной тишине леса, слышен был приглушенный шум реки.

Являясь откуда-то с таинственного севера, благодаря воздействию неизвестных климатических условий, тепло переходило почти в духоту. Мутные, словно свинцовые туманы закрыли солнце. Лес стоял неподвижно, и единственным звуком, в этой мертвой тишине, был шум реки.

Но вдруг послышался сильный шум справа от нас. Подлесок трещал, а земля тряслась под тяжелыми шагами. Одновременно с этим уже знакомый голос издал свое рычание так близко, что мы сразу стали, как окаменелые.

Ему ответили другие такие же голоса: жуткая какофония хриплых военных труб и гудящих тромбонов. Бедный эскимос подскочил, как сумасшедший.

— Коквойя!.. Коквойя!.. — закричал он прерывающимся голосом. Это слово означало грозного демона иннуитских верований, демона со страшными черными щупальцами.

Мы увидели что-то вроде черной змеи, кружащейся на фоне серого неба между острыми верхушками двух низких кедров. И тут же с шумом и треском к реке двинулись громадные, неуклюжие, темно-рыжие, с огромными белыми клыками, горы мяса, от бега которых стонала земля.

— Торнагуксуак! Гигантская тень!.. Торнагуксуак!.. Дух!.. Дух!.. — кричал Эква.

Я глядел, как загипнотизированный, и словно издали услышал голос Надежды:

— Это мамонты!..

Мамонты выбежали из леса и бросились в реку, чтобы перейти ее. Их было пять, вел их громадный старый самец. Он был около пяти с половиной метров высотой, с громадной, почти черной гривой на шее и длинной бахромой на боках и брюхе. У него был высокий, странно выгнутый лоб. Его маленькие уши находились в постоянном движении, а между желтоватыми клыками извивался подобно толстому червю косматый хобот.

Мамонт вошел в русло, и вода с пеной разбивалась о столбы его ног.

За ним медленно последовали остальные животные: один молодой самец с мало еще развитыми клыками, и две самки, из которых одна нежно подгоняла хоботом косматого, неуклюжего, комически милого детеныша.

Отчаянный крик эскимоса заставил мамонтов насторожиться. Вожак обернулся, поднял хобот и, загромбив тревогу, хотел продолжить свой путь.

Но тут случилось, чего нельзя было и ожидать. Фелисьен с явным удовольствием следил с самого начала за неожиданно появившимися чудовищами. Он не удивился, не ужаснулся, словно привык ежедневно наблюдать стада мамонтов. Он схватил ружье и прицелился.

Я моментально понял, какая это была глупость. Решительно, мы должны держаться в стороне от этих толстокожих!

Я бросился к французу и закричал:

— Не стреляй! Не стреляй!..

Он ответил со снисходительной улыбкой:

— Столько свежего, хорошего мяса — и не стрелять!

Я хотел было выбить у него винтовку из рук, но было уже поздно. Грянул громкий выстрел, за ним другой, прокатившийся с шумом и грохотом по лесу.

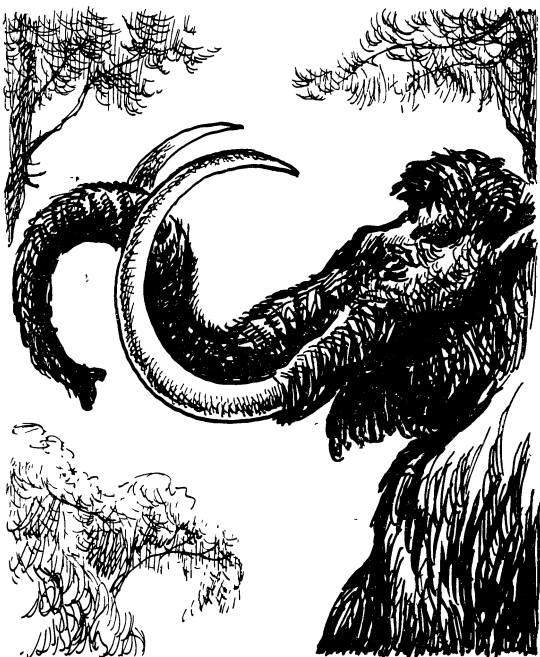
Раздался рев и оглушительные трубные звуки...

Три страшилища вскачь пронесли мимо нас назад, в лес, чуть не раздавив нас. Они бежали, ломая молодую поросль, и скоро шум их бега затих вдали.

Я снова посмотрел на вожака, стоявшего посреди русла и хоботом ощупывавшего рану под лопаткой. Видимо, боль была жгучей, так как ярость вспыхнула в нем, как факел. Грива его встопорчилась, глаза засверкали, словно угольки, и, прежде чем мы успели опомниться, он с неожиданной быстротой бросился на нас.

Я схватил Надежду и толкнул ее за ствол старого кедра, где хотя бы отчасти она была в безопасности.

Осторожно оглядевшись, я увидел, что и остальные спрятались по мере возможности, за исключением Сива. Этот несчастный выбежал чуть ли не под ноги раненому животному.

Мамонт в слепом бешенстве ринулся на него.

Сив побежал, падая и вновь вскакивая. Но смерть настигала его. Казалось, что от страха Сив потерял последний разум. Он завыл, как волк, так что страшно было слышать.

— Стреляй, Карл! Да стреляй же, — кричал Фелисьен.

Тут я почувствовал тяжесть ружья в своей руке. Дрожащий голос Надежды повторял:

— Стреляйте скорее, скорее, а то будет поздно!

С величайшей сосредоточенностью, опершись о ствол кедра, я прицелился и спустил курок.

Колосс пробежал еще с десять шагов. Но пуля со стальной оболочкой выполнила свою смертоносную задачу. Мамонт остановился, судорожно свернул хобот, затрясся и с глухим шумом рухнул, как оборвавшаяся скала.

Он лежал, как ржавый камень, в темной хвое, и один его желтоватый клык грозно поднимался к небу. Пуля из моего ружья проникла через ухо в мозг, и действие ее было ужасно. Это был истинный триумф новейшего оружия.

Некоторое время я стоял в немом изумлении над первобытным существом ледниковой эпохи, которое лежало передо мной, громадное и еще теплое, существом, за минуту перед тем неукротимо бесновавшимся здесь. Его могучий клык был семь метров длиной, — семь метров наилучшей слоновой кости, над которой заплясал бы от радости любой африканский охотник.

Я осмотрел боковую бахрому животного, его волнистый густой подшерсток и отдельные волосы его гривы, достигавшие метра длиной.

— Хобот — лучшее лакомство, — восторженно провозгласил Фелисьен, который на все это приключение смотрел с практической точки зрения. — Я читал об этом в книге какого-то африканского путешественника. Ну, мой милый, мы можем поздравить тебя с крупной свежатинкой! Эх, какой материал для бильярда! — добавил он, постучав по торчащему клыку.

По приказанию француза, Сив, все еще бледный, моментально принялся за работу. Он вырыл поблизости продолговатую, неглубокую яму и принес с реки несколько подходящих камней. Потом развел сильный огонь из сухих ветвей и стал калить в нем плоские камни. Когда же они накалились добела, выложил ими яму и положил на них обрезанный и очищенный хобот мамонта.

Вскоре жаркое было готово, и начался «пир троглодитов». Я должен сказать, что более нежного, хрустящего и жирного мяса я еще не едал.

В этот момент появился эскимос, привлеченный приятным запахом. Оказывается, при виде неизвестного чудовищного животного он забился от страха где-то между древесными корнями, а потом долго приходил в себя.

Целых два часа он не давал о себе знать. Мы уже думали, что он заблудился или его постигло какое-нибудь несчастье, когда он неожиданно вынырнул из леса, совершенно невредимый, привлеченный вкусным запахом жаркого и со своим неизменным аппетитом. Эскимос поглощал невероятной величины порции, а его простодушное лицо от блаженства светилось, как полная луна. Но все же, по его мнению, еще вкуснее был бы желудок этого столь вкусного животного, желудок громадный, наполненный самой нежной полупереваренной кашцей из разжеванной травы и молодой хвои.

Яркими красками описывал он вкусовые достоинства желудка этого существа, которое он звал теперь «маматок», словом, которым он обогатил иннуитскую речь; но к его удивлению, мы устояли и остались глухи к его соблазнам и обольщению, очевидно, из уважения к своему собственному желудку, так как эскимосская кухня требует употребления подобных деликатесов в сыром виде...

Только после сытного обеда мы стали обсуждать наше последнее приключение.

Фелисьен, сидя на камне, набрасывал диковатую сцену лагеря у трупа мамонта. Я же снова подошел к толстокожему, измерил его и записал результаты. При этом я увидел на лопатке мамонта старые, давно заросшие следы ужасных ран. Что же это за животное, которое нападает на такого страшного зверя? Может быть, оно живет в этих же окружающих нас лесах?

И когда потом, покуривая, мы отдыхали около потрескивающего огня, я не решился рассказать о своем новом открытии.

Между тем, облака над нами медленно двигались к югу, а небо на севере наливалось грозовой синевой, не обещая нам ничего хорошего.

Пролетавший временами ветер был теплым. Почти жгучие лучи солнца наэлектризовали воздух.

— Этот печальный край, — сказал Снеedorф, выражая и мои личные мысли, — сохранил все условия, господствовавшие в северной и средней Европе в ледниковую эпоху. Тогда и там возле ледников бродили стада мамонтов. Потом эти существа отступили вслед за тающими ледниками, так как это были жители крайнего севера.

— Дольше всего, — вмешался я в разговор, — жили они в Сибири и на крайнем севере Америки. Потом стихийные катастрофы или же люди уничтожили последние стада. Возможно, какая-нибудь новая повальная болезнь стерла с лица Земли этих громадных, сильных животных. Только остаток их, вокруг которых замкнулось кольцо гренландских льдов, сохранился в живых. Здесь не изменились условия их существования.

— Но и здесь, — сказала Надежда, сидевшая до сих пор молча, — могли бы сохраниться какие-нибудь враги мамонтов...

Мысль о следах страшных когтей пролетела в моем мозгу.

— Кто? — беспечно спросил француз, не переставая делать наброски и выпуская носом тонкие струйки сигарного дыма.

Девушка на некоторое время замолчала и с тревогой посмотрела на тайгу.

— Люди, — ответила она потом.

А так как мы все молчали, то она продолжила:

— Люди, которые охотились на мамонтов в ледниковую эпоху. Те первобытные люди, которые вырезали изображения мамонтов и оленей на рогах и костях, найденных в пещерах в различных местах Европы.

После этой фразы настало какое-то гнетущее молчание. Наши взгляды с новой тревогой обращались в глубь темного первобытного леса.

Да, были здесь, в этой удивительной стране, олени, были и мамонты. Может быть, был тут и человек или другое какое-нибудь существо, уничтожавшее этих животных. Что за племя гиберборейцев живет в этой заколдованной земле?

— У-у-у, — завыл вдруг эскимос с внезапным испугом.

Что-то просвистело в воздухе, и иннуит схватился за грудь. Он был единственным, не снявшим своего гренландского костюма. Стрела с кремневым наконечником, вылетев из темной чащи леса, прошла через его тимиак под мышкой лишь слегка оцарапав его и вылезла из прорехи его толстой одежды.

XVIII

Это был красноречивый ответ на наш разговор. Мы схватились за оружие и согнулись под прикрытием, выжидая. Но никто не выходил из глубины леса.

А все же эту стрелу послала тетива лука, натянутого человеческой рукой. Тут были люди.

Наше положение сделалось критическим: незнакомый народ вместо приветствия послал нам стрелу. Что же будет дальше? Повидимому, мы окружены, заперты в кругу невидимых врагов.

Возможно, нам удастся договориться с ними. Нет дикарей столь упорных, чтобы обходительность и подарки не успокоили их недоверие и злобу хотя бы на короткое время. Но все же в нашем положении завидного было мало.

С трех сторон нас окружал лес; с четвертой текла быстрая река. Враг мог обрушиться на нас с нескольких сторон одновременно.

Снеedorф предложил как можно скорее найти новую, более надежную позицию, где бы при случае можно было защищаться, и враг не имел бы возможности подползти к нам на слишком близкое расстояние. Он посоветовал занять вершину ближайшего холма.

Так как из леса никто не появлялся, то мы решили: это одиночный дикарь или какой-нибудь соглядатай послал нам из чащи свою стрелу.

Холм, на который указал Снеedorф, до трех четвертей высоты был покрыт лесом; на вершине его группа карликовых кедров образовывала странный хохол. Мы собрали багаж. Фелисьен, несмотря на тревожную ситуацию, не забыл захватить с собою порядочный кусок мамонтового хобота.

Мы шли, держа наготове ружья, за каждым деревом ожидая засады...

Вдруг все потемнело. Солнце быстро скрылось за тучи. Лес казался еще неприветливее. Чем выше мы поднимались, тем сильнее возрастало в нас чувство безопасности. И не будь стрелы, которую можно было пощупать, мы готовы были бы принять этот случай за пустую тревогу.

Через полчаса мы вышли из леса. Мы перешли через луг оленьего моха, через склон, усеянный камнями и ямами, и остановились под тремя кедрами на вершине холма.

Оттуда открывалась тоскливая, однообразная картина. Волна за волной, по направлению к северу, вздымались холмы, поросшие тайгой.

Долины и овраги среди них чернели, как пучины; на юге потемневший край поднимался к Альпам. Горизонт над ними был озарен синеватым блеском ледяного поля.

— Будет буря. — В голосе Снеedorфа звучала тревога.

В самом деле, погода быстро менялась. Темные тучи — вестники бури — покрыли небосвод. Вся природа замерла, как бы в ужасе перед тем, что должно произойти. Удушливая тишина пала на лес. Слышен был лишь глухой шум реки Надежды.

Мы быстро поставили палатку, веревки которой привязали к стволам самым тщательным образом.

Сив сходил за водой к ручью, что протекал ниже по склону холма, и зажег примус. Немного погодя я услышал, как тонким голосом запел в котле кипяток.

Сумрак уже сгущался во тьму. На северо-востоке небеса осветились длинной бесшумной молнией. Буря надвигалась.

В овраге послышались трубные звуки, но быстро умолкли.

Очевидно, чем-то напуганный мамонт предостерегал свое стадо. Затем внизу у реки, прямо под нашим биваком, послышались другие звуки.

Место, где мы оставили труп мамонта, казалось, ожило. Оттуда доносилось глухое ворчание и вой, от которого у Гуски вздымалась шерсть по всей спине. Мы молча сидели на верхушке своего холма, обратившись лицом туда, откуда надвигалась буря.

Вдруг громадная зеленая молния прорезала небеса, и в ее ослепительном блеске с удивительной четкостью на мгновение выступили неподвижно стоящие черные леса.

Не успела молния погаснуть, как загредел гром, тяжело и глухо, будто сказочное чудовище, скрытое за горами, готовое броситься на намеченную добычу.

Молнии следовали одна за другой. Удар за ударом. Буря ревет и гудит уже в непосредственной близости от нас.

Облака, разрываемые молниями и пролетающие до самых отдаленных лесов, имеют угрожающий вид. Под черными тучами клубятся грозные синеvато-серые туманы.

Но вот первобытный лес начинает гудеть. Местами целые участки его выгибаются, словно в конвульсии. Хвостатые верхушки старых деревьев качаются из стороны в сторону, гнутся и ломаются, когда по ним пробегает вихрь.

К этому внезапно присоединяется шум ливня. Холмы сразу исчезают за его темным покрывалом.

Ливень, смешанный с градом, низвергается под косым углом на всю местность. Он спускается длинными темными полосами, которые бегут по склонам, наполняют долины, устремляются вверх, с шумом проходят между стволами ближайшего леса, и вот — они уже здесь.

Ливень обрушивается на наш лагерь с шумом, как наводнение. Потоки воды яростно бьют по палатке, в которой, пригнувшись, оглушенные, сидим мы.

Бешено барабанит град. Кедрь, к которым привязаны палатки,

трещат; так и кажется, что вихрь вырвет их с корнем и унесет вместе с нами.

Каждую минуту мы боимся, что палатки, подхваченные ветром, улетят в пространство.

Через некоторое время я вдруг заметил, что одна из веревок развязалась. Как только ветер со всей силой ворвется внутрь, он сорвет палатку. Веревку необходимо укрепить во что бы то ни стало. Я быстро накидываю на себя непромокаемый плащ и осторожно выставляю голову.

Дождь продолжает идти с бешеной силой. Я вылезая и тщательно укрепляю веревку.

Но неожиданный порыв ветра толкает меня в сторону. Я хватаюсь за сучок. Он ломается, и я скольжу по размокшей глине. Утратив равновесие, машу руками в воздухе, и через секунду стремглав качусь под гору и сваливаюсь в промоину, к счастью, на мягкую подушку пропитавшегося водой лишайника, совершенно не разбившись.

Я вскакиваю и оглядываюсь кругом. Бешенство бури уже миновало. Дождь постепенно стихает, но еще царит полумрак. Грязная вода несется вниз сотнями ручьев и каскадов.

Я бегло осматриваюсь, как лучше пробраться назад; цепляюсь за мокрые стебли брусники и клюквы. Уже вижу палатку. Я слышу, как гудит гром в долинах.

Но что это? Крик! Я осматриваюсь и замечаю какие-то фигуры, быстродвигающиеся в тумане, который поднялся после дождя.

Прежде чем я успел крикнуть, около двадцати этих загадочных существ бросаются на палатку. Слышен шум короткой борьбы, двукратный лай! Я вижу, как эти существа — я могу различать лишь их силуэты — тащат свою добычу к лесу и исчезают в нем.

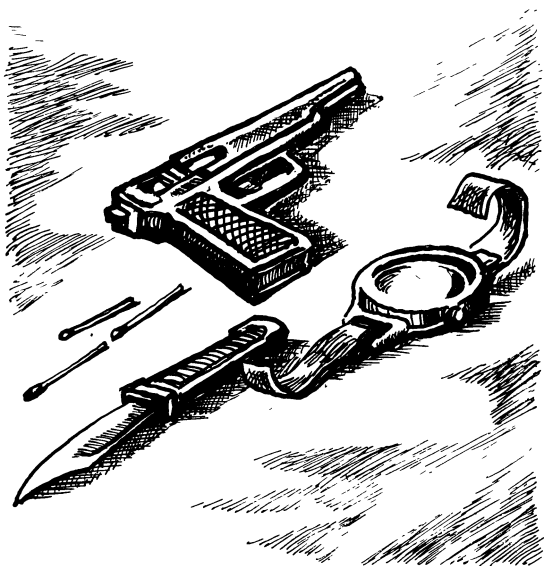
XIX

Я остался совершенно беспомощным и одиноким в наводящей ужас, молчаливой, враждебной стране.

Пронесаются черные разорванные облака, но между ними уже проглядывает улыбающееся небо.

Даже тогда, когда я заблудился на ледниковой равнине и стоял один среди ревущей бури, даже тогда я не испытывал такой тяжести и такого беспомощного состояния. Никогда на меня не нападал столь сильный страх, как после этой внезапной катастрофы.

Что это за существа, которые напали на лагерь? Взяты ли мои друзья в плен или же убиты? Что будет с ними, если они в плену?

Ведь множество ученых утверждает, что человек ледниковой эпохи был людоедом.

Признаюсь, что в первое время я думал только о Надежде. А последовавшая сильная душевная боль открыла для меня самого приятную и вместе с тем страшную действительность — я люблю эту смелую девушку. Я понял в один и тот же миг, что люблю ее и что она потеряна для меня. Когда я поднялся на вершину холма, под кедры, там уже не было палатки: все исчезло, и следы борьбы смыл

дождь, и вокруг не было видно ни одного живого существа.

В отчаянии я прислонился к стволу дерева и простоял так несколько долгих минут.

Постепенно энергия возвращалась ко мне. Я выпрямился, полный решимости. В браунинге у меня было только два заряда, в карманах — коробка спичек, компас и большой перочинный нож. Но я не колебался. У меня сложился определенный план.

Я должен был сначала спуститься вниз, к мамонту, отрезать себе мяса в дорогу, а потом отправиться к нашему депо, чтобы там основательно снарядиться, имея единственную в данное время цель — узнать судьбу своих друзей.

Я снова осмотрел всю верхушку холма, каждую пядь земли, напрасно отыскивая их следы.

С револьвером наготове я спустился в овраг. Осторожно пробираясь лесом, прислушивался.

Сильное карканье заглушало шум реки Надежды.

Осторожно выглянув из чащи, я увидел кружащуюся, мечущуюся во все стороны сплошную массу черных птиц. Они покрывали и труп мамонта. С кусками кровавого мяса взлетали они на ветви соседних деревьев и снова бросались вниз. Тут было несколько сотен больших воронов. По их беззаботному поведению я понял, что окрестности безлюдны.

Тогда я вышел, вооружившись длинной сухой веткой.

Я заметил двух больших животных, которые быстро скрылись в чаще. Они были белого цвета и походили на овчарок.

Птицы с неудовольствием оставили богатую трапезу. В первую минуту они совершили на меня настоящее нападение, и я должен был энергично отгонять их веткой. И только когда я перебил крылья у нескольких птиц, остальные отступили и уселись на ближайшие деревья, злобно каркая и глядя на меня злыми глазами.

При первом же взгляде я увидел, что труп мамонта привлек и других гостей. Куски мяса, оторванные мощной лапой от огромных костей, и разорванные внутренности животного свидетельствовали о том, что какой-то крупный зверь принимал участие в дележе добычи.

В тине на берегу я нашел след, который показался мне следом медведя.

Потом я убедился и в том, что тут побывали также и люди. Одна из задних ног мамонта была отделена с помощью какого-то орудия, и ее недоставало.

Воспользовались для этого, вероятнее всего, кремневым топором, так как я нашел в ране кремневый осколок. Это побудило меня к новым поискам знакомых следов, но кончилось это, как и прежде, без результата.

Тут я выбрал себе подходящую порцию мяса и решительно принялся за работу. Лишь через полчаса напряженных усилий мне удалось своим ножом отодрать намеченную часть; я сел и тотчас съел несколько сырых кусков, причем за каждым куском черные птицы следили алчными взглядами. Остатки мяса я завернул в кожу. Напившись из реки, я отправился в путь.

Едва я вошел под покров деревьев, смерч каркающих птиц обрушился на оставленный труп, чтобы продолжать прерванный пир.

Чаща охватила меня. Руководствуясь компасом, я направился прямо на юго-восток. С косматых ветвей падали капли чистой дождевой воды. Небо совершенно прояснилось, и летнее полярное солнце начало светить со всей своей яркостью. Местами через просветы в кронах деревьев проникал свет и падал на печальные молчаливые стволы. Белая паутина тогда начинала блестеть, а косматые пауки принимались энергично бегать, ища защиты от ослепительных лучей. Белый лишайник, покрывавший некоторые деревья длинной бахромой, казался белой бородой.

Я шел, временами отдыхая, в продолжение трех часов. Это была та самая тропинка, по которой мы направлялись к реке Надежды.

Миновал я несколько протоптанных мамонтами троп. Я прошел через пояс брусники и черники. Были тут и морошка, и голубика, и клюква, и эти милые славянские слова, которыми

называла ягоды Надежда, словно пробудили в моем сердце острую боль.

На одной прогалине, выкорчеванной вихрем, я увидел двух великолепных оленей. Они спокойно паслись.

Услышав меня, смелый самец поднял рогатую голову и стал разглядывать мою фигуру. Самка же спокойно продолжала пастись. Несколько секунд я глядел на животных. В первый момент инстинктивное чувство побуждало меня застрелить оленя, но, подумав о куске мамонтового мяса, я отбросил эту мысль — это была бы излишняя кровожадность. Олень нагляделся досыта, издал рев и легкой рысью побежал с прогалины в сопровождении своей подруги.

Я заблудился. Погруженный в свои мысли, я забыл про компас и вдруг, выйдя из леса, увидел свое отражение в чистой воде небольшого круглого озера, лежащего на дне долины. Ручей, вытекающий из-под снеговых полей — высоко в горах, — тонкой струйкой поил его. На зеленоватой воде плавало несколько диких гусей.

Я стал растерянно осматривать окружающую местность. Здесь и там на склонах, покрытых толстым ковром лишайников, озаренным спокойным солнечным светом, паслись олени. От гор к лесу в бесконечной выси, медленно махая крыльями, летели несколько воронов. Где же я?

Осматриваясь, я прикрыл глаза рукою. И тотчас почувствовал укус. Тонкий звенящий голос раздался около уха. Комары!

Они напали на меня, как разбойники. Я начал отгонять их, махать руками, отчаянно сражаясь с этими маленькими яростными насекомыми.

В конце концов, побежденный ими, я стремглав бросился бежать. Целая туча ненасытных кровопийц долго преследовала меня, и только тогда, когда я оставил сырые окрестности и очутился на холме, мне удалось избавиться от этой пытки.

Стоя на холме, можно было ориентироваться. И какая приятная неожиданность! На правой стороне я узнал знакомый край: холмы и склоны, морены и долины, которыми мы спускались к лесу. Сзади, в туманной дымке, тянулся голубоватый ледник реки Надежды. С тайги поднимался пар.

Солнце нагрело после дождя ее темную поверхность, и беловатые пары поднимались, как дым, и уносились свежим ветром к горам. Наше депо должно было быть тут, совсем недалеко.

И действительно, после короткого осмотра, я увидел пирамиду из камней. На лыжном шесте весело развевался лоскут материи. Все было в том же порядке, какой мы оставили два дня тому назад.

Никто не подходил к нашему запасному складу, кроме нескольких лисиц, которые оставили следы возле пирамиды. Но в эту пору года они, конечно, без труда добыли где-нибудь достаточное количество пищи и поэтому не особенно старались извлечь из жестяных коробок сухари и пеммикан. В пору же зимней нужды они, наверное, постарались бы добраться до них.

Я облегченно вздохнул. Находился я тут в приятном, защищенном от ветра месте. Подходя к складу, я спугнул целое семейство снежных куропаток; цыплята, пища от страха, скрылись в поросли карликовых верб. Значит, действительно, я был здесь единственным человеком.

В один из находившихся здесь мешков я уложил необходимые мне пищевые продукты, прежде всего пеммикан. Наш пеммикан состоял из равных долей говяжьего и конского сушеного и размороженного мяса, в кусках по полкилограмма. Вкус его был превосходен, а еще большее значение имело то, что его можно было есть как сырым, так и вареным. Эта пища идеально подходила для дальнего пути. Теперь у меня было и оружие и запасы.

Наступила ночь. Нежно-розовые лучи залили долину. Как небольшие зеркала, блестела тихая гладь озер между холмами. Горы отбрасывали длинные тени. Склоны холмов, высушенные солнцем и покрытые оленьим мохом, уже приобрели свой характерный белый цвет.

Эти холмы — остатки морен. Большие валуны, настоящие каменные ядра, лежали на обнаженной поверхности скал или же на

дне каменных котлов, образованных водопадами, низвергавшимися здесь когда-то. Это так называемые *ледниковые мельницы* или *чертовы горшки*.

И здесь, в этой местности, сидел одинокий путник, выброшенный сюда, в среду первобытной эпохи, из культуры двадцатого века.

Сидел он здесь, Робинзон страны оленей и мамонтов, на мху, у небольшого костра, дым которого тонкой струйкой поднимался к чистому небу, нежно освещенному зарею летней арктической ночи.

Неодолимая усталость охватила меня. Я наскоро испек себе кусок мяса, надев его на ольховую ветку, и нарвал на закуску брусники. Свернувшись с подушкой из мха под головой у подножия каменной пирамиды, я заснул беспокойным сном.

Замечу здесь, что прежде чем улечься спать, несмотря на кажущееся крайнее равнодушие к своей судьбе, я предусмотрительно снял шест с флагом, чтобы этот видимый знак не привлек врага.

Я засыпал и снова просыпался. Вздыхал и вертелся с боку на бок. Внезапно меня разбудило предчувствие близкой опасности. Осматриваясь, я поднялся на локтях. И вдруг тяжелый камень просвистел около моей головы.

Я хотел вскочить, чтобы скрыться, но кто-то бросился на меня. Это был человек!

Он сшиб меня на землю и попытался схватить за горло. Я слышал, как он тяжело дышал и хрипел.

Я начал отчаянно защищаться. Мы катались по мху с сопением и стонами туда и сюда. Мы рычали, душили, кусали и царапали друг друга. Потом при одном сильном повороте, я увидел на мгновение лицо нападавшего и... рассмотрел бородатое лицо Сива. В его глазах, сверкавших диким, жестоким огнем, светилась ненависть.

Со всею силою я оперся на локти и, сильно рванувшись, сбросил противника на землю, а последующим, быстрым, как молния, движением обрушился ему на грудь.

Я разыскивал глазами камень, кусок дерева или еще что-нибудь, чем бы я мог оглушить злодея. Про свой револьвер, к удивлению, я в этот момент забыл.

В то же время я почувствовал такую резкую боль в руке, что вскрикнул. Сив, как бешеный зверь, впился зубами мне в руку, которой я придавил его к земле.

Кровь брызнула фонтаном. Я выпустил негодяя. Он вскочил, метнулся в сторону и поднял камень. В тот же момент я нащупал браунинг. Я поспешно вынул его и выстрелил наугад.

Убегавший Сив вскрикнул, завыл и начал хромать. Он упал, поднялся и молча продолжал свой бег, припадая на одну ногу. Только один раз он повернул голову, и напоследок я еще раз уви-

дел его лицо, смертельно бледное, искаженное от боли, и дикие, налитые кровью глаза. Он исчез.

Тут напряжение борьбы и сильное волнение охватили меня, и я, весь дрожа, со стоном упал на колени.

Кровь, вытекая из раны, окрашивала мох. Я подошел к ручейку и вымыл рану. Указательный палец левой руки был глубоко прокушен, и запястье разорвано. Я сделал из платка повязку и старательно затянул ее, чтобы остановить кровотечение.

Значит, Сив также избежал плена. Убежал он, во всяком случае, без оружия. У него появилась та же мысль, что и у меня: найти депо. Кто знает, когда он заметил меня, и не полз ли за мной уже много часов. Он увидел, что я опередил его, и нашел подходящий момент для сведения счетов. Его ревность воспламенилась. Спрятавшись, он выждал время и, видя меня спящим, поторопился устранить ненавистного соперника. Но это ему не удалось.

Серьезно ли я ранил его? Погибнет ли он от голода в этой безжалостной пустыне или же его растерзают хищники? И, как это свойственно некоторым характерам, моя злость начала превращаться в жалость и сострадание.

Если же он поправится, — думалось мне дальше, — мне не ждать от него пощады. Этот человек будет следовать за мной по пятам с упорством дикаря.

А что у него на уме? Кто может сказать, что он не хочет добыть Надежду для себя, вырвав ее из плена?

Я стал сожалеть, что не прицелился в Сива получше. Перспектива коварного выслеживания, самая мысль о том, что Сив свободен, что он здесь, на этой земле, недалеко от меня, не давали мне покоя. Я уже не думал о сне.

Я взял ружье, запас патронов, примус, бинокль и мешок с провиантом. Прежде чем уйти, старательно спрятал остальное оружие в другом месте.

Подкрепившись после этого горячим супом из гороховой муки, не мешкая, я двинулся в путь вдоль небольшого ручья, который вытекал из озера, и направился прямо на север, где ручей соединялся с рекою Надежды.

Я оглянулся назад, на поднимающуюся вверх стену гранита, гнейса и сиенита, и, при мысли о страшном ледяном кольце, которым защищена и навсегда отделена эта земля от остального мира, мороз пробежал у меня по коже.

XX

Следующие дни были днями долгого пути. Главной моей мыслью было найти следы своих друзей. Кроме того, я решительно желал, наконец, увидеть лицо здешних туземцев, познакомиться

с их страной и с тем, какие тайны хранит она за областью тайги. А высоко надо всем стоял образ Надежды, придавая мне несокрушимую энергию.

Там, где я шел, возле потока, лес был редок. Много было сухих и истлевших деревьев; тем не менее, каким-то чудом они держались; но это была только видимость: от одного моего прикосновения они рассыпались в груды трухи.

В чистой воде потока плавало множество пятнистых форелей. А лес все время был, как заколдованный лес сказки: тихий и все же полный таинственной жизни.

Волны холмов вздымались все выше и выше к новому гребню. Я уже не мог идти по течению потока, так как крутые обрывы спускались до самой воды.

Руководствуясь компасом, направлялся я, все время к северу через горы и доли.

Отдыхал я под прикрытием кустов и камней, у костра, который поддерживал из страха перед дикими зверями.

На следующий день, после нескольких часов ходьбы, я достиг вершины гребня. Я сделал несколько шагов среди чащи и отпрянул назад. Передо мной раскрылась пропасть. Лежа на животе и отстраняя рукой карликовые кедры, я глядел в головокружительную бездну.

Это был каньон, глубиной до ста футов, прорытый в красноватом песчанике. Внизу, в тени, катилась черная река Надежды. Три мамонта на берегу утоляли жажду. С этой высоты они казались тремя рыжеватыми жуками.

С течением веков вода, ветер и морозы изъели песчаниковые стены и образовали сотни фантастических зубцов, башен и силуэтов. Узкие трещины доходили до самого дна. Здесь и там у крошки скал поднимались одиночные столбы, увенчанные несколькими, словно нарочно посаженными на них, деревьями. Скалы представляли собой сотни странных фигур, людских и звериных профилей, а красный песчаник, прорезанный в разных местах полосами темно-зеленой хвои, приобрел дикий, фантастический вид.

Через редкий лесок на окраине противоположного обрыва проглядывало чистое небо. Летняя погода уже установилась. С моего становища открывался замечательный вид на запад и север. Когда же я осмотрел местность при помощи бинокля, у меня вырвалось тихое восклицание. Я увидел дым! Да, голубоватый кудрявый султан дыма, поднимавшегося над вершинами леса в нескольких милях на северо-западе, в почти уже равнинной местности.

Вид дыма заставил меня вскочить на ноги. Там был огонь! Огонь, который мог развести лишь человек!..

Кто же находится там? Какие существа сидят там вокруг горящих ветвей, жаря олений окорок или ребро мамонта? В первый момент я подумал, что это мои друзья. Вероятно, это они убежали

из плена. Но эту догадку пришлось отбросить, когда я увидел еще два дымка. Один из дымков при полном безветрии высоко поднимался из долины реки Надежды.

Я решил идти в этом направлении. Такое решение немного меня успокоило.

Во мне проснулось упорное любопытство: чем кончится вся эта сумасбродная авантюра. Впрочем, мне казалось уже вполне естественным, что я нахожусь в сердце Гренландии, что мамонты вот здесь, подо мною, приходят пить воду из шумящей реки.

Я много думал о реке Надежды. Куда она несется? Здесь, за этим хребтом из песчаника, начинается ровная местность. Я полагал, что найду там большое озеро.

В этот день, к вечеру, солнце, спрятавшись за контурами гор и закрывшись белой вуалью пара, покрыло небеса какой-то особенной лиловой зарею.

Купол небес, спокойный, озаренный дивным светом, бледным и приятным, уходил в бесконечность. С наступлением ночи небо на юге окрасилось в желтые тона, на севере же стало розоватым. Лес противоположного гребня выступил, как черное кружево.

В чаще слышалось завывание волков. Низко надо мною с карканьем пролетела одинокая черная птица, направляясь к югу, в лес, через который я проходил. Каньон наполнился полумраком. Я различал лишь неясное поблескивание текущей внизу реки.

Вдруг какой-то ужасный звук вывел меня из задумчивости. Он доносился из глубины каньона.

Я снова пополз к краю обрыва, но ничего не смог разглядеть. Чу! Что-то тяжелое бежит вскачь вдоль бушующей воды. Ревет, хрипит и трубит. Издало рычание боли! Кто-то его преследует. Я различаю три-четыре тени, которые исчезают прыжками и сливаются с полумраком. Но что это? — настоящий человеческий крик, —

крик, от которого холод пробегает по телу, крик смертельный, отраженный скалами и заполнивший окружающее пространство.

Охотники с копьями, нападающие на мамонта! Не те ли, которые напали на наш лагерь? А возможно, что много орд этих дикарей бродит по стране?

Еще долго смотрел я, задерживая дыхание, в захватывающую дух глубину. Но звуки дикой охоты давно заглохли в изгибах ущелья. Не было больше никакого движения.

Я находился поблизости от какой-то населенной местности. Меня окружали загадочные существа, которые и здесь и там по всей стране вели дикую, незнакомую мне жизнь.

После короткого отдыха я оставил свой наблюдательный пункт и вновь отправился в путь.

Песчаниковая преграда, как я уже сказал, отделяет горную местность от равнины. Холмы за нею становятся более пологими и постепенно сливаются с равниной.

В северо-западной части неба выступают серые полосы. Хорошая погода скоро кончится, и снова будет хмурое дикое небо, дымящиеся облака, ветер и дождь.

Лес становится все реже и мельче. Кедровые деревья поднимаются, словно жердочки, с редкою хвоей; они перемешаны тут с карликовой елью. Попадаются одинокие скрученные и недоразвитые экземпляры ивы и ольхи.

Должно быть, осенние ветры сурово властвуют в этих краях. От некоторых деревьев уцелели только остовы, голые пни без ветвей, с грубо обломанной верхушкой, словно ее срубил топор дровосека. Тут и там багрово-красные трясины. Прелый запах истлевших листьев. Сыро. Местами большие отдельные группы странных обтрепанных деревьев.

Настоящий бродяга среди лесного населения, который решается доходить до самой непроходимой северной границы — сибирская пихта — растет здесь же.

Тут действительно настоящие дебри арктической Америки, где лес, как передовая рать бойцов, борется с беспощадной полярной пустыней. Начало тундры. Эта местность должна быть настоящим раем оленей и лосей.

Далеко, далеко впереди, на севере, поднимается одинокая гора, она возникает неожиданно в виде узкого колокола. Я направляюсь к ней. Многочисленные дымки, поднимающиеся со всех сторон, говорят о том, что я приближаюсь к заселенным местам. Я удваиваю осторожность.

Мне захотелось сварить себе рыбу, недавно пойманную в ручье. Прислонив ружье к ближайшему дереву, я сложил свою ношу и, взяв примус, хотел принести воды. Но едва я сделал два-три нерешительных шага, как почва исчезла под моими ногами.

Раскрылось черное отверстие, я вскрикнул, полетел в какую-то яму и, тяжело ударившись виском о что-то твердое, потерял сознание.

XXI

Первое, что я почувствовал, когда пришел в себя, было ощущение сырости. Водяная пыль падала на меня через узкое овальное отверстие, в которое проникала также жалкая полоска пельного полусвета.

Потом я инстинктивно понял, что я не один. Подняв голову, я увидел два блестящих зеленых глаза, глядевших на меня из мрака.

Я попытался подняться, но почувствовал боль в правом плече и тяжесть в голове. Но что стало беспокоить меня больше, когда я немного двинулся всем телом, — это тупая боль в колене правой ноги.

Я увидел, что лежу на дне искусно выкопанной ямы, глубиной до двадцати футов, с суживающимися кверху стенками. Посередине ямы были врыты два крепких заостренных кола. Яма была прикрыта с удивительным искусством крышкой из ветвей, листвы и мха, на которые был насыпан тонкий слой земли.

Дикие охотники этой страны вырыли эту западню для крупного зверя, вероятнее всего, мамонта. Утомленный, в состоянии отупения от долгого пути, я не заметил приготовленной ловушки и угодил в нее.

Я упал прямо возле кола. Еще бы пять сантиметров, — и я повис бы на нем. Я вздрогнул, поглядев на торчащее острие, покрытое старыми засохшими следами крови.

Потом я снова обратил внимание на два горящих глаза, неподвижно глядевших на меня из противоположного угла. Мое зрение уже немного свыкло с полумраком, и я увидел, что это был большой волк, настоящий арктический волк, почти белый, с густой шерстью и высокими передними ногами, благодаря которым некоторые натуралисты дали ему название полярной гиены.

Я поискал взглядом оружие, но его здесь не было. Падая, я выронил браунинг, который держал в руке. Только большой примус со звоном последовал за мной в ловушку.

Мое неожиданное падение и грохот примуса подействовали на хищника так, что он не решился напасть на меня, пока я лежал без сознания.

Нельзя было и думать выбраться из ямы без чужой помощи. Не мог я рассчитывать и на то, что кто-нибудь из охотников придет осматривать ловушку прежде, чем я умру от голода или буду растерзан изголодавшимся зверем.

Я подумал, что необходимо покончить с волком, чтобы его мясом поддержать свою жизнь. Да и само животное может напасть на меня с той же самой целью.

Я осторожно поднялся и сел. При этом я снова почувствовал сильную боль в колене.

Мой компаньон, казалось, беспокоился. Он выгнулся, съелся. Потом прижал уши, ощерился и показал ряд зловещих зубов.

Я пододвинул к себе единственное оружие — свой примус, который лежал на расстоянии вытянутой руки. Замечательная мысль мелькнула у меня в голове. Как только волк впадал в беспокойство и проявлял намерение оставить свой угол, я тотчас начинал брэнчать и барабанить в несчастный примус, — барабанить громко и с воодушевлением, как негритянский фанатик, и результаты были поистине великолепны: с поджатым хвостом неприятель затихал в своем углу.

Эта игра сначала развлекала меня, потом стала утомлять. Я страдал от жажды, а колющая боль в колене давала себя знать все чаще и чаще. Я заметил, что дремлю, а очнувшись, вдруг увидел своего компаньона крадущимся ко мне, словно тень, с взерошенной шерстью и горящими глазами.

Возможно, что волк был в яме уже несколько дней, и голод донимал его.

Я понял, что находиться дальше в том же положении невозможно. Необходимо на что-нибудь решиться. Приближается момент, когда брэнчание примуса — единственное мое средство самозащиты окажется бессильным. Зверь привыкнет к нему. Самым лучшим будет в последний момент разбить этим примусом зверю голову. Это будет отчаянная попытка, но, в сущности, мне не остается ничего другого.

Грязные струйки текли со стен; было сыро и холодно. Мне вздумалось кричать, чтобы обратить на себя внимание какого-нибудь живого существа, находящегося поблизости.

Прошло уже много длинных часов; целых полдня; начиналась другая половина. Мне было холодно.

Одно время я слышал какие-то тяжелые шаги вблизи ямы. Земля тряслась, кусты ломались. Какое-то существо сопело и фыркало, как будто со злобою обнюхивая землю. Вдруг все утихло.

Напрасно я ломал голову, как выбраться отсюда. Я до сих пор не решался даже встать на ноги, так как болело колено, и я боялся, что волк бросится на меня.

Вдруг я вздрогнул всем телом — волк ни с того ни с сего принялся выть. Он сидел, прижавшись к стене; подняв голову, с закрытыми глазами и напряженным видом издавал он жалобный вой. Я в отчаянии схватил кусок глины и бросил в проклятого музыканта.

Опять прошло несколько бесконечных часов. Я снова впал в тупую оцепенелость. Но тут поведение зверя обратило на себя мое внимание. Им овладело беспокойство.

Он поднял свой нос к отверстию ловушки и оцетинился. И тогда, не слышав пред тем ни малейшего шелеста, я увидел, как кто-то появился в светлом круге на краю ямы.

Это была человеческая голова.

Никогда, даже в самом страшном сне, не видел я такого лица. Дикая копна спутанных черных волос, под которыми исчезал низкий лоб, плоский широкий нос, большой рот с выпяченными толстыми губами и полное отсутствие бороды, — вот что заметил я при первом взгляде. Но самым удивительным были глаза. Они сидели глубоко, как в темных пещерах, жгучие и беспокойные, а сверху их прикрывали два выступающих надбровья. Чем-то невыразимо звериным веяло от этого темно-бронзового косматого лица. В действительности это лицо не было человеческим, но он не было и звериным. Мы глядели друг на друга две долгих секунды. Никакой мысли я не заметил в глазах, которые смотрели на меня. Никакого движения в лице.

Потом покрытое шерстью лицо вдруг исчезло; раздался свист, и кремневая стрела влетела в яму.

Полярный волк, раненый в горло, подпрыгнул и издал сдавленное рычание. Стрела вонзилась до половины. Зверь начал кру-

житься; он зашатался, как пьяный, и потом свалился, вытянувшись в агонии.

Минута шла за минутой. Волчье тело коченело; глаза помутнели; одна из задних ног торчала вверх. Кровь, вытекая из раны, образовала небольшую лужу.

Иногда я глядел на часы. Оживленное, неутомимое их тикание действовало на меня ободряюще.

Часы показывали ровно три четверти восьмого, когда я услышал тихий шелест. Какие-то глухие голоса неясно долетали до моего слуха. Очевидно, приближалось много людей. Вскоре появилось семь фигур. Я увидел небольшие луки и копья, которые эти люди держали в руках.

С минуту они глядели на меня со спокойным вниманием, причем обменялись между собою короткими словами на незнакомом языке.

Речь их была странная, грубая, полная гортанных звуков, проносимых своеобразно, как бы с напряжением, и похожих на крик диких лесных животных.

Потом дикари притащили ствол кедра, с которого ветки были обломаны так, что он образовал подобие лестницы, и спустили его в ловушку.

Это было немое приглашение лезть вверх. Я колебался.

Решившись, я сделал попытку встать. Но едва я поднялся и сделал шаг, боль в колене возобновилась с такой силой, что я упал бы на месте, если бы вовремя не схватился за один из торчащих кольев.

Скрипя зубами от боли, я попробовал повторить опыт. Я собрал всю энергию, на какую только был способен, и достиг того, что поднялся до третьей ступеньки, переноса адские муки. Но потом я потерял сознание и бессильно свалился на землю.

Когда я очнулся, я увидел что охотники вытащили меня из ямы и положили на мокрый мох.

Тяжелая мгла опустилась на землю и покрыла ее густым покровом. С хвои падали холодные капли. Во мгле около меня двигались фигуры диких людей.

Все они были среднего или, скорее, даже малого роста, но во всяком случае выше, чем эскимосы, костлявые, почти худые, но с сильной мускулатурой. Их черные волосы, падали им на лица. Губ не было видно в редкой, но жесткой поросли усов. Все были одеты в шкуры, небрежно переброшенные через одно плечо и стянутые у пояса при помощи сухих звериных жил, и на ногах не имели никакой обуви.

Кожа этих людей имела темно-бронзовый оттенок, и все они были покрыты волосами каштанового цвета, образовавшими на груди густую гриву.

А их лица! Пока жив, я никогда не забуду лиц обитателей этой заколдованной страны.

Рот с толстыми губами, по-звериному выступающий вперед, выдающиеся лицевые кости и громадные надглазницы придавали трудно описуемое выражение их профилю. Так должен был выглядеть первобытный неандертальский человек!

Глаза дикарей были похожи на раскаленные уголья, и порой казалось, что они затачиваются гдлубой пленкой, а потом они снова загораются диким блеском глаз хищных животных, зеленоватым беспокойным блеском, который моментально тускнеет и гаснет.

Придя в себя, я увидел, что четверо занимались приготовлением носилок из ветвей растущих по склону деревьев. Трое остальных стояли около меня на страже; из них один держал копье с ольховым древком у самой моей головы. Другой издали равнодушно следил за работой своих товарищей, временами почесывая свою гриву.

Он был немного стройнее, чем другие, одет в волчью шкуру, за пояс у него был заткнут каменный молот с длинным упругим топорищем.

Убитая самка оленя и вытащенный волк лежали около носилок. Я понял, что будет дальше. Меня положат на носилки и понесут. Куда?

Мужчина в волчьей шкуре взглянул на меня рассеянным взглядом. Видя, что я очнулся, он обратился к другим и что-то им сказал.

Носилки были готовы. Двое из этих странных дикарей взяли меня своими крепкими руками и скорее бросили, чем положили, на ветки, не обращая ни малейшего внимания на мои болезненные стоны. Они подняли носилки и двинулись вперед. Два охотника взяли изогнутый сук и привязали к нему оленя и волка. Третий мучился с моими вещами и оружием, которых не хотел касаться руками из суеверного страха. Веткой сгреб он их на разостланную кожу и эту тяжелую ношу тащил на плечах.

Мы двинулись в поход в направлении, которое я не мог определить из-за тумана.

Лежа навзничь на носилках, я рассматривал лицо заднего носильщика, смотревшего на меня с таким равнодушием, что у меня начинала закипать кровь.

Я старался определить уровень культуры странного народа, в руки которого я попал, и имена Мортиллье, Флоуэра, Гепбёрна и других известных антропологов начали так неотступно всплывать в голове, что прогнали мысли о неопределенном будущем.

И так несли меня, безоружного и хромого, неспособного к отпору и вынужденного без движения ожидать развязки всей этой странной истории.

Стоял густой туман. То там, то здесь раздавалось хриплое воронье карканье.

Мы миновали ольховый кустарник, влажный от окружающей сырости, и карликовые вербы, не превышавшие рост человека.

Во многих местах почва прорывалась, и под ногами несущих выскакивали пузыри грязной воды. Упругий слой почвы, казалось, плавал на поверхности скрытых вод. Вдоль нашего пути тянулись обширные топи.

Вскоре я убедился в существовании новой, неожиданной опасности, которыми так богата эта страна.

Вдруг рядом послышался треск кустов, топот тяжелых ног, чье-то фырканье и сопение. Одновременно с этим было видно, что охотники страшно взволнованы. Они начали кричать, и в их крике несколько раз повторялось странное слово:

«Пгруу! Пгруу!»

Они жалобно завывали и разбежались во все стороны.

Мои носилки закачались, словно на волнах прибоя, и полетели под охрану вербных кустов. Обернувшись на бок, я увидел громаднейшее существо, которое молнией вылетело из клубящихся паров. Это был носорог невиданных размеров, с почти полуметровым рогом, — носорог, покрытый косматой рыжеватой шерстью, влажной и заиндевевшей, что придавало ему фантастический вид.

Я угадал в нем эласмотерия* — носорога, жившего в первобытной сибирской тундре. Эласмотерии нападают, нагнув голову и выставив свой страшный рог.

Животное было разъярено и мчалось в слепом бешенстве. Учужав нашу процессию, оно напало на нее внезапно и без всякой причины. У меня мелькнуло сожаление, что в руках нет ружья, чтобы показать дикарям, как можно уничтожить такую скотину разом, одним движением пальца.

Из кожи охотника, который тащил мои вещи, с шумом вылетел мой примус и покатился по земле. Разъяренный носорог, в слепой ярости не видя другого предмета, на который мог бы излить свою злость, бросился на несчастный примус, который дикари вытащили со мной из ямы.

Кремневые копыя и стрелы не могли бы ничего поделывать против твари с такой толстой кожей. Поэтому охотники довольствовались тем, что спрятались в ближайших кустарниках.

Туман закрыл от нас носорога, и в то время, как мы быстро уходили, еще долго было слышно сопение громадного животного и жалобное тренькание несчастного примуса, который звенел под ударами его страшного рога.

XXII

По моим предположениям, поход наш продолжался около двух часов. Потом охотники остановились и развели огонь.

Они сделали это не так, как разводят огонь примитивные народы нашего времени, а также и эскимосы, трением двух кусков дерева различной твердости; они высекли искры из двух кусков кремня на особый сорт гриба, растущего в этой стране на деревьях, мицелий которого доставляет им отличный трут. Огниво и трут каждый охотник носит в кожаном мешке на шее.

Сухая трава занялась; ветви затрещали. Тут впервые я заметил, что эти дикари каждое разведение огня сопровождают каким-то обрядом.

Когда вспыхнуло первое пламя, каждый охотник молча ударил ладонью левой руки о землю.

Возможно, так они изображают удар молнии, — огня, падающего с небес.

Люди эти необыкновенно молчаливы. Они могут долгие часы сидеть без движения и мрачно смотреть на огонь. С удовольствием узнал бы я, что делается в их примитивном мозгу в течение этих долгих периодов молчания.

* *Эласмотерий* — очень крупный носорог, вымерший в четвертичную эпоху.

Лежа на своих носилках, я мог спокойно наблюдать за их деятельностью. Они искусно разделили на четыре части оленя и жарили окорока.

Прежде всего они очистили кости с мозгом; выпекли их на огне, разбили камнем и высосали, как лакомство, их содержимое. Они с удовольствием ели горячий мозг. К сожалению, я убедился, что они имеют общую с эскимосами северную привычку — пожирать сырым желудок убитого зверя.

Ели они медленно, подолгу разжевывая пищу сильными челюстями. Зубы их были белы, а клыки сильно развиты. Они молча подали мне часть внутренностей, которые еще дымились, но я отстранил их с гримасой отвращения. Тогда они принесли мне кусок полусырого, обгорелого и покрытого пеплом мяса. Я быстро, с голодной жадностью, съел его.

Тела дикарей были покрыты седым инеем от осевшего тумана, шкуры покрыты росой, а дико запутанные волосы пропитались влагой.

Их черные ступни были твердыми и нечувствительными, а множество полузаживших, скрытых под шерстью язв доказывало их равнодушие к физической боли.

Самым симпатичным из всех был молодой дикарь, менее зверского обличья. Его глаза были спокойны. Ел он с меньшей жадностью, чем остальные.

Когда туман стал сгущаться, троглодит* перебросил черную бахромчатую шкуру через оба плеча и скрепил этот плащ при помощи сухой оленьей жилы с двумя деревянными шпильками на концах, которые он протащил через отверстие, в куске оленьего рога.

Подобные куски костей и рогов я часто видел в музеях. Эти куски украшены изображениями разных зверей и ошибочно считаются знаками родовой власти. Это не что иное, как запонки и застежки.

Мои дикари носили с собой запас больших кремневых стрел просто за поясом, сделанным из высушенных кишок. Копья их оканчивались обломком, высеченным из кремня или агата, острым, как бритва, прикрепленным к ивовому древку крепким шнуром из сухих жил. У одного из дикарей был каменный молот. Другой, имевший особенно страшный вид, косматый великан, покрытый струпьями и ранами, засунул себе за пояс нижнюю челюсть пещерного медведя. В сильной и искусной руке она, вероятно, должна была представлять страшное оружие.

Не имея до сих пор случая познакомиться с их изделиями и образом их жизни, я не решался точно определить степень и тип их культуры. Но все же мое научное любопытство было возбуждено. Я с нетерпением ждал возможности узнать их быт и нравы.

* *Троглодиты* — первобытные пещерные люди.

Насытившись, охотники взяли носилки и остатки мяса, после чего энергично двинулись вперед. Носилки снова начали свое одностороннее качание.

Влажность тумана пронизывала меня. Я дрожал от холода и лихорадки, которую вызвала у меня боль в колене. Несмотря на это, от меня не ускользала ни одна подробность этого странного путешествия.

Два или три раза из-под самых наших ног с шумом вылетали стаи куропаток. Охотники не обращали на них внимания. Как потом выяснилось, они вообще не бьют птиц.

Мы перешли через несколько потоков и несколько покрытых камнями полей. Почва тут была сухой и твердой. Болота остались позади.

Я как раз думал о горе, похожей на колокол, которую я видел с гребня Красного каньона, когда мои мысли были прерваны продолжительным воем, доносившимся из мглы.

Процессия остановилась. Один из дикарей быстро исчез в клубящихся парах. Мы ждали. Потом, хотя я и не заметил никакого сигнала, мы снова двинулись в путь.

Но вот я почувствовал едкий дым горящего сырого дерева, который проникал сквозь туман. На меня пахло отвратительным запахом гниющих отбросов.

Со стоном повернувшись на бок, я увидел проникавшее сквозь мглу расплывчатое сияние огня. Мои носильщики направились прямо к нему.

Вдруг из-за серой завесы выступила песчаниковая скала. В нескольких метрах над землею верх скалы образовывал навес. В нише горел огонь. Несколько странных, покрытых шкурами фигур сидели вокруг тлеющих ветвей.

Мы продолжали наш путь. Но вот носильщики споткнулись о какое-то препятствие. Это были огромные кости, выбеленные, обглоданные, громадные кости ужасных тварей, остатки диких пиров. Почва была усеяна черными пятнами старых огнищ. Зверинные черепа глядели на нас своими пустыми глазницами.

Едва огонь, горевший под навесом, исчез, как впереди, сквозь туман, засветилось новое сияние. Мы шли вдоль скалы, огибая острые углы и обходя громадные камни, когда-то свалившиеся с гор.

Зажурчал ручей. Между гольшами тек неглубокий прозрачный поток, и от его холодной воды поднимался пар. И хотя мои носильщики проделали трудный путь с действительно тяжелой ношей, они не казались усталыми.

Проворно перескакивали они с камня на камень, поднимаясь каменной дорогой в гору, — и свет приближался. Мы подходили к становищу.

Скала сходила к земле уступами, и у самой земли виднелось узкое и темное отверстие пещеры. Около него горел огонь, окру-

женный вооруженными охотниками. Из-под свода пещеры лениво выползал едкий дым.

Мы остановились, и носилки опустили на землю. Мои провожатые разошлись. Только двое из них — старый великан с медвежьей челюстью и молодой воин в волчьей шкуре — остались около меня. Они обменялись несколькими непонятными словами. Но тут легкими тихими шагами со всех сторон стали подходить другие охотники.

Молча и нахмурившись осматривали они меня. Слышалось ворчание, в котором чаще всего раздавалось слово «могак». Но охотники недолго занимались мной. Скоро они равнодушно разошлись.

Но вот опять кто-то приближается ко мне. Идет быстро, неслышными шагами. Это молодая женщина.

Она грациозна и стройна. Ее бронзовое тело, закутанное в черный мех, гибко, как тело хищного зверя. Надетое на шею ожерелье из конских зубов и обломков нефрита, нанизанных на оленью жилу, позвякивает при каждом ее движении. Ее левое плечо татуировано рядом черных точек. Длинные иссиня-черные волосы в диком беспорядке спадают на низкий лоб и на молодую бронзовую грудь.

Чисто женским движением отбрасывает она с горящих глаз пряди жестких кудрей. Я вижу лицо, которое, к моему удивлению, улыбается. До сих пор я не видел улыбки у жителей этой страны; не видел я ее и после ни у кого, кроме детей.

Скулы у девушки выступают не так сильно; раковины ушей прилегают к голове и нежны; волосы на лице подобны легкому золотистому румянцу; зубы иссиня-белые. Я хорошо вижу их, так как девушка смеется.

Тепло этой неожиданной улыбки согрело меня.

Я тоже улыбнулся и невольно посмотрел на своих сторожей. Но те не обращали на нас внимания. Один из них испытывал пальцем острие стрелы,

другой уселся на камень и, казалось, дремал.

Девушка склонилась надо мною. Поток непонятных звуков полился из ее широкого улыбающегося рта.

Речь странная, как я уже говорил, произносимая как будто с напряжением. Когда я прислушался, мне показалось, что в ней слышится подражание звукам природы: шуму и стону ветра, глосам зверей, журчанию воды, треску огня.

«Мо-гак! Мо-гак!» — повторяло дикое создание.

И тут же я вспомнил слово, — слово, которое знакомым звуком ударило по слуху, — «Каманак!» — загадочное название в письме Алексея Платоновича.

В голове моей закружились сотни странных мыслей. Я был на пороге разгадки тайны. Я поднялся на локоть и сказал, стараясь подражать странному акценту ее речи:

«Р-тору! Р-тору!»

Она развела руками от удивления и громко засмеялась, почти без усталости повторяя: «Р-тору! Р-тору!...»

При этом она начала ходить кругом, и подражая тяжелой ходьбе и показывая с таким искусством качающийся и свертывающийся хобот, что я вскрикнул от удивления.

«Но ведь это мамонт! Это мамонт!» — И опустил на свои носилки. Мое болезненное движение обратило внимание смеющейся девушки на то, что я ранен.

Она снова наклонилась надо мною и моментально угадала ранение колена. Нахмурившись, она на некоторое время погрузилась в размышления.

Мне было любопытно, что она придумает. Но она тотчас же вернулась к прежнему беззаботно веселому состоянию. Показывая на себя, она повторила несколько раз: «Каму! Каму!», пока я не понял, что этим именем она называет себя.

Тогда я, оглядываясь кругом, как бы ища какой-то предмет, с ударением выговорил мистическое слово, которое явилось нам в наших снах:

«Каманак».

Каму поняла. Она развела свои бронзовые руки, описала ими круг, показала в туман во всех направлениях, а потом очень торжественным движением коснулась земли.

И я понял, что первобытное племя диких охотников так называет свою заколдованную страну.

XXIII

Хотя люди этой страны находятся на очень низкой ступени человеческой культуры, тем не менее, речь их, кроме какого-то особенного напряжения при произношении, при своей примитив-

ности, далека от криков животных. Несмотря на некоторые признаки неандертальской расы, жители Каманака стоят в своем развитии выше.

Каму охотно продолжала бы объяснения, если бы высокий троглодит, одетый в черный мех, какой я несколько раз уже видел здесь, не помешал нам.

Троглодит этот имел такое волосатое лицо, что только два раскаленных угля его глаз светились на нем. Он молча дал знак; носилки поднялись, и мы вошли в пещеру. Каму шла около меня.

Ручей вытекал из пещеры, оставляя лишь узкую полозку для прохода. Когда мы вошли, нас охватил тусклый полумрак. Здесь было тихо, безветренно. Пещера тянулась вглубь, выбитая водой в черном миоценовом песчанике.

Процессия двигалась по мягкому красному песку. Свет огня делал стены кроваво-красными. Под сводами пещеры клубились облака дыма. Свод этот постепенно повышался. Коридор привел нас в просторный зал с высоким потолком. Источник пропадал где-то в стороне, в глубокой и узкой расщелине между камнями.

Вокруг костров сидели группы нагих фигур. Люди жарили мясо, испускавшее острый запах. Другие выскабливали кожу каменными скребками. Женщины, и старые и молодые, носили топливо; старые имели ужасный вид. Их поседевшая шерсть, лохматые волосы, отвислые груди и звериные, обезображенные возрастом лица, — все это придавало им вид призраков. Голые ребятишки с криком бегали друг за другом и дрались.

Я молча осматривал стоянку троглодитов, когда мои носилки проходили мимо многочисленных углублений, небольших боковых пещер, где на сухой траве, мху или шкурах, скрючившись, спали едва различимые в полумраке человекоподобные существа.

Дети, как только увидели нас, перестали драться и с громким криком бросились к нам. Они стали скакать вокруг нас, как грязные чертенята, смело ощупывая меня и храбро размахивая передо мною небольшими молотками и копьями, которые сделали для них старики.

Каму никак не могла отогнать этих назойливых зверенышей. Шутя она трепала их за волосы так, что они издавали пронзительные крики, или угощала их такими хорошими шлепками, что спина у них гудела.

Так миновали мы все обширное пространство пещеры, пока не подошли к отверстию нового коридора, ведущего в недра скалы.

На пороге этого коридора дети, охваченные каким-то страхом, совершенно покинули нас. Через несколько шагов остановилась сзади и Каму.

Мрак поглотил нас, но теперь мы направлялись к огненной точке, появившейся в глубине скалы. Песок тихо хрустел под но-

гами носильщиков. Потом я увидел небольшой огонек и неясную фигуру, сидевшую около него.

Носилки были положены около самого костра. Оба носильщика молча и с непонятной поспешностью отошли в сторону.

Я пытался взглядом преодолеть царивший полумрак. Так длилось две-три секунды, и потом я увидел какой-то ужасный призрак. Он сидел здесь, наклонившись, неподвижно, как каменная статуя.

Это был старый-престарый дед, побелевший от старости; сильно всклокоченные волосы и борода не позволяли рассмотреть звериные черты его лица. Его обнаженное тело было подобно скелету, обтянутому пергаментной кожей; весь он был сморщенный, маленький.

Среди путаницы волос, спадавших на лоб, светился один страшный глаз, который неподвижно уставился на меня. В широком пространстве вокруг костра были разложены всевозможные странные вещи: блестящие друзья лилового аметиста, прозрачные, как вода, кристаллы, странного вида раковины, коренные зубы мамонта, окаменелые аммониты, рога, — одним словом, вещи, способные привлечь к себе любопытство ребенка или дикаря.

В эту минуту мое внимание обратил на себя один неожиданный предмет. То было металлическое кольцо около семидесяти сантиметров в диаметре. Я с удивлением рассматривал его. Очевидно, оно не было частью наших вещей. Может быть, это была одна из частей машины Алексея Платоновича?

Но разрешить эту задачу нечего было и думать, так как устремленный на меня страшный глаз все время вызывал во мне чувство невольной жути.

Меня притащили сюда, как на выставку, к этой живой мумии, и я должен был волей-неволей терпеть это.

Этот ужасный глаз смущал меня. Когда же я представил себе, что это старое страшилище сидит, вероятно, долгие годы, в глубине этой песчаниковой скалы, в тяжелом молчании и густом мраке, который старается задуть голубоватое пламя и раскаленные уголья костра, — я начал чувствовать себя неуютно. Какие примитивные мысли зреют в этой старой голове, пока там, на воле, светит солнце, режут стада животных, бушует буря, кипит жизнь?

Это существо, очевидно, пережило уже несколько поколений. У этих людей еще нет колдунов, — ступень почитания людей им еще не знакома. Они чувствуют перед стариком только какой-то суеверный страх. И хотя они не признают — как я после узнал — никаких начальников, все же, предоставляя Одноглазому решать особенно запутанные дела.

И я лежал тут, с любопытством ожидая, какую судьбу уготовит мне одноглазый.

Ползли бесконечные минуты. Потом старик сделал движение. Он низко склонился надо мною, и я почувствовал, как холодная сухая рука двигается по моему лицу и груди.

Я содрогнулся при этом отвратительном прикосновении, но не решился оттолкнуть ее. Я чувствовал, как рука ощупывает мое горло, потом проходит по моей одежде.

Вдруг рука остановилась на моем кармане, в котором тикали часы. И такая была тонкость чувств этого старого троглодита, что осязанием он почувствовал их еле слышимый звук.

Прислушавшись с задержанным дыханием и трепещущим сердцем, услышал их звук и я, — услышал тиканье — звонкие металлические удары, бегущий топот металлических копыт!

... И часы тихо оставили мой карман. Они заблестели при свете огня и улеглись в кругу между мамонтовых зубов и кристаллов аметиста.

Одновременно с этим одноглазый испустил хрюкающий стон, хрип, ворчание. Оба носильщика послушно выступили из мрака. Носилки поднялись, повернулись, и меня понесли обратно.

Мы прошли темным тоннелем и снова очутились в центральной пещере среди шума и движения. Но меня несли куда-то дальше, в другое место.

Здесь лес толстых песчаниковых столбов подпирает своды. Мы пробирались в полумраке, так как сюда едва достигал тусклый свет костров.

Появилось отверстие нового коридора. У входа стояла и сидела группа вооруженных охотников. Они занимались обработкой оленьих рогов.

Охотник в черной шкуре, присоединившийся к нам в пути, что-то сказал им. Они молча посмотрели на меня и молча же пропустили нас.

Коридор изменил направление. Лежа на спине, я заметил громадные камни, грозно торчавшие из свода. Потом я был вдруг ослеплен ярким светом многочисленных смоляных факелов, вставленных в трещины скалы.

Послышался голос:

— Кого это тащат? Кто это? Милые мои! Да ведь это Карлуша!

Все мои друзья были здесь, целые и невредимые. Я протянул к ним руки. Обернувшись, я увидел побледневшее лицо Надежды и ее удивленные, сияющие искренней радостью глаза.

XXIV

Мы заключены в недрах скалы. Нашей тюрьмой служит круглая пещера с теряющимся во мраке сводом. Большой костер горит в нише, и дым выходит через трещину. Около стены пригото-

ны постели из мха и шкур. Факелы, вставленные в трещины, наполняют диким красным пламенем эту песчаниковую тюрьму. Здесь проводим мы бесконечные печальные дни.

За входом зорко наблюдает вооруженная группа троглодитов. Мы же совершенно безоружны. Никто из нас не смеет сделать и шага в центральную пещеру.

Шесть арестантов жмутся здесь на шкурах, — *шесть*, так как с нами здесь и... Алексей Платонович.

Он сидит на камне, — маленький худощавый человечек с физиономией Адольфа Менцеля*. Надежда нежно улыбается ему и говорит мне просто:

— Это дядюшка Алексей!

Изобретатель одет в лохмотья кожаной одежды и в авиаторскую шапочку.

Надежда, пересиливая волнение, шепчет мне:

— Он очень, очень болен...

Алексей Сомов, очевидно, страдает душевной болезнью. Он сидит, улыбается, глядит в огонь и лепечет, как дитя:

— Да, да, — да, да.

Его болезнь — амнезия, потеря памяти. Выражение его лица усталое, с оттенком саркастической усмешки; один зрачок сужен, другой — расширен. В его глазах — отсутствие какой бы то ни было мысли.

— Ваш дядя страдал частыми припадками головной боли?

— Ужасными, — ответила Надежда. — Иногда он не мог работать по целым дням. Почему вы спрашиваете об этом?

— Мне известен случай, когда амнезия произошла от употребления антифибрина против головной боли.

Взгляд серых глаз Надежды с выражением глубокого сострадания остановился на больном.

Несчастный профессор! Его сумасбродная экспедиция кончилась, когда воздушная машина вихрем была сбита с курса над материковым льдом, и занесло его в полную тайн область Каманака. Алексей Платонович покинул свой аэроплан, и все, что случилось потом, покрыто непроницаемой тайной.

Троглодиты взяли в плен несчастного старика, но не причинили ему вреда. Как и все дикари, они испытывали необъяснимый страх перед душевнобольными.

Прошлого для него не существует. Он ничего не знает о своей прежней жизни. Не узнает Надежды. Он все забыл, даже свою машину. А как раз эта чудесная машина начинает приобретать в наших глазах огромное значение. Нельзя ли бежать на ней из этой заколдованной страны?

* Немецкий живописец и график.

Но где же эта машина? Может быть, ее разбили троглодиты или она лежит где-нибудь забытая, во власти воды и ветров.

Ничего не кажется нам проще, как исправить машину, сесть на нее и избавиться от окружающих нас опасностей. Дайте заключенному самую маленькую надежду выбраться из тюрьмы, и он судорожно ухватится за нее, хотя бы это граничило с безумием.

Прежде всего, нам необходимо выйти из пещеры, которая нас душит. Мы должны добиться свободы передвижений. Дни тянутся отчаянно долго. Мы нервно ходим взад и вперед, как звери в клетках, или же сидим, без единого слова, погруженные в тяжелые думы.

Мы спим или делаем вид, что спим. И вдруг нас снова охватывает прилив энергии. Мы устраиваем собрание и энергично советуемся. Мы придумываем сотни способов, как выйти отсюда, и тотчас же их отвергаем. наших тюремщиков много, а нас мало. Фелисьен все время твердит, что некоторые из их стрел отравлены ядом...

Что, собственно, троглодиты намерены сделать с нами? Убить нас во время какого-нибудь ужасного торжества? — мы буквально ничего не знаем.

Ясно только то, что все наши попытки добиться свободы добром, договориться с троглодитами, все попытки сойтись с ними разбиваются о мрачное равнодушие дозорных. Остается только терпеливо ждать и надеяться на случай.

Фелисьен принялся за лечение моей раны с неподдельным, искренним состраданием. Он без устали прикладывал холодные примочки, делал врачебный массаж, и, возможно, что через несколько дней я буду в состоянии ходить.

При этом Фелисьен имеет отличную помощницу — Каму. Эта красивая дикарка свободно, без препятствий, приходит и уходит, навещая нас в тюрьме. Все ее необыкновенно полюбили, а особенно Фелисьен. В шутку он называет ее Венерой из Брассенпуи — по известному вырезанному из кости женскому торсу, играющему большую роль в анналах палеонтологов. Действительно, Каму — Венера среди остальных уродливых фигур.

Каму с преданностью льнет также и к Надежде. Обе девушки ухитряются понимать друг друга и оказывать друг другу любезности. Трогательно видеть, как молодая дикарка с благодарностью принимает нежные слова и ласку.

Каму приносит нам самые разнообразные лакомства: чернику и грибы, известные ей съедобные корни, очень ароматные и нежные; кедровые шишки из прошлогоднего запаса. Она снабдила нас искусно сплетенными корзинами и посудой из оленьих черепов. Надежде она принесла ожерелье из зубов и несколько мягких шкур.

Иногда она приводит с собой какого-нибудь из тех маленьких чертенят, которые наполняют визгом центральную пещеру, согнувшегося под основательной вязанкой дров. В воде у нас нужды не имеется. Небольшой чистый ручей вытекает из задней стены наших сеней и теряется в какой-то трещине.

Каждый день к нам входят два диких охотника с кусками кровавого мяса. Они кладут его на камень и молча уходят. Фелисьен с Надеждой занимаются стряпней, а мы молча смотрим. Так проходят наши дни...

Хотя научная экспедиция Снеedorфа потерпела на этом острове крушение, это не отняло сил у ее начальника. Его оптимизм придает нам бодрости. Энергия этого старика удивительна.

Я рассказал Снеedorфу о Сиве. Он был взволнован. Он не ждал такой низости от своего спутника, но думает, что судьба Сива решена. Мы больше не говорим о нем.

У Надежды нет здесь ее верного сторожа. Гуски погиб при падении на лагерь. Он с воем впился в горло дикаря, схватившего Надежду. В этот момент другой дикарь пронзил его копьем. Троглодиты, не зная домашних животных, сочли Гуски за волка и поступили с ним, как со всякой другой добычей: испекли его и съели.

Дни текут однообразно, один за другим. Нога моя почти зажила. Мы не перестаем каждый день повторять попытки добиться выхода из нашего плена. Но стража бдительна и неумолима.

Ночью — а разве у нас есть день? — когда другие забываются беспокойным сном, Фелисьен приходит к моему ложу. Он долго сидит молча и глядит на огонь, потом вдруг оборачивается ко мне, поднимает палец вверх и глухим голосом говорит:

— Машина!..

Я не отвечаю.

— Машина! — повторяет он, как упрямый ребенок, который готов заплакать. — Необходим летательный аппарат. С крыльями или без них. Моноплан или биплан. Все равно.

Я отвечаю бессвязным бормотанием.

— Возможно, — говорит Фелисьен, как бы про себя, — что такая машина скрыта здесь где-нибудь за углом. Готова для нас. Сесть, взять руль...

Это начинает допекать меня. Я сажусь против Фелисьена.

— Ну, к чему все это? Разве ты не видишь, что это пахнет навязчивой идеей. Вдобавок, что тебе далась эта машина? Сумеешь ты управлять ей? Как ты узнаешь, что она годна для полета и сколько она поднимает людей?

И когда я уже думаю, что милый француз совершенно уничтожен потоком моих слов, я нахожу, что ему не повредило бы и более разумное наставление. С видом очень основательного человека я пускаюсь в рассуждения.

— Если размышлять о вещах хладнокровно, мы должны согласиться с тем, что прежде всего и лучше всего надо нам найти...

Но Фелисьен прерывает мою речь с жестом безграничного пренебрежения и оканчивает ее голосом глубокого внутреннего убеждения:

— Машину Алексея Платоновича!..

XXV

Один я, может быть, в глубине души, доволен своей судьбой. Ведь Надежда все время около меня. Я понимаю, что это страшно эгоистично, но я хочу быть откровенным.

Наши разговоры вполголоса продолжают; мысли наши дополняют друг друга, и мы часто замечаем, что отвечаем на вопрос, которого другой еще не задал.

Иногда мой взгляд или тон голоса выдает меня, и я вижу, как ее глаза в смущении вспыхивают огнем и как пробегает румянец по ее лицу.

Я уже совершенно здоров, и ко мне вернулась прежняя энергия. Теперь и я, во время совещаний, пытаюсь помочь нашей беде каким-нибудь советом.

Однако напрасно мы ломаем головы. Прежде, чем мы добрались бы до выхода из скалы, мы были бы уничтожены подавляющей силой дикарей.

Наше беспокойство увеличивается со дня на день.

Только Фелисьена наша судьба, кажется, не беспокоит. Он повествует о таинственном, сказочном торжестве, при котором мы будем принесены в жертву, и забавляется при этом, болтая с Каму. А Венера из Брассенпуи объясняется с ним на диво хорошо. Вид этой пары прямо великолепен. Предприимчивый француз умеет уже произносить ряд слов на языке троглодитов.

Он приходит ко мне и с торжеством объявляет:

— Жители Каманака называются *гак-ю-маки*. Оленя называют они *дуйоба*. Воду — *сакака*. Медведь зовется *бумуба*. Бумуба, дружище, это будет тот человек, который не видит, что Каму — очень милое существо...

Прошло уже одиннадцать дней, как я был принесен в пещеру, а в нашем положении ничего не изменилось. Но в последний день вроде бы незначительное обстоятельство внезапно решило вопрос о нашей свободе.

Как бывало ежедневно, — пришла с визитом Каму. Фелисьен ожидал ее уже с приготовленным альбомом — единственной вещью, которую, по странной случайности, оставили ему дикари. Он придал девушке живописную позу, чтобы в четырнадцатый раз увековечить ее необычный профиль. Но беспокойная Венера из Брассенпуи не стала сидеть, а подошла к нам и высыпала перед нами на стол несколько странных вещей, назначение которых мы не сразу поняли.

Фелисьен подбежал ко мне с вопросом:

— Коренья? Ягоды?

— Ничего подобного! Погляди!

— Черт возьми! Это как будто ракета. Ее принесла Каму.

— Ну, конечно. Это из запасов автомобиля. Голубые сигнальные огни. Магниево-алюминиевые «мельницы». Целый фейерверк.

— Так что же! Не будем же мы здесь устраивать венецианской ночи?..

— А почему бы и нет? Попробуем. Подействуем на все чувства дикарей. Поразим их колдовством! Если они и почитают что-нибудь, то почитают огонь. Они еще не знакомы с эффектами современной пиротехники. Испытаем это, только не спеша и осмотрительно. Уговори Каму принести завтра еще несколько сигнальных ракет.

Фелисьен, действительно, постарался и уговорил Каму достать еще ракет и фейерверков. Мы разработали план, а когда настала благоприятная минута, то взялись за дело.

В конце туннеля стояла охранявшая нас группа дикарей. В центральной пещере копошилась почти вся орда. Все благоприятствовало нам.

С зажженным фейерверком в руках, торжественно, серьезно двинулась наша процессия к ворчащей группе стражей с пением заклинаний.

С шипением и воем взлетели голубые огненные полосы к своду пещеры; горсти радужных шариков с треском разлетелись и медленно опускались на землю. Сильный, резкий огонь магния вспыхнул и наполнил отверстия скал ослепляющим белым светом. Затрещали разноцветные ракеты, долетая до самых отдаленных логовищ.

И среди этого адского треска и столь неожиданных разноцветных молний стоял Фелисьен Боанэ, в позе богатыря, держа в каждой руке высоко поднятый трещащий белый источник света.

Какой настал тут переполох! Троглодиты, выскочив из своих укромных углов, как окаменелые смотрели на это сверхъестественное явление.

— Каюра! Каюра! — ревели некоторые из них.

Тут одни бежали, не будучи в силах выдержать этого зрелища, другие бросались, как мертвые, лицом на землю.

Сторожа, препятствовавшие нашему выходу, исчезли, и направились по дороге вниз, к подземному потоку. А когда все погасло, и последняя цветная звездочка упала со свода во мрак, и снова тускло засветил горевший костер, — здесь уже не было никого, кто бы препятствовал нам.

Сумрачно смотрели на нас пораженные лица гак-ю-маков, и в глазах этих существ показалось нечто вроде суеверного страха. Они молча признали за нами право на свободу.

Ведь мы были людьми, могущими приказывать молниям, солнцу и звездам, чтобы они сияли в глубине их скал! Мы вышли вон, и после стольких дней мрака и убийственной неопределенности нас встретили свежий воздух и дневной свет. Мы были свободны!

XXVI

Словно Гибралтар, поднимается мощная обнаженная скала из песчаника прямо с равнины. Низко летящие облака разбиваются о ее вершину.

Кажется, будто рука какого-то великана бросила этот одинокий камень через леса и реки от гор в равнину. И все это каменное образование внутри страшно изъеденно и подобно каменной губке или осиному гнезду с бесчисленными ячейками. Троглодиты, населяющие этот каменный небоскреб, называют скалу Катмаяк, что означает «Большая пещера». Позже мы определили, что Катмаяк поднимается как раз в пересечении географических линий, указанных Алексеем Платоновичем.

В течение зимы логовище это тепло, сухо и вместительно. С внешней стороны с полдюжины деревьев дают тень в летние месяцы и защищают от ливней.

Орда пещерных людей насчитывает около трехсот человек. Теперь, когда мы свободны и никто не ставит нам препятствий, мы можем хорошо осмотреть все могучее строение Катмаяка, его расстрескавшиеся могучие зубцы, его обнаженные бока и таинственные недра. Мы можем также свободно наблюдать жизнь обитателей этих скал.

Однообразна и груба жизнь гак-ю-маков — палеолитических охотников. Они живут вместе, но каждый сам за себя. Обходятся они без начальников; пожалуй, только, старые охотники имеют известное влияние, особенно в определении места охоты и в устройстве ловушек.

Некоторые места и предметы для них, по известным причинам, святы — табу, как у обитателей Полинезии.

Такова пещера, где сидит престарелый патриарх. Целые десятилетия не оставляет он своего логова. Это место, куда не смеют ступить ни нога женщины, ни нога ребенка. Он внушает им страх, хотя не сотворил ничего чудесного. Просто сидит один в пещере. Впрочем, дикари приписывают ему какое-то неизвестное другим знание.

Огонь, солнце, месяц, северные сияния служат у гак-ю-маков предметом постоянного наивного почитания. Во время грозы у них является не ужас перед громом и молнией, а какая-то мрачная радость, и к бушеванию грозы прислушиваются они с видимым

наслаждением. В это время они любят оставаться под открытым небом и с удовольствием предоставляют литься на них теплому летнему дождю.

Ввиду того, что они охотники, их оружие, несмотря на всю его примитивность, превосходно приспособлено для своей цели.

Больших зверей — мамонтов и носорогов — они ловят в ямы, и если окажется недостаточно острых кольев, добивают их там камнями и стрелами.

С луками обращаются они с необыкновенным искусством. При помощи кожаной пращи они бросают овальные речные голыши, величиной с голубиное яйцо, с изумительной меткостью и силой.

Это вооружение дополняется каменными молотками и топорами-дротиками с кремневым острием и еще одним видом оружия, похожим на тяжелую толстую палицу, которую они бросают так же искусно, как кафры свои дубинки. Излюбленным и опасным оружием при личных схватках служит нижняя челюсть пещерного медведя.

Кремень и змеевик* для выделки оружия, ножей, скребков и клингов они добывают где-то в восточной части предгорья, окружающего Каманак. Это место — строгое табу.

Только мужчины, убившие определенное число оленей и мускусных быков, могут в известное, строго установленное время отправляться в эти каменоломни для пополнения ежегодных запасов.

Излюбленным материалом для изготовления инструментов, после кремня, являются рога оленя и клыки мамонта. Выделявая каменные инструменты, они приспособливают обломок, для лезвия или зуба, острия или клина. Достигают они этого грубым обколачиванием камня заслуживающим упоминания способом: при помощи палки из слоновой кости и рога, то есть материала гораздо более мягкого. Они бьют тяжелым камнем о палку и искусно отбивают кремневые куски.

Однако кость или рог при этом не должны быть сухими. Перед употреблением гак-ю-маки долго вымачивают их в воде. Многие из костяных предметов: одежные запонки, рукоятки ножей и долот покрыты замечательными резными рисунками зверей. Человека, птиц, огонь, солнце и северное сияние они изображать не решаются.

Домашняя утварь их крайне проста: несколько звериных черепов, служащих посудой, несколько корзин из коры и сухожилий — для диких лесных плодов.

Занятие мужчин — охота. Остальное бремя падает на женщин. Они заботятся о детях, а большую часть года готовят одежду из кожи. Только женщины собирают ягоды, грибы, коренья и кедровые шишки. Охотник никогда не унижится до этого.

* *Змеевик (серпентинит)* — горная порода зеленого цвета.

Живут гак-ю-маки обычно в одноженстве, но искуснейшие охотники имеют и по нескольку жен, скорее рабынь.

Молодые охотники каждую весну умыкают девушек из соседней орды. Если при этом их схватят, то передают смерти без всякого милосердия. Выследив несчастную девушку, когда она собирает вместе со старыми женщинами ягоды, они оглушают ее палкой и уносят полуживую.

Мужчины проводят большую часть дней в охоте. Зимой и весной охотятся они в лесах на юге, летом — в северных тундрах. Когда они идут на продолжительную охоту на север, то сооружают нечто вроде палаток, скорее ширм, в защиту от холодных ветров и дождей; ширмы эти из грубой кожи и нескольких палок, которые охотники и берут с собой при экспедиции в безлесную тундру.

Все свободное от льда пространство заселяют три орды: одна в Катмаяке, другая в песчаниковом каньоне реки Надежды, третья — в горах на юго-востоке.

У такого исключительно охотничьего народа существуют точно определенные правила охоты. Так, кто первый убьет или ранит зверя во время общественной охоты, имеет исключительное право на его кожу, рога, внутренности и мозг. Потом уже все участники делят поровну мясо.

На охоте гак-ю-маки отличаются беспримерным хладнокровием и отвагой. Им очень помогает отличное обоняние и зрение. Я видел, как они ищут зверя по запаху, с ноздрями, обращенными против ветра, наподобие пойнтеров.

Они умеют ползать, как хищные животные, и, спрятавшись, со стрелой, приготовленной к стрельбе, выжидают добычу целыми часами, не обращая внимания на голод и жажду. Вскоре, в первые же дни нашей свободы, мы имели случай наблюдать, что это за люди и как они презирают смерть и опасность.

Мы как раз возвращались в пещеру, когда увидели в поселке небольшое волнение. Троглодиты оставили свои норы. Несколько диких существ бежало около нас, махало копытами и хрипло рычало. Мы быстро направились за ними. Загадка объяснилась: пещерный медведь, привлеченный запахом свежих отбросов, осмелился добраться до самого Катмаяка.

Толпа дикарей обступила пришельца с вызывающим криком и образовала около него сомкнутый круг. У мужчин были копыта, стрелы и молоты. У женщин и детей — камни и дубинки. Медведь мотал головою, не зная, с кого начать. Его небольшие, острые глазки светились, как раскаленные угольки.

Вдруг наступила тишина. Троглодиты замолкли; некоторые сели на землю, другие присели на корточки.

Медведь заворчал и стал облизываться; он сопел. Тут выступил из круга небольшой коренастый гак-ю-мак. В руке его был

каменный молоток с длинной рукояткой. Махнув им, он испытал упругость дровяка.

Дерзко, словно перед ним был кролик, несколькими быстрыми шагами подошел он к страшному чудовищу, и, прежде, чем медведь успел пригнуться, молот, как молния, упал на голову зверя.

Среди полной тишины мы ясно услышали, как треснул массивный череп. Зверь на мгновение замер в грозном оцепенении. Судорога пробежала по его телу.

Из пасти с желтыми зубами вырвался короткий скрипучий стон. Тяжелое тело медленно скорчилось. На коже лба проступила кровь.

Вся орава несколько минут как зачарованная смотрела на него в тяжелой тишине. Потом поднялось глухое бормотание, которое прокатилось по всему кругу; оно постепенно усиливалось, пока не превратилось в рычание и вой.

Женщины и дети бросились на тушу медведя. Они били и цинкали мертвое тело с дикой, внезапно прорвавшейся ненавистью (эти медведи часто хватают в лесу женщин и убивают их). Мужчины спокойно готовили кремневые ножи.

Гак-ю-маки не боятся смерти. Смерть для них нечто само собою понятное, естественное, даже необходимое, как сон, голод, холод. В ней для них нет ничего загадочного. Чувствуя конец, они забираются в пустую пещеру или чащу. Старых или больных людей они убивают равнодушно, одним ударом молотка.

Часто у них вспыхивают ссоры из-за места охоты между двумя ордами, которые заканчиваются короткой схваткой; бойцы получают тяжкие удары, которые переносят с неописуемым равнодушием. Партия побежденных относит свои ширмы в худшую охотничью область.

Как я уже сказал, это — понурые, молчаливые создания, и нет ничего удивительного в такой молчаливости у людей, живу-

щих под небом, вечно покрытым черными тучами, в стране, которую полгода наполняет бесконечный сумрак долгой полярной ночи.

XXVII

Как я предполагал, так и случилось: следуя потоку, вытекающему из Большой Пещеры, прошли мы через несколько долин, и вдруг широкий горизонт открылся перед нами. Во все стороны, куда бы ни обратился взор, простиралась темная водная поверхность. Это было огромное озеро, наполняющее центральную котловину края.

Отовсюду с окружающих возвышенностей стремились сюда быстрые потоки. Среди них, в нескольких километрах от Катмаяка, впадала река Надежды. Таких темных глубин, какими были пучины озера, я еще не видал. Вода в нем пресная, но с особым, немного терпким вкусом.

В этих местах озеро окружают низкие холмы, местами поросшие карликовыми лиственницами. В заливах еще держится лед от последней зимы.

Мы стояли на вершине холма, глядя на север, где среди громадных неподвижных туч отражался на воде синеватый отблеск солнца. Несколько диких гусей пролетело мимо. С десятков чаек с рыжеватым опереньем кружились над поверхностью озера и над берегом. Когда они пролетали мимо нас, их хриплый голос звучал злобно и угрожающе.

Темные волны под нами с шумом набегали на песчаную отмель, покрывая берег пеной и увлажняя мелкий песок.

Фелисьен первый нарушил молчание.

— Прежде всего нужно окрестить озеро. — Не ожидая ответа, он учтиво добавил: — «Озеро Надежды»! Это звучит красиво и будет заметно на картах. Возражений не допускается. «Озеро Надежды»!

Возражений, конечно, не было. Мы приняли предложение единоголосно, а я — с воодушевлением, которое поразило меня самого. А потом молча гуляли мы по берегу этих диких строптивых вод.

Снеedorф долго не прерывал молчание. Потом сделал поразившее всех заключение:

— В это озеро Алексей Платонович бросил свою коробку с запиской.

— Но тогда, — воскликнул я, — но тогда озеро Надежды должно соединяться с морем. Вода озера — пресная и должна иметь какой-нибудь сток! Кажется, что поверхность озера приблизительно такой же высоты, как и поверхность моря.

— Несколько метров разницы было бы достаточно, — заметил Снеedorф.

— Мы должны отыскать таинственный сток! — воскликнул Фелисьен. — Алексей Платонович видел его, иначе мысль о коробе не пришла бы ему в голову!

— А что вы думаете о размерах этого водоема? — спросил я.

— Я намерен, — сказал он, — в ближайшее время обойти озеро и исследовать земли на севере.

— И мы пойдем с вами! Мы не оставим вас! — воскликнули мы в один голос.

Мы основательно устроились в нашей прежней тюрьме и обставили ее совсем по-домашнему. Шкуры убитых зверей, примитивные поделки нашего столярничанья, красиво расположенные коллекции, — все было пущено в ход, чтобы придать более привлекательный вид нашему помещению. Мы входили и уходили без всяких препятствий с чьей бы то ни было стороны.

Каму стала нашим верным другом и с трогательным постоянством заботилась о нас.

После нашего эффектного выступления среди шумного разноцветного фейерверка, Каму исчезла дня на два, словно пропала. Потом она вновь появилась, как будто ничего не случилось, и улыбаясь болтала на своем странном языке. Но я заметил, как украдкой она посматривала на Фелисьена. Несколько раз она внимательно присматривалась к его рукам, из которых выскакивал когда-то ослепляющий живой свет. В ее отношении к нам осталась заметная доля робкого почитания.

Мы узнали, что она дочь старого, сильного, отвратительного, как обезьяна, черного охотника, семейство которого было очень многочисленно. Само собою разумеется, что этому старику не было и дела до дочери, раз у него достаточно полуиспеченного кровавого мяса, которое он умел отделять от костей с необыкновенным искусством. Но его умение обращаться со всяким оружием и его отвага в борьбе с дикими животными были общеизвестны.

Много мужчин из соседних орд шаталось по лесам, чтобы подстеречь Каму. Но хитрая и смелая девушка до сих пор избегала подобных ловушек.

Видя других женщин, отвратительных и забытых, женщин, вечно жующих кожу, — особая процедура для придания ей мягкости, — Фелисьен Боанэ часто жалел Каму, так как ее ждала та же судьба.

Только она одна, дитя природы, проявляла бескорыстную симпатию к загадочным белым чужеземцам. Остальные гак-ю-маки были или равнодушны, или же боялись и ненавидели нас.

Троглодиты снабжали нас пищей в виде сырого мяса, но тем дело до сих пор и ограничивалось. В более тесные отношения с нами они не входили.

Однажды утром мы встретили Каму с корзиной, в которой она тащила целую грудку хорошо сваренной форели.

Это удивило нас в высшей степени. Так троглодиты умеют варить пищу! Но в чем? Их культура, как мы видели, не достигла ступени знакомства с гончарным искусством.

Скоро загадка разъяснилась. Каму жестом позвала нас следовать за нею.

На этот раз мы оставили Катмаяк, удаляясь от него на северо-восток. Здесь гладкими волнами, закругленными гребнями и верхушками заканчивался выступ возвышенности, и здесь же кончалась самая крайняя полоса сплошного леса.

Мы шли быстро, и через полчаса увидели пары, поднимающиеся над верхушками елей и пихт. громадными белыми клубами. Через несколько минут мы услышали свист и шум. Мы были у цели.

Под седыми, низко плывущими облаками, в рамке темных щетиновых холмов мы увидели загадочный феномен этой удивительной страны.

На круглой площадке поднимался розовый конус, фундаментом которого служил один из холмов.

Один над другим террасами расположились тут великолепные резервуары с прозрачной водой, — резервуары, окрашенные неопишимо нежным оттенком розовой краски, словно приготовленной из лепестков только что распутившихся весенних цветов. Через края резервуаров ниспадали каскады воды, и когда на них падал луч солнца, розовыми искрами блеснул весь конус.

Выше этих бассейнов находился круглый кратер гейзера. Через каждые двадцать восемь минут громадный столб кипящей воды вырывался из верхушки конуса на высоту до пятнадцати метров. Шипя и свистя, одевался он сверху облаками горячего пара, которые уносились ветром, как дым.

С шумом и треском обрушивалась вниз изверженная масса воды, с клокотаньем падала из одного резервуара в другой, постепенно охлаждаясь.

Вокруг главного гейзера было рассеяно с полдюжины маленьких гейзеров, отверстия которых образовали розовое кольцо. Я заметил, что два из них выбрасывали кипящую воду одновременно с главным гейзером, остальные четыре действовали в последующие паузы и выбрасывали только пары. Это были просто предохранительные клапаны, которые не позволяли всему нежному строению взлететь на воздух, как перегретому паровому котлу.

Земля во многих местах была горячей и, казалось, дрожала. Где-то внизу, в недрах земли, тяжело шевелились вулканические силы.

Изверженная вода стекала коротким потоком в соседнее озеро. Эти розовые террасы пользуются у троглодитов суеверным почитанием, и я не удивляюсь этому.

Выбеленные черепа медведей, насаженные на шесты, рога оленьей, воткнутые в песок, мамонтовые клыки окружали фантастической рамкой эту дымящуюся кадилъницу, приготовленную самой природой. Контраст, который получался от этого нежно-розового камня на темном фоне дикого ельника, производил неизгладимое впечатление.

Удивление, смешанное со страхом, которое испытывают гак-ю-маки при взгляде на дымящиеся и кипящие розовые террасы, не препятствует им, однако, в двадцати шагах ниже гейзера спокойно варить форелей и окуней в водоемах кипящей воды.

XXVIII

Гак-ю-маки верят, что лед, окружающий их землю, простирается во все стороны на бесконечное пространство. Для них других земель и людей не существует.

Ни одного обрывка устных преданий не сохранилось у них от прошлых тысячелетий, когда люди в ледниковый период были изгнаны наступающими льдами с равнин Европы, Сибири и Северной Америки в Гренландию и отделены потом от них непроходимой ледяной пустыней.

Природа заперла здесь часть первобытного человечества. Это была ловушка, которая захлопнулась в подходящий момент. И в этой ловушке жили обломки старого человечества жизнью зверей, в постоянной борьбе с суровыми стихиями. Тип их не изменился нисколько, культура ничуть не продвинулась вперед. Это случилось потому, что теми же самыми оставались природные условия. А между тем там, извне, далеко за туманами, льдами и снегами, человечество не стояло на месте. Разум совершенствовался, мозг интенсивно работал и развивался.

И если троглодиты не имели даже понятия о людях двадцатого века, словно они жили на другой планете, то и современный человек также не знал о своих словно заживо погребенных предках, о древней расе, которая медленно оканчивает свое существование, и ускорению гибели которой, против своей воли, содействовали мы, пришельцы.

Нет сомнения, что число троглодитов убывает. Орды постепенно уменьшаются с течением столетий.

Несмотря на то, что сотни заразных болезней, тиранящих цивилизованное человечество, не решились перейти за северный полярный круг и материковые льды, кажется, что племя гак-ю-маков близится к неизбежному вымиранию.

Их судьба свершится просто. Они исчезнут, как исчезли когда-то орды, жившие на Мораве или Дордоньи, исчезнут, запоздав

на несколько тысячелетий, что слишком незначительно в течении времен.

Итак, кругом Каманака — катомакунак — ледник. И этот-то «катомакунак» мешает белым «мо-гакам», чужеземцам, уйти туда, откуда они пришли. А с каким удовольствием они выбрались бы отсюда! Да, мо-гаки, хотя и одаренные такой чудесной силой, напрасно стараются придумать, как побороть эту преграду.

Теперь они свободны, и все же в тюрьме, где их держат на этот раз не гак-ю-маки, а заколдованный Каманак.

— Что ж, — сказал я, когда мы разговаривали об этом, — не будет ли лучше попросить помощи? Попытаемся дать о себе весть внешнему миру и вызвать спасательную экспедицию! К сожалению, у нас нет таких приспособлений, как беспроволочный телеграф.

— Ну, поймаем ворона, — вмешался с иронией Фелисьен.

— Конечно, так и сделаем, — сказал с укором Снедорф.

— Хорошо, хорошо. Но лишь по чистой случайности попадет наша записка в надлежащие руки. Если же бросить бутылку в озеро, она разобьется или будет выброшена на пустом берегу. Найдут ее эскимосы, которые годами не видят белых людей. А ворон? Задушит его снежный сокол, вашего ворона, и я думаю, что несколько лет может пройти, прежде чем явится ваша спасательная экспедиция!

— Несколько лет! — сказала, вздохнув, Надежда.

— К этому времени мы превратимся в настоящих троглодитов. Мы будем есть сырые желудки животных вместе с их содержимым. Брр! — съязвил Фелисьен.

— Годы, много лет! — повторила девушка.

Тон ее голоса подействовал на безжалостного Фелисьена.

— Есть еще одно средство! Мы до сих пор не видели от него даже щепки. Я сомневаюсь, чтобы троглодиты не нашли обломков, если только...

— Что «если только»?

— Если сам аппарат не улетел, друзья, — добавил с грустью Фелисьен.

Как видно, Фелисьен Боанэ все еще не отказался от воздушного путешествия. Он мечтал о нем. Носился с ним и постоянно расспрашивал Каму, свою доверенную.

Но в результате подтвердилось лишь то, что мы давно предполагали: кучка гак-ю-маков в один прекрасный день нашла воздухоплателя на берегу озера. Он не защищался и не обнаруживал ни малейшего страха. Инстинктом диких они поняли, что этот белый чужеземец помешан. Они поместили его в теплой пещере и кормили целую зиму.

По всей вероятности, бывший профессор физики оставил аппарат и, будучи поражен болезнью, забыл обо всем. Всякое воспоминание о прежней жизни улетучилось из его памяти. Но мы надеялись, что в то время у него еще бывали кое-какие проблески сознания.

Во время таких просветлений он и производил свои географические измерения; в это же время послал он и свои отрывочные, сбивчивые известия.

Но можем ли мы рассчитывать на подобные моменты просветления, чтобы использовать их? Я сильно сомневался в этом. Болезнь явно прогрессировала.

— И если бы, — продолжал Фелисьен, — если бы только одному человеку можно было лететь на аэроплане, я бы на это решился.

Цельми часами он упорно смотрел на Алексея Платоновича. Он обращался с ним, как с ребенком, которого мы уговариваем отдать любимую игрушку. И хотя Надежда, как только могла, помогала в этом Фелисьену, результатов, тем не менее, не было достигнуто никаких.

Тем временем гак-ю-маки перестали снабжать нас провизией, и мы должны были сами доставать себе нужное пропитание. В нашей компании были хорошие охотники, зверя было изобилие, в оружии у нас недостатка не было.

К удивлению нашему, гак-ю-маки молча вернули нам все принадлежащие нам вещи, кроме тех, какие остались в пещере

их патриарха. Дикари нашли также у подножия ледника Снеedorфа разные обломки и обнаружили наш склад в предгорье.

Все эти печальные остатки нашего прекрасного дорожного снаряжения они заботливо принесли в Катмаяк. Все, кроме саней, которые, видимо, были оставлены дикарями на месте и, как мы потом убедились, были растоптаны стадом носорогов. Вещи эти не имели для равнодушных троглодитов никакого значения. Металлов и их применения они не знали. Вдобавок они гнушались всеми найденными вещами. Даже Фелисьен не мог заставить Каму съесть шоколад или сухарь.

Фелисьен и я страстно набросились на ружья и патроны: нам хотелось испробовать охотничье счастье.

Мне было любопытно видеть, как подействует на дикарей стрельба из ружей. Но, к нашему удивлению, они выслушали выстрелы спокойно, даже с удовольствием, как бы прислушиваясь к удару грома.

Большой эффект произвели спички: чужеземцы сумели вызвать благодатный огонь — гакмачо — чирканьем не заслуживающих внимания палочек!

Окрестности Катмаяка кишели снежными куропатками. Волки же иногда приходили к самому отверстию пещеры и хватали полюблюданные кости. То там, то здесь были видны следы либо медведя либо оленей.

Каму утверждала, что в это время все олени на севере, за озером. Мы часто видим следы эласмотериев, а по временам и целые тропы, выбитые этими толстокожими. Тропы неизменно заканчивались у одного из многочисленных болот.

По-видимому, носороги, мучимые тучами комаров, забиравшихся в теплые полуденные часы в глаза и уши, валялись в нагретой грязи, либо купались.

Нам нежелательно было встречаться с существами, исполненными такой злобы, и мы испытывали неприятное чувство, когда приходилось идти через густые заросли, где видны были борозды изломанных и вырванных с корнем кустов и ветвей.

Мы охотились, заботясь о запасах для великолепного жаркого, и троглодиты смотрели на это, как на самую обыденную вещь. Каждый охотится своим способом. Удивление свойственно только цивилизованному человеку.

Однажды прибежал ко мне Фелисьен очень бледный и серьезный и рассказал следующее.

С утра он отправился, как обычно, на охоту. Ходил долго и безрезультатно, выслеживая какой-нибудь жирный кусок. Он шел по определенному следу, который привел его на опушку редкого кедрового леса. Внезапное движение в чаще обратило на себя его внимание. Он пригнулся, спрятался и выглянул из-за прикрытия.

Оказалось, что это Каму усердно собирала бруснику, не предполагая, что за ней наблюдают.

Фелисьен некоторое время следовал за ней и только хотел выскочить, чтобы шутя напугать ее, как напротив него раскрылась чаша, и появилась фигура молодого гак-ю-мака из Восточной Орды, горящие глаза которого с хищной жадностью были устремлены на ничего не подозревающую девушку.

Фелисьен, предвидя недоброе, остался за прикрытием и затаил дыхание. Он увидел, как осторожно подкрадывался троглодит, сжимая в руке тяжелую дубинку. Двумя тихими, хищными скачками очутился дикарь около девушки и замахнулся...

Но Каму в последний момент почувствовала что-то неладное позади себя. С быстротой молнии, она оглянулась, пронзительно вскрикнула и отскочила. Гак-ю-мак схватил ее за руку и снова замахнулся. Она кусалась, кричала, била его кулаками, царапалась.

Фелисьен понял, что разыгрывается здесь. Это был один из многочисленных женихов, и, если ему удастся оглушить девушку, он унесет ее, как законную добычу.

Не колеблясь, Фелисьен выскочил с боевым криком. Гак-ю-мак обернулся; рука с дубинкой у него опустилась. Оба мужчины: человек неандертальский и человек двадцатого столетия стояли, глядя друг на друга горящими глазами.

Затем дубина закрутилась над головой Фелисьена. Француз отбил удар взмахом ружейного приклада и сам нанес страшный удар. Гак-ю-мак взвыл, выпустил девушку и свалился.

Фелисьен Боанэ, тяжело дыша, с минуту тупо смотрел на него. Потом обернулся к девушке. Каму смотрела на Фелисьена с выражением покорной боязни. Вдруг она упала на землю у его ног, и осталась неподвижно лежать лицом во мху.

В смущении он поднял ее, поглядел на лежавшего врага и, увидев, что тот только оглушен, ушел. Каму послушно пошла за ним.

С этого времени она постоянно следовала за Фелисьеном. Вечером, чего никогда перед этим не делала, она пришла в нашу пещеру и приготовила свою постель вблизи ложа Фелисьена. Исключительно только ему приносила она теперь лесные плоды. Только ему готовила меха. Кроме, Каму принадлежала теперь Фелисьену; по обычаю страны она стала его женой. Он победил в бою соперника, и она принадлежала победителю. Это был один из законов Каманака, и никто не решался его нарушить.

XXIX

Один мрачный подросток по приказанию Каму поймал для нас трех больших воронов. Записки мы укрепили со всевозможным старанием. Сколько надежд возлагали мы на этих злобных птиц,

когда они полетели. Но разочарование наше было огромно. Они улетели на север!

Мне кажется достоверным, что застреленный у Амераликфиорда ворон был загнан туда из Каманака вихрем и против воли. Могли ли мы рассчитывать на подобную случайность? Но и вреда от этой попытки не будет, что бы ни случилось!

Больше успеха обещает другой план. Для осуществления его мы предприняли несколько систематических экскурсий по берегам озера Надежды.

Гак-ю-маки не знают лодок. Они не умеют, как я убедился, плавать вообще, и если им необходимо переправиться через воду, делают это с неохотой и страхом.

Был в восточной части озера, между голыми холмами, небольшой залив. Берег здесь уходил в глубину отвесно, и черная вода лежала неподвижно, как темное масло.

Мы, может быть, прошли бы мимо залива, но именно в тот момент, когда уже миновали его, вращение воды на поверхности стало заметно. Мы ждали, что будет дальше.

Водоворот становился все сильнее и сильнее и захватывал все большую окружность. Центр его опускался все ниже, образуя воронку, и волны на краях его шумели белой пеной. Наконец, центр углубился настолько, что образовалась черная узкая дыра. Оттуда слышались хрипение, чмокание, храп, как будто воздух втягивался самой утробой земли, и от этих чудовищных звуков, разлетавшихся по печальным и тихим окрестностям озера, мороз пробежал по коже.

Это явление длилось около часа. Потом водоворот стал ослабевать, вращение прекратилось. Но заметно было, что уровень воды понизился на несколько миллиметров. Явление повторялось с трехчасовыми паузами.

Здесь, следовательно, и был подземный сток озера. Сотни и сотни миль пробегает отсюда вода тайными подземными путями.

Тотчас же мы порешили воспользоваться этим удивительным явлением, как пневматической почтой.

Мы выбрали надежную консервную коробку, вложили в нее бумагу с подробной информацией о нашем положении, герметически закрыли ее и отправились к заливу с нашей патентованной складной лодкой и длинной веревкой.

Когда мы спустили на воду челнок, я вошел в него и оттолкнулся. Легкими ударами пары весел я удалялся от берега. Водоворот начал действовать с магической точностью. Мои друзья на берегу медленно отпускали веревку. Я уже видел перед собою движущуюся поверхность воды.

Вследствие оптического обмана мне показалось, что меня несет в противоположном направлении с бешеной быстротой.

В эту минуту водоворот достиг своей наибольшей быстроты

вращения; послышалось хрипение; некогда было размышлять. Выпрямившись, я изо всей силы бросил коробку в водоворот. Тотчас после этого меня потянули к берегу. С бесконечным облегчением поспешил я вместе с другими на вершину холма.

Мы следили за блестящим предметом, как он, бешено кружась, приблизился к жерлу и среди хрипения, писка и рева был молниеносно втянут в пучину.

Молча мы возвращались домой. Алексей Платонович, которого мы нарочно взяли с собой, проявлял полное равнодушие к нашей затее. Никаких воспоминаний о том, что когда-то он проделал то же самое, не осталось в его ослабшем мозгу.

В этот день наше задумчивое настроение уже не прояснялось; каждый был занят своими невеселыми мыслями.

В следующие дни, пока Фелисьен бродил с Каму по лесам, мы лихорадочно отдались серьезному делу под управлением Снедорфа.

Исследователь приводил в действие все научные приборы, возвращенные нам гак-ю-маками. Барометрическая и магнитная обсерватории, поставленные на подходящем месте у озера, работали безукоризненно. Угловые измерения мы производили со всей тщательностью, и тут необходимо воздать честь Надежде, ставшей для нас незаменимой помощницей. Я начал составлять геологическую коллекцию, больше по привычке, так как было очень со-

мнительно, что мне когда-нибудь удастся увидеть ее в залах музея.

Но если мы вернемся, наше пребывание в этом поразительном затерянном мире принесет пользу науке. А в альбоме Фелисьена будет заключаться обильный и ценный этнографический материал.

Одновременно с этой деятельностью мы развивали и другую. Мы решили не полагаться на помощь извне и готовились, как могли, к смелой экспедиции к берегу океана через льды Гренландии. Мы собирали в нашей пещере пищевые запасы, меховую одежду; лыжи были уже готовы.

Необходимый запас горючего материала — жира, — мы добывали из одного богатого жиром сорта озерной рыбы. Олений пеммикан сушился на длинных перекладинах.

Если не удастся закончить приготовления к осени, мы должны будем перезимовать в Каманаке, так как на высоте материкового льда зимой царят невозможные условия.

XXX

Наши приготовления к путешествию были прерваны совсем неожиданно. В Каманаке наступило большое движение, троглодиты стали проявлять необычную деятельность. Выяснилось, что орде пришло время оставить Большую Пещеру, чтобы идти на север. Наступал период Большой Охоты.

Дикари должны запастись на зиму шкурами, и как раз теперь кожа оленят наиболее удобна для обработки. В это же время гак-ю-маки делают запасы сушеного мяса на зимний период.

Мы совсем не думали принимать участия в этой охоте, но Каму объяснила нам, что на это время никто не смеет оставаться в Каманаке. Таков закон.

Старые и больные, неспособные к походу, спокойно устраниются тем простым способом, о котором я уже говорил.

Мы могли бы это время жить в палатке под открытым небом, но гак-ю-маки решительно дали нам понять, что мы должны идти с ними. Мы не хотели восстанавливать против себя племя и поэтому согласились.

Наше путешествие, таким образом, откладывалось до будущей весны. Зима запрет нас в Каманаке. Но тем с большим вниманием закончим мы приготовления, и кто знает, не встретимся ли мы весной с какой-нибудь спасательной экспедицией, вызванной нашими сообщениями.

На Большой Охоте нам предоставится возможность исследовать северную часть страны. Фелисьен на этот раз не возражал

против общего решения. Итак, мы с покорностью судьбе готовились к Большой Охоте.

За два дня до выступления в поход мы увидели, что все женщины, дети и подростки по данному приказу молча оставили свои пещеры. Волосатые охотники собрались в центральной пещере. Пришла Каму и увела Надежду. Мы, мужчины, могли оставаться.

Троглодиты были в полном вооружении и торжественно разрисовали себя охристой глиной, начертив на груди и плечах целую систему коротких и длинных параллельных линий. Когда же самый старый охотник — отец нашей Каму — убедился, что все налицо, мы отправились внутрь скалы. Коридоры показались мне знакомыми, угадали их и остальные. По ним всех нас, кроме Надежды, таскали в темную пещеру патриарха.

Когда мы вошли, огонь блестел голубоватым светом, и неопределенный силуэт, подобный фантому, выдавал присутствие неподвижного старика.

Мы сели на землю вокруг него, держа наготове свое оружие. Сидели мы так в тяжелом молчании долгое, бесконечно долгое время, не делая ни малейшего движения, в полной, непроглядной, чуть не в кромешной тьме, так как огонь скоро был погашен. Слышно было только прерывистое дыхание троглодитов.

Сначала несмелое, потом все усиливающееся рыдание вырвалось из темной пещеры, из какого-то затерявшегося изогнутого

коридора или расселины. Оно пробиралось к нам потихоньку, как чудовище; с хрипением завывало, как умирающий зверь, и затихло.

Я чувствовал, как Фелисьен, рядом со мной дрожал от волнения. Сам я был так же сильно взволнован. Звук этот неизгладимо врезался мне в память, но он был так своеобразен, что я не в состоянии описать его. Я убежден, что это было завывание скрытого в глубине скалы потока.

В этот момент один из гак-ю-маков высек огонь. Как только трут воспламенился, все мы ударили, согласно предписанию, кулаком о землю. Небольшой огонек вступил в отчаянную борьбу с тяжелым мраком, который, казалось, наваливался на него из всех углов пещеры.

Тут патриарх, сидевший в середине, начал бормотать. Он ворчал как россомаха, ревел как медведь, издавал звуки ревающего оленя.

Троглодиты слушали с оскаленными зубами, устремив на огонь свои взоры. Они отвечали еще более громким ворчанием. Но вдруг сразу затихли, и кто-то, трудно различимый в полумраке, встал и что-то бросил в огонь, — скорее всего, это был жир.

Заискрился, затрещал, дымно запыхнул костер; вспыхнуло яркое пламя и озарило таинство пещеры. Всюду на стенах появились большие изображения зверей. Были здесь мамонты, олени, дикие лошади. Картины были вырезаны на стенах твердым инструментом и обведены черной краской и охрой. Они отличались той же живостью, которая является характерной чертой произведений палеолитических охотников.

Но вот кто-то набросил на огонь мокрую кожу. Картины исчезли; тьма поглотила их. Остался лишь тлеющий огонек. Мы встали и в том же порядке вышли из «Пещеры Образов».

Я догадываюсь, что гак-ю-маки приписывали этому примитивному обряду какое-то магическое влияние на результаты предстоящего похода. На стенах нарисована лишь та дичь, на которую они охотятся. Ни одного хищника. И пещера есть строгое табу — святыня, место, куда имеют доступ только взрослые охотники.

После этого входы в Катмаяк были завалены камнями и заложены стволами деревьев, чтобы не вздумалось там поселиться медведям и россомахам.

Одноглазый троглодит остался в «Пещере Образов» в одиночестве, в темноте и гробовой тишине, с пищевыми запасами, положенными около него на расстоянии вытянутой руки.

Мы выступили в путь неприятным, сумрачным днем. Гак-ю-маки шествовали, вооруженные запасами копий, стрел и молотков. Их жены тащились, как вьючные лошади, с визжащими ребятишками, с шестами для палаток, с голышами для пращей и остальной утварью.

У нас было оружие, запас патронов, палатка и складной чепок. Несчастный Эква прямо-таки исчез под горой багажа.

Орда направилась к востоку вдоль берега озера. Мы снова увидели султан пара над розовыми террасами и слышали шипение и свист гейзера. Через два часа после этого мы достигли пустынной, однообразной местности.

Край был слегка волнист и покрыт сухим ковром лишайников. Ни одного кустика не было видно на обширном пространстве. По левую сторону уходила вдале черная линия озерных вод. Конус Катмаяка начал заволакиваться туманами южного горизонта и вдруг пропал.

В этом бедном краю животные были чрезвычайной редкостью. Только дважды видели мы вдали оленье стада. Но снежные совы да пеструшки появлялись все чаще и чаще. В некоторых местах маленькие грызуны изрыли вокруг всю почву своими норами.

Их было множество, они наблюдали за нами, стоя на задних лапках у входа в норы, толстые, откормленные. И хотя снежные совы то и дело хватали их, казалось, что их число не убывает. Каждое мгновение у нас проваливалась под ногами почва.

Женщины убили множество этих зверьков, доставивших орде желанное и приятное разнообразие пищи.

Мы разбили лагерь под открытым небом. Было полное отсутствие ветра, и мы даже не поставили палатку.

После двенадцатичасового отдыха орда пустилась в дальнейший путь. Молодые охотники временами уходили в сторону и возвращались с какой-нибудь добычей.

На третий день мы увидели на севере столб дыма. Гак-ю-маки внимательно рассматривали его. Это был сигнал.

И наши люди тотчас же развели огонь и покрыли его слоем сухого лишайника, отчего образовался густой, высоко поднявшийся вверх столб дыма.

Через полчаса после этого прибыл к нам маленький троглодит, принадлежавший к Восточной Орде; за поясом у него торчал дротик. Он пробыл у нас некоторое время, сидя у огня и обглаживая окровавленную кость. Оглядев нас без особого любопытства, он ушел.

Восточная орда шла почти на одной высоте с нами, так что мы могли видеть дым ее костров, но орды держались особняком.

Мы перешли через несколько речек и ручьев и пересекли несколько болот. Наконец, достигли северной оконечности озера Надежды.

Последующими походами и измерениями мы установили, что этот водоем имеет величину Боденского озера в Швейцарии и что он расположен в виде неправильного серпа, тупые рога которого обращены на запад.

Озерные воды кишат рыбой. Прежде всего, тут водятся крупные форели с удивительно вкусным мясом, окуни с большими плавниками, а также один вид странных, похожих на щуку рыб

бархатисто-бурого цвета, без чешуи, с глазами меньше макового зерна. Но и эти глаза затянуты перепонкой, так что вначале мы думали, что эти существа вообще обходятся без органа зрения. Эти рыбы живут в темных подземных коридорах и лишь иногда выплывают на поверхность.

На севере озеро окаймляется узким плоским поясом травянистой земли. Непосредственно за травянистым поясом сразу и отвесно поднимается каменная стена, изборожденная глубокими ущельями.

Мы не остановились на берегу озера, но приготовились подниматься вверх по одному из ущелий. Плато, на которое мы должны были взойти, было плоским и ровным и располагалось на высоте около восьмидесяти метров.

XXXI

Широкую область плоскогорья занимала волнообразная холмистая степь, поросшая травой. Стаи птиц вылетали из высокой травы.

Орда разбила стоянку. Женщины искусно поставили ширмы и вскоре отправились на поиски кореньев. Мы также поставили палатку и подняли флаг, который, весело развеваясь по ветру, означал для троглодитов, что наше имущество — «табу».

После короткого отдыха гак-ю-маки отправились на охоту. Взяв ружья, мы присоединились к ним.

Страна кишела дичью. Было что-то библейски величественное в этом спокойном крае, оживленном бесчисленными стадами.

С первого же взгляда было заметно, что рука цивилизованного человека никогда не распорядилась здесь. Впрочем, такие же райские условия в положении животных не так давно господствовали на Миссури и на равнинах Трансвааля.

Тихо паслись разбросанные кучки карibu. На верхушках каменистых холмов расположились мускусные быки, черные и лохматые, с острыми рогами. Троглодиты зовут этих быков «гук-мул».

Старые быки, стоя на страже на самом высоком месте холма, неподвижно, с наклоненной головой и налитыми кровью глазами, осматривали далекий горизонт. Они должны внимательно следить за многочисленными белыми волками, стаи которых обитают по краям плато. Вдали мы видели пасущихся мамонтов.

Вдруг земля загудела. Дикое стадо промчалось с ржаньем и топотом и моментально исчезло вдали между холмами. Это были дикие лошади «така», каких видел Пржевальский в степях Джунгарии. Маленькие, коренастые, большеголовые, с жесткой стоячей гривой, шерстью пепельного цвета, с черной полосой вдоль спины.

В тэнингенской пещере нарисована такая лошадь стародавним палеолитическим художником.

Стадо, когда оно пролетало мимо нас, представляло собой великолепное зрелище. Жеребец, который вел его, бежал с опущенной головой и с развевающимся хвостом. Остальные лошади галопом мчались за ним. Они обежали наш лагерь широким полукругом и вдруг, как по приказу, остановились и спокойно рассматривали нас. А потом жеребец засопел, стригая ушами, затопал, и табун унесся прочь.

Тут мы увидели, как артистически умеют обращаться гак-ю-маки со своим примитивным оружием и как ловко пользуются подходящим моментом. Они большие любители мяса диких лошадей, сладковатый вкус которого ценится ими выше всякого другого.

Троглодиты вложили камни в пращи. Ремни закружились, и камни засвистели в полете.

Один жеребец и одна кобыла упали прежде, чем их успели унести быстрые ноги. Охотники бросились на упавших, проткнули им шейные артерии и с наслаждением большими глотками пили бившую фонтаном кровь.

Дикие лошади живут в Каманаке табунами, обычно в пятнадцать особей, которых водит старый жеребец.

Так как каждый табун приходит на водопой в определенное время и место, то ими выбита в тундре целая сеть утопанных тропинок. Зимой лошади собираются табунами, насчитывающими по несколько тысяч голов. Дикие лошади и мускусные быки — это единственная дичь, которая и зимой остается на плоскогорье. Остальные животные уходят отсюда к югу, под охрану тайги.

У троглодитов главной целью охоты была прежде всего добыча шкур оленят. Поэтому, загоня их в загородки, выкапывая для них ямы, они старались больше всего набить именно их, пуская в ход и стрелы, и копыя, и пращи.

Но вскоре мы убедились, что олени в этой части сухой тундры сравнительно редки, и поэтому двинулись дальше на север. Степь перешла в тундру. Мох заменил собой траву. Местность получила белесоватый оттенок оленьего моха.

Непрерывно, один за другим следовали пустынные холмы, овальные «друмлины» и продолговатые «камес», и опять стали встречаться ковры цветов, красных и фиолетовых, розовых и темно-синих. В защищенных от ветра местах решалась показаться на свет божий и карликовая верба.

Тысячи потоков перекрещивались между собой и соединяли во всех направлениях сеть синих озер, небольших водоемов, болот. Тучи комаров, поднимаясь над тундрой, были похожи на столбы дыма и делали пребывание здесь положительно невозможным. Мы защищались сетками от этой напасти.

В этих местах карibu были уже в громадном количестве. Но все же мы пробрались еще дальше, почти к семьдесят шестой параллели, приблизительно на высоту мыса Йорк. Почва тундры была здесь уже в нескольких футах от поверхности вечной мерзлоты. Бесконечные площади брусничника и черники давали убежище снежным куропаткам, и много медведей бродило вокруг, насыщаясь сладкими ягодами.

За последним брусничником мы нашли странный лес. Да, тут были деревья, — но едва ли в фут высоту. Узловатые, карликовые, со стелющимся по земле стволом, деревья соединялись здесь в пучки, чтобы лучше сохранять тепло. Это целый лес вековых деревьев.

В этих широтах край постепенно, но неуклонно переходил в царство тишины и смерти.

На фоне далекого туманного горизонта виднелась синевато-серая зубчатая стена. Над нею лежала белая полоса — отблеск материкового льда. Там была северная граница. Сама природа резко напомнила нам, что мы забрались слишком далеко.

XXXII

Мы вернулись к лагерю. Там царило оживление. Всюду можно было увидеть женщин, занятых обработкой кож. Скребками они удаляли с них жир, разрезали их на полосы.

Отвратительный запах распространялся по табору. Вороны каркали, пируя на отбросах. Скрытые холмами волки жалобно выли. И дым от сотен костров в тихом сумраке поднимался в небо голубоватыми столбами.

Фелисьен все это время утопал в блаженстве. Он не выпускал из рук ружья. Постоянно слышались его выстрелы. Еще никогда зверь этой тундры не чувствовал на себе действия современного

оружия. Фелисьен все время был окружен толпой троглодитов, спокойно относивших в табор так легко доставшуюся добычу.

Из этой охотничьей поры вспоминаются мне два эпизода.

Группа охотников в десять человек, с которыми я предпринял охотничью прогулку на северо-восточные бугры, выгнала стадо мускусных быков из оврага, где они паслись и отдыхали. Животные скачками, с удивительным проворством, взобрались наверх по крутой стороне оврага.

Главная задача при охоте на мускусных быков заключается в том, чтобы вовремя окружить хитрых животных. Быки обладают очень тонким слухом и очень быстры и пугливы. Не если неприятель нападет внезапно и окружит их, то дело выиграно. Тотчас же они, по своему обычаю, образуют круг, головами наружу, с телятами в середине. Этому научились они в постоянных боях с белыми полярными волками.

Сомкнувшись, с низко наклоненными головами, выкатив налитые кровью глаза, сопя, ожидают старые быки врага. И если он отважится подойти, ближайший бык нападет на него и, отогнав, моментально возвращается на свое место.

Заслуживает удивления способ, как использовали гак-ю-маки этот боевой прием быков.

Хорошо зная, что их стрелы не могли бы повредить этим животным, защищенным косматой шерстью и мощным шлемом крепких рогов, гак-ю-маки пускаются на хитрость.

Один из охотников, запасшись куском кожи, дразнит намеченного быка. Но когда тот оставляет круг, чтобы броситься на дикаря, другие охотники с удивительной смелостью и искусством накидывают быку на рога надежную петлю из кожаных ремней и в тот же момент все охотники изо всех сил начинают тянуть за ремень.

Суть в том, что несчастный «гук-мул» всегда упирается вместо того, чтобы нападать. Этой минутой пользуется один из гак-ю-маков и убивает быка сильными ударами по ноздрям или ловко всаживает ему в пах копьё.

На этот раз животные не образовали оборонительного круга; испуганные ружейными выстрелами, косматые существа в панике бросились вперед и лавиной обрушились на людей.

Их стадо пролетело, как смерч, оставив несколько распростертых на земле тел. Помощь была излишней. Через минуту дикари скончались.

Оставшиеся равнодушно оттащили их в сторону, завалили камнями и вернулись, таща с собою единственную бычью тушу, — всю добычу этой несчастной охоты.

Олени теперь жирны, откормлены. На задней части у них отложился толстый слой жира. Их бурая шерсть блестит. В тихие осенние ночи, когда звезды падают с неба, подобно серебряному дождю, слышен рев самцов, ухаживающих за самками.

Гак-ю-маки выходят на них с луками. Искусный, сильный охотник в состоянии смертельно ранить быстро бегущего оленя кремневой стрелой. Я испытывал эти луки. Нужны сильные мускулы, чтобы натянуть их тетиву.

В один прекрасный день ветер вдруг изменился и начал постоянно и равномерно дуть по направлению к озеру. Обе орды обменялись дюжиной посольств и соединились вместе. Потом мы потянулись через степь к югу. Наконец, женщины и дети, несшие кожи и запасы, спустились ущельем и стали внизу табором.

Здесь на несколько миль в длину плато спускалось отвесно, так что нависшие скалы в нескольких местах образовали обрывы.

Степь наверху высохла под лучами солнца. Охотники разбрелись по всей местности. Зажигая огни и производя шум, они в течение трех дней сгоняли стада к краю обрыва. А потом, когда число стад было достаточно, зажгли траву в тот момент, когда ветер дул в наиболее подходящем направлении.

Степь загорелась в нескольких местах сразу, и столбы едкого дыма поднялись над землей. Паника охватила животных. Мамонты трубили тревогу. Мускусные быки ревели. Дикие лошади металась с испуганными глазами и расширенными ноздрями. Тихие и терпеливые олени жались друг к другу, как стадо испуганных овец. Белые волки бегали в этом хаосе с опущенными хвостами, высунутыми красными языками, не делая никому вреда.

Вся эта мечущаяся масса, разбегаясь и снова сходясь, приближалась к пропасти. Слышался только треск огня. Потом тревожно заблеял олененок. И на этот голос, подействовавший как укол, отлетело всеобщее мычание отчаянного, безнадежного смятения. Старые быки, словно взбесившись, яростно нападали друг на друга.

Первые примчались к обрыву лошади. Один из жеребцов, разбежавшись, сорвался через край пропасти. Падая, блеснуло его тело. Я видел, как перевернулось оно в пространстве и упало в туманную глубину.

Остальные бежали, фыркая и дрожа, вдоль обрыва, свободной рысью, один за другим. Но кольцо огня быстро сжималось. По временам дым, принесенный ветром, окутывал все. Вспыхивало бледное пламя, длинными полосами несло оно вперед, дождем искр перескакивало через промоины, подобно живому существу.

Животные, скучившись над обрывом, поднимались на дыбы, поворачивали назад, хотели бежать от пропасти, но задние, которых огонь преследовал по пятам, неодолимо теснили передних к обрыву. И в этой кишашей и теснившейся массе поднимались, как острова, хоботы мамонтов, которые свивались и крутились, подобно гигантским змеям.

Наконец, первый карибу, теснимый сзади, был сброшен вниз. За ним последовали два-три быка. Потом я увидел сплошной водопад тел, которые падали и разбивались внизу.

Раненые животные с перебитыми членами, издыхая, ревели, рычали, стонали, хрипели.

Мрачные женщины гак-ю-маков равнодушно смотрели на это страшное побоище.

Особенно грустное зрелище являли собой мамонты.

Несчастные великаны стояли уже в дожде искр и клубов дыма, полузадушенные и ослепленные. Матки телом защищали своих детенышей. Но косматая шерсть загоралась и тлела, и, наконец, не решаясь прорваться через огонь, они последовали за другими.

Я почувствовал припадок жестокой ненависти к дикарям при взгляде на это безжалостное истребление. Мне хотелось кричать. У меня захватило дыхание, когда я увидел, как падает первая жертва. Надежда, бледная, с крепко сжатыми губами, отвернулась, чтобы не видеть всего.

Но что же делать? В первобытные времена научился человек этому простому способу охоты от нешерстных гиен. Он усовершенствовал его благодаря огню. Он прост и очень эффективен. Сострадание — понятие здесь незнакомое и излишнее.

Орды разделили поровну добычу последней общей охоты и разошлись без всяких церемоний.

Долгий день между тем уже клонился к концу. Солнце опустилось за зубчатый южный горизонт все ниже и ниже. Наступила пора изумительных зорь, которые раскрашивали небо роскошной гаммой красок. Небесный купол под нами был то янтарным, то цвета мальвы и жемчужно-белым, то шафранным и лиловым. Глаза наши с наслаждением любовались этими цветными сумерками.

Теперь великая ночь уже двинулась в поход и победоносно приближалась. Во время непогоды мы беззаботно сидели в своих теплых пещерах. Мы снова взялись за работу, готовясь к отъезду.

Гак-ю-маки о нас почти забыли. Они сушат мясо и укладывают его в особые отверстия в скалах. Заслуживает упоминания, что некоторые пещеры сохраняют свежее мясо не испортившимся целую зиму. Но ходить в эти места нам не было позволено. Я не мог узнать, в чем кроется причина консервирующего свойства этих пещер.

Однажды мы шли сумрачным кедровым лесом. Гак-ю-мак, который нас вел, легко двигался в двух шагах впереди нас с копьём в руке и каменным молотом за поясом. Ветер шумел в кронах кедров. Редкие снежинки кружились между стволами.

Каму выдала Фелисьену одну лесную тайну. Есть одно таинственное место — табу. Только опытные охотники знают его. Потом он узнал — это то место, куда мамонт уходит умирать, когда чувствует свои последние минуты.

Мамонтовое кладбище... Мы должны видеть его. Каму, до сих пор большая любимица у молодых гак-ю-маков, склонила одного из них провести туда меня и Фелисьена.

Мы старательно вооружились, наполнили мешки запасами и отправились в лес. Кедровые леса троглодиты называют «кья-мун».

Уже два дня продирались мы непроходимой тайгой, местами болотистой, полной моха и ям с коричневой водой, местами сухой, усыпанной пожелтевшей хвоей. Мы перелезали через корни и буреломы, переходили через ручьи. Наконец мы нашли мамонтовую тропу. Гак-ю-мак шел в двух шагах впереди нас и, казалось, был полон мрачной заботы. Ночью мы построили себе шалаш из хвои, зажгли костер и испекли мясо. Мы предложили провожатому мяса. Он взял его, съел, но остался угрюмым и недружелюбным, как и прежде.

Кедровые шишки также созрели, и испеченные в золе орехи были замечательно вкусны.

Лес становился все непроходимей. Тропа пропала между мхами и валежником.

Мы отбрасывали целые занавеси седого усатого мха, висящие на сухих деревьях; лезли настоящим тоннелем, который образо-

вался из упавших деревьев, лежащих на холмах и скалах. Потом наш проводник снова нашел след — след одинокого мамонта, пробиравшегося целиной. Куда он шел? Не был ли этот старый опасный отшельник, изгнанный стадом? К такому приближаться опасно. Мы удвоили осторожность, приготовив оружие.

Вдруг стены оврага, по которому мы шли, расступились. Его боковые склоны покрывал редкий узловатый лес. Этот лес был мертв.

Не двигаясь, стояли тут ряды белых кедров, простирая, как призраки, голые ветви. И внизу, в долине, стоял такой же мертвый лес. Там и сям зияли темно-коричневые трясины.

Тут было кладбище, огромный склад костей, заполнявших долину. Можно было видеть целые развалившиеся скелеты, сотни тысяч превосходных клыков, полупогрузившихся в мох, огромнейшей цены слоновую кость. Здесь лежали настоящие клады. Целые тысячелетия никто не трогал их. Гак-ю-маки никогда не пользовались слоновой костью мамонта, которого они не убили сами. Здесь царила тишина могилы.

Мы уселись на краю чащи, так как наш проводник не решался идти дальше. Молча рассматривали мы амфитеатр смерти. Приближался вечер.

Кровавый свет вечерней зари ложился над южным краем долины и сумрак быстро прокрадывался в котловину.

И тут я увидел *его*. Он стоял неподвижно, как камень, у белого пня. Это был столетний исполин. Его шерсть посерела от возраста; его хобот висел вяло, и все животное казалось лишь поставленным на ноги трупом. Здесь, на великом мамонтовом кладбище, он терпеливо ждал своей последней минуты. Подогнутая столбы его ног, и великан рухнет, чтобы его кости смешались с прахом предков.

Только в эту минуту я заметил черные точки на ветвях деревьев. Это были вороны, которые сидели в молчаливом ожидании... Наше любопытство было удовлетворенно в высшей степени. Возвращались мы домой другой дорогой.

И вдруг я вскрикнул так, что Фелисьен испугался. И тотчас я подал ему предмет, поднятый с земли. То был обрывок полустлелшей пеньковой веревки.

— Откуда она взялась тут?

— Машина! — крикнул Фелисьен.

Такова же была и моя первая мысль! Возможно, что здесь мы найдем воздушную машину Алексея Платоновича.

Фелисьен уже бросился в чащу. Я последовал за ним, оживленный, полный внезапно воскресшей надежды.

Но, о ужас! Перед нами, почти наполовину погрузившись в мох и хвою, лежали три человеческие скелета. Их черепа были разбиты ударами молота. Остатки истлелшей одежды безошибочно говорили о том, что это были европейцы...

Я искоса посмотрел на гак-ю-мака. Троглодит отвернулся. Мне показалось, что глаза его блеснули зловещим огнем, но сразу погасли.

С ближайшего кедра спускалась веревка и обрывки шелковой ткани. Из мха торчал кусок доски, на котором виднелась металлическая пластинка. Я очистил доску. Буквы были видны ясно и отчетливо.

А. Е. Е. S. P. X. P.
1897.

Руки у меня опустились. Фелисьен побледнел. Андрэ!..

Стриндберг!.. Френкель!..* Эти три скелета!..

Это была новая тайна, которую скрывала «Заколдованная земля»!..

XXXIV

Эти буквы означали: «Andrees Polar Expedition», — смелая экспедиция, которая 11 июля 1897 г. оставила залив Виго на Шпицбергене и больше не возвратилась в Европу. Шар «Орел» поднялся, исчез из глаз зрителей на севере, и с того времени осталось свободное поле для смелых гипотез. Три храбрых шведа исчезли вместе с аэростатом; три героя, первые из людей, осмелившихся взять приступом с воздуха тайны Северного полюса.

Вспомогательные экспедиции Стадлинга, Альсдрупа и Надгорста не имели успеха. Ни в северной Сибири, ни на восточном берегу Гренландии, ни на Аляске не найдено было и следов несчастного шара и его пассажиров.

И теперь, после стольких лет, мы видим три полуистлевших скелета, несколько обрывков шелка и обрывок сети!..

* Участники погибшей арктической экспедиции 1897 года. Остатки ее были найдены на о. Белый в 1930 г., через семь лет после написания этой книги. (Прим. ред.)

Воздухоплаватели были окружены гак-ю-маками. По неосторожности они убили некоторых из них. В ответ на это дикари бросились на европейцев, убили их и утащили все, что им понравилось, трупы же оставили в чаще.

В эту минуту я вспомнил загадочный предмет в Пещере Образов. Это было кольцо от воздушного шара!

Но нигде до сих пор мы не видели следов аэроплана Алексея Платоновича. Это было уже загадочно!..

Но какое грозное предостережение, казалось, нашептывали нам оскаленные зубы черепов! Гак-ю-маки знают, что можно убивать белых чужеземцев! Легко убивать. Необходимо удвоить осторожность. С волнением и благоговением собрали мы печальные останки. У нас не было орудия, чтобы выкопать в мерзлой земле могилу. Поэтому мы набрали камней и дерева и устроили небольшой холм, на вершине которого воткнули белый кедровый ствол, поместив на нем найденную металлическую дощечку — вот и вся эпитафия! Прежде, чем мы ушли, я заботливо обозначил место могилы на карте.

После этого мы без происшествий вернулись в Каманак, где ожидали нас наши друзья.

Несколько дней шел дождь. Дождь со снегом увлажнили землю. Ветер ее высушил. Вскоре после этого температура упала ниже нуля.

Листва на кустарниках давно облетела. Теперь дело дошло и до лиственниц. Их хвоя пожелтела и опадала. Тонкие, голые стволы увеличивали печальный вид местности. Бешеные вихри наметали снежные сугробы и целые дюны. Ручьи замерзли. Пришла зима.

Мы облеклись в меха. И троглодиты оделись потеплее и надели на ноги какое-то подобие мокасин из оленьей и конской кожи.

Снег давал нам возможность использовать лыжи. Мы отправлялись отсюда на широкие равнины и в леса.

Далеко уходить мы не решались. Дни становились короче, а ночи были темны и бурны. Но эти прогулки представляли для нас источник наслаждения.

Как только выпал рыхлый снег, мы устроили охоту на оленей с помощью кремневого ножа гак-ю-маков.

Упругое древко и острый камень делали из него оружие с неожиданными достоинствами. Мы выследили животное и на лыжах гнались за ним. Олень проваливался в сугробы, делал отчаянные прыжки, но бег по снегу его утомил. Как ветер, подлетели мы к нему и, продолжая бежать сбоку, вонзили в него копье.

Однажды я отправился на лыжах на плоскогорье у восточного побережья озера; отправился беззаботно, с ружьем за плечами, больше думая о здоровом спорте, чем об охоте. Бродил я для удовольствия около двух часов, пока совершенно усталый не остановился в пустынной местности.

Снег был превосходный, погода ясная; на небе играло сильное северное сияние. Оглянувшись, я вдруг увидел на вершине противоположного холма большого волка. Он стоял неподвижно, выделяясь с поразительной ясностью на фоне пылающего за ним неба. Я видел его поднятые остроконечные уши и приоткрытую пасть.

Хотя у меня не было намерения убить его, я невольно схватился за ружье. Но когда я опять взглянул на холм, волк исчез.

Отдохнув, я потихоньку двинулся в путь, на запад, в направлении озера. Я возвращался домой. Но тут я заметил волков, бесшумно гнавшихся за мною. Они бежали с двух сторон во всю прыть. Большие белые хищники устроили на меня облаву.

Я схватил ружье, обернулся и сделал один за другим два выстрела. Один волк свалился.

Потом я решил не отвлекаться и пустился наутек. Меня могли спасти только лыжи. Я несся по склону, как молния. Обоиими шестью тормозил и правил. Я знал слишком хорошо, что если буду принужден остановиться, — я погиб. Я слышал, как стая стрелглав неслась за мной по склону. Мороз пробежал у меня по коже.

Я напряг зрение, чтобы лучше видеть. Дорога прерывалась — ее пересекала глубокая трещина. Другой ее «берег» был на расстоянии добрых двадцати метров и метров на восемь ниже того, к которому я несся.

Я хотел круто повернуть у самого края трещины и продолжать бег налево, где поверхность казалась мне удобнее. Но волки разделились и бежали ко мне с обеих сторон вдоль трещины.

Мне оставалось последнее, самое отчаянное средство: воздушный прыжок. Этот прыжок — верх искусства. И я несколько раз с успехом делал его, но только на меньших расстояниях.

Мигом полетел я по сугробу к бугру на краю трещины. Со сжатыми зубами, задерживая дыхание, я сильно разогнался и оттолкнулся со всей силой, использовав бугор, как трамплин. Прежде, чем упасть, я выбросил правую ногу вперед, тотчас же упал на левое колено и покатился в облаках снежной пыли.

Волки в ярости бегали по противоположной стороне трещины: два-три из них, разбежавшись слишком сильно, полетели в глубину. Я быстро удалялся. Через некоторое время я добрался до озера.

Подморозило. Температура сразу упала до 20 градусов ниже нуля. Озеро Надежды замерзло на всем своем пространстве. Только черное отверстие подземного стока оставалось свободным ото льда, и через определенные интервалы из водоворота слышались рычание, храп и свист.

Частые густые туманы, насыщенные ледяными кристаллами, делали пребывание снаружи неприятным. Солнце появлялось, как расплывшееся кровавое пятно.

После сильных бурь, гнавших перед собой тучи снеговой пы-

ли, настало затишье. Настали дни трескучих морозов. Термометр показывал 48 градусов ниже нуля.

Гак-ю-маки заложили вход в большую пещеру и увеличили костры. Тайга словно окаменела. Стволы трескались от холода, как будто стреляли из ружей. Земля давала трещины, как в большую засуху.

XXXV

Я не видел ничего красивее картины северных сияний в Каманаке.

В темноте бархатно-серой ночи тихие огни начинают развеваться по небу. Они выходят из-за горизонта, из-за снежных северных равнин, из глубин и пропастей пространства. Это пламя мистическое, таинственное, которое наполняет разум изумлением и неясным беспокойством. Развевающиеся пояса смарагдовой зелени, серебряно-огнистые ленты, золотистая бахрома, красные банты и занавеси.

Они гаснут, как будто их задудло дыхание какого-то мощного существа, а через минуту вспыхивают снова, выходя из неведомого горна.

Игла компаса целыми днями судорожно дрожит. Очевидно, происходят сильные магнитные бури.

Солнце готовится нас совсем оставить. Оно появлялось только на несколько часов, потом только на полчаса. Двадцать восьмого октября оно совершенно исчезло.

В начале декабря случилось важное событие.

Однажды я сидел в пещере вместе с Алексеем Платоновичем, подкладывая в огонь топливо и перечитывая — не знаю, в который раз, — жалкие обрывки газет своей отчизны, которые я хранил, как святыню. Перечитывал и объявления, которые давно уже знал наизусть.

Вдруг я услышал глухой рокот голосов в центральной пещере. Я уже привык к частым столкновениям молодых гак-ю-маков и не придавал этому значения.

Но тут вбежала в пещеру бледная перепуганная Надежда и, опустившись на каменную скамейку, зарыдала. Я старался ее успокоить и узнать причину волнения. Наконец, она смогла рассказать.

Запасшись ацетиленовым фонарем, она долго ходила по запутанным коридорам Катмаяка. Она забралась в совершенно покинутую часть его и узким проходом вошла в темное широкое помещение. И когда свет фонаря упал на стены, она увидела большие изображения зверей, которые, казалось, ожили и грозно выступили из мрака.

Она была в запретной Пещере Образов... Вдруг сзади раздавалось дьявольское рычание. Быстро обернувшись, она увидела грозное зрелище: старый троглодит заметил ее.

Качаясь, он выпрямился на своих слабых ногах, отвратительный, страшный при резком свете фонаря. Он трясся в припадке ярости, хрипел, белки его глаз сверкали и между клыками на черных губах показалась пена. Его охватили конвульсии; он бросался и извивался, как червь, грозя кулаками и выкрикивая, как сумасшедший, бессвязные слова.

Три косматых охотника вбежали на этот шум в Пещеру Образов. Увидя Надежду, они были охвачены такой же яростью. Они замахнулись оружием и бросились на девушку...

Спрятав в складках своего платья фонарик, Надежда убежала от них боковым коридором.

Табу было нарушено! Гак-ю-маки ожидали всяческих несчастий, которые должны были настичь их в наказание за это и были страшно встревожены.

— Они убьют меня, я это знаю, как они убили Андрэ и других, — твердила Надежда, — где только Фелисьен со Снеedorфом и Эквой? Если дикари окружают нас в пещере, — мы будем разделены и погибнем. Нужно выйти из Катмаяка! Кто-то идет коридором! Слышите? — Надежда схватила топор. — Это они, — глухим голосом проговорила она.

Я поднял ружье, приготовясь стрелять.

— Кто это? — хрипло крикнул я.

То были наши, с лыжами за плечами.

Они бросили в угол пару зайцев и несколько снежных куропаток.

— Алло! — кричал Фелисьен, раскрасневшийся от мороза, — в чем дело? Вы здесь в каком-то чертовском состоянии. Вот и ружье приготовили! Уж не по нам ли стрелять?

— А гак-ю-маки? — спрашиваю я, приглядываясь к темному коридору.

— Собираются кучами, — сказал Снедорф.

В двух словах я рассказал им все. Они были напуганы в той же степени. Страшная опасность грозила нам. Долго стояли мы, готовые дорого продать свою жизнь. Но движения не было. Шум в пещере утих, и никто не пытался проникнуть к нам.

XXXVI

Гак-ю-маки на этот раз действительно не решились напасть на нас. Но отовсюду мы видели злобные, мстительные взгляды. Дети бросали в нас камнями. Мы не решались выходить иначе, как с оружием и по нескольку человек.

Каму два раза подвергалась избивению со стороны женщин за то, что оставалась нашим верным другом. С этого времени мы не отпускали ее от нас ни на шаг.

Мы жили в постоянном беспокойстве, но зима держала нас в Катмаяке в тысячу раз сильнее всяких оков.

Мы высчитывали число дней до весны, до возвращения солнца, а оно только что исчезло с горизонта.

Наши приготовления к путешествию по льду были уже окончены, но мы вынуждены сидеть со сложенными руками.

Мы установили ночные дежурства, и были на настоящем военном положении. Это держало нас в нервном состоянии. Нам приходилось вскакивать при малейшем шуме.

Наконец такое убийственное состояние стало для нас невыносимым. Мы решили оставить Катмаяк, найти себе какую-нибудь другую пещеру и провести остаток зимы в отдалении от троглодитов.

Мы поручили Фелисьену поскорее найти помещение. К сожалению, его поиски в первые дни были безрезультатны. Он нашел, правда, среди скал несколько пустот, но совершенно неподходящих для жилья.

Так прошло еще десять дней. Между тем произошел первый случай какой-то загадочной эпидемии, которая впервые проникла в эту ледяную землю.

Я случайно видел одного несчастного гак-ю-мака, когда он, схваченный внезапной судорогой, свалился в пещере головой на горячие угли костра. Он корчился и хрипел. Волосы у него загорелись. Удивленные дикари оттащили его.

Когда припадок прошел, троглодит около часа лежал совершенно спокойно, не обращая на себя внимания других. Потом

припадок повторился, сопровождаясь сильным кровотечением из носа. Гак-ю-мак скончался в течение четверти часа, выгнувшись, словно лук. Через два дня случай повторился. Таким же образом умерла одна женщина и старый охотник, окруженные страшно обеспокоенной ордой. С ворчанием вынесли дикари трупы из пещеры. Для нас было ясно, что речь идет о настоящей эпидемии.

В последний день исчезла Каму. Тщетно мы разыскивали ее. Фелисьен в отчаянии твердил, что ее растерзали женщины или поразила болезнь. А на следующее утро вновь начала неистовствовать загадочная эпидемия.

Гак-ю-маки мерли, как мухи, особенно женщины и дети. Раздирающую картину представляли из себя груды корчащихся несчастных. Их хрипение наполняло своды пещеры.

Увидев, что творится в средней пещере, я понял, что нам необходимо немедленно бежать, если мы не хотим, чтобы нас захватили, как барсука в норе.

Я бросился в нашу пещеру, чтобы призвать к бегству. Идя мимо темной ниши, я услышал как будто бы знакомый голос.

Я подполз, выглянул из-за камня и увидел какое-то жалкое человеческое существо.

Я ужаснулся, так как узнал Экву. Он обернулся ко мне своим исхудалым, пепельного цвета лицом, но меня не видел. Его глаза уже потеряли способность видеть.

Троглодиты кровожадными взглядами смотрели на жалкую, перепуганную добычу, которая уже не могла уйти из их рук. Один из дикарей нагнулся и ударил эскимоса молотком по спине. Тот упал на обе руки. Розовая пена выступила у него на губах. Вслед за тем второй гак-ю-мак нанес ему медвежьей челюстью такой удар в голову, что он свалился без движения, весь залитый кровью.

Гак-ю-маки решили нас уничтожить. Они ставили нам в вину эту странную эпидемию, которая погубила их орду. Эта эпидемия как раз и была тем несчастьем, которое должно было прийти за нарушение табу Пещеры Образов.

Запыхавшись, я прибежал к товарищам.

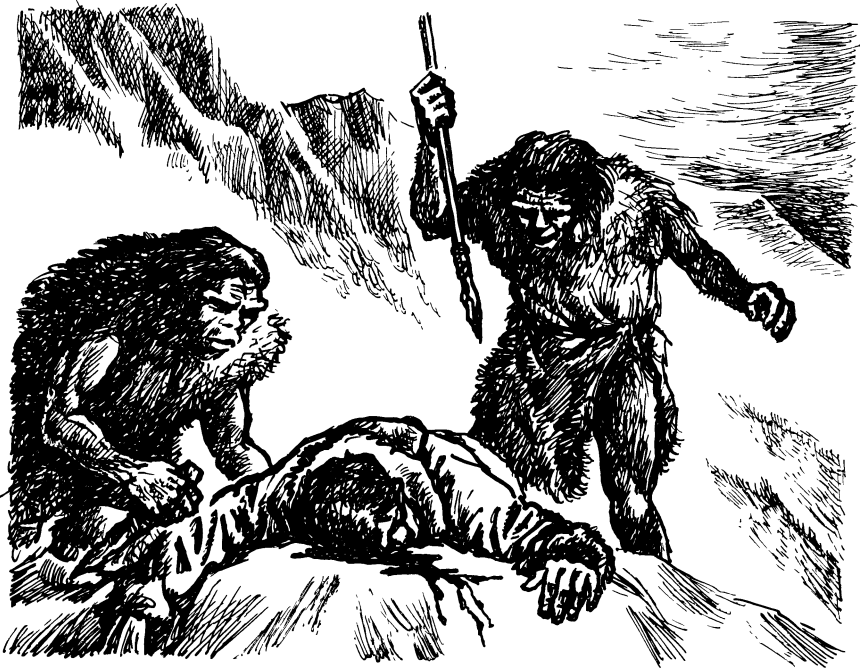
— Бежать отсюда! — кричал я. — Они убили иннуита! Идут на нас! — Мы схватились за ружья.

В эту минуту кто-то, тяжело дыша, бежал к нам коридором. Я хотел стрелять, но Фелисьен в последний момент отвел ствол моей винтовки.

— Господи, да ведь это Каму!

Девушка влетела в пещеру с развевающимися волосами, задыхаясь от усталости. Одна стрела застряла у нее в меху, не причинив ей вреда, и все еще торчала в нем, так как Каму некогда было ее вытащить.

Девушка бросилась на землю в углу пещеры, свернулась там

без единого слова и старалась отдышаться, как загнанная волчица после долгого бега.

Вдруг страшный треск и грохот потряс коридор. Казалось, что рухнул целый утес.

После этого грохота наступила тишина, абсолютная, удушливая, нарушавшаяся лишь нашим дыханием.

Мы зажгли лучину и бросили ее в темноту. Вспыхнувшее пламя озарило коридор. Мы вскрикнули от ужаса. Коридора уже не было. Был тупик! Огромный камень в сотни центнеров весом, рухнув со свода, навсегда завалил выход из нашей пещеры...

XXXVII

Мы растерянно поглядели друг на друга.

— Ну, — сказал Фелисьен, — я думаю, что свою игру в Каманаке мы доиграли. — Никто не ответил ему. — Замурованы! — прибавил он.

Заперев коридор, как-ю-маки разом избавились от всех нас. Им не нужно было теперь вступать в неравный бой против наших ружей, смертоносное действие которых они хорошо знали.

Огонь, не имея тяги, тускло освещал нашу могилу. Большие, чудовищные тени насмешливо плясали на стенах. Фелисьен широкими

шагами с яростью ходил из угла в угол. Постепенно утомился и он.

Ничего не было слышно, кроме тихого смеха помешанного изобретателя, да треска дров, которые механически подкладывал в огонь Снеedorф.

Тут лежали наши сани, построжки, запасы пеммикана и овощей, все заботливо уложенное, приготовленное к дороге.

Теперь все это было ненужно.

Позже, в полусне, я видел сторбившихся у огня Фелисьена и Каму, два жестикулирующих черных силуэта, словно не из реального мира.

Я снова впал в забытие, пока меня не разбудил шум. Я протер глаза и увидел какую-то дикую сцену, шумящих людей, крики, беготню.

— Эге, Карлуша, — ликуя кричал мне Фелисьен, — сердись — не сердись! Машина! Машина! Наконец-то у нас машина! Каму нашла какую-то «отвратительную вещь с крыльями»!

— Теперь... когда уже поздно, — послышался голос Снеedorфа.

Нас словно облили холодной водой. Мы затихли. К чему нам теперь машина Алексея Сомова, — нам, заживо погребенным?

Каму действительно, во время последней отлучки, когда она искала для нас бруснику, нашла странную вещь в пещере, на одном обрывистом холме, и, по ее примитивному описанию, это не могло быть ничем иным, как давно разыскиваемым летательным аппаратом.

Фелисьен бегал по пещере, как зверь в клетке.

— Мы должны вырваться отсюда, из этой дыры! — повторял он. — Я должен выбраться отсюда, хотя бы мне пришлось прогрызать камень.

Потом он пустился в долгий разговор с Каму, — разговор, состоящий из отдельных слов и обильных жестов, — разговор, который только они вдвоем и понимали. Мы с нетерпением ожидали его результатов.

Совместно с Каму, Фелисьен обошел рухнувший камень, исследовал его и вернулся с досадой.

Каму продолжала давать ответы Фелисьену; ее глаза стали светиться зеленоватым, блестящим светом. Вдруг они оба вскрикнули диким криком победителей, который наполнил наши сердца новой надеждой.

— Ура! — закричал Фелисьен. — Мы не погибнем в этом саркофаге, высушенные наподобие мумий. Каму — сокровище. Каму утверждает, что мы выйдем!

— Каким путем? — крикнул я с нетерпением.

— Через трубу, — ответил с торжеством Фелисьен Боанэ.

Дым из нашего естественного очага выходил через какую-то трещину в скале. Это был настоящий камин, устроенный самой природой. Странная дорога, которой обычно не выходят из жилища, если оно становится неудобным. Но выбора у нас не было.

Мы могли смело верить Каму. Она лучше всех троглодитов знала дырявые и изъеденные недра Катмаяка. Мы погасили огонь в очаге и зажгли свои факелы. Пришлось оставить здесь все. Дело шло лишь о сохранении жизни. Все наши замечательные материалы по естествознанию и этнографии мы должны были бросить в пещере.

Решительно, один за другим, входили мы в очаг. И когда мы сгрудились в какой-то узкой трубе, темной и полной сажи, то стали подниматься вверх, как делают это трубочисты.

Несчастный Алексей Платонович причинил нам много хлопот. Но он подчинялся всему, как малый ребенок.

Мы поднялись уже на добрых двадцать метров. Стены трубы начали расширяться, и вдруг я увидел, что Каму исчезла. Потом свет от факела, который она несла, упал на меня, и я увидел, что она стоит в отверстии бокового прохода, тогда как наша труба тянулась дальше кверху, в густую, непроницаемую тьму.

Она подала мне руку и я поднялся к ней. Остальные последовали за нами.

Проход был низок, душен и полон острого щебня, о который мы спотыкались. Молча и недолго мы отдохали.

Через непродолжительное время Каму снова стала во главе, и мы продолжили свое бегство через недра скал. Коридор попеременно то поднимался вверх, то спускался вниз.

Вдруг мы почувствовали едкий дым. Каким-то путем он проникал из центральной пещеры и сквозняками занесен был во внутренние пустые коридоры. Мы стали задыхаться; судорожный кашель овладел нами. Но после нескольких минут отчаянного состояния наш коридор свернул в сторону. В этом коридоре дул чистый ветер.

Мы пришли в большую черную пещеру. Выход, по-видимому, был недалеко. Холод проникал в теплые недра скалы.

Подземный ручей тек внизу, в темноте, и вода с шумом переливалась через камни. Мы шли один за другим по какому-то узкому скользкому карнизу, тянувшемуся вдоль стены пещеры. До сих пор я удивляюсь, как мы тогда не сломали шеи.

Еще четверть часа пути новым коридором. Потом мгла исчезла и появилась светлая точка. Это была звезда.

Камень наполовину закрывал выход из коридора. Голый и усыпанный снегом куст летом закрывал своею листвою другую половину выхода.

Каму осторожно вылезла вон, дав нам знак, чтобы мы подо-

ждали. Мы погасили факелы. Прошло десять долгих минут, потом лицо молодой девушки появилось в отверстии.

Помогая друг другу, мы выбрались через трещину на свежий воздух. Кругом стояла тишина...

XXXIX

Светил месяц. Весь край тонул в магическом, серебряном свете полной луны. Быстрым маршем следовали мы за Каму. Осторожно и тихо направлялась девушка к ближайшим, покрытым лесом холмам. Через четверть часа мы были под деревьями.

Кедры были занесены снегом, и там, где их ветви соединялись, образовались снежные крыши. Внизу была тьма.

Затвердевший снег не давал проваливаться в сугробы. Он тихо скрипел под ногами.

Как было жутко в этом грозном лесу! Свет месяца падал между покрытыми снегом деревьями, которые искрились и блестели.

Мы вышли к замерзшему потоку, где было свободней. Теперь уже мы чувствовали себя в безопасности. Катмяк остался позади, исчез за холмами.

В одном месте Каму остановилась. Она прислушивалась к тишине и жадно вбирала в себя ноздрями воздух. На лице ее вдруг показался ужас. Две тени двигались стороной...

— Гак-ю-маки, — дрожа прошептала она. Мы были обнаружены. Дикие существа, укрытые мраком, бесшумно и настойчиво гнались по нашим следам.

Наконец, лес кончился. Появилось каменистое, покрытое снегом пространство. От него поднимался трехгранный каменный пик. Дальше дороги не было.

Каму повернула вправо. Мы перелезали через камни, падали в полные снега ямы. Когда же мы оглянулись, мы увидели между обломанными крайними елями четыре согнувшиеся, лохматые фигуры, двигавшиеся вдоль окраины леса.

Мы были теперь под самым каменным пиком и ломали себе голову, как подняться еще выше.

Но когда свернули в сторону, оказалось, что в разъединенной скале образовались выступы, естественные ступени, — лестница для великанов, по которым должны были взбираться мы, несчастные карлики. Мы стали карабкаться вверх. Нам все время угрожала опасность сорваться вниз.

На высоте двадцати метров я оглянулся и заметил трех гак-ю-маков, преследующих нас между камнями; четвертый исчез. Тут я увидел, что у дикарей приготовлены пращи. Один из них только что начал взбираться по каменной лестнице. Видя это, Каму пришла в бешенство; она нагнулась над обрывом и, сжав ку-

лаки, с искрящимися глазами, яростно стала кричать на преследователя.

Троглодит вложил камень в ремень и начал кружить им над головой.

— Куа! Куа! — кричала Каму, как разозленная ворона.

Тут за мною послышался вздох. Это вздыхал Алексей Платонович Сомов. Он стал сильно волноваться. Этот месяц, эти скалы, все окрестности, казалось, производили на него магическое действие. Лицо его изменилось; он дрожал, как лист. Им овладел припадок сильного возбуждения.

— Ради бога, — кричал Снеedorф, — идите на помощь! Он упадет в обморок.

Засвистел брошенный голыш, и кто-то вскрикнул. Камень не попал в Каму, а ударил по виску Алексея Платоновича. Изобретатель потерял сознание и начал падать. В следующий момент он свалился бы вниз, если бы его не подхватил Снеedorф.

На этот раз прозвучал выстрел. Это выстрелил Фелисьен.

Троглодит свалился, падая со ступеньки на ступеньку, ударясь и отлетая, пока не исчез где-то в глубине мрака. Другие два дикаря после выстрела спрятались за камнями.

Мы продолжали путь. Снеedorф на своих сильных плечах нес Алексея Платоновича. Старик был сух и легок, как дитя. Он тихо стонал. Тем не менее, подниматься с такой ношей было тяжело, и, поскользываясь на льду, сильный Снеedorф несколько раз падал и больно ушибался. Но, наконец, мы все же оказались наверху.

Небольшая каменная площадка, около двадцати метров шириной, немного покатаая к краю пропасти, заканчивалась сзади верхушкой скалы, поднимавшейся еще на десять метров.

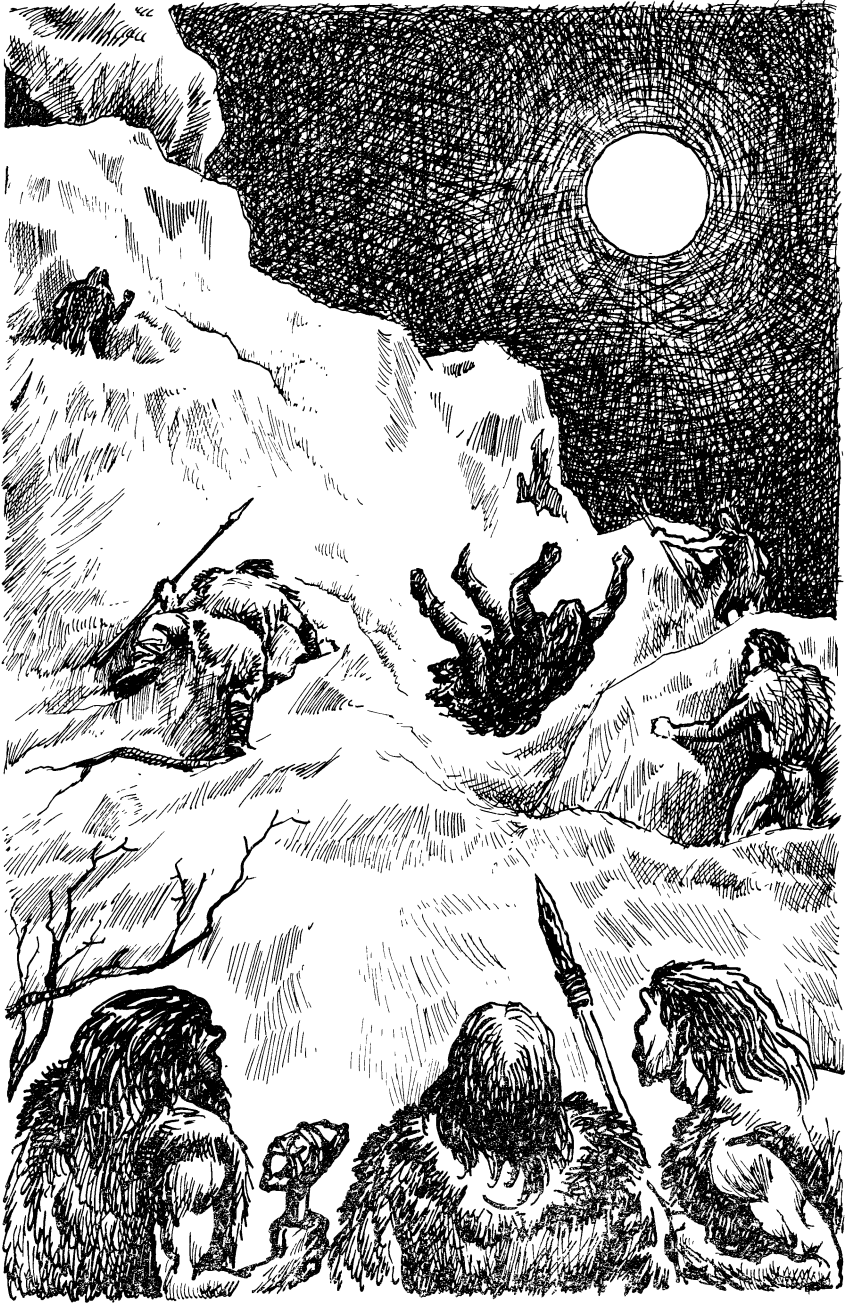
На уровне площадки эта пирамида имела выбоину, образовавшую высокий свод пещеры. Благодаря площадке, снизу этой выбоины нельзя было увидеть. В ее черном отверстии неясно виднелся какой-то фантастический силуэт.

Едва переведя дух, Фелисьен победоносно закричал и побежал во всю прыть. И мы, шедшие за ним, увидели, наконец, машину Алексея Платоновича. Избежав в этой пещере разрушительного влияния погоды, машина была цела и, казалось, невредима!

Словно какой-то мистический дракон, сидящий в неприступном каменном логовище, притаилась эта машина в пещере.

Нас охватило непобедимое желание коснуться машины рукою. Но прежде необходимо было заняться обороной. И пока мы с Надеждой пытались привести в чувство раненого, остальные укрепили террасу, готовясь к борьбе.

На место, где каменные ступени расширялись в площадку, навалены были камни, и через короткое время там возникла настоящая стена с удобно расположенными бойницами!

Каму, вооружившись дубинкой, сидела на страже у воздвигнутого укрепления.

Профессор лежал на снегу с закрытыми глазами: луна освещала его. Мы заботливо осмотрели его рану и нашли, что кости и череп целы; удар пришелся вдоль виска, содрал кожу и поранил ухо. Непосредственной опасности не грозило. Нам удалось влить в рот больного несколько капель рома, после чего мы уложили его на постель из мха в задней части пещеры. Я же пошел осматривать машину.

Никогда я не видел ничего более странного. Длинная металлическая труба легкой прочной конструкции являлась главной частью машины. Эта труба на обоих концах воронкообразно расширялась, и в местах расширения, как переднем, так и заднем, были установлены сильные воздушные турбины.

Двигатель и будка пилота были спереди, за первой турбиной, а сзади помещалось два небольших закрытых купе. Над турбиной и близ нее раскидывались планирующие поверхности аэроплана. Как я заметил, их натянутая черная материя пружинила от стальных вставок. Сзади торчал длинный хвост, вроде хвоста ласточки.

Весь аппарат лежал на четырех низких пневматических колесах. Это был настоящий циклоплан, — машина, которая поднимается циклоном, воздушным вихрем, проходящим через трубу.

Этот искусственный смерч гонит машину вперед и обеспечивает ей, кроме того, почти абсолютное равновесие, отсутствие которого было дефектом всех предыдущих опытов.

Я занялся обоими моторами. Это было настоящее произведение искусства, нечто новое в этой области.

В будке пилота, при свете луны, блестели металлические и костяные рычаги, рукоятка руля, регуляторы. Я видел прибор, контролирующий скорость, высоту и направление. Не было недостатка и в хорошей карте полярных стран.

В обоих задних купе, уравнивающих моторы и будку пилота, мы нашли множество запасных частей машины. Был тут также и небольшой запас пищевых продуктов и балласт. Резервуары со спиртом были не тронуты.

Фелисьен бегал вокруг, и восторженные возгласы вырывались у него из уст. Он, наверное, думал, что достаточно привести в движение моторы, нажать рычаг, чтобы полететь.

Я успокаивал его, чтобы он не выкинул какой-нибудь сумасбродной штуки. В этот момент тихим голосом нас окликнула Надежда.

XL

Алексей Платонович пришел в себя. Я тотчас заметил, что в его глазах уже нет обычного бессмысленного выражения, и что зрачки его в нормальном состоянии. Приподнявшись на локтях, он попытался заговорить.

— Что случилось? Что случилось?..

Его взгляд, переходя от одного к другому, с любовью остановился на машине. Казалось, он припомнил все.

— Надя!.. Наденька! — продолжал он тихо. — Ты пришла?.. Дорогая моя!..

Сильное механическое сотрясение — удар гольшом — в минуту душевного кризиса подействовало на него благотворно. Память вернулась к больному. Она вернула его к тому моменту, в котором оставила. Все, что случилось во время болезни, для него не существовало.

Надежда, поняв все это, бросилась к нему в объятия.

— Дядюшка! Бедный, добрый дядюшка! — зарыдала она.

Однако мы должны были действовать энергично. Опасность приближалась. Послышался крик. Я оглянулся и увидел Фелисьена, склонившегося над пропастью с выражением отчаяния.

Каму исчезла!.. Там, глубоко на уступах, в тени, отброшенной скалой, что-то двигалось, перескакивая с места на место.

— Они утащили ее, — кричал Фелисьен. — Они набросили на нее ремень и стащили вниз. Я должен идти за ней! Я должен идти за ней! Помогите мне, да помогите же!

Он хотел вырваться, чтобы броситься на гак-ю-маков. Мы крепко держали его, пока он не успокоился.

Каменистое пространство внизу кишело троглодитами. Один из преследователей вызвал подкрепление из Катмаяка. Дикое бешенство овладело ими, — стремление уничтожить нас, непонятным образом ушедших из подземной могилы, в которой они нас похоронили.

Я хорошо знал их характер, чтобы допустить, что они откажутся от своего намерения. И действительно, гак-ю-маки приготовились к нападению и начали ловко взбираться по ступеням. Стрелы свистели; гольши из пращей падали как град, высекая из камней скалы пучки искр.

Завязалась бешеная битва. Наши ружья гремели. Выстрелы и крики наполнили ночной край, прежде столь тихий. Мы стреляли с расчетливой осторожностью, так как число наших зарядов было очень ограничено.

Клубки тел скатывались вниз, но это не удерживало живых, и новые враги лезли все выше и выше. Мы слышали их тяжелое дыхание, шум осыпавшегося под их ногами щебня. Но, прежде, чем передние достигли ограды, ее тяжелые камни отделились и с шумом стали рушиться вниз.

Нападавшие были отброшены, и кровавая борозда в их рядах обозначила ужасные потери. Уцелевшие бежали вниз. Нападение было отбито. Гак-ю-маки тихо заняли равнину и развели огни.

Последними камнями, какие могли найти, мы обновили ограду. А дальше нам не оставалось ничего другого, как драться топорами, дубинками, прикладами ружей, потому что мы расстреляли все наши заряды.

Снеedorф коротко обрисовал Алексею Платоновичу наше положение. Ученый пришел в себя в такой степени, что мог взяться за дело. Мы заявили, что если он не приведет машину в движение, — мы погибли.

Профессор в ответ на это гордо заявил:

— Через полчаса я буду готов!

— Хватит ли запаса спирта?

— До берега? Хватит!

— Поднимет ли этот циклоплан пятерых?

— Если бросить все лишнее... — И больше не обращая на нас внимания, он занялся своей машиной.

Теперь у нас был опытный воздухоплаватель, который сумеет управлять этой небесной колесницей. Надежда на освобождение опять ожила в нас. Только хватает ли у нас времени для этого!

Я слышал, как спирт с клокотанием заполнял резервуары. При свете факела Алексей Платонович осматривал турбины и моторы, чистил и смазывал их. Время от времени мы подходили к Алексею Платоновичу.

— Можно ли исправить? Удастся ли?.. И когда?

Он отвечал нервно, разгоряченный и потный, несмотря на холодный ветер. Он впадал в бешенство, когда работа не удавалась. Мы должны были помогать ему: приносить винты, ключи, масленки. Он кричал как разозленный ребенок. Но постепенно успокоился, а с ним и мы.

XLI

Мы заглянули в пропасть. Гак-ю-маки были здесь, покрытые снегом, свернувшиеся вокруг погасших костров. Казалось, их стало больше.

Я ходил вдоль ограды, не спуская глаз с равнины. Внизу зажигались новые огни. А когда я молча, почти рассеянно оглядел подъем, я заметил там какое-то движение. Что-то свернувшееся за камнем в нижней части каменного подъема, осторожно двинулось. Я тихо позвал товарищей.

Фигура была еще неразличима, скрываясь настолько, насколько возможно. Теперь она поднималась по ступеням.

— Подождите! — упорно вглядываясь, сказал Снеedorф. — На гак-ю-мака не похоже. Смотрите, троглодиты тоже увидели этого человека. Они несутся к ступеням с натянутыми луками. Стреляют! Они его преследуют. Кто это?

Человек тоже заметил, что его преследуют. Он старался уйти, и, напрягая силы, карабкался к нам. Вот он в тени; вот появился в свете месяца.

И тут удивленный голос Снеedorфа подтвердил то, что боялся выговорить каждый из нас.

— Смотрите! Да ведь это Сив!..

Это был он, Сив, которого мы уже давно считали мертвым и о котором уже давно не говорили.

Он пробирался вверх, через острия скал, на виду у дикарей. Видя, что они не в состоянии схватить его, гак-ю-маки начали пускать в него стрелы, метать дротики. Сив не издавал ни звука. Вдруг показалось его лицо на краю каменной площадки. Какое это было страшное от ужаса и боли лицо!

Каким чудом мог прожить этот человек один среди хищных зверей, среди безжалостной природы Каманака?..

Как удалось ему избежать гак-ю-маков? Несчастный, исхудавший сверток из грубых звериных шкур, полный грязи, пропахший дымом чадающего костра.

Хрипя, он перелез через камни и упал на площадку. Тут только мы с ужасом увидели, что восемь стрел засели в его теле. Он не имел времени вытаскивать их.

И одна стрела прошла у него горлом. Он не мог говорить. И этот несчастный человек полз, как зверь, выкатывая окровавленные белки своих испуганных глаз.

Он полз к Снеedorфу. Подполз, хрипя, и обнял ноги своего спасителя. Верный, как собака, до последней минуты, он склонил свою поседевшую голову к его ногам.

И вот, когда он метался от боли, разорвался мешок, который

он нес за спиной; содержимое мешка рассыпалось и засверкало при свете луны.

Это было золото.

Но хлещущая из раны кровь залила горло Сива Кьельтринга, и розовая пена выступила у него на губах. Его тело несколько раз дернулось и затихло. Мы подняли мертвого Сива и отнесли его в заднюю часть пещеры.

Но откуда же это золото?.. Несчастный со страстью собирал его во время своего одиночества.

Нашел он его, очевидно, в русле реки Надежды, и это обстоятельство объяснило мне странность его поведения, когда мы увидели у ледника Снеedorфа остатки автомобиля. Он заметил там золотой самородок и старался скрыть свою находку. Потом он жил изгнанником, в сознании своей вины, ужасной жизнью дикаря, издали следя за нашей судьбой.

Через четверть часа Фелисьен заявил, что осаждающих внизу прибыло. Огни запылали в большем количестве, чем прежде. Лихорадочное беспокойство овладело нами. Молча мы окружили машину, стоявшую неподвижно, как бы в насмешку над нашим беспокойством.

Вдруг, около десяти часов утра, застучал один из моторов. Быстрей и быстрей билось сердце машины. Алексей Платонович нажал рычаг и тотчас же снова отпустил его. Передняя турбина на один момент начала свое вращение. Циклоплан сделал движение, как пробудившийся от сна зверь.

— Все в порядке! — закричал Алексей Платонович. Он преобразился — сиял и улыбался. Мы пожали ему руку. Тотчас после этого общими силами мы вытащили циклоплан из пещеры на площадку.

Он в последний раз обошел машину; испытал, осмотрел, нет ли чего лишнего, увеличивающего вес машины. Убедился, правильно ли работает руль. Потом открыл дверцы своей будки.

— Садиться! — скомандовал он писклявым голосом.

— Да и время. Гак-ю-маки идут в общую атаку, — произнес Снеedorф.

С колебанием подошел я к машине. Скрытые сомнения и опасения волновали меня. Все это было уж слишком необыкновенно. Купе были низки, как раз только для сидения. Но француз со Снеedorфом уже исчезли в одной будке, и мне осталось лишь последовать их примеру.

— Ну, дорогой друг, — послышался мягкий голос Надежды.

Я напоследок бросил беглый взгляд на отдаленный, покрытый снегом край, на машину, стоящую в ожидании на краю пропасти. Дверцы захлопнулись. С замиранием сердца я уселся, но волнение моментально прошло. Оно уступило место сильному возбуждению и беспокойству: чем все это кончится.

Я опустил окошко. В это же время я услышал слабый шум у остатков нашей ограды, и звериная голова гак-ю-мака осторожно показалась из-за камней.

Заработали моторы. Турбины завывли с все возрастающей силой. Гак-ю-мак моментально исчез, пораженный ужасом.

Циклоплан вздрогнул, сдвинулся с места и плавно заскользил к краю террасы.

Мы все издали легкий крик. Машина перевалила через край и падала в пучоту.

Взглянув вниз, я увидел гак-ю-маков, которые оставались на равнине, окаменевшими от страха. Чудовище падало прямо им на головы.

Но вовремя повернулся руль, и машина поднялась по параболе от земли к небесам... Далеко-далеко под нами остались троглодиты, и мы уже не слышали их криков:

Внизу остались занесенные снегом леса. Очертания исчезли. Громадную котловину покрыла тонкая серебристо-опаловая мгла. Машина пролетела через редкие облачка. Луна висела в глубине пространства, мертвая, неподвижная, яркая. Слышались лишь удары мотора.

Машина летела на высоте восьми тысяч футов. Заколдованная земля исчезла, и мы с быстротой ласточки приближались к пограничным горам. С такой быстротой мы должны очень быстро достигнуть берега. Но куда направляется Алексей Платонович?

Уперनावик в это время года лежит словно под заклатьем. Может быть, Алексей Платонович выбрал Годгааб или Юлиенгааб?

Мы не могли сказать, так как, хотя это и кажется странным, не обменялись относительно этого в последний час перед отлетом ни единым словом. Я знаю только, что у Алексея Платоновича был разговор со Снеedorфом...

До сих пор все шло наилучшим образом. А все же нам не удалось так легко выбраться. Грозный враг, о котором мы не имели и понятия, гнался за нами.

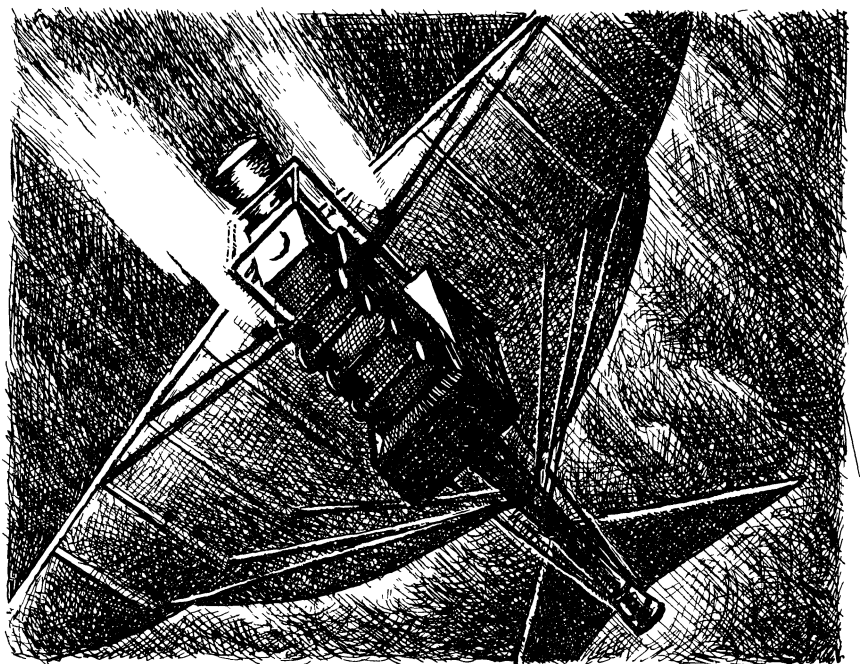
Заколдованная земля выслала его догнать улетевших смельчаков, которые могли открыть ее вековые тайны. Ураган шел из центральных частей края.

Я видел через заднее окно, как его черная пасть поглотила луну, как распустил он по небу исполинские щупальца, чтобы схватить улетающую машину.

Алексей Платонович заметил приближающуюся опасность, и машина понеслась быстрее. Но, тем не менее, мрак приближался. Небо над нами было еще ясно и полно звезд. Но через несколько минут ураган захватил почти треть небосвода, и страшная черная тень легла на лед. А потом ураган догнал и нас.

Равнина, до сих пор мертвая, пришла в движение. Снежная пыль поднималась, как дым, и безудержно двигалась вперед. Высоко крутившиеся снежные вихри алчно вздымались в воздухе.

Напрасно Алексей Платонович пытался подняться над областью бури. Ветер каждый раз сбивал его вниз. Затем нас окутало

облако дико крутящегося снега. Небо исчезло, и наступила беспроектная тьма.

Циклоплан, подхваченный страшным воздушным течением, неся вперед с быстротой, во много раз превосходившей быстроту турбин. Руль совсем отказался от службы. Мы отдались во власть бешеным стихиям.

К этому присоединилась новая опасность. Снег налипал на крылья аэроплана и отягощал их. Аппарат мало-помалу оказался в опасной близости к леднику. Окна также были залеплены снегом.

Поверхность льдов понижалась по направлению к морю, и циклоплан летел низко над равниной, в снеговом дыму, послушный воле ветра. О том, чтобы снизиться, нечего было и думать. Но вихрь мог нас занести далеко в неприступные ледяные поля Девисова пролива.

Вдруг раздался удар. Я был сбит со скамьи и отброшен к противоположному окну, которое, к счастью, выдержало. Надежда глухо вскрикнула. Машина ударила колесами о ледник, отскочила и продолжала лететь.

Я уже было успокоил девушку, но тут раздался удар гораздо более сильный. Окна треснули, и поток ледяного воздуха и снежной пыли ворвался к нам и наполнил купе. Скрип и резкие удары слышались под нижней переборкой купе. Машина поднималась и качалась, как раненая птица. Она тащилась по льду.

Казалось, профессор делал попытки остановиться.

Мы ждали, полузасыпанные снегом, еще несколько секунд. Потом раздался треск; показался какой-то зеленоватый огонек и погас. Крыша над нами разлетелась, и мы были выброшены в мрачную пустоту. Мы упали в сугроб.

С отчаянием оглядывались мы вокруг, ища помощи.

Но вдруг рев ветра умолк. На небесах показались звезды. Буря утихла.

В это время какая-то серебряная, блестящая полоса показалась на горизонте над неподвижным слоем скопившихся черных туч.

Небо над нами заполнилось ликованием. Край побелел, засебрился. Равнина выступила с поразительной ясностью; а вместе с нею и силуэты темных скал, которые окаймляли побережье к югу и востоку.

Появилась луна.

XLII

Так окончилось наше безрассудное фантастическое путешествие.

Циклоплан разбился на куски о скалы незнакомого берега. Мотор взорвался, крыша сломалась, турбинный вал был скручен и смят. Передняя будка ударилась о каменный выступ, и гениальный изобретатель погиб. Его дело погибло вместе с ним.

В тот же день мы похоронили Алексея Платоновича. Надежда совсем осиротела. Мы с Фелисьеном выстроили на берегу ледяную хижину. Что можно было пустить в дело из остатков машины, было нами использовано.

Итак, тут мы застряли. Перед нами было замерзшее море, из разбитых льдин на нем образовались торосы.

Слабый, едва заметный просвет на юге, говорил, что там сейчас день. Солнце там, к югу, ходит над более радостным краем и светит более счастливым. Здесь были одиночество и смерть. Но мы решили бороться упорно, до последнего вздоха.

Мы избежали одной смерти, чтобы принять другую, более ужасную. Единственной нашей надеждой были эскимосы. Я знал, что их колония у мыса Йорк довольно обширна, и что они принимают довольно продолжительные путешествия вдоль берегов.

Несколько недель сидели мы в своей хижине, и никто не приходил.

Мы совсем одичали. Убив тюленя, освещались его жиром и питались отвратительной пищей, так как наши запасы с циклоплана были съедены.

Единственное живое существо, виденное нами, был белый медведь, который бежал через залив и исчез на северо-востоке.

Снеedorф убил двух полярных зайцев, что поддержало нашу жизнь еще на несколько дней.

Однажды я стоял с Надеждой на льду, у предгорья, в то время, когда пламенные полосы развевались на небе, как вдруг среди простиравшейся перед нами пустыни послышался собачий лай.

Почти в ту же минуту мы заметили у основания предгорья движущиеся черные точки. Двое саней в собачьих упряжках приближались к нам, переезжая через залив.

Мы различили одетых в меха людей. Мы побежали навстречу, бессвязно крича и жестикулируя. Они остановились. Это были два европейца и один эскимос, который вел упряжку.

Мы поздоровались. Они ответили нам на чистом английском языке. Их судно «Президент Тафт» охотилось за тюленями в двух милях к северу, в заливе Ингельфельд. Оно зимовало, затертое льдами.

Они гостеприимно взяли нас на борт и отвели нам две каютки. Там провели мы остаток полярной зимы.

Капитан Айзек Мортон, типичный янки, с льняными волосами, косоглазый, с кожей кирпичного цвета, оказался любезным хозяином.

Матросы были грубые, но славные парни. Они боготворили Надежду и держались по отношению к нам предупредительно.

С капитаном у нас был долгий разговор.

Мы рассказали ему столько, сколько сочли нужным. Но и этого было достаточно. Капитан слушал, сопя как морж: трое мужчин и девушка в ледяной хижине на пустом берегу!.. И никаких обломков судна!..

Однако он даже и глазом не моргнул. Погладил мочку правого уха, помигал глазами и просипел:

«Да... случаются удивительные вещи здесь, наверху, среди льдов... Дивные вещи...»

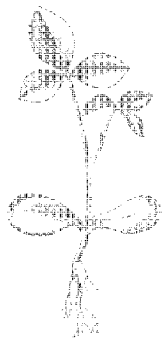
У нас же остались лишь воспоминания, подобные тяжелому сну. Мы избегали говорить о них, а когда весной льды выпустили нас, мы возвратились в милый Старый свет.

ИОГАННЕС ИЕНСЕН

Ледник

Scan AAW

МЛАДЫШ

В первобытном лесу горел костер, единственный на мили вокруг. Он был разведен на площадке, под выступом скалы, который защищал огонь от ветра. В лесу гудело, ночь была темная, без луны и звезд. Лил дождь. Но огонь под скалою спокойно горел, и яркое пламя высоко подымалось от груды хвороста; освещенное пространство образовывало как бы пещеру в глубоком ночном мраке.

Вокруг костра расположились люди; они спали, придвинувшись к огню настолько, чтобы находиться в световом круге. Они были голы. Здесь были только мужчины. Каждый спал с дубиной в руках или около себя, чтобы проснувшись, сразу схватить ее. Прутяные корзины с различными припасами, плодами и кореньями лежали на траве около костра, световой круг которого ярко освещал эту группу среди дикого леса. В нескольких шагах от скалы, на открытом месте, где шел дождь и куда подползал мрак, виднелись остатки убитого животного, похожего на зебру — это была жертва огню.

Только один из людей не спал. Он сидел у костра, почти не шевелясь, но глаза его ни минуты не оставались в покое; это был крупный и крепко сложенный юноша, необычайно высокого роста, хотя еще не вполне возмужавший. Возле него лежала огромная

груда ветвей и хвороста, откуда он время от времени брал охапку и подбрасывал в костер. Когда огонь ослабевал настолько, что лежащие с краю оказывались вне стен световой пещеры, сон их сразу становился тревожным. Но случалось это не часто; юноша отличался особой сноровкой поддерживать ровный огонь; он знал, сколько запасено у него топлива и хватит ли на ночь. Присмотр за огнем не требовал от него напряжения мысли, и он большую часть неподвижно сидел, обратив все чувства туда — к дикому лесному мраку.

В левой руке он держал большой клинообразный кремь, пока лишь грубо обтесанный. Когда огонь горел ровно, и ничто не отвлекало внимания юноши, он направлял на то или другое место кремня острый обломок оленьего рога и, тщательно примерившись, с силой откалывал им от кремня осколок, который отскакивал в огонь. Затем он внимательно исследовал действие удара и взвешивал кремь на руке. Кремню этому предстояло стать топором, подобному которому еще никто не видывал; вот почему юноша так внимательно осматривал его со всех сторон, прежде чем снова направить на него олений рог и определить, где еще следовало отколоть лишний кусок, скрывавший ту форму, которую юноша представлял себе. В то время, как он вызывал из камня оружие, грубые черты его озарялись внутренним светом, проблесками предвиденья; лицо его сверкало умом, когда он примерялся нанести удар; в самый же удар он вкладывал такую силу, точно ему предстояло пробить этим оленьим рогом череп врага, и выгибал спину, как будто собирался сдвинуть с места гору, хотя всего-то навсегда нужно было отбить крохотный осколок. Оружие должно было выйти несравненное. На коленях юноши лежал топор, которым он рубил топливо для костра; но то был просто жалкий, бесформенный обломок кремня безо всякого лезвия. Зато это было священное родовое наследие, которое определило судьбу юноши.

Его звали — Младыш. С самого рождения он был предназначен в хранители огня, принадлежал к высокочтимому и грозному роду, все члены которого пользовались преимуществом поддерживать огонь и принимать приносимые огню жертвы.

Преимущество это было столь древнее, что никто не помнил его происхождения. Ходили лишь смутные предания о том, что один из мужей племени, охваченный безумной жадной смертью, ринулся на горящую гору, где обитал могучий, всепожирающий дух огня; и вернулся оттуда невредимый, с горячей веткой в руках. Родичи, разумеется, связали безумца и бросили на гноище, коршунам, но огонь все-таки сохранили и были им очень довольны. Злосчастный похититель, впрочем, после смерти был возвеличен, коршунов объявили неприкосновенными и стали поклоняться им, так как предполагалось, что в них переселилась душа по-

жранного ими человека. А огонь и приносимые ему жертвы стали наследственным достоянием рода похитителя, одним из потомков которого и являлся Младыш. Он пользовался подобающим его происхождению почетом, но, кроме того, его побаивались и по другим причинам.

Младыш был воин. Вообще-то род Огневиков отнюдь не отличался мужеством; возложенный на членов этого рода труд был легок, и, благодаря жертвенной дичи, жилось им чересчур сытно. Большею частью эти представители племени были слабосильными сиднями и возмещали недостаток силы колдовством и тому подобными фокусами трусов. У большинства других племен, о которых знало это племя, но с которыми не водилось, хранение огня было поручено женщинам, как занятие, мало приличествующее мужчине. Но, разумеется, настоящей причиной таких порядков являлось невежество тех племен и низкий уровень их развития. Беда была только в том, что угрюмый Младыш, по-видимому, вполне разделял взгляды тех далеких дикарей и часто с презрением отзывался о своем призвании да еще наделял оплеухами тех, кто бранил его за это. Младыш уродился не похожим на своих ближайших предков и рано стал выделяться склонностью к одиночеству. За огнем он смотрел лучше, чем кто-либо до него, но исполнял свое дело без приятной угодливости, не ползал перед сжигающим духом огня на брюхе, а лишь добросовестно кормил его топливом; деревья же для костра рубил с ожесточением, словно головы врагов. Все это было не по сердцу почтенным мужам племени. Руки у Младыша были сильные, и он изготавливал лучшее в племени оружие, но это не приличествовало его званию.

С самого детства он обнаруживал наклонности, не подобающие будущему жрецу: любил ходить на охоту, да и то не гурьбой с другими юношами, а в одиночку. Совсем еще мальчишкой убивал он зверей обломком ясеневго сука, обожженным в огне, и притаскивал домой их детенышей: то жеребенка трехпалой лошади, то пещерного медвежонка, а то толстенького, розоватого, еще безрогого детеныша носорога. В ту пору на такие его проделки смотрели сквозь пальцы. Но пришло время, когда ему торжественно вручили священный топор и посвятили в хранители огня на многие мирные лета, лишённые бранных тревог и почестей.

Пришел конец беззаботному детству. Правда, Младыш еще пытался удирать в лес, когда пост у костра занимал кто-нибудь другой из членов семьи, но родители очень неодобрительно смотрели на такие его суетные наклонности и умели так насолить ему за каждую отлучку, что он предпочел больше не отходить от костра. Жажда деятельности, однако, сидела у него в крови и искала выхода в напряженной внутренней жизни, в мечтах о великих делах. Тоска по настоящему делу и чувство зависимости от костра сделали его неприветливым, но не сделали дурным или

злым, — слишком много было в нем природной живости и восприимчивости.

Несмотря на вынужденную сидячую жизнь, он вырос могучим, как тур, молчаливым и невзыскательным. И как бы ни был он молод, между ним и племенем успели установиться довольно натянутые отношения. Раз старшие стесняли его отвагу, надо же ему было чем-нибудь отводить душу; вот он и позволял себе позабавиться над ними: разводил такой костер, что пламя припекало подошвы спящих и грозило пожрать все становище, или же мог напустить такого дыму, что кашель просто раздирал людям глотки. Племени волей-неволей приходилось мириться с его грубыми шутками, но его недолюбливали. Люди жили идиллической жизнью и не желали напоминаний о том, как далека она от жизни реальной. И судьба Младыша могла бы стать вполне обычной для его рода, даром, что он уродился задорным и непокорным; он мог бы с течением времени озлобиться и стать для своих соплеменников как раз тем бичом, которого они заслуживали, или сердце его могло бы с годами ожиреть от обильной жертвенной дичи.

Но идиллии уже грозила опасность. Давным-давно первобытные люди стали чувствовать, что природа вокруг них изменяется. Они уже не могли больше жить оседло, а кочевали. Лес не давал им ни прежнего простора, ни прежней верной защиты, — он сам начал хиреть. В воздухе появилось что-то новое, становившееся год от году все опаснее и теперь уже грозившее бедой всему живому. Непрерывно шел дождь, становилось все холоднее и холоднее. *Холод* — что такое холод? Или *кто* такой? Откуда он взялся?

Обо всем этом и раздумывал Младыш, сидя один у костра, пока другие спали. Думы эти неотступно преследовали юношу. Он понимал, что существованию его соплеменников грозит опасность. На его памяти они еще жили по ту сторону хребта на севере, и он помнил год, когда холод заставил их перевалить через горы на южную сторону. С тех пор они каждый год переходили с места на место и теперь жили во многих днях пути южнее того места, где сейчас сидел у костра Младыш, с тревогой размышляя об этом постоянном отступлении.

Племя с женами и детьми расположилось за много миль отсюда, в долине, где все еще росли пальмы и хлебные деревья, и группа у костра была только отрядом, высланным на покинутые места прежних становищ за плодами и дичью, какие еще могли найтись в старых рощах.

У этой скалы племя жило около года до тех пор, пока холод не погнал их дальше на юг. Младыш еще различал следы шалашей, разметанных дождем и непогодой. Тут, у скалы, играли, бывало, на солнце покрытые пушком маленькие дети племени,

подбрасывая в воздух перышки и дуя на них, чтобы они летали, как птички, среди цветущих кустов. Теперь здесь было пустынно; голые камни торчали из земли, которую обесплодили непрерывные дожди.

Но племя спокойно мирилось с отступлением, — если вообще обращало внимание на это обстоятельство. Им было все равно: переселиться — так переселиться; южнее — так южнее, раз нельзя оставаться дольше в северном лесу. Пусть себе топливо и пища оскудевали там, где племя раскинуло свои становища; ничего не стоило сняться и двинуться на лучшие места; мало ли простора на юге? Только один из всего племени не мирился с этим, — Младыш. Он следовал за своими соплеменниками, отступал вместе с ними из долины в долину, но против своей воли. Было в этом какое-то насилие, и оно ожесточало его душу. Долго ли еще будет продолжаться это отступление? Не вечно ли? Неужели нельзя повернуться лицом к холоду и показать зубы этой безмолвной силе, которая заставляла все окружающее блекнуть и коченеть, этому холоду, который никогда не показывался, но если забирал что-то, то уже никогда не отдавал назад? Какой прок предаваться этой беспечной жизни, если из года в год приходится искать себе новые пристанища — еще на несколько миль дальше к югу, за горами? Не лучше ли сразу приладить боевой топор да выйти на открытый бой?

Вот приблизительно что чувствовал и думал Младыш, каждую ночь бодрствуя у костра в течение этого тоскливого холодного похода по местам прежних становищ племени. Душа Младыша настраивалась на воинственный лад, его тянуло к делу, к смертному бою, но сам он не сознавал этого. Он был первобытный человек, с могучими инстинктами, которые подавляли разум. Он только ни перед кем и ни перед чем не сворачивал с дороги, и это неодолимое упрямство, не позволявшее ему покориться насилию, и послужило причиной отлучения Младыша от его племени.

Это происходило в Скандинавии в конце третичного периода, когда климат там был еще тропическим, без смены времен года. Но ледниковый период уже надвигался; передовыми отрядами его были непрерывные дожди и холодные ночи, выгонявшие людей из мирных блаженных убежищ первобытных лесов. Люди не хотели и не могли привыкнуть к холоду и дождю и вынуждены были уходить. Они мерзли, невинные создания, пытались прикрывать себя от непогоды плащами из фиговых листьев, пели красивые жалобные песни, но северный ветер безжалостной холодной стеной вставал между ними и их шалашами, ютившимися под смоковницами. Люди лишались приюта и должны были переселяться.

Они вздыхали, покидая родные сады, которые переставали быть гостеприимными, но там, подалее к югу, под теплым солнцем, быстро утешались и пели от радости, видя, как воткнутые на новых местах дорожные посохи пускают побеги; тут было хорошо, тут они и оставались. На следующий год холод вновь догонял их, и опять им приходилось отступать. Они были, однако, слишком забывчивы, чтобы замечать свое постепенное отступление; они жили только настоящим; но упадок сказывался на всем укладе их жизни, налагал на них свою печать без их ведома, — они нищали и мельчали.

Младыш не мог сдаться. Его сердце питалось упорством; он рос, накапливая в себе силу сопротивления. И когда *первобытные* люди очутились на распутье между холодом и лесом, Младыш сделал немислимый доселе выбор.

И стал первым *человеком*.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Ночь длинна. Младыш, задумавшись, сидит у костра.

Бодрствуя, он является глазами и ушами своих спящих товарищей и душою этого темного, бесконечного леса. Он — центр всего, что движется в окружности целой мили; малейший шорох доходит до него; он чует каждым волоском своего тела малейшее

движение воздуха; ему достаточно едва уловимого запаха, чтобы знать, в чем дело. Чутье его так остро, что он, ступая по дерну, может проследить крота под землей вплоть до того места, где зверек прорывает себе ход наружу. Постоянная настороженность зажигает искру за искрой в глазах юноши, а когда он спит, на веках у него проступают темные пятна, которые придают лицу грозное выражение, отпугивающее всякого, кто вздумал бы к нему подступиться. Он молчалив, потому что все время о чем-то думает. Никто не знает, что творится в нем, да и сам он того не знает, пока молнией не вспыхнет в нем порыв к действию.

Таков он в действительности и таким выступает при свете костра — молодой мохнатый Лесовик, с густыми, грубо очерченными бровями, с трепещущими ноздрями и выдающимися мощными скулами. Грудная клетка заросла волосами, руки тоже мохнаты, кроме тех мест, где проступают огромные мускулы. Когда руками ему нужен отдых, он может держать оружие пальцами ноги, и вообще он столь же часто пускает в ход одну из ног, как и руку, чтобы подбросить топлива в костер. Всем этим он похож на других Лесовиков и на своих спящих вокруг костра товарищей; эти, пожалуй, постройнее, не так мохнаты, менее грубо сложены; они ближе к лесным зверям, грации которых еще не утратили. Спят они с палицей в одной руке и с недоеденным плодом в другой. А у Младыша, который начал думать за них всех, черты лица огрубели и приняли ожесточенное выражение.

Буйному виду Младыша отвечают бушующие в нем внутренние силы: гнев, энергия, скорбная тревога о том, что происходит вокруг; силы эти все растут вместе с накоплением опыта и распирают его душу, — того гляди, взорвут его изнутри. Он ничего не забывает, он чувствует логику происходящего, и, сидя теперь у костра, волнуемый мрачными предчувствиями гибели окружающего мира, то и дело закипает яростью, толкающей его на борьбу, на подвиги.

Он ясно видит, что первобытный лес обречен на смерть. Конец вечному лету. Исчезают теплые рощи, и в горах Скандинавии воцаряются бури и дожди. Дальше на юге, в лесах еще растут пальмы и хлебные деревья, а по склонам гор, обращенным к синему морю, зреют виноградные лозы. Но долго ли будет так? Вернувшись в становища своего племени, эти молодые люди, что лежат сейчас у огня, ежась от жара с одной стороны и от холода с другой, возьмут в руки виноградные кисти, припадут к ним губами, как к сосцам полного вымени, и со смехом будут сосать до блаженной сытости. А через год Младыш уже будет разводить там костер сухими лозами, и племя опять снимется с места; конца этому не видно. Лес обречен на смерть;

какая-то враждебная сила неотвратно на-
двигается с севера и
уничтожает его.

Младыш смотрит
вкруг — на деревья,
стоящие под дождем.
Даже сейчас, ночью,
видно, как уже по-
страдал лес, при днев-
ном же свете он
являет собой страшное
и жалкое зрелище. Все
пальмы погибли; тор-
чат одни почерневшие
стволы, без листьев,
словно огромные об-
глоданные кости.
Стебли гигантских
папоротников обуг-
лились и почернели, а
листья превратились в
гниющую кашу. Ми-

мозы и акации уже с год как свернули свои листочки, и дождь сделал их неузнаваемыми. Все вечнозеленые деревья высохли до самых корней и, словно скелеты, растопырили свои омертвевшие, голые ветви. Огромные кедры и каучуковые деревья валяются между останками других мертвых деревьев, задрав к небу отполиро-
ванные дождем кривые гигантские корни. Все цветы и кусты
убиты холодным ливнем. Вся почва в лесу стала болотом, усеян-
ным трутом и голыми каменными глыбами. Только некоторые из
хвойных деревьев еще пытаются бороться, но и они пригибаются
к земле, кривятся, и смола белыми капельками застывает на их
коре.

«У!» — гудит лес. «У!» — стонет ветер в оголенных вершинах
деревьев, а еще выше в темноте слышится какой-то визг и тороп-
ливые, тяжелые взмахи усталых крыльев. Это стая диких водяных
птиц, у которых ноги иззябли в водах к северу от горного про-
хода, и которые снялись оттуда, чтобы лететь на юг. Высоко в
ночном мраке перекликаются между собой отрывистыми звуками
птицы: гуси, аисты и фламинго. Невесело им. Младыш с сочув-
ствием слушает их замирающие вдали крики — они тоже изгнан-
ники.

В глубине леса слышится шуршанье, доносящееся из горного
прохода — тысячелетнего пути диких зверей.

Младыш прекрасно знает этот путь и прислушивается, как

всю ночь по проходу идут, топают и семят живые существа, подгоняемые ветром. Это — всякого рода зверье, которое по ночам целыми стаями уходит из лесов северного нагорья в южные долины. Младыш распознает зверей по их теплому запаху и знает все, что они делают ночью, хоть и не видит их. Он слышит каждое их движение и знает каждый их шаг.

Вот идут длинные вереницы толстокожих — первобытные слоны-мастодонты и носороги, помахивая огромными, вымазанными в глине ушами, промокшие и голодные. Время от времени в животе какого-нибудь из гигантов слышится голодное урчание, — словно гул обвала прокатился в воздухе, — или слон поднимет хобот вверх и заперхает так, что в лесу загудит. Громадный пещерный лев схватил насморк и огорченно чихает, на ходу отирая себе глаза лапой. Бородавочник* уныло сопит, закрутив хвост вопросительным знаком.

Немного позади перебирают стройными ногами пугливые травоядные: они тоже переселяются. А среди топота их копыт слышится и крадущаяся поступь хищников, которым тоже нельзя больше оставаться на месте. Вот бегут газели, быстрые и нежные, как лунные блики под листвою, а с ними бегут стадами и вонючие гиены с отвислым задом, припадая на передние ноги; дикие лошади и окапи** бегут парами, бок о бок с тиграми и леопардами; теперь звери в пути и позабыли все взаимные нелады.

Северный ветер гонит их в проход своим холодным бичом. Одни стаи исчезают внизу в долинах, а с севера прибывают к проходу новые. Молчаливые жирафы, с хрустально-влажными глазами, качают на ходу длинными шеями и сбивают своими лбами увядшую листву с ветвей, стараясь поспевать за другими зверями. Более мелкое зверье трусит за караваном рысцой; тут и дикобраз, и тапир, и муравьед; все, у кого есть ноги, бегут к югу.

А над звериной тропой, по деревьям, тоже движутся переселенцы — непоседливые обезьяны. Конец и их житью-бытью в тех местах. И им приходится менять привычный образ жизни. Не швыряться им больше кокосовыми орехами, — прошло то времечко; не устраивать и крикливых митингов на вершинах деревьев для обсуждения вопроса о том, кого следует прогнать из стаи; все они теперь изгнанницы; лес погибает. И они покоряются обстоятельствам, хотя, разумеется, и ворчат обиженно. Они не привыкли хвататься руками за мокрые ветви, и многие сгоряча отказываются от этого наотрез; но, в конце концов, нужда не свой брат!

* *Бородавочник* — животное семейства свиней, в настоящее время живет только в Африке, к югу от Сахары.

** *Окапи* — животное семейства жираф. Обитает в Африке, в бассейне р. Конго. Занесено в Красную книгу.

Они покоряются и догоняют других. Ни одна из обезьян ни разу не обернется назад, как и мало кто из других зверей-переселенцев.

Один из огромных слонов обернулся, было, назад на родные леса да и не смог уже идти дальше, повернул обратно. Это мамонт. Остались и еще некоторые животные; так им захотелось; трудное житье предстояло им на родине.

Повсюду в лесу слышится странный шорох; звери встревожены, чуют беду. Бегемот вылез из своего озера, где ему стало слишком прохладно; грязь так и течет с него, а он идет искать себе воду потеплее. Младыш слышит, как он с шумом выдыхает воздух и, обнюхивая дорогу, продирается сквозь засохшие кустарники.

С какой-то странной болью в сердце прислушивается Младыш к движениям и голосам тех немногих зверей, которые хотят остаться и прятаться в лесу. Они не в состоянии уйти, но им страшно, они издают жалобные звуки и как-то странно присмирели, притихли. Северный олень остановился под деревом и не шелхнется; он не понимает, что творится с лесом, не понимает и себя самого; только время от времени поводит ушами, мотает головой и переминается, похрустывая лодыжками. Мускусный бык* попросту ошалел и прет себе в противоположную сторону, на север, откуда ушли все остальные; что ж, его дело! Медведь хоть и ворчит, но не думает уходить, выбрал укромное местечко и сгребает увядшую листву в кучу, чтобы устроить себе удобное ложе; он простужен и хочет отлежаться на покое. Теперь к нему лучше и не подступайся; он негодующе фыркает на непогоду, которая нагрянула так не вовремя, когда он был занят своими пчелами. Вот он и решил соснуть, пока солнце не разбудит: кто осмелится потревожить его во сне!.. Мишка и не чувствует, как долго придется ему спать. Барсук и еж следуют его примеру и зарываются в землю до наступления лучших времен.

Но не все звери так практичны. Лес на всех уровнях населен существами, которые и не бегут и не думают искать себе надежного приюта, а только без устали бродят всю ночь; холод гоняет их с места на место, не дает покоя. Младыш слышит, как уныло бродят олени, буйволы и дикие козы; постоят с минуту, повернув нос к ветру и насторожив уши, словно принюхиваясь и прислушиваясь, чтобы понять — откуда это злое веянье, потом повернутся туда хвостом, понурят головы и поплетутся опять. К костру ни один из них не приближается; им хорошо знаком этот запах, и все они знают, что яркий свет этот умеет кусаться и может быть опаснее всего в лесу.

* Мускусный бык или овцебык — парнокопытное животное семейства поло-
рогих. В естественном состоянии встречается на севере Канады и в Гренландии.

Только раз, около полуночи, Младыш заметил неподалеку, на опушке леса, два сыплющих искры зеленых огонька и пару длинных оскаленных зубов. Это подполз махайрод*, ужасный зверь, с торчащими изо рта острыми клыками. Как это он не побоялся огня и отважился подползти так близко? Дрожь пробежала по телам спящих; даже во сне почували они его приближение, и некоторые глухо застонали, а у Младыша кровь вспыхнула огнем в жилах от близости этого ужасного врага. Но махайрод попятился, мигая голодными глазами, и ушел. Дождь хлестал его по впалым полосатым бокам; ему было холодно, и он, верно, был потрясен до самой глубины своего тигриного сердца такою свирепою жестокостью природы, превосходившей даже его собственную. Младыш слышал, как зверь удалялся, пошатываясь, и как бродил по лесу, без цели, уже перестав жаждать крови; Младыш знал, что животное обречено, ему не уйти из холодного края и от своей гибели.

Но от этого Младышу становилось еще более жутко и больно. Вот, значит, до чего дошло: махайрод, этот великий отверженный, несший на себе ненависть и проклятия всех тварей, идет на огонь не с тем, чтобы поживиться человечиною, а просто с тоски, и уныло уходит назад, отказавшись от ужина!

* *Махайрод* — крупный хищник неогенового периода. Другое, не совсем правильное название — саблезубый тигр.

Что же такое творится на свете! Какая судьба тайно уготована миру? Кто этот ненасытный, надвигающийся с севера, уничтожающий леса и выгоняющий из них зверей? Что это за безжалостная сила? Человек это или невидимое существо, могучий и злобный дух? Нельзя ли как-нибудь убить его? Заставить показаться и вступить с ним в открытый бой? Нельзя ли остановить его нашествие метким ударом топора?

Ночь длинна. Вдали тоскливо воют волки, а в дупле дерева зловеще-печально кричит сова. Одна птица стонет, другая словно смеется, третья жалуется; крокодил плачет навзрыд, набив себе полный рот пищей, а гиена корчится от злорадного смеха; но ни одному из зверей не приходит в голову завывать на весь лес и послать вызов тому великому разбойнику, который разоряет всех без разбора. Не раздается ни единого клича мести, никто не зовет на битву с врагом. Все твари или спасаются врассыпную или бегут, сбившись в обезумевшее стадо — хищники рядом с дикими баранами — одинаково незащитные перед холодом.

И Младыш поклялся отомстить за всех.

Было это в одну из ночей того переходного времени, когда тропический климат Северной Европы сменялся ледниковым периодом. Но память о тепле осталась в душе человечества и после того, как оно рассеялось из своей северной родины по всей земле, и сохранилась в виде неугасающего предания о *рае* земном. На севере человечество пережило свое первое детство, и память о нем — источник глубокой тоски, сложившей легенду об утраченной блаженной земле. Даже звери, которые тоже по-своему грезят — безумно и слепо, — хранят память о первобытном невинном состоянии мира до нашествия холода; память эта сказывается простодушием, с каким они поедают друг друга.

ЗИМА

А ночь все тянулась. После полуночи на короткое время выглянула полная луна и слабо осветила огромные тучи, обложившие вселенную. Но вскоре они снова поглотили светило, и опять стало темно, как в подземной пещере; дождь усилился и заливал потоками останки первобытного леса. В эту ночь с неба низвергался настоящий водопад, косой и неистовый, и разливался по земле озерами, размывавшими ее до самых недр.

Младыш слышал, как вода собиралась на горных вершинах и катилась вниз, между скалами и деревьями, врывалась, с колоколоподобным гулом бездны, в пещеры или вырывалась из них, с глухим треском сокрушала скалы и ломала деревья. Ни один звук больше не говорил о бегстве и бедствии зверей.

Небо, бичевавшее землю — насколько хватал глаз, и людей,

и зверей, — непрерывными, гибельными дождями, уплотнившись, как бы в предзнаменование вечного мрака, холодное, теперь как будто собиралось с силами для последнего, всеокрушающего потопа, который поглотил бы целиком всю землю. Замерзшие стволы пальм звонко стучались друг о друга, валясь в кучу под шумным напором вод; с гор плыли целые острова из поваленных деревьев с переплетенными голыми корнями. Небо ревело дождем.

Как холоден был этот дождь! Его ледяное дыхание врывалось в световую пещеру под выступом скалы, и даже огонь, ярко озарявший непрерывно струящиеся водяные стены этой пещеры, отступал перед этим ледяным дыханием. Люди у костра корчились и дрожали в тревожном сне; некоторые просыпались и ворчали на черные потоки, обступавшие их, словно стенки колодца; но бессилие и неспособность подолгу сосредоточиваться на чем-нибудь заставляли этих людей опять укладываться; они закрывали голову руками, глубоко вздыхали и снова засыпали, полумертвые от холода.

Долгая то была ночь!

Младыш поддерживал костер и поглядывал на дождь глазами, которые все яростнее сверкали под нависшими бровями. Сердце его ожесточалось, и он скрежетал зубами на непогоду. Но так как ничего нельзя было с нею поделать, он переносил энергию своего гнева на обтесывание нового кремневого топора.

Незадолго до рассвета дождь начал стихать и, наконец, совсем перестал. Все звуки как-то особенно гулко стали отдаваться в воздухе; на целую милю вокруг слышно было, как шумела вода, стекая с гор, и как булькало в лесных болотах. Все звери замолкли. Люди под скалой впили в забытие, спали тяжелым сном без снов. В лесу, между мокрыми поломанными и опрокинутыми деревьями, начало понемногу светлеть; небо проступало из ночной темноты бледное и пустое.

Было совсем тихо и безветренно, но очень холодно. В воздухе стоял сырой запах размытой дождем земли. Лес съежился и притих в ожидании последнего удара.

Перед самым восходом солнца, утреннюю зарю заволокли новые полчища свинцовых туч, которые, множась на лету, покрыли все небо. Воцарилась жуткая темнота, и на мгновение все вокруг замерло. Младыш, затаив дыхание, наблюдал эти новые тучи; таких черных и грозных он еще не видывал.

Вдруг из черной бездны сверкнул холодный, синий, всеохватывающий огонь и превратил тучи в огненно-белые громады гор, в доходящий до зенита неба хаос вершин и пропастей, и вслед за молнией грянул гром, короткий раздирающий удар. В тот же миг туча разорвалась и стремительно обрушилась на землю, но уже не водными потоками, а белыми хлесткими камнями — градом.

На землю сыпались ледяные зерна; туча с визгом открыла пальбу по размытой, разрыхленной земле.

Гром вспугнул все живое. Из лесу доносилось многоголосое сдавленное стенание. Звери, долго уже боровшиеся с водой в затопленных долинах, олени вперемешку с тиграми — последним судорожным усилием вынырнули из волн навстречу молнии, которая ослепила их, и погрузились навсегда. Далеко-далеко одинорог разбудил в ущелье многоголосое эхо, испустив короткий отчаянный рев, словно вырвавшийся у него из самого сердца, а немного погодя, затрубил где-то еще дальше и еще исступленнее; животное совсем обезумело и яростно мчалось по лесу.

Спавшие под скалой проснулись и, как один человек, пали ниц перед громом, вопили, лепетали, хныкали и гладили землю, умильно прося себе пощады. Но поплакав и полежав некоторое время во прахе и видя, что удар не повторяется, они успокоились и подползли поближе к костру. Они впивались в огонь своими кроткими, еще влажными от слез глазами и дрожали от благодарности за милость огня, дававшего им тепло и свет; они протягивали к нему руки, бессознательно жуя губами, словно ели, — так им было хорошо, — и с глубокой благодарностью кивали ему головой. Ах! Огонь был их господин и единственный друг. Потом они принялись усердно почесываться, а затем запустили зубы в свои яблоки, с которыми не расставались даже во сне, начали жевать и перебраниваться, — одним словом, опять были счастливы, избежав уничтожения. Они не дали себе труда даже хорошенько поглядеть на то белое, что усыпало землю поодаль от них; там было, конечно, очень скверно, а тут, у огня, так славно, и пока еще не было нужды выходить туда, — день еще не наступил. Тепло скоро опять сморило их; они стали зевать, потягиваться, и один за другим опять повалились на землю, свернулись каждый на своем належащем сухом месте, и вскоре опять весь круг спал.

После града выглянуло солнце. Под его лучами белые ледяные зерна быстро исчезали с поверхности земли, — таяли и испарялись. На короткое время солнечный свет залил затопленные леса, как будто солнце желало проверить работу разрушительных сил. Но вскоре над землею навис густой туман, и в утренней тишине по мокрому лесу пошел какой-то странный робкий скрип и трепетание.

Что-то такое совершалось, что-то втихомолку подкрадывалось, что-то новое, еще неведомое! И вся природа замерла в безмолвном ожидании; земля покорно отдавалась во власть неведомой беды. Холод овладевал миром.

Тут Младыш не выдержал. Гнев, копившийся в нем месяцами под этими немилосердными ливнями, вырвался наружу. Он чувствовал, что совершавшееся теперь в лесу было последним убийственным нападением; пора было остановить этого разбойника и

убийцу! Он, Младыш, отправится на поиски того, кто выгоняет людей из жилищ, топит животных и опустошает землю; Младыш заставит его показаться!

Юноша снял с топорница дрянной старый кремень и прицепил новый, только что точенный; затем он поправил костер и хорошо прикрыл огонь хворостом, чтобы хватило надолго; теперь все готово, — в путь! Он ласково взглянул на своих братьев, которые лежали вокруг костра, вздрагивая во сне и съжившись всем телом; даже пальцы на ногах у них скрючило от холода. Младыш чувствовал, как был привязан к ним; ведь именно их беспечность, забывчивость и легкомыслие заставляли его выступить на их защиту. Не должны они мерзнуть, не должны погибать! Младыш сделал перед своею грудью какой-то знак топором, как бы посвящая себя своей судьбе, затем, крадучись, отошел от скалы и пустился в путь.

В лесу холод так и жег тело. В тихом утреннем воздухе как будто разлит был невидимый яд. Младыш растерялся и пустился бежать; бежал долго, куда глаза глядят, по лесу, то перепрыгивая через опрокинутые деревья, то проползая под ними. Земля в лесу превратилась в какое-то жгуче-холодное месиво, обжигавшее ноги Младыша, когда он погружался в него, а поверхность была усеяна длинными, светлыми и острыми осколками-льдинками, которые заставляли Младыша дико подпрыгивать, как ужаленного. Долго мчался он, не помня себя, ничего не видя и не соображая, вытянув вперед руку с топором. Но бессознательно он забирал все выше по склону горы, чтобы достичь места, где было поменьше воды и где было удобнее оглядеться.

Наверху он пришел в себя, замедлил бег и стал спокойнее двигаться дальше, хотя все еще испуганный и задыхающийся, но уже оглядываясь по сторонам. Высоко, на одном из уступов нагорья, лес прерывался поляной. Как настоящий Лесовик, Младыш боялся открытых мест и заблаговременно стал пригибаться к земле, а к поляне подполз уж на четвереньках. Он как будто ожидал встретить там своего врага, таинственного духа холода.

Осторожно раздвинув обеими руками кусты на опушке леса, он принялся осматривать окрестность. На поляне не было и следов живого существа. Дерн, исполосованный и разрыхленный дождем, совсем окоченел; опрокинутые деревья по ту сторону поляны тонули в белом тумане. Стояла мертвая тишина. Куст, за которым скрывался Младыш, был какой-то косматый и рогатый, на всех высохших ветках висели прозрачные сосульки. Несколько сосулек упали Младышу на руки и пребольно жгли ему кожу, пока не растаяли и не потекли каплями. Он лизнул такую каплю и понял, что это пресная вода с привкусом того воздуха, из которого она явилась, что это застывший дождь, который, согревшись, опять превращался в воду. Опрокинутые деревья были белые, а верхуш-

ки их украшены такими же прозрачными сосульками, словно небывалыми цветами. Иногда по тихому лесу пробегала дрожь, и сосульки сыпались вниз с тихим звоном; эти тысячи мелких звенящих звуков сливались в общий тихий жалобный звук, как будто вся земля стонала в тяжком сне.

Широко раздувая ноздри, Младыш втягивал в себя морозный воздух, который до предела обострял его чутье, но не выдавал присутствия ни живых растений, ни зверей. Сейчас Младыш особенно сильно чувал самого себя, ощущал течение крови в своих жилах и свое дыхание. Певучая чистота и сладость воздуха оживляли его, и он принялся фыркать и встряхиваться с такой силой, что иней так и посыпался на него с куста. Младыш вызывающе огляделся вокруг; где же этот разрушитель, на борьбу с которым он вышел? Как бы добраться до него?.. Тсс!

Что-то громко закрикало над лесом. Младыш сразу присел. Через минуту он увидал, как пара уток с налету кинулась к озеру на поляне, неподалеку от куста, вернее к прудку, образовавшемуся за ночь от дождя; прудок так и блестел в тумане, окруженный каменистыми берегами. У поверхности пруда утки перестали шевелить крыльями и вытянули лапки, чтобы погрузить их в воду, но вышло что-то странное: птицы зашагали по блестящей поверхности, упираясь в нее растопыренными лапками, а когда теряли равновесие, то и хвостами. Невозможно было плыть по этому пруду! Пришлось им идти пешком, и они скользили, беспомощно падали на бок, опять подымались, останавливались на минуту с глупым видом и растерянно озирались вокруг маленькими, высоко посаженными глазками. Пруд замерз, покрылся блестящей корочкой льда! Младыш глубокомысленно потянул носом. Конечно! Он подошел к пруду и стал смотреть сквозь прозрачный лед на воду, которая неподвижно покоилась на ложе из камней и щебня. Затем он испробовал крепость льда своими босыми ногами; послышался сухой треск; лед еще не мог сдержать его тяжести. Младыш отправился дальше по покрытой инеем траве, которая обжигала ему ноги, и пересек поляну, чтобы подняться выше по склону горы. Повсюду, где не было дерна, виднелась голая земля, твердая, как гранит; но она как будто обрела голос, потрескивая под ногами Младыша. Это была первая зима.

Младыш стал карабкаться выше, выбираясь из полосы тумана туда, где грело солнце и где земля еще не замерзла. Там и лес кончался, переходя в кустарники и вереск, а еще выше, на диких скалах не росло уже ничего, кроме мхов. Наконец, Младыш достиг вершины и, греясь в лучах солнца, стал смотреть вниз на долину, над которой, словно белое море, разливался густой морозный туман. Солнце, поднимавшееся все выше, отрывало от этого тумана целые облака и гнало их по воздуху, пока они не исчезали. Вихри расшалились в голубом просторе, освещенном

солнцем, и прорывали в тумане целые колодцы, образуя просветы, сквозь которые Младышу было видно дно долины. Там валялись, как попало, словно груды щепок, вырванные с корнем деревья, и целые стада утонувших животных плавали как мухи на поверхности вздувшихся, застывших болот.

ИЗГНАННИК

Младышу еще не удалось найти своего заклятого врага. Очевидно, он недостаточно высоко забрался. Озираясь кругом, он понял, что достиг лишь такой высоты, откуда открывался вид на еще более высокие горы.

Далеко к северу вздымались горные хребты один выше другого, целое войско гор, сходящихся со всех сторон света, чтобы сообща поддержать небесный свод. А над ними громоздились новые ряды белых вершин, упирившихся прямо в небо, и трудно было решить, — облака это или же какой-то новый неведомый мир. Не оттуда ли и налетал северный ветер с морозом? Увы, тогда не скоро доберешься до могучего духа, посылающего холод в долины! Высоко живет он, и, пожалуй, человеку не одолеть его.

Младыш впал в сомнение и долго простоял в глубоком раздумье, забыв о времени. Полуденное солнце съело последние остатки тумана и показало долину на всем ее протяжении. От этого зрелища кружилась голова. Младыш обратил внимание на одну точку, видневшуюся высоко в голубом небе, какую-то черную пушинку, которая носилась по воздуху и опускалась большими кругами; это был коршун. Он быстро приближался и, очутившись на одном уровне с Младышем, прижал крылья к телу и камнем полетел вниз, все уменьшаясь и уменьшаясь, пока опять не превратился в маленькую пушинку уже в глубине сверкавшей на солнце мокрой долины. Тут, на высоте, дул слабый ветерок, но снизу не доносилось ни звука.

Следы разрушения, причиненного в долинах дождем, казались с высоты только ямками и бороздками на лесном покрове. Словно кто-то забавлялся, чертя по земле пальцем. Солнце смеялось над затопленной землей, блестящие облака появлялись и пропадали. Кто же такой был Младыш, чтобы о его существовании знал кто-нибудь из тех Могучих, обитающих над миром? И гнался ли кто-нибудь за ним и его племенем?

По небу ползли огромные облака, величиной с целые края земные, меняя дорогой свою форму, а там, глубоко внизу, по земле скользили их тени, изменяясь вместе с ними. Какое-нибудь белое облачко, занимавшее на небе местечко с ладонь, затемняло внизу всю долину. Земля то хмурилась, то смеялась, послушная ходу облаков по небесному своду.

Знают ли облака про людей? Они плавают над горами на головокружительной высоте, играют с солнцем, и люди для них слишком малы. Они сияют в величавом неведении, и знать не знают Младыша с его топором-мстителем, Великого Младыша, который выступил, чтобы потрясти вселенную!

Младышу стало стыдно улыбающегося неба: он червяком заполз под камень и долго не показывался.

Когда же, отрезвленный, он вылез из своего убежища, солнце уже спрятало от него свое лицо. Больше не видно было далеких горных вершин. Облака стали серыми и плыли очень низко, цепляясь за верхушки ближайших горных хребтов и скатываясь вниз по их склонам. Долина внизу тонула в густой мгле. Младыш стал спускаться вниз, и скоро эта темная масса, оказавшаяся проливным дождем, охватила его.

Уже совсем стемнело, когда Младыш снова достиг дна долины. Ему вдруг стало страшно при мысли о товарищах, и он так зашепел, что холодный дождь стал паром выходить из его мокрых лопаток. Завидев скалу, под которой утром он покинул своих, Младыш очень удивился, что дыма не видно, и остановился. Ужасная мысль пришла ему в голову, он тяжело перевел дух и огромными прыжками понесся к скале!.. Ушли! Костер погас!

Да, под выступом скалы было холодно и пусто; братья покинули место. Младыш с первого взгляда заметил, что костер стоял

нетронутым, каким он его оставил утром, но погас. Должно быть, они долго спали, и огонь потух. Топливо отсырело и не загорелось, как рассчитывал Младыш, а может быть, ветер переменился и направил дождь под выступ скалы. Как бы там ни было, костер погас. Бедняки проснулись утром — костер остыл, а хранителя огня нет! Тогда они снялись и отправились восвояси, надо полагать, в полном отчаянии. Огонь погас. И Младыш остался один-одинешенек! Они все ушли, а он остался один в диком затопленном лесу!

Он быстро нагнулся и отыскал их следы на рыхлой земле. Он узнавал каждый след и, тычась носом в землю, выл и плакал от горя и от страха, что они его покинули. Следы были отчетливо видны, и он бегом отправился в погоню за товарищами. Было уже совсем темно. Он вертел головой во все стороны, плакал и скалил зубы, не переставая лететь вперед, подгоняемый ужасом. Что, если он не догонит их? Что, если они погибли!

Он наткнулся на места, где они останавливались в недоумении, не зная как продолжать путь, и сбивались в кучу, прежде чем догадывались пойти в обход; он наткнулся и на несколько брошенных ими жалких плетеных с припасами, — это они сбавились от лишней ноши. Он невольно приостановился и всплакнул о горемыках и о случившейся беде. Но затем мрак и жуткое одиночество погнали его дальше. По свежим следам он видел, что они уже близко, и холодный пот, обливавший его тело, сменялся колющим жаром; он смеялся и плакал, продолжая свой бег.

Наконец, он догнал их. Они сделали привал в пещере, где и сидели, сбившись в кучу и жалобно воя в темноте. Еще издали он услышал их; крики о помощи перешли в монотонную жалобу, которую они неустанно повторяли хором, и выходила какая-то унылая песня, рассказывавшая о том, что огонь погас, а им еще далеко до дому. Младыш остановился и окликнул их, закричал изо всех сил, пропел им, что он здесь. Они замолчали. Он приблизился к ним, почти задыхаясь, почти падая от напряжения, икая от радости.

Но, когда он подошел поближе, они встали и встретили его общим яростным воем, потом гурьбой вышли из пещеры и обдали его потоком бранных слов и угроз. Он видел, как белки их глаз сверкали в темноте, видел камни в их мохнатых руках; они замахивались на него своими дубинами, словно на опасного дикого зверя!

Так, бывало, подымались они всей толпой против волка или тигра, который слишком близко подходил к их становищу, но тогда и сам Младыш бывал среди них, становился в первом ряду, завывая и грозя врагу; теперь толпа поднялась против него.

Стоял почти полный мрак, и холодный дождь так и хлестал

толпу, которая разъярялась все больше и больше, хлестал и его, одинокого, жалкого, удрученного.

— Да ведь это я! — крикнул он им надорванным голосом и придвинулся к ним еще ближе, чтобы они узнали его. О да, они узнали его, — и камни засвистели мимо его ушей, а один, самый большой, угодил ему прямо в грудь так, что удар отозвался в спине. Тогда он умолк и попятился назад. Ему не было ни особенно больно, ни обидно, — он был виновен в том, что огонь погас; но кто это швырнул в него такой большой камень? Он помедлил немного, раздумывая и все еще не веря тому, что они гонят его от себя. Но, видно, так. Они набрали еще камней и продолжали швырять в него. Он все-таки не отступал, хотя и трудно было в темноте обороняться от града камней. Наконец, вся толпа двинулась на него с исступленными криками. Один из самых высоких шел во главе и был запевалой в хоре проклятий предателю, убившему огонь. *Предателю!* Так назвал Младыша его лучший друг Гьюк.

«Как, — подумал Младыш, холодея всем телом, — что такое сказал Гьюк? Как мог Гьюк стать во главе толпы и одним из первых проклясть его? Неужели это Гьюк идет на него с искаженным лицом, злобно напружившимся телом и пеной у рта? Неужели это кроткий Гьюк подступает к нему все ближе и ближе, потрясая высоко поднятыми кулаками, впереди вопящей толпы?»

Младыш не отступил, но что-то сдавило ему грудь; он грозно заворчал, готовый выйти из себя. Но он все еще надеялся на примирение. Он хотел объясниться, пытался говорить, но они заглушали его голос своим воем. Тогда он подумал: а может они правы? Да нет же! Разве он предатель? Разве он не хотел как раз спасти их, спасти в более широком смысле, чем они понимали? Неужели и Гьюк не может понять этого?

Еще один камень попал в Младыша, и тогда он расвирепел; глаза его налились кровью, он затрясся, раскрыл рот и тихонько завыл. Потом он заметался взад и вперед, выделявая какие-то странные прыжки, высоко подбрасывая ноги и потрясая ими, как будто тело его потеряло свой вес. Он потерял и дар речи, как эта дико воющая толпа, которая прокляла его, не желая даже выслушать его оправданий. А Гьюк все наступал на него, изрыгая все более и более бессвязные, бессмысленные проклятия; Младыш шагнул к нему и своим кремневым топором рассек ему череп до самых зубов. После этого он глубоко перевел дух и увернулся от брызнувшей изо рта друга струи крови. Никто не ожидал такого поворота событий. Младыш сделал невозможное.

Гьюк умер на месте. И пока другие толпились у его трупa, объятые ужасом, Младыш повернулся и ушел в глубь затопленного леса.

На другой день он сидел у потухшего костра, который все оста-

вался нетронутым; холодный пепел еще сохранял форму сгоревшего топлива, но это был уже один прах. Все еще не теряя надежды, Младыш разгребал золу и всей грудью втягивал в себя воздух — не пахнет ли гарью, не тлеет ли где уголек или хоть единая искорка, способная разгореться, но сырая куча золы и обуглившихся обрубков не подавала никаких признаков жизни, и пепел рассыпался по земле. Огонь погас окончательно.

Младыш провел ночь на дереве, в полузабытьи, замерзший, но не сдавшийся. Неподалеку, в пещере сидели его товарищи, сбившись в кучу, и вопили всю ночь напролет. Все время они поминали в своих жалобах Гьюка, и каждый раз имя это больно отзывалось в душе Младыша, но вместе с тем ожесточало ее.

Всю ночь, как и накануне, лил дождь, а к утру опять выпал град и подморозило. Тут Младыш услышал, как его товарищи покинули пещеру и отправились по лесу к югу; жалобный вой их мало-помалу замер вдали. Они возвращались домой с горькими вестями, бесприютные, лишенные огня в эту зимнюю стужу.

Но все-таки они были на пути домой, и им предстояло пройти без крова только еще ночь-другую; а там они опять будут в своем становище вместе с женщинами и детьми; в укромной долине, где горят старый священный костер племени. Там их примут с радостью; обогреют, и скоро все их невзгоды будут забыты.

Не забудут только «огнегасителя» и «убийцу» — Младыша. О нем будут слагаться гневные песни и сказания, и мысль о том, что он брошен в одиночестве на жалкую гибель в лесных дебрях, будет служить прямой приправой ко всякой беседе.

Младыш покинул угасший костер под скалой и стал бесприютным скитальцем; несколько дней он блуждал по лесу, не зная, где он, бродил по холодным болотам, не чувствуя ни дня, ни ночи, не замечая ничего вокруг. Иногда

он отгрызал кусок мяса от трупа какого-нибудь утонувшего животного и съедал его, так что голода не чувствовал, но холод и одиночество одолевали его, пригибали к земле, словно непомерно тяжелая ноша.

Однажды он вдруг почувствовал себя лучше; ему стало теплее, — он бессознательно забрал к югу и очутился неподалеку от долины, где жили его братья.

После тяжелой внутренней борьбы, он стал нерешительно приближаться к становищу; он не мог устоять — так его тянуло туда. Шел он тихими, бесшумными шагами, неслышными даже ему самому. Вот он стал уже различать следы там и сям; значит, становище близко. Но что это виднеется на лужайке, откуда знакомая ему тропинка ведет прямо к шалашам? Он широко раскрыл глаза и увидел высокий шест, а на нем рассеченный череп Гьюка; рядом, на другом шесте болталась волчья туша. Он остановился — дальше ему хода не было. Здесь — граница между ними. Да, вот что они приготовили для него, если он вернется, обратит свои проклятые глаза к родичам!

Младыш постоял, вскрикнул и пошел назад, на север, в холодные вымершие леса, нагой и одинокий.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Шел снег. Младыш начал взбираться на священную гору.

Крупные мокрые хлопья снега таяли на мохнатой спине Младыша, но он не обращал на это внимания. Сперва он подумал, что это лоскутьями падает само небо, но скоро разобрался; это был просто дождь, только другого рода, более холодный и густой. Младыш намеревался взойти на вершину огненной горы, откуда много человеческих веков тому назад его предок принес огонь своим братьям. В руке у Младыша был топор. Он не помнил себя и ничего больше не боялся после тех ночей, что провел во мраке и одиночестве в обледеневшем лесу. Ему нужно было добыть себе огонь, добром или силой. Пар так и валил от Младыша, небо посыпало его снегом, но он без усталости и без оглядки подымался в гору.

Гора находилась далеко на севере, по ту сторону долин, в которых обитало племя Младыша, пока холод постепенно не вытеснил его оттуда. Но Младыш знал дорогу. В раннем детстве он привык каждый вечер смотреть в просветы шалаша на огненную пасть, выдыхавшую дым под самые небеса. Не раз слышал он и предание о том, как однажды дух огня протянул с горы вниз огромную огненную руку и уничтожил леса на много-много миль вокруг; это было ужасное время для всего племени, которому пришлось бежать и прятаться в болотах и ямах с водой, пока не сми-

лостивился *тот*, наверху. Но в последние печальные времена племя так далеко отступило к югу, что гора исчезла из виду, и Младыш не знал, в каком она теперь направлении. Издали он не мог видеть ее вершину, скрытую облаками.

Но стоило ему подняться немного вверх от подножья горы, как его охватили жуткие предчувствия. Гора, к которой прежде нельзя было приблизиться из-за каменного дождя и ярких молний, стала теперь удивительно спокойной. Уж не спит ли она? Она не пугала громовыми раскатами, не показывала огненных языков, не дышала пламенем из расселин. Она была совсем спокойна, не дрожала, не сбрасывала вниз раскаленных камней, была холодна и тиха. Не хитрость ли это? Не лукавое ли предательство? И Младыш без особой радости поднимался вверх; было бы лучше, если бы гора немножко обожгла ему подошвы!

Младыш давно уже миновал пояс лесов и всякой растительности и подымался вверх по крутой исковерканной каменистой поверхности. Она еще хранила следы огня, но была холодна и пропитана ледяной водой; отдельные огромные камни походили на мертвых чудовищ. Младыша мало-помалу стало охватывать тоскливое предчувствие беды.

Далеко за полдень Младыш достиг вершины. Последняя крутая часть пути была усыпана чем-то вроде черного шершавого пепла, пребольно коловшего ноги и смешанного с желтыми и синими вонючими комками; вся эта холодная масса сверху была покрыта мокрым снегом. Младыш достиг вершины, такой же угасшей и похолодевшей, как и вся гора, на которую он взобрался.

Да, огнедышащая гора потухла. Младыш стоял на самой верхушке ее, образовавшей кольцеобразное отверстие, и смотрел в разинутую пасть горы. Пасть была холодна и набита снегом. Вокруг расстились небо, пропасти и целый мир пустоты.

Никогда больше не увидит Младышу огня! Могучий дух, обитавший на горе, исчез. Мир погас. Младыш стоял на вершине омертвевшей земли, замерзший, с окровавленными ногами, одинокий и отчаявшийся.

За несколько дней до того, направляясь к северу, он проходил как раз через то ущелье, где шла старая звериная тропа; теперь она была почти совсем размыва дождем; все звери уже перекочевали на юг. Там Младыш и остановился, чтобы в последний раз оглянуться назад, в нелепой и суетной надежде увидеть хоть дым от костра своего племени. Тут физические муки и тоска одиночества переполнили его душу, привели его в такое отчаянье, что он озлобился на весь мир, на все и на всех. И, в приливе злобы и гордости, он заревел над долиной новую песнь, впервые раздавшуюся над затонувшей землей, песнь упорства, песнь отрицания. Он скалил зубы и пел вызывающе, несмотря на то, что стоял в

ущелье один-одинешенек, собираясь искать свое будущее в направлении, как раз противоположном тому, которое избрали все прочие живые твари. Эхо приносило обратно его песню — бессмысленные, надорванные звуки, — и это еще пуще раззадоривало его, толкало превзойти в безумии самого себя.

Насытив свое сердце одиночеством и отрицанием, Младыш повернулся лицом к северному ветру и вступил в царство зимы.

Да, тогда у него еще была надежда. Он еще не подозревал, что нет больше огня на священной горе предков. Тогда в его воображении еще существовала гора, источник огня, бессмертного духа, дающего тепло. У него еще оставался тогда этот последний путь — самому отправиться к великому духу огня и побороться за обладание искрой, необходимой для поддержания жизни; и эта надежда питала его сердце, что бы ни ждало его впереди — приключение, удача или гибель.

Теперь он стоял на угасшей горе. Самый источник огня иссяк. Великий дух умер. Младыш спел в последний раз. Огнепоклонник лишился огня, Лесовик лишился леса.

Начался его земной путь — путь одинокого, бесприютного, голого человека по холодной земле.

На краю пропасти сидела обезьяна и, когда Младыш повернулся, чтобы начать спуск вниз, она оскалила свои длинные, желтые зубы, словно обрадовалась. Это была старая человекоподобная

обезьяна, почему-то отставшая от своих во время переселения и увязавшаяся за Младышем в гору. Она сидела, поджав холодные ноги и сложив руки, вся дрожа от холода. Когда Младыш обратил на нее внимание, она ответила ему взглядом умных и похотливых глаз, а затем повернулась к нему своим радужным задом, пробежала несколько шагов вниз по крутому обрыву и опять уселась. Младыш нацелился ей в голову большим ледяным осколком, но промахнулся; его охватило жгучее желание съесть ее сердце.

При спуске с горы обезьяна следовала за Младышем на безопасном расстоянии, и он несколько раз швырял в нее камнями и кусками льда, но ни разу не попал. Обезьяна осталась его спутником.

Едва Младыш спустился вниз от кратера, как разразилась буря, слившая воедино небо и землю.

Младыш убил лося и заснул под его теплой тушей, предварительно напившись дымящейся крови. В течение нескольких часов туша отдавала жизненное тепло. Проснулся Младыш под тяжестью окоченевшего трупа, но в ту ночь он все-таки спас себе жизнь.

Когда взошло солнце, он уже успел пройти много миль к северу; священная гора осталась позади, сверкая вершиной, увенчанной снежной шапкой. На смену вечному огню пришел вечный снег.

В горах снегу все прибывало, а в долинах без перерыва лил дождь и хлестал град. Ледниковый период уверенно вступал в свои права.

К ЛЕДНИКУ

Дни и недели — Младыш не знал сколько именно — шел он к северу, все ближе и ближе к сердцу зимы. Много пришлось ему перенести; холод так донимал его, что он под конец еле волочил ноги в какой-то дремоте, не помня себя от утомления; но он продолжал идти вперед, навстречу холоду; он все еще хотел узнать, кто обитает на высочайших вершинах.

Он потерял ощущение времени, слился с вечностью и все шел, шел; сознание собственного бытия поддерживалось в нем только ежедневной борьбой за жизнь. Непрерывное скитание в течение все крепчавшей зимы познакомило его со снегом и льдом; он понял, что они такое; ничего таинственного в них не было. А северный ветер неумолимо гудел: *сам себе помогай!*

По ночам бывало смертельно холодно. Вода в расселинах скал замерзала до дна; покрытые инеем камни кусались и выхватывали целые клоки кожи. Младыш не выжил бы, если б необходимость

не заставляла его совершать невозможное и не учила помнить ее закон.

В одну морозную ночь он почувствовал, что не доживет до утра, если останется лежать голый, измученный, под обледенелым камнем; и вот, он встал и в каком-то полубреду направился к медвежьей берлоге, о близости которой говорил его чутью теплый запах. Очутившись в теплой яме, Младыш даже прослезился, — спертый воздух, насыщенный вонью хищного зверя, напомнил Младышу его мать и утраченное родное жилище в первобытном лесу, где перед шалашами стояла такая же вонь от гнившей на солнце падали. Он проглотил слезы и, грезя, что попал домой, повалился рядом с медведем, мгновенно охваченный сном. Но медведь пробудился и принялся обнюхивать пришельца, а потом захотел попробовать, каков он на вкус. Младыш, очнувшись, словно обезумел, и в пещере завязалась борьба. Не будь у Младыша кремневого топора, не уйти бы ему от гибели. Он убил медведя, напился его крови и, распоров ему брюхо, заполз в теплую утробу. В ней он проспал, пока туша не остыла, и, прежде чем уйти из пещеры, содрал с медведя его шубу. Следующую ночь Младыш провел уже под скалой, завернувшись в медвежью шкуру, которую и стал повсюду таскать с собой. С тех пор он проводил ночи довольно сносно, а вскоре догадался кутаться в теплый мех и днем. Он всунул ноги в шкуру, облекавшую задние лапы зверя; с этих пор ему нипочем было шагать по холодной каменной почве. Зато в борьбе с медведем Младыш лишился одного глаза.

Питался он чем попало, но кроме животных, ему ничего не попадалось; ни растений, ни плодов уже не было. На ходу он отбрасывал ногою камни, нагибался и подбирал прятавшихся под ними пеструшек и полевых мышей; такую добычу он совал в рот целиком, живую и теплою. Мышь с брюшком, набитым всякой пряной всячиной, и с косточками, налитыми сладким мозгом, была лакомым кусочком для странника. Кроме того, Младыш убивал и съедал всяких зверей, которых удавалось настигнуть и одолеть, начиная с зайцев и диких свиней и кончая большими лосями. Он орудовал своим каменным топором с такой силой и ловкостью, что против него не устоять было ни одному животному. Огромный тур валился, словно сраженный молнией, когда Младышу удавалось подобраться к нему поближе и хватить его своим кремневым топором прямо в лоб. Младыш усовершенствовал свое оружие: обтесал себе несколько кремневых ножей, чтобы разрезать дичь, а один нож привязал к палке, чтобы оружие стало длиннее и выучился *метать* его в дичь, к которой не мог подобраться достаточно близко. Звери, однако, попадались в горах не часто, и движимому голодом Младышу приходилось выслеживать и преследовать их целыми днями,

пока, наконец, убежавшая от него дичь не лежала, истекая дымящейся кровью, под его коленом. Ему нечем было согреться, кроме теплой крови убитых животных, а мясо их он съедал сырым, так как у него не было огня.

Он выносил эти тяжелые условия, потому что надо было жить. Он ежедневно упрямо боролся за жизнь, потому что иначе было нельзя; но изгнание и вынужденное скитание в одиночестве наложили свою печать на весь его облик; он рос и развивался в постоянной тоске по лучшей жизни, которая — он знал — где-то существует, — и это поддерживало его.

Во время своих неустанных скитаний, он забирался все дальше и дальше к северу. И вот он достиг скандинавских альп*, на вершинах которых снег уже давно слежался, обледенел, и начал сползать с отвесных обрывов в долины.

В первый раз Младыш увидел Ледник еще издалека. Ледник слепо таращился на него, светясь каким-то диковинным голубовато-зеленым блеском, который сливался с синевой неба, и таким остался в душе Младыша. Он, как всегда, завидев что-нибудь новое, совсем незнакомое, выгнул дугою спину и пошел прямо на Ледник. Но на пути лежали хребты и плоскогорья. Младыш шел, взбирался, карабкался, цеплялся за выступы руками и ногами, полз, присасывался словно клещ, опять вставал и шел дальше, как в забытии, приходя в себя уже где-нибудь на новом месте; и так шло время. Пришло и такое, когда Младыш совсем освоился с Ледником и шагал по нему, как по всякой другой, хорошо известной дороге.

Оказалось, что и там, на бесплодных ледяных камнях, возможно жить. Младыш бродил меж зеленых ледяных гребней и ущелий и прислушивался к тяжелым вздохам, которые раздавались под его ногами в гулких пещерах Ледника. Он не боялся теперь ни холода, ни льда: он закутался в две толстые медвежьи шкуры, одну из которых вывернул мехом внутрь. Ноги он, кроме того, обернул лоскутами шкуры лося, которые догадался привязать ремешками. Ночью ему отлично спалось в углубленьях между массивными скалистыми глыбами, разбросанными по поверхности льда. А когда мороз и бури стали уж слишком доносить его, опыт указал ему на самый снег, как на лучшее убежище: Младыш зарывался в него и преугодно устраивался в снежной яме, закутавшись в свои шкуры. А выпавшись и проголодавшись, он опять выползал на свет и вскачь, с развевающимися за плечами шкурами, мчался по снежным полям на охоту. Младыш перерос подвиг, который намеревался совершить когда-то. Сначала его влекло на север желание померяться силами

* Скандинавские альпы — Скандинавские горы, нагорье на Скандинавском полуострове длиной около 1700 км.

с холодом и отомстить ему за причиненное зло, но ежедневная борьба за существование понемногу вытеснила из его ума это первоначальное намерение. Он не нашел в горах иных властелинов, кроме снежной бури и Ледника, которые вынуждали его напрягать все силы только для того, чтобы поддержать свою жизнь. Вершины не таили ничего, кроме снега и льда. Но упорный задор, с которым Младыш выступил в путь, в неравной борьбе с природой перешел в несокрушимую волю и выносливость. Чем сильнее дул ледяющий ветер, тем упорнее Младыш ему сопротивлялся.

Лесовик умер в нем еще тогда, когда он стоял на потухшей горе; а последний уголок звериной души его умер, когда он, став лицом к лицу с зимой, расстался с представлением о каком-то насылающем ее враждебном существе. По мере того, как он день и ночь изощрялся в борьбе за свое существование, не стремясь преодолеть непреодолимое, — в его душе закладывалась основа первого язычества, веры в безличные силы природы. Необходимость пересоздать себя, согласно условиям, которыми он хотел управлять, закаляла его волю. Впрочем, он не отдавал себе отчета во всем этом, а просто жил, повинаясь инстинкту: пожирал все живое вокруг себя и развивал в себе энергию, которой хватило бы на целый народ. Северный ветер не переставал гудеть: *сам себе помогай!*

Младыш остался на севере. Одиноким жил он в холодных горах, промышляя себе пищу. Буря и метель стали его спутниками, широкие пространства — его домом. А зима становилась все холоднее. Ночи — все длиннее и темнее и почти проглатывали короткий день.

В ясные морозные ночи вспыхивали сполохи, будто взрывы бешеного веселья, и металась по небу, словно привиденья умершего вселенского огня. Младыш всматривался в эту игру призраков, но пользы в них не видел и, покачав головой, снова склонялся над оленьим следом на хрустящем снегу, — еды, еды на сегодня!

Младыш рыскал за дичью и жил в ямах и пещерах под утесами. А если по близости не оказывалось подходящего убежища, он пускал в ход свою медвежью силу, опрокидывал и сдвигал огромные камни, громоздил их один на другой, пока не получалась пещера, где он мог без опаски провести ночь. Такая выдумка значительно уменьшила его тревогу за свою жизнь и освободила его силы и способности для других задач.

Попадая в места богатые дичью, он стал прилагать уже особое старание к устройству дома или вернее каменного логова, в котором ему приходилось проводить несколько ночей подряд, а иногда немного отдохнуть и днем. В такие часы он садился у входа в свое убежище и грелся на бледном зимнем солнце, под звон

и прыганье кремневых осколков, погруженный в выделку новых орудий. И когда глаза его, отрываясь от работы, блуждали по горизонту, его невольно поражало, что солнце стало такое холодное, стояло на небе так низко. В пределах круга его зрения ничто не могло спрятаться от его глаз.

А поодаль от него, на расстоянии добрых трех шагов, сидела собака и, наострив уши, с любопытством поглядывала вокруг.

Младыш уже не был совсем одинок, да и раньше он, в сущности, всегда находился в обществе зверей. Но они по большей части сами избегали его. Вначале за ним увязалась старая обезьяна, но она недолго прожила после наступления больших морозов. Она попыталась было кормиться остатками мяса, которые бросал Младыш, но пища эта не очень-то была ей впрок, и она все тошала. Раз Младыш увидел, как она подобрала брошенную им медвежью шкуру и попробовала закутаться в нее; но шкура мешала бегать на четвереньках, и обезьяна бросила ее, потаскав за собой некоторое время. Однажды утром Младыш нашел свою спутницу замерзшей на крыше того каменного логова, где он ночевал. Он вырезал из тушки сердце, но оно не годилось в пищу: разорвалось и совсем высохло от долгих мытарств. Потом к Младышу пристала собака.

Началось с того, что дикие собаки стали ходить за ним по пятам в уверенности, что на их долю всегда придется большая часть всякого убитого им животного. Время от времени, когда не попадалось другой добычи, Младыш убивал и съедал какую-нибудь из этих собак. Но одну собаку из стаи он все щадил; к ней он как-то пригляделся и стал отличать ее от других. А она, следуя за ним всюду, постепенно и вовсе отделилась от своей стаи, и Младыш мало-помалу примирился с ее присутствием. И надо признать, она вела себя ненавязчиво, никогда не подходила раньше, чем Младыш наедался сам, и покорно убегала, стоило ему взглянуть на нее. Она была невелика ростом, с острой мордочкой и закрученным на спину хвостом. Младыш отучил ее от вытья, швыряя в нее камнями, и она только лаяла; совсем молчать, когда происходило что-нибудь особенное, было ей не под силу. Младыш и собака были одинаково бдительны; от их зоркого взгляда не ускользало ничто на огромном расстоянии вокруг, но чутье у собаки было все-таки тоньше. И она преусердно охотилась вместе с Младышем, которому иной раз приходилось целыми днями гоняться за оленем, пока не удавалось загнать его насмерть, и не раз собака оказывала при этом охотнику такие услуги, которые закрепляли их вооруженный мир.

Младыш даже привязался к собаке. Вначале, в самый разгар жестокой зимы, когда дни, ночи, недели тянулись как одно долгое напряженное мгновение, его просто успокаивало сознание, что собака остается при нем, не отходит от его логова всю ночь и, слу-

чись завтра неудача на охоте, она во всякое время обеспечит ему хорошую трапезу. И собака как будто понимала Младыша: была очень вежлива, но никогда не приближалась к нему настолько, чтобы можно было схватить ее рукой. Однако, пока длились такие несколько натянутые отношения, они успели многому научиться друг у друга. Им так славно сиделось вместе короткими зимними днями, когда у Младыша бывал достаточный запас пищи для них обоих, а каменное

логово было уже устроено, и солнце хоть чуточку пригревало их со своего далекого небесного пути.

В руках у Младыша звенел и дымился кремь; на досуге он всегда мастерил какое-нибудь новое оружие. Но, сидя и обтесывая кремь, он иногда вдруг начинал радно высматривать что-то в холодном воздухе и поводить над кремнем носом, — пахло гарью, огнем! Было внутри кремня, дробившегося под ударами, что-то пахнущее тлеющими под пеплом угольями. Младыш широко раздувал ноздри и втягивал в себя запах гари, напоминавший ему также запах опаленного дерна после грозы, или запах утреннего тумана в первобытном лесу, или тяжелого ночного пота растений, испарявшегося под солнцем. Младыш глубоко втягивал в себя воздух и вздыхал, вздыхал. Да, он тосковал по огню. И готов был без конца обтесывать кремни, хотя бы только для того, чтобы вдыхать в себя этот близкий и в то же время столь далекий запах огня, исходивший от осколков камня.

В промежутки, когда окружавшие Младыша опасности и заботы не так сильно донимали его, он принимался осматривать свою собственную особу и находил, что кожа его покрыта струпьями от грязи и насекомых и кусками запекшейся крови убитых им животных; тогда он соскабливал с себя некоторые струпья и съедал их; вот как произошла на свет чистоплотность.

Волосы, покрывавшие его тело, стали понемногу выпадать, —

он больше не нуждался в собственной шубе, так как постоянно носил звериные шкуры. Вообще, он был здоров и отлично процветал на открытом воздухе, который не давал ему лежать на боку и нежиться. Младыш окреп, сила его все росла; росло и умственное его развитие, что, впрочем, не мешало ему с чисто звериным аппетитом набрасываться на всех теплокровных животных, которые, как и он, предпочли остаться на севере и приспособиться к новому климату.

Тем временем зима кончилась. Младыш не сразу понял это. Ночи вдруг стали теплее, и солнце стало подниматься выше, — как раз, когда он, наученный опытом студенной зимы, готовился, стиснув зубы, к еще более жестоким морозам и еще более трудному житью-бытью. И вдруг мороз пошел на убыль!

И лишь теперь, когда стало чуточку светлее, и дни начали прибывать, Младыш понял, что он перенес за время этого ужасного долгого мрака. Пока царил тьма, он неистовствовал в первобытном зверином отчаянии, не помня себя, весь во власти одного стремления — выжить; теперь он начал отмякать и отводил душу какими-то странными звуками, которые судорожно вырывались у него из горла; это был смех. Плохо же ему пришлось! Но он скоро забыл об этом и как бы очнулся.

Настало лето, и Младыш решил, что холод исчез навсегда. Но зима пришла опять, да еще более лютая, чем прежде, и Младыш узнал такие ужасные мучения, каких еще не испытывал. Он едва выжил. Лето опять поставило его на ноги, и теперь он научился уму-разуму, понял и принял смену времен года и стал готовиться к зиме заблаговременно.

Каждая новая зима была продолжительнее и холоднее прежней, а лето все убывало, пока не превратилось просто в короткий дождливый отрезок вечной зимы. Ледник все рос и расширялся.

Горные вершины совсем скрылись под сплошным куполом снега, все прибывавшего и прибывавшего. Снег слеживался под давлением новых верхних слоев и превращался в мощный слой ледяного теста, которое сползало по склонам гор и понемногу заполняло долины. Короткое лето не могло особенно повредить Леднику; оно только крепче спаивало его; оттаявший от тепла снег на его поверхности замерзал при первых холодах снова, и Ледник, лишенный снежного покрова, так и сверкал сине-зеленой глубиной на всем своем протяжении, и на горных вершинах, и далеко в долинах. Отблеск этой зеленой бездонности наполнил с течением времени весь горизонт Младыша, все увеличиваясь по мере того, как Ледник незаметно расползался с горных вершин по всему краю.

Ледник вытеснял самую землю, дробил ее в порошок и сминал чудовищной тяжестью движущегося льда. Темною ночью Младыш слышал подземный грохот и скрежет льда, который разворачивал

и срывал скалистую почву в своем непрерывном медленном движении вниз, увлекаемый собственной непомерной тяжестью. И Младыш в ответ на это скрежетал зубами.

В тихие морозные дни холод впивался острыми зубами во все поры тела, дыхание вылетало у Младыша из носа какими-то белыми стужками, а кровь так и колола под кожей, словно звездный дождь. В такие дни он удивлялся, что все еще жив, и радовался этому.

ЗВЕРОЛОВ

Младыш вполне возмужал и, закаленный несколькими зимами, мог вести своего рода обеспеченную и размеренную жизнь, хотя все еще оставался кочевником. С тех пор как он уразумел смену времен года и научился готовиться к зиме, неосмысленная борьба с холодом сменилась более рассчитанным образом действий.

Он вялил мясо в благоприятное время года и припрятывал его про запас на время холодов. Дичи водилось кругом достаточно и зимою, но Младыш считал за лучшее устраивать себе прочное и вместительное жилье из камней, в котором можно было бы проводить всю холодную пору, а это привело к тому, что он стал делать себе на зиму и запасы пищи. Итак, вполне оседлой жизни он еще не вел, но каждую весну выбирал себе новое место охоты и там оставался на всю следующую зиму.

Свое жилье он устраивал теперь с немалым старанием и по определенному плану. Если ему попадалась естественная пещера, он завладевал ею, предварительно убив медведя, обыкновенно первого ее хозяина, или же строил себе жилье сам, громоздя большие камни один на другой и затыкая все отверстия камнями помельче. Это невысокое каменное жилье он стал углублять, выкапывая под ним в земле яму, которую устилал мохом и звериными шкурами. Тут он и спасался от холода в длинные темные ночи.

Охотиться он продолжал и зимою, но никогда не отходил от дома настолько, чтобы не успеть вернуться домой на ночь.

Хотя у него не было ни огня, ни света, он все-таки кое-что мастерил в своем жилье; если ему не хотелось спать, и запасов вяленого мяса было достаточно, он возился с кожами, содранными с убитых животных. Терпеливо жевал он их вершок за вершком, добываясь, чтобы они из грубых, жестких и ломких стали мягкими и хорошо бы растягивались. Такому приему его научила горькая нужда, *необходимость*, как и всему остальному, что он знал; во время голодовок ему часто приходилось довольствоваться обглаживанием остатков мяса с кож, и он заметил, что кожи, по-

бывав у него в зубах, становились прочнее и приятнее на ощупь. Те же голодовки надоумили Младыша заготавливать впрок мясо, провяливая его.

Если же он не был занят жеваньем шкур, то сидел впотьмах и ощупью, как слепой, протыкал острой костью дырки в шкурах, а потом связывал шкуры длинными ремешками, вырезанными из оленьей кожи. Он наловчился кутаться в шкуры особым образом, извлекая из них возможно больше тепла; но это стоило ему долгого и головоломного труда. Из кишок убитых животных он свивал веревки, которые служили ему для разных надобностей. Всем этим можно было отлично заниматься и в потейках.

А зимы становились все длиннее. Ледник забрался уже далеко внутрь страны. Нельзя было заметить, как он двигался, но с каждым годом его владения расширялись. Нижний край его уже достиг низменной равнины; там зеленый потрескавшийся лед столкнулся с остатками мертвого леса, и где прежде росли бамбуки и мимозы, лег теперь ледяной щит высотой с целую гору; в тропических болотах, где прежде росли лотосы, теперь вздымались тусклые арки краев Ледника, из-под которых струились холодные потоки беловатой, мутной воды. Ледник непрерывно выделял влагу и опять замораживал ее своим холодом; он все рос и расползался, поглощая одну местность за другой.

Младыш хорошо изучил Ледник и знал, что тот все время движется. Он соображал, прикидывал в уме и довольно ясно предвидел то время, когда здесь круглый год будет стоять зима, — Ледник захватит всю страну. И он инстинктивно собирался с силами, чтобы встретить то время во всеоружии опыта и знания. Каждая протекавшая зима была для него суровой школой, которая учила его быть готовым ко всему. И он мало что предпринимал в течение дня, в чем не скрывалась бы забота о будущем, хотя и не всегда сознавал это. Ледник грозил ему и заставлял быть наготове.

Но в первые годы его одиночества лето бывало еще довольно жаркое, хотя и очень дождливое. Это были настоящие потопаы; теплый дождь лил недели напролет и превращал весь край в туманные болота. Тогда Ледник, омытый и прозрачный, сохранял свое бездонно-зеленое сияние и в глубинах и на вершинах, с которых полз широчайшими извивами, усеянными трещинами и обломками скал, вниз, в окутанную сеткой дождя и тумана страну.

Эти летние потопаы превращали Младыша в водяного жителя; он научился переправляться по воде на древесных стволах, действуя длинным суком, как багром; вздувшиеся реки и озера уже не могли больше становиться преградой на его пути. Если вода оказывалась чересчур глубока, он бороздил ее широким концом сука и все-таки пробирался вперед. Собака следовала за ним, то сидя на противоположном конце ствола, то плывя рядом. До чего

они оба промокали! С них всегда так и текло, кожа до самых глаз пропитывалась водой и холодила, но они терпеливо переносили все это.

Во время короткого лета Младыш опять поддавался беспечности, свойственной Лесовику, бросал свои шкуры и бродил без конца, не имея при себе ничего, кроме своего каменного оружия. Он всеми порами своего тела впитывал в себя тепло, целыми днями лежал и грелся на солнце, если только оно пробивалось сквозь облака. Но зимний закал уже сидел у него в крови и ждал холода; у Младыша развилась память, и он никогда не уходил так далеко, чтобы потерять из виду зеленоватый блеск Ледника под небесами.

Лето Младыш проводил в непрерывных скитаниях, переходя с места на место в погоне за добычей. Он устраивал себе шалаши там, где его заставляла ночь, а утром шел дальше. Однажды, во время своих охотничьих походов, он спустился в южную долину, откуда был родом, и нашел лес почти сгнившим и частью превратившимся в кочковатое мшистое болото. Отдельные стволы больших деревьев уже едва можно было различить; они образовали почти непроходимую чащу валежника, заросшую кустарником и сорными травами.

Первобытному лесу уже не суждено было собраться с силами. Каждый год некоторые из опрокинутых деревьев пытались пустить побеги, и над погребенными в болоте пальмами зеленели мо-

лодые стебли; но им не суждено было становиться деревьями, — с наступлением зимы они погибали. Ни одно из растений первобытного леса не возродилось в своей первоначальной пышности; они влачили существование в виде мелких, уродливых побегов; некоторые из них, впрочем, оказались довольно стойкими и впоследствии опять создали лес, хотя и меньших размеров.

Зато были и такие растения, которые в первобытном лесу не имели никакого значения, а теперь воспрянули и общими силами принялись воссоздавать лес; это были хвойные растения, которым холод был нипочем. Ель и сосна быстро разрастались и заполняли пустоши первобытного леса. Можжевельник, в былые времена напоминавший гигантские кипарисы, перезимовав в виде мелких, медленно растущих побегов, сохранил куполообразные и пирамидальные очертания своих предков, но значительно уменьшил свои размеры. Некоторые лиственные породы, наоборот, из кустов и трав превратились в большие деревья и приобрели способность сбрасывать свою листву на зиму и обновлять ее весной. К таким принадлежали береза и дуб, которые в первобытном лесу были лишь кустарниками, осина, ива и многие другие. Теперь они вошли в силу, давали побеги и в течение лета, когда и ночи стояли светлые, тянулись кверху своей недолговечной лиственной шапкой.

Все приспособилось теперь к новому порядку, к смене времен года, — видно иначе было нельзя. Многие из перекочевавших на юг животных возвращались летом на север, и стали поступать так из года в год, уходя зимой все дальше к югу, по мере того, как разрастался Ледник.

Почти все птицы устремлялись на север, когда солнце начинало греть своими лучами наводненную местность, очертания которой были им хорошо знакомы. Птицам не мешал этот избыток воды, — лишь бы солнце выманило из земли траву, тростник да

достаточное количество жирных червей. Были, правда, и такие птицы, которые навсегда остались на юге, как, например, фламинго, пеликаны и другие прихотливые пернатые, довольно странной наружности, но с чрезвычайно нежными плавательными перепонками на лапках. Зато всех остальных: гусей, уток, лебедей, пигалиц, жаворонков и куликов — Младыш ежегодно приветствовал, когда они целыми тучами прилетали с юга и, шумя крыльями, с радостными криками спускались в обширные озера, из которых повсюду торчали голые ветки и корни старого леса.

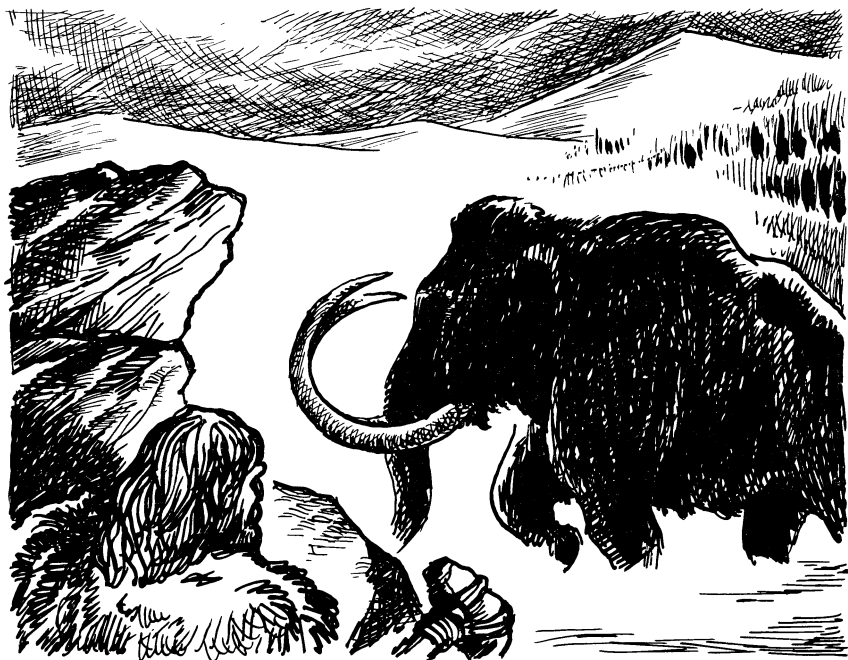
Там квакали жабы, излюбленная пища аиста, извивались черви и плавала по освещенной солнцем воде всякая вкусная мелюзга, радуя уток обилием; большие щуки с быстротой молнии бороздили светлую гладь воды, спасаясь от преследования выдры, а между скучившимися древесными стволами строили свои города большие семейства бобров.

То-то шла кормежка, и высиживание яиц, и рождение детенышей! Младыш утопал в изобилии, — столько было яиц и дичи, — и целыми неделями валялся без дела на островках, где в дуплах погибших деревьев гнездились пчелы.

Из сухопутных зверей многие тоже пытались в теплую пору возвращаться на север. Сидя на какой-нибудь возвышенности и высматривая добычу, Младыш иногда различал на южном крае горизонта, залитого ослепительным сиянием, давно знакомые очертания мощной фигуры льва в виде тени на облаках; на земле же зверь казался на таком расстоянии лишь едва заметным пятнышком. Иногда Младышу случалось уловить и изящные очертания зябкой антилопы, которая пробежала, пожалуй, миль сто от своего нового пастбища, только бы разок взглянуть на покинутую северную родину. Это были отдельные бродяги или изгнанники, вроде Младыша; они всегда поворачивали обратно, заведя с высоты опустошенные леса. Судьба вела их все южнее и южнее, и им предстояло стать совсем чужими в этих краях.

Некоторые сухопутные животные гостили на севере летом и уходили обратно с наступлением холодов; но таких становилось все меньше и меньше; они не могли, как птицы, переноситься по воздуху и привыкнуть к ежегодному кочеванию. Бродячий образ жизни приняли лишь дикие лошади и некоторые другие быстроногие; Ледник быстро проложил границу между теми, кто остался на севере, и теми, кто имел возможность кочевать. Первые два лета и бегемот пытался возвращаться на север, шлепая по болотам, но так искололся о валежник и ветви, торчавшие со дна, что на третий год уже не показывался и навеки повернулся к родине спиной, — а спина у него была широкая!

В самое первое лето нагрязнула еще целая ватага бесхвостых обезьян, которые жили на земле, как люди; но, разумеется, они забыли о зиме и занялись высокопарными словопрениями да вы-

живаньем других животных из узкой долины, где было достаточно орехов и ягод, чтобы прокутить все лето.

Спустившись следующей весной в ту долину, Младыш нашел скелеты всей ватаги на одной горке, куда обезьяны забрели, спасаясь от холода. Буря застигла их врасплох, и видно было по их скелетам, как они сбились в кучу, обнялись, да так и заморзлись.

Обезьяны постоянно надоедали Младышу, подстерегая и передразнивая его, так что теперь он доставил себе удовольствие сложить и пропеть всей компании прощальную песнь. С тех пор он больше не видал обезьян. И те, которые держались южнее, должно быть, тоже повымерли, даром что всегда и во всем считали себя правыми и лицемерно кичились тем, что всегда верны себе.

Рациональнее всех повел себя мамонт, которого Младыш часто встречал в первые годы, тянувшиеся для него как вечность и перерождавшие его в человека. Первое время он и мамонт отлично уживались на Леднике. Младыш еще не решался охотиться на этого исполина, так как недостаточно возмужал; кроме того, пища у них была разная, — вот они и не мешали, не завидовали друг другу.

Мамонт потерял свое сходство со слоном, обзаведясь длинношерстой шубой в защиту от холода, и напоминал небольшой движущийся, обросший мохом утес, когда грузно топтался между гранитными глыбами и отряхивал иней с лиственницы, прежде

чем хоботом сгрести себе в рот зеленые иглы. Зимой же Младыш привык встречать его в занесенных снегом хвойных зарослях, где могучее животное выбирало себе местечко за какой-нибудь скалой, и стояло, скрываясь от ветра, мирно свернув хобот и предоставив снегу кружиться между огромными бивнями. Так мамонт простаивал подолгу, грузно покачиваясь под завывание снежной бури, обрастая длинной шерстью между могучими ногами и с бесконечным терпением посматривая из-под опущенных снегом мохнатых бровей своими маленькими умными, испытующими глазами, — словно олицетворяя собою одиночество.

Тихими морозными ночами Младыш, просыпаясь в своем каменном жилище, слышал глухое покашливание мамонта, будившее эхо, которое прокатившись по ледяным ущельям, замирало в звенящем просторе вечной тишины. Это старик брел по Леднику при свете северного сияния, осторожно переступая гигантскими ногами между ледяными глыбами и ущельями. Он проходил большие расстояния в поисках скалистых островков и вершин, часто почти отвесных, где росли карликовые сосны, дававшие ему пищу.

А летом мамонт с ленивым сопеньем лакомился зеленью молодых березок и проделывал разные фокусы с едой: подбрасывал ее себе на спину или вертел своим гибким хоботом, прежде чем удаивал ее отправки в рот. Линяя летом, он оставлял клочья шерсти на терновнике и в чаще других кустарников.

В светлые ночи, когда стволы берез казались издали чьими-то белыми или пестрыми руками, мамонта можно было видеть где-нибудь на дальних высотах, где небо светилось золотым блеском и в полночь: он стоял там, опустив голову, хлопая ушами, чтобы отгонять комаров, и слышалось издали мерное жеванье его неповоротливых челюстей — словно глухой скрежет камней под Ледником.

Но по мере того, как лето с годами становилось все короче, мамонт все реже спускался с гор; весной он даже стал уходить еще дальше к северу, облюбовав раз и навсегда холодные области. Младыш знал, что мамонт умен, а потому не преминул принять его поведение к сведению.

Младыш задумывался не на шутку. Пора первой юности миновала и оставила по себе только смутное ощущение, что прошли бесконечно долгие годы; Младышу казалось, что он провел в одиночестве уже целую вечность. Теперь он ни в чем не терпел недостатка, вполне был хозяином своего бытия и находил все новые и новые средства к облегчению своего существования. Он не боялся никого ни на небе, ни на земле, заставляя покоряться зверей с помощью топора и копья; что же касается слепых сил в обличье снежной бури, холода и мрака, то им он сопротивлялся пассивно — они входили в тяжелый обиход его жизни; неизбежность и упорство поневоле сливались в одно целое и обуславливали развитие. Младыш победил природу и самого себя.

Но теперь он стал тяготиться своим одиночеством. Для чего он стал таким могучим? Разве сила и упорство нужны ему только для того, чтобы выжить? Впрочем, он никогда не скучал: или добывал себе пищу на сегодняшний день или делал запасы на будущее, работая даже впотьмах. Если еще оставалось время, он взбирался на крышу своего каменного жилища и просиживал там дни и ночи, примечая ход небесных светил. Мало-помалу он начал распознавать, как движутся солнце и звезды, как они исчезают, как появляются опять, и через сколько времени.

Его испытующий взор беспрестанно переходил с земли на небо, блуждал там и сям; в руки ему попадались все новые предметы, и стоило ему один единственный раз увидеть что-нибудь или к чему-нибудь прикоснуться, чтобы предмет этот навсегда врезался в его память. Он был всегда готов к восприятию новых впечатлений и всегда чем-нибудь занят. При каждом новом открытии кровь бросалась ему в голову, он суетился, как суетится животное, в слепом повиновении инстинкту строящее себе гнездо; голова его горела от роящихся мыслей, и все спорилось у него в руках. Но ему не было весело.

Однажды летом он решил пойти на юг по следам своего племени. Следы вели от одного покинутого становища к другому, тоже покинутому, и он шел по этим следам неделю за неделей. То место, где жило племя, когда Младыш покинул его, было давно брошено, а окружавший его лес погиб. Младышу пришлось перейти через горы и спуститься в совершенно неизвестные ему места, где он чувствовал себя неуютно; наконец, он завидел между деревьями дым и признал становище своих соплеменников. Но даже тут, далеко к югу, отнюдь не было особенно тепло; как же они существовали? Он с тоской смотрел на дым, но тот же дым вызывал в его памяти картину того, как родичи его сидели вокруг костра или валялись по своим шалашам, целыми днями ссорясь и перебраниваясь, не доходя, однако, до драки. Приблизься он к ним в тот раз, когда увидал позорный столб, воздвигнутый ему в назидание, он бы услышал их неумолчную сварливую перебранку; да и теперь, вздумай он подойти поближе, ему не довелось бы услышать ничего другого; и разве добыл он огонь за время своих долгих скитаний? А он сам сознавал, что это было необходимое условие для его возвращения к родному племени. Поэтому он не пошел дальше. Но то лето он провел на пустынном нагорье к северу от лесов, где, кроме его собственного племени, обитали и другие дикие племена, держась на больших расстояниях друг от друга и постоянно враждуя между собою.

Со своих сторожевых высот Младыш часто видел дым от костров других племен, обитавших на юге. Но ему ни разу не пришлось в голову завязать с ними какие-либо отношения или хотя бы

добыть у них огня. Контакт с этими чужаками мог иметь лишь *одну* определенную цель.

В то лето Младыш не раз достигал этой цели, когда случай сталкивал его с людьми, отважившимися забрести чересчур далеко к северу. Такие случаи давали ему возможность утолить свою тоску по людям. Иногда дело кончалось полным удовлетворением, но иногда и разочарованием, смотря по тому — было ли это молодое существо с вкусной кровью или какой-нибудь старый, жилистый первобытный человек, которого и зубы не брали. У Младыша надолго сохранилась в памяти одна такая не совсем приятная для его пищеварения встреча; попался старый высохший Лесовик, которого он застиг врасплох у ручья во время ловли раков; Младыш накинулся на него и сразу принялся пожирать, даже не поглядев на него хорошенько. Уф! Он надолго набил себе оскомину, и у него чуть было навсегда не пропала охота питаться плотью и кровью себе подобных. Вообще, его влечение к людям порядком улеглось после того, как он перепробовал их с десятков. Да под конец люди и вовсе перестали заходить к северу от своих лесов; не выходили ни толпами, ни в одиночку: прошли слухи о появлении на пустынных высотах злого тролля, полумедведя, получеловека, который разрывал на части и пожирал всех, кто приближался к его владениям. И Младыш снова повернул на север, к своему холодному царству.

Но, посидев несколько недель на одном зверином мясе, он опять стал бредить молоденьким, сочным, густокровным собратом. Отведать бы этого лакомства еще хоть разочек! Эта мечта не давала ему опять замкнуться в своем одиночестве; он продвигался вперед вяло, часто отклоняясь от своего пути в поисках человека.

Во время одной из таких разведок, предпринятой в надежде, которую он, уверенный в разочаровании, пытался скрывать даже от себя самого, он и напал на чудо.

Это был человек; наконец-то опять существо с поднятыми от земли передними лапами! Младыш увидел свою добычу во всю прыть бежавшей по равнине к одной из пещер; когда же он перерезал ей путь, она опрометью бросилась бежать по долине, перескочила через ручей и скрылась за холмом. Младыш пустился за нею, и охота началась. Продолжалась она ровно трое суток и окончилась далеко-далеко, в местности, совершенно незнакомой Младышу, что немало содействовало тому, что охота эта стала великим в жизни Младыша событием. Дичь, бежавшая от него быстрее и неутомимее любого оленя, завела его туда, где земля кончалась и начиналась вода, — огромное озеро, уходившее в необозримую даль. Это было море. Когда человек ударился в бегство, Младыша сразу поразило, что тот не искал спасения ни в лесу ни в горах, а кинулся напрямик через болота и степи, простиравшиеся к западу. Разве там тоже жили люди, или у этого человека вовсе не было родного племени, где бы он мог найти убежище?

Еще больше удивило Младыша то, что человек, по-видимому, был чем-то прикрыт, но не шкурами, как он сам, а чем-то другим, что развевалось за ним на бегу. Будь это нечто вроде одежды, — оно было бы весьма кстати, так как время года стояло уже позднее: град и пронизывающие ветры давно давали себя знать. Но Младыш не знал, кроме себя, ни одного человека, который умел бы прикрывать тело от холода. Кроме того, бегущий как будто и не собирался защищаться или прибегать к хитрости, а просто бежал и бежал, видя в бегстве единственное средство спасения, — как то бывало с дичью. И для Младыша, таким образом, дело сводилось к тому, чтобы или догнать или загнать эту дичь.

Младышу, однако, приходилось напрягать все силы, чтобы не потерять след, и за первые часы гонки расстояние между дичью и преследователем увеличилось. Вскоре, однако, Младыш начал сокращать расстояние, понемногу, но достаточно для того, чтобы стоило продолжать охоту. Ночью Младыш отдохнул несколько часов, поел и поспал, а на следующий день должен был до полудня бежать по следам, пока снова не увидел свою дичь.

Следующей ночью преследуемый человек попытался пустить в ход жалкие уловки: перешел через воду, вернулся назад и спрятался в каменистом поле; но Младыш снова выследил его, поднял и погнал, преследуя по пятам. Они успели пробежать уже много миль и очутились теперь в совершенно незнакомой Младышу местности.

Целые табуны диких лошадей срывались с места, описывали вскачь круги, останавливались и смотрели на Младыша, который, проносясь мимо них, скрежетал зубами далеко не с кротким видом. Гонка эта мало отличалась от ежедневной его охоты, — разве только тем, что дичь на этот раз была благороднее и желаннее обыкновенной. Последний день беглец подвигался вперед уже медленно, видимо, ослабевая. Теперь они выбежали к воде и повернули вдоль берега, усыпанного мелким песком, круглыми камешками и разными диковинными штучками. Младыш с любопытством приглядывался ко всему, что видел на берегу, и принюхивался к бившему в нос острому запаху, но ни разу не остановился. С этим можно было подождать, — догонять оставалось каких-нибудь несколько минут. Человек впереди еще бежал, но силы покидали его, и по его спине видно было, как ему тяжело. Наконец, он покатился на песок, приподнялся и попытался двинуться дальше, но уже на четвереньках; охота была закончена.

Младыш длинными прыжками приближался к своей добыче, не держа наготове топора; тут достаточно было и зубов; он уже облизывался заранее, предвкушая утоление голода, а главное, жажды.

Тут он увидел, что это была женщина. В ожидании своей участи она лежала на коленях, уткнувшись лицом в песок. Она не

издала ни звука, когда Младыш дотронулся до нее; он перевернул ее, и взгляды их встретились. Всякая мысль об убийстве исчезла у него. Разумеется, ее надо оставить в живых.

Но он все-таки оскалил зубы в последней вспышке мстительного чувства за все то страстное напряжение и труд, которых стоила ему эта охота.

Как только женщина почувствовала, что останется в живых, выражение ужаса в ее глазах сразу пропало, а затем она тоже оскалила зубы, будто хотела укусить; но ни один из них не укусил другого. Это была первая улыбка.

С тех пор они стали скитаться вместе. Их было только двое на Леднике, — единственная человеческая пара на севере.

Солнце прорвало тучи и увидело, что других нет... Так возникла моногамия.

МОРЕ

Тут уместно рассказать, как Младыш много-много лет спустя, прожив со своей женой целый человеческий век внутри страны, был охвачен неизлечимым недугом — страстной тоской по морю.

Начало ей было положено той трапезой из свежих ракушек, которой он и женщина утолили свой голод на берегу моря, когда он догнал ее, и они вызвали на свирепых лицах друг друга первые улыбки. Воспоминание об этом угощении, когда Младыш впервые отведал соленой пищи, стало для него единственным, чему он всегда радовался, словно вспоминая что-то очень важное.

С вкусовым воспоминанием сплеталось еще удивительно ясное и приятное воспоминание о часах, проведенных тогда с Маа (имя это дали ей впоследствии ее дети) во время их отдыха на песчаном берегу. Младыш исследовал круглые камешки и другие незнакомые предметы; кое-что оказалось съедобным, хотя и не все было одинаково вкусно. Потом он глубоко вдыхал в себя запах моря, воды которого были чернее всех вод, какие он видел внутри страны, и не имели берегов по другую сторону — насколько хватал глаз. И на вкус эта вода была другая, странная, но довольно приятная, если не пить ее слишком много. Белые птицы с резкими криками летали над волнами, которые, по-видимому, катились куда-то далеко-далеко.

Не дал ли тогда Младыш обещание самому себе вернуться на этот берег опять, а потом забыл его? Не оно ли взывало к нему? И почему тот день был так прекрасен, так невыразимо приятен сам по себе, что воспоминание о нем стало скрытым источником всего, что с тех пор Младыш делал по доброте? Вспоминая, спустя много лет, о том дне, он покачивал головой, и Маа во время скитаний, подымая глаза от своей ноши, нередко замечала, как по

суровым чертам мужа пробежал какой-то слабый, светлый луч, что-то вроде улыбки, скользнувшей по его лицу в тот день на берегу моря. Маа догадывалась, что муж о чем-то тоскует, причем вряд ли о ней, и смиренно поправляла на спине свою поклажу, всегда увенчанную грудным младенцем. Для нее во всем мире не было ничего, перед чем бы она преклонялась более, чем перед священной тоской мужа, и она выражала свое участие немой, беззаветной преданностью и готовностью следовать за ним до самой смерти.

Да, Младыш тосковал по морю. Годы отделяли его от краткого мига, проведенного на берегу; его жизнь стала сплошной зимой, — но тот миг так и остался незабвенным, единственным. Неведомое закралось в его сердце, когда он сидел на белом песке и смотрел на волны, катившиеся в неведомую даль, куда не мог достать его взор. Было что-то чудесное в том мгновении, которое вошло в его кровь и определило участь его самого и его рода.

Он не знал и не мог знать, что тоска по морю была нераздельна со светлым чувством, забрезжившим в его сердце, когда он впервые взглянул в глаза бедной загнанной Маа.

ПРИВЫЧКА МАА

А теперь перейдем к будням. Начиналась зима, и Младыш с Маа добровольно пошли ей навстречу, пробираясь на север к краю Ледника; там Младыш обжился и чувствовал себя, как дома; там они и зажили, перенося всякие лишения и превратности судьбы, сначала кочуя с места на место, потом оседло, и с годами образовали семью.

Холод не был новостью для Маа; она выучилась переносить всякое время года. Мало-помалу Младыш стал присматриваться к тем маленьким полезным приемам, которые она пускала в ход для самозащиты. Они были очень просты, появлялись как-то сами собою, и все-таки никто из привыкших к жизни в лесах не додумался бы до них. И Маа не думала, а попросту вводила их в обиход. Одежду, которая была на ней при встрече с Младышем, она тоже изобрела сама, и Младышу полезно было узнать, что двое людей, даже не подозревая о существовании друг друга, могли напасть на одну и ту же мысль. Это и послужило первой причиной того, что он решил нарушить цельность своего «я» и с благодарностью разделил с Маа свое одиночество; они образовали первый маленький союз на земле. В первобытных лесах мужчина и женщина сближались как волки, и ни одна женщина там не становилась матерью без метки на загривке, оставленной зубами мужчины; Младыш с Маа были первой человеческой четой, которая соединялась, глядя в глаза друг другу.

Одежда Маа отличалась от одежды Младыша материалом. Это были не шкуры, а что-то наподобие войлока из шерсти мамонта. Она собирала эту шерсть с терновых кустов и свивала из нее грубые нити, а их переплетала между собой и валяла эту плетенку, очень толстую и теплую. На ногах она носила лапти, а в руках постоянно таскала искусно сплетенную из тростника корзинку, куда совала всякие мелочи и всякие диковины, которые подбирала повсюду, подобно некоторым птицам. Так, она прятала туда разные зерна, зубы зверей и камешки, приглянувшиеся ей своим цветом или округленной формой, перышки, увядшие цветы, болотный пух, всевозможные блестящие предметы и все, что отличалось мягкостью, а кроме того, конечно, и съестное, иногда весьма странного рода. Когда корзинка чересчур переполнялась, Маа устраивала склады для своих сокровищ под камнями и в ямах; она никогда ничего не выбрасывала, но легко забывала, куда и что спрятала.

Младыш так никогда и не узнал толком, каким образом Маа попала на то пустынное нагорье и как умудрилась переносить холод; она была очень молчалива. Не то, чтобы она таилась или не хотела сказать, просто для нее не существовало никакого связанного прошлого. Она была сама жизнь, но жизнь лишь в настоящем; прошлое проносилось в ее памяти смутными тенями пережитого, но не существовало само по себе. Она очень выразительно встря-

хивала своей гривой, когда Младыш спрашивал ее, как она ушла от своего племени, и охотно пыталась рассказать длинную историю, в которую, судя по ее мимике, верила и сама. Но все сводилось к необычайно выразительной игре глаз, а с губ слетало всего несколько слов, а точнее, певучих звуков; она же, наверное, воображала, что исчерпала целый мир. Да и не нужна была Младышу эта история. Она была с ним, такая теплая и близкая, и служила ему, чем могла; этого ему было достаточно.

Младыш так или иначе пришел к заключению, что Маа, по какой-то, от нее самой не зависящей причине, была, как и он, изгнана своим племенем и забрела в пустыню. Случилось это с нею, должно быть, в очень раннем возрасте, так как она лишь недавно достигла полной физической зрелости и, очевидно, провела в одиночестве несколько зим. Вероятно, она была того же закала, что и Младыш, это также восстановило против нее ее племя, и также дало ей силы прожить в одиночестве и без огня. Северный ветер откинул волосы с ее лба и научил ее самой себе помогать.

Любопытно было, что она в борьбе с зимой выработала в себе ту же силу сопротивления, что и Младыш, но только на иной лад. Он убеждался в этом постепенно, живя с нею и наблюдая ее привычки. Она не охотилась: все звери внушали ей только страх и особенно самые маленькие, вроде мышей. Мышь могла заставить ее с диким воплем без оглядки броситься на гору. Зато Маа преспокойно поедала муравьев, улиток, мух и прочих насекомых, только не пауков. Очевидно, она разбирала животных, руководясь своими собственными непостижимыми правилами.

На деле же она питалась практически одной растительной пищей и придумала целый ряд новых кушаний, вкусных и невкусных. Плодов, какие росли в первобытных лесах, взять ей было негде, и она питалась травами, корнями и злаками, которые отыскивала, бродя по болотам и каменистым полям. О способности же ее разыскивать наиболее питательные из этих трав и корней говорила вся ее наружность, пышущая здоровьем и свежестью. Летом она, таким образом, благополучно обходилась травами, осенью же все болота покрывались ягодами, которыми не брезговал, бывало, и Младыш; но чем питалась она зимой, когда на пустынном нагорье нельзя было найти ни насекомых, ни зелени? У нее не было, как у Младыша, сознательного стремления собирать запасы на холодное время; и все-таки пища у нее была.

Просто-напросто у нее была так развита природная потребность собирать и копить, что она долгое время, когда негде было взять другой пищи, могла кормиться содержимым своей корзинки и других своих потайных складов. Она собирала все, что можно и сколько можно, и эта неосознанная привычка питалась чувством

самосохранения; таким образом у нее *всегда* были запасы, и зиму она, так или иначе, переживала.

Маа умела сушить различные съедобные корни, да они и сами высухали от долгого лежания в складах, и таких сухих корней накапливались у нее целые вороха. Но всему прочему она предпочитала семена некоторых сортов злаков, которые она собирала по зернышку и тщательно припрятывала отдельно от других припасов.

Началось, пожалуй, с того, что ей просто полюбились эти маленькие семечки, похожие на детенышей диких овец, которых хочется приласкать и взять под свою защиту. Но она и тут, как всегда, не знала меры; ей хотелось набрать их как можно больше, бесконечно много — просто ради того, чтобы иметь; ей нужен был целый мир прелестных крошечных детенышей. Потом нужда заставляла ее съедать эти семечки. Одной горсти ей хватало, чтобы быть сытой целый день.

Особенно усердно собирала она семена высокого злака с длинными шершавыми колосьями — дикого ячменя. Младыш хорошо знал их; и ему случалось иногда отведать зернышек из колоса, запутавшегося у него в волосах; это было довольно вкусно. Но Маа собирала их ежедневно и горстями, и скоро они стали их обычной пищей.

Годы шли, и Маа, не изменяя старым, приобрела новые привычки — и во время кочевок вдоль подошвы Ледника, и во время более продолжительных остановок на местах. Младыш предоставлял Маа возиться со своими делами, а сам занимался охотой и совершенствовал свое оружие. Время от времени он замечал в руках у Маа какой-нибудь новый, неведь откуда взявшийся предмет. Из ключев шерсти мамонта и других животных, которые Маа прилежно собирала повсюду, она, сидя у порога своего жилища, свивала нити и плела из них зимнюю одежду. Для лета же она стала плести себе легкие юбки из волокон тростника и травяных стеблей. Она перепробовала для этого все сорта трав, пока, наконец, не облюбовала невысокую травку с голубыми цветами — лен. Эта травка особенно подходила для ее целей, и с тех пор неутомимым пальцам Маа много пришлось с ней возиться.

Для хранения зерен Маа стала плести из прутьев корзины плотнее и щели в них замазывала глиной, чтобы зерна не просыпались; таким путем женщина ощупью подошла к выделке горшков; но наладилось это дело лишь тогда, когда мужчина снова добыл огонь.

У них уже было несколько детей. Первый ребенок родился в отсутствие Младыша, а во второй раз Маа сама ушла из жилища, спряталась за большой камень и, поохав там с часок, вернулась назад с новым ребенком. Это были маленькие слепые создания, с

коричневым пушком по всему телу; первое время они целыми днями спали в плетеной корзинке за спиной у Маа. Но они быстро росли; старший пузанчик уже расхаживал за порогом жилища и исследовал все, что только попадалось ему под руку. Отец сделал ему кремневый топорик, величиной с ноготь большого пальца, и маленький мужчина отважно набрасывался с ним на щенков, копошившихся вокруг жилища. Удалось-таки Младышу снова полюбиться на маленьких мохнатых ребятешек, пускающих по ветру пушинки, как птичек, — точь-в-точь как в утраченном первобытном лесу; но все-таки теперь это было совсем по-другому!

Жилье приходилось теперь устраивать попросторнее и попрочнее, чтобы хватило места всей семье. Уходя на охоту, Младыш заваливал вход в жилище большим камнем, и Маа сидела там с детьми, занимаясь своим плетеньем. Днем она отодвигала в сторону какой-нибудь из камней поменьше, чтобы впустить в жилище свет: там бывало темновато, особенно зимой. Все холодное время года они проводили на одном месте, оттого и жилище им требовалось просторное; Младышу приходилось еще устраивать особые помещения для запасов вяленого мяса, кореньев и зерна. Обычно он старался выбрать для жилища место, уже защищенное от ветра, предпочитая естественную пещеру или горный утес, к которому прислонял камни; если же ничего подобного не находилось, он использовал углубление в земле.

Ледник, надвигаясь на них своими краями, вынуждал их кочевать, а частенько просто спасаться бегством. Таким образом, постепенно они были оттеснены настолько далеко на юг, что, судя по местоположению, очутились приблизительно там, где Младыш родился и провел свое детство. Он узнал это по многим приметам: например, по очертаниям потухшего вулкана; но теперь на месте прежнего первобытного леса далеко простирался сплошной ледяной щит с такими глубокими расселинами, что в них утонули бы самые высокие деревья. Разница с прежним была настолько велика и диковинна, что Младыш, переживший всю эту перемену, по временам с трудом узнавал и себя самого.

Между тем, кочевать становилось все труднее. У Маа прибавилось еще несколько ребятешек, и хотя она с великой охотой таскала их за собой, — один сидел в корзинке за спиной, второй на одной руке матери, третьего она вела за руку и еще несколькими предоставляла цепляться коготками за подол ее юбки, — все-таки управиться было нелегко, почти невозможно, так как приходилось забирать с собою еще множество необходимых предметов. Маа тащила на себе тяжесть больше своего собственного веса, все с той же сосредоточенностью и терпением, и они кое-как перекочевывали — против своей воли, теснимые Ледником, — но долго так продолжаться не могло.

Младыш сам ввел в свой быт немало разных новшеств, из-за

которых трудно было сниматься с обжитого места. Так, он начал обзаводиться домашними животными. На охоте ему часто удавалось поймать жеребенка дикой лошади или самку северного оленя. Он приводил их домой и держал на привязи близ своего жилища. Эти пленники служили запасом пищи на случай нехватки дичи. С течением времени животных стало так много, что у Младыша составилось целое стадо диких лошадей, оленей и коз, расплодившихся в неволе. Ночью на них стали нападать волки, и Младыш устроил загородки и плетни. По осени он большую часть своего скота резал и вялил мясо на зиму. Но некоторых животных, ставших совсем ручными и как бы членами семьи, он оставлял зимовать. Маа и дети кормили их травой, которую собирали летом и сушили. Почти ручных лошадей и оленей, впрочем, не очень трудно было водить за собой, тем более, что животные мирились даже с тем, что Маа навьючивала на них часть своих пожитков, и, таким образом, приносили пользу. Дети же особенно сдружились с родившимися в неволе маленькими ласковыми лошадками, и придумали садиться на них верхом во время кочевков.

Шествие подвигалось в следующем порядке. Во главе с кремневым топором в руках шел Младыш, всегда грозный и готовый в любую минуту отразить нападение. У него был только один глаз, но этот единственный глаз видел каждую мелочь на целую милю вокруг. Препреждавшие путь большие камни Младыш сворачивал на ходу руками, а затем откатывал в сторону ногой, не останавливаясь и не спуская глаз с горизонта. За Младышем следовала Маа со своей поклажей, дети и животные в трогательном согласии — малые верхом на больших. Шествие обыкновенно поливал дождь, а на горизонте мигал зеленый глаз Ледника, ставшего им всем родным и все-таки гнавшего их с места на место! Да, так кочевал человек каменного века со всем своим домашним скарбом и домочадцами.

Но пришло время, когда кочевки прекратились. Прожив целый год на скалистом плоскогорье, Младыш и его семья не захотели уходить оттуда, и Ледник обложил их со всех сторон.

Плоскогорье занимало пространство в несколько миль и было довольно ровным, но настолько высоко, что Ледник не мог переползти через него, а растекался вокруг. Образовался как бы остров, со всех сторон окруженный льдом; на этом острове семья Младыша и осталась жить, а Ледник ширился да ширился и двигался вперед.

И семья Младыша росла; мальчиков и девочек было уже столько, что число их превысило родительский запас чисел и даже понятие «много». Но каждый в отдельности не давал забыть о своем существовании и ел независимо от своего порядкового номера. Маа, упражнявшая раньше свои собирательные склонности на вещах преходящих, поставила себе глобальную задачу и, каза-

лось, намеревалась произвести на свет целый народ. Каждый год, с наступлением короткого лета, украшавшего скалистый остров цветами и листвою, из корзинки за спиной Маа высовывалась новая пушистая головка.

Старшие выросли, и у Младыша завелись уже почти взрослые сыновья; и они тоже начинали зорко обводить глазами горизонт, озаренный зеленым блеском Ледника, и чутко раздувать ноздри, как будущие великие звероловы.

ОГНИВО

Младыш и его семья вряд ли прожили бы на северном скалистом острове, среди льда, столько суровых зим, прерывавшихся лишь короткими дождливыми летними промежутками, если бы Младыш, вынужденный такое долгое время обходиться без помощи огня, наконец, не добыл его вновь.

Но и тут подтвердилось то, чему учила Младыша вся его жизнь в борьбе с невзгодами, а именно, что бытие человека обновляется лишь после того, как истощатся все имеющиеся возможности. Огонь явился в самый разгар зимы и крайней нужды. И явился не от удара молнии, не в виде упавшего камня, вообще — не как благодать свыше. Жалкий, покинутый божеством Младыш сидел среди льда и до тех пор добивался огня, колотя камень о камень, пока огонь не явился. И все же это было огромное чудо, что огонь вспыхнул у него под руками, великая победа, навеки прославившая Младыша и давшая ему господство на земле.

Младыш давно уже знал, что огонь каким-то непостижимым образом, скрывался в кремне или в окружающем кремнь воздухе; он чуял дыхание огня, когда откалывал от большого кремня осколки для своих ножей или обтесывал крупный камень; он чуял сильный запах гари, будивший в нем так много воспоминаний — о тлеющих под золою углях, о первобытных лесах, булькающих болотах, грозе... И он усвоил себе особую привычку, которую Маа подметила, но не могла понять: обрабатывая кремни, он непременно нагибался лицом к камням и как будто вдыхал в себя что-то, широко раскрыв рот и раздувая ноздри. В эти минуты Младыш чуял дух огня, и немудрено, что Маа не могла знать, о чем он в это время думал. Случалось также, и довольно часто, что огонь показывался, особенно когда Младыш обтесывал кремнь в темноте; из камня невзначай выскакивали, вспыхивали и погасали в одно мгновение искры, брызги радуги, похожие на каких-то маленьких вестниц из мира звезд; они вспыхивали и пропадали под руками Младыша, будоража его разум. С тех пор, как Ледник сомкнулся вокруг жилья Младыша, зимы становились все суровее, мороз крепчал, и все кругом превращалось в лед, который тре-

скался и звенел в разреженном воздухе; наконец, стало так холодно, что Маа и детям приходилось все время лежать в убежище, под целою горюю теплых шкур. Тут-то Младыша и обуяло вдруг отчаянное упорство, как в то первое время когда он остался голым и одиноким лицом к лицу с холодом, грозившим лишить его жизни. Теперь, сейчас же, нужно было совершить что-то, сделать невозможное!..

И он схватился за то, что было ближе всего под рукой и знакомо ему — стал отбивать от глыбы кремня осколок за осколком. Изо дня в день и при слабом свете солнца и в тумане, сидел он, закутанный до бровей в шкуры, у входа в свое жилище и дробил кремень за кремнем. Он не давал себе отдыха, глядя, как они дымились в колючем морозном воздухе. Груды осколков и щебня росли вокруг него, а он все дробил и дробил... Так прошел первый день. Солнце, далекое, тусклое и холодное, как кусок льда, закончило свой небесный путь и опустилось к краю земли за нескончаемыми снежными полями; надвинулась ночь с северным сиянием и крупными мерцающими звездами; каменное жилище Младыша занесло снегом, и только темная дыра, из которой тянуло теплом, говорила о присутствии там живых существ.

Стадо северных оленей прошло мимо по скрипучему снегу; они шли, понуриив покрытые инсем морды, останавливаясь и испуская странный, хриплый, гортанный звук *rau*, — это их разговор. А северное сияние полыхало над Ледником и разливалось по небу, словно чей-то безумный, беззвучный смех. Большая Медведица хмуро мигала, то показывая все свои звезды, то прячась за морозной дымкой.

На другой день, едва забрезжил свет, Младыш опять уселся у входа своего жилища и без устали, безнадежно, бил камнем о камень; лицо у него совсем застыло, и только ноздри продолжали вздрагивать и раздуваться. Бешеная работа согревала его, но это был единственный результат. А бедная Маа думала, что холод заколдовал его.

Но Младыш продолжал трудиться. Раз огонь был где-то внутри камней, — значит, можно было и выгнать его наружу! Где-нибудь да сидел же он, и пусть даже таково проклятое счастье Младыша, что камень с огнем должен попасться ему в руки последним из всех, и пусть камней тут хватит на целый век, — все равно: Младыш состарится, одряхлеет за этой работой, а своего добьется! Когда запас камней истощался, он принимался таскать к своему жилищу новые и перекатывать туда из ближних мест все глыбы, какие только можно было сдвинуть с места, а потом разбивал их. Но огонь все не появлялся. И лютая зима прошла.

Летом Младыш насобирав камней отовсюду, где только мог их найти, и перед его жилищем вырос целый каменный холм. Все лето он только и делал, что бродил под холодным проливным дождем

да отыскивал и таскал домой камни, камни и камни, чем, в конце концов, довел до слез даже терпеливую и сдержанную Маа. Она и дети без усталости собирали запасы, хотя на их острове уже не осталось почти ничего съедобного. Ручные звери тоже были съедены. Как же быть? Чем жить? Младыш не дотрагивался до своего охотничьего оружия, и когда Маа смотрела на него влажными глазами, отвечал ей каким-то чужим, неузнающим взглядом. Он сильно изменился, — грязный, заскорузлый, весь в каменной пыли и облепленный щебнем чуть не до самых бровей; одинокий глаз дико сверкал воспаленным белком, а в пустую впадину другого глаза набились грязь и пыль. Порою ему и самому начинало казаться, как Маа, что мороз вселился в его душу.

Но на следующую зиму он все-таки добыл огонь!

Однажды он, по обыкновению, сидел и разбивал камни, одурев от запаха гари, который начал действовать на него одурманивающе, — его так и клонило ко сну, хотелось спать, спать без просыпу... Вдруг под руки ему попался камень, который сразу дал крупные искры. Младыш ударил по нему еще, посильнее, и из камня так и брызнул огонь голубыми искрами, целые снопы искр, которые, прежде чем погаснуть, извивались некоторое время в воздухе огненными змеями. Огонь! Огонь!

Младыша обдало жаром; его охватила смертельная усталость, и пришлось ему посидеть с минуту не шевелясь. Руки его бес-

сильно повисли, он не смел повторить удар и, умоляюще поводя глазом вокруг, остановил его на солнце, которое тускло блестя вдали, словно жмурясь от холода, потом он окинул взглядом весь засыпанный снегом остров и белый, пустынный Ледник. Никогда еще Младыш не видел всего своего мира так ясно, как сейчас; теперь он впервые узрел этот мир — каков он *есть*. И глубоко вздохнул.

Затем Младыш опять ударил по камню и опять увидел,

как посыпались на снег крупные, словно живые, искры; они падали и потухали, оставляя в снегу маленькие углубления с черной угольной точкой на дне. Младыш раза два всхлипнул; слабость овладела его сердцем: слишком резким был переход от полной безнадежности к счастью, которому он все еще не смел поверить. Но огонь был реальностью. И Младыш встал, сосредоточенный, охваченный важностью минуты, и, едва переводя дух, быстро сложил костер. Он еще с тех пор, как хранил огонь в первобытных лесах, знал, что для этого требуется: трут, чтобы поймать искру и дать ей разгореться в огонь, и топливо, чтобы поддерживать огонь. Через несколько минут костер горел ярким пламенем.

Сначала Младыш дал искре упасть на сухую губку трута, которая тотчас же затледа в одном месте; образовалось огненное пятнышко, которое расплзлось, чернея в середине и пламенея по краям; тогда он стал осторожно раздувать этот трутовый уголек; тот потускнел, и послышалось шипение. Младыш быстро насыпал на трут стружек и перестал дуть; в ту же минуту показался язычок пламени, маленький голубовато-желтый дух с горячим дыханием, помедлил немножко, то вытягиваясь, то сжимаясь, спрятался и вновь высунулся вместе с дымом, когда Младыш опять принялся дуть. Дул он изо всех сил, и, когда перестал, пламя с жадным треском охватило стружки, и они разом загорелись! Младыш зажег от них ветвь. Вот он — огонь! Младыш держал его в руках и никому не был им обязан; огонь был его, его достоянием, — огонь, огонь!

Маа услышала чьи-то крики возле жилья, потом радостный рев и пение; земля загудела у нее над головой под чьими-то пляшущими стопами, словно там прыгал медведь, то дыбом, то на четвереньках. Да неужто это голос мужа? У нее помрачилось разум, и она выползла наверх в полной уверенности, что пришел конец и Младышу и им всем. Она нашла его на крыше жилья, на которой он отплясывал, размахивая горячей веткой. Увидев *огонь*, Маа радостно оскалилась и застыла на месте; повернув носки внутрь, она хохотала и жмурилась, словно ослепленная. Она поняла, что случилось. Ну, да, — ее супругу и божеству угодно было создать огонь! Это даже не особенно удивило ее. Чего только он не мог? А как хорошо-то! Маа шурилась на огонь, мигала и смеялась. А Младыш так и бесновался, так и ревел от радости: Маа, Маа! Дети тоже выползли наверх, зачихали на морозе, а, увидя огонь, вытянули шеи и стали придвигаться ближе, не спуская с огня удивленных глаз.

Что за день выдался! Сплошной день, без начала, без конца. Огонь был торжественно освящен жертвоприношением — вяленным мясом и старым салом; первая жертва задымилась на морозном воздухе. Дивный оживляющий чад! Как он радовал семью, разжигая аппетит, суля объедение, забвение — с набитым желудком и ртом!

Огонь набрался сил и жадно лизал дрова всеми своими обжигающими языками, прикрывал добычу всем своим призрачным диким телом, которое вытягивалось, высоко взлетало, расщеплялось на отдельные языки, пряталось и снова высывалось. Топливо шипело и трещало, огненные языки свирепо дышали, вздувались, гудели и изрыгали дым, который поднимался высоко вверх и свивался в облако.

Чудо да и только! Но величайшим чудом было то, что костер грел, грел не на шутку: от него становилось жарче, чем летним днем и он был ближе, чем солнце. Младыш смотрел, как дети его смеялись, глядя на костер, и как на их грубых, жалких лицах проступало новое счастливое выражение; смотрел, как они тянулись ручонками к теплomu огню, желая поласкать его за его доброту, а потом со страхом отскакивали. Не очень-то он подпускал к себе! И Младыш громко смеялся: небось, они живо научатся отличать хорошее от опасного. Маа посматривала на всех; ее радостное лицо, в морщинах, но с молодыми глазами, было озарено огнем. Она уже достала свою работу, которую прервало чрезвычайное событие, и принялась доплетать очердную корзинку.

Вечером огонь был разведен в самом жилище! Костер, разложенный на земляном полу, в первый раз дал им возможность рассмотреть свое помещение; до сих пор они хозяйничали там ощупью. Для семьи, жившей на Леднике, настали новые времена.

Младыш осмотрел чудесный камень, из которого ударами кремня можно было добыть сколько угодно огня. Камень был увесистый, ярко-желтого цвета, блестел на свету и на изломе отдавал запахом сырого лука. С первого взгляда следовало догадаться; что это был настоящий огненный камень*. Никогда еще Младышу не приходилось держать в руках ничего важнее и драгоценнее этого камня, породившего в нем совсем новую радость обладания, будившего мощное желание господства и удовлетворявшего это желание. Этот камень делал Младыша всемогущим; это было первое сокровище его рода и всего человечества. Теперь Младыш не только раздобыл огонь, но мог, в случае, если бы этот огонь погас, *добыть себе его вновь во всякое время!* Вот чего не могли обитатели первобытных лесов. У них был только священный костер, который приходилось осторожно переносить с места на место в виде тлеющих головней. Случись тому костру погаснуть, и им не зажечь было его снова. У них не было искры. А Младыш добыл ее. И Младыш решил устроить для своего огнива особое хранилище из самых тяжелых гранитных глыб, какие он только в силах был своротить.

Настала ночь, и все в жилище уснули, опьяневшие от тепла и сытости; все, кроме Младыша; он не мог уснуть. Важная находка

* *Огненный камень* — пирит, руда железа.

продолжала будоражить в нем кровь; радость горячею волною струилась по его жилам; он лежал и озирался вокруг неестественно возбужденным взглядом, как будто напряжение пришло уже после того, как цель была достигнута путем долгого безнадёжного труда. Огонь тлел, не давая света, в яме на полу, бережно прикрытый золой. Сквозь маленькое отверстие, которое Младыш проделал для дыма в крыше, между большими камнями, на него смотрела маленькая приветливая звездочка.

Низкая, прикрытая камнями яма, где помещался Младыш со всем, что ему принадлежало, была пропитана запахом огня и горелого дерева, из которого улетучился весь его летний дух, и Младышу чудилось, что он вновь очутился в первобытном лесу, пропитанном острыми запахами прорастания и цвета, между смолисто-росистыми пальмами. Перед его взором вертелись ослепительные солнечные круги, и ему чудилось, что он привольно плавает в море дикого блаженства, высоко-высоко над вершинами деревьев. Видел ли он павлинов или сам был сияющим радужным павлином и несся над лесом в солнечном тумане, распустив свой хвост, усеянный чародейскими глазами? Или вернулось к нему его детство, и жаркие леса вновь одели землю, а Ледник, скрывший потерянный блаженный край детства, был только дурным сном?..

До его слуха долетали знакомые ночные звуки — глухой скрежет ползущего льда о скалистую почву, шум падения ледяных глыб и завыванье северного ветра в пустынных ущельях; или это — шум дождя в вершинах первобытного леса, вздохи и протяжный скрип высоких деревьев? Кровь шумела у него в ушах, он едва отличал звуки извне от звуков внутри себя самого. Грудь его судорожно колебалась от радости, когда он вспомнил о своем сокровище; перед взором его ходили солнечные круги, и он терял всякое чувство времени. Он не узнавал себя самого, не сознавал действительности. Он ли это так бесконечно долго и ожесточенно боролся с зимой, видя, как дети его мерзнут, и не зная, чем согреть их, — пока, наконец, сердце его не отвердело, как тот камень, который он разбивал на куски?.. Пусть бы вся земля окаменела, — он все-таки выбил бы из нее огонь! Но он ли это добыл теперь огонь? Да! Теперь он опять ощущал свое сердце, чуял горячие струи, которые текли в его груди и почти душили его...

Он лежал, не выпуская из рук огнива, и ему чудилось, что уже целая вечность прошла с тех пор, как он испытал силу этого камня; ему мучительно хотелось вновь увидеть брызжущие из камня искры. Кровь бушевала в его жилах огромным пожаром. Надо, надо ему увидеть огонь, утолить свое сердце созерцанием богатства, которое стало его драгоценной собственностью! И он присел, — голова его кружилась, — протянул камень перед собою и ударил по нему куском кремня.

Большая голубая искра отскочила от камня, голубая и осле-

пительная, словно яркая молния, создавая целый мир перед взором Младыша.

Мгновение...

Он не в яме, а под открытым небом, и вокруг него зеленое мерцание, в котором тонет, расплывается все, что он видит: над головой его колышется, словно живая, крыша, преломляющая ослепительно яркие лучи, и он понимает, что он в воде, глубоко-глубоко; вода сжимает его в своих теплых и крепких объятиях и щекочущими пузырьками струится по его бокам. Кругозор его узок, но расширяется, раздвигается по мере того, как сам он скользит вперед. И он видит другие движущиеся существа, крупных панцирных хищных рыб, которые при встрече с ним мгновенно, одним косым ударом хвостового плавника виляют в сторону, и прозрачных скользких угрей, которые, извиваясь, быстро исчезают между морскими пальмами. На дне, с виду гораздо ближе, чем на самом деле, как будто расстилается пестреющий цветами луг; это — тысячи мерцающих коралловых моллюсков и студенистых полипов; их щупальца, усаженные глазами и присосками, извиваются во все стороны в глубокой воде, в которой все предметы становятся крупнее и выпуклее, так что не разобрать — где полип, а где просто колеблется прозрачные лопасти водяных растений, растущих на дне и облепленных рачками и слизнями. В глубине растут целые рощи, и в тени причудливых и густых зарослей, оставляющих лишь кое-где зеленые просветы, скользят всевозможные огненно-желтые и небесно-голубые рыбы; они глотают теплую воду и выпускают ее через жабры, вращая своими плоскими блестящими глазами и озираясь во все стороны. Маленькие морские коньки, с выпяченной нижней челюстью, прицепились к водорослям змеиными хвостами, раздули спинные плавники, словно маленькие паруса, тихо колышутся под напором течения и знать ничего не хотят.

Медленно скользя вперед, Младыш понял, наконец, что это он бросает тень на чашу водорослей, над которой плывет, и создает вокруг себя зыбь, заставляющую колебаться весь подводный лес. Сам же он, по-видимому, нечто крупное и опасное, так как все рыбы, даже самые свирепые на вид, уступают ему дорогу; вокруг него все время образуется некоторое свободное пространство; должно быть, это неспроста! Он проплывает над разными скалами и ущельями в глубине, лоя в непроглядном донном мраке мелькание хвостов жирных угрей, спасающихся бегством; он скользит над низкими коралловыми рифами, спугивая целые стаи блестящих рыбешек, и, наконец, приближается к ослепительной колеблющейся крыше — и проплывает сквозь нее. Вынырнув на илистую отмель, между корнями дерева, он оказывается на опушке большого леса, пропитанного сыростью и смолистым потом деревьев.

Небо над ним совсем бело от водяных паров и как будто по-

коится на самых вершинах пышных гигантских папоротников, которые, вперемежку с хвощами и плаунами*, составляют лес. Наверху, между вершинами папоротников, порхают исполинские насекомые: странные мухи, стрекозы и огромные клопы; блестящие крылья их хлопают и громко трещат и вверху и внизу. Болотистая почва в этом лесу, скрепленная переплетающимися корнями мангров** и их поваленными черными стволами, дымится и тлеет от происходящего в ней гниения; в тине сидят большие раздутые жабы с вытаращенными глазами и силятся подпрыгнуть всякий раз, когда мимо пролетает какое-нибудь гигантское насекомое. Полусгнившие стволы обвиты червеобразными всеядными растениями и кустами, которые кажутся живыми и словно шупают влажный воздух своими мясистыми и пузырчатými отростками. Между корнями хвоща, где выступивший сок образовал серые лужицы, плавают головастики и улитки. В черной тине между древесными стволами неподвижно сидят, подстерегая добычу, крабы, и спуют рыбы с блестящими глазами и плавниками, заменяющими им ноги. На поверхности горячей тины то и дело с бульканьем бухают и лопаются пузыри.

* Плауны — высшие бессемянные растения (размножаются спорами). Преобладали в растительности каменноугольного периода.

** Мангры — заросли деревьев и кустарников с воздушными корнями. В настоящее время встречаются в тропиках.

Солнца совсем не видно; над всей местностью стоит какой-то светящийся туман. Временами по этому туману словно пробегает дрожь, и небо становится еще белее, но не прозрачнее; — это молния сверкает невдалеке, сопровождаясь глухим ударом грома. На южной стороне неба, над влажным папоротниковым лесом, виднеется перламутровое сияние, — это солнце, лучам которого не прорвать насыщенной парами атмосферы.

Но вот, неподалеку, между воздушными корнями дерева на илистом острове, Младыш замечает подобное себе существо, большую панцирную саламандру* телесного цвета с человеческими глазами. Она сидит, опустив хвост в воду, и то смыкает, то размыкает свои рыбы челюсти, усаженные длинными, хищными зубами: она как раз пожирает саламандру своей же породы, но несколько поменьше. Все твари почтительно очищают вокруг нее место. И Младыш чувствует, что таков же на вид и он сам; чувствует себя в душе такую же саламандрю; всеми порами воспринимает он окружающее, но ничего не сознает.

Тут искра погасла, и Младыш очутился в темноте, в своем жилище на Леднике.

Младыш вздохнул; он знал, что ему грезилось что-то, но ничего не мог припомнить. Он прислушался к дыханию детей; в уютной берлоге все крепко спали. Снаружи, в ночной тишине, одиноко гудел холодный ветер. Издалека доносилось кряхтенье Ледника и треск льда в ущелье. Младыш вдруг мучительно ощутил, что время уходит. Надо опять высечь огонь, еще хоть разочек! И он высек огонь. Длинная желто-голубая искра отделилась от камня.

Мгновение...

Младышу чувствуется при этом молниеподобном свете, что душа его ширится и растет, вмещая в себя все, что этот свет озаряет, хотя все это для него — непостижимый, неведомый мир. Стоит зима; ночь; но отовсюду струится свет, и в этом свете движутся тысячи людей. Ну да, это на углу одной из улиц Чикаго, и магическая искра отделилась от воздушного провода электрического трамвая! Освещенные и переполненные вагоны непрерывной вереницей текут по улице, черной от толпящегося народа, а над нею, мимо ярко освещенных окон домов, грохочет воздушная железная дорога. Идет снег, но улицы города оживлены, полны людьми, и пешими и едущими в экипажах, автомобилях, бесконечных трамваях, дымящих поездах. Город, похожий на пылающий лес из железа и камня, выдвигает свои многомилые утесы-дома и смешивает свое пронизанное огнем и острым серным дымом дыхание с морозом зимней ночи. Тысячи чуждых и враждебных друг другу людей толпятся между высокими торговыми домами, возвышающимися своими ярко освещенными фасадами над пропастями улиц; широкие

* *Саламандра* — животное семейства хвостатых земноводных.

цельные окна, окна над окнами поднимаются от земли, высятся светлыми колоннами и теряются там, наверху, в тумане и дыме зимнего мрака.

Посередине тротуара плиты на значительном протяжении встречают падающий снег смягченным матовым светом, пробивающимся снизу сквозь толстые стеклянные чечевицы; свет этот быстро и непрерывно вибрирует. Вибрацию эту производят тени, отбрасываемые спицами огромного махового колеса. Там, внизу, под домами, живет машина, питаемая угольным костром. Эта машина — бьющееся сердце, гонящее в город искусственный дневной свет по медным жилам, проложенным под обледеневшими плитами улиц. Свет дуговых фонарей над головами всех этих суетящихся людей почти незаметно мерцает в такт мельканию колеса. Это *колесо* — новый чудесный цветок папоротникового леса.

Младыш вздрогнул от холода и прилива энергии. Искра погасла, и он опять очутился в темноте с огнивом в своих могучих руках. Он был ошеломлен и сидел, погруженный в состояние мучительного и блаженного оцепенения, не сознавая ни мира, ни себя самого. И он не вынес этого состояния. Он снова высек огонь.

Мгновение...

Теперь он перенесся всего на полстолетия вперед: Младыш был уже древним старцем, а его потомки, заселившие Ледник, составляли целый народец, сильную закаленную породу со смешанными чертами Маа и его собственными. Маа уже не было в живых, но нечего было бояться, что ее привычки исчезнут, — род продолжал развивать их. Да, Младыш состарился; душа его уже не охватывала всего мира, но ограничивалась одной узкой сферой его сморщенного, одревеневшего тела. Время шло... И однажды он вдруг затосковал и спустился в каменное жильё, которое устроил для себя и своего огнива, и куда никто не смел следовать за ним. Он завалил за собой вход тяжелым камнем, и сыновья и внуки, стоявшие вокруг в благоговейном молчании, слышали, как старец ворочался и пыхтел там, словно медведь, собирающийся залечь в своей берлоге на зиму. Потом они услышали под землей гудение его голоса:

Рано бури жизни
Вкус мне дали к простоте;
Под землей глубоко —
Ждет усталого приют.

Прошел день, прошла и ночь, а Младыш не выходил, и люди не осмеливались спуститься к нему. Но они слышали его пение:

Хлебный плод срывал я
Там, где ныне льды трещат.
О погибшем крае
Будет поздний род вздыхать.

И на третий день еще доносилось из ямы замирающее пение Младыша:

Юношей стоял я
У воды без берегов.
К ней и рвусь. Все помню.
Маа! Встречусь там с тобой?

Тут они увидели исходящий из могилы свет и в ужасе отступили. Только неделю спустя, сыновья Младыша решились засыпать землей каменное логово, куда спустился старец.

А огненный свет, виденный ими, был огонь, который высек Младыш, просидев три дня и три ночи, погруженный в свои думы; тут он, наконец, ощупью добрался своими старчески-зябкими руками до огнива и высек искру.

Мгновение...

Все вокруг озарилось ярким неземным светом! Младыш очутился в живом лесу. Почва — кожа с грубыми порами, поросшая редким волосом, а местами покрытая твердой, полосатой, белой с черным, рогамицей. Холмы и длинные морщинистые долины обозначают выступающие под кожей земли суставы и гигантские ребра; а равнины и впадины усеяны глыбами — старыми побелевшими костями. Щебень по берегам кровавого болота состоит из выброшенных волнами человеческих зубов, а из самого болота торчат кочки — пальцы всевозможных рук, начиная с недоразвитых детских рученок и кончая сильными, мускулистыми мужскими кулаками. А самый лес, частый и убегающий вдаль, где он сливается в бледно-розовую дымку, состоит из обнаженных деревьев с ветвистыми членами, с глазами на стволах и с шапками из длинных ниспадающих человеческих волос. Не все деревья одинаковы. У некоторых кора бело-розовая, и под ней просвечивают голубые жилы; глаза зеленые, а листва пышная, рыжая. У других кора скорее коричневая, глаза темные и волосы черные. Но лес так велик, что разница эта мало заметна.

Лес сливается в одну общую массу, хотя и не все деревья одинакового пола и возраста. Там есть деревья-мужчины, с суковатыми ветвями и с брюшком, и есть стройные нервные девушки с трепещущими волнами пышных, длинных волос, похожие на березки весной. А из-под земли высовывают свои круглые головки малютки-побеги.

Некоторые деревья уже состарились; побелевшие волосы их поредели на макушках и торчат во все стороны; стволы скривились, и кора изрыта морщинами; но есть и совсем молоденькие деревца с молочной кожей и светлым пушком на округленных пухлых ветвях.

Рогатые корни каждого дерева сливаются с почвой, но остальные органы живут сами по себе; кроме глаз, на каждом стволе —

по одному или по нескольку ушей; между ветвями открывается рот и по всему дереву рассеяны ноздри. Но дыхание у них общее, — весь лес дышит одним лихорадочным дыханием; и под землей, и во всех деревьях до последней веточки заметен один общий пульс, биение которого можно проследить по всей местности как мерное, непрерывное и чуть приметное колебание почвы — вверх и вниз; могучее общее сердце бьется глубоко в самых недрах земли. И атмосфера общая; весь лес пахнет испариной.

Насколько хватает глаз, — а воздух так чист, что взор проникает на сотню миль, — тянется этот безграничный лес телесного цвета. Там и сям он кажется какими-то теньвыми пятнами овальной формы, которые передвигаются с места на место. Сам Младыш сидит в лесу старым корявым пнем, с высохшим, как трут, глазом, и, отыскивая взором, откуда падают тени, видит множество плоских камбаловидных гигантских существ, висящих и плавающих в пространстве под красным небом. Одно из них — огромный овал — висит на страшной высоте над лесом. Младыш не может различить, что это такое, видит только, что оно все время скользит и движется, и что тонкие прозрачные края его волнообразно, равномерно и непрерывно колеблются в продольном направлении, словно плавники камбалы. В сравнении с этими гигантскими летучими овалами лес и все внизу кажется таким мелким и незначительным. Но красный свет с неба увлекает взор

еще дальше ввысь, мимо летучих существ; и тогда они сами сразу мельчают, становятся песчинками в воздухе и забываются, — так необъятно велик небесный свод, теряющийся в бесконечном мировом пространстве.

Пространство это окрашено в чудесный розовый цвет утренней зари, того источника, которому обязаны своим существованием все сказания о радости жизни. Солнце стоит совсем низко, но не слепит, так что можно хорошо рассмотреть это чудесное газообразное тело, то пышно покоящееся в своем шаровидном состоянии, то сжимающееся, то расширяющееся, более чем воздушное и все же плотное, — словно рой пчел в летнем воздухе. Кругом висят планеты, которым начертаны счастливые пути вокруг солнца, а на дальнем плане целые полчища звезд рассказывают о том, что неисчислимые солнца вращаются каждое само по себе в одиночку, свободные, но повинующиеся одному и тому же блаженному закону движения. Голубые и желтые мировые тела висят совсем близко, так что можно различить на них очертания частей света. Млечные же пути отделены биллионами миль и плывут в мировом пространстве легкими облаками.

А надо всем этим крутится с ядром в зените звездный туман, чудовищный, светящийся круговой вихрь, который образует как бы колесо, закрывающее почти четвертую часть неба. Оно всегда стоит там над живым лесом, как знамение вечной центробежной силы, действующей в бесконечности...

Искра потухла, и Младыш очутился один во тьме, во мраке. Могила сомкнулась вокруг него. Она была тесна и убога, как те первые каменные логова, которые он устраивал себе, нагим и одиноким попав во власть зимы.

Время шло, а он все еще смотрел. Между камнями было отверстие, и сквозь него виднелся крашек звездного неба. И последнюю глубокую радость дало Младышу сознание, что он лежит под знакомыми с детства звездами в своей собственной черной земле.

Над ним мерцало в тумане Семизвездие, то показывая все свои семь звезд, то снова затягиваясь влажной дымкой, мерцало и светилось, неизменное, вечное.

СЫНОВЬЯ МЛАДЫША

Народ на севере все размножался. По мере того как рос Ледник, росло и потомство Младыша и Маа, делясь на многочисленные семьи и небольшие роды, рассеявшиеся по скалистому острову и продолжавшие вести жизнь своих родоначальников.

Вначале в Ледовиках текла кровь их истинных предков, Лесовиков. Сыновья Младыша совершали набеги к югу, нападали на

Лесовиков и от них брали себе женщин; их сыновья поступали точно так же, а потом уж так и повелось, что молодые Ледовики, возмужав, проходили испытания на зрелость, отправляясь в леса добывать себе жен. Такие набеги всегда приурочивались к весеннему времени и сопровождались буйным весельем пиров, о которых молодежь мечтала заранее, а старики хранили благодарную память. Кроме захвата юных мохнатых девушек, набеги эти имели целью желанную перемену пищи, на почве сближения с родичами молодых невест. Ходили веселые сказания о похищениях женщин и следовавших затем пирах, когда в праздничном чаду съедали и невест, так что приходилось повторять набег сызнова, чтобы не вернуться домой с пустыми руками. На чужбине гуляли вовсю!

Но, по возвращении молодежи к родным местам, похищенных лесных девушек держали в почете, частью потому, что они были редкостью, частью за их плодовитость; и та полупроизвольная гримаса и чмокание, с которыми первоначально приближались к ним, чтобы попросту съесть, превратились со временем в знаки ласки, в выражение радости обладания.

Однако, по мере того, как Ледник разрастался, расстояния все увеличивались, и требовались уже целые годы, чтобы разыскать коренных Лесовиков на юге и вернуться обратно с похищенными у них женщинами. Обычай похищения стал забываться еще и по другой причине: Ледовики с течением времени сами размножились настолько, что молодые отпрыски разных семей, хоть и связанные узами дальнего родства, оказывались достаточно чужими друг другу, чтобы при встречах возбуждать то взаимное любопытство и изумление, которые сводят юношей и девушек вместе. Все-му свое время. И весенние охоты за женщинами тоже отошли в прошлое. Потомки Младыша и его прямые предки стали двумя весьма различными породами людей. Легенды о прелестных, темно-мохнатых дочерях первобытных лесов все росли и расцветивались фантазией, но отдельные подлинные образцы, которые удавалось еще добывать, пахли мускусом и были не по вкусу Ледовикам. Мечта, от которой слюнки текут, — одно, а неаппетитная действительность — другое. И после того как расстояние и время прочно разъединили эти два народа, всякая реальная склонность к диким женщинам стала считаться безнравственною; зато мечты, обильно питаемые неудовлетворенным желанием, принимали все более увлекательные формы и, в конце концов, должны были создать особый мир красоты.

Таким образом, образовалась пропасть между двумя народами, разделенными по милости Ледника. Они перестали быть равными друг другу. И разделение это стало роковым. Первобытный народ, отступавший перед Ледником, оставался все тем же, тогда как Младыш, который не мог покориться, стал другим и передал сво-

ему потомству в наследие свою изменившуюся сущность. Лесовики постоянно отступали перед зимой, уходили все дальше и дальше на юг, чтобы продолжать жить по-прежнему, оставаться теми же, и это отступление, одновременно с их размножением, завело их в отдаленнейшие углы земли и разбросало по всем частям света. Потомство же Младыша, осев на севере, приспособлялось к все осложнявшимся условиям существования, отчего и продвигалось в своем развитии. Ледовики перестали походить на голых и беспечно-забывчивых дикарей, от которых произошли; они стали совсем другими.

Сыновья Младыша, ведя на Леднике полную трудов и опасностей жизнь звероловов, вырастали крупными и мощными людьми. Одежда сделала излишним волосяной покров на теле, и кожа их побелела и порозовела от житья в тени; от вечно ненастной погоды посветлели и волосы на голове, а глаза, под нависшими бровями которых прежде отражался мрак лесных чаш, приобрели отблеск, свойственный Леднику в его глубоких изломах, зеленовато-голубоватому сиянью на краю горизонта между землей и небом.

И все повадки Ледовиков стали иные, нежели у их далеких первобытных предков; они не вскакивали и не мчались, как бешеные, в сокрушительном порыве, не бросались вдруг на землю и не почесывались где придется, как Лесовики; жите-бытье приучило их сначала хорошенько обдумать всякое дело и уже потом действовать. Они жили не только мгновением, как баловни вечного лета первобытных лесов; им приходилось многое запоминать и предусматривать, если они хотели пережить все времена года. Взамен довольно безобидной страстности первобытного народа, они приобрели некое свойство, похожее на хладнокровие. Обширность их задач и предприятий вынуждала их дважды обдумать всякое дело и не торопиться с исполнением. Это сделало их сосредоточенными и с виду безрадостными; в их жилищах не слышно было беззаботного щебетанья, как в лесных шалашах. Но радость жизни и пылкость нрава были глубоко заложены в их натуре и все крепили, хоть и редко прорывались наружу. В этом смысле все они пошли в Младыша, про спокойную сдержанность которого в течение всей жизни сложились в его роду целые предания, как и про бешеные вспышки его первобытного гнева в двух-трех особых случаях. Рассказывали, что никто никогда не видел, чтобы он смеялся, и вместе с тем были доказательства, что он наслаждался жизнью больше, чем какое-либо другое живое существо; на то он и был бессмертным! Одноглазый старец пользовался среди Ледовиков все большим и большим уважением, переходившим в смутный страх; каждый пережиток его времен почитался священным. Все вело свое начало от него.

Жизнь на скалистом острове на протяжении многих-многих

поколений (скольких — никто и запомнить не мог) и многих тысячелетий во всем походила на жизнь Младыша и Маа, первых прародителей, и наступило время, когда все происходящее в этой жизни признано было *незыблемым* раз навсегда.

Мужчины изготовляли оружие и охотились. В этом отношении не происходило никаких перемен, кроме той, что дичь попадалась все реже и реже, и приходилось рыскать за нею все дальше; зато семьи стали держать ручных оленей, которых и резали при неудачной охоте. Главной добычей звероловов считался мамонт; с незапамятных времен Ледовики объявили ему войну, загоняя его в ямы и убивая копьями. Однако и мамонты стали редкостью, и приходилось разыскивать их на дальних скалистых островках после долгих и утомительных поисков.

Немудрено поэтому, что возвращение звероловов после долгого отсутствия с вестью о такой добыче выросло в целое событие и поднимало на ноги все население; по всему острову раздавались трубные звуки, извлекаемые из мамонтова бивня, и радостные клики. Сигнал этот относился, главным образом, к тому роду, к которому принадлежал счастливый зверолов, обнаруживший мамонта первым. И весь род снимался с места, все способные ходить и ползать пускались по Леднику в многодневный путь к тому месту, где лежала исполинская добыча, забирали с собою огонь, шкуры, юрты, и вокруг мамонта выросло целое становище, где начинались нескончаемые пиры: объедались до бесчувствия. Счастливые Ледовики, кишезшие вокруг мамонта, сами ходили на зарезанных — в крови с головы до пят; они сбрасывали с себя шкуры и кидались с головою в дымящуюся утробу гиганта, каждый запасшись предварительно кремневым ножом, только что обтесанным и еще пахнущим гарью, словно его опалила молния. Женщины задирали на себе одежды до самой шеи и бешено рычали, прыгая между тушей мамонта и кострами. Творились неопишуемые вещи; *все* дозволялось возле убитого мамонта.

Пиршество начиналось с теплого желудка мамонта, набитого полупереваренной пищей — целыми копнами игл лиственницы, мохом, тмином, корою и ягодами, — опаленной и сдобренной желудочным соком; эта лакомая каша так и просилась в желудки пирующих и как будто растекалась у них по всем жилам, — они нечасто позволяли себе растительную пищу. Каша эта была любимым блюдом и Одноглазого на склоне лет; он говаривал, что она напоминает ему его юность в смолистых первобытных лесах. Добрая часть желудка мамонта с смалинкой откладывалась поэтому для принесения в жертву на могильном кургане Младыша, по возвращении домой. Старые звероловы любили пересказывать слышанное от прадедов, которые, в свою очередь, слышали от своих предков про любимое лакомство Младыша. К преданию этому добавлялось, как нечто особенно примечательное, что Ледовики

во времена Младыша, его сыновей и внуков были еще настолько малочисленны, что им со всеми их домохозяевами как раз хватало одного мамонта, чтобы наесться досыта. Вот, значит, как давно это было! Теперь же Ледовикам, соберись они все вместе, нипочем было бы сожрать зараз столько мамонтов, сколько у человека пальцев на руках да и на ногах в придачу.

Старые предания и песни, минувшие времена и судьбы — все оживало во время этих мамонтовых пиров; опьянение мясом развязывало языки, порождало ужаснейшие кошмары и разжигало фантазию. Люди упивались достоверными и увлекательными рассказами о том, как какой-нибудь мамонт в бешеной ярости затапывал охотников насмерть, — этакий бесстыжий мамонт, не жалевший голодных людей! Когда же наедались досыта, так, что последний кусок застревал в глотке, фантазия объевшихся сама собой начинала рисовать сверхъестественного мамонта, виденного божественным Всеотцом или даже (это уж бывало, обыкновенно, после доброй порции мамонтовых почек) ими самими зимней ночью на Леднике — огромного старого самца с бивнями, доставшими до северного сияния, и с белой, как снежные хлопья, шерстью — самого отца-мамонта предвещавшего голод! После насыщения, кроме того, непременно обнаруживался в ком-нибудь и скрытый дотоле дар песнопения; и много переходило тогда из уст в уста славных песен, от которых веяло жирной гарью костра, жареным мясом и мерцающими звездами!

Уходя домой, племя забирало с собою всего мамонта без остатка, так сказать — со всеми потрохами, костями и кожей. Несъеденное на месте мясо резалось на ломти и в корзинах уносило домой для вяленья. Шерсть шла на одежду и конопачение жилищ; кости, кишки, жиры тоже имели свое назначение, все годилось в дело. И вот, когда все было доставлено домой, начинался дележ. Это требовало особенно много времени, так как согласно древнему обычаю всем обитателям скалистого острова полагалось по доле.

Ледовики всегда делили между собой мамонта, — с тех самых пор, как Младыш Древний сам заправлял убоим и заботился о том, чтобы всем и каждому досталось поровну. Так и повелось из рода в род, но только чем дальше, тем труднее становилось исполнять это: Ледовики так размножились, что прямой дележ стал невозможным; приходилось применяться к обстоятельствам. Установленных предками законов дележа никоим образом нельзя было нарушать; но размножение племен вынуждало прибегать к новым толкованиям этих законов, а это скоро так запутало самые законы, что лишь немногие умели в них разобраться. Прежде всего выделялась часть счастливому зверолову, выследившему добычу; ему полагался один из бивней, из которого он делал себе великолепный рог, чтобы трубить, или новые превосходные копья. Вто-

рой бивень полагался Одноглазому и приносился в жертву на его могиле вместе с частью желудка мамонта и прочего добра; затем мясо и все остальное делилось согласно строгим правилам: род, которому посчастливилось убить мамонта, получал главную долю, а остальные роды — по степеням их родства, так что не оставалось ни одной семьи, которая не получила бы своей доли, хотя бы и крохотной. Больше всего доставалось, разумеется, роду Гарма, происходившему от первенца Одноглазого; роду этому принадлежало право принимать жертвы, приносимые Одноглазому. И, несмотря на то, что съесть мамонта было недолго, один такой экземпляр мог задать отдельной семье работы на несколько лет, а всему острову, по крайней мере, на большую часть зимы, — столько всякой всячины можно было сплести и свить из его шерсти, кишок и жил. Да, просто диво, сколько содержало в себе такое животное, которое, как бы оно ни было велико, издали казалось лишь муравьем, ползущим по Леднику!

Кроме этого огромного северного слона, добычей Ледовиков-звероловов бывали косматые носороги, олени и мускусные быки, белые медведи и разные звери помельче, а также лисицы и зайцы, ютившиеся между скалистыми островками или шнырявшие по льдам. Ледовиков сопровождали на лов собаки, которые со времен Младыша расплодились и образовали множество разных пород, все же вместе ручную породу, крепко враждовавшую со своими старыми дикими родичами, — те сдружились с волками, а затем слились с ними. Приносили собаки пользу и в домашнем быту, карауля стада оленей и не позволяя им убежать с острова.

В общем, образ жизни Ледовиков, включая и охоту, и выделку оружия, оставался неизменным со времен их праотца Младыша, хотя с тех пор сменились бесчисленные поколения. Жильем служили те же ямы в земле, прикрытые сверху тяжелыми каменными глыбами. Одежды были по-прежнему из кож, изжеванных и смазанных жиром и скрепленных, по доброму старому способу, ремнями из оленьих шкур. Ни о какой перемене нечего было и помышлять, — такой порядок установил сам Младыш, и другого у Ледовиков быть не могло. Что годилось для него, должно было годиться и для его детей, войти в обиход жизни всех его кровных потомков.

Об одном только обстоятельстве вряд ли подумал в свое время сам Отец, а именно, что потомство его так размножится на скалистом острове. Правда, остров был велик; от одного конца до другого было несколько дней пути, но все же с течением времени народу на острове стало слишком много. И не переставали нарождаться все новые потомки; весь остров кишел ребятишками; они роились в жилых ямах Ледовиков, как мухи в навозных кучах. Соединяясь вместе, дети из нескольких семей составляли целое полчище, рыскавшее повсюду и небезопасное для одиноких взрос-

лых путников. Детям всегда хотелось есть и, ошестинившись и скаля зубы, они давали понять, что съедят что угодно. Случалось даже так, что какой-нибудь малец, находясь в толпе, оскаливал зубы на источник собственного происхождения, как бы не узнавая его, что невольно должно было настраивать самый источник на грустный лад.

Но, кроме трудности добывать пищу для такого количества ртов, были и другие гнетущие обстоятельства. Пища делилась не по справедливости — как раз потому, что все на острове были равны! Общественность мешала свободному развитию отдельных единиц. И вот это, в связи с некоторыми внутренними распорядами, обусловленными почитанием памяти отца племени, начинало угнетать Ледовиков. Порядок, установленный Младышем и первоначально имевший в виду охрану интересов всех и каждого, теперь грозил пресечь свободное развитие отдельных членов племени, а вместе с тем и всего маленького общества на острове. Культ Всеотца, мало-помалу приведенный в систему, правда, объединял Ледовиков в одно целое, но зато и мешал им развиваться. Все вращалось вокруг одного центрального пункта — кургана Младыша, и иначе быть не могло. Но большое и все возрастающее неудобство было связано с тем обстоятельством, что общий культ обеспечивал особые преимущества одному известному роду, происходившему от Гарма, первенца Младыша. Этот род охранял могилу Младыша и принимал за него жертвы.

Никому не верилось, чтобы Одноглазый отец всех умер; он ведь не был убит в свое время и не погиб, сорвавшись со скалы, как другие люди, а просто сошел в свое жилье, когда ему заблагорассудилось, и там остался. Многие даже уверяли, что видели его, спустя несколько человеческих веков, и находились люди, которые временами замечали огонь, горевший внутри могильного холма. Старик, наверно, был еще жив, а тогда ему, разумеется, требовалась пища, и для него нельзя было жалеть лучшей доли охотничьей добычи. То же обстоятельство, что род Гарма, охранявший могилу, принимал жертвы и более или менее открыто сам угощался ими, признавалось совершенно в порядке вещей: ведь что доставалось главе семьи, то доставалось и всей семье! Никто также не считал для себя обидным уступать в общую пользу половину своей добычи. Но в последнее время самому зверолову уже едва оставалась и десятая часть. Приходилось попросту охотиться для других! Вдобавок потомки Гарма хотели распоряжаться не только дележом охотничьей добычи, но и в других областях, и заставляли слушаться себя, пользуясь тем священным страхом, который внушала всем могила Одноглазого Всеотца. Да и власть была в их руках: они владели огнем и его источником.

Разумеется, у каждой семьи был свой костер, который охранялся и поддерживался с величайшей заботливостью; пусть даже

в тяжелые времена приходилось жертвовать последним куском сала, — шли и на это, только бы не дать огню погаснуть. Если же такая беда все-таки случалась, ничего другого не оставалось, как запастись головней от древнего костра, зажженного самим Всеотцом и перешедшего в род Гарма. Но, понятное дело, потомки Гарма не давали огня даром, а брали хорошую мзду или обязательства на будущее время. Род Гарма развил в себе тонкое понимание собственных выгод, которое отнюдь не притуплялось, переходя по наследству. Кроме священного костра, потомки Гарма обладали еще самым огненным камнем, так что наделены были щедро, даже с избытком. Им-то огонь был обеспечен, если бы даже погас костер, — они знали тайну огня. Злые языки болтали, что Одноглазый, передав своему старшему сыну искусство добывания огня, заповедал ему посвятить в тайну всех, но Гарм счел за лучшее сохранить ее для себя одного. Другие утверждали, что Одноглазый унес камень с собою в могилу, чтобы он не достался никому, а Гарм нарушил священный мир могилы и присвоил себе камень. Как бы там ни было, все знали, что чудесный камень оставался в роду Гарма. Он переходил по прямой линии от отца к старшему сыну; никто никогда и не видал его, кроме самого старшего в роду. И не было такой чудесной силы, какую бы ни приписывали этому камню! Впрочем, к нему еще ни разу не прибегали для обновления священного костра, который не угасал со дней Младыша.

Ледовики охотно покорялись роду Гарма из уважения к общему праотцу. Но результатом такого культа Всеотца было то, что сохраняемые родами предания о жизни и привычках Одноглазого навеки определили весь уклад их жизни. Род Гарма крепко стоял за это, так как именно в этом был залог его могущества. Разрешалось лишь то, что было закреплено преданием, о чем можно было сказать: так поступал Старик. Все первые простые обычаи, вызванные в свое время — хоть их и держался сам Младыш — простою *необходимостью*, приобрели глубокое священное значение и исключали всякие новшества, способные подействовать в освободительном духе. В результате — весь жизненный обиход застыл; люди едва осмеливались шевельнуться, стесненные на каждом шагу благочестивыми соображениями. Охотничий пыл в Ледовиках мало-помалу остывал, но делать было нечего, приходилось покоряться необходимости; нельзя ведь и помыслить было отказать могиле Всеотца в жертвах, которые являлись вполне естественно данью каждого сердца, движимого благочестием. Род Гарма всецело держался того же мнения и со своей стороны старался укреплять благочестие, усердно лакомясь мамонтовыми желудками, приносимыми народом в жертву Одноглазому.

Так обстояли дела пока Ледник расплзался; а это продолжалось долго. На небе появлялись незнакомые звезды с хвостами,

гостили там некоторое время и снова исчезали, поселяя в умах людей мистический ужас. Поколения сменяли друг друга; гноища около жилищ откладывали один слой угля и костей над другим; мужи, еще так живо помнившие свое собственное детство, как будто оно было лишь вчера, видели своих детей взрослыми и отцами, игравшими с собственными малютками, которым предстояло увидеть то же самое... А между тем Ледовики все так же обтесывали свои топоры, все так же рыли себе в земле ямы и прикрывали их огромными каменными глыбами, — все согласно темному, но незыблемому преданию, гласившему, что сам Всеотец делал *так*, а не иначе. Души угасали в сером сумраке однообразной жизни, длившейся века.

Ледник продолжал говорить свои речи скалисту острову, как говорил их тысячелетия; раздавался глухой грохот и гул обвалов в пещерах подо льдом, скрежет льда о скалистую почву и шум подземных вод, но его никто не слушал; слишком знакомы были эти звуки; слух с ними свыкся.

Немало было на Леднике мужей, но они были связаны по рукам и ногам, сами того не сознавая. И вот, в то время, как мужи предавались своей охоте и своему добровольному рабству, женщины вводили в обиход немало разных улучшений, — незаметно, как-то само собою. Никому в голову не приходило уделять женщинам место в установленном мужчинами общественном строе; они стояли вне круга, очерченного необходимостью, и поэтому пользовались полной свободой. Не то, чтобы у женщины не водилось своих собственных мелких обычаев; такие были и, пожалуй, хранились еще незыблее мужских, так как были созданы привычкой, а не самими женщинами. Но женскому полу была свойственна какая-то смутная детская забывчивость, сродни первобытной беспечности Ледовиков, которые изо дня в день смотрели и не примечали многого, но на все новое кидались жадно. И так как нет ничего женственнее, чем быть непохожею на других, то восстание против чего-нибудь нового иногда считалось настоящим преступлением.

В ежедневном обиходе женщины следовали привычкам Маа: возились со всякого рода плетеньем, с припасами и, разумеется, со своими малышами. Матери постоянно таскали их на спине, даже у себя дома в жилье, даром, что больше уж не кочевали, — ведь, так делала Маа! Летом женщины собирали зерна и прочее съедобное, что росло на острове, а зимою сучили шерсть и плели себе одежды; этот обычай был так же стар, как солнце и луна.

Но кроме того, женщины теперь лепили горшки из глины и обжигали их в огне. А Маа так разве делала? Может быть да, а может быть и нет. Прежде женщины обмазывали свои корзинки глиной и вешали их сушиться над огнем; но вот одна такая корзинка была впопыхах подвешена слишком близко к огню; огонь

охватил ее и осталась одна затвердевшая глина; это и был первый горшок, появлению которого обязаны были неосмотрительности. А этим отличался весь женский пол. Это выходило у них так мило! А потом, верно, какая-нибудь молодая, пышнотелая бабенка просто поленилась предварительно сплести прутьяной каркас и слепила горшок сразу из глины. Смело, но удачно! Другие стали подражать, так и пошло, — все лепили себе глиняную посуду без формы.

Но обожженные горшки привели к важной перемене в обыкнове, — появилась привычка варить пищу вместо того, чтобы только поджаривать ее над огнем, как прежде. Положим, горшок еще не ставили на огонь, но в самый горшок совали раскаленные камни, пока кушанье не поспевало.

Женщинам поистине было привольное житье: они целыми днями возились у очагов в то время, как мужчины охотились. Вот они и пробовали готовить еду и так и сяк, поджаривали, нюхали, вынимали из горшков, клали снова, отведывали, мешали и перемешивали. Простое любопытство и праздность научили их также печь хлеб. Как было не попробовать поджаривать и подогревать всякие лакомые вещи, прежде чем начать грызть их? И они поджаривали на черепках зерна ячменя до тех пор, пока те не становились сладкими-пресладкими; потом они перетирали зерна между двумя камнями, брызгали на муку водицей или молоком

и пекли чудеснейшие лепешки; ребятишки в подражание им усердно лепили такие же из грязи, а мужчины, раз отведав лепешек, остались довольны, и хлеб стал постоянным блюдом, благо зерна хватало. Испеченные на раскаленных камнях и посыпанные золою лепешки имели солоноватый вкус и являлись ценной приправой к пище, особенно зимой, когда не было свежей зелени.

А не то, так женщины совали в глиняный горшок всякую всячину — коренья, лук, мясо, жир, разбавляли водою и спускали в горшок раскаленный камень, который не только кипятил кушанье, но и придавал ему вкус прибавкой угольков и золы. Когда такой взятый с очага камень, светившийся в жилище, как солнышко, и брызгавший искрами и звездочками, спускали в горшок, вода в нем начинала кипеть, сам горшок — качаться и выпускать густой пар под крышу жилища; сразу видно было, что силою огня изгонялся из воды какой-то злой дух! Он сердито ворчал и так ворочался там, что приходилось придерживать горшок, чтобы он не опрокинулся. Правда, предания ничего не говорили о том, что Маа в свое время умела кипятить воду, но как знать? То, что делалось теперь, верно, делалось и всегда. Варка пищи была утверждена.

Когда женщины не упражнялись в своих съедобных выдумках у огня, они плели себе одежды, одну тоньше другой, но всегда в строгом соответствии с модой всего племени. Одно время — целое столетие — считалось безусловно необходимым носить на себе лишь шкуру белого медведя, открывавшую весь перед. В результате белые медведи почти перевелись, а женщинам пришлось большую часть времени проводить в жилищах по милости этой холодной моды. Но что же было делать? Необходимость одеваться именно так обуславливалась тем, что никому не полагалось даже мельком видеть женскую спину! Впоследствии трезвые потомки никак не могли постичь такую странно одностороннюю стыдливость предков.

Разумеется, женщины на Леднике собирали также всякую всячину, чтобы принарядить, приукрасить себя. Волчьи зубы, просверленные посередине и нанизанные на ремешок, удивительно шли к шейке такого слабого существа, каким являлась женщина. Косточка, протетая в носовой хрящ, принадлежала к числу тех украшений, которые могла добыть себе всякая, а потому прдержалась в моде сравнительно недолго. Зато весьма ценилась красивая окраска лица, достигаемая смазыванием кожи охрой, которую доставали у источников на острове. Эта яркая окраска скоро распространилась и на все тело и, нечего таить, соблазнила даже мужчин; им тоже полюбили смазывать себя смесью охры и жира, пока все тело не становилось огненно-красным и не блестело издали во всей своей красе.

Но, кроме таких улучшений, касавшихся собственной наруж-

ности, женщины установили обычай, которого не знала Маа Древняя. Теперь следы этого обычая терялись во мраке поколений, и о происхождении его никто и не думал. Женщины доили самок прирученных оленей и ввели молоко в домашний обиход. Быть может, за этим обычаем скрывалась грустная и красивая история о женщине, у которой не хватало молока для своего младенца и которая стала занимать молоко у оленьих самок, оставленных про запас зимовать около жилищ. Впоследствии же оленье молоко полюбилось и взрослым. Теперь в кладовушах всегда стояли горшки со свежим или свернувшимся молоком, и много оленьих самок оставалось по этой причине в живых. Впоследствии же обычай этот завел далеко!

В общем все мирно уживались на Леднике и жили честно, в простоте. Но постоянный прирост населения сгущивал Ледовиков и не давал им двинуться вперед. Быть может, северяне навсегда и остались бы на положении бедного и честного племени звероловов, замкнутого в бесплодном созерцании прошлого, если бы кольцо, плотно охватывавшее все их существование и сжимавшее их все теснее и теснее, наконец, не выбросило вновь одного отщепенца и освободителя, подобно Младышу, который, против воли своего народа, поднял этот народ на высшую ступень.

Одновременно с этой переменой подверглись коренному изменению и условия жизни на Леднике — на том Леднике, который навсегда определил судьбу человечества.

ЕДИНОРОГ

Жил был муж, по имени Белый Медведь; он не принадлежал к роду Гарма и с раннего детства наслышался о произволе и несправедливостях, чинимых этим родом. Отец Белого Медведя частенько сиживал в своем жилище, прижавшись спиной к дальней стене, шевеля губами и всем своим видом показывая, что проклятия так и кипели в его душе; случалось это обычно тогда, когда потомки Гарма наносили ему обиду, ложившуюся ему на сердце раскаленным камнем; но он так и не издал ни звука; молча проглатывал свою ярость, хоть и был отважным звероловом, ежегодно приносившим Огневику, старшему в роде Гарма, кучу мамонтовых зубов и другой охотничьей добычи.

Отец Белого Медведя был силач, а Огневик — жалкий карлик, едва таскавший свое тучное тело от своих кладовуш со съестным к ложу, где спал, и обратно. Еще ребенком Белый Медведь дивился на этих двух, слушая, как Огневик помыкал его отцом, которому едва доходил до груди. Когда же Белый Медведь бродил по острову в толпе других ребяташек, и мальчишеский аппетит разжигал в них смелость, разговор их всегда сводился на то, что

они вырастут и съедят Огневика! Слюнки текли от таких разговоров, но тут же ребяташки боязливо шикали друг на друга: ведь у Огневика был священный камень, который убивал людей и сам собою возвращался назад в его руки, — ой-ой!

Впоследствии, когда Белый Медведь вырос и сам стал звероловом, он тоже выучился благоговеть перед Всеотцом, и его заставили дать у священной могилы обет жертвовать потомкам Гарма большую часть своей добычи. При этом Огневик дал понять Белому Медведю, как давал понять и другим, что доброхотные приношения пойдут ему самому на пользу и обеспечат ему благоволение Всеотца, который должен скоро вернуться и забрать с собою весь свой народ в тот богатый счастливый край, о котором Белый Медведь, небось, знает. Еще бы! Белый Медведь хорошо знал все, что касалось блаженного края вечного лета, который был утрачен, но, по словам Огневика, должен был снова отыскаться. Но он не особенно много об этом думал; ему было хорошо и на Леднике. Что же касается жертв, то Белый Медведь вознаграждал себя за убытки, добывая себе вдесятеро больше прежнего. Он стал отважным звероловом и самым веселым мужем на своем острове, вечно распевал и никогда ни с кем не враждовал; ладил даже с Огневиком.

Но вот Белый Медведь загляделся на одну девушку, и ладу этому пришел конец. По обычаю, молодые люди, желавшие соединиться и зажить самостоятельно, испрашивали себе благословение на могильном холме Всеотца и получали от священного костра огонь для своего домашнего очага. Всякий другой огонь был запрещен и считался нечистым. Ни один добропорядочный человек не нарушал обычая, а на скалистом острове водились только добропорядочные люди. Но благословение стоило немало и связывало навеки, да еще зависело от доброго согласия Огневика, — дозволит ли он парочке соеди-

ниться или нет. Белому Медведю он отказал. Огневик всегда недолюбливал семью Белого Медведя, а девушка приглянулась ему самому. Звали ее Весна, и она была прелестна.

Но кто вообразил бы, что Огневик попросту отказал, да и дело с концом, тот плохо знает огневигов. Он отказал Белому Медведю весьма осторожно: когда, мол, возложишь на могилу Всеотца рог единорога, тогда и получишь Весну. А это было делом невозможным.

Белый Медведь, однако, улыбнулся и отправился на Ледник. Целый год пропадал он и вернулся, сразив чудовище. Это был величайший подвиг, когда-либо совершенный на Леднике. Никто даже не считал его осуществимым. Только Младышу Древнему впору было обладать достаточным для того мужеством и силой. Но Белый Медведь все-таки совершил подвиг, за что и получил прозвище Победитель Единорога и прославлен был в песнях и сказаниях.

Сам же он увековечил всю охоту на клинке своего копья. Сначала он провел длинную поперечную черту, а от нее четыре продольные черточки вниз и одну наискось кверху, — это означало единорога. Затем проведена была отвесная черта, перечеркнутая сверху другою, поперечной, — это был сам Белый Медведь со своим копьем. Все остальное — борьба и поражение единорога — подразумевалось само собою.

В сущности, зверь этот был носорог. Но не тот обыкновенный, обросший шерстью и злоющий риноцерос*, который ходил по пятам мамонта на скалистых островках и часто падал под ударами Ледовиков. Тот тоже был свиреп и опасен, и не очень-то приятно было иметь с ним дело; но все же он был ничтожен в сравнении с единорогом.

Этот был совсем особенный, имел только один рог и был почти в три раза больше обыкновенного носорога. Туловище его было длиннее туловища мамонта, только ростом он был пониже. Ужаснее же всего было то, что, несмотря на свою невероятную тяжеловесность, он бегал и прыгал с быстротой оленя и нападал первый, даже если его не трогали; встреча с ним несла смерть. Стоило ему почуять охотников, как он огромными прыжками кидался на них, с пронзительным и оглушительным ревом. Огромный, в рост человека рог, торчавший у него на лбу между глаз, угрожал пронзить того злополучного охотника, который осмелился бы приблизиться к нему, хотя бы на расстояние одной мили. Один вид этого сверхъестественно огромного зверя, скачущего во все стороны с ловкостью сабаки, поражал страхом всякого; это было самое быстроногое и самое тяжеловесное животное на свете. Когда он пускался в галоп, то оставлял на земле не следы, а целые ямы,

* *Риноцерос* — латинское название рода носорогов (*Rhinoceros*).

где мог укрыться взрослый мужчина, а на бегу вдруг поворачивался и кидался в стороны, не давая людям опомниться; нечего было и думать спастись от него. Опасность усугублялась тем, что его почти невозможно было приметить на Леднике или на поросших ивняком скалистых островках, где он обитал. Лежа на льду, он походил на продолговатую каменную глыбу или на поросль карликовых растений, пока вдруг не срывался с места, а там один миг, и он тут как тут! Звероловы предвидели свою участь с первой же минуты, едва заведенный ими издали посторонний предмет на льду, принятый ими за мертвый, вдруг оживал; значит — наткнулись на единорога; через минуту он пронзит их насквозь или растопчет в прах! Лишь очень немногим удавалось спастись от него, и от них-то и узнали то немногое, что было теперь известно об ужасном звере.

Ледовики были уверены, что этот единорог единственный, — самка, уцелевшая еще с тех пор, когда все звери были изгнаны из потерянного края. Чудовищу не удалось тогда сыскать себе пару, и пришлось ему коротать жизнь в одиночестве, остаться на Леднике старой девой. Вот отчего оно так вытянулось, было такое жилистое и так ярилось на весь свет. Немногие, пережившие встречу с чудовищем, рассказывали, что у него были маленькие красные глазки, словно оно плакало целую вечность. А когда в новолуние по Леднику разносились громкие стоны, люди говорили, что это жалуется единорог, повернув хвост к северному ветру, — сердце его разрывалось от тоски по своим соплеменникам, которых ему не суждено было отыскать.

У единорога, значит, никогда не было детенышей; вот откуда бралась эта ужасная юношеская приткость; чудовищная самка скакала, словно телка, даром, что была стара, так стара, что бока у нее поросли кремнем. Люди, видевшие ее воочию и дрожавшие при одном воспоминании о ней, говорили, что у нее вся кожа была в складках и везде, где только не была покрыта совсем побелевшею шерстью; и об эти складки или морщины можно было порезаться; чудовище как будто носило на себе каменные отложения веков! И рог его вырос куда длиннее, чем у самцов, оттого, что чудовище — а оно осталось в девичестве — достигло неимоверной старости.

Одолеть такого зверя, сохранившего всю прыть и горячность молодости да приложившего к этому опыт бессмертия и горечь бездетности и закалившего эту смесь в одиночестве среди льдов, — недаром считалось Ледовиками делом более чем несбыточным. Но Белый Медведь все-таки одолел единорога.

Подробности самой охоты так и не были выяснены; Белый Медведь, бывший ее единственным участником; рассказывал о ней весьма восторженно, на песенный лад, но чрезвычайно кратко: он-де до тех пор дразнил старую деву, пока она с разбега не свали-

лась и не застряла в расселине Ледника; там он ее и прикончил. Рог оказался величиной в рост самого Белого Медведя, а он был не из низеньких. Колец же на роге было столько, что и не сосчитать; ни дать, ни взять терн Скорби, который нарастал слой за слоем целую вечность.

Кроме рога, Белый Медведь принес с охоты и сердце единорога, совсем молодое и нежное с виду, но такое твердое, что его не брал ни один топор.

Огневик, от имени Младыша Древнего, взял рог на сохранение, а ко всем празднествам и песням в честь великого подвига Белого Медведя повернул свою жирную спину. Уговор он, по-видимому, совершенно забыл.

Когда же Белый Медведь смущенно намекнул, что теперь-де следует получить обещанную Весну, Огневик произнес темную речь, которую можно было истолковать приблизительно в том смысле, что он лишь шутил, предлагая Белому Медведю пойти да уложить единорога, и полагал, что предложение его так и будет принято в шутку. И всякий беспристрастный муж наверно согласится, что подобное предложение могло означать лишь тонкий, иносказательный отказ. Раз же Белый Медведь так неосторожно и дерзко ловит его на слове, то он, Огневик, склонен придать своему предложению добавочное истолкование: оно выражало смиренное пожелание Белому Медведю быть не на шутку

искалеченным в награду за беспокойство. И если теперь Белый Медведь явился домой целым и невредимым, то он, значит, обманул ожидания Огневика и был в долгу у Всеотца за такой исход дела! Вот что сказал Огневик.

Переговоры велись у жилища потомков Гарма, — старого жилища Младыша, то есть на священном месте, и события быстро привели дело к развязке. Когда Белый Медведь понял, что ему не дадут ни Весны, ни огня для собственного очага, он на минуту рассердился и невольно замотал головой, на которой носил снятую с головы мускусного быка шкуру с рогами. Огневик подумал, что он хочет его забодать, втянул в себя живот и затрясся, словно от холодного сквозняка. Белый Медведь улыбнулся и сразу успокоился.

Затем он смерил Огневика с ног до головы взглядом, громко посмеиваясь при этом; хлестнул карлика самой маленькой розгой, какая только подвернулась, и хотел уже уйти, но Огневик принялся вопить, словно роженица в муках, и со всех сторон налетели потомки Гарма с ремнями и палками, чтобы связать Белого Медведя и задать ему трепку.

Тогда в Белом Медведе проснулся дух Младыша, и никто оглянуться не успел, как он совершил невозможное — убил насмерть одного из сыновей Огневика, считавшихся неприкосновенными. Остальные отступили, онемев от ужаса, а Белый Медведь в бешенстве схватил труп за одну руку, наступил на него ногами и оторвал руку от тела, чтобы отбиваться ею, как палкой. Но никто уже не нападал на него, и он, с ревом швырнув оторванную руку под ноги Огневику, разом остыл и ушел.

В тот же день Белый Медведь похитил Весну, и они вместе бежали на Ледник.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ И ВЕСНА

Никто на скалистом острове, не исключая и собственных родичей Белого Медведя, не одобрял его злодеяния. Убийство еще можно было понять, но он стегнул прутком жреца и наделал бед на священной почве; это считалось смертным грехом. Ни одна душа не вступилась за Белого Медведя, когда его при большом стечении народа объявили отлученным от могилы Всеотца. Он был навсегда вырван из среды Ледовиков, и каждый, кто хотя бы вспоминал о нем по-дружески, не говоря уже о том, чтобы оказать ему помощь пищей и кровом, подвергся бы такому же отлучению. Белый Медведь и Весна были обречены на вечное скитание по Леднику, без огня и без приюта, и всякий, кому они попались бы на пути, был волен смотреть на них, как на простую дичь, желанную цель для копья.

Проклятая своим народом, молодая пара поселилась на отдаленном скалистом острове Ледника и там в полном одиночестве вкушала сладость взаимной близости и горечь изгнания.

У них не было огня; сырое же мясо чем дальше, тем настойчивее просится в горшок или на вертел. Время, впрочем, было летнее, и беглецам отлично жилось в юрте из шкур, а по скалам росли кое-какие травы и злаки, которые Весна собирала и приправляла ими сырое жаркое. Она также скатывала из собранного зерна лепешки, но — увь! — и их ей приходилось подавать уставшему с охоты Белому Медведю сырыми и пресными. Белый Медведь, поедая их, выражал мимикой удовольствие, а съев, пел песню о том, что горячая еда, в сущности, недостойное баловство. Под осень же на островках поспели ягоды, которыми можно было приправлять сырую пищу, так что изгнанники чувствовали себя прекрасно, несмотря на весьма скромную обстановку. Но скоро начались холода, ночные заморозки, выпал снег, и наступала зима.

Белый Медведь заблаговременно соорудил хорошее, прочное жилье из тяжелых камней и заготовил большие запасы звериных шкур, а Весна навялила мяса и кореньев. Кроме того, Белый Медведь привел пару диких оленьих самок, которых пустил пастись на привязи, пока они не привыкнут и не станут давать молока. Так приготовились изгнанники встретить зиму. И зима наступила бурная и очень холодная, а они пытались прожить ее без огня. Белый Медведь слышал, что такие попытки уже бывали, но теперь готов был усомниться в этом.

Ночи тянулись долгие, и стояла такая темень, как в утробе земной; под конец едва можно было разобрать, где находишься и даже — *существуешь ли* вообще. Хорошо, что их было двое: один, находя ощупью другого, по крайней мере, убеждался в собственном бытии. Крепко задумывался Белый Медведь в такие ночи. Перед его взором вставало родное селение с жаркими кострами; свет их как будто бил ему в глаза, и даже по коже его разливалось тепло при одной мысли о них. Да, потомки Гарма и другие смиренные, добродетельные люди сидят себе теперь у огня и, приятно поеживаясь, разговаривают о том, как убийца Белый Медведь скоро впадет в такую нужду, что начнет колотить свою жену и обвинять ее во всех бедах, а уж к середине-то зимы парочка, небось, явится домой умолять о прощении. Тут Белый Медведь улыбался в темноте.

И даже когда, к концу года, смертельный холод и непрерывный снег грозили погубить солнце и луну, Белый Медведь смеялся, прижимая к себе Весну. Но она дрожала. Благодаря своей молодости и здоровью они могли пережить зиму, но круто им приходилось. Чета новоселов была слишком богата счастьем, чтобы грустить, и ни одной жалобы не срывалось с их уст, но мерзли они ужасно. И Белый Медведь твердо решил добыть огонь.

Прежде всего он отбросил всякую мысль о том, чтобы достать огонь у других. Проще всего было бы, конечно, прокрасться домой и выпросить огонь или украсть его от одного из костров; но это-то ему как раз и не хотелось. Менее невозможным казалось похитить головню из самого священного костра потомков Гарма, нанесен им формальный визит в полном параде — с копьем и топором... Но нет, Белый Медведь не мог пойти на это. Раз Огневик и его род унаследовали костер, то он и принадлежит им, а никому другому. Долго витали мысли Белого Медведя и около таинственного огненного камня, хранимого Огневиком в могиле Всеотца. А если забраться туда как-нибудь ночью и похитить камень? Младыша Древнего, небось, давно нет в живых; это одно суеверие; там самое большее, тлеют его кости, а они ведь не сделают человеку зла. Но Древний все-таки жил когда-то и дал огонь своему роду; так, пожалуй, правильнее будет оставить все ему принадлежавшее как оно есть. Ни на что не похоже было оскорблять предка, раз возможен другой исход. А такой исход — самому добыть себе огонь. На том Белый Медведь и порешил. Да!

Он натаскал из сосняка топлива и сложил из него костер — это было все, что успел он сделать в первую зиму.

Через год они снялись и пустились в путь, прожив только еще одно лето на скалистом островке. Лето выдалось особенно жаркое и грозное; солнце так и жгло, и чуть не каждый день гремел гром и лил проливной дождь. Ледник заметно похудел от этого. На островке оттаяло, и освободилось ото льда вдвое большее пространство, чем обыкновенно; окрестные острова тоже стали с виду значительно больше. Ледник как-то тускло мерцал в светлые ночи своими зелеными пропастями навстречу молниям. Днем же, когда не лил дождь, облака подымались высоко-высоко и как будто раскалялись добела, росли, словно живые, наливались и сияли под лучами солнца — пока опять не затягивали все небо и не собирались над Ледником в жаркую грозную тучу. Молнии ударяли прямо в лед и раскалывали его насквозь до самого дна; громовые раскаты будили эхо в таявших ущельях. Вот это была погода! Ни Белый Медведь, ни Весна не нуждались в огне этим летом. Но Белый Медведь не забыл зимы; страдания Весны глубоко запали ему в душу. Он знал, что должен добыть огонь во что бы то ни стало.

Бурное лето прошло, не принеся парочке ничего нового и важного, кроме чуда-малютки, которого Белый Медведь с восторженным гиканьем вынес на дождь. Мальчуган родился с двумя зубами, и счастливый отец пророчил ему великую будущность. Пока же он стал великим обжорой.

Но когда холод опять стал надвигаться на островок, Белый Медведь встревожился. Он ведь так и не добыл огня. Ночи сначала посинели, а потом и почернели. Белый Медведь стонал во

сне, если ему случалось забыть на время от своих неотвязных дум. А раз ночью он обнял Весну и признался ей, что никак не может добыть огонь, при чем в его голосе слышались слезы. Но он предложил ей переселиться; что она скажет на это? Ну, конечно, Весна была готова идти за ним хоть на край света. На том они и порешили. Белый Медведь намеревался двинуться к югу. Раз он не может добыть огонь, надо переменить место жительства. Он слышал, что подальше к югу Ледник кончается, и начинается жаркий край с большими лесами, где живут голые дикие люди; надо было попробовать добраться туда.

Лето уже давно минуло, когда маленькая семья снялась с места; несмотря на позднее время года, гроза устроила им прощальный салют раскатами грома и оплакала их потоками дождя, обливавшего Ледник, который так и сверкал своим бездонным зеленым блеском при свете молний. Белый Медведь огляделся вокруг: все небо изборождено молниями, целый мир огня, но для него — ни искорки! Он улыбнулся, но это была беспомощная, грустная улыбка, пробежавшая по глубоким складкам около рта. Затем они пустились в путь, ни разу не оглянувшись назад.

Маленькое стадо полуручных оленей да кое-какие шкуры для юрты и одежды — вот и все имущество семьи, если не считать оружия Белого Медведя и корзинок Весны с разной мелочью. Снаряженные таким образом совершали они свой путь к югу. Зима застигла их в пути, и зима суровая, но зато она облегчила им путь, засыпав Ледник снегом, который, смерзаясь, образовал бесконечную гладкую, снежную равнину; куда удобнее было идти по такой равнине, чем по голому льду, изрезанному трещинами и расселинами.

Всю зиму они шли, но ушли не особенно далеко, а Белому Медведю казалось, что он уже успел состариться. Лишь с большим трудом и напряжением всех сил удавалось ему отгонять нужду от маленькой холодной юрты, которую они раскидывали на снегу. Часто ему приходилось целые дни и ночи выслеживать дичь, чтобы вернуться домой с добычей; и все это время он думал о двух беззащитных существах, оставленных в юрте. Перед ним — быстроногое животное, не дававшееся в руки, а за ним — страх за семью, от которого слабели ноги; но приходилось двигаться вперед, чтобы было с чем вернуться обратно. По возвращении домой он находил юрту занесенною снегом, а вокруг нее ковляляли олени со спутанными передними ногами и мордами, покрытыми инеем.

Их Белый Медведь шадил, как ни трудно было ему добывать дичь, — их молоко было единственным средством спасения для Весны во время его долгих отлучек: ими можно было пожертвовать лишь в самом крайнем случае. Весна собирала мох и ягель на каменных глыбах скалистого плоскогорья, выступившего из-под ледяного щита, и защищалась от волков, когда Белый Мед-

ведь с собаками был на охоте. Когда же ему удавалось сделать добрый запас дичины, они снимали юрту и шли дальше.

Во время буранов им не оставалось ничего другого, как прятаться в какую-нибудь нору или пещеру и пережить непогоду. Иногда им приходилось неделями просиживать в крошечной тьме, и они едва не теряли дар речи. Вообще они претерпевали такую жестокую нужду, что впоследствии не могли даже вспоминать о ней; она замораживала душу и сама стирала в ней свои следы. Зима тянулась так долго и была так сурова, что у этих двух людей ум заходил за разум, и, в конце концов, они сами не помнили — в пути они или на месте, не помнили, куда идут, и кто они сами. Право, как будто прошли тысячи лет. Северное сияние раскидывалось по небу в тихом безумии, бродило призраком близкой и все же далекой вечности над головой этой семьи, лишенной огня, заблудившейся в снегах.

На самом же деле зима эта была короче обычного; оттепель наступила внезапно и бурно. Но и она давала Белому Медведю с семьей немало хлопот, пока они пробирались по снегу.

Последнее время, впрочем, они двигались гораздо быстрее прежнего. Белый Медведь придумал приспособление для езды, которое впоследствии превратилось в сани. Вместо того, чтобы выючить на оленей сложенную юрту и прочие пожитки, он заставил их тащить за собой всю поклажу по снегу волоком, подложив под нее, чтобы

воз легче скользил, служившие подпорками для юрты березовые палки. Волоком олени могли тащить гораздо больше, чем нести на себе, и скоро Белый Медведь с Весною стали и сами присаживаться на воз. Это было значительное улучшение, которое еще сильнее закрепило узы между семьей и оленями.

Белый Медведь очень радовался новоизобретенным саням и скоро придумал для них форму, на которой и остановился, как на лучшей. Оказалось, что достаточно и двух длинных березовых палок, но с загнутыми кверху передними концами, чтобы они не зарывались в снег и чтобы соединявшие их ремни не перетирались. Для того же, чтобы сама поклажа не волочилась по снегу и не задерживала хода, он положил поперек этих двух полозьев несколько выгнутых ветвей, накрепко привязав их ремешками; вот сани и были готовы. У Белого Медведя были руки, а необходимость довершала остальное.

В хорошую погоду, когда солнце ярко освещало ровный хрустящий снег, Белый Медведь гнал оленей рысью, весело гикая на них, и тогда он и Весна как будто просыпались от долгой спячки и узнавали милые, чумазые лица друг друга. Да, невзгоды могли одурманить их и повергнуть в состояние духовной слепоты и забвения времени, но настоящей печали они не знали и вновь находили самих себя, скользя под лучами солнца по замерзшему снегу на санях, запряженных резвыми, выпускающими на бегу гортанные крики оленями в сопровождении лающих собак. Эх, ну! Мальчуган высовывал голову из мешка за спиной Весны и таращил круглые заспаные глазенки на мир, быстро проносившийся мимо саней. Так продвигались они вперед.

И так добрались они до моря. Белый Медведь направился на юг, но по дороге отклонился к востоку, и это привело его от Ледника на побережье Упланда*. Попозже, когда стаял снег, покрывавший также материк у южного края Ледника, Белый Медведь увидел, что они попали на свободную ото льда низменность, с озерами, болотами, ручьями и с торчащими кое-где скалистыми вершинами, уходящими в море в виде шхер и островков.

Ледник остался далеко позади на севере, но еще не так давно доходил и сюда, спускаясь в самое море. Поэтому берег и шхеры были еще голы и словно отполированы льдом; да и по всей низменности Белый Медведь видел следы Ледника, а подалее к северу, по берегу, все еще тянулся рукав Ледника, заполнявший собою фьорд. Белый Медведь слышал с той стороны грохот и вздохи, когда лед обрушивался в море и уплывал в виде ледяных гор. Но через несколько лет Ледник совсем отошел от берега, а ледяные горы, показывавшиеся иногда далеко в море, были уже не здешние, а приплывавшие с крайнего севера.

* Упланд — часть Швеции с городами Стокгольм, Упсала и др.

То-то Белый Медведь раздувал ноздри и принюхивался, знакомясь с морем! Острый соленый запах всколыхнул со дна его души что-то доселе скрытое и непонятное ему самому; это заговорила в нем тоска Младыша по морю; она была в крови у Белого Медведя. Воспоминание о море, любимое детище души Младыша, передалось от него потомкам, — дремлющая страсть, которой достаточно было солено-влажного ветерка, чтобы проснуться. Белый

Медведь, широко раздувая ноздри, втягивал в себя морской воздух, и море усыновило его.

Выразилось это в том, что ему тотчас же захотелось пуститься дальше. Он уже и без того стремился к южным лесам, а тут его еще пуще взманили эти неустанно катящиеся вдаль волны; немудрено, что все существо Белого Медведя охватила жажда странствий. Как раз тут, где был положен предел его стремлениям, ему виделось самое начало пути. Да, море стало ему поперек дороги, но оно же должно было послужить ему путем!

Белый Медведь с Весной поселились в этой низменности, между окаймленными кустарником болотами и озерами, настолько далеко к югу от Ледника, что его зеленое мерцание едва брезжило вдали на севере. С другой стороны горизонт оканчивался шхерами и открытым морем. Дичи в этой местности водилось достаточно и все прибывало; целыми стадами переселялись животные в освобожденный от ледяного покрова край. Пресные озера и ручьи внутри страны кишели рыбой: лососями, щуками, угрями, которые пришли Белому Медведю по вкусу, и которых он скоро наловчился приманивать извивающимися на крючке червями. Самое море казалось блестящим рыбным полем; киты пригоняли к берегу целые стаи сельдей, которые шли такой плотной массой, что по ней можно было ходить, как по суше. Да, жирное тут было житье, и сердце Белого Медведя так насытилось, что его еще

сильнее стало тянуть вдаль. Душа его жила на лунном мосту между шхерами, когда море вздымалось и заключало весь мир в свои бурные, безбрежные, как вечность, объятия.

Но он никуда не двинулся. Прошли годы, а Белый Медведь с Весной все еще жили в низменности между Ледником и морем. Весна дарила семье ребенка за ребенком. Но, хоть и нельзя было двинуться дальше, Белый Медведь не переставал строить планы путешествия, его мысли неустанно вертелись вокруг одного, — как бы найти средства двинуться дальше. Зимой он, конечно, мог пользоваться санками, и совершал на них далекие поездки по замерзшим озерам и между шхерами; даже забирался иногда далеко в море, если лед был крепок; но, в конце концов, открытое море все-таки преграждало ему путь. Летом сани стояли без дела; весенние оттепели превращали всю низменность в одно сплошное вздувшееся болото, которое так же основательно загораживало Белому Медведю путь, как и море. Необходимо было что-то придумать.

На Леднике не было повода задаваться мыслями о плавании, хотя охотники за мамонтами, пожалуй, и умели переправляться через весенние разливы на льдинах, оторвавшихся от Ледника. Но ходили темные сказания о том, что Всеотец в свое время умел плавать по водам; говорили, что на Ледник с юга он именно приплыл — по одним рассказам, на древесном стволе, по другим, на спине заколдованной черепахи; во всяком случае, способом, недоступным для простых смертных. На что только не был мастером Одноглазый! Белый Медведь и не думал тягаться с Всеотцом по части сверхъестественных способностей; он был просто человек, который приспособился, как умел, для чего ему были даны руки и голова. Тем не менее Белый Медведь мудрил-мудрил, да и умудрился таки изобрести искусство плавания.

Крупного леса в стране не водилось; но Белый Медведь имел возможность убедиться, что в былые времена такой лес существовал. В ясные дни, когда солнце освещало темные болота, на дне их можно было различить целый подводный склад поваленных, покрытых тиной древесных стволов различной толщины. Это был затонувший лес, и Белый Медведь предавался разным мыслям, глядя на этот безмолвный, погруженный на дно мир, который, как он понимал, принадлежал давно минувшим временам. В зеркальных водах мшистых болот-озер отражалось небо с высокими облаками, и только сквозь собственное отражение, смотревшее на него из воды, как живое, Белый Медведь проникал взором на дно, где покоился погибший лес. И вот диковина: когда он всматривался в этот лес, его собственное отражение исчезало, а когда видел самого себя — скрывались из глаз деревья.

Но как бы там ни обстояло дело с исчезнувшим лесом, Белого Медведя манило добраться до леса живого, лежавшего подальше

на юге. В том лесе было все его будущее. Однажды он опустил на дно ремень с петлей, желая выловить один большой круглый ствол, совсем свежий на вид, сохранивший даже следы листьев и до сих пор смолистый. Белому Медведю пришлось в голову: нельзя ли использовать этот лес минувших времен, добыть себе со дна болота судно для переправы на юг? Мысль была недурна, но ствол рассыпался в прах, едва он потянул на себя ремень: вытащился один пень, да и тот оказался прогнившим насквозь и набитым тиной. Таким образом, лес умер для Белого Медведя в двойном смысле.

После этого размышления направили его по другому следу, более реальному и быстрее ведущему к цели. Белому Медведю хотелось перебраться через море, отделявшее его от юга; для этого ему надо было научиться плавать по воде, и он, сам того не зная, делал в этом отношении постепенные успехи. Покрывавшие низменность обширные озера и болота были окружены редкими порослями березы, осины и различных карликовых деревьев и кустов; порядочной высоты достигала лишь береза, но и та не давала сколько-нибудь крупных бревен. Поэтому пришлось выбросить из головы всякую мысль о переправе на древесных стволах. Черепахи же, попадавшиеся ему, были величиной всего с ладонь, и если Всеотец в самом деле приплыл на одной из них, то тут, разумеется, не обошлось без колдовства. Белый Медведь подметил, однако, что пустой черепаший щит хорошо держится на воде; форма его была приспособлена для этого как нельзя лучше. Беда только, что человек покрупнее черепахи, да и весит больше. Белый Медведь был прежде всего тяжеловесен, в чем ему то и дело приходилось убеждаться. Но, когда ему случалось бродить по болотистым местам с бесчисленными ручьями, он часто переправлялся через них по мосту из ветвей и кустарников, которые валил в воду, пока они не выступали на поверхность. Если же вода была слишком глубока и широка, он умудрялся набросать на воду такую кучу ветвей и даже целых деревьев, что она могла поплыть и сама, так что можно было переправляться на ней с помощью шеста. Чтобы куча не рассыпалась, он скреплял ее ремнями; и вот, из такой кучи и создавался мало-помалу, путем бесчисленных повторений, — плот. Белый Медведь стал плотовщиком.

Он то и дело плескался в воде со своими новыми судами, все улучшая их; это занятие стало его второй натурой. Он испытывал всякого рода предметы — держатся ли они на поверхности воды, не пропускают ли воду, хорошо ли разрезают ее струи и сохраняют ли равновесие. Белый Медведь постоянно возился на берегу моря, по уши уйдя в свои мокрые опыты, посинев от холода и с капелькой на кончике носа; солнце подымалось и проходило над его головой, а он все возился. Он стал хорошим плотником и настоящим водником. И что всего замечательнее: ничего он так не

боялся, как именно воды; инстинктивный ужас охватывал не знавшего страха богатыря, и заставлял его корчиться и реветь, как кабана; стоило ему попасть на глубокое место. Белый Медведь не умел плавать. Он видел, как другие животные весело лезли в воду, но такая привычка была ему не по нраву. Как раз, когда вода поднимала его, когда он чувствовал, как податливая и тяжелая сила выпирает его члены вверх, им и овладевал безумный страх, нелепая потребность уцепиться за что-нибудь, от которой он так и не мог избавиться всю свою жизнь. Его сыновья, наоборот, были прирожденными пловцами и ныряли в воде словно выдры; кожа у них была всегда холодная и сморщенная от постоянного купанья и беганья под дождем.

Все сыновья Белого Медведя были белокуры, с белой кожей, огрубевшей и сморщенной от постоянной сырости. Летом же на лицах у них высыпали веснушки, свидетельствующие о темной крови, примешанной к крови их рода матерями, выведенными из лесов: солнечный загар выступал в виде пятнышек. Белокурые же волосы детей отливали красноватым золотом, напоминавшим немножко о темных южных кудрях, выбеленных севером. Глаза сохраняли отражение летнего блеска Ледника. Сыновьям Белого Медведя предстояло стать славными мореходами.

Но чем беспомощнее был в воде Белый Медведь, тем больше имел он оснований задумываться над изобретением предмета, ко-

торый сам собою держался бы на воде и мог, вдобавок, выдержать тяжесть его тела. Это была все та же мечта о поездке за море, и еще дальше; и это влечение унаследовали от Белого Медведя его сыновья.

Не будет преувеличением сказать, что Белому Медведю не сиделось на месте ни единого дня, пока они жили на побережье, и все-таки семья продолжала жить там, пока дети не подросли. Мальчики превратились в юношей с сильными, ловкими руками и хорошей памятью; они плотничали и ворочали мозгами вместе с отцом. Орудия создавали работу, а работа создавала орудия. Белый Медведь и его сыновья точили теперь свои каменные топоры и резцы, — в отличие от предков, которые довольствовались грубым обтесываньем. Много труда и времени было потрачено на то, чтобы отполировать твердый кремневый топор о точильный камень; но зато он и вонзался в дерево, где следует, не уродуя своим лезвием материал. Белый Медведь с сыновьями продолжали придумывать, и всякое новое изобретение делало их умнее. Они унаследовали взгляд Младыша, его зоркие, близко поставленные глаза, которые так и искрились, перебегая с предмета на предмет, над которыми он трудился. И, наконец, они добились того, что смастерили на берегу перед жильем первое судно.

Это был длинный плот из скрепленных березовыми прутьями древесных стволов, но не с плоским, а с углубленным днищем, в котором все щели были замазаны салом и законопачены звериной шерстью, так что плот не только держался на воде, но и обеспечивал сухое помещение пловцам. Величина судна была порядочная, оно могло поднять нескольких человек, и ход у него был хороший. Шесты же были снабжены плоскими концами или лопастями, с помощью которых можно было двигать судно по глубокой воде, где шестом до дна было не достать. Белый Медведь испробовал вместе с сыновьями свое судно на озерах и остался им очень доволен. Если ветер был попутный, они поднимали кверху густолиственные ветви; ветер упирался в них и гнал судно, так что пловцам не приходилось и братья за весла; шкура, распяленная на березовых палках, ловила ветер и везла еще лучше.

Приставив к глазам руку щитком, Белый Медведь смотрел на юг, где на горизонте небо сливалось с морем; теперь уж скоро они отправятся в путь! Но сначала надо было сделать судно побольше или выстроить их несколько, чтобы захватить всю семью.

Весна молчала и смущенно смотрела на своего господина, когда тот, радостно сверкая голубыми глазами и напоминая всеми своими движениями готового взлететь орла, объявлял ей, что пришла пора им отправляться в путь. Муж повторял это уже столько лет, что дети Весны успели за это время стать такими же большими и — не в обиду им будь сказано — такими же сумасшедшими, как отец. Весна с глубоким изумлением взирала на своего

супруга, который мог оставаться все таким же сияющим и полным надежд, как в дни их беспечной юности, даром что оба они были уже немолоды. Но его планы пугали ее и, когда он заводил свою песню о дальнем пути, она окидывала свой дом взглядом человека, сраженного ударом и бессильного подняться вновь. Весне было о чем жалеть.

Она не оставалась праздною те долгие годы, в течение которых Белый Медведь, так сказать, каждый день собирался сниматься с места; она жила, день за днем строя свой Дом. Для Весны не существовало ни будущего, ни многообъемлющих мечтаний, но зато она была верна в малом. Пока Белый Медведь до самозабвения увлекался постройкой своих многообещающих судов, Весна, верная своему призванию, занималась делом насущным, и под ее руками оно постепенно росло и расширялось. Она никогда не увлекалась, никогда не меняла своих привычек; чисто по-женски, забывая хорошее для лучшего, она ввела с годами в обиход много новых и необходимых вещей.

Белый Медведь, пожалуй, мало обращал внимания на ее мелкие повседневные заботы, — он был занят охотой или увлечен своими мореходными мечтами; но он видел ее такой, какой она была: сдержанной, вечно деятельной, как сама доброжелательная судьба, и ставшей как бы добрым гением Белого Медведя, его вторым, приземленным «я». Весна всегда была тут, пышная и кроткая — даже в проливной дождь — с длинными светлыми волосами, распущенными по плечам, и вечно с малюткой, вечно на ходу туда и сюда по недалеким путям домашнего очага, то кормя, то охраняя и защищая. Редко можно было увидеть ее на таком расстоянии от дома, чтобы нельзя было окликнуть, и в таких случаях за обедом уж непременно появлялось угощенье в виде добавочного блюда из зелени.

В эти годы грозы бывали особенно часты, и раз-другой Белому Медведю случилось при свете молнии видеть Весну, стоящую под проливным дождем в кругу прижавшихся к ней детей и домашних животных. Она спокойно смотрела на непогоду, которая загоняла всех под ее крылышко; гром был не ее ума делом, как и все, чем ведали Великие там, наверху, и вообще *мужчины*; вот она и оставалась спокойной, а дети и боязливые животные жались к ней, находя в ней успокоение и защиту.

Такой она осталась в памяти Белого Медведя и тогда, когда молодость давно уже прошла: солоноватый вкус дождя на языке, сернистый запах близко ударившей молнии и — Весна, юная, цветущая, с мокрыми распущенными волосами, благоуханная, как дикая бузина, простирающая отягченные цветами руки-ветви навстречу солнцу и дождю.

Теперь Весна превратилась в коренастую, крепко вросшую в свою семью мать, всегда готовую защищать свое добро, вооружен-

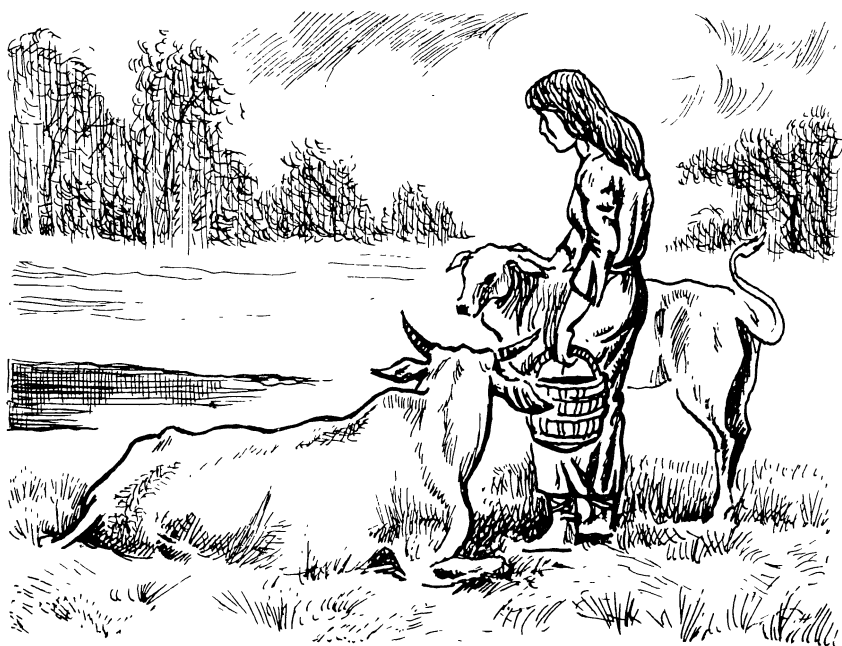
ную молчанием и наученную опытом не торопиться и не жертвовать сгоряча хорошим ради лучшего. Она чистосердечно улыбалась каждый раз, когда Белый Медведь с торжеством объявлял ей, что готов новый плот и что скоро — в путь! Весна была уверена, что судно придется поправлять и перестраивать еще не раз. Только, когда муж очень уж твердо и уверенно говорил о поездке, так что она начинала казаться неизбежно и близкою, Весна терялась и недоумевающе оглядывала свой дом, с которым так сжилась. А как же быть с коровами? Разве и их повезут по воде? Кроме того, у Весны было поле с ячменем и другое со льном, да целый огород с грядками гороха, тмина, лука и свеклы; что же, она и поля возьмет с собой? Что такое он говорит?

Да, Весне жаль было расстаться со многим. Она держала домашних животных, и у нее было полевое хозяйство. Вышло все это само собою. Сначала у семьи не было огня, и нужда заставляла Весну перебиваться всякими способами; потом же, когда огонь был добыт, ей и вовсе удержу не стало; чего только она ни предпринимала! Коровы были дороги ее сердцу; их она завела, когда ее очаг не был еще согрет огнем, и они спасали жизнь ей и детям; ни за что бы им не пережить тех холодных дней, не будь у нее коров.

Дикие рогатые животные стали появляться в долине после того, как Ледник начал отступать; это были стройные, легконогие похожие на оленей животные, с большими влажными глазами, и любопытные, как в первый день творения. Маленькие новорожденные телята, еще нетвердо стоящие на ногах и ковыляющие вслед за матерями, сразу овладели девически ненасытным сердцем Весны, и она, присаживаясь на корточки, простирала к ним руки и манила к себе.

Вначале животные даже не были пугливы; они начали бояться только после того, как Белый Медведь стал охотиться на них. Но и тогда коровы, по простоте своей, часто останавливались совсем близко, располагались полукругом и, повернув рогатые головы мордой к неведомому им существу, спокойно смотрели на него, пережевывая пищу. Если он подходил слишком близко, они немного отбежали и опять оборачивались, останавливались и, осев на задние ноги, смотрели своими темными, как ночь, глазами и осторожно пофыркивали влажными ноздрями. Случалось так, что некоторые из них выступали из круга, движимые непреодолимым любопытством, приближались и даже пробовали принять угрожающее положение, взбрыкивая передними ногами и весьма зловеще посапывая; только кроткие глаза совсем не соответствовали этой воинственной осанке, и скоро корова, успокоившись, склоняла голову набок, моргала дрожащими веками и поворачивала обратно.

Улучив подходящий момент, Белый Медведь метал копые, и одно из животных оставалось лежать на месте с копыем в теле, а

стадо галопом пускалось прочь. Охотнее всего Белый Медведь убивал больших быков; на них охотиться было интереснее, и порою они даже волновали в нем кровь — когда сами переходили в наступление.

Теперь низменность изобиловала стадами животных; в солнечные дни с вершины холма открывались тянувшиеся на многие мили болота и луга, испещренные тенями бегущих облаков вперемежку с кучками животных. Тут бродили не одни дикие быки да коровы, но и олени, и туры, а сквозь заросли пробирались стада кабанов; на холмах в черничнике обитали медведи; у ручья лисицы ловили лапой форелей; в молодом березняке ходили стада лосей, а у карликовой сосны вдруг неожиданно появлялись крылья, и она выпускала в воздух огромного глухаря; вереск казался живым от множества птиц.

Вблизи все пространство кишело зверьем, а вдали стада сливались уже туманными полосами, уходящими за горизонт. Таким образом, в мясной пище недостатка не было и добывать ее было легко; это-то изобилие и позволяло Белому Медведю спокойно заниматься постройкой судов, способных переплыть через море.

Но Весна в первый же год попросила Белого Медведя поймать ей несколько коров, которых она хотела приручить; олени здесь не прижились, захирели, тоскуя по своей родине на Леднике, и

перестали давать молоко. Просьба ее была исполнена, и в первый же день коровы послушно улеглись на привязи, жуя свою жвачку и поглядывая вокруг сытыми глазами. Они давали гораздо больше молока, чем олени, были кротки, и скоро стали лучшими друзьями детей. Весна любила их, — они были ее сокровищем, ее подругами. Она возилась с ними и вела с ними дружеские беседы; теплота их насыщенных кровью рогов передавалась ее рукам, и доходила ей до сердца. От них приятно пахло травой, которую они ели, и той пищей, которой они делились с другими.

Щедрые материнские руки Весны необычайно искусно справлялись с коровьим молоком. Она приготавливала из него творожный сыр. Это сделалось само собой, — молоко держали в сычугах, и у Весны всегда был запас круглых сырных лепешек. Когда мужчины возвращались домой со своих мокрых трудов — с кораблестроения, с рыбной ловли или с плавания по озерам, — они не знали, как и благодарить мать за ломтик сыра.

Мальчики в оплату изготавливали для нее костяные ножи и шила. А Белый Медведь заинтересовался пряжей, которую терпеливо сучили пальцы Весны и ее дочерей, — особенно после того, как он сам начал плести неводы для рыбной ловли. Для этой цели ему требовалось много пряжи, и он, как всегда, постарался найти кратчайший путь; повозившись с опытами денек-другой и посверкав глазами, он подарил Весне веретено, с помощью которого можно было спрясть в десять раз больше льна, чем в такое же время одними пальцами. Веретено состояло из палочки с насаженной на нее круглой бляхой, которая, — стоило ее пустить в ход, — вертелась сама собой, вытягивая пряжу; ссученные нитки наматывали на палку и продолжали прясть, не боясь, что пряжа спутается. Веретено имело большой успех у женщин и не переставало жужжать в доме.

С тех пор, как снова был добыт огонь, и Весна обожгла себе большой запас горшков и корчаг, она научилась делать масло. По правде сказать, изобретение это обязано было своим происхождением личной потребности Весны: она любила натираться ароматными мазями. Сначала она и дочери натирались густыми сливками, плававшими на поверхности молока, так как их легко было снимать. Но мазь была особенно хороша, если ей давали постоять некоторое время, а еще лучше, если ее усердно взбалтывали в горшке. Это стоило порядочных трудов, и женщинам приходилось заниматься этим поочередно, но они охотно трудились, пока сливки не сбивались в масло, которым они могли натереться. Белому Медведю тоже очень понравилась эта мазь, но, по грубости натуры, он предпочитал ее для внутреннего употребления, и Весна готовила для него большие порции этой мази. Мало-помалу масло стало своего рода лакомством, вносящим разнообразие в ежедневный рацион.

В печении хлеба Весна тоже сильно продвинулась вперед; но все, что касалось зерна и земледелия, введенного ею, было связано с особым таинственным союзом ее с землею, специальным женским культом, начало которому было положено в тот счастливый день, когда огонь был обретен вновь.

ОТТЕПЕЛЬ

Как обильно льется дождь!
Не звучит ли он влюбленным шепотом,
Из уст в уста —
Между небом и землей?

Белому Медведю все доставалось словно в подарок. Когда ему пришлось покинуть свое племя проклятым отщепенцем, судьба научила его, как добраться до более благодатных мест, до рая животных (где, однако, сам он никогда не чувствовал себя дома); да мало того, — уж воистину благодать! — сам климат изменился, стал теплее. Белый Медведь стремился на юг, а тот сам шел ему навстречу.

Солнечное око обещало северу великую оттепель. Ледник внезапно и быстро пошел на убыль. Вначале Белому Медведю с того места, где находилось его жилье, еще виден был зеленоватый отблеск льда на северо-западном краю неба; но потом отблеск этот стал отдаляться и, наконец, совсем исчез, — Ледник скрылся с горизонта. И не диво — такая погода способна была растопить горы. Теплые ливни и грозы почти не прерывались. Всю весну над землей носились тучи, грозившие потопом; порою солнце прорывалось сквозь них и дарило землю такой яркой многообещающей улыбкой, что даже животные подымали головы от мокрой земли и удивленно оглядывали окружающий мир.

Черные градовые тучи, пронзаемые молниями, носились по небу даже при ярком солнце и убеляли землю градом. Когда же туча проходила, и раскаты грома затихали вдали, над зелеными лугами перекидывалась радуга, а на травинках трепетали сверкающие капли дождя, словно слезинки на ресницах ребенка. Одна, две и даже три чудесные радужные дуги вставали одна над другою, — окрашенные райскими цветами мосты, не то опирающиеся на землю, не то висящие между облаками и победоносным солнцем. Каждая радуга знаменовала выигранное сражение, порождавшее надежду.

Дни и ночи падал с неба отвесною стеною дождь, вздыхая и увлажняя землю; озера вздувались, реки переполнялись и выступали из берегов и, пенясь и крутясь, неслись по долине к морю. Но дождь был теплый и нес в своем неистощимом лоне зародыш нового времени.

У детей Белого Медведя глаза разгорались при виде дождя, от которого на поверхность земли выскакивали пузыри, словно кучки человечков, которые на минутку подпрыгивали к небу и опять падали и уходили в землю, а дождь рождал все новых и новых. Радуга осеняла детство потомков Белого Медведя, суля им все блага мира.

Зима все еще возвращалась ежегодно, но холод уже не держался так долго, и оттепель с каждым разом все усиливалась. Каждую весну низменность наводнялась, и Белому Медведю не раз пригодились использовать свои суда для спасенья семьи и добра. Временами вся местность покрывалась водой, из которой торчали только более высокие места в виде островков и холмов, которые кишели спасавшимся зверьем, так что страшно было подойти к ним, да такая же масса утонувших животных плавала вокруг: Белый Медведь, строивший свои суда наполовину ради забавы, теперь начал понимать, что строил их недаром: эти игрушки могли сослужить службу и в настоящей беде. И Белый Медведь улыбался так, что лицо его сияло.

Разве солнце не друг ему? И разве он не может довериться земле? Ведь она сама дала ему огонь, когда он был одинок и лишен тепла. Солнце и земля соединенными силами растопили Ледник и дали ему огонь. Никогда не забыть Белому Медведю того дня, когда почва неподалеку от его жилища вдруг разверзла дымящуюся пасть и изрыгнула из недр своих пламя; это был ужасный миг, повергший всех в несказанный страх, но затем этот страх сменился восторгом.

Вся земля дрожала, словно предвещая близкий конец; раскаты грома неслись из самой глубины ее; ужасные подземные толчки били с ног самого Белого Медведя, а с болот слышался многоголосый вой; животные совсем обезумели от страха и метались, не разбирая ни друзей, ни врагов.

И в самый разгар смертельного ужаса и оцепенения Белый Медведь вдруг увидел, что из трещины в земле вырывается пламя, и кусты вокруг нее пылают. Он вскочил и, сообразив, что это за чудо, с бессмысленным смехом, шатаясь, кинулся к огню; земля ходила под ним ходуном, он падал, со смехом вскакивал на ноги и, наконец, добрался до огня. Сердце готово было выпрыгнуть у него из груди от счастья и благодарности. Огонь! Огонь! Он поджег ветки, закричал в порыве бешеной радости и ураганом понесся домой, к Весне, которая лежала, прижавшись к земле, и замахал над ее головою горящей веткой. Огонь! Огонь! Да, земля даровала Белому Медведю огонь, ибо она добра.

Когда огонь запылал в жилище, Белый Медведь вышел на дождь и заплакал; дождь и слезы струились по его бороде, а он упоенный, ослепленный благодарностью, не сводил взгляда с освещенных солнцем облаков.

С тех пор прошло много лет, и у Белого Медведя были уже взрослые сыновья, которым он мог рассказывать о своей дружбе с землею и солнцем. И каждую весну Белый Медведь зажигал большой костер в память о богатстве и щедрости земли. На этом костре он сжигал молодого жертвенного быка, и раз само небо милостиво довольствовалось дымом, то Белый Медведь с сыновьями всласть угощались аппетитно поджаренным мясом. Огонь был дарован Белому Медведю в ту пору года, когда кукует кукушка и северное небо светится по ночам от солнца, которое не уходит далеко; об эту-то пору он ежегодно и зажигал свой веселый костер в память первого костра, зажженного для него самой землей.

Впоследствии в ту же пору года всегда зажигали костры и сыновья Белого Медведя — даже когда разбрелись далеко друг от друга, так далеко, что не могли и видеть братских костров. С тех пор обычай этот не выводился на Севере.

Но Весна, как всегда оставшись в стороне от того, что принимали эти огромные важные мужчины — Белый Медведь с сыновьями, — стала чтить землю на свой женский лад, потихоньку от всех, движимая благодарностью за огонь, горевший в ее очаге.

Тайком вышла она из дому в первую же светлую ночь, когда солнце удалилось на покой за далекий Ледник, которому уж не суждено было больше грозить ей и ее домашним, и принесла земле в жертву пригоршни ячменя, крупных зерен злака, собранного ею в прошлом году по колоску; собственными руками терпеливо шелушила она каждое зернышко, и не было у нее лучшего дара матери-земле. Земля не пожалела для них огня, на котором Весна могла снова печь хлеб, и земле полагалась за это жертва. Правда, жертва была настолько скромна, что стыдно было показывать ее кому бы то ни было, но нельзя же было оставить землю в эту светлую ночь без всякой жертвы! И Весна с девичьей стыдливостью разбросала по голой земле зерна ячменя и, сделав свое дело, вернулась домой.

В течение лета зерна взошли, и заколосилась пышная нива. Весна истолковала это в том смысле, что земля благосклонно приняла ее жертву, и зарделась от радости и смиренной благодарности за этот молчаливый ответ земли, вернувшей ей ее жертву сторицею. Но рвать ли ей эти колосья? Для нее ли они предназначены? Ну, разумеется! Чтобы женщина смиренно и признательно не приняла милости, выпавшей ей на долю? Весна истолковала появление нивы, как великое, бескорыстное предложение союза, и приняла предложение, преклонив колени: у нее ноги подкосились от такой милости земли! С материнской благодарностью и детским простодушием приняла она этот дар могучего существа.

Так первая золотая нива заволновалась под летним ветром в

знак тайного союза, прекрасной и невинной связи между богатой Землей и безмолвным девичьим сердцем Весны.

Перед следующим летом Весна опять вышла в поле принести свою жертву земле в то время, как мужчины жгли костры на холмах, радостно приветствуя северное солнце. И в это лето нива ее выросла — и была еще пышнее. Но Весна не всю ее сжала по осени, оставила часть, полагая, что, может быть, владычица-земля удостоит сохранить эту часть для себя.

Впоследствии же Весна со свойственной ей практичностью и не без хитрости приносила свои жертвы в соответствии с тем, что ей хотелось получить от земли в обмен. Так, она жертвовала земле семена льна, которые не годились в пищу, и получала осенью стебли и волокна для своего веретена. Затем, не жалея, она сеяла семена репы и брала себе потом из земли коренья, хотя они, по самой природе своей, скорее принадлежали земле; зато Весна жертвовала земле капустные корешки, а себе брала вершки. Но что бы она ни делала, земля молчаливо и свято хранила союз, а дождь и солнце помогали вырастать тому, что эти двое делили между собою.

Вот как было положено начало полевому хозяйству Весны. Союз с землею и домашний скот долгие годы составляли ее счастье, и в эти годы она рожала и растила детей, слушая изо дня в день разговоры Белого Медведя о том, что скоро они отправятся в путь. Но пока они все оставались на месте, и Весна жила себе день за днем, создавая и укрепляя свой домашний очаг.

Ее доброта не была забыта. Сердце Весны было так любвеобильно, что у нее слезы выступали на глазах при виде птиц, летящих с соломинками в клюве к своим гнездам. Она была так кротка, что грубые молодцы, ее сыновья, ради нее, никогда не убивали животных без нужды. Память о Весне на все времена была связана с телятами и ягнятами, которые, родившись в раннее время года, зябли в поле около своих маток. И самое время года между зимою и летом было названо и освящено ее именем.

Но настал такой день, когда Весне пришлось расстаться с родным домом и вступить в длинный ряд испытаний и страхов, прежде чем ей был дарован новый родной дом. Как-то раз оттепель наступила так внезапно и бурно, что заставила семью сняться с места и искать спасения в море.

Началось с того, что тепло наступило необычайно рано, снег вдруг растаял, и с гор потекли шумные потоки, а реки вышли из берегов, взламывая сковавший их лед. Огромные глыбы, оторвавшиеся от Ледника, поплыли вниз с такою быстротой, что не успевали растаять по пути. Плохо приходилось обитателям скалистого плоскогорья на севере. Белый Медведь судил об этом по множеству трупов животных, принесенных оттуда течением; воды там, видно, было по горло, если не выше! Приносило это раннее

половодье и человеческие трупы, большею частью знакомые Белому Медведю, и он начал бояться — что станется с его народом?

Однажды он увидел плывущий по воде труп с торчащим из воды вздутым животом; на нем сидел ворон и старался клювом проковырять кожу. Белый Медведь подплыл к мертвецу и узнал в нем жреца Огневика. С того дня Белому Медведю полюбился ворон!

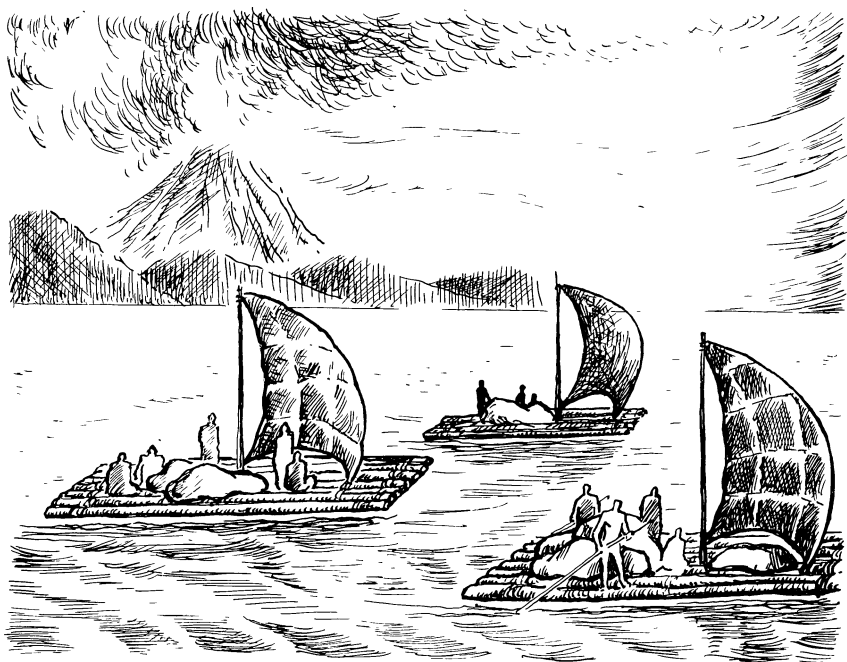
Но скоро ему стало не до старых недругов; появились свои заботы: нагрянули землетрясение и наводнение; первое рушило горы, изрыгая гром и огонь, второе надвигалось быстро и молчаливо, захватывая, словно удав, все живое в свои кольца — волны. Далеко на севере, за Ледником и горами, Белый Медведь увидел однажды огромный столб огня, смешанного с гигантскими ледяными обломками; целые горы силою огня подбрасывались к облакам, и в блеске молний снова падали на землю. Затем за клубился белый густой пар и скоро, точно облаком, затянул все небо. После этого наступил мрак, поднялся вихрь, и с неба хлынул поток грязи.

Огни пронизывали окутанный сумраком мир по всем направлениям.

С гор хлынули ревущие потоки, быстро достигшие берега и встретившие тут ураган с моря; Ледник, таявший с бешеной быстротой, образовал бурные реки, которые пробивали себе твердой ледяной грудью путь к морю, где готовили им отпор бушующие волны, встававшие на дыбы. Закипел бой, поглощавший берега и шхеры.

Когда буря улеглась, наступила полная тишь, и вся низменность превратилась в сплошное вздувшееся озеро, сливавшееся с морем. Водная поверхность медленно вздымалась и опускалась, лелея в своих бездонных объятиях отражения небесных светил. Из масс погибших животных образовались настоящие острова, медленно плывущие по воде и представлявшие собой целые чаши перепахавшихся тел, ног и рогов.

А Белый Медведь со всей семьей и добром давно уже был в открытом море. Когда он понял, что Ледник и земля вступили в схватку, и что на суше оставаться опасно, он живо снарядил свои плоты и суда, запаса пищи и огнем и отплыл со всем своим домом. Для Весны этот день разлуки был смерти подобен. Но пылающие горы и огненный дождь советовали уезжать. И они доверились морю. Они были уже далеко от берега, когда всезатапливающий поток ринулся с гор, но бешеные волны настигли суда, когда уже наполовину потеряли свою силу, так что не смогли перевернуть их. Настал штиль, и водная равнина не двигалась, а лишь тихо колыхалась в такт дыханию спящего моря. Белый Медведь и его дети сидели на своих судах, грустные, молчаливые, как

звезды над ними и под ними, в глубине. Грузные морские чудовища всплывали на гребнях бурунов между ледяными горами, отдувались и опять ныряли, сверкая при лунном свете мокрыми плавниками.

Но вот настало утро; могучее красное солнце показалось на востоке над морем; навстречу солнцу подул свежий ветер. Белый Медведь и сыновья его натянули свои паруса из шкур, и ветер понес суда вперед.

Когда они вышли в открытое море, глазам их открылась покинутая ими земля. На севере возвышались горы, освобожденные от снегов и игравшие всеми цветами, словно на заре бытия. Ледник был побежден, и сам себя потопил в море. Но выше всего вздымалась гора с круглой вершиной, над которой столбом стоял дым, тихо подымавшийся к синим небесам. И Белый Медведь понял, что на земле снова воцарился мир. Солнце победило и приняло теперь жертву земли!

Но ветер все уносил суда прочь от этой земли, на восток, пока их со всех сторон не окружило безбрежное море. Люди уже думали, что им настал конец. Лишь на десятые сутки, когда все они уже лежали без сил, на востоке показалась земля. Белый Медведь увидел, что они спасены, и назвал эту землю Страною Жизни.

Здесь они и поселились. Белый Медведь зажег костер и вступил в обладание новой землей, приветствуемый шумным хлопань-

ем крыльев перелетных птиц, державших путь с юга к северным озерам.

И здесь, видно, происходила борьба между солнцем, водою и облаками; земля лежала обнаженная, дымясь от влаги, то освещенная солнцем, то прикрытая тенью от быстро бегущих облаков. Но весна победила, и радуга перекинулась над зеленым покровом земли в знак того, что и здесь человек может считать себя дома.

Белый Медведь осмотрелся и увидел березовый лес, массу отличных стволов для постройки судов; тут можно было построить огромные удивительные суда и объехать на них весь свет! Тут он и решил остаться.

НОВОСЕЛ

В Стране Жизни* Белый Медведь столкнулся с первобытным населением. Ему и в голову не приходило, что эти маленькие шелудивые дикари, ютившиеся в чащах, словно насекомые, были те самые красивые, голые люди, которые грезились ему в лесах на юге; и все-таки это были они. Они были прямыми потомками того самого народа, который в свое время изгнал Младыша, отдав его наступившей зиме.

Понадобилось немало времени, чтобы пугливые туземцы успокоились настолько, что Белый Медведь мог хорошенько присмотреться к ним; вначале они прятались в кустах, как лисицы, и спасались бегством, чуть только к ним приближались. Чтобы лучше укрыться от погони, они обыкновенно удирали на четвереньках или пробирались ползком, выставляя из высокой травы одну спину, прикрытую жесткой шкурой; при этом они время от времени оборачивались лицом назад, скалили зубы и двигались дальше. Отбежав на порядочное расстояние, они вскакивали на ноги и продолжали отступление уже бегом до тех пор, пока не считали себя в безопасности. Белый Медведь прозвал туземцев Барсуками за их следы и за характерный запах.

Ему стало ясно, что они смотрели на него и на его высоких белокурых сыновей с величайшим ужасом и в то же время с благоговением, считая их, вероятно, какими-то сверхъестественными существами. Да и как иначе было им смотреть на этих светловолосых и голубоглазых великанов, приплывших к ним по воде на судах, о которых дикари не имели и понятия? Белому Медведю приходилось всячески приманивать их ласковыми знаками и ходить с зелеными ветвями в руках вместо оружия. И все-таки дикари не

* Страна Жизни — Лифляндия (*Livland*) — старое название территории Эстонии и части Латвии.

подходили, а подползали на брюхе, взвизгивая, как щенята, от страха и покорности.

Кроткая Весна присаживалась на корточки и, кладя себе на колени ячменные лепешки, приманивала их детей.

Постепенно они привыкли друг к другу, но, даже убедившись в том, что эти высокие белые люди не намереваются пожирать их, Барсуки все-таки продолжали валяться перед ними во прахе, как перед сверхъестественными существами. Белый Медведь таким образом не встретил с их стороны никаких препятствий к своему водворению в стране.

Земля здесь была богата обширными сосновыми и березовыми лесами, изобиловавшими дичью. Внутри страны расстилались бесконечные степи, где паслись табуны диких лошадей и овец в таком множестве, что их и глазом было не окинуть. Тут Белый Медведь в первый раз увидел дикую лошадь. Она покинула Скандинавию задолго до его прихода. Правда, по преданиям, в незапамятные времена его предки знавали животное, у которого было всего по одному пальцу на каждой ноге, и которое бегало с быстротою ветра, но Белый Медведь считал все эти предания баснями, каких много накопилось за прошедшие века; но теперь ему довелось увидеть этих животных воочию.

И Белый Медведь возложил большие надежды на близкое знакомство с ними. Это были красивые животные, со следами белых полос на желтовато-серых боках и с большими подвижными ушами. Они были очень живого нрава, любопытны, шаловливы и готовы в любую минуту помчаться веселым галопом по степи. Сыновей Белого Медведя очень занимали эти резвые животные, и они пытались подобраться к ним, держа в одной руке кусок хлеба, а в другой сложенный аркан; лошадки невольно соблазнились, приплясывали на месте, ласково извивались и, казалось, совсем не прочь были познакомиться, но когда юноши подходили чересчур близко, они все-таки пускались прочь во весь опор, так,

что в воздухе только мелькали все четыре копыта. Животные громко ржали, особенно молодые жеребцы, которые носились, размахивая гривами и сверкая белками глаз; юноши окликали их самими ласковыми именами, и лошадки кивали головами, отвечали веселым ржанием, но не подпускали к себе — дескать, рано еще!

Дело в том, что туземцы только и умели, что убивать лошадей; приручать их, делать своими друзьями — на это у них не хватало ума. Вообще они проявляли к животным такое бесчувствие, которое казалось Белому Медведю и непонятным и возмутительным. Мало того, что они убивали животных на охоте, они еще хладнокровно мучили их ради забавы; им и в голову не приходило подойти к животным дружелюбно; насколько мог понять Белый Медведь, эти трусливые двуногие считали себя неизмеримо выше всего, что называлось животным. У Барсуков, вообще, было множество особенностей, которыми они гордились, и которые Белый Медведь охотно им оставлял, нисколько им не завидуя.

Судьба первобытного народа успела подвергнуться многим изменениям с того времени, как Младыш Древний расстался с ними в утраченном краю. Большинство его родичей направилось прямо на юг и рассеялось в дальних тропических странах, откуда не подавало о себе никаких вестей на протяжении чуть ли не целого земного периода, пока потомок Младыша, Колумб, не отыскал одну их ветвь на Вест-Индских островах. Еще позже другой потомок Младыша, Дарвин, обнаружил один из последних побегов племени, сохранившийся во всей первозданной чистоте, на Огненной Земле.

Но в те времена, когда жил Белый Медведь, они успели дойти только до Южной Европы и начали понемногу перебираться в Африку и в Азию. На севере всегда оставались арьергарды, которые лучше выдерживали холод, нежели остальные, и после того как климат на севере стал теплее, многие из них вернулись на старые места, следуя за возвращавшимися животными и перелетными птицами, но только не оседали на месте, а кочевали туда и обратно, сообразуясь с временами года.

В ту эпоху, когда первобытные люди выселились из Скандинавии, страна эта еще находилась в связи с остальным материком Европы; лишь позже ее отделили от материка проливы, через которые люди уже не могли перебираться, но зато они делали обходы по берегам остзейских провинций и вместе с тем распространялись вглубь России; Белый Медведь, таким образом, застал их на побережье Балтийского моря.

Вначале пришельцы и туземцы не могли столкнуться, и одни готовы были думать про других, что у них вовсе нет языка, а только бессмысленные звуки. Но скоро они научились ловить смысл сказанного, и различие языков дало первый толчок к образованию понятий, которые затем облеклись в твердые формы.

Белому Медведю, впрочем, недолго было схватить в казавшемся ему сначала совсем чужим языке Барсуков знакомые слова, которые, должно быть, когда-то звучали одинаково на обоих языках. Барсуки умели также рассказывать былины и старые предания; так, например, у них сохранилось туманное предание о человеке, который убил своего брата и за это был проклят и изгнан в пустыню. Белый Медведь прослушал с большим сочувствием рассказ об этом злодеянии и дал рассказчику кусок хлеба.

Жившие тут первобытные люди были уже не совсем такими, какими оставил их когда-то Младыш. Бесприютность и нужда изменили их к худшему, сделали более чувствительными к невзгодам и более завистливыми. От беспечности и бездумного добродушия, которыми отличались когда-то их лесные предки, не осталось больше и следа; они уже больше не раскачивались на верхушках деревьев, держа в руках одно яблоко и стряхивая от нечего делать все остальные на землю; волосяной покров на их теле повытерся от времени и нужды; его заменили пот и пыль изгнания. Но они ничему не научились, — разве только прикрывать себе спину от зимней стужи, от которой вечно убегали в буквальном смысле слова; им даже невдомек было одеться толком, и они постоянно таскали за собой старые овчины, которыми защищали спины от непогоды. Но выделывать эти овчины они не догадывались, и овчины были жесткие и ломкие. Ими дикари

пользовались во всех случаях, прикрывались ими и в минуты опасности, и на охоте, и засыпая у своего очага. Жилищ эти люди себе не строили, а ютились, как дикие звери, в ямах на голой земле или где-нибудь под кустом, а когда дело шло к зиме, толпами тянулись на юг, подобно перелетным птицам, и не показывались на севере до весны. Между тем, у них всегда был огонь. Они таскали его за собой в корзинках с трутом, совсем как их предки в первобытное время, но не продвинулись, в смысле пользования огнем, ни на шаг вперед. Горшков они не знали. О печении хлеба не имели понятия, а также не подозревали о существовании зерна вообще, даром что бродили в нем по горло: страна изобиловала диким ячменем. Нечего было и ожидать, чтобы они догадались выращивать себе зерно! Не умели они и строить судов, зато хорошо плавали сами и перебирались, таким образом, через небольшие водные препятствия. Метательных копий они не имели и обходились самыми простыми, грубо обтесанными кремневыми осколками-топорами.

Зато Барсуки обладали оружием, которое было совершенно ново для Белого Медведя; они умели пускать палочку с кремневым наконечником в долгий и верно рассчитанный полет по воздуху; для этого они пользовались рогами антилопы, между острыми концами которых натягивали жилу. Это был лук, а как они додумались до него, они и сами не могли объяснить; но они показывали, скаля зубы, как ловят ядовитых змей и втыкают им в голову кремневые наконечники, чтобы придать своим стрелам силу. Белый Медведь впервые содрогнулся, когда на его глазах от такого выстрела упала дикая лошадь и околела в судорогах, хотя стрела только оцарапала ее. Это было гнусное колдовство, и Белый Медведь не захотел учиться владеть луком. Зато сыновья его не могли оторваться от этого оружия, и в скором времени сами изготовили себе такие луки, но из ветвей осины. Яд был им, однако, ненужен, — они не охотились из засад. Они были сильны и в скором времени так наловчились метать стрелы из лука, что могли — конечно, на не слишком большом расстоянии — пробить стрелой туловище тура.

Барсуки пользовались луком не только на охоте: они часто усаживались в круг и щипали пальцами его натянутую жилу, которая издавала при этом манящий звук, словно ветерок порхал над дальними мирами.

Барсуки очень любили вызывать такие звуки и умели их разнообразить: один щипал жилу на луке, и гуденье ее отдавалось в пустом черепе, к которому были прикреплены рога; другой колотил дубиной по дуплистому дереву, а третий дул в полую кость; остальные, усевшись вокруг звуковых дел мастеров, хором издавали странные звуки собственною гортанью. И все эти звуки вме-

сте производили глубочайшее впечатление не только на самих судорожно корчившихся музыкантов, но и на слушателей.

В этой сладкой смеси звуков были какие-то чары, которые заставляли не только людей, но и животных что-то вспоминать и оплакивать; в ней чудились отзвуки первобытного леса, пробуждавшие дремлющие на дне души воспоминания о потерянном рае.

Первоначально Барсуки, по всей вероятности, пользовались этими манящими звуками на охоте, чтобы привлекать внимание таких пугливых и быстроногих животных, как дикие лошади. Когда же лошадь, приблизившись, пытливо склоняла голову набок и, наострив большие пушистые уши, ловила чудесные звуки, несшиеся по воздуху со стороны далеких блаженных пастбищ, со струны арфы вдруг слетала стрела и вливала огонь смерти в жилы животного. Это было прибыльное искусство. Вся душа первобытного человека сказала в этом орудии — смеси ядовитой змеи и сладкозвучной арфы.

После долгих упражнений Барсуки настолько преуспели в музыке, что начали культивировать ее только как искусство, независимо от охоты. Они прикрепили к луку несколько струн различной упругости, а для усиления звуков заменили пустой, скалящий зубы череп черепашьей скорлупой; дававшей более полный отзвук; в костяной дудке стали просверливать дырочки, чтобы она стонала на разные лады, а дуплистое дерево срубили, чтобы переносить его с места на место; кроме того, они научились придавать своим жалобным звукам известный темп; таким образом, из душевного убожества и нытья возникло искусство, музыка. Да, они были настоящие артисты!

Белый Медведь и его семья не отличались дарованиями подобного рода, но были весьма восприимчивы к ним и прямо упивались музыкой, которой Барсуки угощали их, исторгая вздохи из самой глубины их души и вызывая на их лица то яркую краску, то бледность. Музыка усмиряла буйный дух пришельцев; они стояли, точно пригвожденные к месту, захваченные чарующими звуками, которые манили куда-то вдаль.

И когда пришельцы стояли вот так, прислушиваясь, они наверно очень были похожи на красивых диких лошадей, которых музыка тоже располагала к доверчивости; и они тоже тянулись всем телом вперед, словно очарованные и оцепеневшие...

Музыка Барсуков и завоевала расположение Белого Медведя, и стала причиной того, что он доверился их дружбе.

Вообще же нельзя сказать, чтобы Белый Медведь научился у туземцев чему-нибудь важному; наоборот, он влиял на них. А Барсуки проявили изумительную способность к подражанию; чуть не в одно мгновение ока выучились они и носить одежду, и варить пищу, и ездить на санях, и плавать на плотках, и всему, что знал Белый Медведь. Притом они усвоили себе все это так хорошо, что

скоро стали говорить об этом как о самых простых вещах, которые в сущности, были им давным-давно знакомы. Они даже не прочь были посмеяться над Огнебородым, который корчил из себя изобретателя всех этих простых и всем понятных вещей! *Да уж, они-то не занимались подобными открытиями!*

Впрочем, им никогда не удавалось продвинуться в пользовании этими простыми вещами дальше того, чему они научились у Белого Медведя, пока они опять не заходили посмотреть, как идет дело у него.

Под веснушчатými руками Белого Медведя орудия и дерево приносили все новые плоды. Ничего не оставлял он в первоначальном виде; все принимало более совершенные формы, стоило только ему обвести предмет своими блестящими голубыми глазами. Ни одно новое судно, ни одни новые сани не выходили из его рук простым повторением старых. Барсуки, наоборот, изо всех сил старались делать все *как надобно*, придерживаясь старых, знакомых образцов, и достигали в этом отношении совершенства, какого вообще можно достигнуть, труся по пятам того, что *само собою разумеется*.

В свою очередь, они передавали новые изобретения дальше, вплоть до самых отдаленных племен первобытного народа, и те охотно перенимали новое, но часто застревали на веки вечные на одной из его ступеней, так как были уж чересчур удалены от первоисточника.

Белый Медведь и Барсуки ладили между собою. Каждая сторона сохраняла свои обычаи. А обычаи-то были различны. Так, например, Барсуки сжигали своих покойников; это был, по-видимому, символический обряд, говоривший о тех временах, когда мертвецов жарили и съедали. Как бы в память того древнейшего обычая, члены семьи и теперь съедали маленький кусочек положенного на костер покойника, но только из уважения к нему; неловко же было отправиться на тот свет совсем уж несъедобным! Когда же Барсуки выучились у Белого Медведя печь хлеб, они стали делать из теста подобия покойников, которые и съедались при обряде сожжения трупа, и этот новый обычай мало-помалу вытеснил старый.

Белого Медведя не возмущало сжигание трупов, хотя запах и был ему противен; на Леднике он привык к другому обычаю, но вовсе не ожидал, чтобы все народы жили одинаково. Ледовики не верили в смерть. С той самой поры, как Всеотец сошел в свое жилище и навеки скрылся там от чужих глаз, вошло в обычай оставлять тяжелобольных или очень старых людей в их собственных жилых ямах, куда ставили им некоторый запас пищи, а затем, обыкновенно, засыпали яму землей. Продолжали ли после этого засыпанные жить там, никому известно не было, но им, во всяком случае, была дана к этому полная возможность.

И в повседневной жизни Барсуки, в общем, сильно отличались своими привычками от Белого Медведя. Женщины находились у них в самом жалком положении. Процветал самый непринужденный разврат. Украденное считалось законной собственностью. Трусливы Барсуки были до омерзения, хотя и очень храбрились на расстоянии. Чувство благоговения перед чужим превосходством было им незнакомо. Они улепетывали от самых ничтожных животных, но не молчали, когда возвышала свой голос природа; они выли и возились в темноте, словно стаи волков, вечно ссорились и поносили друг друга, — жалкие людишки, — но до драки у них никогда не доходило.

Между Белым Медведем и Барсуками как-то само собой установилось подобающее расстояние. Белый Медведь остался жить на побережье, возясь со своими новыми большими судами, а Барсуки продолжали кочевать все по тем же направлениям — к югу с наступлением холодов и обратно к северу на лето. Белый Медведь ласково встречал их, когда они приходили, но более близких отношений между ними не завязывалось. Каждую весну Белый Медведь зажигал костер и устраивал жертвенный пир, для которого теперь предпочитал более сладкое мясо дикой лошади; как раз об эту пору всегда являлись и старые знакомцы Барсуки. Их охотно угощали, а они всегда приносили кучу новостей. Пир сопровождался музыкальным увеселением и меновой торговлей; у Барсуков часто оказывались вещи, которые могли пригодиться Белому Медведю, а он обладал сокровищами, которых жаждали Барсуки.

Как-то раз один из этих бродячих дикарей принес с собой удивительный топор, который Белый Медведь тотчас же выменял себе и принялся усердно исследовать. Топор был красивого красноватого цвета и такой блестящий, что в нем можно было видеть собственное лицо, как в воде. А замечательнее всего было то, что топор не поддавался обычной обработке, как другие топоры из камня, не дробился и не раскалывался. Зато он расплющивался от ударов, сильно нагревался и становился таким мягким, что ему можно было придать любую форму. Самое вещество, из которого он был сделан, тяжелое, но не твердое, не имело ни запаха ни вкуса. Это была медь.

Белый Медведь пока что не особенно увлекался этим веществом, хотя и выменивал себе всякие сделанные из него вещи: Весне понравилось обвешивать себе шею разными украшениями из меди. Для выделки же орудий оно мало годилось по причине недостаточной своей твердости. Кремень оказывался сподручнее. У Белого Медведя были свои отточенные кремневые резцы и топоры, которые жадно впивались зубами в дерево и стойко выдерживали силу любого удара.

Но впоследствии Белый Медведь ближе познакомился с досто-

инствами меди и оценил их лучше. Выделявая из нее украшения для Весны, он открыл, что медь тает на огне, уже зная, что она сильно нагревается под ударами и становится заметно мягче; и вот однажды он попробовал нагреть ее на огне, а она вдруг утекла от него, извиваясь красной змеей между углями. Он просто не знал, что и подумать. После он нашел ее в золе холодным слитком и снова принялся за нее.

Мало-помалу он стал пользоваться медью для разных вещей.

Барсуки говорили, что получают ее от племен, живущих к югу и к востоку, но сами не понимали преимуществ этого вещества перед камнем и большей частью приносили ее в виде топоришков или палочек для втыкания в носовой хрящ.

Позже Белому Медведю случалось выменивать у Барсуков разные вещички еще из другого, похожего на медь вещества, которые они тоже приносили с собою из своих странствий; это вещество было желтее и еще мягче меди, так что годилось только на бусы и серьги для женщин. Познакомился Белый Медведь и с каким-то белым металлом, а также с разными раковинами, красивыми камешками и тому подобным добром, которое притаскивали Барсуки.

Общение понемногу потеряло печать новизны. Барсуки убедились, что белые люди такие же обыкновенные существа, как и они сами. Один год какое-то из племен осталось зимовать по соседству и отлично перенесло холод, так как Барсуки теперь умели строить себе жилища и обрабатывать шкуры. С тех пор они и осели на месте, устроившись по примеру семьи Белого Медведя. Вообще, они проявили немалое постоянство в наблюдении за работами Белого Медведя и в подражании ему во всем. При этом они усвоили себе особый взгляд исподлобья и постоянно как бы воровали глазами, чтобы даже не поблагодарить хозяина.

Белый Медведь оставлял их в покое. Выучившись двигаться

по морю, они промышляли рыбной ловлей, но плотов для этого не строили, а предпочитали пользоваться выдолбленными древесными стволами, идею которых тоже заимствовали у Белого Медведя. Крупного леса здесь было вдоволь, и выжечь себе с помощью огня такое корыто из толстого бревна не составляло особого труда, тем более, что оно вполне удовлетворяло потребности Барсуков. И затейливое судно, которое теперь строил на берегу Белый Медведь, уже не возбуждало в них прежнего валившего с ног изумления, а скорее просто мозолило им глаза и мутило душу, как какая-то болячка, от которой было лишь одно средство избавиться...

Судно Белого Медведя все росло. А с ним росли и его планы. Судно должно было вместить весь род Белого Медведя и унести его на край света, прямехонько в потерянный рай! Голова Белого Медведя кружилась от избытка замыслов и от работы. В разгаре творчества он бегал взад и вперед с пылающим лбом и с затекшими от прилива крови руками, а глаза его метали искры. И с какой осторожностью и ловкостью применял он тут свои орудия, как бережно и зорко направлял их; деревья же он валил одним взмахом топора. Раз завидев цель, он шел к ней напролом, как бык, и, опьяненный работой, восторженным гиканьем приветствовал солнце, — сам похожий на него своими огненнорыжими кудрями и бородой. Но случалось ему в припадке бешеного нетерпения и крушить всю работу огромным своим молотом. Он неистовствовал, как разъяренный бык, пока оставалась в целости хоть одна щепка. Случалось же это, когда он бывал недоволен результатом или обижен тем, что дело ладилось не сразу. На другой день он являлся на место работы свежий и отрезвленный, ерошил свою рыжую гриву и начинал сызнова. Сыновья помогали ему во всем.

Теперь он строил свое первое судно с килем — корабль. Из меди он выковал себе якоря и гвозди для скрепления шпангоута и, так как предстояло выстроить корабль таких огромных размеров, что ни Белому Медведю, ни сыновьям его, и никакой другой человеческой силе не сдвинуть было его с места, то строитель, наученный опытом, с самого же начала подложил под киль круглые бревна, чтобы катить на них корабль до самой воды, когда он будет готов.

Передней части кия, выдающемуся вперед носу корабля, Белый Медведь, пустив для этого в ход всю свою изобретательность, придал форму головы чудовища с разинутой пастью.

Довольно трудно было определить, что это была за тварь, да Белый Медведь и сам не отдавал себе в этом ясного отчета. Но в его крови еще бродили призраки смутных воспоминаний, унаследованных от предков, которые воочию видели отвратительного морского змея, спавшего теперь вечным сном на дне морском; ру-

ководило им в работе представление о чем-то невозможном, чудовищном, и голова зверя производила впечатление. Эта голова могла и должна была ужасать китов, когда придет время. Пока же корабль строится, пусть себе глядит в море да заражается тоской по чудесной земле, которую Белый Медведь намеревался отыскать под знаменем этой головы.

Сам же Белый Медведь, пока корабль строился, обратил свой провидящий взор на нечто другое, — на степь, тянувшуюся к востоку, без конца, без края, откуда ни погляди на нее; а ведь Белый Медведь заходил далеко внутрь страны. И эта земная беспредельность тоже не давала ему покоя. Неужели же ему никогда не суждено попасть туда, вдаль? Неужели он всегда будет ограничен этим узким горизонтом, где восходит солнце? Неужели он никогда не вступит во владение тем новым миром? А дикие лошади, — почему это им дано забираться к востоку, сколько им угодно?

Ха! Давай же ловить лошадей, приручать их и вновь налаживать старые сани! Зимой Белый Медведь вихрем понесется на них по снежным полям!

И пошла возня с ловлей и укрощением лошадей — смех, крики. Весна являлась с угощением для животных и протягивала им кусочки хлеба на ладони, чтобы лошади по жадности не откусили ей пальцы. Лошадки мягкими губами подбирали с ладони все крошки, а затем Весна обтирала свои замусоленные руки об их гривы и смеялась тому, что они не отстают от нее, обнюхивая ее руки. Белый Медведь сделал себе бич с наконечником, который со свистом разрезал воздух и кусался не хуже овода. Этот бич сумеет заставить лошадей скакать и мотать головой!

И вот, Белый Медведь с сыновьями устраивает по степи дикую скачку.

Славные лошадки бегут более чем охотно, галопом скачут впереди саней, воображая, что убегают от них и от своей неволи. На санях же сидит Белый Медведь и хохочет, — пусть себе несут кони; как раз это ему и надобно.

По бокам саней скачут сыновья, которые давно выучились садиться верхом на своих быстроногих товарищей и заставлять их бежать куда надо. Кони и всадники словно слились в одно целое и несутся вихрем. Эх-ну! Держись!

Но летом Белому Медведю не сдвинуться с места в санях. И он начинает ломать себе голову.

Долго думает он. Вон те валики, на которых он катит к воде свои суда... Что, если приладить к саням такой валик да заставить его все время вертеться и катиться под полозьями?... Валик положительно не дает покоя Белому Медведю. И вот он пробует: обматывает ремнями оба конца толстого деревянного обрубка и подвязывает его под санями; но ремни не дают валику вертеться...

Да зачем ему касаться земли всей своей длиной? Взять да обтесать всю середину, оставив утолщения лишь на концах. Теперь валик удобнее подвязать, но дело все-таки не ладится, пока Белый Медведь не догадывается просверлить самые полозья и пропустить сквозь эти дыры тонкую часть валика. Вот когда сани покатались-таки по земле! Но деревянные кругляшки на концах приходится делать покрупнее, и для этого брать стволы потолще, а такие стволы нелегко обтесывать. Гм! Ну, а почему же прямо не приладить к саням шест, и на него уже надевать круглые обрубки или чурбаны, просверлив в них дыры?

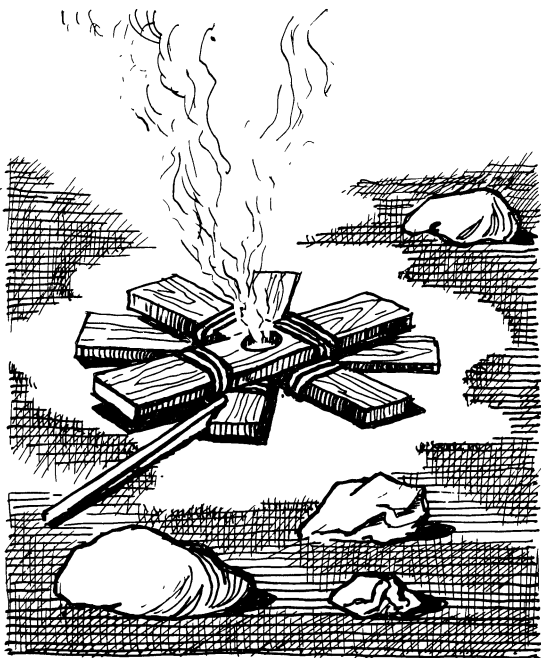
У Белого Медведя даже волосы зашевелились при этой мысли, и он-таки осуществил эту идею. После нескольких месяцев упорного труда и бесконечной рубки каменным топором, он стал, наконец, обладателем первой телеги.

Теперь только запрячь лошадей! Белый Медведь привел пару коней, и они вытаращили глаза на это деревянное сооружение о двух, может статься, весьма роковых колесах. Кони похрапывали и слегка дрожали, готовясь к галопу — хотя бы на край света в погоне за свободой! Прекрасно! Белый Медведь ничего не имел против галопу; пусть только лошадки дадут сначала надеть на себя ременные постромки. Два-три удара этими ремнями по бокам коней сразу заставили их влезть в постромки и усилили в животных жажду свободы, а Белому Медведю только того и надо было.

Еще по грызлу из оленьего рога в рот коням, чтобы им было на что выпускать пену, и — прочь с дороги, ребята!

Белый Медведь весело покатило, но не прошло и двух минут, как телега загорелась!

Да, это так же верно, — как и то, что солнце кружится по небу. Белый Медведь сразу понесся вихрем, деревянные колеса стали бешено тереться о деревянную ось и задымили почти в тот же миг, как телега покатила. Лошадям почудилась гарь степного пожара, и они пусти-

лись во весь опор. Дым повалил от обеих ступиц, потом посыпались искры, и вдруг пламя охватило оба колеса, и телега стала костром для сидевшего на ней Белого Медведя. Тут все Барсуки, которые исподтишка подглядывали за ним, уткнулись носами в землю и, подняв руки над головами, униженно залепетали мольбы Могучему — не губить их!

Но скоро они опомнились и едва не отшибли себе ляжки, хлопая по ним в припадке неистового хохота над концом поездки. Белый Медведь свалился, лошади взбесились, порвали постромки и унеслись в степь, а возница остался бороться с огнем на обломках своей первой телеги. Ему опалило волосы и бороду, и он получил изрядные ожоги всего тела, но ни на что не обращал внимания, даже на Барсуков, которые подбежали и хохотали ему прямо в лицо. Он сам хохотал во все горло, выпучив глаза от испуга и восторга, махал над головой горящим обломком телеги и испускал безумно радостные вопли: *Огонь!*

Скорее домой, в свою мастерскую, чтобы проделать все сызнова! Но пока он бежал, он вдруг замолк, — голова его опять заработала.

За ним грохотал дикий смех глупых двуногих, которые ничего не поняли, ничего не увидели, кроме того, что человек свалился и обжегся.

И с этих пор они все более и более открыто потешались над

Белым Медведем, когда он, как шальной, носился в своей телеге. Они выстраивались перед ним и притворялись верующими, благоговейно затаив дыхание, а затем сразу выпускали его и спереди и сзади, как расшалившиеся свиньи, будто бы от восторга перед выдумкой Громовника. При быстрой езде телега Белого Медведя основательно громыкала, главным образом, оттого, что колеса были не совсем ровно округлены. И когда при первой попытке еще и вспыхнул огонь, Барсуки и впрямь поверили, что пред ними сам Громовник, оттого и пали ниц перед ним. Вот за этот-то свой промах им и хотелось отплатить ему! В их смехе скрывалось злорадство, ненависть, на какую способно лишь злобное сердце. Ну, и расквитаются же они за угощение!

Но Белый Медведь не замечал, что отношение к нему изменилось. Он был поглощен своей телегой. Конечно, он немедленно соорудил себе новую и, чтобы не давать колесам загореться, придумал поливать их водой; один из сыновей садился с ним в телегу с горшками воды и все время смачивал концы оси. Так управлялся Белый Медведь, пока не додумался смазывать ось и ступицы жиром или салом. Самые колеса он тоже улучшил; круглые поперечные обрубки оказались непрочными, да и отрубать их от толстых древесных стволов было чрезвычайно трудно; тогда он крестообразно соединил два обрубка потоньше и просверлил посередине дыру для ступицы, а на концы креста натянул обод из крепкой осиновой ветки, толщиной в руку, и обмотал обод ремнем из свиной кожи. Поверх этой кожи он натянул второй осиновый обод, чтобы предохранить от трения первый, и вот, — трудно было придумать колесо лучше этого. А чтобы оно не шаталось, он удлинил ступицу. Улучшил и саму телегу, приделав к ней дышло для запряжки лошадей и вагу для прикрепления постромок.

Теперь Белый Медведь знал, что стоит ему только поехать на несмазанной телеге, как появится огонь. Таким образом, и Белому Медведю, как и его праотцу Младышу, огонь явился во время работы.

Позже Белый Медведь приспособился добывать себе огонь по-своему: устроил особое колесо с осью и вертел ее, причем колесо оставалось неподвижным. Опыт научил его также, что ось лучше делать из осины, а ступицу из вяза. И вот в его распоряжении очутилось своего рода огниво, которое давало ему огонь в любое время.

Так как это колесо не предназначалось для езды, то Белый Медведь не стал прилаживать к нему обод, а так и оставил торчать сложенные накрест спицы с загнутыми концами. И это орудие сделалось со временем таинственным знаком для всех потомков Младыша, рассеявшихся по земле; этому кругу с лучами приписывались всякие непостижимые значения; в действительности же

единственным тайным смыслом этого знака было: *неутомимость и огонь*, а прежде всего — *труд*.

Наконец Белый Медведь начал собираться в путь. Корабль был почти готов и выходил вместительным. На него ведь надо было погрузить помимо всего прочего и телегу, и несколько пар лошадей, — еще бы! Ведь и за морем придется кататься.

Оставалось только запастись зерном на несколько недель, — до заморского края не близкий путь. И Белый Медведь не замедлил помочь Весне разжиться зерном. Он видел, как она ходила и ковыряла землю суком, чтобы вскопать ямки для зерен, и разом повернул дело по-новому: придал суку удобную изогнутую форму и приспособил для пахоты быка: Весне незачем было тратить свои силы. Теперь еще одна богатая жатва — и они могут сняться с места!

КРОВЬ ЗАГОВОРИЛА

Наступила весна великого путешествия. Корабль стоял вполне готовый к отплытию, жадно разинув свою драконью пасть.

Белый Медведь зажег в этом году свой обычный костер с радостной надеждой зажечь следующий в новых своих владениях. Зато Весна на этот раз со вздохом сеяла свое зерно; она знала, что ей не придется пожинать урожай. Но она все-таки сеяла, потому что зерно дала земля и в землю оно должно было возвратиться.

Вместе с перелетными птицами вернулись бродячие Барсуки, и их щедро угостили жертвенным конским мясом. Белый Медведь, по случаю предстоявшего плавания, принес жертву солнцу, луне, морю, земле и всем силам природы. Жертвоприношение сопровождалось обильными пирами, на которых Барсуки угощали хозяев хватающей за сердце музыкой. Арфа неистово гудела, словно ветры всего света, барабан стучал, словно переполненное горем сердце, а костяная дудка прежалобно хныкала, — потерянный рай был близок! Между номерами музыкальной программы Барсуки, зимовавшие на месте, делились новостями с родичами, вернувшимися с юга; они усердно шушукались между собой, но Белый Медведь, увлеченный музыкой, ничего не замечал.

Все же он увидел, что его гости — в несколько подавленном состоянии духа, и предпринял катание на своей новой чудесной телеге: авось, они повеселеют, когда увидят, как он правит конями и грохочет по степи. Сверкающие глаза Белого Медведя, обыкновенно столь зоркие, не заметили, что Барсуки стояли, втянув шеи в плечи и давясь от бешенства; не слышал он и того, как они скрежетали зубами, сжав губы и онемев при виде его быстроты.

А новые свидетели этой шальной езды были оскорблены ею до глубины души. Недолго было умереть со страху, только глядя на колеса, вертевшиеся с такой бешеной быстротой, что почти нельзя было различить спиц. А как они громыхали-то! Словно издевались над самим Громоверхником и теми, кто стоял тут и слушал. Да разве мало собственных ног, чтобы ходить?

И что же будет дальше? Что воображает о себе этот пришелец, у которого в голове светло от безумия, и который так дерзко и упрямо мнит ослепить всех и каждого своими нелепыми выдумками? Мало ему было существующих обычаев и обрядов? Или он хочет во что бы ни стало быть не похожим на других? Ведь он не выше всех прочих людей, — это он сам доказал, обращаясь с ними, как с равными.

А они-таки дали себя повысосать. Ведь сколько меди пошло на его корабль да на колеса проклятой его громыхалки, той самой меди, что прежде украшала шеи и носы Барсуков; она позеленела от их пота и, в сущности, была их собственностью! А еще что он сказал? Вы слышали?..

Да, Белый Медведь сказал нечто, уязвившее Барсуков сильнее всего остального; при одном воспоминании об этом желчь разливалась у них до самых белков глаз. Белый Медведь случайно обронил на ходу это свое замечание да и забыл о нем, но для туземцев оно явилось кровной обидой, такой страшной грубостью, которой нельзя было простить.

Он сказал во всеуслышание, очевидно, с расчетом смертельно оскорбить Барсуков, сказал, что — большое счастье, что он с самого начала надумал пустить судно носом вперед, не то, пожалуй, люди до окончания веков плавали бы боком!

Вот что сказал он, и как это было бессердечно! Барсуки ни о чем больше и не говорили на пирах Белого Медведя и вкладывали всю свою душу в музыку и пение, чтобы усыпить в хозяине всякое подозрение.

Несколько дней спустя после сожжения костров Белый Медведь отправился в степь за дичью. Недоставало еще кое-каких запасов для корабля, а, по рассказам Барсуков, в степи, там-то и там-то, появились большие стада буйволов. Барсуки же посоветовали Белому Медведю взять с собою четырех взрослых сыновей; они поехали верхом, а он в телеге.

Днем, через несколько часов после их отъезда, к дому Белого Медведя стали со всех сторон подползать Барсуки, и основная масса их засела в кустах вокруг жилища, а трое-четверо открыто направились в дом.

Дома оставались только Весна с тремя дочерьми, из которых младшая была еще совсем маленькая, да подросток сын, по имени Змей. К нему-то и обратились Барсуки и завели разговор о том, о сем. Змей хорошо знал их; они часто приходили во двор Белого

Медведя с разными просьбами. На этот раз они попросили только глиняный горшок, но когда Змей повернулся к ним спиной, чтобы пойти за горшком, они набросили на него ременные арканы и повалили наземь. Змей отчаянно сопротивлялся и едва не освободился, да подоспели на помощь другие Барсуки и одолели мальчика.

На шум вышла Весна с маленькой девочкой; внизу в каменном доме остались две взрослые дочери. Весна не обменялась с Барсуками ни словом, но, взглянув на них и увидав лежащего на земле связанного Змея, она схватила одной рукой тяжелую дубину, другою подняла и прижала к себе девочку и принялась биться за свою жизнь и за жизнь детей. Билась она, пока свет не погас в ее глазах, неистовствовала, как разъяренная медведица, пока не потеряла сознание.

Барсуки все прибывали; трава и кусты вокруг дома кишели ими; их было так много, что они образовали сплошную массу, колыхавшуюся как море во время прилива и отлива, теснились, лезли друг на друга и даже мешали друг другу действовать. Но мало-помалу они справились: одни взялись за корабль, другие ломали сани Белого Медведя, третьи убивали домашних животных. Обоих старших дочерей вытащили из дому; они громко кричали, но им набросили на головы шкуры, и приглушенные крики похищенных девушек скоро замерли вдали.

Одна кучка схватила Змея и поволокла к дереву, чтобы замучить его. Глаза у Барсуков готовы были выскочить из орбит от кровожадной ярости, волосы торчали дыбом, как шерсть у хищных зверей ночью, тела подергивались, они сопели и отфыркивались. У них даже язык отнялся от судорог, сводивших им скулы и растягивавших рот холодным злобным смехом. Раздавался лишь голос Змея, раздавался так одиноко, потерянно среди этого множества людей. Мальчик говорил много, словно ему надо было сразу истощить весь свой запас слов. При этом его ломающийся, как у всех подростков, голос звучал ровно и спокойно, даже во время истязаний.

Стоя обнаженным перед своими палачами, он, невольно дрожа, объяснял им, что это не дрожь, что это его тело выражает свое недовольство на то, что его увечат. Кроме того, ему неприятно было в такой тесноте, и он морщился от духоты и вони, которой обдавала его толпа. Им же хотелось заставить его вопить и жаловаться, и они поджаривали ему подошвы горячими угольями, ломали пальцы палочными ударами. Змей вытягивался от боли, но молчал; он был из тех, которые не поддаются насилью. Потом он обронил словечко насчет погоды. Тогда они принялись за мальчика всерьез, стали мучить его основательно, по порядку. И им удалось заставить его заплакать.

Рыская далеко в степи, Белый Медведь вдруг увидел густой

дым и сообразил, что дыму неоткуда больше подняться, кроме как от его жилья; он очень удивился и, прекратив охоту, повернул назад. Дым становился все гуще и выше; Белый Медведь даже различал в нем языки пламени и гнал лошадей во всю прыть. С вершины одного из холмов он увидел, что горит его корабль.

Дорога к дому поросла частым мелким березняком, из которого вдруг высыпали с неистовым ревом несметные рои Барсуков и кинулись навстречу Белому Медведю. Но они даже не успели подбежать на расстояние выстрела из лука, — один вид богатыря, мчавшегося с поднятым молотом на громыхающей колеснице, отнял у них все мужество. Они разом повернули спины и порснули в кусты, как стая вспугнутых поморников. Их маленький военный план расстроился в самом начале. Продолжая свою бешеную скачку к дому, Белый Медведь не встретил больше ни единого Барсука.

И возле дома их не было, но остались следы, говорившие, что они только что бежали отсюда. Белый Медведь лишь мельком взглянул на свой корабль: судно было объято пламенем и погибло, — только обуглившаяся драконья голова еще разевала свою пасть в сторону моря. Возле дома он увидел дела похуже. Барсуки хозяйничали и развлекались тут, видно, добрый час; все подворье было забрызгано кровью. Весна... Весна лежала мертвой, сжимая в объ-

ятях изуродованный труп девочки! Обе взрослые дочери пропали.

Сына же Белый Медведь нашел привязанным к дереву и умирающим. Он стоял, склонив голову на плечо, но повернул бледное лицо и улыбнулся отцу, когда тот подошел ближе. На веснушчатых щеках мальчика чуть заметны были следы слез; потухшие глаза его были полужакрыты, он уже не видел, но еще шевелил посиневшими губами, силясь что-то сказать.

Они распоролы ему спину и вырвали у живого легкие.

Еще раз шевельнул он губами. Белый Медведь припал к ним ухом и услышал, как мальчик его шептал, что ему теперь хорошо. Затем Змей уронил голову на грудь и умер.

Светлыми северными ночами стоит березка, низко свесив частые ветви с густой листвой и белея своим пятнистым стволом, словно стройным станом. Нежное деревце все дрожит, словно женщина, окутанная длинными, пышными волосами, и северное небо, с розовой улыбкой державшее в своих объятиях дремлющее солнце, не знает, почему березка прячет свое лицо — от счастья ли трепещет или плачет? Увы! Березка скорбно поникла своей светлой, только что распутившейся листвой, увидав во сне, что ее пышная зеленая верхушка — окровавленные волосы, а каждый листочек — кровоточащая рана, и суждено стоять ей так до тех пор, пока снежная буря не окутает ее обнаженного тела своим белым саваном.

Трепещущее деревце, возбуждающее жалость чудо северной ночи, это — Весна, кроткая Весна.

А большая белая звезда, неустанно кружащая по небу, когда другие звезды уже успокоились и заняли свои места на небосводе, звезда, не сверкающая, но похожая на застывшую слезу мальчика, это — безвременно погибший Змей. Она светит тусклым светом, проходя свой путь, который мальчик не успел пройти на земле... И вот он вечно кружит над землей, сохранив свое нежное и упорное сердце.

Девочка же, убитая на груди матери, светится то вечерней, то утренней звездочкой, беленькой и задумчивой, словно душа ребенка, одиноко играющая сама с собой на путях вечности.

ПОД ЗНАКОМ МОЛОТА

Скорь Белого Медведя была похожа на кровавое озеро, в которое погружается заходящее в середине зимы солнце, или на долгие и темные северные ночи.

Прошли годы, пока дух его вновь прояснился, и все это время

душу его окутывал мрак, и он грозным мстителем носился по стране. В степи свирепствовал ураган убийств и пожаров. Далеко окрест гремел Белый Медведь своей телегой, ставшею колесницей смерти. За ним летели на конях его быстрые, как молнии, сыновья, и след их устилали трупы Барсуков. Белый Медведь размахивал своим огромным каменным молотом, когда-то служившим ему мирным орудием при постройке корабля; молот не застревал в ране, как топор, разил с размаху и оставался в руках мстителя, а Белый Медведь продолжал мчаться, оставляя за собою трупы. Он опустошил страну на много миль вокруг, выкуривал Барсуков из зарослей огнем и истреблял их целыми толпами. Все, что могло дать им пристанище и защиту, обращал он в пепел; во все стороны, насколько хватал глаз, расстилалась спаленная степь.

Словно гнев зимы обрушился на землю, — не уцелело ни одного ростка; словно листья беспощадным осенним вихрем были развеяны, сметены Барсуки.

Но убийства и месть не могли долго служить целебным средством. Не утолял горе Белого Медведя вид предсмертных судорог, искажавших лица несчастных, которых он осуждал на смерть, но которые как будто и сами не ведали, в чем провинились. И с течением времени он понял, что Барсуки действовали в полном неведении, повинувшись голосу своей природы, и что больше всех виноват он сам, не принявший против них мер предосторожности. С ним случилось то же, что бывает с тем, кто освободит волка из капкана в лесу, — а зверь возьмет да и вцепится ему зубами в глотку! Барсуки были лесными дикарями, которые не умели думать и не способны были помнить. Разум не участвовал в их злодеянии; оно было вызвано минутной вспышкой непреодолимой жажды крови, и Барсуки уже позабыли эту вспышку, забыв вместе с тем и свою вину. Теперь они смотрели на Белого Медведя, как на зачинщика, который свирепствует тут уже целую вечность, истребляя их толпами. И их наполняло одно чувство — немая ненависть. Они даже не знали, что значит умереть, хотя и были изрядными трусами. И, осуждая их на смерть, Белый Медведь встречал в их взгляде одну только ненависть; заноса над их головами молот, он не видел в их глазах ни следа раскаяния или сожаления, как и в глазах зверей, и — раздроблял им черепа, как зверям. В конце концов, рука его перестала подниматься на них. Их было так много. И, наверное, они были правы.

Прибавилось и еще кое-что, оказавшееся сильнее Белого Медведя. Далеко на востоке наступил он, наконец, племя, похитившее двух его взрослых дочерей. В его глазах уже стояло красное зарево, в воздухе пахло мезью и кровью, но тут Белому Медведю довелось увидеть белоруких дочерей Весны и свою собственную плоть и кровь у своих ног: они молили пощадить тех разбойников,

которые обесчестили и похитили их! Белый Медведь заплакал и даровал им жизнь.

Он перестал мстить и вернулся домой. Целые месяцы проводил он в бездействии, в безмолвных жалобах, как лиственный лес осенью. Волосы его побелели. Но здравый смысл и страсть к строительству взяли свое. За это время он продумал все до конца и определил судьбу Барсуков и свою.

Весна с двумя детьми осталась в прежнем жилище Белого Медведя; он забросал его землю, и насыпал над ним высокий курган. Сам же он поселился южнее, в прибрежном лесу, где росли крупные строевые деревья. Тут он начал строить новый корабль, такой длинный и широкий, что любопытные Барсуки, которые опять стали робко подходить к жилью Белого Медведя, долго ломали себе головы — каким образом он заставит это судно двигаться по воде. На носу корабля Белый Медведь опять посадил драконью голову с разинутой пастью, которая как будто смеялась жутким безмолвным смехом.

Но когда корабль был готов и спущен на воду со своими пустующими скамьями, на которых должно было поместиться двадцатью гребцами больше, чем было всех сыновей у Белого Медведя, — он высадился с сыновьями на берег, захватил ровно двадцать Барсуков, сильных, молодых мужчин, и привел их связанными на судно. К каждой скамье прилажены были медные кольца, которые он и надел на ноги своих пленников. Они уж думали, что пришел их конец, но Белый Медведь накормил их и обошелся с ними так заботливо, что они потупили глаза. Затем он попросил их взять в руки весла и грести. Тут они поняли, каким образом собирался Белый Медведь двигать свое судно.

Потом, когда они начинали тосковать по родине и, сравнивая свою прежнюю собачью жизнь с теперешним беззаботным и прочным положением, горестно вздыхали о прошлом, отчего убывала их рабочая сила, — Белый Медведь ободрял их похвалами их физической силе и обещаниями скорого ужина. Они страшно гордились силой рук, развивавшейся от гребли, и на похвалы умильно скалили зубы; хороший же ужин стоил того, чтобы приналечь на весла лишний часок в день. Барсуки стали хорошими гребцами и ни в чем не знали нужды. Белый Медведь забрал с собою на корабль и нескольких Барсучих, чтобы сильнее привязать к судну свою команду и обеспечить себе ее прирост в будущем.

Белый Медведь перенес на свой новый и вместительный корабль все свое добро: свои телеги, лошадей, домашний скот, сено, зерно, шкуры, орудия, медь и оружие. На корме помещался очаг, где горел огонь, который Белый Медведь мог зажигать и тушить по своему желанию. Порядок на корабле установился такой: Белый Медведь стоял у большого весла на корме и правил, а плен-

ники гребли; на носу же помещались его сыновья, высматривая землю и не выпуская из рук оружия. Так пустились они в море.

И этот корабль, со всем, что на нем было, отдался на волю ветра, течений и обитавшей на нем живой силы; он сделался как бы живым островком, прообразом того расцвета способностей и умений, который вызывается волей и необходимостью и который распространился с Ледника на всю Европу, а затем, перебросившись через моря, стал тем, что впоследствии определило место белой расы в обществе.

В Стране Жизни остался лишь старший сын Белого Медведя — Волк. Он взял себе в жены одну из дочерей Барсуков, смуглую страстную деву степей, и пожелал разделить с нею судьбу, оставшись на ее родине. От них и от двух белых дочерей Белого Медведя, ставших женами туземных мужей, произошел большой народ, кочевавший по востоку и югу верхом и в телегах.

А Белый Медведь так долго плавал по морю под полярной звездой, что стосковался по Упланду, где прожил лучшие годы своей жизни в тоске по чужбине. Ему захотелось увидеть то место, где волновалась первая нива Весны, напоминавшая ее пышные волосы. И он нашел туда дорогу, направив корабль на огнедышащую гору; днем путь ему показывал стоящий над вершиной столб дыма, а ночью — зарево на небе.

В Упланде Белый Медведь и остался жить. Ледник совсем растаял, вода давно спала, и вся страна покрылась дерном и молодым лесом, одевшим мокрые песчаные холмы и скалы. Глубокие котловины, местами выдавленные Ледником в каменистой почве, были теперь до краев наполнены водой, такой чистой и прозрачной, что виден был лежащий на дне круглый отшлифованный камень, когда-то просверливший себе ложе, а теперь обросший мохом; маленькие водяные ужи с пятнистым брюшком чувствовали себя здесь как дома. Но даже среди жаркого лета порой ощущалось дыхание векового льда, все еще покоившегося под прикрытием слоя щебня в некоторых расщелинах северных скал.

Лес был полон всякого зверья; из чащи, с потасненных тропинок, по-прежнему глядели глаза, как будто животные жили здесь вечно. Сосны в полуденную жару исходили смолой и испускали запахи, напоминавшие о том времени, когда они были тропическими деревьями. Осина, береза и рябина, многозначительно кивая листьями, шептались о потерянной земле: *она как раз тут, под нами*, — говорили они, покачивая мудрыми головами. А в зарослях еще нежнее и слаще прежнего благоухала малина — безмолвный, но искренний и щедрый дар северного лета.

Пчелы с озабоченным жужжанием собирали мед с цветов, которые жили всего одно лето, впитывая щедрую душу земли — чернозем, смолотый Ледником из первобытной сердцевины гор и испытывший влажные капризы неба, мороз, дождь и солнечный

жар. Ветры небесные одели голые морщинистые камни лишаями и мохом; перелетные птицы заносили сюда семена разных трав и растений; сентябрьские вихри приносили пыльцу из-за моря, — Упланд облекся в новые зеленые одежды.

Из каждой щели суровых скал торчала свеженькая былинка или крохотный цветок с пряным запахом. И в каждой чашечке цветка, задыхаясь, барахталась мохнатым тельцем пчела, а когда она улетала, цветок кивал ей разок-другой, оправлял свою одежду и опять жмурился на солнце.

Белый Медведь сварил себе из меда питье, которое ударило ему в голову, и ему стало чудиться, что он подглядел любовную встречу солнца с наготою южного склона, пропитанного ароматом трав. Разомлевший от меда и жара нагретого солнцем каменистого ложа, смотрел он на пчелиный рой, заслонявший собою солнце и похожий на большой парящий в воздухе шар, который то расширялся, то сжимался, вздымая к небу огненную песнь, смотрел — и вновь обрел *потерянную землю* да еще целый мир впридачу. Наконец-то Белый Медведь вернулся домой!

Потекли годы. Он присматривался к лесам Упланда, — не найдется ли тут материала для кораблестроения. Пока деревья были еще совсем молоденькие и непригодны для дела, но лес вырастет, и тогда потомки Белого Медведя понастроят себе судов, целый флот кораблей! Молодые гладкие деревца уже колыхались и кивали верхушками, словно зная, что им предстоит сделаться кораблями и плыть на край света.

Белому Медведю пришлось по душе оседлая жизнь, и он велел вытащить свой корабль на сушу, перевернул его вверх днищем и устроил под его сводом обширный зал; это и была первая готическая постройка. И впоследствии потомки Белого Медведя, поселяясь в новых землях, превращали свои корабли в сводчатые залы, а сами странствовали под этими сводами — уже в ином, духовном смысле.

Белый Медведь съездил на остров, окруженный когда-то Ледником, и нашел там свой народ. Много потомков Младыша погибло во время великого весеннего наводнения, но оставшиеся в живых вели все ту же жизнь, как и до изгнания Белого Медведя. Теперь он возвратился на колесах с молотом и огнем, оставив на берегу свой корабль, и его родичи, которые еще помнили его, раскаялись в старой обиде.

Белый Медведь сместил потомков Гарма и повелел Ледовикам расселиться. Остров их давно перестал быть островом, весь мир был открыт им, но не находилось человека, который бы указал им, что границы лишь в них самих. Белый Медведь стал таким человеком.

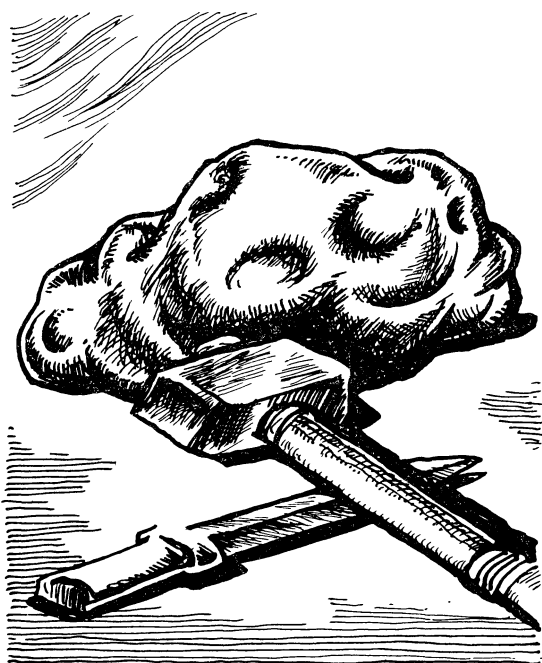
И чтобы они перестали тесниться вокруг могилы Всеотца, Белый Медведь своею властью объединил их около нового знака —

Огнеродящего Колеса. Эту святыню он утвердил в Упланде, прилежавшем одной стороной к морю, и положил начало большим жертвоприношениям в честь весеннего солнца, в огненном оке которого заповедал Ледовикам чтить древнего Одноглазого. Молодежь он посылал странствовать по морю, как сам странствовал когда-то; теперь же пора ему было осесть и упрочить царство, дух которого должен был наложить свой отпечаток на молодежь, чтобы она всегда помнила свою родину и вводила на чужбине обычаи Белого Человека.

И вот, Ледовики сомкнулись вокруг Белого Медведя под знаком Огненного Колеса и Молота. Многие из них после того, как и горные хребты освободились от льдов, перешли через них и создали Норвегию; другие вместе с Белым Медведем поселились на побережье и занялись земледелием. Впоследствии, молодежь превратила все европейские моря в свою родину, высаживалась в Англии, Дании, Германии, на побережьях Средиземного моря, расселяясь во все стороны, но крепко хранила свое единство.

Под старость Белый Медведь отдался наблюдениям за ходом небесных тел, уразумел годовой круговорот, сжился со звездами более, чем кто-либо до него, и, умирая, передал свое знание сыновьям. Они должны были хранить его втайне от всех, чтобы навсегда оставить за собою умение предсказывать положение солнца

в различные времена года и, согласно этому, давать народу советы.

Сам Белый Медведь, пока был в полной силе, не прибегал для упрочения своей власти ни к каким тайным и темным знаниям. Искусство добывать огонь, открытое им, стало общим достоянием; он не хотел, чтобы оно послужило орудием закрепощения людей. Но он сделал Огненное Колесо священным знаком в руках всех и каждого, как знак вечной благодарности людей земле и

солнцу и как символ плодородия. Влияние же свое Белый Медведь упрочил с помощью молота и своих сильных рук.

На досуге Белый Медведь составил описание своей жизни и высек его на вечные времена на одной из каменных плит скалистого плато. Ледник отшлифовал эту первую скрижаль. Описание заключалось в двух знаках: один должен был изображать корабль, а другой — колесо. Так зародились изобразительные искусства и литература.

Пока глаза не отказались служить, Белый Медведь продолжал работать и над деревом и над металлом, любовно придерживаясь каменных орудий, которыми владел так мастерски. Но в часы досуга он любознательно испытывал и медь и другие новые вещества, которые привозили ему в восточных сыновьях: все испытывал он на огне и примечал особенности каждого вещества. Как-то раз навестил его самый старший сын, Волк, и привез большую глыбу замечательного металла, которую положил прямо в руку старика, а было это еще раньше, чем медь вошла в общее употребление. Белый Медведь долго держал глыбу на вытянутой руке и внимательно рассматривал ее со всех сторон, взвешивал и ощупывал своими раскрытыми шрамами, корявыми пальцами. Металл отличался холодным синеватым блеском, напоминавшим лед, был очень тяжел и тверд настолько, что не поддавался каменному резу. Белый Медведь лизнул металл, и его горькозатый вкус на-

помнил ему солоноватую горечь моря; потом понюхал — пахло кровью. Тогда Белый Медведь впал в глубокое раздумье. Это было железо.

Из этой глыбы железа Белый Медведь и выковал себе новый молот, впервые изменив своему старому испытанному каменному оружию.

Сам Белый Медведь был еще так силен, что одним ударом этого железного молота мог уложить на месте лошадь перед жертвенным камнем, да так, что ни одной косточки не оставалось целой в ее черепе.

Но, умудренный старостью, он понял, что в народе навсегда останется потребность преклоняться перед его силой, — даже когда она перестанет существовать, — и это прозрение человеческого сердца еще раз задало работу его искусным рукам.

Белый Медведь почти все время проводил в своем зале, где всегда царила полутьма, и все привыкли видеть там его рослую фигуру, и относились к нему с подобающим Молотобойцу благоговением. Белый Медведь тем временем втихомолку вытесал столп по своему образу и подобию, дал ему в руки свой молот и поставил в темной глубине зала, где обыкновенно показывался народу сам. И, к его удовольствию, все входившие поклонялись этому изображению с тем же почтением, как и ему самому. Старик посмеивался в седую бороду, польщенный таким успехом дела рук своих и находя какую-то жестокую отраду в том, что так оправдалось его знание человеческого сердца.

Теперь он решил уйти на покой.

Он перестал показываться вне своего священного убежища, но продолжал мерещиться своим родичам в полумраке зала, с поднятым молотом в руках, и его старший сын, единственный посвященный, брызгал на него жертвенной кровью и передавал народу привет великого возницы и мореплавателя.

Белый Медведь, в котором было больше человеческого, чем в ком бы то ни было до и после него, был обожествлен северянами и получил почтительные прозвища: Громовника, Молотобойца, Вещего и место на небесах рядом с Древним Одноглазым. Но их кровь осталась в жилах их рода. От Младыша, который не гнулся под напором враждебных сил и от его потомков через Белого Медведя, который побеждал стихии, — произошли все короли и бонды Севера.

Коренные северяне достигли большого искусства в земледелии и мореходстве. Они вывозили для себя с востока рабов и жили с ними сотни лет. С течением времени покорители и покоренные слились и превратились в один народ, но между ними всегда лежала грань, хотя они и были одного происхождения, — грань, положенная Ледником, глубокая разница в их духовном развитии. Одни, идущие впереди, были навсегда связаны со своим прошлым;

другие жили весь свой век, удручаемые невозможностью догнать первых, которым им страшно хотелось подражать. От свободных мужей и пленников и от их смешанного потомства, среди которого попадались свободные душою работники в ярме и строгие господа с рабской душой, и произошло население Севера и тех стран, где северяне расселились и укрепились.

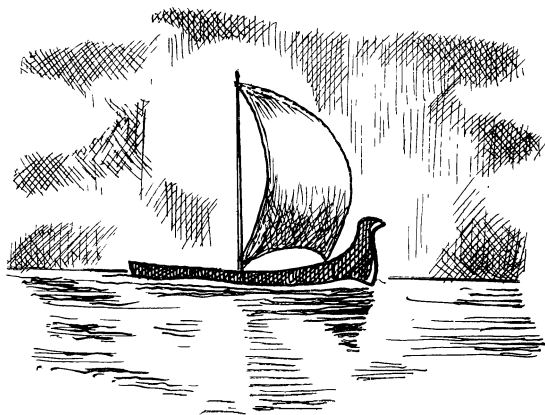
Белого Медведя, после того, как он закрепил место за своим преемником, потянуло к уединению. Однажды ночью он покинул свой зал, сел тайком от всех на корабль и пустил его по волнам. Он чувствовал бремя годов и радовался, что сложит свои кости в море. Корабль качался на волнах в морском просторе, а он сидел и смотрел на свои сложенные руки. Время перестало существовать для него.

Занялась заря; его друг — солнце — взошло на небо. Потом снова погрузилось в море огромным красным диском.

На ночное небо взошла луна с кроткими безжизненными чертами Весны.

На утреннем небе показалась маленькая умершая девочка и светила неярким светом, пока не угасла.

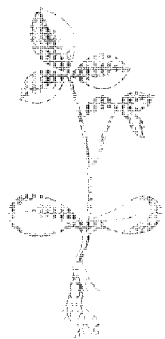
Тогда и он закрыл глаза навсегда.

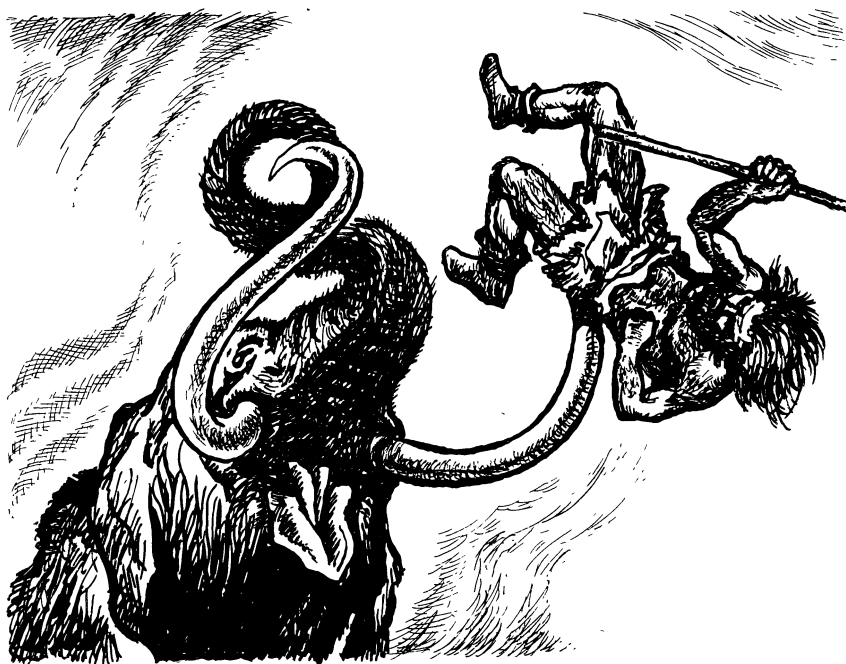
ЧАРЛЬЗ РОБЕРТС

Первобытный страх

Scan AAW

Пещерные люди начали пугаться своего счастья. Они уже подозрительно смотрели на необыкновенное изобилие, как будто посланное им чьей-то щедрой рукой. Уже несколько дней окрестности кишели дичью, с каждым днем увеличивавшейся в числе.

Дичь попадалась самая отборная. Тут были и олени, и антилопы различных пород, и маленькие дикие лошади, мясо которых считалось у пещерных людей самым лакомым. Они убивали без конца. Огонь для приготовления пищи горел ночь и день.

Люди пировали с большой жадностью, но по временам задумывались.

В продолжение последних двух дней все чаще и чаще стали встречаться большие свирепые звери, охотиться на которых было крайне опасно.

В зарослях, раскинувшихся вдоль южного подножья песчаных холмов, появились в большом количестве гигантские мохнатые носороги.

Эти подслеповатые животные вступили в жестокую борьбу с исконными владельцами равнин, чудовищными арсинотериями* с

* *Арсинотерий* — очень крупное млекопитающее с двумя мощными носовыми рогами, обитало в палеогеновый период в Северной Африке.

коническими рогами. По временам теплый южный ветер доносил до обитателей пещер рев и шум борьбы.

Но что тревожило пещерных людей значительно больше, чем близорукие и неуклюжие носороги, — это внезапное появление огромных красных медведей, черных львов, саблезубых тигров, скалящих свои неумолимые клыки, и гигантских черно-серых волков.

Детям уже не позволялось играть вне защиты пещерных костров, и ни одна женщина не осмеливалась пойти за водой к источнику без горящей головни в руке.

Однако, — что казалось всему племени недобрым предзнаменованием, — эти звери явно утратили свою прежнюю кровожадность.

Конечно, теперь они были сыты, так как их обычная добыча имелась в таком обилии, что достаточно было взмахнуть лапой, чтобы обеспечить себе обед. Но все они казались обеспокоенными и напуганными какой-то неведомой опасностью.

Вождь Боор и его правая рука и советник Гром стояли на вершине поросшего травой холма и озабоченно смотрели вниз, на залитую солнцем равнину.

Прежде нужно было напрягать зрение, чтобы увидеть кого-нибудь из обитателей бамбуковых и тростниковых зарослей. Теперь же равнина кишела дикими животными, как пастбище домашним скотом.

Кое-где происходили ожесточенные бои между глупыми носорогами и чудовищами с коническими рогами.

Но в общем, повсюду было нечто вроде перемирия: различные породы животных старались держаться как можно дальше друг от друга.

Далеко на равнине паслось стадо гигантских существ, невиданных до сих пор ни Боором, ни Громом.

Они были грязно-коричневого цвета, высоки и массивны, с гигантскими черными головами, без шеи, с огромными, хлопающими, как крылья, ушами и с необычайно длинными, загнутыми вверх, блестящими желтыми клыками, на изгибе которых мог поместиться целый бизон.

Удивленным наблюдателям на холме казалось, что из рыла каждого из этих чудовищ вытягивается огромная змея, качающаяся в воздухе и срывающая им в пищу верхушки деревьев.

Пещерные люди впервые видели мамонта, который еще не обласался в свою косматую шубу, выросшую на нем позже, когда он переселился в холодные субарктические равнины.

— Эти животные имеют, кажется, два хвоста, — заметил Боор, оправившись, наконец, от изумления; — маленький позади, на обычном месте, и спереди тоже очень большой хвост, которым

они действуют, как рукой. Они очень странны, и их много. Как ты думаешь, это они нагнали на нас всех зверей?

— Нет, — ответил, немного подумав, Гром, — посмотри! Они не обращают внимания на других зверей и только объедают деревья. Кажется, что и они чем-то встревожены. Я думаю, их тоже кто-то гонит сюда. Но какими страшными существами должны быть те, от кого они бегут!

— Если они придут сюда, они обратят в прах нас и наши костры, — пробормотал Боор.

— Должно быть, то люди, — вслух думал Гром, — люди могущественнее нас и настолько многочисленные, что все лесные жители — горсть по сравнению с ними.

— Прежде чем они придут, наши люди будут истоптаны ногами этих животных, — сказал Боор, опустив свою большую голову на грудь. — Куда нам бежать от таких врагов? Но мы зажжем большие костры перед пещерами и погибнем, сражаясь...

Гром, нахмурив брови, погрузился в глубокую задумчивость.

— Есть только один выход, — сказал он наконец. — Мы уже умеем ездить по воде. Надо построить плотов, на которых могло бы поместиться все наше племя. Когда будет невозможно защищать наши огни и пещеры, мы спустим в воду плоты и поплывем к тому дальнему синему берегу, куда враги не смогут последовать за нами.

— Волны и водяные чудовища пожрут нас, — заметил Боор.

— Некоторых, быть может, даже многих, — согласился Гром, — но большинство спасется и будет поддерживать огонь племени. Оставшись же здесь, мы все должны будем умереть.

— Хорошо, — проворчал Боор, поспешно спускаясь по склону холма, — мы настроим плотов, но надо торопиться.

На отлогом берегу, ниже пещер, закипела лихорадочная работа.

Мужчины племени таскали к самой воде стволы деревьев и связывали их вместе веревками из ползучих растений и шкур животных, удаляя ветки при помощи огня и острых камней. Женщины и хромой раб Укск со стариками, руки которых были слишком слабы для такой тяжелой работы, оставались перед пещерами под предводительством Аيي, жены Грома, недавно освобожденной из плена.

Их обязанностью было поддерживать огни целой вереницы костров, защищать детей от опасности и отгонять копьями и стрелами все ближе и ближе подступающих диких зверей.

Звери боялись огня и людей, прыгавших и кричавших среди

костров. Но, казалось, еще более они боялись чего-то неведомого за собой.

Однако трещащее пламя и острые копья и стрелы служили людям достаточной защитой, и пестрые толпы уstraшенных непрошенных гостей сворачивали на запад, к песчаным дюнам.

Обширное водное пространство в четыре-пять километров шириной было рукавом большой реки, протекавшей в северо-западном направлении. На берегу лежало множество деревьев, принесенных рекой из далеких джунглей, где они были вырваны с корнем сильным течением. Поэтому у пещерных людей не было недостатка в материале.

Стояло полнолуние того времени года, когда бывают самые длинные дни.

Люди работали с лихорадочной поспешностью в течение целой ночи.

К восходу солнца было настроено достаточно плотов, чтобы перевезти все племя, если продержится тихая погода. Однако Боор и Гром на всякий случай решили построить еще несколько плотов.

Но они не успели выполнить это предусмотрительное решение. Фигура бежавшей обнаженной девушки — ее одежда из леопардовой шкуры, зацепившись за скалу во время бега, осталась на земле — оказалась на склоне холма. Ее волосы развевались в воздухе. Далеко позади за ней следовала толпа детей и старух, несших младенцев и связки высушенного мяса.

— Еще рано! — сердито закричал Боор, делая им знак вернуться обратно.

— Среди них нет молодых женщин и стариков, которые могут сражаться, — сказал Гром. — Должно быть, Айя послала их, потому что наступило время. Подождем девушку, она, кажется, несет нам весть.

Едва дыша и держась рукою за грудь, девушка повалилась на землю у ног Боора.

— Айя говорит: «Иди скорее, — говорила она, едва переводя дыхание, — их очень много... Они переходят через огонь и топчут нас».

Гром с криком бросился вперед, но остановился и посмотрел на предводителя.

— Иди, — сказал Боор, — и приведи их сюда. Я останусь здесь смотреть за плотами.

Взяв с собой десяток самых сильных воинов, Гром помчался с ними вверх по склону холма, тревожась за судьбу Айи и детей.

Уже наступило около трех четвертей прилива — вода сильно прибывала.

Некоторые плоты из предосторожности были спущены в воду и держались на веревках из ползучих растений. Но большинство из них лежало там, где были постросны.

Когда подбежали старые женщины и дети, Боор рассадил их на спущенные плоты, назначив на каждый из них для управления по четыре воина, вооруженных грубо обтесанными длинными шестами.

Когда Гром и его маленький отряд, пробравшись через катившийся им навстречу поток дрожавших от страха беглецов, поднялись к пещерам, глазам их открылось странное зрелище.

Казалось, что все звери, населявшие южные страны, собрались вместе и устремились смешанным неудержимым потоком к северу.

Это было массовое бегство и притом в таком размере, что современный человек не мог бы представить себе этого даже во сне.

Пронзительные крики женщин, сражавшихся, как волчицы, защищая детей и свои дома-пещеры, хриплые восклицания слабых, но неустрашимых стариков, — все это смешивалось с неописуемыми разнообразными звуками — хрюканьем, мычаньем, рычаньем, бляньем...

Некоторые животные обезумели от ужаса, некоторые были крайне разъярены, и только немногие тщетно пытались выбраться из напиравшего на них сзади стада.

Все они стремились перебраться через огонь и достигнуть пещер, будто думая найти там убежище от неведомой опасности.

У крайнего правого конца оборонительной линии два самых дальних костра уже были почти затоптаны копытами обезумевших животных. Тут трое-четверо стариков с двумя молодыми женщинами сражались за барьером из убитых лосей и оленей, удерживая яростный натиск зверей. Два старика уже упали среди костров и были затоптаны копытами.

Третьего, прижатого к каменной стене у самой дальней пещеры, давил медведь, и казалось, будто этот зверь едва сознавал, что он делает.

Айя руководила битвой, стоя в центре оборонительной линии у самого входа в главную пещеру, пробраться к которой, казалось, было единственной целью напиравших животных. Рядом с нею сражался хромой Укск.

Здесь костры почти совсем потузли, не груды убитых зверей

образовали довольно сносную баррикаду, с вершины которой молодые женщины с пронзительными криками наносили животным удары копьями. Старики для сбережения сил сражались, прислонившись к этой кровавой горе.

Кое-где среди трупов убитых животных лежали тела женщин и стариков, пронзенных рогами быков и растоптанных копытами.

Когда Гром и его люди с громкими криками приблизились к сражавшимся, огромный мохнатый носорог прорвался через баррикаду, разбросав трупы зверей, смял двух ее защитников, очевидно, даже не заметив этого, и бросился через ближайший костер прямо в пещеру.

Вся его косматая шуба была охвачена пламенем. Дети и старухи, не успевшие убежать к берегу, закричали от ужаса. Обезумевшее чудовище металось внутри пещеры, не обращая внимания на людей.

— Все женщины к реке! — кричал Гром среди общего смятения, когда добежал со своими людьми до барьера. — Бегите на берег с детьми! Мы сдержим их, пока вы не добегите! Бегите! Бегите!

Женщины повиновались и, тяжело дыша от усталости, бежали с детьми. Только Айя угрюмо осталась около Грома.

— Иди! — грозно приказал Гром. — Ты нужна детям. Веди их к берегу.

Женщина мрачно повиновалась, видя, что он прав. Она жаждала сражаться еще, хотя ее усталые руки едва держали копьё.

Под напором свежих бойцов, вооруженных смертоносным оружием, первые ряды животных отпрянули назад, потоптав многих из задних рядов.

Но через несколько минут они возобновили натиск.

Гром обернулся к старикам:

— Теперь уходите и вы! — крикнул он.

Но они отказались.

— Мы останемся здесь! — закричал один из них, сверкнув глазами. — На плотках мало места.

Прежде чем Гром успел ответить, с южного конца плато слышался оглушительный трубный звук, превосходивший силой все голоса этого адского столпотворения.

При этом страшном звуке живая масса волной устремилось к барьеру на копыта и топоры его защитников.

Из-за деревьев показался целый лес хоботов и клыков, а за ними огромные черные головы.

— Двуххвостые идут на нас, — с ужасом закричал Гром.

У всех захватило дух, когда показались огромные фигуры этих чудовищ.

Гром оглянулся назад и увидел, что последние женщины и дети исчезают за склоном, идущим к берегу.

— Настало и для нас время уходить! — крикнул Гром, хватая хромого раба за руку, чтобы увлечь его за собой.

Но Уксск быстро вырвался.

— Я буду удерживать их, пока ты не уйдешь, — проворчал он, пронзая копьём сердце быка, прыгнувшего в этот момент на барьер.

Гром, видя, что пытаться спасти его бесполезно, пустился бежать с остатками своего отряда по тропинке, ведущей вниз, к реке.

Звери ревушим потоком перебрались через незащищаемый теперь барьер и огни. Течение их разделилось перед Уксском, одинокая фигура которого торчала, как скала среди шумного потока, и замкнулось позади него...

Потом, точно огромная волна прилива, возвышаясь над головами меньших животных, прокатились через плато трубящие мамонты. Гром оглянулся последний раз и мельком увидел Укска, бросившего окровавленное копьё в грудь черного чудовища, нависшего над ним, как гора.

Потом гора обрушилась на Уксака..

Гром поспешно побежал по тропинке вниз.

На плотях был настоящий ад. Десятка два женщин и детей на пути к ним были смяты мчавшимся вдоль берега обезумевшим бизоном.

Уже было спущено и нагружено больше половины всех плотов. Мужчины, издавая громкие крики, напрягали силы, торопясь столкнуть в воду остальные плоты. Женщины и дети толпились около них в ожидании посадки.

Когда Гром и его отряд, с головы до ног залитые кровью, достигли берега и бросили свое оружие на плоты, на краю обрыва показались толпы животных. Такие, как львы и медведи, начали осторожно спускаться вниз по тропинке. Другие, теснимые задними рядами, срывались вниз, разбиваясь о скалы, и докатывались до берега уже мертвыми.

Потом позади них, четко вырисовываясь на голубом небе, показалась группа гигантских черных мамонтов.

— Скорей, скорей! — гремел Боор, до того напрягаясь при спуске плотов, что на его лбу и шее вздулись толстые жилы. При помощи подошедшего со своим отрядом Грома, остальные плоты были спущены в воду.

Женщины и дети вскарабкались на них первыми. Мужчины последовали за ними вброд, немного отведя плоты от берега.

В этот момент вдоль берега пронеслось стадо буйволов с тремя огромными носорогами во главе.

Все они точно ослепли от страха и мчались вперед, не обращая внимания ни на людей на плотях, ни на других животных, спускающихся с откоса.

Следом за ними катилось второе стадо мамонтов. Их хоботы высоко поднимались в воздухе, красные пасти были широко открыты.

При виде этих страшных чудовищ, на одном из плотов закричал испуганный ребенок.

Предводитель стада, скосив свои маленькие злобные глазки на плоты, казалось, только теперь заметил их.

Продолжая идти вперед, он вытянул свой длинный хобот и, схватив Боора за талию, поднял его высоко в воздухе над трубящими рядами.

Яростный вой поднялся над плотами.

Айя, прежде чем Гром успел удержать ее за руку, схватила свой лук и пустила стрелу, которая глубоко вонзилась в хобот чудовища.

Бросив безжизненное тело под ноги стада, чудовище попыталось повернуть назад, чтобы отомстить за свою рану.

Но, не имея сил преодолеть катившийся на него сзади поток, оно вынуждено было продолжать свой путь.

Гром, который теперь был единственным предводителем племени, опасаясь нового нападения животных, дал знак выводить плоты на глубокую воду.

Вся ответственность теперь лежала только на его плечах, и ему было некогда оплакивать смерть Боора, погибшего так, как и подобало вождю.

Плоты быстро плыли вперед, и Гром надеялся достигнуть северного берега до наступления прилива. Понимая опасность прилива, он понукал гребцов работать скорее своими тяжелыми, неуклюжими шестами, и в это время размышлял о загадке.

Что гнало перед собой всех этих зверей и даже таких могучих, как мамонты? Какое имя носит этот страх?

Когда плоты были уже недалеко от спасительного берега, Грому вдруг все стало ясно. Крик удивления сорвался с его губ и эхом повторился в целом хоре восклицаний, раздававшихся с плотов.

Вверху, на холмах, где жили люди, и по всему побережью, откуда они только что бежали, кишели тучи огромных гиен, больших, чем самые большие лесные волки. Очевидно, они совершенно обезумели от гнавшего их голода.

Одни из них бежали, другие наталкивались на мертвых животных, тут же пожирали их, яростно сражаясь за добычу, третьи бросались на самих зверей и одолевали их своей численностью.

Здесь и там самки мамонтов, разъяренные потерей своих детенышей, и носороги, негодующие, что их преследуют такие «низкие» твари, носились в разных направлениях, топча их целыми сотнями. Но это не производило на них никакого впечатления.

Через несколько минут гигант, у которого ноги были обглоданы наполовину, упал на землю и скрылся под кишащей массой гиен, точно червяк в муравейнике...

Некоторые мамонты, более благоразумные, чем их товарищи, стояли по брюхо в воде и, хватая с берега своих врагов по одиночке, топтали их ногами, издавая при этом торжествующий рев.

Гром со вздохом облегчения отвернулся от этого страшного зрелища и, посмотрев на зеленеющий противоположный берег, с

радостью подумал о том, что весь этот ужас остался далеко позади...

Пещерные люди были теперь в полной безопасности и могли заново устраивать свою жизнь...

КРИСТОФЕР БРИСБЕН

Заветные перья

Scan AAW

Когда Ару, молодой охотник из племени «воронов», упал с высокой скалы и сломал себе ногу, стало ясно, что для него навсегда прошли дни охоты.

Нога вовремя была положена в лубки и крепко забинтована, однако она навсегда осталась кривой и немного укороченной. Поправившись, Ару мог ходить довольно твердо, но сильно прихрамывал. А что толку в хромом охотнике, когда нужно гнаться за оленем или преследовать по пятам дикого кабана! В таких делах требуется проворство и скорость — охотника ноги кормят.

Теперь же ему пришлось довольствоваться охотой на птиц, ловлей рыбы или долгим, утомительным сиденьем в засаде, надеясь, что дичь покрупнее придет к нему сама.

Будь Ару старше и имей подросших детей, — положение его было бы не столь печальным. Но он был молод, жены у него не было, да и откуда у хромого охотника наберется добра, чтобы хватило купить себе жену.

А тут, как нарочно, ему очень приглянулась одна девушка, дочь Има, предводителя их племени. Звали ее Моэ. Из-за нее-то все и произошло.

У «воронов» был обычай делать себе плащи из птичьих перьев и украшать такими же перьями волосы. Самым большим сокро-

вищем их вождя и знаком его власти было украшение из перьев с головы речной цапли. Эти перья появлялись у нее только в период свивания гнезд. Много поколений «воронов» украшало себя перьями, поэтому птица стала теперь очень редкой и чрезвычайно осторожной. Остатки этой породы вили свои гнезда на высоких деревьях, растущих на вершинах прибрежных скал.

Старый убор вождя имел довольно потрепанный вид, и когда Ару сгоряча предложил вождю в обмен за дочь добыть новых перьев, тот охотно согласился. Моэ тоже обрадовалась, но вида не подала.

Ару, размышляя над своей горькой долей, заканчивал работы над стрелами для птиц. Он не получил отказа из-за своей хромоты. Им, отец Моэ, терпеливо ждал нового украшения, но Ару казалось, что над ним смеются.

Сумерки быстро надвигались. Вдали, на фоне вечернего неба Ару видел погубившую его скалу; над ней кружились две цапли. Огни у хижин и у входа за частокол, окружавший деревню, ярко вспыхивали, когда в них подбрасывали новые охапки топлива. В прибрежных скалах слышалось пение возвращавшихся охотников. Женщины спешили им навстречу. Моэ отделилась от них и направилась в сторону Ару.

— Бонни хочет жениться на мне, — шепотом сказала она Ару, опустив голову. — Отец велел ему принести перьев, каких обещал ты, — продолжала девушка. — Бонни предлагал много-много шкур.

Ару облегченно вздохнул — еще не все потеряно. Время вывода птенцов у цапель уже проходило, заветные перья на их головах все более пачкались и терялись.

— Я достану перья раньше Бонни, — проворчал он.

«У Бонни уже есть две жены. Хотя он и великий охотник, — думала Моэ, — но все же лучше быть единственной хозяйкой в хижине Ару и питаться одной рыбой, чем делить жареное мясо с двумя женами Бонни».

Моэ верила в ловкость Ару больше его самого.

Ару не мог себе представить, как он добудет перья. Проклятый Им!

Проходили дни, недели, а дело Ару не сдвинулось ни на шаг. Однажды, желая пополнить запасы своей кладовой, Ару забрался в свой ветхий челн и поплыл вниз по реке, разлившейся от весенних дождей.

Осторожно гребя против течения между берегами, почти скрытыми под водой, Ару направил свой челнок к западям, поставленным им накануне. Они были устроены на манер корзин для ловли омаров, в которые легко попасть, но невозможно выбраться.

Найдя в них трех жирных кричающих уток, Ару удовлетворенно заворчал. Он вытащил уток, свернул им шеи, потом поймал пару лягушек и за лапки подвесил их на мочаяках в опустевших ловушках — для приманки новой добычи.

Покончив с лягушками, Ару принялся ловить рыбу себе на завтрак. Много ловить ее не имело смысла: «вороны» не очень уважали такую пищу. Еще недавно рыбу считали ядовитой, и только в одну суровую зиму, когда охота была скудной, голод заставил «воронов» попробовать рыбы.

Страдая от унижения, Ару, расположившись на сухой отмели, жарил себе завтрак; унижение, однако, нисколько не повлияло на его аппетит. Он жадно набросился на пищу и съел все до последней рыбешки.

В вышине показались две темные точки. Через некоторое время Ару мог рассмотреть их, — то была пара дерущихся цапель. Вскоре меньшая, очевидно, признав себя побежденной, отказалась от дальнейшей борьбы и, медленно махая крыльями, полетела в сторону устья реки.

Куда полетела эта птица?

Кое-какие их привычки Ару знал. Рыбу они ловят в одиночку, но по вечерам любят собираться в каком-нибудь укромном местечке.

Не там ли, в низовьях реки, такое место?

Если так, то, пожалуй, можно бы...

Но спустаться вниз по реке было делом весьма рискованным. Недалеко от ее устья жило сильное, враждебное «воронам», племя. Ни один из попавших к ним «воронов» не вернулся домой.

Чуть дальше вражеской территории река впадала в море, знакомое нынешним «воронам» только по страшным легендам.

Кто отправится туда на лодке, того постигнут ужасные муки. Из глубин моря поднимутся страшные чудовища и пожрут смельчака, а волны выбросят на берег его обглоданные кости. По ночам из моря выходят на поиски добычи жуткие существа — людоеды с длинными руками, покрытыми тиной.

Так рассказывали старые охотники в долгие зимние вечера под завыванье ветра и треск поленьев в очаге, и эти рассказы отбивали всякую охоту пуститься в неведомое плавание, даже если бы речной путь был совершенно безопасен от соседнего враждебного племени.

Только мечтами о Моэ можно объяснить охвативший Ару прилив храбрости. Он торжественно объявил о своем намерении отправиться к устью реки на поиски редких птиц.

Им, несмотря на сильное желание щеголять в новом головном уборе, пытался отговорить Ару.

— У цапель уже нет перьев на голове, — говорил он, — там тебя сожрут водяные чудовища, если раньше не убьют враги. Зачем быть безумным?

— Я только посмотрю, есть ли там цапли. Если есть, — на будущую весну у тебя будут новые перья.

— Да будет тебе удача! Если сможешь, убей пару из тех свиней. Они уже задолжали нам несколько жизней.

— Хорошо, — коротко сказал Ару и отправился готовиться к отъезду. Нужно запастись жареным мясом: на территории врага опасно будет зажигать огонь.

Дня два у него ушло на приготовление пищи из утиного мяса, слегка поджаренного, растертого в тесто и высушенного в глиняных мисках.

«Вороны» издавна были хорошими горшечниками. Пришли они в эти края с северо-запада, лет сто тому назад, когда тесные кочевниками, вынуждены были искать новые места для поселения. Им повезло — неподалеку от деревни они обнаружили красную глину.

В то время, когда их соседи не подозревали, что эта красная глина годится на что-нибудь другое, кроме раскрашивания лица, «вороны» превращали ее в великолепные, не боящиеся огня, горшки и миски, украшенные причудливыми узорами.

Большинство мужчин было в лесу на охоте, но все женщины собрались у берега проводить Ару. Они уже считали его мертвым. Моэ жалобно завывала. Ару не обнаруживал никакого волнения.

Будучи человеком практичным, он рассчитал время так, чтобы достигнуть вражеской территории как раз на закате солнца, когда все враги уже вернутся в деревню.

Он долго плыл — сначала по реке, потом болотом, потом быстрой речкой, протекавшей в небольшом ущелье. Через два-три поворота речка стала расширяться, и скоро снова открылась большая река. Вдали виднелось море.

Теперь Ару находился в сердце вражеских владений. Он тихо греб, стараясь не плескать веслом и держась в тени западного берега, и настораживался при малейшем звуке. Конечно, вряд ли кто-нибудь из врагов оставался далеко от дома в столь позднее время: темный лес, населенный хищниками, — неподходящее место для ночных прогулок.

Тем не менее, до темноты Ару не решался плыть по середине реки. А когда взошла луна, пришлось укрыться в прибрежном тростнике. Тут он и решил провести весь следующий день.

На расстоянии одной мили вниз по реке виднелся дым костров вражеской деревни.

Вдруг лодка с двумя людьми прошла вблизи его укрытия.

Но Ару не удостоил ее вниманием; он не сводил глаз с цапли, спокойно сидевшей у самого берега.

Она даже не шевельнулась, когда волны от проплывшего мимо челнока заплескались у самых ее ног.

Цапля из злополучного гнезда, находящегося вблизи деревни «воронов», давно бы отлетела на безопасное расстояние. Ару сделал приятный вывод: этих птиц не убивают в здешних местностях, и, если бы знать, где они собираются по вечерам, — сколько перьев можно было добыть!

Между тем цапля поднялась в воздух и, тяжело махая крыльями, полетела по направлению к вражеской деревне, возле которой, описав круг, спустилась в кучу низких деревьев, растущих на высоком берегу.

Ару разочарованно вздохнул: цапли собирались у самой деревни.

Но он вспомнил Моэ, и отвага вместе с надеждой вернулись к нему. Поблизости могут быть и другие гнезда цапель. Кроме того, дальше, на берегу моря он надеялся найти еще более редкостные вещи.

Наступала ночь.

Ближе к деревне река расширялась, и Ару удалось незаметно проскользнуть мимо опасного места.

Челнок быстро плыл по течению, которому помогал наступивший отлив.

Эта необычная скорость движения весьма встревожила Ару. В верхнем течении реки и приливы, и отливы незаметны; ему показалось, что его челнок тянет от берега какое-то неведомое враждебное существо. Он начал яростно грести к берегу.

Оставив свой челнок в прибрежных тростниковых зарослях, он взлез на скалу и начал осматривать окрестности, залитые лунным светом.

Утешительного было мало. Он пристал у мыска, образующего небольшую бухту. Со всех сторон нависли высокие скалы. Единственная тропа вела к вражеской деревне.

Внезапно подымавшаяся стая чаек испугала его до полусмерти, но он быстро успокоился, убедившись, что это птицы, а не злые духи. Эта ошибка вернула ему храбрость. Он преодолел уже столько опасностей и до сих пор жив. Вероятно, все эти страшные рассказы — ложь, если он, Ару, сын Ниама, мог...

Но что это такое?

Из вод слышались звуки, похожие на собачий лай.

Волосы Ару зашевелились на голове.

Снова слышался лай, сопровождаемый плеском. Какое-то существо выбралось из воды и направилось прямо к нему.

Ару быстро вынул стрелу из своего колчана и положил ее на лук, готовый, если придется умереть, то умереть, по крайней мере, сражаясь.

Он ничего не видел, так как над водой расстился легкий туман; это еще более усилило страх.

Необычайные звуки слышались все ближе, и, наконец, из тумана появилось громадное чудовище, медленно ползущее по отмели.

Теперь Ару ясно видел огромную мокрую морду с бакенбардами, белые блестящие клыки и маленькие глазки, взгляд которых показался ему довольно злобным.

Ару завыл, пустил стрелу в чудовище и бросился бежать без оглядки. Скалы преграждали ему путь, но ничто не могло остановить его бегства; только забравшись метров на шесть вверх, он решил оглянуться на своего преследователя. Позади никого не было.

Испуганная не меньше, чем Ару, морская корова была уже далеко от этого места.

Но Ару не знал этого.

Стелящийся туман скрывал от него берег, ему казалось, что он слышит скрип зубов чудовища, которое подстерегало его внизу.

Дальше бежать было некуда, но рассвет был уже близко.

Когда взошло солнце, и лучи его рассеяли туман, страх прошел, и Ару хотел было спуститься вниз, но вдруг заметил какую-то фигуру, идущую вдоль берега по направлению к нему.

Спрятаться было поздно, но если его заметят сразу — он погиб. Он распластался на скале и стал ждать, пока враг подойдет достаточно близко, что можно будет отрезать ему отступление.

Человек постепенно приближался, и вдруг наткнулся на лодку Ару. Послышался удивленный возглас.

Ару бесшумно соскользнул вниз и, подняв топор, стремительно бросился на врага.

Тот испуганно обернулся и жалобно закричал.

Топор Ару застыл в воздухе, — перед ним стояла старая женщина.

Не жалость остановила Ару: он относился безразлично к возрасту и полу своего врага. Но на одной из морщинистых щек старухи он увидел изображение двух крыльев и клюва ворона — знак их племени. Старая женщина не была ему чужой.

Однако нельзя было терять времени. Он быстро схватил старуху за руку и крепко сжал ее.

— Если будешь кричать, я убью тебя! — свирепо прорычал он.

Старуха, дрожавшая от ужаса, откинула назад седые космы, нависшие над ее глазами, и внимательно оглядела Ару.

— «Ворон»? — хрипло сказала она.

— Да, я Ару, из племени «воронов». А ты кто?

Слезы ручьями полились из глаз старухи.

— Аи, аи! — захныкала она. — Ох, где те счастливые дни, когда я была молода и ела вареное из красных горшков?

Она указала на горшки и миски с провизией, стоявшие в лодке Ару.

— Давно, давно я их не видела. Эти пожиратели раковин не знают таких вещей. С тех пор, как они поймали меня у реки, я не видела никакой посуды. Дай мне один горшок, «ворон»!

Ару выпустил руку старухи и с удивлением смотрел на нее. Ему было непонятно ее страстное желание обладать такою обыкновенною вещью.

— Они поймали тебя у реки? — переспросил он.

— Да, очень давно. Потом я дала им сыновей — высоких,

выше тебя, но они глупые. Они не умеют делать горшков и едят только жареное на вертеле. А я уже старая, — у меня нет зубов.

Она открыла рот и показала три темных клыка.

— Мне хочется мясной пищи. Дай, дай мне, «ворон», хоть маленький горшок!

Он протянул было пустой горшок, но остановился. Если здесь не делают таких вещей, они должны иметь цену. Расчет взял верх над щедростью.

— А что ты мне дашь за него? — спросил он.

Старуха опустила жадно протянутую руку.

— У меня ничего нет, — начала она, но, вспомнив про свою корзинку, указала на нее. — Там есть один рак, я только что поймала его. Он вкусен, если его поджарить на углях.

Старуха подняла крышку плетенки. Большой краб угрожающе высунул свои клешни. Ару с отвращением отшатнулся.

— Фу! Оставь его себе.

— Он вкусный! — повторяла старуха, захлопывая корзинку. — Больше у меня ничего нет. Дай мне один горшок за то, что я женщина твоего племени.

Ару вдруг осенило.

— Я дам тебе два, — сказал он, — но подожди. Ты из «воронов», — помнишь, что вождь надевал на голову после хорошей охоты, когда все мужчины пели, сидя вокруг огня?

— Вождь был Усту, — пробормотала старуха, — он был стар... Он умер... Что было у него на голове? Перья! — вспомнила старуха. — Аи! То были хорошие дни... Перья длинноногой цапли, когда они в паре. Здесь их много около наших хижин.

— Слушай, — сказал Ару, — я дам тебе два горшка теперь. А когда у цапель будут перья, добудь их и принеси туда, где река течет между высокими камнями. За каждое перо я дам тебе по горшку. Понимаешь?

— Да, — дрожащим голосом сказала старуха, — я найду для тебя перья, но я стара, те скалы далеко, — я не дойду, до них. Если ты дашь что-нибудь моему сыну, он принесет перья.

— Я дам ему топор, — пообещал Ару. — Пусть он каркнет вороном и держит перья в руке, чтобы я мог узнать его. Со второго дня после того, как цапли начнут вить гнезда, я буду ждать его каждый день на закате.

— Перья будут. Он добрый сын, и топор — хорошая цена. Возьми себе эту корзинку. Теперь спрячься и тихо лежи до ночи; когда вода пойдет назад, садись в лодку и плыви домой. Аи! Теперь опять настанут хорошие дни. За каждое перо горшок! Да! Лежи тихо!

Бормоча и прижимая к груди драгоценный горшок, старуха удалилась, оставив Ару с надеждой и крабом в корзине.

Он развлекался этим невиданным им доселе существом до самых сумерек, дразня его палочкой и временами опуская в воду освежиться.

Краб играл важную роль в истории, которую Ару сплетал в своей голове для удовлетворения любопытства соплеменников. Нужно будет рассказывать им о своем путешествии, но нельзя говорить, как все было на самом деле.

Под покровом ночи Ару пустился в обратный путь, обдумывая подробности будущего рассказа. Он не был особенно изобретательным, но все происшедшее позволяло подарить «воронам» интересный рассказ.

Прилив помог ему быстро пройти опасное место у вражеской деревни, и к вечеру следующего дня он благополучно достиг родных болот.

Его встретили, как вернувшегося из мира умерших.

Он ничего не говорил, пока не поел.

Потом сел на корточки рядом с Имом, под навесом, посредине деревни, где собрались старики и остальные «вороны».

— Все, что говорили нам наши отцы о большой воде, лежащей за деревней пожирателей раковин, — говорил он, — все это правда. Едва я попал в это жуткое место, как меня встретили водяные чудовища и тащили мою лодку от берега. Я сильно бил их веслом и еле выбрался на берег живым.

Когда я вытащил свою лодку на берег, из воды вышли чудовища, чтобы сожрать меня. Они были черные, с волосами на лице и с глазами, горящими как огонь; их зубы длиннее моей руки; лают они как собаки. Они лаяли и пробовали достать меня своими длинными красными языками. Я дрался с ними. Их кровь похожа на густую воду и не оставляет пятен. Они так страшны, что я, смелый Ару, бежал от них и влез на высокий камень, куда они могли влезать только по одному. Я пускал в них стрелы и поразил их вождя в глаз. Тогда чудовища отступили, унося его с собой. Там, где он упал, осталась кровь. Я собрал ее в горшок. Вот она! Смотрите все!

Среди всеобщего почтительного молчания Ару показал полуразложившиеся остатки медузы и продолжал рассказ о своих необыкновенных приключениях.

— Когда чудовища ушли, прилетели птицы с острыми зубастыми клювами. Вместо перьев у них длинные волосы, похожие на вареный тростник. Они сели на камни, и камни начали шевелиться, как пауки, и вытягивать клешни. Чтобы вы видели, что

я говорю правду, я взял с собой один из таких камней. Он маленький, но его мать очень велика. Она чуть не убила меня. Смотрите и не бойтесь! Он почти мертв.

С этими словами Ару торжественно выпустил несчастного краба на землю. «Вороны» никогда не видели такого страшного существа. Несмотря на жизнь у реки, они никогда не видели даже речного рака. Краб произвел на них сильное впечатление. Ару торжествовал.

Он заигрывал с крабом, шутя протягивал ему палец и, в конце концов, убил его, проколов ему панцирь на брюшке. Потом, сложив ноги и клешни под краба, торжественно указал на него.

— Так они лежат, — говорил он, — и многие из них больше хижины. Вокруг скал, где живут цапли, попадаются даже такие большие, как две хижины вместе. Но, когда настанет весна, я, смелый, хотя и хромой Ару, пойду на это место и принесу перьев для вождя. Я это сказал.

В последующие дни Ару прибавлял все новые и новые подробности, касающиеся чудовищ устья реки. На обратном пути они преследовали его до самых пределов владений «воронов» и, наверное, они засели там в засаду, где и ждут его до сих пор.

За зиму эти рассказы так настроили воображение «воронов», что с наступлением весны никто из них не решался спускаться далеко вниз по реке.

Наконец, когда через реку стало видно, что цапли начали вить гнезда, Ару покинул деревню.

Вместе с большим запасом посуды он приютился в небольшой пещере, недалеко от речки, протекавшей в ущелье. Каждый вечер он приплывал в условленное место и там до хрипоты каркал вороном. Так прошла целая неделя.

На восьмой день он услышал ответное карканье, и из камыша выплыл челнок с человеком, державшим что-то белое над головой.

Оба, держась на безопасном расстоянии друг от друга, пристали к берегу. Каждый из них был без оружия. Обещанный топор был положен на полпути между причаленными к берегу лодками.

Его противник подошел и положил перья рядом с топором.

Ару, прихрамывая, медленно таскал горшки. Перенося последнюю пару, он споткнулся и чуть было не упал.

По всей вероятности, противник до конца намеревался сохранить перемирие, но искушение было слишком велико.

Быстро прыгнув вперед, он одной рукой схватил Ару, другой — топор.

Но Ару был предусмотрителен; в одно мгновение в его руке

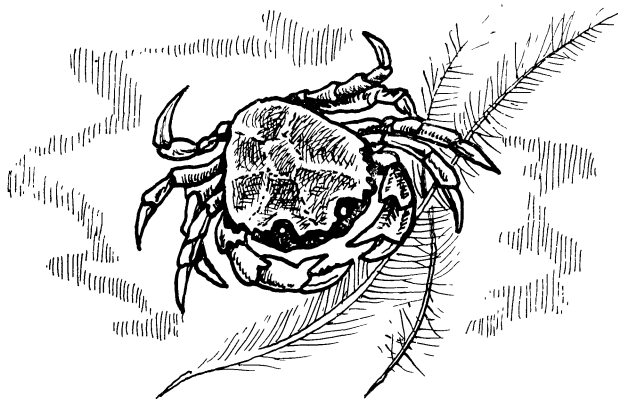
оказался кремневый нож, спрятанный в волосах на случай измены, и через минуту вероломный враг неподвижно лежал на земле.

Затем, верный данному слову, Ару нагрузил лодку врага горшками, сверху положил его обезглавленный труп и, пустив все это по течению, вернулся в свою деревню.

В эту ночь никто из «воронов» не спал. Ярко горели костры. Мужчины под удары в ладоши плясали до тех пор, пока не падали в изнеможении вокруг столба, на котором висел ужасный трофей — голова врага.

Тогда поднялся Им. На голове его красовался новый убор из белых перьев цапли. Счастливый и гордый, он взял Моэ за руку и толкнул ее к Ару.

— Возьми ее, — сказал он, — ты храбрый человек! Ты не только достал мне обещанные перья, ты принес голову проклятого пожирателя раковин, которую они нам должны уже много лет. Ты — самый храбрый человек на свете!..

СОДЕРЖАНИЕ

А. Конан Дойль
ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Пер. Н. Волжиной
5

К. Глоух
ЗАКОЛДОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Пер. А. Иванова
199

И. Иенсен
ЛЕДНИК

Пер. А. Ганзен
363

Ч. Робертс
ПЕРВОБЫТНЫЙ СТРАХ

Пер. М. Фарбера
499

К. Брисбен
ЗАВЕТНЫЕ ПЕРЬЯ

Пер. М. Фарбера
511

Литературно-художественное издание

ЗАТЕРЯННАЯ ЗЕМЛЯ

Сборник

Редактор **Г. Щеглов**
Художник **В. Ан**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Земкова**

Подписано к печати 15.01.95. Формат 60x90/16. Бумага типографская №2.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ.л 33,0. Уч.-изд.л. 38,3.
Тираж 23 000 экз. Заказ № 2125

НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37
Лицензия ЛР № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

Фирма "РАРИТЕТ"
представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "ПАРАЛЛЕЛЬ"

Серия "На заре времен"

"Бронзовый топор"
"В дубрах времени"
"Затерянная земля"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:

603001, г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет". Тел. (8312) 33-80-16

Фирма "РАРИТЕТ"

представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "ПАРАЛЛЕЛЬ"

Серия "Мир фантастики"

Ф. Браун "Персона графа"
У. Тенн "Огненная вода"
Д. Блиш "Дочь титанов"
Д. Блиш "Летающие города"

Издательство "НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА"

Серия "Сфинкс"

Э. Церен "Библейские холмы"
К. Керам "Первый американец"
М. Стингл "Тайны индейских пирамид"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:
603001, г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет". Тел. (8312) 33-80-16

Фирма "РАРИТЕТ"

представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА"

А. Зюзин "Ремонт швейных машин"
Д. Арсенин "Александр Пушкину..." (миниальбом)

Издательство "НИЖКНИГА"

Собрание сочинений В. Крапивина

"В ночь большого прилива"
"Мушкетер и фея"
"Тень Каравеллы"

"Острова и капитаны"
"Звезды под дождем"
"Лето кончится не скоро"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:
603001, г. Нижний Новгород, ул Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет". Тел. (8312) 33-80-16

